Трагедия на Немиге

ФАКТЫ
СВИДЕТЕЛЬСТВА
КОММЕНТАРИИ

МИНСК
30 мая 1999 года

Белицкая Ксения
Бел
Бибил Мар а
Бобри ва
Бречк Анн
Бурец ндр
Вишне
Водопьянова
Гаганова Ольг
Говен Владим
Жевжик Ольга
Жолобова Юли
Зеленкевич
Зуевская Мари
Инькова Мари
Карпеко Жанна
Кашицкая
Кислов Васили
Коваленок Але
Колковская
Конашенок Мар
Корзун Дмитри
Корнеенкова
Кострицкий Ал
Кулак Андрей
Лобан Светлан
Мельникова Ал
Мороз Татьян
Мядель Павел
Насонова Елен
Никитенко
Новаковская А
Орел Ольга
Пальвинская
Плакса Ольга
Поджарая
Рак Елена
Романовская
Русакович
Рябоконь Ген
Савко Анастас
Саладкевич
Тимошкова Оль
Ткачева Елен
Филиппова
Хитрун Лили
Чикунов Серге
Шайко Алексан
Шевелева Ири
Шилова Анна
Шкурдзе Людм

ТРАГЕДИЯ НА НЕМИГЕ

Татьяна Ревяко
Полина Степаненко

ТРАГЕДИЯ *на* НЕМИГЕ

*ФАКТЫ
СВИДЕТЕЛЬСТВА
КОММЕНТАРИИ*

МИНСК
30 мая 1999 года

Минск — Вильнюс
GTD
2000

УДК 882.6-94Р98
УДК 947.6-25
УДК 364.2 (476-25)
ББК 63.3 (4БЕИ)
ББК 65.272

Подготовка текстов:
П. В. Степаненко, Т. И. Ревяко, К. И. Тарасов,
Т. В. Снитко, А. М. Юревич,
при участии *Г. В. Филончика*
Редактор *Н. С. Гиль*

В книге использованы снимки проекта «Фотосервис» Белорусского представительства Совета по международным исследованиям и обменам (IREX), а также фотографии семейных архивов.

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения авторов проекта. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Трагедия на Немиге. / Авт. лит. проекта П. В. Степаненко, Т. И. Ревяко. — Влн.: GUDU RAŠTIJOS DRAUGIJA, 2000. — 608 с.
ISBN 9955-437-03-0

Эта документальная книга — своеобразный памятник погибшим и напоминание живым. В книге собраны свидетельства пострадавших 30 мая 1999 года в подземном переходе на станции метро «Немига» в Минске, а также воспоминания близких родственников и друзей о всех 53 погибших.

Книга подготовлена Правозащитным центром «Весна» при помощи Центра социальной защиты «Немига-99».

УДК 882.6-94Р98
УДК 947.6-25
УДК 364.2 (476-25)
ББК 63.3 (4БЕИ)
ББК 65.272

ISBN 9955-437-03-0

© Авторы литературного проекта:
П. В. Степаненко, Т. И. Ревяко
© **Художник Адам Глобус**

К ЧИТАТЕЛЯМ ЭТОЙ КНИГИ

Вы держите в руках не обычную книгу. Она написана не пером, а — человеческой бедою, горем и слезами отцов и матерей. Этот сборник свидетельств и воспоминаний — своеобразный памятник погибшим и напоминание живым. Напоминание о том, о чем люди не хотят думать только потому, что это не касается их лично. Поэтому и приходится напоминать об очевидном, о том, чего нельзя забывать, упускать из виду. Ведь в тот роковой вечер в переходе станции метро «Немига» могли оказаться и мы с вами. Для этого вовсе не обязательно было идти на «праздник», организованный по разрешению городских властей на проспекте Машерова. Мы могли возвращаться из церкви, идти в гости к друзьям или спешить домой...

Трагедия на «Немиге» — это предупреждение всем. Стих из Евангелия от Луки (13:4-5) ярко подчеркивает это: «Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все та́к же погибнете». Гибель 53-х человек — это, если хотите, предопределенная случайность. Ее можно было предвидеть. Она назревала. Оглянемся назад. Большинство крупных праздников и различных мероприятий, проводимых в нашем государстве, не проходят без распития большого количества спиртных напитков. А, как известно, участниками таких мероприятий в основном являются молодые люди, часто даже не достигшие совершеннолетия.

Уже прошло достаточно времени после трагедии на Немиге, но многие вопросы так и остались открытыми. Среди них и такой: как сохранить память о погибших?

И даже: стоит ли это делать? Есть люди (и их не так уж мало), которые считают, что нет смысла помнить и имена жертв. Так, в беседе с журналисткой Натальей Радиной («Навіны», 10.08.1999 г.) главный архитектор г. Минска Александр Чадович сказал: «Почему чужие люди должны помнить эти имена? Это очень личное. (...) Что произошло здесь? Дикий печальный случай. Его надо забыть побыстрее и прежде всего родственникам. (...) Если мы установим доску с именами, что они скажут незнакомым людям? Саша, Ольга, Леночка...».

Действительно, о чем могут сказать имена очень молодых людей, жизнь которых оборвалась 30 мая? Ведь они почти ничего не успели сделать в жизни, многие даже не окончили школу. Почему мы должны помнить о них?

Об этом хорошо сказал Георгий Васильевич Филончик, внучка которого, Марина Бибило, погибла 30 мая на Немиге. Марина училась на механико-математическом факультете БГУ. Теперь она похоронена на Московском кладбище.

С Георгием Васильевичем мы говорили у здания суда Московского района, после вынесения решения о приостановке дела по иску родителей, дети которых погибли 30 мая. Георгий Васильевич сказал: «Эти дети, которые погибли, были беззащитными при жизни и остались такими после смерти. Ведь вы посмотрите, для чего человек рождается? Я не знаю: есть загробный мир или нет загробного мира, оживем мы там или не оживем... Но чисто с материалистической точки зрения так: человек живет какой-то определенный этап, чтобы оставить свой след. Он оставляет свой след, чтобы усовершенствовать мир. У каждого есть свое предназначение. У каждого было свое что-то, и он на своем отрезке что-то сделал, оставил. Одних мы помним — тех, кто больше оставил, других мы забываем. Но вот эти дети, которые погибли, — ведь они ничего не оставили. А ведь они могли оставить. Я посмотрел: из 53-х — половина медалистов. Это были талантливые люди, люди XXI века, но они еще

не успели себя показать. Это одно. А во-вторых, когда умирает дед, то его память есть кому хранить, у него остаются дети, остаются внуки. Но когда умирает внучка, не оставляя детей, все прерывается. Потом умирает дед, родители и — вся память замыкается...».

Саша, Алевтина, Леночка, Маша, Настя... Сегодня они могли быть рядом со своими друзьями, для которых начался новый учебный год. Но они погибли, им не стать «людьми XXI века».

Именно поэтому нам предлагают побыстрее забыть их имена. Но это несправедливо. Много усилий для сохранения памяти погибших приложил скульптор Михаил Иньков, дочь которого, 15-летняя Маша, погибла на Немиге. Михаил Иньков установил крест на Кальварийском кладбище — общий для всех шести человек, похороненных там. Возвращаясь 13 ноября с кладбища после открытия и освящения креста, мы буквально содрогнулись, увидев в метро рекламу клуба «Магна». «На выходные дни ваш входной билет — всего лишь десять крышечек от "Магны"», — обещало яркое рекламное объявление. Те самые роковые десять крышечек, которые несли подростки 30 мая на проспект Машерова! Многих из тех, кто собирал эти крышечки весной, уже нет в живых. Но рекламная кампания продолжается, никого не интересует мораль и элементарная порядочность в отношении погибших и их близких, когда речь идет о прибыли. Тем более что в том, что произошло на Немиге, «виновата стихия». Опять по радио звучат приглашения на концерты во Дворец спорта. А ведь люди идут на эти концерты и возвращаются с них по тем самым омытым кровью ступеням, помнящим предсмертные крики и стоны 53-х человек. Как жестоки люди! Понадобилось так мало времени, чтобы все забыть и успокоиться! Но ведь то, о чем забывают, имеет свойство повторяться. В работе над книгой нас вело стремление к тому, чтобы о Трагедии на Немиге не забыли. Никто и никогда.

В этой книге мы сообщаем о событиях, в которых сами не участвовали. Мы предоставили возможность участникам событий рассказать о пережитом, высказать свое мнение о причинах, приведших к трагическим событиям. Ибо, только выслушав родных и близких погибших, можно постичь глубину трагедии.

Мы рассуждали примерно так: меньше всего говорить о том, что думаем мы, главное — донести до всех то, что пережили и что думают обо всем случившемся пострадавшие. Главное — передать голоса тех, кто пережил весь ужас трагедии на Немиге.

При встречах с родственниками погибших часто появлялась мысль: «Как жаль, что с такими прекрасными людьми нам пришлось познакомиться при столь трагических обстоятельствах».

И еще: эта книга смогла выйти в свет только благодаря доверию, которое оказали нам близкие погибших, — мы работали над ней сообща. Знакомясь с людьми, мы разделяли их переживания, сочувствовали и негодовали вместе с ними, но при этом старались сохранить объективность. Мы позаботились, чтобы в книге нашли отражение различные точки зрения. Мы, собственно, лишь фиксировали то, что говорили люди.

Книга подготовлена Правозащитным центром «Весна» и Центром социальной защиты «Немига-99». Выражаем огромную благодарность и признательность всем, кто принял участие в ее создании.

Полина Степаненко
Татьяна Ревяко

ВЕЧНЫЕ ТЕНИ НЕМИГИ

Предварять трагическую книгу очерком истории места, где трагедия совершилась, было бы неуместно, если бы не обстоятельства, которые первопричинно присутствуют в событиях 30 мая 1999 года.

Печать невозвратимых утрат лежала на Немиге задолго до того часа, когда вечернее небо распорола молния и начавшийся дождь направил к спасительному, как казалось, спуску в подземелье множество юных участников «праздника», организованного радиостанцией «Мир». 30 мая Немига обрела скорбный символ гибели минской молодежи. Этот черный день навечно вписан в анналы Минска, он не забудется, пока существует город.

Но еще с 50-х годов судьба Немиги отзывалась горечью в душе каждого, кто знал, что Немига — это убитая властными невежами самая старая часть белорусской столицы.

Минск — тот редкий город, в котором с варварской методичностью были уничтожены все следы его древнего происхождения. Не когда-то в глухую и непросвещенную старину, не в лихолетье последней войны, а в наше мирное время, на памяти ныне живущих людей. Энергия непочтительности и бездушия — вот что концентрировалось последние полвека в районе улицы Немига, одноименной станции метро и первой полуверсты проспекта Машерова.

Духовными жертвами этого бездушия должны считать себя несколько поколений минских граж-

дан, которые, возможно, и не подозревают, что у них давно отнято то культурное наследие, которое могло служить их чувству гордости, чести и украшению их жизни. Смерти конкретных людей в майский вечер потому и отозвались в Минске чувством мистического ужаса, что стали внезапным следствием невидимой, далеко отстоящей во времени и потому непонятной причины. Необходимость иметь хоть какое-то вразумительное толкование происшедшей драмы породила множество слухов, часто нелепых, вплоть до того, что Немига — проклятое Богом место.

Если придерживаться топонимической точности, то не лишним будет знать, что название «Немига» было присвоено станции метро произвольно. В реальности роковая для 53-х душ станция метро «Немига» должна была иметь иное, более определенное название — «Менское Замчище», поскольку помещена не просто на месте этого древнего ядра города, а буквально в его недрах. Улица Немига (или Немигская) начиналась за нынешним путепроводом. А на месте нынешнего Дома моделей размещался Нижний рынок. Речка Немига, впадавшая в Свислочь возле Замчища и давшая название улице, давно спрятана в подземную трубу, и ее существование покрыто мраком неизвестности.

Полвека тому назад, когда я учился в четвертом классе, нас водили на раскопки этого Замчища. Мне повезло увидеть то, что сегодня сохранилось только на фотоснимках. Тогда, в 1951 году, мы разглядывали в глубине раскопов сохранившиеся венцы хат, какой-то каменный фундамент, выложенные на песок черепки и ржавое железо. Ни золотых кубков, ни драгоценных камней, как того требовало наше детское понимание тайны древнего Замчища, тут не нашли, а ценность тысячелетних наконечников копий, серпов, фибул, браслетов и гребешков

представлялась нам, пятиклассникам, малодостойной интереса. Оценивать тысячелетние временные расстояния, которые вмещают жизни сорока поколений, не под силу детскому уму. Но такое же недоразвитое разумение о культурных богатствах имели люди, которые возглавляли государство. Не явив золотого клада, минское замчище обрекло себя на правительственную неприязнь. Хотя государственные мужи достоверно знали, что даже скромные свидетельства древней жизни могут цениться на вес золота, поскольку при них Германии был выставлен счет за каждый взорванный на Беларуси архитектурный памятник, за каждый выбитый кирпич в невзорванном, за вывезенные книги или осколок кремня, который в непроглядную старину служил в качестве ножа. Если бы немцы построили на Замчище дот, с них взяли бы репарации за нарушение культурного слоя.

Школа № 30, в которой я учился в 1950-е годы, размещалась в здании бывшей гимназии на Революционной улице, в пяти минутах ходьбы от Замчища. В школе было четыре классные комнаты и красивый зал с окнами в сиреневый садик. С тыльной стороны школы росли яблони, а за ними тесно спускались к улице Немиге каменные дома постройки XVII—XIX веков. В этом тесно застроенном домами районе наш сад был единственным зеленым оазисом. Калитка в школьный двор находилась прямо напротив того здания, где ныне размещается Научно-просветительский центр им. Францишка Скорины, а в 20-е годы был Институт белорусской культуры, пока не получил статус Академии наук Беларуси и не перебрался в специально построенный городок. Сегодня это бывшее здание Института белорусской культуры украшено памятными досками. Одна из них сообщает, что здесь работал известный белорусский историк, академик Всеволод Игнатовский. В годы

моей учебы на его имя, как и на имена тысяч других заслуженных людей, было наложено табу беспамятства. Естественно, наши учителя не осмеливались рассказывать об Игнатовском, его дружбе с Якубом Коласом, не предлагали вообразить, как они заходят в наш школьный сад скоротать часок за беседой о литературе или истории. А еще тут бывали историки Вацлав Ластовский и Владимир Пичета, талантливейшие литераторы Максим Горецкий и Янка Купала и многие другие, кого родпил Институт белорусской культуры. Все они писали о белорусской старине, и ни один не обошел вниманием Замчище, напоминавшее о белорусской истории со времен Всеслава Чародея. Каждый из них знал, что может стать жертвой репрессий (все и стали), но едва ли в своих прогнозах будущего они могли представить, что уничтожены будут не только люди, но и Замчище, и древний район Немиги.

Немига чудом уцелела во время войны, да и весь этот район лет двадцать после нее сохранял начальную планировку и названия старинных улиц — Замковая, Подзамковая, Завальная, Козьмодемьяновская, Нижний рынок, Рыбный рынок. Ничего этого уже нет. Невозможно услышать тут отзвуки шагов поэтов Максима Богдановича и Янки Купалы, Ластовского, Пичеты, драматурга Дунина-Марцинкевича и композитора Станислава Монюшко или первых наших археологов и создателей музеев древностей в Логойске и Вильно Евстафия и Константина Тышкевичей, которые мечтали о проведении раскопок на минском дединце. Нет тех тротуаров, по которым они ходили, тех старых домов, нет бывшей гимназии, старой планировки, древних названий и самих улиц. Они исчезли, когда Немигу варварски смолотили, создавая удобства для транспортного потока и жилые соты с пристройкой пони-

зу торгового «Дома на Немиге». Идентичный жилой дом планировалось воздвигнуть с противоположной стороны улицы, а над ней соединить пешеходные платформы. Не знаю, что приостановило материализацию этого убогого порождения творческой фантазии. Скорее всего недостаток материальных ресурсов после Чернобыльской катастрофы. Но для Немиги отсрочка ничего не меняет. Немиги уже нет. И что печальнее — не будет.

Весь этот архитектурный нонсенс спланирован и воздвигнут буквально на том месте, которое высоким слогом воспето в «Слове о полку Игореве»: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костьми руских сынов». Все авторы проекта «реконструкции» Немиги и его высокопоставленные утвердители знали эти слова со школьной скамьи. Но вот и им возжелалось «не бологом бяхуть посеяни», а измолотить древнейший район Минска «чепи харалужными».

На каком-то серединном своем отрезке речка Немига протекала по улице Мясникова в канаве под дощатым настилом. Ежедневно я ходил по нему в школу. Щели в настиле позволяли наблюдать неспешный бег воды. В районе обувной фабрики «Луч» Немига исчезала в черном зеве коллектора, над которым настил сменялся асфальтом. Весною речушка вырывалась из своих тесных «брезей» и заливала улицу Мясникова во всю ширину. Возможно, таковы были ее естественные берега в предшествующие столетия. Истоки Немиги отыскивались в районе Грушевки, за железной дорогой. Там до строительства метрополитена на хлябистом пустыре сочились ключи и собирались в ручей, который на улице Немига в 1926 году из-за своих весенних сюрпризов подвергся заточению в подземный

коллектор, а ныне побежден городом окончательно и бесповоротно.

Битва на Немиге, как полагают исследователи, происходила где-то на месте нынешних улиц Мясникова и Московской. Сейчас тут дома, предприятия, тяжелые пласты асфальта, а 900 лет назад было снежное поле, на котором «клали живот» воины четырех княжеств, и мороз добивал тех, кого не защитили от копья или секиры незамысловатые доспехи. Верно, так, вмерзнув в снежные сугробы, долежали жертвы Немигской битвы до оттепели, доставшись на пир воронью.

С этих кровавых событий, помеченных древним летописцем с редкой для того времени точностью — 3 марта 1067 года, и начался отсчет исторического существования Минска. Через 900 лет праздновался юбилей города, затем отметили 930-летие, но суть события, которое ввело Минск в хроники, — кровавая сеча полоцкого войска с войсками братьев Ярославичей — осталась за праздничными кулисами. Что-то не припоминается, чтобы хоть какая-то делегация прибыла на Немигу постоять на том месте, где в снежный март 1067 года лилась кровь и гибли наши предки, чтобы отдать им дань памяти, как принято это в иных местах, которые оберегают более памятливые и чувствительные потомки. Собственно, и приглашать на Немигу гостей города абсолютно бессмысленно, потому что отсюда тщательно выметено все, что указывало бы на древность Минска. Тут некуда не то чтобы возложить, а просто положить венок — ни камня, ни стелы, ни креста, ни кургана. Нет знака в память того, что здесь начинался, защищал себя и терпел мучения город. Только шапка вентиляционного колодца метрополитена торчит на том месте, где бился за свободу родной земли полоцкий князь Всеслав Чародей, а против него пришли со своих земель, далеко отстоявших от Минска, князь пере-

яславский Всеволод, князь черниговский Святослав и князь киевский Изяслав. Это и есть Ярославичи — сыновья Ярослава Мудрого, внуки Рогнеды. Всеслав Чародей — ее правнук. Вот такого родства люди старались убить друг друга на Немиге, усеять братскими костями брези замерзшей реки. Летописец записал об этом для вечной памяти: «И придоша ко Менеску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менеск, и иссекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеслав поиде противу. И совокупишася обои на Немизе, месяца марта в 3 день; и бяше снег велик и поидоша противу себе. И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одалеша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа».

Слова «иссекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты» расценить иначе, чем человеческую трагедию, невозможно, если представить сбитых в толпу дружинниками Ярославичей минских детей и женщин, которых гнали в рабскую неизвестность, и пласт посеченных их отцов и мужей на дымящихся пепелищах. На современном языке это называется «ослаблением воинских ресурсов противника». Памятный крест на древнее замчище, где «ослабление» происходило, просится никак не менее восьми веков, но вот места ему и средств на него не могут найти неблагодарные потомки.

Через 18 лет после разгрома города Ярославичами сюда пришел князь Владимир Мономах. В оставленном своим детям «Поучении» он исчерпывающе описал свой поход 1085 года: «И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читеевичи, к Меньску: изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины». Скотиной в то время были коровы и кони, вот их забрали, работоспособный народ «вывели», а старых и малых — обузу и лишние рты — в переходах убили. Редко, конечно, случалось, чтобы выбивали все население, часть жителей с приближением врага уходила

в пущи, а позже возвращалась в разоренные свои гнезда. Так было и с Менском после разорения в 1085 году: ушел Мономах со своими «черниговци и с половци, с читеевичи» — люди вернулись.

У полоцкого князя Всеслава Чародея было семь сыновей — Давыд, Глеб, Рогволод, Борис, Роман, Ростислав, Святослав. При жизни отца они находились под его властной дланью и если не сильно дружили, то и ссориться не могли. В 1101 году 80-летний Всеслав скончался. За четыре года до его смерти прошел Любечский съезд князей, который, закрепив право «отчинного владения», положил начало множеству удельных княжеств и соответственно братоубийственной борьбе. Всеслав поделил Полоцкие земли на семь уделов, Менск и земли при нем достались в удел Глебу.

При князе Глебе менский замок расширился, был насыпан новый вал, на нем построены мощные укрепления. Дединец Менска (более 3 гектаров) превосходил дединцы других городов того времени. Менское княжество становилось влиятельным, что вызвало в 1105 году союзный поход против него киевлян, северского князя Олега и сына Мономаха князя Ярополка. К ним присоединился с полоцким полком князь Давыд, родной брат Глеба. Зачем он пошел воевать младшего брата — неизвестно. Можно гадать, что Давыд опасался самостоятельной политики Глеба. Поход, однако, был неудачным, менчане выдержали осаду, и захватчики удалились в свои пределы без «челядины и скотины».

Но через одиннадцать лет осаждать Минск явился киевский князь Мономах, сильно раздраженный стремлением князя Глеба накрыть крылом своей власти Слуцк, на который претендовали киевляне. Мономах начал осаду замка в январе, она длилась два месяца и завершилась покаянной просьбой Глеба о мире. Приходится думать, что князь Глеб недолго удержи-

вался от территориальных конфликтов, потому что в 1119 году войска Мономаха вновь появились на брезях Немиги и Свислочи. Город взяли штурмом, князь Глеб был пленен и брошен в киевский «поруб», где того же года в сентябре, как отметил летописец, «преставися», то есть или умер с голода, или был убит. Так в киевской тюремной коморе закончился век первого минского князя и первого достоверно известного по имени жителя Минска. Московские власти своему первому князю поставили величественный памятник. Наши власти от памяти о князе, желавшем независимости, отмежевались, чтобы, не приведи бог, конная скульптура Глеба Всеславовича не бросила на них тень сепаратистских настроений.

После этого побоища летописные упоминания о Менске отсутствуют на протяжении 30 лет, будто и не осталось его среди городов. Так долго пришлось городу подниматься из руин. Все же он возродился и сохранил династию. Княжил в Менске сын Глеба Ростислав. На несколько лет он призывался полочанами в свои князья, но был отвержен ради князя полоцкого колена, и тогда последовала полоса войн между двоюродными братьями, внуками Всеслава Чародея, когда Менску пришлось выдерживать осады полочан с их киевскими союзниками в 1158, 1159 и 1161 годах. И уже после этих трех последовательных разорений, когда захватчики не оставляли в городе «ни челядины, ни скотины», Менск надолго попал в информационную темень.

Даже при столь пунктирном обзоре средневековой минской истории видно, что в среднем каждые пятнадцать лет город стремились разрушить и покорить его неблизкие соседи. Почему же мы не гордимся, что это им не удалось? А наоборот, старательно очистили от такой гордости общественное сознание?

В следующем веке сокрушительное нашествие на русские княжества татаро-монголов, а с запада

походы на Полоцк и Литву меченосцев вывели на авансцену белорусской истории город Новогрудок, и Менск вернулся в хроники уже как часть нового государственного образования — Великого княжества Литовского (ВКЛ). Памятным событием менской истории этого времени стало участие менского полка в Грюнвальдской битве и осаде столицы крестоносцев Мариенбурга. Перед походом менские воины молились в церкви на замчище, отсюда их провожали родные, здесь осенью 1410 года оплакивали тех, кто не вернулся с войны. Но кто скажет, где у нас поставлен Грюнвальдский крест в честь победителей над Тевтонским орденом?

Во время великокняжеской междоусобицы и двоевластья в ВКЛ после смерти великого князя Витовта Менск поддержал его брата, князя Жигимонта Кейстутовича. Его противник, князь Свидригайло, объединявший православное боярство, в 1434 году напал на город и пожег посады, но замком не овладел. Так что и его полки — витебский, полоцкий, смоленский — стояли перед замковыми укреплениями на Немиге, оглядывая дединец, который им не покорился.

С 1475 года на Беларусь ежегодно налетали загоны крымских татар. В 1506 году Менск отбивал наезд хана Махмет-Гирея. Крымчаки разграбили и сожгли городской посад, но замок на Немиге оказался им не по силам. Через два года посад города жег мятежный князь Михаил Глинский вместе с полками русского воеводы Шемячича. В 1534 году замок осаждали московские войска князей Шуйского и Курбского, а через пятнадцать лет — князей Горбатого и Оболенского. Все осады были безуспешными. Замок окружал ров, по которому текли воды Свислочи и Немиги, его деревянные стены поднимались на высоту, равную с Троицкой горой и Верхним рынком, чтобы закрывать внутренний двор дединца от обстрела.

Выдерживая осады и штурмы захватчиков, менское замчище оказалось побеждено беспощадным бедствием тех веков — пожарами. Роковым для него стал пожар 1574 года, когда выгорели и двор князя Константина Острожского, и подворье митрополита, и две деревянные церкви, и оборонительные вежи, и городни, и жилые дворы — словом, все. Сгорела также церковь Козьмы и Демьяна, стоявшая на пологом спуске к Немиге с Верхнего рынка и на несколько веков давшая название этой короткой улице. (Сейчас улица накрыта насыпью и мостом, соединившим площадь Свободы и проспект Машерова.) Восстанавливать замок в прежнюю силу уже не стали. Вернее, дух времени и не требовал этого возрождения. В 1494 году Менск получил магдебургское право, и новый статус ремесленного и торгового населения (самоуправление, привилегии, свободы) повлиял на расширение городских границ. Новый оборонительный вал окружил город подковой за полверсты от замчища по всем направлениям. Центр Минска с Нижнего рынка перемещается на Верхний (нынешняя площадь Свободы), где и оставался по XX век. Стоит заметить, что техническим условием развития Верхнего города стал доступ к питьевой воде — отрытые тут колодцы. Пока не умели пробиваться к артезианской воде, город зависел от Свислочи и холмы не осваивал. В начале XVII века Верхний город уже в основном каменный и католико-униатский в отличие от Старого Места на Немиге, где традиционно стояли православные храмы. Одновременно на Немиге была построена каменная православная церковь Петра и Павла, а на площади Верхнего рынка каменные храмы и монастыри бернардинцев и бернандинок, костел и монастырь доминиканцев, униатская Святодуховская церковь и при ней мужской и женский монастыри, королевский двор, а в отдалении костел и монастырь францисканцев, кальвинский сбор.

В середине XVII столетия на долю Минска выпали потрясения, которые отразились на всей его последующей истории. В 1648 году вся территория Беларуси стала ареной кровавых военных действий, которые с небольшими перерывами продолжались по 1667 год. Антифеодальное народное восстание, а затем война, начатая Московским государством с Речью Посполитой за присоединение к Москве белорусских земель, получили в народе символическое название Потопа. За двадцать лет этот Потоп загубил на Беларуси 2 миллиона 200 тысяч человек — половину населения. В Минской области потери людей составили 60 процентов. В 1655 году, когда московское войско начало осаду Минска, Верхний город стал главным укрепленным районом. Здесь каменные «гмахи» костелов и монастырей, соединенные «мурами» (кирпичными стенами), превратились ■ систему обороны, способную выдерживать артиллерийские обстрелы. Старое замчище на берегу Свислочи еще старались укрепить для защиты Борисовского тракта, но наспех поставленные укрепления прожили недолго. Выдержать московскую осаду менчанам не удалось. Пятилетняя оккупация Менска русскими войсками закончилась 3 июля 1660 года. Городу потребовалось более века, чтобы восстановить прежнее количество жителей.

Раскопки, проведенные в 80-е годы XX столетия на фундаментах доминиканского костела (Центральная площадь Минска), обнаружили братские могилы менчан — жертв той войны. Все они имели огнестрельные раны. Память о несчастных, к сожалению, власти увековечить не решились. Вновь засыпанные песком, спят они вечным сном под слоем асфальта на углу улиц Интернациональной и Энгельса вблизи Дворца Республики. Но это уже история другого района Минска.

Огромные людские потери и разрушение экономики, ставшие следствием кровавого Потопа 1648—

1667 годов, вызвали усиление католизации и полонизации. В конце XVII века, когда сейм Речи Посполитой принял решение писать документы только на латинском и польском зыках, а на белорусском (кириллицей) не писать, вошло в документальное и бытовое употребление полонизированное название города — Минск. У поляков был свой Минск — в пятидесяти верстах от Варшавы, так называемый Минск-Мазовецкий. Наш Минск для отличия стали называть Минск-Литовский. Российская канцелярская служба после присоединения Минского воеводства к России переняла полонизированное название города. В 20-е годы городу вернули его историческое название — Менск, но в годы сталинского террора это посчитали наглым проявлением национализма, и столица БССР вновь обрела полонизированное название. Эту деформацию мы, вопреки здравому смыслу, продолжаем послушно сохранять. Хотя цитированное выше «Поучение» Владимира Мономаха, которого в белорусском национализме не упрекнуть, подсказывает, как должна правильно называться наша столица.

В XIX веке публикация «Слова о полку Игореве» пробудила интерес к Минску в связи с загадками исторической географии. С каких Дудуток в 1067 году «скокнул» на битву с Ярославичами Всеслав Чародей? Где, собственно, находился древний Менск, который Ярославичи разрушили перед той битвой? Или древний Менск, это то древнее городище на реке Менке, впадающей в Птичь, в 20 верстах от современного Минска? А нынешний Минск — это бывший город Немига, что логично вытекает из славянского обычая давать название городу по имени меньшей реки, впадающей в большую (например, Витьба, Полота впадают в Западную Двину, и города соответственно названы Витебск и Полоцк. Аналогично на реке Менке должен быть город Менск, а на Немиге — Немига). Научные публикации на эту тему уже составили целую

библиотеку, а споры вокруг этих загадок не утихают по сей день, поскольку никто не нашел убедительного ответа. Но в прошлом веке Замчище в Минске не раскапывали, и курган над дединцем продолжал хранить в своих недрах интригующие тайны.

В таковом таинственном качестве Замчище перешло в XX столетие и достояло до середины 40-х годов. Начатые вскоре после войны раскопки стали сенсационными. Но в условиях послевоенного испепеленного Минска, при ослаблении коренного населения с 200 довоенных до 20 тысяч в 1944 году и прихода в город массы сельского населения, находки археологов были восприняты равнодушно. А после раскопок 1957—1961 годов началась реконструкция района Немиги, которая выразилась в уничтожении уникального исторического ядра Минска. Все это совершалось уже в то время, когда весь свет повернулся к охране памятников, осознав их уникальную ценность на фоне серийных достижений научно-технической революции. В других городах Европы старые районы городов передавались под пешеходные зоны, у нас в историческом центре Минска взрывали, долбили, прокладывали, завязывали узлы дорожных развязок, вырубали среди старой застройки площадки под паркинги. Так и тянется по сегодняшний день. Нет памяти — нет многих проблем.

Сознательное утверждение беспамятства не допустило взять район Немиги под государственную охрану. Можно смело говорить, что он был взят под государственное разрушение: Замчище было срыто и выровнено в уровень улиц. Стоял на берегу Свислочи древний дединец, хранил память о своих создателях, а стал безжизненный пустырь, нулевая площадка строительного назначения. Именно так поступали с завоеванными городами, оказывавшими сопротивление, захватчики в древности. В Минске это сделала собственная «народная» власть. С помощью бульдозе-

ров и МАЗов в середине XX века завершила то, что не сумел исполнить Владимир Мономах в конце раннего средневековья. В азарте искоренения исторической памяти наши властные нигилисты переименовали запаханный и засеянный травой забвения дединец в «Площадь 8 Марта». Как бы выказывая глубочайшее уважение к прекрасной половине человечества. Конкретизируя свое почтение к Международному празднику женщин, власти разместили на новосозданном пустыре автобусную станцию, для чего остатки Замчища залили асфальтом и обустроили деревянной диспетчерской будкой. Эта всегда замусоренная, в лужах протекшего масла автобусная станция примыкала к новопостроенному Дому физкультуры ДСО «Трудовых резервов» — унылой постройке, возведенной на культурном слое дединца, в его геометрическом центре. Сие спортивное сооружение теперь напоминает о преступлениях нашего правительства перед историей города и культурой вообще. Под его спортзалами покоится городская древность. Бог весть, ориентировались ли белорусские власти на московский опыт постройки спорткомплексов на месте разрушенных святынь или пришли к аналогичному решению самостоятельно. Это уже несущественно. Физические держатели власти исчезли в тумане небытия, сейчас имен этих минских геростратов никто не вспомнит, но сделанное ими здравствует и торжествует. За последние тридцать лет вопрос переделки Дворца физкультуры в музей древнего Минска ставился стократно, на выбор правительства предлагались оригинальные проекты культурного возрождения дединца, но все предложения разбились о невежественное упрямство.

Место, на которое деятели минского шоу-бизнеса запросили молодежь по случаю ничтожного юбилея радиостанции «Мир» и еще более отвратительного «праздника пива», было и остается в пометах

надругательств над прошлым, над культурными ценностями и здравым разумом. Тут не должен стоять Дом физкультуры, за ним не может прятаться трансформаторная будка, сюда не должны приезжать грузовики для торговли с кузова овощами. Здесь не имели морального права строить станцию метро и подземный переход. Здесь не должна была проходить чиновная транспортная магистраль на Дрозды. Бывшее замчище должно было получить статус общегородской высокочтимой территории и охранную грамоту. Оно не получило ни уважения, ни охраны, ни памятного знака из-за мелкого прагматизма властей.

Еще в 1960-е годы путь высокопоставленных работников на свои государственные дачи в Дроздах пролегал вовсе не по проспекту Машерова. Как и все обычные смертные, они спускались к Свислочи возле Суворовского училища, тут по деревянному мосту переезжали на Колхозную улицу, поднимались в гору на улицу Гвардейскую и по петляющему вдоль обрывистых холмов узкому шоссе выходили на свою финишную прямую к дачам. Единственным напоминанием об этой старой минской дороге остался построенный в годы войны дот вблизи гостиницы «Планета». Пересечение Колхозной (историческая Малая Татарская) и улицы Димитрова (Большая Татарская) в те годы еще украшала 400-летняя мечеть, переосвященная в морской клуб ДОСААФ, о чем свидетельствовал военно-морской флаг, поднятый на флагштоке над бывшим минаретом. При строительстве гостиницы «Юбилейная» мечеть по дьявольски точному расчету зодчих оказалась прямо перед парадным входом, и, разумеется, былую святыню минских татар стерли с лица земли. Фундамент ее похоронен под асфальтом, постояльцы гостиницы по нему прогуливаются и ставят здесь машины.

Ничего не осталось от Татарских улиц. В 60-е годы тут построили Дворец спорта и методом народ-

ной стройки стадион, но вскоре в связи с бесполезностью его затопили водами Свислочи, которая таким образом на данном стометровом отрезке обрела «державное течение». Свислочь в этом районе петляла и с правого высокого берега, где стоит гостиница «Планета», являла собой чарующую картину, которой мог бы позавидовать любой город. Но созданная Господом красота оказалась природным препятствием на трассе ЦК — Дрозды, и русло Свислочи выпрямили в канал, параллельный магистрали, крутые холмы снивелировали в пологие, зеркало реки в районе Немиги увеличили за счет территории замчища. Магистраль получила название Парковой, а после гибели П. Машерова стала называться его именем. Мост над улицей Немигой и бетонная подушка магистрали прошли прямо по Замчищу, под ними погребены башни въездных ворот и улицы древнего Минска.

Безусловно, во всем этой нет прямой связи с трагическими майскими событиями 1999 года. Жертв разыгравшейся здесь трагедии еще на свете не было, когда колонны самосвалов вывозили тысячелетние пласты земли с дединца в загородные овраги. Молодым людям и нынешним детям этот искусственный пустырь достался как никем не уважаемая данность. Пересекая его по дорожкам и тропкам, они и подумать не могут, что топчут место, которое не единожды было полито кровью, горело и возрождалось, слышало стоны отчаяния и возносимые к Богу молитвы. Тут ничто не подскажет, что годов двадцать жизни ушло у древних минчан, чтобы окружить дединец валом общей длиной более 900 метров и высотой 20 метров над уровнем Свислочи, а потом на протяжении столетий перемащивать мостовые, отстраивать сожженные при осадах и захватах города городни и хаты. Культурный слой, который раскапывали археологи, имел глубину 8 метров. Это была настоящая

чаша с ценностями, оставленная нам предками. Святой Грааль Минска. Земля сохранила древние мостовые, застройку до восьми венцов в срубах и тому подобное. И все это убрали с глаз, засыпали или выбросили, заравнивая ямы. Дорого ли было это сохранить? Да, дорого. Но скромный памятник никто не мешал поставить. И переименовывать Замчище в площадь и тем более в автостанцию тоже никто не требовал. Какие чувства — такие дела.

Площадь 8 Марта олицетворяет начальственное презрение к истории, к трудам, достоянию и достоинству предков. Именно это презрение, воплощенное в запаханной площадке, которая должна была служить площадью Памяти Минска, местом возложения венков ■ День города — 3 марта, позволило проектировщикам минского метрополитена в 80-е годы спроектировать станцию «Немига» дюйм в дюйм на месте минского дединца. Ни влево, ни вправо, ни вперед, а буквально в 1000-летнем культурном слое древнего городского ядра. Проектировали станцию чужаки. Но согласились на такое насилие и позор «наши». Утвердив дикий проект, власти доказали свою вопиющую невежественность. Нетрудно вообразить, как проходческие комбайны, подобно слепым кротам, вгрызаются в древние пласты города и дробят дубовые и сосновые венцы хат, мостовые, разные археологические мелочи, которым место в музее, а не в крошеве, подаваемом «на гора» для вывоза на свалку. Сколько и чего ценного тут выгружено, уже никто не ответит. Напрочь было забыто и решение создать подземную экспозицию «Древний Минск», вроде того, как в Москве под Манежной площадью устроен музей древней Москвы. Где эта наша бесценная экспозиция? Ее недолго подержали под навесом, потом, традиционно сославшись на отсутствие средств, накрыли черным рубероидом и засыпали песком.

Длинный черный короб, подвешенный к потолку над перроном станции метро «Немига», символизирует тьму разума наших власть имущих. Он нависает над головами людей, напоминая, что сверху всегда может обрушиться какая-то беда. Дамоклов короб Немиги. Ее ладья Харона. Художественное воплощение осуществленного зла.

В глубинах Замчища находятся фундаменты первого минского храма — уникального архитектурного памятника на восточноевропейских землях. По свидетельствам археологов, храм начали строить в 1067—1071 годах. Для строительства был выбран бутовый камень, внутренние стены имели облицовку известняковыми плитками (завозной материал). Намного опередила свое время и 4-столповая планировка храма. Это первый известный храм такой планировки и второй каменный храм на Беларуси после Полоцкой Софии. Он не украсил собою берега Свислочи, как украшает Нерль церковь Покрова. Работы над ним прекратились, возможно, после разрушения города Мономахом.

В 1967 году на 900-летие города на берегу Свислочи был выполнен муляж фундамента храма, который ныне заброшен и зарастает деревьями. Возрожденная в годы независимости Беларуси церковь тоже не потребовала открытия древнейшей святыни города, а обозначила очертание фундамента первой минской церкви и установила тут памятный камень, но почему-то в честь образования минской епархии Русской церкви в 1795 году после присоединения Центральной Беларуси к России. Засвидетельствовано источниками и существование в XVI веке на замчище Николаевской церкви и соборной церкви Минска. Обе погибли в пожаре 1547 года. Место, как видим, было освященным и пользовалось уважением. Близко к Замчищу была построена и Петропавловская церковь, триста лет украшавшая Раковский

тракт, а в 70—80-е годы взятая в тиски Домом моделей и жилой многоэтажкой. В 1708 году минские православные оружием обороняли эту свою церковь от казаков, рвавшихся ее разграбить. Судьба долгое время была к этой церкви неблагосклонна — закрытая большевиками, она служила хранилищем архивных документов, для чего ее соответственно обезобразили внутри. Глумлений не избежали и другие сакральные постройки, прилегающие к Немиге. Иезуитский Кафедральный собор на Высоком рынке в 1951 году был «реконструирован» под спортивные залы, в бывшем бернардинском монастыре по сегодняшний день размещается гауптвахта минского гарнизона. В костел бернардинцев вселили архив. Костел бернардинок в XIX веке был переосвящен под Кафедральный православный храм. Святодуховская униатская церковь, также переосвященная в православный храм, была торжественно взорвана в 1938 году. Упомянутый выше доминиканский костел обращен в руины уже после войны. Перепланировка района привела к уничтожению Торгово-Набережной улицы. При так называемой реконструкции Немиги снесли и каменное здание бывшей братской школы. 400 лет она украшала Немигу, сейчас на ее месте поставлена коммерческая палатка по торговле джинсами. Такие вот культурные приоритеты.

Понятно, что город, существующий тысячу лет, не может законсервироваться, постоянно происходило и будет происходить обновление его улиц и зданий. Вовсе не чувство ностальгии заставляет меня вспоминать об архитектурно-исторических потерях города. Беда в том, что наши утраты неоправданны и нелепы. Например, только безумец или ненавистник города мог спроектировать станцию метро «Площадь Победы» под памятником Победы. Теперь Вечный огонь памяти горит над пустотой подземного перехода. Под ним нет основы, нет земли. Пантеон

с именами героев и венком в их честь оказался над тоннелями, под ними носятся поезда. И памятник Победы, и Вечный огонь, и Пантеон превратились в декорацию. Вообще, в Минске невозможно назвать хоть одно место, где вместо снесенного памятника появилось бы нечто более интересное. Ведь уже никогда не будут строить здания в стиле раннего или позднего барокко, никогда не возведут ручным трудом Замчище и не замостят улицу деревянными плахами. Это неповторимо и поэтому подлежит охране и уважению. В XVII веке, разумеется, тоже сносили деревянные дома под современную каменную постройку. Но в XVII веке население Минска не имело понятия об археологических и архитектурных ценностях, а в середине XX века уже существовали хартии и международные договоры об охране памятников, музеи, институты истории и так далее. Найденная ладья викингов XI столетия хранится в Норвегии в специально построенном музее как историческая гордость нации. Того же времени археологические находки в Минске предательски засыпаны щебнем без надмогильного знака. Так хоронят государственных преступников. Вот это святотатство властей по отношению к Замчищу Минска создало в совокупности атмосферу, позволяющую здесь, в историческом центре, проводить несообразные истории и значению места «юбилеи» и «праздники», один из которых 30 мая 1999 года закончился трагедией. Не может быть Замчище местом для спаивания пивом, для взвинчивания нервов усилителями дискотеки. Но кто-то же это разрешил.

У входа в подземный переход, где погибли 53 человека, к сороковинам был выполнен памятный знак в виде ступеней из красного гранита с гирляндой бронзовых роз и надписью «53 рубца на сердце Беларуси». Рубцы утраты детей никогда не заживут на сердце их родителей, до конца дней будут вспоминать

погибших их друзья. Но несведущий человек ничего не поймет из этой поэтической эпитафии. Это абстракция. В ней ни словом не обмолвлены несчастные люди. Юные, прекрасные, талантливые, готовились они вступить в жизнь, но стали вечными тенями Немиги. Согласно установленному памятному знаку — безымянными.

Вопреки просьбам родных и множества потрясенных трагедией людей в переходе нет доски с именами жертв трагедии и указанием их возраста. Ступени, на которых приняли мученическую смерть юные девушки и парни, не защищены от дождя и снега, грязная вода стекает по стенкам и ступеням, политых 30 мая кровью минских мучениц.

Это желание обеспамятить, обудничить скорбь и есть сегодняшняя идеология по отношению к Немиге. Трагическая смерть трактуется как личное невезение. Власти имеют возможности засеивать травой забвения места былой жизни и славы, не оберегать места человеческих мучений, не увековечивать конкретные имена жертв трагедии. Но души погибших с таких мест не уходят, они ждут сочувствия и памятных слов. Вглядитесь в пространство этой площади — она полнится таинственными тенями. Стоят здесь и давние менчане всем своим иссеченным множеством, и 53 новопреставленные...

Константин Тарасов

ХРОНИКА

30 мая 1999 года в невероятной давке и толкотне в подземном переходе на станции метро «Немига» погибло 52 человека (53-й, Сергей Саладкевич, умрет 11 июня в больнице), которые пришли на праздник, посвященный двухлетию со дня основания радиостанции «Мир». Одновременно с этим табачная кампания «Магна» проводила свой «супермарафон» — «Начни лето с “Магной!”». За десять крышечек от пачек сигарет «Магна» подросткам, многим из которых не исполнилось восемнадцати, наливали бесплатный бокал пива. Кроме того, в программе праздника был бесплатный концерт популярной российской группы «Манго-Манго».

В этот день весь православный мир отмечал один из важнейших религиозных праздников — Троицу. В соборе напротив места трагедии в этот день проводил службу митрополит Филарет.

Большинство очевидцев считает, что трагедию могли бы предотвратить правоохранительные органы — разделить толпу на части, не пустить в метро людей, которые бросились туда прятаться от внезапной грозы с градом.

Милиция, которая оказалась на месте трагедии, не была готова оказывать первую медицинскую помощь. Большая часть людей погибла от удушья, их можно было бы спасти, сделав своевременно искусственное дыхание. Подростки спасали друг друга, как умели.

Официальные власти утверждают, что в трагедии, которая произошла 30 мая, виновата стихия — дождь.

31 мая появляется сообщение пресс-центра МВД Республики Беларусь, в котором сказано: «В тот день возле Дворца спорта проводились санкционированные Мингорисполкомом массовые гулянья, организатором которых выступило ООО «Класс-Клуб Джас Крафт». Охрана общественного порядка при проведении мероприятия осуществлялась в соответствии с решением начальника ГУВД Мингорисполкома генерал-майора милиции Бориса Тарлецкого. Было задействовано более 150 человек личного состава органов внутренних дел и войск МВД. В результате внезапного изменения погодных условий (ливневый дождь с градом и грозой) в 20 часов 40 минут около 2,5 тысячи участников массового мероприятия, многие из которых были в алкогольно-возбужденном состоянии, стихийно направились в ближайшее укрытие, при этом основная масса — в подземный переход станции метро «Немига» со стороны Дворца спорта. События развивались стремительно. Поток людей в подземном туннеле приобрел неуправляемый характер. Началась давка. Наряды милиции, пытавшиеся нормализовать обстановку и упорядочить движение, были в буквально смысле смяты и снесены. При этом погибли старшина милиции Владимир Говен, старший сержант милиции Геннадий Рябоконь, один сотрудник получил тяжелые телесные повреждения, девять — травмы легкой степени. По тревоге была организована работа ситуационно-оперативного штаба, отдано распоряжение на мобилизацию бригад скорой помощи. По данному факту прокуратурой возбуждено уголовное дело».

31 мая утром состоялось экстренное совещание у главы государства. Страшной и необъяснимой назвал А. Лукашенко трагедию, случившуюся 30 мая.

По словам А. Лукашенко, подобную трагедию с человеческими жертвами впервые за последние годы приходится переживать белорусскому народу. Особую печаль вызывает тот факт, что в основном в списке погибших — молодые люди. А. Лукашенко обратился с просьбой ко всему народу стойко перенести это страшное горе, не пытаться искать виноватых, ибо службы и структуры правоохранительных органов и здравоохранения сделали все возможное в первые минуты произошедшей трагедии. (По материалам БелТА.)

Распоряжением А. Лукашенко создана Государственная комиссия по расследованию обстоятельств трагедии. Возглавил комиссию председатель Совета Министров Сергей Линг. В ее состав вошли руководитель Администрации Президента Михаил Мясникович, государственный секретарь Совета безопасности Виктор Шейман, председатель Минского горисполкома Владимир Ермошин, руководители правоохранительных органов, Министерства охраны здоровья. Контроль за исполнением поручений Государственной комиссии возложен на Генерального прокурора Олега Божелко. Результаты официального расследования должны быть доложены президенту Беларуси 10 июня.

31 мая в 8.30 А. Лукашенко посетил место трагедии. По словам А. Лукашенко, он регулярно получал оперативно поступающую информацию и был в курсе всех мероприятий, связанных с ликвидацией последствий трагедии. А. Лукашенко подчеркнул, что он никому не может предъявить каких-либо претензий. Безукоризненно действовали врачи, на месте находилось достаточное количество сотрудников внутренних войск,

которые обеспечивали правопорядок. А. Лукашенко подчеркнул, что не надо искать причины в том, что виной всему был хмель: «Не надо искать здесь то, что кто-то напился, что-то не так делал. Абсолютно это не так. Даже ни одного человека в общем-то, из погибших, не обнаружили, что они были в состоянии алкогольного опьянения». А. Лукашенко сообщил о создании специальной Государственной комиссии во главе с премьер-министром. А. Лукашенко отметил, что необходимо сделать все возможное, чтобы «смертный список» не увеличился. (По материалам БелТА.)

31 мая в Беларуси объявлен двухдневный траур. На всей территории страны приспущены Государственные флаги Республики Беларусь. В столице приостановлены демонстрация фильмов в кинотеатрах, проведение спортивных и культурно-массовых мероприятий. Специальные комиссии для организации помощи пострадавшим созданы в Мингорисполкоме и в администрациях девяти районов Минска. Каждой семье погибших государство решило выделить 100 миллионов рублей, каждому пострадавшему — 30 миллионов рублей. Государство взяло на себя все расходы, связанные с похоронами его трагически погибших граждан.

31 мая сотни людей пришли к месту трагедии — в переход на станции метро «Немига». На глазах — слезы, на ступеньках — свечи и цветы. Вход в метро оцеплен милицией, внутрь пускают только тех, кто несет свечи или цветы. На стенах в переходе начинают появляться первые надписи. Среди них — покаянная надпись на листке бумаги: «Не забывай, что 30 мая, не желая того, мы убили тут ни в чем не повинных людей».

31 мая был создан Общественный комитет по расследованию причин трагедии на Немиге, так как слова белорусского руководства об отсутствии пьяных на пивном празднике дали серьезные основания для сомнения в объективности официального расследования, результаты которого должны быть доложены 10 июня. Инициаторами создания общественной комиссии выступили Лявон Барщевский и Винцук Вячорка.

Комитет сделал заявление, ■ котором сказано: «Мы выражаем сочувствие семьям и родным тех, кто невинно погиб. (...) Чтобы трагедия не повторилась, надо видеть ее причины. Стало очевидно: многочисленные и многолюдные силовые структуры содержатся государством, чтобы душить оппозиционные политические акции, чтобы защищать режим от народного гнева, а не защищать людей от стихии. Везде в мире соответственные органы власти и силы правопорядка существуют для того, чтобы предвидеть и предотвращать нежелательное для безопасности граждан развитие событий. Трагедия, к сожалению, назревала давно. (...) Стало обычной практикой, что на официально организованных праздниках бесплатно раздают пиво и другие алкогольные напитки, в том числе и несовершеннолетним. (...) Теперь власти стремятся скрыть имена тех, кто должен нести ответственность за эту катастрофу».

Представители Общественного комитета обратилась в Правозащитный центр «Весна» с просьбой стать рабочим органом комитета.

1 июня опознаны все жертвы трагедии. В этот день ■ Минске хоронили 38 человек, погибших в переходе на Немиге.

1 июня председатель горисполкома Минска Владимир Ермошин и руководитель столичной милиции генерал-майор Борис Тарлецкий дали пресс-конференцию.

По мнению Ермошина, то, что произошло 30 мая в Минске, — «нелогичная трагедия, которая ни по каким обстоятельствам не должна была свершиться». «Мы проводили на этом куске земли в свое время общественно-политические и развлекательные мероприятия с количеством 20 тысяч человек и более. И зимой, и летом, и в любую погоду... — сказал Ермошин. — Я всегда говорил, что главное — это безопасность граждан. Не получилось.» По словам начальника ГУВД Тарлецкого, «30 мая сил милиции было достаточно для охраны общественного порядка». Он привел новые данные о количестве сотрудников милиции, находившихся 30 мая у Дворца спорта, — 195 (ранее говорилось — «более 150»). Из них 8 сотрудников аппарата ГУВД, 31 сотрудник райотделов, 62 сотрудника ОМОН, 14 сотрудников ГАИ, 80 военнослужащих воинской части 54/48. «Если бы мероприятие закончилось так, как было спланировано, я уверен, никаких жертв не было бы, — сказал Тарлецкий. — В 22.30 чрезвычайная ситуация на этом месте была ликвидирована, и началась работа по установлению личностей погибших. В настоящий момент известны имена всех пострадавших.»

Одна из составителей этой книги, Татьяна Ревяко, обратилась за комментарием к Мечиславу Грибу — председателю Верховного Совета РБ 12-го созыва, генералу милиции. М. Гриб 36 лет работал в органах МВД, из которых около 15 лет занимался охраной общественного порядка. Почти 4 года он возглавлял Управление по охране общественного порядка в МВД. Ему приходилось заниматься охраной порядка при проведении больших мероприятий,

например футбольных матчей (было время, когда минский стадион «Динамо» вмещал до 75—80 тысяч болельщиков), шествий, демонстраций, митингов — октябрьских, майских и других.

«Можно сказать, что этому мероприятию не придали необходимого значения, — сказал М. Гриб. — Мелочей в любом деле нет, к каждому делу нужно относиться очень ответственно.

Могу рассказать, как власти должны готовиться к проведению массовых мероприятий. Для охраны общественного порядка к каждому мероприятию, в котором примет участие несколько тысяч человек, необходима очень детальная подготовка. Необходимо создать группу, которая предварительно выедет на место проведения мероприятия, все осмотрит: какие там могут быть нарушения, что может быть в случае грома, дождя или других каких-либо природных явлений либо происшествий, например драки, которая внезапно может возникнуть. Куда люди побегут, где они будут прятаться, и что нужно, чтобы обеспечить их безопасность. И потом, в соответствии с результатами осмотра, эта группа решает: сколько нужно людей для охраны порядка, куда их нужно поставить, что нужно закрыть, что перекрыть и так далее. Она составляет план действий в экстремальных ситуациях, который утверждает руководство того органа внутренних дел, который отвечает за порядок на этой территории. При особенно массовых мероприятиях это должен делать даже министр внутренних дел. Это очень ответственное дело.

Потом составляется план, назначается штаб, назначаются конкретные ответственные люди, вся территория разбивается на секторы, участки, назначаются старшие, устанавливается связь (радиостанции, позывные и т. д.). Штаб управления этим мероприятием с теми людьми, которые будут охранять

порядок, выезжает на место его проведения на рекогносцировку. Отрабатываются все сложные моменты, и, когда нужно заступать на охрану порядка на мероприятии люди подготовлены: каждый знает, что, как и где нужно делать.

Понятно, что некоторые мероприятия готовятся исполнительными властями, и милиция должна держать тесную связь с их организаторами, чтобы не допустить каких-либо нежелательных результатов. Например, чтобы поблизости не торговали спиртными напитками. Ведь каждый имеет свои узко ведомственные интересы: торговец думает, как побольше заработать, получить доход и положить в карман, а остальное его не интересует. Поэтому все должно быть согласовано. И вообще, должен быть цельный, общий план: как проводить, что проводить и где проводить.

Судя по материалам, которые появились в средствах массовой информации (выступление Тарлецкого и других), скорее всего дело было просто пущено на самотек. Мероприятие есть, контракт с фирмой заключили... Но что такое контракт? Это значит, что деньги взяли на обеспечение порядка. А тут, наверное, выделили 150 или 200 человек, назначили несколько офицеров — и охраняйте! И никакой там разработки не было, никакой рекогносцировки местности, никакой подготовки — и в результате получилось то, что получилось.

Я хотел бы отметить, что, когда в районе проведения массового мероприятия находится станция метро или иные места, где люди могут прятаться в случае неожиданных перемен погоды либо других внезапных событий, их обязательно нужно закрывать на это время или выставлять усиленные наряды милиции, которые невозможно было бы прорвать. Конечно, при спуске вниз устойчивость человека намного снижается: он стоит внизу, а сверху

на него давят, ему не на что опереться — он может или упасть, или бежать дальше вниз и топтать других. Ссылки на то, что руководство метрополитена согласилось или не согласилось выполнить требования о перекрытии станции, на мой взгляд, не очень аргументированные. Почему? Если было предложено это сделать метрополитену, то должно быть письмо, но о его существовании никто ничего не говорит. Если предложения делались устно, то трудно сказать, были они или нет: один скажет — я тебя предупреждал, другой — нет. Я не думаю, чтобы метрополитен отказался бы от таких предложений, если бы органами внутренних дел они были предписаны. Однозначно, это было бы сделано. Станция метро должна была быть закрыта хотя бы со стороны Дворца спорта, должны были быть сообщения для людей, что с этой стороны станция перекрыта, вход — с другой...

Я думаю, что произошедшее — это не результат преступного намерения. Это просто халатность городских властей, халатность органов милиции, которые отвечали за организацию безопасности, причем не рядовых милиционеров, а их руководства. Добавились еще и невоспитанность, неразумные действия людей, которые оказались в переходе.

Мэр города Ермошин говорит, что, мол, сколько раз проводились в том месте подобные мероприятия, и все обходилось. Но обходилось до поры до времени...

На самом деле, как я сейчас это вижу, это была большая западня, в которую рано или поздно должна была попасть жертва. Попала 30 мая, могла в тот день не попасть, могла через год, могла раньше. Это нужно было предусмотреть и предупредить...

Вообще, всяческие заявления о том, что есть виноватые или нет виноватых — кто бы их ни делал, от какого бы лица они ни звучали, — просто неуместны, так

как делаются людьми, которые совсем некомпетентны в том деле, о котором говорят. Нужно разобраться, детально рассмотреть все обстоятельства трагедии, а заявлять заранее, что виновных в ней нет, списывать все на гром, град — неуместно.

Трагедию, которая произошла, я связываю с отсутствием должной организации в подготовке мероприятия. Конечно, заранее эта трагедия не планировалась, но халатность, халатность и еще раз халатность привела к таким наитяжелейшим результатам.»

2 июня. Уже несколько дней по Минску ходят слухи, что жертв трагедии на самом деле значительно больше, чем заявляют официальные источники.

В подземном переходе на станции метро «Немига» двое из составителей этой книги, Андрей Юревич и Полина Степаненко, обратили внимание на безутешно плачущего молодого человека, который представился Валерием Новиковым (23 года). Он рассказал следующее: «Мы сидели, пили пиво, начался дождь. Зашли в переход. Стояли: отец, мать и моя девчонка. Потом я отошел прикурить. Тут налетает толпа. Я ничего не понял. Оборачиваюсь: смотрю — все лежат. Потом приехала «скорая». Я подошел сразу, девчонку взял на руки. Подошел врач, говорит: «Уже бесполезно». Моя девушка погибла, ей было двадцать два года. Погибли мать и отец. Я не смог ничем помочь. Здесь, понимаете, первый вид такой был: море людей, все лежат, у всех разбитые лица, кровь кругом. Сегодня утром домой прихожу... Всю ночь сидел здесь, утром пришел домой... Обычно мать меня будила. А тут нет ни матери, ни отца. Все тихо. Я хочу сказать: светлая память всем погибшим. Пусть они попадут в рай, и пусть их души там будут».

Сверив полученную информацию со списками погибших, мы поняли, что в официальном списке нет людей, которые могли бы быть отцом и матерью 23-летнего парня. Бросились на поиски Валерия Новикова. Но ответ был один: «Не значится».

А вот история, которую рассказала Наташа Савко, сестра погибшей Насти Савко: «Я сидела возле могилки Маши (Настя похоронена рядом с Машей Иньковой), возле Настиной могилки никого не было. Подходят две женщины. Одна позади меня стала, вторая подходит к могиле и на колени упала, как начала плакать навзрыд. Я думаю: что же дальше будет? А она начала причитать: «Ой, доченька ты моя единственная!». Я подхожу, спрашиваю: «Женщина, это ваша дочка?». Она говорит: «Да!». Я спрашиваю: «Это точно ваша дочка?». Она: «Да!». Я ей объясняю: «Вы знаете, я ее сестра!». Она мне: «Посмотри на меня, видишь, как я изменилась от горя!». Я говорю: «Встаньте, отойдите от могилы!». А она: «Я буду сюда каждый день ходить».

Наверное, в особенностях психики людей, которые в первые дни после 30 мая делали все возможное, чтобы показать свою причастность к трагедии, могут разобраться только специалисты — психологи и психиатры.

В рамках журналистского расследования один из составителей этой книги (Андрей Юревич) отправился в морг больницы скорой помощи, где поговорил с А. Кузнецовым (санитаром). Он сообщил следующее: «Я дежурил в ночь с 30 на 31 мая. В морге в тот день находился всего 31 человек: 14 было доставлено на протяжении всего дня и 17 с «Немиги», я их отмечал красным стержнем. Это делается для того, что бы избежать вскрытия погибших, потому что причина смерти известна. Это зафиксировано в регистрационном журнале лично мной. Около 21.30 мне позвонил главврач и предупредил, чтобы

я готовил морг для крупного поступления погибших (сказал, что что-то произошло на «Немиге»). Через несколько минут после его звонка прибыли две машины скорой помощи, которые доставили четыре трупа, затем поступила еще одна девушка из реанимационного отделения, после чего на грузовом автомобиле были доставлены последние 12 трупов. Остальных направляли в морг 10-й клинической больницы».

Таким образом, слухи о заниженном количестве жертв не подтвердились.

3 июня в прессе появляется информация о том, что вечером 2 июня председатель Минского горисполкома Ермошин направил президенту Беларуси прошение об отставке, ссылаясь на моральную ответственность за трагедию 30 мая. Как сообщили 3 июня в пресс-службе президента, глава государства не принял прошения об отставке.

4 июня после обращения Правозащитного центра «Весна» к гражданам с просьбой дать сведения о том, что происходило во время трагедии на Немиге, неизвестные вырезали кусок телефонного провода, который шел к офису «Весны». Только через сутки удалось отыскать причину отключения телефона и восстановить связь.

После восстановления связи скульптор Михаил Иньков, дочь которого Маша погибла 30 мая на Немиге, обратился в Правозащитный центр «Весна».

7 июня в «Белорусской деловой газете» было напечатано интервью с президентом ООО «Класс-Клуб Джас Крафт» Геннадием Шульманом. Он рассказал

о том, как был организован концерт 30 мая: «У меня есть все разрешительные документы, которыми сопровождалась организация этого мероприятия. Все было сделано по тем канонам, которые всегда использовались. Первая заявка была подана. Кстати, Виктор Чикин никакого отношения к этому празднику не имел, бумага подписана Василием Васильевичем Гуриным, зампредом горисполкома. Он обязал все соответствующие службы выполнять те функции, которые они должны выполнять. На исполнение Тарлецкому — охрана правопорядка. Уборка и установка туалетов — зеленхозу, коммунхозу. Договоры есть, деньги оплачены, здесь нет никаких подвохов. Эти документы сделаны так, как это делалось всегда. Все подтверждено визами, резолюциями и приказами Мингорисполкома. Практика такая — заносится письмо в Мингорисполком, в котором заместитель мэра определяет всех участников силовых структур. В данном случае — милиции. Мы подавали заявку на охрану мероприятия. И они, исходя из этого, сделали расчет, сколько необходимо милиционеров. (...) Люди на самом деле побежали от града. Они не побежали от грозы и не побежали от дождя. По крайней мере, я видел, что около тысячи человек осталось, невзирая ни на гром, ни на молнию, ни на град. (...) В Беларуси, в России, во всем мире пиво не считается спиртным напитком. А напитки крепче пива на празднике не продавались. И те, у кого не было возможности бесплатно пить, покупали пиво за деньги. Рядом стояли лотки. Крепкие напитки, возможно, кто-то принес с собой, можно было перейти через дорогу, зайти в гастроном и купить. Но в планах праздника не было (и нам бы не дали разрешения) продажи напитков крепче пива. Это видели все. Ставить вопрос об алкоголе просто неуместно, потому что его не было».

11 июня в пятой больнице, не приходя в сознание, умирает 19-летний Сергей Саладкевич, находившийся в крайне тяжелом состоянии. Его хоронят в Воложинском районе, в деревне Лютино. Отпевал Саладкевича ксендз Игорь Лашук. С ксендзом встретился один из составителей книги, Андрей Юревич. Ксендз Лашук сказал: «Праздник, устроенный «Магной», называется «словить халяву». Мы же знаем, какая у нас молодежь, что ее нужно оберегать от подобного рода развлечений и не делать из праздника большую пьянку. Властям нужно было предвидеть и проработать все ситуации. Ведь если едет какой-нибудь чиновник, то милиция выстраивается цепочкой через пять метров, а для простых смертных никаких условий безопасности. Но и народ у нас любит погулять на костях, а это зачастую плохо кончается, потому что Бог не любит этого. Есть такая шутка, что многие появляются в церкви два раза: когда его несут крестить и когда несут отпевать. После похорон поняли моду ставить на могилу стакан с водкой. Этого нельзя делать ни в коем случае, это большой грех. Это говорит о том, что водка стала для людей «богом» № 1. Наша земля пропитана великим и страшным безбожием, поэтому нужно вымаливать прощение, надо, чтобы душа каждого человека прониклась страхом перед Божьей карой. Дети в 12—13 лет в настоящее время совершают ужасные вещи. Виноваты вот эти многоэтажные дома, они похожи на муравейник или клетку, а человек — свободолюбивое существо. И человек начинает озлобляться, он приходит с работы, которая также доставляет ему мало приятного, и попадает в рутинные ежедневные семейные заботы. Почти в каждой семье есть пьяница, почти никто не говорит с детьми, а значит, родители своим детям ничего не передают в духовном смысле. Очень часто у родителей работа стоит на первом месте, и в то время, когда они зарабатывают мизерные

деньги, их дети предоставлены воспитанию на улице, а она, как известно, ничему хорошему не научит. Когда это происходит из года в год, то наступает деградация человека как личности. Нужна прежде всего свобода, чтобы человек имел свою собственность, кусочек земли, где сможет выращивать различные культуры.

Я говорил, что у нас все любят делать на костях, — ведь на этом месте в Минске было Замчище. Нужно знать свою историю и относиться к ней с великим уважением».

5 августа в суде Московского района г. Минска состоялось рассмотрение гражданского иска трех истцов: Нины Иньковой (матери Маши Иньковой, 1983 г. р., погибшей 30 мая), Натальи Новаковской (матери Алевтины Новаковской, 1983 г. р., погибшей 30 мая), Ольги Янцовой (матери Елены Янцовой, 1983 г. р., погибшей 30 мая).

Иск был предъявлен Мингорисполкому и ГОВД Мингорисполкома. Третьими лицами выступали радиокомпания «Мир», АО «Аливария» и «Класс-клуб Джас Крафт» (представитель последнего не явился).

Представителями законных интересов истцов выступали юристы общественного объединения «Правовая помощь населению». Интересы Нины Иньковой в процессе представлял Олег Волчек — бывший следователь прокуратуры, ветеран войны в Афганистане. На суде фамилия Волчека вызвала агрессивное неприятие чиновников. Представители Мингорисполкома и ГОВД Мингорисполкома высказались против участия Олега Волчека в процессе на основании того, что он являлся депутатом горсовета. Судья Гусакова отклонила это ходатайство чиновников и допустила Олега Волчека к участию в процессе.

Этот момент прокомментировал юрист Правозащитного центра «Весна» Валентин Стефанович: «Представитель горисполкома заявил ходатайство об отводе О. Волчека от участия ■ процессе на том основании, что он был депутатом горсовета. Это — абсолютно незаконно. Ну и что из того, что он был депутатом? В Гражданском процессуальном кодексе существует перечень лиц, которые не могут быть представителями: недееспособные, не достигшие 18 лет и т. д. Но там не сказано, что депутат горсовета не может быть представителем законных интересов истцов в гражданском процессе».

Было очевидно, что чиновники не собираются отвечать по закону за свой преступный непрофессионализм. Представитель ГУВД Мингорисполкома Радомский заявил ходатайство о том, что слушание по гражданскому делу должно быть перенесено в связи с тем, что возбуждено уголовное дело по факту трагедии 30 мая 1999 года, ведется следствие, и суд не может определить степень вины ответчиков для того, чтобы компенсировать моральный ущерб. Представители истцов отклонили ходатайство представителя горисполкома, заявив, что суд имеет право в процессе заслушать непосредственно стороны, свидетелей, выяснить гражданскую вину и взыскать материальную компенсацию морального ущерба. Судья Гусакова остановила процесс и ушла в совещательную комнату.

Перерыв был долгим. В переполненном зале суда были родители, родные и друзья погибших, журналисты, представители общественных организаций. Во время перерыва родители показывали друг другу фотографии своих детей, те, кто не был знаком между собой, — знакомились. Звучали вопросы: «А у вас кто? А чья вы мама?». А еще рассказывали сны...

Перерыв закончился, появилась судья и объявила решение о том, что невозможно на сегодняшний мо-

мент определить степень вины вообще и вину ответчиков, поэтому рассмотрение гражданского иска истцов будет прервано до окончания уголовного дела, пока не появятся его результаты.

Родители погибших детей были возмущены результатом судебного заседания, они в очередной раз убедились, что власти умышленно затягивают время, чтобы наконец объявить: «Виновных нет!».

Говорит Наталья Новаковская: «Накануне мы ознакомились с делом и знали, что есть ходатайство-предложение ГОВД Мингорисполкома о приостановлении процесса. А потому то, что тут произошло, не было для нас неожиданным. Но мы рассчитывали на чисто человеческие чувства и отношение судьи. Потому что каждый судья может принять свое собственное решение. Чисто по-человечески это можно было сделать. Но вы видите, какие были представители, чиновники Мингорисполкома, — им все человеческое чуждо. Они не хотят ни с кем считаться, они все отклоняют. Даже отрицают, что мэр города подавал в отставку. Но мы же обо всем этом читали.

Мы разочарованы действиями судьи. Я хочу сказать, что мы на этом не остановимся. Я свою дочь растила не для того, чтобы с ней так обошлись. Она пиво пить не ходила. Она пошла на этот праздник, потому что не могла себе позволить ходить по элитным дискотекам — мы люди среднего достатка. Молодежь ведь всегда стремится на праздник... Я не доверяю официальному следствию. Точнее, я стала не доверять! Дело в том, что я очень хотела ознакомиться с материалами следствия. Еще задолго до сорока дней мне в исполкоме дали телефон. По этому телефону я связалась с полковником Валерием Михайловичем Комаровским, который ведет следствие. Мы с мужем к нему ходили, он в откровенной беседе сказал, что у него там, на празднике, сын был

и буквально за десять минут до трагедии ушел. Сказал, что показать нам все материалы следствия не может — это тайна. Показал только фотографии на лестнице, как все лежали. Я ему говорю: «Вот вы сейчас всех расспрашиваете, спросите и о моей дочери...». А он мне отвечает: «Вы знаете, я не «расспрашиваю», а «допрашиваю». Я уже допросил всех милиционеров... Но я вам скажу, что законов о проведении таких мероприятий нет». У следователя уже сложилось мнение, что никто не виновен, — стихия. Поэтому я больше не доверяю официальному следствию. Тем более — они не хотят знакомить потерпевших с материалами следствия. Комаровский объяснил это тем, что в течение двух месяцев нельзя знакомиться с материалами, а когда следствие закончится, тогда можно будет. Но опять же — не со всеми материалами. И еще Комаровский при встрече нам сказал, что у милиционеров, когда они появились на месте трагедии, рации были настроены на разные частоты, поэтому они не могли скоординировать свои действия, не могли представить общую картину трагедии.

Я хочу сказать, что с каждым днем родители погибших детей все теснее объединяются, приобретают силу. Все живут в разных местах, но приезжают, приходят, знакомятся между собой, становятся более активными. Нам очень трудно... Но мы будем создавать общество, которое будет отстаивать наши интересы».

Представители истцов (юристы общественного объединения «Правовая помощь населению») собираются обжаловать решение о приостановке, будут добиваться того, чтобы суд все же начал рассмотрение гражданского иска, заслушал всех участников процесса, свидетелей, определил долю ответственности и решил вопрос по существу. Волчек сказал, что сотрудники милиции, которые ведут следствие,

не желают с ними разговаривать, они посылают запросы по тем или иным вопросам, и если по Уголовно-Процессуальному Кодексу представителю потерпевшего должны дать ответ в течение трех суток, тут прошло несколько недель — и никаких ответов. По всему видно, что следствие сориентировано на то, что виновных в трагедии не будет. Это значит, что когда закончится уголовное дело (а, как сказала на процессе Наталья Новаковская, оно может тянуться и полтора года) и если следствие признает, что виновных нет, то скажут: «Раз нет виновных, то не на кого и иск подавать».

Естественно, представители потерпевших будут добиваться того, чтобы гражданский иск рассматривали сейчас.

После окончания судебного заседания Волчек объяснил Иньковым, что сейчас создалась такая ситуация, что неизвестно, каким будет результат. Все зависит от совести судьи и от совести того человека, который ведет следствие: если они будут действовать самостоятельно — результат будет. А если судья и следователь будут слушать «советы» высокого начальства, тогда, конечно, дело будет «похоронено».

«Мы будем обжаловать решение судьи, — говорит Наталья Новаковская. — Вы же слышали, что родители собираются присоединиться к нашим искам. Этот суд — не конец, это только начало.»

Следствие по уголовному делу, возбужденному Республиканской прокуратурой по факту трагедии 30 мая 1999 года, неоднократно продлевалось: первоначально до 30 июля, затем до 30 сентября, 31 декабря, 29 февраля, 30 апреля 2000 года.

В августе 1999 года родители детей, погибших на Немиге, создали Центр социальной защиты

«Немига-99», председателем которого была избрана Наталья Новаковская.

Наталья Новаковская, мать погибшей Алевтины Новаковской, председатель Центра социальной защиты

У нас нет будущего. Жизнь остановилась для нас.

Живет человек. Живет девочка, живет мальчик, живут люди... Отправляются на «организованный» в городе праздник послушать музыкальную группу «Манго-Манго». Кто-то возвращается из театра, с дачи, с репетиции, с консультации, кто-то гуляет по городу с ребенком, с женой, с мужем, с подругой, с друзьями... Начинается дождь. Естественно стремление спрятаться, побыстрее добраться домой... Но никак, никогда, никому не придет в голову и мысль о том, что такое может случиться... Потрясение не передать и не выразить словами. До сих пор.

Сразу задаешь вопрос: почему не уберегли мы своих детей? Почему и кому мы вообще доверяем их жизни, отправляя в школу, в магазин, на концерт... Никто ни за что не отвечает. Ведь любой мог быть на их месте. Сегодня их не стало, а завтра никто не застрахован от такого же снова. Потому что никто ни за что не отвечает. Кто, подумав, разрешил бы проводить в одном месте распитие спиртных напитков и концерт? Но подумать можно, если есть мозги, а если их нет... погибают люди.

Наша молодежь, прекрасная молодежь, — наше будущее. Теперь у нас, родителей погибших детей, нет будущего. А как жить без будущего дальше? Как это пережить? И в каком долгу мы все перед своими детьми!

23 июля 1999 года родители и родственники погибших на Немиге написали письмо А. Лукашенко

с просьбой встретиться. Родители думали об увековечении памяти детей, так мало видевших в жизни и ничего не успевших, о необходимости создания храма на месте гибели, о мемориальной зоне, где можно было бы помянуть наших погибших деток. Собрали 86 подписей в надежде, что нас поддержат выше и, главное, поймут. Письмо передали, но встречи не было.

21 августа 1999 года родители приняли решение о создании минской городской общественной организации Центр социальной защиты «Немига-99». Целью создания Центра явилась необходимость постоянного общения между собой, поддержки и оказания реальной помощи семьям погибших и пострадавшим. На учредительном собрании был утвержден Устав, избраны руководящие органы. Целью деятельности Центра является социальная защита пострадавших и приравнивание их к семьям погибших. Основная задача Центра — увековечение памяти погибших.

2 сентября документы были поданы на регистрацию в Управление юстиции Мингорисполкома. В конце октября (через два месяца после подачи!) после неоднократных звонков в Управление юстиции с вопросом, почему так долго не регистрируют нашу организацию, нам ответили: «У вас неправильный юридический адрес». — «А где нам взять юридический адрес?» — «Ищите.» Пришлось Совету обратиться в горисполком. Еще через два месяца нашлась площадь под юридический адрес. Предварительно не раз посещали Управление юстиции, выслушивали замечания. Писали письма в горисполком, беседовали с заместителями мэра. Чего только не выслушали в разных местах по этому вопросу! И что мы хотим шума, даже скандала. Когда с адресом вопрос решился, пошли замечания по Уставу. А конкретно — по пункту «Увековечение памяти погибших».

Регистрирующие органы стремились изъять этот пункт, видоизменить формулировку. Точку всему этому хаосу поставила встреча в Министерстве юстиции с начальником Управления Сухининым М. М. После беседы с ним по всему тексту Устава были внесены редакционные изменения в формулировки. Организация зарегистрирована компетентной комиссий во главе с Заметалиным В. П. за номером 05/0204 1 февраля 2000 года.

Начиная с 30 июля каждый месяц 30-го числа (в феврале 29-го) родители и родственники погибших встречаются вечером в переходе на Немиге. Приезжают иногородние мамы и папы, родственники из других областей. В переходе мы возлагаем цветы, поправляем фотографии, убираем мусор, долго стоим и свои присутствием отдаем дань уважения и светлой памяти нашим дорогим детям, сделавшим последний вздох в этом переходе. Нам небезразлично недостойное поведение людей в этом месте, как-то: шум, смех, крики, ругань, плевки и так далее.

Накануне в церкви святых Петра и Павла заказываем поминальную панихиду на 30-е число. На встречах общаемся между собой, договариваемся о посещении в следующем месяце могил в дни рождений, как можем поддерживаем друг друга.

2 ноября 1999 года на Чижовском кладбище у дальней стены, в которую упирается центральная аллея, справа установлен Памятный знак с одиннадцатью фамилиями и именами захороненных здесь. 13 ноября Памятный знак с шестью фамилиями захороненных человек установили на Кальварийском кладбище. Знак находится на горке справа по аллее от второй калитки кладбища.

К годовщине трагедии планируется установить Памятный знак на Московском (Восточном) кладбище с именами одиннадцати человек, захоро-

ненных там. Все знаки — результат дел нашей организации с непосредственным участием родителей.

Приведенная арифметика говорит, что всем погибшим, в том числе и двадцати пяти захороненным в других местах (по всей республике), Памятный знак в виде храма должен быть установлен на месте трагедии. Первоначально родители добиваются перекрытия лестницы, на которой дети простились с белым светом. Перенести выход возможно, сделав его прямо относительно дверей выхода из метро. Проект предложен, разработан специалистами. Ждет поддержки.

Трагедия, погубившая молодежь, затронула многие души людей. У кого родные, у кого друзья, подруги, знакомые, коллеги — такие молодые и юные, полные сил и энергии, — загублены. Натура человека восстает против такого неестественного конца жизни. Человек не заслуживает такого отношения. Наш Центр может предложить план организационных мероприятий, которые обеспечат безопасность проведения любого культурно-массового мероприятия, хотя мы и не профессионалы. Правильно сказала женщина у перехода: «Когда приглашают гостей, то продумывают все: и программу, и чтобы места всем хватило, и чтобы весело было и покушать было что, и чтобы ничего не случилось — не поругались, не напились, обеспечить безопасность гостей». Наше объединение объяснит правоохранительным органам, как владеть ситуацией, предотвратить подобное, а не сидеть и прятаться от дождя в автобусе. Зарплату хорошую надо отрабатывать, тем более заслужить ее надо, ведь всем известно, что материальных ценностей милиция не создает.

У родителей много вопросов к организаторам «праздника» (ответственным за проведение) — от

горисполкома до наблюдавшего за порядком от ГУВД, к медикам, приехавшим на чрезвычайное происшествие с одной кислородной подушкой, к следственным органам прокуратуры города и республики, которые с осени расследованием не занимаются, а окончание следствия откладывают. Наш Совет не раз обращался в прокуратуру республики с просьбой о встрече. Дважды встречались представители родителей со следователем Комаровским Валерием Михайловичем, заместителем Генерального прокурора Косухо Степаном Васильевичем и Генеральным прокурором Божелко Олегом Александровичем по интересующим всех вопросам. С материалами следствия обещают ознакомить позже.

По вопросу увековечения памяти погибших родители встречались с главным художником города, в горисполкоме с мэрией, в Совете Министров с Заметалиным В. П. Вопрос пока не решается. Еще осенью обещали в мэрии дискуссию со специалистами, предоставить материалы и документы, связанные с мемориальной исторической зоной, но пока одни обещания и топтание на месте.

30 ноября, в полугодие трагедии, Центр заказал в епархии вечернюю литию в переходе на месте гибели. Накануне в консерватории студенты и преподаватели провели вечер памяти, в организации которого принимала самое непосредственное участие студентка Академии музыки Ольга Шелег, которая 30 мая была в переходе на Немиге вместе с Ольгой Пальвинской, погибшей в тот день. Родители плакали весь концерт, тронутые вниманием и теплотой, тем, с каким пониманием было подобрано каждое произведение, а также мастерством исполнителей.

Еще до создания Центра социальной защиты «Немига-99» сочувствие и понимание, поддержку и помощь родители получили от Правозащитного центра

«Весна» и общественной организации «Правовая помощь населению». Молодые юристы безвозмездно оказывают юридическую помощь, консультации обращающимся к ним. У этих людей добрые, отзывчивые сердца и молодые горячие души. Сотрудники Правозащитного центра «Весна» предложили родителям издание книги о трагедии, о детях и проделали большую работу по подготовке материалов для книги-памяти «Трагедия на Немиге»: ездили в области, по деревням и городам, звонили, брали интервью. Все это делается безвозмездно. Простые люди сочувствуют и встречаются с нами, однако те, кто сидит повыше, не хотят о нас слышать. Наверное, боятся нас. Не хотят уделить нам немного своего драгоценного времени.

Дирижер симфонического оркестра Снидко Михаил Сергеевич предложил на черную годовщину исполнить в Красном костеле «Реквием» Моцарта. Родители ему очень признательны. У объединения много проблем и трудностей. Но, неся в сердцах и делах светлую память о наших детях, дорогих, любимых, неповторимых, мы посвящаем свою оставшуюся жизнь им, увековечению памяти погибших. Теперь для них мы ничего больше сделать не можем. Только оставить светлую память. Для реабилитации здоровья и психики пострадавших Центр не отказывается ни от каких предложений по вопросу увековечения памяти погибшей молодежи. У кого есть добрые намерения предложить какие-то мероприятия — будем очень признательны и рады выслушать. У кого есть дети и кто дорожит ими, поймет нас, потерявших самое дорогое, ради чего живут. Когда нет будущего — завтра теряет смысл.

Произошла не просто трагедия — это трагедия целого города, столицы, республики, века. Помните об этом. Они наши дети, Беларусь. Об этом забывать нельзя. И смириться тоже.

Иньков Михаил Михайлович,
отец погибшей Марии Иньковой,
скульптор, архитектор

Когда стало известно, что на Немиге будет создаваться памятник, собралась скульптурная секция Союза художников для обсуждения, кому поручить этот объект. Решили поручить эту работу мне, поскольку у меня там погиб ребенок. Когда мне сообщили об этом решении, я приступил к работе, хотя и с тяжестью на сердце.

Идеи никакой не было — ведь для того, чтобы приступить к работе, нужно знать, что там произошло. Я решил это выяснить: обратился к Комаровскому В. М., возглавляющему следствие, но там не получил достаточной информации. Обратился в епархиальное управление, узнал, что они написали письмо главе государства о том, чтобы возле подземного перехода сделать церковь. Тогда у меня родилась идея объединить предложение епархии с нашим о перекрытии перехода и создании там мемориальной зоны. В этом случае получился бы целый комплекс.

Но тут выясняется, что уже кто-то работает параллельно. Долгое время мы не знали — кто, но потом выяснилось, что это председатель Союза художников скульптор Геннадий Буралкин, который прекрасно знал, что эту работу поручили мне. Я не знаю, кто поручил ему эту работу, но курировали все это и принимали решения чиновники Мингорисполкома. Каждая работа подобной значимости проходит сначала через художественный совет нашего скульптурного комбината, а потом экспертный совет Министерства культуры — принимать ее должны художники. Г. Буралкин же со своей работой не проходил ни художественный, ни экспертный совет — заказ

принимали чиновники, поэтому и получилась такая однодневка.

Когда делался этот памятник, по всем средствам массовой информации было сообщено, что он временный. Мы считали, что если будет сделан хороший объект, то ничего против иметь не будем, а если нам это не понравится, то станем настаивать на том, чтобы памятник был сделан достойный. Получившийся памятник имитирует ступеньки, на которых гибли наши дети. Зачем имитировать то, что уже существует в трех метрах отсюда?

Еще 31 мая, наутро после трагедии, на место гибели детей пришел Лукашенко А. Г. и самый первый возложил цветы в подземном переходе. После этого цветы стали там класть дети, родители, начали писать на стенах имена жертв, ставить свечки. Судя по всему, Мингорисполком решил избавиться от этой стены, убрать надписи и свечки, вытеснить из перехода детей, которые там сидели. Я считаю, что это была основная идея памятника, установленного на сорок дней. И хотя эту идею они реализовали, люди не ставят там свечей и предпочитают цветы класть на настоящие ступени.

Мы же считаем, что там, где гибли дети, необходимо сделать мемориальную часть. На сегодня уже существует проект памятника, в котором объединена идея церкви с мемориальной частью, при этом место, где гибли дети, должно быть отгорожено стеклянной стеной и там помещена информация о погибших.

Но, встречаясь с представителями Мингорисполкома, мы поняли, что установленный памятник ими создавался не как временный. Они не собираются выполнять свое обещание объявить конкурс на проект постоянного памятника и устанавливать что-то другое. На сегодняшний день эта проблема не решается.

Лаврецкий Геннадий Александрович, председатель архитектурно-художественного Совета при Белорусском экзархате, научный руководитель объекта «Замчище»

Трагедия на Немиге — это, безусловно, великое горе для родителей, но для православных людей это был знак. Место это тоже знаковое, очень тяжелое для города. Там остаются захоронения. Это также место, откуда Минск начинался. Из этого посыла сложился образ памятника погибшим в виде часовни. В православной традиции есть обычай ставить какой-то знак, храм или крест на крови, то есть на месте гибели, страдания людей. Так, например, построен храм На Крови царевича Димитрия в Угличе, храм На Крови в Петербурге на месте покушения на императора.

У нас стояла задача двоякая. С одной стороны, показать, что мы этот знак Божий восприняли; с другой стороны, город, имеющий более 900-летнюю историю, не имеет никаких символов, никакой отметки о существовании такой богатой истории, о началах и духовности, и культуры.

Десять лет назад я начал работать над графической реконструкцией храма XI — начала XII века на минском Замчище. Изучив материалы, я пришел к выводу, что решение часовни в формах, приближенных к формам XI — начала XII века, вполне приемлемо. Во-первых, в таком храме нет акцента на православие или католичество, хотя, конечно, в то время уже было такое разделение, но тем не менее это единый народ, единая вера. Решение часовни в таких формах, как мне кажется, обострило бы проблему Замчища, раскрытия всего того, что там сохранилось, и, безусловно, стало бы тем местом, точкой притяжения, где можно себя каким-то образом ощутить потомком народа с древней историей.

Паши — туалетной водой. Мы пошли в метро. Все спускаются в метро, народа много. Дождь в это время уже капал. Мы спустились на несколько ступенек в переход, и я почувствовала, что сзади начинает напирать толпа. Мы были на площадке между пролетами. Я застряла на этой площадке около стены. Оля была от меня по левую сторону. Сначала я ее видела, а потом она под напором толпы подалась вперед, и я ее потеряла. Просто получилось так, что основной нажим толпы приходился на центр, а я стояла сбоку. Зрелище было ужасное, и я начала кричать и услышала какое-то шипение, похожее на змеиное. Ни туда и ни сюда. Все, смерть. Те, которые бегут на тебя, не понимают, что тут нет места, что люди уже задыхаются. И я начала кричать. Около меня стоял незнакомый парень. Я начала говорить: «Боженька, ну что же это такое! Ну как же так!». Он начал меня успокаивать: «Не беспокойтесь. Как-нибудь выберемся, я уже бывал в таких ситуациях». И впереди люди начали кричать: «Назад, назад, назад!».

Народ уже начал подаваться назад, потихоньку отходить. В центре площадки уже лежали девушки, которых начали подбирать и выносить. Я вышла из перехода и жду. Люди выходили и выходили, а Ольги не было. Мне стало почему-то страшно. Я побежала на другую сторону, бежала через лужи. Там была тоже толпа, машины не могли проехать. Я постояла с другой стороны перехода, подождала 5 минут. Оли нет. Тут я смотрю — к метро начинают подъезжать машины скорой помощи. Я бегом туда. У меня была Олина сумка, а у Оли — мой зонт. Мы с ней как-то поменялись. Я увидела, как начали складывать людей, у них были поломаны ребра, руки. Было очень много лежащих людей с лицами серого цвета. Женщина была, пожилая. Девочки, парни. Некоторых откачивали, а некоторых просто

бросали в машину друг на друга. Я начала ходить между этими лежащими людьми, искать Олю. Потом я начала кричать: «Оля!.. Пальвинская!». Я ее не увидела. Парни выносили в это время девушку, и я спросила у них: «Вы всех вынесли, больше там никого нет?». Они сказали, что нет. Тогда я начала ходить вокруг и искать Олю. Встретила знакомых парней из общежития, говорю, что мы были тут с Ольгой, но я ее потеряла. Они мне сказали: «Да ну, не переживай, сидит уже в общежитии». Я говорю: «Давайте тут походим, посмотрим. Может, ей нужна помощь?». В итоге мы ее не нашли. Я пошла в общежитие, переоделась, спросила на вахте, не приходила ли Ольга. Нет. Ольги не было. Мы дружили втроем — еще Наташа Соколюк. Я говорю: «Наташа, на Немиге произошло ужасное. Я не смогла найти Олю. Собирайся, поедем по больницам». Мы собрались и взяли еще воспитательницу. Сначала пошли во 2-ую. Там никого не пускали. Мы попросили медсестру посмотреть Олю — в короткой юбке, в блузке и в жилете. Она нам ответила, что такой нету — ни среди мертвых, ни среди живых. Мы поехали в 9-ую больницу, там все врачи были настолько ошарашены, что меня никто не слышал. Услышали только в третий раз, ответили, что такой у них нет. Мы поехали в 5-ую больницу, а потом на вокзал, в 3-ью. Там тоже ничего. При нас какая-то женщина искала девочку в желтой кофточке, и ей ответили, что она жива. Была беременная женщина, она уцелела. Я ее сама не видела, но при нас врач отвечала на звонок, что есть беременная, 37 недель, она жива. У нас возникла опять надежда, что Оля жива, что мы ее найдем. Уже было два часа ночи, транспорт не ходит, куда ехать — тоже не знаешь. Мы пошли в общежитие. Я не могла спать. Часов в пять пошла звонить знакомым, у которых есть машина. Я просила помочь найти Олю, говорила, что бензин оплачу. Но,

как говорится, друг познается в беде... В конце концов я нашла парня с машиной, и мы поехали в 6-ую больницу. Там Оли не было, но дали телефон отделения госпитализации и посоветовали позвонить туда, там все заносится в компьютер. Мы позвонили, но и там Оли не было. Сказали, что еще можно посмотреть в 10-й больнице или по моргам. Все. Оставалось только это. В девять часов утра я зашла еще раз во 2-ую больницу. Думала: может, она в реанимации и не может сказать свою фамилию. Я прошлась по реанимации, но Олю не нашла. Очень жуткая там была картина. Мне врачи говорят: «Посмотри, тут у нас есть две неопознанные девушки, может, тут и Оля твоя». Оли не было. Мы поехали в больницу скорой помощи. Там среди больных в последнем списке было написано: «Неизвестная. Умерла от шока и травм в 23.00». Что нам оставалось делать? Пошли в морг. Там нам дали фотографии погибших. Смотрели мы втроем: я, Наташа и Анжела. Тут Наташа как закричит! Я говорю: «Что?». Она отвечает: «Она здесь». Я снова: «Где здесь?». Она отворачивается и показывает мне фотографию. Оля умерла. Мы выходим из морга, садимся в машину и молчим. В голове не укладывается. Как это могло произойти? Мы себе этого представить не можем. Подъехали к общежитию. Остановились. Я сидела на первом сиденье. Я повернулась, спросила: «Что будем делать, как скажем?». Мы выходим. А с утра как раз приходила Олина тетя, перед работой зашла узнать, все ли в порядке. Она и спросила, видели ли мы сегодня с утра Ольгу. Но ребята не поняли, подумали о другой Оле и ответили, что видели. Тетя ушла и оставила свой телефон: если что — звоните. Мы приезжаем, звоним нашему проректору и сообщаем ему это. Проректор позвонил Олиной тете на работу и попросил приехать на опознание. Тетя не поверила, говорила, что с утра была в общежитии и ей

сказали, что с Олей все нормально. Декан, преподаватель баяна и аккордеона и тетя поехали по нашим следам. Сначала в 9-ую больницу, потом в 10-ую, потом обратно в 9-ую. Тетя по фотографиям не определила, Оля это или нет, только на видео. В это же время в общежитии меня начинают пичкать таблетками. Я не могла ничего делать, ничего не соображала. Я до сих пор думаю, что Оля жива, что просто она уехала куда-то и скоро приедет. Следующее, что было, это морг. Я собрала группу, и мы распределили обязанности, ведь надо было и помочь родителям купить одежду, и обувь подобрать по размеру. Я осталась украшать комнату. Потом я поехала с родителями. Это было очень тяжело. Первый мамин вопрос был: «Как это случилось?». Я была в таком смятении, что не смогла ответить. В общежитии собрала все Олины вещи, чтобы ее маме не пришлось это делать: ей было бы очень тяжело. Родители приехали, забрали вещи и поехали в морг. Мы поехали на метро вслед за ними. Около морга мы собрались всей группой, были преподаватели, был Паша. Из морга вышла Олина мать, сказала: «Ну все, ребята. Держитесь. Все, что не доделала Ольга, доделайте вы». И еще сказала: «Покажите того парня, который любил мою дочь». На Пашу было больно смотреть. В морге мы с Олей попрощались. Я подошла к гробу и говорила с ней, как с живым человеком. Было очень больно... Потом мы поехали в общежитие, вечером нам надо было на поезд. И я опять поняла, что друзья познаются в беде: никто не одолжил мне денег. Мама привезла деньги, и вечером мы поехали, на похороны...

Перед тем как пойти на Немигу, Ольга исполнила на аккордеоне хорал Золотарева. В этот день она его выучила наизусть. Она играла со спокойным, сосредоточенным и в то же время умиротворенным выражением лица. Когда она закончила играть, то опять

стал веселая и радостная. Ольга была веселым человеком, уныние редко посещало ее. Она все воспринимала спокойно, знала, что выход есть из любой ситуации. Ее глаза всегда горели огнем жизни. Ольга отличалась особенными способностями: певучестью, легкостью и игривостью в виртуозных пьесах, но в «Очи черные» и «Болгарскую тетрадь» Зибицкого она вкладывала мощь, которая говорила о силе воли исполнителя.

Человек не знает, когда будет последний удар его сердца. Я верю в бессмертие души. Моя знакомая как-то сказала после трагедии: «Знаешь, Бог их забрал не зря, он забрал лучших. Там тоже надо молиться — за нас, чтобы оберегать нас от бед, невзгод, плохих событий». Душа вечна, она продолжает жить.

Очень хочется видеть Ольгу. Нужно жить дальше, но жить с состраданием друг к другу. Когда есть сострадание, горе как бы уменьшается. И я хочу, чтобы люди любили друг друга, ценили друг друга, чтобы не было этого цинизма, этой звериности. Хочется, чтобы молодежь была мягче. Вокруг столько всего интересного! А молодежь бродит как неприкаянная. Раньше к чему-то стремились, была какая-то направленность, а сейчас этого не хватает. Не хватает какого-то стремления. И еще я думаю, что нашей молодежи нужна любовь.

Рассказывает Юля Макарова, подруга Жанны Карпеко

— Мы с Жанной оказались на празднике случайно. Сначала решили пойти в город погулять. Зашли в парк Челюскинцев. Потом я предложила Жанне навестить Смольского — моего друга. Мы постояли, поговорили с ним. Я с ним поссорилась, и Жанна

успокаивала меня, говорила, что помиримся. Потом мы услышали музыку, и я сказала: «О, музыка играет. Пошли туда». Мы не знали, что там завод «Аливария» раздает бесплатное пиво за коробочки от «Магны». Мы вообще не знали, что там происходит. Там мы встретили одного знакомого парня — посидели, поговорили с ним. Нам с Жанной предлагали выпить, но мы отказались. Хотя вокруг пьяных людей было много — на горочке, которая спускалась к речке. Много пьяных было и возле сцены, где проходил концерт. Музыка была в стиле «рэп». Нам не понравилось. Мы собрались и пошли к метро. Жанна еще сказала мне: «Давай возьмемся за руки». И мы взялись с ней за руки, стали там, где начинается спуск в переход.

Мы стояли вверху и хотели выйти из толпы, но не успели, нам не удалось, толпа затянула нас назад. Мы хотели выйти и зайти с другой стороны. Но не успели даже развернуться. Нас потянуло вместе с толпой вниз, а сверху люди быстро побежали. Дальше я только одно помню, что по мне начали ходить, давить меня.

Меня как будто положили под пресс, придавили с двух сторон...

Града я не помню, точнее, я не попала под град. Очень сильно потемнело, вот тогда все и понеслись.

Но когда мы с Жанной шли в метро, то ни грозы, ни дождя не было.

Я упала и кричала. По мне ходили очень больно. Люди тоже кричали. Потом я помню, что очнулась на площадке между ступеньками. Я лежала и не могла ни слова сказать, ни крикнуть... Меня давили, а я не могла сказать ни слова. Лежала на спине. Помню, что мне кто-то наступил на горло, а потом ничего не помню... Я неожиданно пришла в сознание. Почувствовала, что кто-то бьет меня по лицу, дает пощечины.

Я то приходила в себя и одним глазом что-то видела, то снова теряла сознание.

Меня из перехода выносил милиционер — помню голубовато-серую форму. Думаю, что это был милиционер еще и потому, что когда он бил меня по щекам, стараясь привести в чувство, то рука была тяжелая и хлестал он меня больно. Я видела только одним глазом, не могла дышать и лежала на траве, как выброшенная на берег рыба, ничего не говорила.

Но глаза закрывались, и я снова отключалась. По правую и по левую сторону от меня лежали девчонки. А парни бегали и суетились. Потом, помню, один парень кричит: «Она умирает. У нее уже пена изо рта идет!». Видела, что парень делал девушке искусственное дыхание — рот в рот, а она умирала. Кричали: «Мы ее не спасем...» Просили: положите девушку на носилки, она уже при смерти. Брали людей, которые были на волоске от смерти.

После я снова потеряла сознание и ничего не помню. Долго лежала на траве, а затем хотела подняться, но не смогла встать. Потом все же пришла в себя, поднялась и сама поехала домой. Врачи мне не предлагали оказать помощь, я сама встала и пошла.

Как я добиралась домой, помню лишь отчасти. Помню: как стою в троллейбусе, а перед глазами все расплывается, ничего не вижу. Не могла держаться, стояла облокотившись на поручень. В троллейбусе какой-то парень спросил, где я живу, но я не ответила, потому что не могла произнести ни звука. И стала писать на листке, что живу в Серебрянке. Он не спрашивал меня, что со мной случилось. Когда я пришла домой, родители меня не узнали. У матери с отцом началась истерика. Мама рассказывала, что лицо у меня было фиолетовое, глаза красные...

У Жанны в сумочке лежали ключи от моей квартиры, деньги и все остальное. Я была дома где-то

в десять вечера. Мы позвонили в квартиру — я и тот парень, который меня привел. Папа открыл нам дверь и спросил, что случилось? Я ничего не могла ему ответить и тут же упала на пол, стоять не могла. Папа подумал, что я пьяна, спросил: «С тобой все в порядке?». Я пошла в ванную, согнулась над умывальником и снова мне плохо, я стала засыпать...

О том, что со мною в переходе станции метро «Немига» была Жанна, я вспомнила лишь тогда, когда приехала «скорая помощь». Мне начали мерять давление и что-то вкололи. «Скорая» приехала где-то через час после моего прихода домой. Я не могла говорить, писала врачам на бумаге, что я была на Немиге. Одна из женщин-врачей сказала: «Постарайся вспомнить, ты была одна или с кем-то?». И вот только тогда у меня что-то переключилось в мозгу, и я босая, в джинсах и оранжевой майке побежала на первый этаж. Отец догнал и остановил меня. Он спросил, куда я собралась, а я просто вспомнила, что была в переходе не одна, а с Жанной. Меня отвезли в больницу, и только через два дня я смогла позвонить. Трубку снял отец Жанны. И он мне сказал, что Жанна погибла тогда на Немиге. Я расплакалась. Только тогда я узнала, что Жанны не стало... В больнице я пролежала недели три, пока научилась понемногу разговаривать, пока восстановилось зрение, зажила голова...

Последнее, что Жанна мне говорила, это что она собиралась 30 мая ехать к своей маме. И еще о том, что мой парень — красивый и что она желает мне с ним всего самого лучшего. И все... Больше я Жанну не слышала...

Я считаю, что виновные случившегося — есть. Виноваты все. Молодежь, потому что была пьяна. Нормальные люди остановились бы, не топтали бы упавших. А молодежь все это видела и шла вперед, шла по

уже упавшим людям. И милиция тоже виновата. Неужели она не могла остановить толпу?

Меня больше всего поразил мамин рассказ. Она стирала мои вещи, в которых я была 30 мая. И говорила, что пиджак и блузка полностью были в крови. Я приехала домой мокрой насквозь.

Рассказывает Лилия, учительница младших классов

— Мы с сестрой собрались у нее дома отметить Троицу. Посидев немного, решили поехать в парк Челюскинцев. Но потом сестра с говорит: «Возле Дворца спорта будет праздник, будет выступать группа "Манго-Манго"». Хотя мы небольшие поклонники этой группы, но все же решили поехать. Мы любим отмечать праздники вместе — ходим, гуляем.

Где-то около 18 часов сели в метро и поехали. Решили: поедем в парк Горького, а потом по набережной выйдем к Дворцу спорта, ведь начало концерта в 20.00. Мы так и сделали. Вышли из метро и пешком, возле Дома офицеров, спустились вниз, к парку Горького. Ребенок покатался на аттракционах, а мы постреляли в тире.

Нас было шестеро: четверо взрослых и двое детей, старшему — восемнадцать, младшему — девять лет. Мы пошли вдоль набережной. Везде было много молодежи, все веселились, гуляли. Ближе к Дворцу спорта молодежи становилось все больше. Вокруг было очень грязно, валялись использованные стаканы, стояли пятилитровые канистрочки с пивом. Многие люди веселились. Не могу сказать, что все были пьяные, но навеселе были многие. Возле площадки, на которой должна была выступать группа, стояло два милицейских автобуса. Мы

пошли смотреть концерт. В самую гущу людей не пошли, стояли поодаль. Играла музыка, вроде как подошла и сама группа — нам было не очень хорошо видно. Нас насторожило то, что небо становилось темным, вдали был слышен гром. Мы думали: пронесет или не пронесет. Но, когда упали первые капли, мы все же решили уйти. Когда шли, видели, что на празднике продавали пиво и шашлыки, — мы шли мимо этих торговых точек. Как и многие, шли к переходу станции метро «Немига». Шли спокойно, но людей было очень много. Совсем молоденькие девушки, лет шестнадцати-семнадцати, а может, и меньше, обгоняли нас, стуча высокими каблучками. В тот день было очень жарко, они были очень легко одеты, а теперь становилось прохладно, вот спешили побыстрее уйти. Мы стали подходить к переходу. Сестре с мужем и ребенком тоже можно было ехать на метро, но они видели, что мы продвигаемся медленно, и решили не спускаться в метро. А нам было удобнее ехать на метро.

Ничего не предвещало беды...

Мы стали спускаться в переход. Шли втроем: я, муж и сын. Мы оказались ближе к правой стороне, но я почему-то стала отходить ближе к левой. Первой шла я, за мной — сын, а потом муж. К этому времени упало несколько капель дождя, и я обрадовалась, что мы уже под козырьком. Я сказала, что мы можем даже и не идти дальше, а постоять здесь, нас дождь уже не промочит. И тут стали давить сверху. Муж вцепился руками за край какого-то выступа и держался за него. Люди и выходили из метро, но основная масса людей шла вниз. Выходившие по стеночке в два ряда поднимались наверх. Я говорю мужу: «Игорь, выходим». Он отвечает: «Лиля, поздно». Тогда я говорю: «Владика задавят». Муж: «Бери его на руки». Я присела, чтобы взять его на руки. И в это время начало твориться что-то непонятное. Я

успела сказать мужу, чтобы он прижимался к выходившим людям — может, и нам удастся выйти. Я успела повернуться к мужу лицом, ребенок очутился между нами. Мы стояли на трех ступеньках. Я говорю сыну: «Прижимайся к стенке», но он меня не услышал. И в это время он оступается и падает под ноги людям. Я стала кричать: «Не давите, ребенок лежит, ребенок лежит!». Но никто ничего не слышал. И в это время на мужа — он хотел поднять сына — так надавили, что и его сбили с ног. Он падает, а на него падают другие, пошло перекрестное падение. Его завалило. Я уже не видела ни мужа, ни ребенка и стала кричать: «Не давите, остановитесь, что вы делаете...». Но никто ничего не может сделать. Я кричала до тех пор, пока мне не сдавили грудную клетку так, что я уже не могла вздохнуть. А потом я потеряла сознание. Очнулась лишь тогда, когда кучу из нас начали разбирать. Хотя — помню еще парня, который стоял передо мной. Помню, что он был в голубой рубашке. Мне казалось, что парень защищает свою девушку и изо всех сил отталкивается, а те, сверху, давят меня... Я уже не могла ни кричать, ни говорить и, наверное, от безысходности своего положения ущипнула ее. И прежде, чем потерять сознание, до того как я его потеряла, услышала, как стали скандировать: «Назад! Назад!». Кто и что делал, я не знаю, наступил провал памяти. Меня придавили стоя, а муж и ребенок упали. Люди были так плотно спрессованы, что потом нас буквально выдирали. Когда выдернули меня, я еще не пришла в сознание. Не помню, кто меня вытянул. По-моему, кто-то в гражданском, а может, милиционер.

У меня плохое зрение, я хожу в очках, а в толпе очки у меня сбили, и я была как слепой котенок. Я не видела лиц людей и страха на них.

Стали меня вытягивать, ноги мои так плотно зажаты, что я не удержалась и упала на ступеньки.

Обуви на ногах не оказалось. Меня поднимают, а я вижу — из-под моих ног торчит ручка моего ребенка, пальчики шевелятся. Как увидела, что сын живой, у меня так и подкосились ноги.

Меня вынес на руках какой-то мужчина. Никому не давали сидеть на ступеньках, чтобы не мешали спасать других. У меня ноги были как ватные, я ими не владела. Потом выбросили мою обувь. Потом меня приподняли чуть-чуть на руках, чтобы я могла посмотреть туда, вниз. Я наклонила голову и увидела, что муж сидит на ступеньках. Когда ко мне подбежал сын, я увидела, что у него вся правая щека ободрана. Он выбежал и сказал: «Мамочка, я думал, что больше не увижу вас». Мне очень трудно было дышать. И он расстроенно говорит: «Часы разбились, и я потерял один босоножек и порвал брюки». Я ему ответила: «Сынок, самое главное, что мы все остались живы». Муж сказал: «Пошли отсюда». Я оперлась на него, и мы отошли от этого места буквально метров на пять и шлепнулись на траву: дальше идти не могли ни они, ни я, так все болело. Оттуда мы видели, как из перехода выносили девушек и парней. Некоторые говорили, что не чувствуют ног, некоторых удавалось спасти, а некоторых нет. Какой-то мужчина в военной форме выбежал с мальчиком лет трех-четырех на руках и стал просить, чтобы кто-то помог. Было видно, что он хочет бежать в переход еще за кем-то. Я говорю: «Положите мне его на колени». Он положил. У мальчика были полуоткрыты глаза, на десенках — кровь, он шептал: «Мама, мама». Я начала его трясти, но потом испугалась, чтобы не сделать хуже. Тут подбегает ко мне парень и говорит: «Я из МЧС». Парень взял мальчика, перевернул и положил к себе на колено — видимо, чтобы он вздохнул. А потом взял ребенка и побежал. Мы немного посидели. Потом, в надежде найти очки, я решила сходить в переход. Стала спу-

скаться вниз. Там омоновцы разбирали вещи. Сумки с документами и кошельками откладывали в одну сторону, а все остальное — обувь, зонты — в другую. Проходить не разрешали, но я сказала, что там осталась туфля моего ребенка, а нам нужно ехать домой, и меня пропустили. В переходе было темновато, и я долго не могла найти очков. Наконец нашла, но оказалось, что дужки у них сломаны. Долго не могла найти и босоножку сына, омоновец помог мне найти ее. Туфля была вся раздавлена, расплющена. От медицинской помощи мы отказались, хоть сильно болела нога и не действовала рука. Решили ехать домой на такси, но нигде не могли его поймать. «Дохромали» до цирка, и там нас наконец подобрал таксист и отвез домой. Дома я стала греть воду — всем надо было вымыться, мы были страшно грязные. Только тогда я увидела, что у ребенка полопались на лице кровеносные сосудики, ссадина переходила аж на веко, была гематома в паху, а на спине два пятна с подтеками. У мужа было сдавление мягких тканей голени и зажаты два плечевых сустава...

Как получилась эта «пробка»? Все начинается с невоспитанности наших детей. Они любят создать кучу-малу, но не задумываются о том, чем это порой заканчивается. В школе дети бегут в столовую, например, все сметая на своем пути, готовы подавить кого угодно. Так было и тут. Никто не думал, что так может кончиться. Я не знаю, кто там упал первый. Я не была в самом начале. Там было три уровня ступенек, и я была на самом нижнем уровне. Я мало видела. Но давили сверху по-зверски.

Можно ли было предотвратить трагедию? Я как-то не думала об этом. Наверное, все просчитать наперед нельзя, ведь в каждом правиле есть исключение. Могло этого и не быть, но могло и быть.

В свое время я ездила в Москву и знаю, что если в спорткомплексе «Олимпийский» проходил какой-то концерт, то близлежащие станции метро закрывались. Вплоть до того, что туда вообще не ходил никакой транспорт. Люди шли по улице и постепенно рассеивались. Кто-то заходил [redacted] магазин, кто-то [redacted] кафе.

Ночь после трагедии мы провели дома. Я говорила мужу, что нужно пойти к врачу, хотела отвезти его в 6-ую травматологию, а ребенка показать участковому врачу, — о себе я как-то не думала.

Но муж заснул, ребенка мы тоже положили спать. Я то смотрела на сына, то слушала мужа — дышит или не дышит. Утром проснулись рано. Заговорило радио, и мы узнали, что на Немиге погибло 53 человека. У меня началась истерика. Потом я собралась и поехала на работу. Около восьми я ушла с работы. Дома включили телевизор. Советовали всем потерпевшим обращаться в «скорую». Мы вызвали «скорую помощь». Она приехала очень быстро. Нас всех забрали в разные больницы: мужа — в 6-ую, ребенка — в 9-ую, а меня — в 10-ую больницу. Сын поехал с тетей, сестрой мужа, ей не удалось уговорить его лечь в детский хирургический центр, и она привезла его домой. А меня обследовали, определили ушиб грудной клетки, назначили амбулаторное лечение и отпустили домой. Позвонила в 6-ую и узнала, что мужа оставили там. Сына все же пришлось тоже положить в больницу.

Где-то в десять часов вечера позвонили мои коллеги и спросили, не я ли учила Олю Бобрикову в младших классах? Сказали, что случилась беда: Оля погибла. Она присылала мне открытки, я знала, где она живет. 31 мая я узнала о смерти Оли, а 1 июня, перед тем как ехать к сыну, я зашла к ним домой…

Лена Садошенко, Катя Павлович и Оля Щербак, подруги Али Новаковской

Катя:

— Об этом концерте мы знали задолго, где-то за месяц. Говорили — «Манго-Манго» приезжает. Я сама эту группу не люблю, но хотелось послушать вживую. Собирались пойти, готовились. И если раньше родители меня куда-то то пускали, то не пускали, то здесь мама сразу согласилась, отпустила меня.

Лена:

— Моя мама не хотела, чтобы я туда ехала. Но я хотела туда попасть. Нас ни на одну дискотеку так не тянуло, как туда. Аля была очень веселой, с такой радостью ехала туда. Дождь начинался, мы уже думали не пойти, но Аля сказала: «Поедем, если будет дождь — где-нибудь укроемся». Она, в общем-то, и уговорила нас.

Катя:

— Нас было трое. Я еле успела приехать из деревни, чтобы не опоздать на встречу с подругами и пойти на концерт. Меня папа высадил на остановке, чтобы я успела, а сам поехал в гараж машину ставить. И тетя, и мама — все отправили меня, чтобы я не опоздала.

Оля:

— Я тоже была в деревне. Ради этой дискотеки уехала первым автобусом. В автобусе мне стало плохо, живот стал болеть. Я подумала, что не пойду, пропущу дискотеку. Девчонки звонили, последней Алька позвонила, спрашивала, пойду ли я.

Катя:

— Мы хотели успеть к выступлению «Манго-Манго». Вышли из метро и пошли на концерт. Подошли почти к сцене, старались стать поудобней, чтобы все было видно. Успели послушать только одну или две песни. Потом я уже не помню, как мы очутились в переходе.

Лена:

— Мы послушали эти песни, и нам не понравилось. Мы пошли в метро, чтобы поехать домой. Когда подходили к станции, начался дождь. Около входа еще было немного людей, но, когда мы начали спускаться в метро, откуда-то появилось очень много.

Катя:

— Я помню, что, когда мы входили в переход, там люди уже стояли, прятались от дождя. А потом все быстро произошло. Нам стало страшно. Я взяла за руку Лену. Оглянулась — а там Аля спускается. Я крикнула ей: «Давай быстрей сюда!». Хотела ей руку протянуть. И в считанные секунды такое налетело на нас...

Лена:

— Я шла и смотрела на ступеньки, чтобы не оступиться, не толкнуть кого-нибудь, хотела стать на следующую ступеньку, но уже не смогла. Начала наклоняться вперед, на людей. Сзади люди не видели, что впереди уже падают.

Катя:

— Получилось так, что ноги оставались на месте, а туловище наклонялось вперед. Перед нами были люди, а сзади толкали и все налегали друг на друга. Пройти ни вперед, ни назад было невозможно.

Не знаю, почему так получилось, в чем была причина. Может, в том, что уже перед дверями самого метро стояли люди, которые, наверное, думали переждать дождь. Сами люди создали пробку. Очень быстро все произошло.

Нас наклоняли постепенно, а потом было два таких сильных толчка, которые нас придавили, и мы упали. Мы не видели, как толкали, только чувствовали это на себе. Было невозможно изменить свое положение. Все произошло буквально за 5 секунд, а потом мы уже лежали, и нас долго не могли вытащить.

Мы лежали на пролете между лестницами. Когда кого-нибудь вытаскивали из-под нас и освобождалось место, то другой проваливался туда, а на него еще кто-то падал. Ощущение было такое, что мы съезжали по ступенькам. Для нас это время показалось вечностью. Сначала мы не могли кричать, не было возможности ни вдохнуть, ни выдохнуть. Кто-то кричал: «Помогите!», «А-а-а!», «Что происходит?!» и тому подобное. Было ужасно.

Кричали: «Назад! Назад!» — и просили, потом уже начали матом крыть, но ничего не помогало: сзади все давили.

Лена:

— Сначала я не могла вздохнуть. Подо мной лежал парень. Он упал на спину, и мы лежали лицом к лицу. Он меня как-то оттолкнул, чтобы я вздохнула. Он вообще помогал мне, поддерживал, чтобы я не задыхалась.

Катя:

— Там люди были один за одного. Конечно, встречались и такие, кто хотел: только бы я выжил. В основном там была молодежь. Они друг другу помогали. Некоторые девчонки уже дышать не могли, — им

головы поддерживали, били по щекам, у кого руки были свободные. Мне придавили ноги, и была ужасная боль. Я лежала на мужчине, он начал карабкаться, накрыл меня собой. Но какой-то парень смог достать мою голову: «Дыши-дыши!». Вот такие были там парни. Благодаря таким парням мы и остались живы...

Лена:

— Парень, на котором я лежала, меня все время отталкивал и говорил: «Скажи задним, чтобы они отталкивались и подымались». Я повернула голову, на мне какой-то парень лежал, говорю ему: «Подымайся!». А он смотрит в одну точку, не реагирует — наверное, был в сильном шоке. Потом, когда людей начали поднимать, парень снизу мне говорит: «Поднимайся», — но на мне лежали, на ногах, и я не могла ногами двинуть. Так он как-то вылез из-под меня, и меня вытащил, и я повернулась. Потом он куда-то делся, я не знаю — куда.

Самое страшное, когда не хватает воздуха. Ты думаешь: вот сейчас ты задохнешься. Очень страшно. Не знаешь, что делать. Задыхаешься, а подвинуться некуда, чтобы вдохнуть воздуха.

Катя:

— Когда включили кондиционеры и мы вдохнули воздуха — это просто неописуемое чувство. Страшно было. Казалось, что волосы стоят дыбом на голове. Очень страшно, когда начали отниматься ноги. Сначала ощущение покалывания, а потом раз — и ничего не чувствуешь. Пробуешь пошевелить, а ничего не получается.

Но если так подумать... Все говорят, страшно умирать, — нет, не страшно. Люди, которые лежали с нами, молили Бога, и я тоже: «Господи, помоги!». О себе не думала. У меня мысль проскользнула о брате.

Думала, если он сюда попадет, то умрет тут. Может, через такие мысли до меня доходила смерть, я не знаю. Если честно, то я не понимала, что происходит. Я понимала, что произошло что-то ужасное, и чувство было такое, как будто пусто внутри, и ужас такой, который при обычном страхе нельзя пережить. Я думала, что вообще все мертвые, только пару человек живых. Это чувство тяжело объяснить словами. Мы просто делали все как-то автоматически. Как понимаешь сейчас, все были в отключке: пошел, сел, кричишь, орешь...

Лена:

— Как поднялась, как подымалась по лестнице — не помню. Помню, что вышла и села на траву. Пацаны сильно плакали. Там ходили два пацана и искали своего друга, они так сильно кричали, что самой было жутко. Все люди, которые выходили из метро и стояли около этого места, или не понимали, что здесь произошло, или были в шоке. Даже те, которые не попали туда.

Пацаны, которые помогали вытаскивать людей, брали носилки и выносили девчонок, делали искусственное дыхание. Я помню, когда подымалась, то видела это: девчонка лежит, а они ей делают искусственное дыхание. Не смогли ее оживить. Она не вздохнула.

Потом подошел ко мне какой-то парень, начал успокаивать и сказал: «Иди домой».

Я не хотела уходить, кричала, что мне надо найти Катю с Алей, но парень меня отправил домой, как-то уговорил меня уйти. Помню, иду, а рядом идут два пацана и одна девчонка, и один из них начал смеяться над тем, что произошло, а второй его чуть за это не ударил. Я позвонила домой. Брат поднял трубку и не понял меня, он решил, что меня изнасиловали, но сразу выехал за мной. Я села на бордюр, а мимо

ходят люди и думают, что я пьяная. Подошли ко мне милиционеры и спросили: «Девушка, вы пьяная? Может, вас отвести?». Я ответила, что я не пьяная. Милиция даже не знала, что в метро случилось. Тут подъезжает машина, это были мои родители. Начали расспрашивать, а я не могу отвечать, плачу и говорю: «Там все умерли».

Катя:

— Я лежу и смотрю — все люди руки тянут и кричат: «Помогите! Помогите!». Я думаю: может, и мне протянуть? Меня вытащил парень. Он был в белой майке, и я подумала, что умерла, а это пришел за мной ангел. Парень этот меня хватает, и такие силы во мне откуда-то взялись, что я начала карабкаться. Парень меня тащит, и, когда взялся за правую руку, было очень больно: люди ноги мои не отпускали. Я начала просить, чтобы не тянул сильно, потому что очень больно. А потом как-то получилось, что и сверху людей растаскивали, и он меня — шух! — и вытащил. Я повисла на нем, ног не чувствую. Он спросил: «Можешь подняться?». Я говорю: «Нет, я ног не чувствую». Он взял меня на руки и наверх вынес. Там был его брат, он меня оставил с братом, а сам побежал другим помогать. Его зовут Женя, и мы с ним теперь дружим. Женя меня отвез домой. Если бы не Женя с братом Сашей, я, наверное, ползала бы там и искала Лену с Алей, хотя там невозможно было найти друг друга. Когда меня вытащили, я кричала: «Найдите Лену и Алю!», — а Саша удерживал меня, успокаивал и говорил: «Я же не знаю их. Как я их буду искать?». Хорошо, что он был возле меня, держал и не пускал никуда.

Наверху был страшный вид: люди мертвые лежат на газонах, девушки сидят грязные, растрепанные, «скорые», милиция. Все носятся, кричат. Милиционер вышел со станции метро и начал кричать в рупор,

чтобы все отходили от перехода. Некоторые женщины стояли, плакали, за голову держались. Равнодушных не было. Основную помощь оказывали простые люди: парни, женщины, мужчины, которые были наверху, а потом растаскивали нас. Когда выбиралась, видела: на полу босоножки, зонтики, сумочки, грязь. Парень стоит с девушкой — босоножку ей ищет среди всего этого. У меня на щеке был отпечаток мужского ботинка.

Все ступеньки до потолка были уложены людьми. Не знаю, как такое могло получиться.

Как потом мне рассказал парень, который меня вытащил, он посмотрел, что я вроде целая, и решил, что лучше отвезти меня домой. Довел до квартиры, я зашла, а там уже родители. Они рассказывают, что я была в сильном шоке, несла такой бред, что они ничего не понимали. Решили: может, меня изнасиловали? Представьте, открывается дверь и заходит дочка — вся синяя, одежда грязная, волосы растрепанные. На вопрос, что произошло, кричит, что люди умирают, много трупов, а они ничего не понимают, вроде не война. Что я помню, так это то, что я побежала, включила БТ и жду, когда покажут то, что я видела: возле дерева лежащую мертвую женщину в черном платье в белый горошек, без босоножек, грязную. Сижу и жду. Потом уже мама вызвала «скорую», и меня забрали в больницу.

Мне делали рентген, когда приехали Алины родители. Я помню, как мы подошли к ним и моя мама спросила: «Нашли?». — «Нет.» Папа мой тогда на машине был, и они целую ночь ее искали, а она оказалась в той же больнице, что и я, только мертвая.

Лена:

— Приехали домой, и я сразу Кате позвонила. Мы не знали, где Аля. Мама позвонила Алиной маме и спросила, не вернулась ли Аля. Ее дома не было.

Мама не знала, как сказать, что такое на Немиге случилось. Сказала: «Ты сильно не переживай, но такое случилось...». Алина мама сразу бросила трубку и ничего не сказала.

На следующий день мы шли из училища и увидели Алиного папу с каким-то мужчиной. Мы решили спросить, нашлась ли Алька. Подошли и спросили: «Где Аля?». Мужчина поворачивается и говорит: «Она погибла». Он сказал таким тоном, что я сразу не поверила. Говорю: «Вы что, шутите?». — «Нет.» У нас начался такой рев...

Потом мы ходили на похороны. К Катьке поехали в больницу, но ей не говорили об Але. Она спрашивала: «Что с Алькой?». Я чувствовала, что виновата в том, что я ей этого не говорю, но все равно ответила: «Не знаю».

Катя:

— Мне говорили, что Аля в больнице, у нее что-то с головой, и к ней не пускают.

Лена:

— Меня мама хотела положить в больницу, но я почему-то не захотела. Я думала, что там столько людей погибло, а я поеду в больницу.

Катя:

— Сейчас я вспоминаю, что тогда было впечатление, что всем надо именно туда войти. Почему все пошли именно в этот переход — не знаю. Почему и за что пострадала именно молодежь — невозможно дать ответ. Неизвестно, есть ли виноватые. Получается ведь, что мы сами себя давили.

Лена:

— Мама хочет со мной съездить в переход, но я не могу. Я не могу, когда много людей. Мы ездили

с мамой в Ждановичи, и нам надо было ехать на метро мимо Немиги. Дверь открылась и объявили: «Станция “Немига”». Я сразу начала плакать. Однажды в метро при мне девчонка с усмешкой произнесла: «Сейчас устроим Немигу». Мне хотелось ее растерзать за такие слова. Кто не был там, не понимает этого. Внутри все обрывается, сразу пусто становится.

Катя:

— Мы боимся воспоминаний. Самопроизвольно встает картина. Я не могу пойти в переход. Там, как показывают, все стены исписаны, и стать на эти ступени я не могу. Сейчас я в метро одна не хожу. Страх, когда я одна. Пусть бы перекрыли этот переход. Мы будем всегда это помнить. А другие могут и забыть. Есть же люди разные, многим это не надо.

У нас и сейчас бывает такое ужасное состояние, будто вчера все это произошло. Время не идет, а стоит на месте. Бывает даже такое: чувствуешь, как будто на тебя давит все, что пережито там. В какой-то степени психологи помогли, но это останется с нами до конца жизни.

Наташа Виленская и Оксана Стасюкевич, подруги Оли Плаксы и Лены Филипповой

Наташа:

— Мы в этот вечер собирались пойти в театр, но мама пришла домой и сказала, что днем на Машерова праздник, который проводит «Магна», и что мы можем посмотреть его. Сначала мы съездили вдвоем с Оксаной и посмотрели, какое там было днем гулянье, а вечером сказали родителям, что пойдем в театр, а пошли на праздник. Мы были с Олей Плаксой и Леной Филипповой.

Когда мы туда приехали, на сцене был концерт. Сначала выступал белорусский ансамбль, а потом группа «Манго-Манго». Мы были совсем рядом со сценой. Народ веселился до упаду. Выпивших парней было много. По всей площадке были разбросаны пустые бутылки.

Вскоре все небо заволокло тучами, а потом пошел сильный дождь. Сначала мы растерялись и не знали, куда бежать. Много людей побежало прятаться в метро, и мы вчетвером тоже туда кинулись. Мы оказали почти в середине. Сначала продвигались шагом, а после того, как зашли под крышу, резко остановились. Мы не поняли, в чем дело, ничего не было видно. И тихо было, никто ничего не говорил.

Мы были вместе, вчетвером. Мы до самого конца были вместе. Через какое-то время нам стало очень страшно. Нас сильно сдавили, я почувствовала, что теряю сознание. К этому времени люди, стоявшие впереди нас, уже лежали на земле. Нам стало не о кого опираться, а сзади продолжали давить еще сильнее. Дальше я не помню: потеряла сознание.

Оксана:

— Я сразу поняла, что мы уже не владеем ситуацией, а нами управляет толпа. Это произошло в тот момент, когда нас подняли и закинули на лежащих внизу людей. Страх парализовал все тело. Самым ужасным для меня было тогда, когда не хватило сил и воздуха и мы сползли вниз на бетон. Кто был более сильным, продолжал стоять.

Люди, лежавшие под ногами и впереди нас, создали преграду, стену. Продвигаться дальше было невозможно. Мы оказались в самом низу. Те, кто был внизу, молчали, а сверху еще кричали: «Назад, назад!». Помню, что от нехватки воздуха очень хотелось

спать. Люди просили о помощи, молили: «Пожалуйста, не надо! Хватит! Остановитесь!».

Когда мы уже легли и наступила тишина, в толпе постоянно кричала одна женщина. Она молилась и просила Господа Бога помочь ей, говорила, что впервые просит у него помощи.

Наташа:

— Все это началось на том промежутке, где мы остановились. Я очнулась, лежа на ком-то, нашла глазами Оксану и с большим трудом перекинулась с ней пару фразами. Это было сделать очень тяжело. Помню, что к тому времени стояла страшная тишина. Кто-то был без сознания или уже мертв.

Когда начали растаскивать, первую вынесли Оксану. Я легла лицом на бетонную плиту, и, помню, мне стало так хорошо — она была такой холодной. Рядом со мной вытаскивали мужчину и стали мне на руку. Было невыносимо больно.

Оксана:

— К тому времени я уже почти уснула. Мне было трудно дышать, но тут я почувствовала, что стало больше воздуха. Сначала я подумала, что просто привыкла к этому состоянию, но потом повернула голову и вверху увидела узкий пучок света. Я просунула руку в этот просвет и схватила кого-то за воротник, держала, не отпуская. Возможно, это были люди, которые занимались «раскопкой тел». Кто-то вытащил меня на поверхность, а одна нога осталась заваленной телами. Самостоятельно вытащить ее я не могла, не было на это сил. Все, кто проходил рядом, пытались помочь мне, но у них ничего не получалось. Потом два милиционера с трудом вытащили меня и на руках вынесли наверх. Когда я очнулась, то увидела, что сижу на ступеньках. Впереди я видела кучу трупов с синими лицами, лежавших один на

другом. Потом я повернула голову и увидела Ольгу. Она лежала одна, в стороне, головой вниз. К ней уже никто не подходил.

Это было ужасно, то, что я видела и слышала. Все плакали, кричали, звали своих детей, рассказывали о том, кто что запомнил и кто что видел. С перехода вынесли одного парня с женским каблуком в животе, у дочери на руках погибала мать, и она кричала во весь голос, чтобы кто-нибудь спас ее. «Скорых» было очень мало, и поэтому большую и неоценимую помощь оказывали сами люди. Из-за недостатка медперсонала спасали только живых, а если видели, что человек уже не дышит, отходили. Один парень, сделав искусственное дыхание женщине и массаж сердца, спас ее.

В то время, когда мы почти добежали до метро, шел мелкий дождь, а когда все закончилось и всех растаскивали, светило солнце, — дождь был совсем короткий.

Наташа:

— Первыми начали растаскивать тела молодые парни, которые сами были там. Я запомнила, что они стали цепочкой у стенки и передавали тела один другому. Меня тоже вытащили, а молодой парень вынес меня на руках и положил на траву. Я просила, чтобы он не оставлял меня одну. Было страшно остаться одной. Он успокоил меня, позвонил моим родителям и сказал, что все будет хорошо. Вскоре рядом со мной положили девушку без сознания. Ей тут же начали делать искусственное дыхание. Я в это время слышала, как один мужчина звал женщину, у которой была видеокамера. Я помню, что когда всех выносили и складывали на траву, то она была влажной, а с земли шел пар.

Вскоре парень нашел машину, и меня отвезли во 2-ую больницу. Водитель разговаривал со мной все

время, просил, чтобы я не спала. В больнице ко мне минут пятнадцать никто не подходил, а потом я сама подозвала к себе проходящего мимо доктора и попросила осмотреть руку. Он ответил, что у него есть больные посложнее, и ушел. Позже меня посадили на коляску и повезли к машине скорой помощи. Когда мы проезжали по коридору, то место оставалось лишь для коляски, а все вокруг было заставлено каталками с пострадавшими. Меня отвезли в больницу скорой помощи.

Во 2-й больнице я видела маленького ребенка, который на празднике потерял своих родителей. Сюда же привозили погибших на Немиге.

Врачи определили у меня сжатие окончания нервов. Я просто не чувствовала своей руки, а на левой руке был вывих. Также было легкое сотрясение мозга. Я полтора месяца пролежала в больнице.

Оксана:

— Я тоже была в больнице, долго никто не соглашался отвезти меня туда, пока один парень не посадил меня в машину скорой помощи. Пока я ждала в больнице, то видела, как беспрерывно привозили новых пострадавших. Среди них было очень много женщин. Помню, у одной девушки случилась в больнице истерика. Она радовалась и кричала, что у нее не порвались колготы.

Врач осмотрел мою ногу и сказал, что это не перелом, а сильный ушиб. Сделал снимок головы и грудной клетки. Когда я лежала в палате, ко мне зашли родители. С ними приехали и Ольгины родители. Они спросили меня, что с Олей, и я ответила им, что не уверена, но, по-моему, она умерла. Ее мать выбежала из палаты вся в слезах, а отец раза два-три переспросил меня об этом. Это мне рассказывала моя мать, потому что сама все происходящее помню

смутно. Знаю, что затем они объездили все больницы и морги.

В больнице я давала телефон находившимся там людям и просила позвонить моей маме. Они сказали ей, что со мной случилось большое несчастье. У мамы первые мысли были о том, что я попала под машину, но потом ей объяснили, что в метро произошел обвал и погибло много людей, а мне еще повезло, и сообщили, где меня найти. Когда мама приехала в больницу, то осталась со мной на ночь, легла со мной на кушетке, но уснуть нам так и не удалось. Помню, ночью на улице долго кричала женщина: «Анечка, доченька, ну зачем ты это сделала, зачем ты пошла туда!».

Наташа:

— Мои родители подвозили на машине женщину с мужем в БСМП. Они искали дочку и племянницу. Потом мы узнали, что обе девочки погибли и находились во 2-й больнице, там, где Оля и Лена.

Оксана:

— Мне часто снится Оля, как будто она осталась жива, а еще — пустой переход, в котором я лежу одна и мне тяжело дышать. Лену в своих снах я вижу мертвой.

Наташа:

— Мне иногда снится темный переход в метро, а за своей спиной я слышу Ленин голос.

Оксана:

— У меня был один сеанс у психолога. Она меня подвергла гипнозу, и я увидела Ольгу: она была вся в белом, а я в темном. Я стала говорить ей, что хочу к ней, а она ответила, что мне еще рано и что у нее все хорошо.

Наташа:

— Самое ужасное то, что погибли наши подруги. 15 января у Оли был день рождения, а 30 сентября — у Лены. Накануне Олиного дня рождения наш классный руководитель от всего класса отнесла родителям корзину цветов, а потом мы всем классом съездили к ней на могилу.

Мама долго мне ничего не говорила о смерти Оли и Лены, а во вторник сказала, что устала и пойдет домой поспать. Ее не было несколько часов, и я уже стала волноваться, куда она могла деться. Потом я узнала, что мама была на похоронах девочек. Об их гибели я узнала только в пятницу.

Оксана:

— Когда я заводила разговор об этом, мама говорила мне, что девочки в очень тяжелом состоянии. Когда я приехала домой из больницы, мама не разрешила включать телевизор, но потом я все же включила, и в этот момент зачитывали список умерших. Из него я узнала, что Лена с Олей погибли.

Наташа:

— Не понимаю, как и из-за чего все это могло произойти. Просто побежали, ни о чем не задумываясь. У ступенек были решетки для стока воды, и у женщин застревали там каблуки или они спотыкались о них, а в это время давила толпа, и люди падали, а подняться уже не было возможности.

Я не помню, кто меня спас, но мама рассказывала, что вместе с ней работает девушка, брат подруги которой Саша вытянул из перехода какую-то Наташу. Он сейчас служит в армии и приходил домой в отпуск. Может, это тот парень, который вытащил меня?

Оксана:

— Я не помню того, кто меня вынес. Меня постоянно кто-то звал к телефону, но я не могла подойти. Я не знаю его имени и смутно помню лицо. В памяти осталось только то, что у него были серого цвета джинсы и он был без майки.

Наташа:

— Говорили, что священник приходил три раза на тот праздник и просил разойтись и не мешать службе, которая проходила в церкви, предупреждал о приближающейся грозе.

Оксана:

— Я знаю, что когда-то давно на этом месте также погибло много людей и их никто не оплакивал. Говорят, что это произошло не случайно, что это была Божья кара, что Бог забрал в этот раз самых лучших.

Наташа:

— Наши подруги были очень хорошими, как Лена, так и Оля. С Леной мы дружили с детства, и наши родители тоже, мы просто оказались с ней в разных школах. С Олей я была в одном классе, а каждые выходные ходила в гости к Лене. Помню, как играли в куклы, пекли пироги и собирались в нашей компании.

Оксана:

— Очень больно встречаться с их родителями. Я помню взгляд Олиного отца, который по нескольку раз переспрашивал меня о том, что случилось с Олей. После случившегося мне стало страшно ездить в транспорте, некоторое время я боялась людей.

Наташа:

— С того дня осталось чувство, что совершилась большая ошибка, невосполнимая утрата. Все

получилось очень несправедливо. Почему кто-то остался жив, а кто-то умер? Ведь были там все вместе.

Андрей Амельченко,
друг погибшего Димы Корзуна

— Я в тот день решил выбраться на концерт. Мы с Димой Корзуном часто ходили на такие мероприятия, собрались и на этот раз. Много было рекламы, и я его подзадоривал — пойдем. Дима сказал, что пойдет со своей подругой Леной Стрелковской. Я пошел со своей девушкой — Светой.

На празднике было много людей, пиво, очереди. Помню, «Манго-Манго» начали петь, и я случайно встретился с Димой. Это было часов в восемь, и буквально пару композиций послушали, как начало моросить, люди потихоньку расходиться начали. Я Диме говорю: «Пошли, сейчас дождь лупанет». У нас зонтиков нет, в майках пришли.

Направились к пешеходному переходу, чтобы переждать дождь, а он начался посильнее. Дима говорит: «Пошли в метро». Мы и пошли туда.

Дождь влупил, мы со Светой побежали вперед, а Дима остался сзади. На пару ступенек спустились, когда обратили внимание: на бортиках над входом в метро сверху парни стоят и кричат, чтобы не шли туда, там идти некуда. Я подумал, что это прикол, что поупивались парни. А потом глядь вниз — оттуда человек десять пытаются вернуться. Там, внизу, уже был затор.

Я повернулся назад, а там — стена, не пройти. И она на нас, и потихоньку мы начали вниз спускаться. Сзади давили, и ни вправо, ни влево уже нельзя было двинуться. Диму я потерял в самом начале и не видел потом.

Я остановился уже в переходе под аркою. Сверху — выемки для фонарей. Положение тела — неустойчивое: вначале на двух ногах стоял, а потом ноги начали отрываться от земли, и я уже чувствую, что лежу на ком-то, подо мною люди. Пытался ногу вытащить, но это было невозможно. Упасть я не упал, люди подо мной были — некуда было падать. Я стоял буквально в метре от стенки, а тех, кто возле стенки, страшно прижимали, лица чуть ли не по стенке размазывали.

Помню, как только начали давить, женщина одна кричала: «Ребенок там, ребенок...». Там жали так, что ни рукой ни ногой пошевельнуть нельзя было, чтобы чем-то помочь.

Я стоял боком, голову повернул — сверху людей прибывало и прибывало. Посмотрел вниз — там люди лежали. Некоторые уже стоят, видимо, выбрались сами. Они пытаются вытащить из-под самого низа людей, которые самые первые попадали. Но там принцип домино срабатывает: вытаскивают человека — на его место другой падает, еще вытаскивают — следующие еще ниже падают, и чем больше тащишь, тем больше валятся и тем больше туда вниз проваливаются.

Когда очень сильно начали давить, я руки прижал к груди: руки отожму — вдохну, и опять прижимаю. Подруга оказалась рядом со мной, я помогал ей, но она говорит: «Воздуха не хватает. Андрей, мне нечем дышать». Воздуха там действительно не хватало, душно было. Говорю: «Света, голову вверх, дыши». Она тянулась.

И тут раздался крик: «А-а-а-а-а-а-а...». До этого все более или менее спокойно было, но, когда начали кричать, волосы зашевелились от страха. Такой крик был: буквально все — девчонки, мужики, женщины — кричали. Невозможно было слушать. Я думаю: «Все, пропал...». Только тогда понял, что что-то серьезное. Минуту этот крик стоял, потом — тишина...

Потом пошел крик: «На-зад!». Кто-то начал — и все из последних сил: «На-зад, на-зад, на-зад!..».

Смотрю, с самого верха начали чуть-чуть отходить. Уже нам легче. Свету наверх толкнул руками изо всех сил. Смотрю назад, а там лежит гора людей, человек пятнадцать, без сознания — у кого голова разбита, майки в крови. Из-под этой горы голова пацана торчит: «Дяденька, помогите». В самом низу был, чуть вытянул его. На нем чьи-то ноги, гора людских тел. Поразило: сверху столько людей, а он в сознании и не поцарапанный нисколько. Я его вытянул, мужчина какой-то его на руки — и побежал с ним. Парень с побитой головой мне помог — кого-то еще вытянули.

Когда выносили людей, я видел их синие лица. Для одного такого останавливают машину, тянут его туда — везти в больницу. Куда его? Делайте что-нибудь: искусственное дыхание, что угодно... Куда его в машину? Не довезете...

Но таких, что руки, ноги поломанные, я не видел. Видел только трех-четырех человек посиневших. Да, была у кого-то разбитая голова, кровь на рубашках, но я считал, что они только ранены. Столько людей погибло, я не представлял. Думал, человек десять... Диму не видел, хотя, как потом оказалось, он был в паре метров от нас.

Единственный раз видел милиционеров, когда уже сам начал выбираться. Они тех людей, которые выбирались наверх, подтаскивали. Их стояло там человека четыре, они кричали: «Давайте туда... Давайте сюда...». «Скорых» еще не было, только потом подъезжать начали.

У Светы началась чуть ли не истерика, она просила: «Андрей, пошли, пошли. Я не хочу здесь быть...». Мы пошли пешком до Октябрьской. Света жила с Димой в одном общежитии, а у меня наряд, время поджимало, но все же нужно было отвести ее домой. Куда я ее одну отправлю?

Захожу в общежитие, там Лена. Говорит, Диму вытащили, он весь синий был. Говорит, ему пробовали делать искусственное дыхание, потом подошел доктор. Ему говорят: «Сделайте что-нибудь...». — «Что я буду тратить время на мертвых, живым надо помогать», — сказал доктор, даже не посмотрев, и пошел. Диму хотели загрузить в «скорую», но там сказали: «Не надо мне мертвых, у меня еще живые есть». Его куда-то забрали, повезли.

Я начал все больницы обзванивать — никто не знает: Дима был без документов. Обзвонил все морги — «к нам не поступали», «у нас один, у нас два, но документы есть, такого нету». Потом мне говорят: «Позвони в Чижовку, там есть морг». Звоню, спрашиваю: есть такой или нет? Мне доктор говорит: «Подожди, парень, тут разобраться не могу. Тут столько трупов! Практически вся информация только утром. Приезжайте, опознавайте». — «Много людей?» — спрашиваю. «Больше 50». Я за голову схватился.

Не думаю, что это кто-то специально сделал. Мог какой-то человек поскользнуться, а сзади поток через него, цепляется, падает. Застопорилось, а пара пьяных дебилов начинают: «Подтолкнем, чтобы побыстрее пошло...». И тут было это — «подтолкнем». Не видят, что делается впереди. Остановиться впереди стоящие не могут: видят, что люди лежат, они рады остановится, но сзади вот эти толчки. Если упал человек, возможности отступить или подняться уже не было. Не наступить, не лечь на кого-то я просто не мог. Я дышать не мог, рукой пошевельнуть... Ничего не зависело от отдельного человека.

Маша Ромашка,
подруга погибшей Лены Янцовой

— В тот день, 30 мая, Ленка предложила поехать на концерт. Я спросила: «Кто там выступает?». Она

сказала: «Группа “Манго-Манго”». Меня на концерт не отпустили бы, поэтому я сказала, что еду просто в город, и мы поехали. Ленка все дорогу сияла. Вы не представляете, какая она была счастливая. Еще в автобусе мне говорила: «Ты посмотри, как я загорела, как я загорела». Мы ехали втроем: Пыжик, еще одна наша подруга, я и Лена. Они ехали вместе и на следующей остановке должны были меня забрать. Я жду их на остановке и встречаю парней из нашей школы. Их тоже трое. Я у них спрашиваю: «Куда вы?». — «На концерт, а ты?» Я сказала, что тоже еду на концерт, жду девчонок. Мы поехали вместе. А Ленка все о своем загаре: «Ну посмотрите, как я загорела! Мне так трудно загореть!». Мы с Пыжиком уже смеемся над ней, а ей все равно. Доехали на автобусе до Немиги, вышли, перешли через дорогу и идем. Наши парни говорят: «Девушки, вы нас подождите, мы сейчас за пивом сбегаем». Мы остались, а они пошли. Мы стали потихоньку продвигаться все дальше и дальше. В конце концов мы парней своих потеряли.

Народ все прибывает и прибывает, и мы постепенно продвигаемся все ближе к сцене. Почти у сцены увидели двух парней — высоких таких, красивых. Я говорю: «Ленка, это мой» — и показываю на одного. А она мне в ответ: «Нет, это мой». Ну стояли мы так, смеялись, шутили. Потом кто-то из девчонок предложил уйти — мол, устала.

Мы отошли к набережной. Ленка села на тротуар, а мы с Танькой, Пыжиком нашим, разулись и опустили ноги в воду — вода грязная, но нам так жарко, так жарко.

Я говорю: «Лена, пошли домой, скоро дождь начнется». Сначала мы бежали, а потом, перед входом в переход, перешли на шаг. Там была толпа, но было спокойно. Только мы не поняли, зачем нам было в метро. Я не знаю. Нас что-то толкало, и мы шли. Когда мы спустились на первую площадку, я обернулась,

а там кричат, прямо кошмар какой-то. Кричали: «Что они, ходить разучились?». Я не знаю, кто кричал. Все волосатые какие-то.

Толпа начинает давить. И не можешь ни выйти, ни повернуться. Я смотрю на Лену, а у нее в глазах страх. И тут я падаю на лестнице, и все. Лену из виду я потеряла. И самое страшное то, что никто не останавливается. Тут какой-то парень мне начал помогать подняться, я уже как будто поднялась, оборачиваюсь и вижу, что вся толпа падает на меня. Я уже не знаю, что мне делать. Мне уже зажало ноги, я уже не могу встать и начинаю плакать. И кричать: «Помогите!». Последний раз я видела Лену, когда она упала к моим ногам. Потом меня начали тянуть мужчины какие-то. Я им говорю: «Оставьте меня, мне больно». Действительно было больно — такое ощущение, что кожа с рук сдирается до костей.

Наверное, первая часть толпы зашла в метро, а оно было закрыто, и все остановились. А середина, то есть мы, попадала. Лежу, а тут такая суматоха, никто не понимает, что происходит. Но точно я всего не помню. До Лены просто никто не дотянулся, и она осталась под этой лестницей. А я лежала сбоку, около какой-то железяки. Я не могла понять, почему все эти люди стоят и не выходят, ведь не хватает уже воздуха. Меня все какой-то парень подбадривал, но я его не запомнила. Там не было света. Я лежу и вижу, что люди идут и падают на нас. И думаю: «Неужели никто не видит, что тут люди лежат?». Люди лежали уже в несколько пластов. Получалось так, что верхние доставали уже практически до потолка. И те, что были сверху, орали от такой адской боли, наверное, что невозможно было терпеть. Тут этот парень мне говорит: «Уже все, начинают растаскивать, потерпи пару минут». И по лицу меня бьет, и тормошит. А я открою глаза,

посмотрю на него и опять закрываю. Я ему сказала: «Еще пару минут я потерплю, но не больше». И тут нас начали растаскивать.

Если бы растаскивали с двух сторон, спасли бы больше человек. Парень недалеко от меня, сверху, лежит и орет: «Мне ногу сломали!». А я лежу и думаю: «Ничего себе, а что с теми, кто лежит под тобой?». И тут уже нас растаскивают, осталось лежать человек двадцать, и парень мне говорит: «Ты поднимись, я тебе помогу». Я ему ответила, что у меня все атрофировалось, что я не могу шевельнуться. Я уже думаю, что у меня паралич какой-то, что зачем мне жить, если я не буду двигаться. Тут этот парень берет меня на руки и выносит из метро. А я ему еще говорю: «Только на грязное не клади». А на улице видно, что хороший ливень прошел. Он мне отвечает: «Хорошо, положу тебя на траву». И вот он меня несет, а я смотрю, что вокруг делается. Боже мой! Так страшно! Я столько трупов увидела, столько лежащих людей! И кровь у кого льется, у кого что-то еще... Стало очень страшно. Я у парня спрашиваю: «Что произошло?». Хотя я знала, что́ примерно случилось, но чтобы это было настолько серьезно?! Парень мне говорит: «Я пошел. Там много еще людей осталось». Он меня спросил, может, меня в «скорую» отнести, а я ему ответила, что не хочу, что пусть в «скорой» едут те, кому надо. Потом он мне сказал, что вон там стоит автобус с милицией и что они меня отвезут. Я сказала, что с ними не поеду. Он ушел.

А я лежу и не чувствую своих ног. Потом одна нога отошла, а вторая плохо слушается. Я кое-как встала и подошла к девчонкам, которые стояли рядом. Я попросила у них попить. Парни этих девчонок растаскивали всех из перехода. Какая-то девчонка сует пиво. А я знаю, что вина вся была в этом пиве, что из-за него теряли рассудок, толкались, пихались.

Я ей говорю: «Пей сама». Та не поняла, а я ей говорю: «Отойди». Другая девушка мне говорит: «Подожди, ведь тебе помочь надо. Сейчас подойдут наши парни, и мы тебе поможем». Тут подошли парни, и один говорит: «Только что вынес двух девчонок, одна жива, а другая — умерла». Я уже начинаю думать, что случилось с моими подружками, где они. Начинаю расспрашивать, какие это девчонки, как они выглядят. Он мне рассказывает, что одна беленькая, блондинка, а другая черненькая. Беленькая умерла, а черненькая — жива. Я поняла, что это не мои. Тут у меня начался шок, я начала плакать. Эти девушки и парни посадили меня в милицейскую машину, отвезли домой. Родители были в шоке.

Я сразу же начала всем звонить. Звоню Пыжик, а мне отвечают, что ее нет. Ну ладно, думаю, где-то едут еще с Леной. Через полчаса звонит мне Пыжик, а я в это время в ванной, грязь отмываю, раны свои мою, а они болят, невозможно. Отец ломится в ванную, говорит, что Таня звонит, а я в шоке, ничего не могу ответить ему. Я ему потом сказала, что ни с кем не хочу разговаривать. У меня рубашка в крови. Кровь у меня самой только на ногах, а это, наверное, с кого-то капало. Отец еще раз говорит: «Это Таня звонит». Говорю: «Давай». Я подошла к телефону, и тут выясняется, что Лену никто не видел. Тане повезло, она как-то успела выбежать, а о Лене ничего не было известно. Мы начинаем звонить, искать. Ничего неизвестно. Милиционер сказал, чтобы ждали: может, по телевизору что-то покажут. Но вечером по БТ ничего не показали. А уже ночь, я не могу от боли спать, все болит ужасно. И в душе как будто что-то оборвалось. Ведь поехали втроем, втроем и должны были бы вернуться. Наутро я говорю папе: «Звони, я больше не могу». И отцу сказали, что Лена погибла. Вот и все.

Я еле встала и сказала, что пойду к ней. А родители мне: «Куда ты пойдешь, ты еле ходишь». Я говорю: «Нет, мама, я пойду». Купила цветы и пошла...

Когда я в переходе лежала, у меня вся моя жизнь прошла перед глазами. Боже, почему такая несправедливость! Лена лежит, руки сложены...

На следующий день, когда хоронили, я знала, что мне надо прийти еще раз с ней попрощаться, чтобы запомнить на всю жизнь. А ведь вчера только вместе гуляли, смеялись.

Ну как это так: пошли гулять втроем, а вернулись вдвоем... И до сих пор не могу отойти от этого, ношу это в себе. Ведь все равно есть какая-то ответственность на тебе, что ты вернулась, а она — нет. Что я не привела ее домой. Я ведь не такая хорошая, как Ленка. Я знаю, что и душой я не такая светлая. Так почему я вернулась, а она — нет?! Лучше бы я там осталась вместо нее. Ведь только такие люди что-то дают нашему обществу, что-то в него вносят. Все мне говорят: «Успокойся, что ты говоришь?». А они не понимают, что я говорю. А я знаю, что говорю. Я знаю, что виновата, но не знаю в чем. Виновата хотя бы в том, что поехали и не вернулись...

После того все изменилось. Все стало другим. Все заметили, ощутили, что Ленки больше нет. Не зря говорят, что начинаешь ценить только тогда, когда теряешь. Но уже поздно. Мой отец говорит: «Ты стала спокойнее». Но я просто не могу ходить туда, где мы были с Леной.

Задавлена... Для такого человека — такая смерть... Я бы еще раз прошла через все это, два раза, но ведь это уже не поможет. Лену не вернешь.

Может, это как-то заставило повзрослеть, не знаю. Встаешь, смотришь на фотографию и начинаешь с ней говорить. А она не отвечает, и это все...

Снится мне Лена. Несколько раз снилась. Был такой сон. Приходит ко мне Ленка и говорит: «Пошли со мной». А я хоть во сне, но знаю, что нельзя с умершими соглашаться идти куда-нибудь. Я говорю: «Мне в девять надо быть дома». А она мне: «Ничего страшного, придешь». И я пошла с ней. Она меня в самом деле привела назад, но куда она меня водила, я не помню...

Все мне говорят: «Маша, в чем ты виновата, в чем ты виновата?!». Но это мое ощущение. По-моему, каждый должен чувствовать на себе хоть капельку вины за то, что произошло. Ведь Лены с нами уже нет.

Вот так прошел концерт на Немиге...

Валера Мурашко и Андрей Дубовик, друзья погибшей Алены Вишневской

Валера:

— Мы давно знали, что в воскресенье будет концерт «Манго-Манго», и решили пойти туда. Знали и о том, что будет бесплатная дегустация пива, что за пустые коробки «Магны» будут раздавать полные пачки сигарет. Но мы шли только на концерт. Было нас восемь человек: пять парней и три девчонки.

Пришли мы туда часов в восемь, и уже там выступала группа «Манго-Манго». Потом надвинулась большая туча, и мы стали решать — уходить или не уходить? Гроза началась так быстро и так неожиданно, что все просто бегом двинулись к переходу в метро. Сначала хотели встать под крышу Дворца спорта, но там уже все было занято.

Нас пятеро побежало в метро, а трое парней укрылись под елками. Мы были одними из первых, кто вошел туда. Сначала было нормально, даже весело.

Только потом начали понимать, что тут что-то не так. Поначалу мы все держались за руки, но потом меня толкнули, и мы потерялись, уже не смогли удержаться вместе. А сзади уже шла напролом толпа людей, которые не знали о том, что там дальше. Впереди уже многие попадали на землю.

Мы этого тоже сначала не смогли рассмотреть. Напор был таким сильным, что куда-либо выйти оттуда было невозможно. Мы просто двигались по течению. Нам оставалось ступенек пять до конца, когда под собой увидели лежавших людей.

Стояли ужасные крики, стоны. Те, кто смог выбраться, стали разгонять народ, кричать, чтобы поворачивали назад, пытались вытаскивать пострадавших. Тот, кто был в самой толпе и пытался кого-то поднять, мог сам упасть и быть затоптанным. Многие даже говорили о том, что бесполезно что-либо делать или кого-то пытаться вытаскивать.

Еще немного, ступенек пять, и мы тоже оказались бы там. Все вместе стали кричать: «На-зад!», — и сила толпы немного уменьшилась. Прекратились толчки, а ведь сзади давили именно такими толчками. Милиции еще не было, только один милиционер прибежал из метро и начал свистеть в свисток. Мы спросили, есть ли у него рация, сказали, чтобы он вызывал кого-нибудь на помощь. Рации у него не оказалось.

В это время я был посередине перехода. Андрей оказался возле стенки, а возле меня, метрах в полутора, была наша девчонка. Это были все, кого я видел из наших ребят. Алену я не видел: она была возле левой стены.

Так получилось, что у меня одна рука была прижата к груди, а вторую я поднял вверх. Это давало возможность немного дышать. Был такой момент, что у меня неудачно запала рука, и я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Потом на этом месте от руки был

большой синяк. Свободной рукой я помогал кому-то прийти в себя.

Трудно сказать, как это все случилось, но, наверное, кто-то из тех, кто бежал первым, не выдержал такого темпа, споткнулся и упал, а подняться в такой ситуации не мог. Те, кто шел сзади, спотыкались о них, и просто на глазах вырастала стена. Остановить тех, кто бежал сзади, было невозможно.

Туда, где я стоял, не доходил даже свет. Многие хватались за потолок, чтобы хоть как-то устоять на месте и не упасть. Тем, кто не смог дотянуться, оставалось или висеть, или держаться за других. Те, кто был дальше, стояли под углом 45—60 градусов — у них под ногами были навалены люди один на одного, пошевелить рукой или ногой было бесполезно. Даже когда приехал ОМОН и всех стали растаскивать, люди все равно не могли оттуда выйти или пошевелиться. У всех затекли руки и ноги, все были настолько сдавлены, что разнять людей могли только по одному.

Выйти удалось не скоро. Рядом стояла девушка из нашей компании, и я заметил, что она теряет сознание, свободной рукой я смог поддержать ее.

Время шло очень медленно, и мне казалось, что все это длилось около 30 минут.

Был момент, когда я не смог сделать очередного вдоха. Было страшно, но немного успокоился, когда понял, что толпа начала расходиться, что больше ничего не может случиться.

Мне запомнилось: когда все выходили из перехода, то шли не по ступенькам, а по чьим-то курткам, сумкам и другим вещам. Возле стенки шла, опираясь на перила, девушка — она выходила из перехода. Сзади, тоже из перехода, выбегали два парня. Они оттолкнули ее, и она упала. Они пробежали по ней, даже не обернувшись. Девушке потом помогли подняться и выйти.

Когда я вышел, то увидел нечто ужасное. Никого из наших не было. Понял, что нужно вернуться и найти их. Но меня обратно не впустил милиционер. Оцепления еще не было, но стоял один милиционер, который помогал выйти оттуда и не впускал обратно оказать помощь и найти потерявшихся.

Люди, которые выходили вместе со мной, садились прямо на землю, чтобы прийти в себя и отдышаться. Первый, кого я нашел, когда вышел, был Андрей. Он нес на руках Ольгу, девушку из нашей компании, — она была без сознания. Андрей передал мне ее на руки, а сам побежал искать Алену. Я положил Ольгу на траву. У нее было шоковое состояние, она говорила что-то непонятное и просила пить. Я оставил ее с Леной, еще одной девчонкой из нашей компании, а сам побежал за напитком. Когда я вернулся, то узнал, что Алену так и не нашли, а наши парни, которые не попали в переход, отыскали нас.

Андрей:

— Мне было немного полегче. Я находился возле стенки. Один раз упал на колени, но сумел быстро подняться. Рядом была Лена — я пытался защитить ее и уберечь от сдавливания: держал у грудной клетки свою руку, чтобы она могла дышать. Вокруг меня стояли два парня, и мы все втроем кричали что есть мочи, чтобы люди не толкались и отступили назад.

Когда все закончилось и мы стали выбираться из перехода, я на руках выносил Ольгу. Меня сильно толкнули в спину, и я с большим трудом вышел оттуда. Потом увидел Валеру и передал ему Ольгу, а сам пошел искать Алену. В самом переходе уже было оцепление ОМОНа, в эту зону никого не пропускали и никого не выносили.

Омоновцы просто стояли. Я увидел парня, который задыхался, и попросил одного из них сделать ему

искусственное дыхание. Омоновец наорал на меня и сказал, что не обязан всем подряд делать искусственное дыхание. Они помогали только тем, кто подавал хоть какие-то признаки жизни. Одна девушка, она тоже из Серебрянки, очнулась среди трупов, и только тогда ей оказали помощь.

Валера:

— К тому времени уже подъехали к месту происшествия одна или две «скорые». Многих относили на руках во 2-ую больницу. Некоторые останавливали машины и просили отвезти пострадавших в больницу. Был один случай, когда мужчина остановился, но, увидев кровь, отказался везти, боялся запачкать салон. Я остановил маршрутное такси и отправил в больницу наших ребят — Андрея, Ольгу и Лену.

Газон у метро, который разделяет проезжую часть и пешеходную дорожку, был весь уложен трупами. Пока я продолжал помогать другим пострадавшим, мне пришлось несколько раз проходить мимо этого места. Это было ужасно. Их складывали один возле другого. Врачи к тому времени уже взяли все в свои руки — оказывали помощь, отправляли в больницы.

Андрей:

— Валера с Виталиком остановили машину, и нас с девчонками отправили в больницу. У меня кололо в боку. Во второй больнице меня осмотрел врач. Пока мы там были, я видел, как продолжали приносить пострадавших. «Скорые» привозили трупы и складывали их в одном месте прямо один на одного.

Валера:

— Когда мы оказывали помощь, нам показалось, что мы нашли девочку, похожую на Алену. Лицо ее было синее, с полопавшимися сосудами и красными

пятнами от нехватки кислорода. В таком виде человека невозможно узнать, даже если и очень хорошо его знаешь. Одежда была вся грязной и истоптанной. Мы побежали за врачами, чтобы те смогли осмотреть ее. Потом пришли два парня, положили ее на носилки и унесли. Мы проводили их взглядом, так и не поняв, была это Алена или кто-то другой. Стали искать телефон, чтобы позвонить ей домой, но ее там не оказалось.

Сестре ничего не сказали о случившемся, мы не были уверены в том, что Алена погибла, и сами еще не понимали, что делали.

Потом мы звонили еще раз домой к Алене. На следующий день стали обзванивать всех ее одноклассниц, чтобы узнать, что с Аленой. Одна из них сказала нам, что Алена погибла.

Я считаю, что вина за случившееся лежит на властях, потому что в другие праздники всегда выставляли наряд милиции и смотрели за порядком, предотвращали малейшее нарушение, а в этот раз омоновцы стояли лишь вокруг сцены и отгоняли тех, кто пытался на нее забраться. Когда в переходе народ давил друг друга, я не видел ни одного милиционера. Все омоновцы, что были на празднике, спрятались в автобус от дождя, а потом просто уехали.

Зато потом они чуть ли не матом отгоняли всех репортеров, журналистов и просто людей от этого места. У кого были камеры, фотоаппараты — они их забирали и разбивали о землю.

Андрей:

— На работе мне рассказали, что одна девушка сняла все на камеру и теперь скрывается, спрятала кассету и очень боится, никому о ней не говорит.

Когда я выходил из метро, то видел, что парень пытался пройти туда с фотоаппаратом, но его у него забрали.

Валера:

— Когда начали все осмысливать, начался колотун, всех трясло. На следующий день тоже трясло как в лихорадке. И сейчас это бывает, когда мы все вместе собираемся и едем на то место.

Стало тяжело засыпать, часто просыпаюсь оттого, что вижу Алену там, в переходе, хочу ей помочь и не могу дотянуться.

После всего этого я стал больше ценить жизнь и ко многим вещам относиться иначе.

Андрей:

— Я стал меньше бояться смерти. Было как-то обидно: пострадало так много совершенно невинных людей, а я вышел живым оттуда. Почему так выходит, что хорошие люди погибают?

Валера:

— Никто не пострадал из тех, кто находился в нетрезвом состоянии. Ведь там было много пьяных. На концерте бесплатно раздавали пиво, а к пиву приносили с собой напитки покрепче. Еще во время концерта на поле валялось много пустых пивных и водочных бутылок. Если бы не было пьяных, всего этого не случилось бы. Сначала веселились, было по приколу всем потолкаться, подвыпившие пацаны заигрывали с девчонками, толкали их.

Андрей:

— Я тоже считаю, что алкоголь сыграл не последнюю роль во всем этом. Многих, когда растаскивали, невозможно было вынести: оказались такими пьяными, что им все равно, где они и что с ними. Шли и садились на прежнее место, возле трупов. По ним было видно, что это пьяные люди. А кто-то, выйдя оттуда, стоял и прикалывался, смеялся над лежавшими.

Лена (17 лет),
подруга погибшей Насти Савко

— На праздник я пришла с подругой, Настей Савко. Я ее потеряла в переходе. Мы вместе спускались в метро. Она шла возле стены, а я рядом. Когда толпа побежала, меня толкнули вперед, а она осталась. Я повернулась, поискала глазами, а ее не видно. Потом, когда уже вышла из перехода, начала ее искать, но нигде не нашла. Я еще говорила, просила милиционеров: «Объявите через мегафон Савко Анастасию!». Они говорят: «Какая такая Анастасия?». Я им так надоела, что они все-таки объявили. Но никто не подошел...

«Скорые» не так быстро приехали, как говорят...

Мы нашли Настю в шесть вечера в понедельник...

Я еще одну подругу отправила на «скорой». Меня тоже хотели забрать, но я была более или менее в норме, только думала, что у меня ребра поломаны — так грудина была сдавлена. Побежала быстрее домой. Думала, что и Настя поехала домой. Так было: если она нас не находит, то обычно идет домой. Я приехала домой, позвонила Настиной маме. Спросила: «Где Настя?». А потом тетя Аня (Настина мама) сама пришла к нам. Она хорошо держалась. Мы начали звонить по всем больницам. Звонили в «скорую», в милицию. Мы немного успокоились, когда в два часа ночи в милиции нам сказали, что в списках погибших ее нет. С шести утра начали ездить по больницам. Объехали все — со 2-й по 10-ую, но не нашли ее нигде. Ездили на автобусе, на такси... Тетя Аня звонила по телефонам, которые были показаны по телевизору, они не отвечали — трубку снимали и вешали. Наконец дозвонилась, сказали ждать. Тетя Аня просила, чтобы дали машину. Ей сказали: «Мы машины не выделяем». Этот человек сказал ей еще такое: «Моя дочка на такие мероприятия не ходит,

а сидит дома». Тетя Аня сказала: «Хорошо, что вас обминуло это горе». Потом мы нашли машину. Начали по второму кругу ездить по больницам. Ее нашли в 10-й, в морге среди неопознанных. Сначала не пускали в морг, предлагали смотреть по фотографиям. По снимкам мы Настю не узнали. Тетю Аню пустили в морг, только тогда она ее узнала. Мы до последнего надеялись, что она в реанимации и не помнит своего имени. Говорили, что есть такие, которые в таком шоке, что не помнят своего имени. Мы до последнего так думали. Да и сейчас я не могу поверить, что ее уже нет. Мы последнюю неделю были вместе, ходили, гуляли. Мы учились в параллельных классах, в одном подъезде жили. Похороны были первого, а второго у меня был экзамен, у нее третьего должен был быть... Первого экзамен отменили...

— *Когда вы почувствовали, что вашей жизни угрожает опасность?*

— Когда ты остановился, и тебя дальше не пускают, ты дальше не можешь пройти, со всех сторон давят и начинают еще давить сильнее... Я тоже теряла сознание. Меня привели в сознание, я старалась уже как-то дышать, но воздуха не хватало. Вначале еще более или менее, а в конце вообще воздуха не было. Легкие сдавливали. Тут такой шок наступает, как будто уже — все... Вся жизнь перед тобою проносится, все ошибки, все, все... Я не думала, что можно погибнуть в переходе...

— Мы перед тем сидели на берегу, но поднялся ветер, закружил песок, молния сильная ударила, и мы решили идти домой. Пошли. Тут начался такой дождь, я такого еще ни разу не видела. Мы начали спускаться в переход. Я града не видела, нам только потом сказали, что был сильный град. Спускались, потом толпа побежала... Может, Настя и удержалась бы, но она плохо видит, у нее плохое зрение. Без очков она вообще плохо видит...

Впереди было свободно, я не знаю, почему люди не проходили. Какая-то преграда была. Что-то было.

Рядом со мной подруга стояла, Марина. Она в обмороке была. Ее парень знакомый держал. Если бы не держал, с ней то же самое было бы, что и с Настей. Потому что она потеряла сознание. Пришла в сознание только тогда, когда ее вынесли. Я была почти в самом низу. До конца было ступенек пять. Передо мной стояли люди. Там была какая-то преграда. Не знаю, что именно, но преграда была, впереди бегал какой-то человек и всех просил выйти на ту сторону. И кто-то держал. Не знаю кто. Не человек. Или это решетка была, или еще что. Я не стояла на ступеньках, была просто подвешена, ноги болтались. Я еще женщине, которая была рядом, сказала: «Извините, я по-другому не могу».

Там были еще такие крепкие молодые люди, они сами говорили потом, что выжили только потому, что по ком-то топтались. Если человек уже упал, то все... Я хочу сказать, что были люди, которые очень помогали. Они выносили из перехода, делали искусственное дыхание, когда человек приходил в себя, бежали за другим...

О самом празднике я узнала от Насти. Я только потом увидела эти объявления. Они с Мариной и ее братом ходили к двенадцати, еще днем. Крышечки, по-моему, у них были. Они еще днем на лодке катались. А я тогда не могла пойти, мне надо было в больницу срочно съездить к сестре двоюродной. И мы решили пойти вечером. Я вообще не очень хотела идти, у меня первого был экзамен, а я выучила очень мало билетов. Но раз договорились, я пошла. И все нормально было на празднике. Продавали пиво, но никто не толкался, не было никакой драки. Мы раньше всегда ходили на такие праздники, на ту же Немигу. Вряд ли я теперь буду ходить. По крайней мере, на Немигу. Там эти воспоминания...

Много сразу понимаешь, когда теряешь близкого человека, которого давно знаешь. Теряешь, когда даже не предполагаешь, что можешь потерять. Мы сидели на берегу, разговаривали, смеялись, что-то такое смешное рассказывали...

Марина (17 лет), одноклассница погибшей Насти Савко

— Я сидела с ней за одной партой. Днем мы были вместе с ней, она была очень веселая. А вечером она пошла уже с Леной, и в переход они пошли раньше нас, мы попали в самую середину. Сразу не сообразили, что там и как. Просто люди немного затолпились. И мы тоже приостановились. Потом люди вообще остановились и никуда не шли, а сзади надавливали. Сразу не очень сильно, а потом сильнее. Было там такое: сначала толпа легонько надавила, а потом какие-то веселые парни с криком «эх!» надавили. После этого потемнело, и я потеряла сознание...

Люди, которые были в переходе, вроде как бы и не виноваты. Просто неизвестно, что было в самом начале. Там что-то держало людей. Если бы кто-то и упал, его можно было бы обойти. Но люди падали друг на друга. Там была гора людей. Там что-то держало их всех. Мне брат рассказывал, он был буквально в метре от той кучи. Позже нам сказали, что там у конца лестницы выдвигается решетка. Но говорят и другое: люди просто поскользнулись и стали падать... Там, где я стояла, ступеньки были сухие. Говорят про каблуки, что они проваливались в эти решетки. Но сейчас молодежь ходит на платформе, а каблуки широкие, они туда никак не могут провалиться...

Еще помню: прямо передо мною мужчина держал девочку на руках и кричал: «Осторожно, не задавите ребенка!».

Но толпа все давила, и я потеряла сознание...

Очнулась, когда вытягивали из толпы. Я была в полубессознательном состоянии. У девчонки, которую передо мною вытаскивали, ноги в чьих-то ногах запутались, я помогла распутать. Потом меня вытащили. Смутно все так помнится. Когда мы выходили, парень лежал на ступеньках, его попозже вынесли. Через минут пять после меня. Потом помню, как посадили нас на вентиляционные люки. Мужчина какой-то помог моему парню. Благодаря своему парню я выжила. Если бы он меня не держал, если бы его не было рядом, я тоже бы задохнулась.

Потом подбежала Лена, спросила: не видели ли мы Настю? Она побежала искать Настю. Я тоже пошла — и брата, и Настю искать. Но никого похожего не увидела. Видела женщину задавленную, ей было лет 65. Ее вынесли синюю. Помню, как вынесли парня, всего в крови, руки поцарапанные. Больше всего выносили девчонок в бессознательном состоянии. Парни брали их на руки и несли перед собой. Большинство из них — те, которые сами там были, но выжили. В основном сами себя спасали. Когда милиция появилась, я не заметила, но видела, они стояли с этим рупором и просили людей отойти, сделать проход. Там считанные милиционеры помогали. Пара человек.

Когда нас вынесли наверх, там уже стояли «скорые» — одна или две машины. Позже много подъехало. Врачи сразу шли... Там на траве очень много людей лежало. Врачи смотрели, кто умер, им просто их же вещами закрывали лица.

Меня с парнем забрали в 6-ую больницу. Там находилось меньше всего пострадавших. С Немиги туда доставляли только с ушибами. У меня были сильные ушибы таза и по всему телу кровоподтеки. В больницы нас осмотрели. Там меня просто трясло, хотя не

было значительных травм. Потом мы пошли звонить в милицию, я назвала фамилию брата и Насти. Нам сказали: «Подождите», а через минуту они повесили трубку. А когда мы набрали номер еще раз, то трубку просто-напросто не подняли. С братом оказалось все в порядке, у него был только ушиб ноги, он вышел из перехода и поехал домой. Он сразу побоялся домой заходить, позвонил, спросил у родителей, где я? О Насте тоже спросил. Мама сказала, что я в больнице, а Настю еще не нашли. Только после этого он пошел домой.

Родители мне говорили сходить к психологу, но я не пошла...

Маша Галушко

— Мне 14 лет. На праздник я попала случайно. Моя подружка живет около Немиги, и я с одной девочкой поехала к ней в гости. Там мы увидели приготовления к концерту и там же встретили моего брата. Он сказал, что концерт начнется в восемь часов. Мы слышали, что там будут раздавать пиво за крышечки от «Magna».

Пришло время, и мы пошли на концерт. Теперь все говорят, что там почти не было пьяных, но это не так. Очень много было нетрезвых ребят нашего возраста.

Потом мы заметили, что будет дождь, но никто из организаторов не предлагал перенести концерт на более позднее время. Милиционеры на празднике были, но не очень много. Молодежь сама по себе, милиция — сама по себе.

Когда начался сильный дождь, люди побежали в метро. Мы с подругами тоже бежали. Сначала все было нормально. Люди на спуске толкались, конечно, но на это никто особо не обращал внимания. Мы спу-

стились в переход примерно на десять ступенек. Тут толкать стали уже сильнее. От этого напора в конце концов получилось так, что мы сели на ступеньки. Встать уже было невозможно. Даже повернуться или поднять руку нельзя. Мы видели, как рядом с нами тоже падают девчонки, и начинали чувствовать, что тут что-то неладно. Стало темно. Увидеть, что кого-то давят или что кому-то стало плохо, стало невозможно. Было столько народа, что даже дождь на нас не падал. Длилось это все минут десять—пятнадцать. Я все это время находилась в полулежачем положении. Тут раздались крики, что давят людей, просьбы, чтобы толпа откатилась назад. Вскоре я почувствовала себя свободней. Я смогла уже пошевелить ногой и встала на колени. С большим трудом поднялась и пошла к выходу. Тех, которые не могли подняться, выносили из перехода.

Я встала на ноги, осмотрелась. Рядом со мной лежала девушка, вся синяя и в крови. Она, наверное, умерла. А рядом с моей подругой лежал парень. Моя подруга была почти в бессознательном состоянии, ее вынесли из перехода. Выносили людей из перехода прохожие. Милиция в это время пыталась растолкать людей, чтобы добраться к лежащим и помочь их выносить. Но милиционеров было мало.

Мы немного постояли, отдышались. С нами была еще одна девушка, с которой мы познакомились там. Ее друзья помогли мне добраться до 2-й клинической больницы. Моей подруге они тоже помогали идти, но по дороге она потеряла сознание, и ее положили на скамейку, откуда ее забрала «скорая».

В больнице врачи сначала думали, что у меня два перелома, но потом оказалось, что растяжение и ссадины. Мне помощь не оказали, там занимались более тяжелыми людьми. Не хватало мест, не хватало врачей. Если люди умирали, то их клали на пол. Мы видели там одну беременную женщину, которой никак

не могли найти каталку. Около меня лежала девушка, которую только что откачали. Она смотрела на все большими глазами и говорила: «Я потеряла свой ботинок». Наверное, она была в состоянии шока. Еще я там видела мальчика, лет девяти, наверное. Его тоже откачивали. Было очень страшно. Люди все поступали и поступали.

Из больницы я хотела позвонить маме, но ни один автомат не работал. Я попросила одного мужчину, чтобы он отвез меня домой, и он согласился. Это был случайный человек, который, наверное, подвозил пострадавших. Хоть у меня и сильно болела нога, но я не могла смотреть на это все и поэтому поехала домой. Дома никого не было, мама находилась на даче. Я легла на диван и стала плакать.

Первую ночь я почти не спала. Вспоминать обо всем было настолько страшно, что я даже не чувствовала боли в ноге. Думала о своих друзьях, о своей подруге, которую увезли на «скорой».

На следующее утро приехала мама с дачи, а я ей толком ничего не могла рассказать. Слова застревали в горле. Все плакала и плакала, когда пыталась все вспомнить. Мама заметила, что у меня болит нога и вызвала «скорую». Меня отвезли в институт травматологии. Там посмотрели ногу, сделали снимок и наложили гипс. Не сказали, есть переломы или нет. Но ногу загипсовали выше колена. На теле у меня было много синяков и ссадин, но на них никто не обратил внимания. Меня отправили домой и сказали через день пойти в поликлинику. В поликлинике с меня гипс сняли, под ним были ранки, и я увидела, что они загноились. Я себя плохо чувствовала, поднялась довольно высокая температура. Сказали, что перелома нет, а просто глубокие раны, нужно каждый день ходить на перевязку. Ходить мне было очень трудно, мама каждый раз вызывала «скорую» для перевозки. И она все время приезжа-

ли и возила меня в поликлинику. Но это продолжалось недолго. Однажды маме ответили, что они этим больше не занимаются и сказали звонить в поликлинику. В поликлинике ответили, что машины у них нет. И только после разговора мамы с главврачом за нами приехала «скорая». Сначала мне говорили, что все нормально заживает, но потом положили в больницу. Сейчас уже почти все нормально, нога зажила.

Как и все потерпевшие, я должна была пройти консультацию у психолога. Он задавал мне разные вопросы. Например: «Сколько мне лет, как я сплю, какие сны вижу». Я рассказала один из последних своих снов: «Идем мы как-то по этому переходу, и вдруг я вижу, что на нас падает потолок. Мы начинаем убегать от этой плиты...». Психолог мне сказал: «Надо саму себя убеждать, что все будет хорошо». Но как себя убедить, я не знаю. Говорил: «Надо настраиваться на лучшее, на то, что все забудется, ты крепкая девочка, и сама все забудешь». Но не так просто это забыть. Забудешь на какой-то момент, но потом опять всплывает в памяти. Надолго об этом забыть не могу...

Валентина Николаевна, мать Маши

— Я вернулась с дачи и увидела Машу — заплаканную, побитую, всю в синяках, глаза опухшие. Она мне рассказала, что случилось, я вызвала «скорую». Нас отвезли в институт травматологии. Там ей сделали снимок ноги, и все. Больше ничего не смотрели. Наложили гипс и отправили домой. Больше они ничего не обследовали. У Маши было много синяков, болел бок. Я привезла ее домой. Потом я вызвала терапевта, так как у Маши была довольно высокая температура. Терапевт сказала, что

это может быть на нервной почве, а может быть, и от ноги. В нашей поликлинике врач снял гипс и увидел, что у Маши стали гноиться раны. Врач на этот раз записала все ее царапины, синяки, пощупала ребра и посоветовала обратиться к психологу.

Были большие проблемы с транспортом для моей дочери. Три дня машину предоставляла скорая помощь. А на четвертый день, когда я позвонила и попросила прислать машину, мне ответили, что скорая помощь машин больше не предоставляет и посоветовали обратиться в поликлинику, мол, у них есть свой транспорт. В поликлинике мне ответили, что транспорта у них нет. Я много куда звонила, но везде получала отказ. В конце концов я позвонила главному врачу, и проблем с транспортом больше не стало. Скоро мою дочь положили в больницу, так как раны не заживали.

О том, что государство выделяет материальную помощь не только погибшим, но и пострадавшим, я узнала сразу же и обратилась во Фрунзенский райисполком. Там женщина, которая этим занималась, попросила немного подождать. Мотивировала это тем, что сначала надо похоронить и оказать материальную помощь семьям погибших, а уж потом будут заниматься нами. Сказала, что раз мы были в поликлинике, то должны быть и в списках, так что волноваться нечего. Ну я и успокоилась. Через некоторое время я снова позвонила в райисполком, и там сказали, что списки переданы по месту жительства. Много еще куда звонила, списков так и не нашла. Посоветовали написать заявление об оказании материальной помощи. Сказали, что будет комиссия, которая решит, выделять деньги или нет. Знакомые посоветовали обратиться в Минздрав. Я позвонила в отдел здравоохранения горисполкома, и там мне сказали, что дочь действительно проходит по этим спискам. Только тогда я получила эту материальную помощь.

В газете «Республика» я прочитала статью «“Юность” ждет всех пострадавших» и позвонила по указанным там телефонам. Мне ответили, что «да, действительно собираются деньги с организаций и предприятий, эти деньги пойдут на оздоровление пострадавших». Но как все это будет, дадут путевку моему ребенку на лечение и оздоровление или не дадут, я не знаю. Очень бы хотелось отправить ребенка в какой-нибудь санаторий. Маше всего четырнадцать, а уже столько горя увидела, столько изведала страданий, переживаний. Путевки мы так и не получили.

Первую неделю моя дочь очень сильно переживала, очень нервничала. Потом она стала немножко приходить в себя, чуть-чуть отошла от пережитого. Она у меня очень впечатлительная. Мне самой было страшно, когда она мне рассказывала о всем произошедшем.

Я благодарна тем ребятам, которые помогли ей выбраться. Может быть, благодаря им она и осталась жива. Это были незнакомые парни, Маша раньше их никогда не видела.

Говорят, что в трагедии виноват дождь. Но дожди у нас идут довольно часто. Я считаю, что не надо было проводить гулянье на этом месте. Надо было заранее думать о том, что соберется здесь молодежь, и поэтому милиции должно было быть побольше. Не только дождь виноват в этой трагедии. После нее я, наверное, буду настаивать, чтобы мои дети не посещали больше таких гуляний.

Я понимаю: молодежи и повеселиться хочется, и погулять, но не так же! То ли организованности не хватает, то ли чего другого — не знаю. В первую очередь надо было закрыть метро. Ничего страшного не случилось бы, если бы кто-то промок. Но не было бы такого горя родителям тех детей, которые погибли. Очень обидно, что не с тем пониманием

относятся ко всему произошедшему и в больнице, и в райисполкоме, и везде. Очень холодное ко всему отношение. Государство думает, что дало эти 100 миллионов — и все...

Сергей Марцелев,
очевидец инцидента на Немиге,
оказался там случайно, не пострадал

— Кто-то сказал, что в двадцать один час концерт группы «Манго-Манго». И состоится розыгрыш призов. Мы решили встретиться в это время, на этом концерте. В начале девятого мы направились туда на метро, но потом решили выйти купить сигарет на станции «Октябрьская». Вышли, купили сигарет и дальше пошли пешком. Когда мы вышли из станции «Купаловская», упали первые капли дождя, и где-то в это время толпа людей направлялась в сторону перехода станции «Немига». Когда мы (нас было четверо) стали спускаться вниз, то перед нами предстала такая картина: десятки машин скорой медицинской помощи. Стало понятно, что там произошло какое-то чрезвычайное происшествие.

Навстречу нам шла девушка с разбитым лицом. Мы ее встретили на мосту. Кто-то из наших ребят решил с ней познакомиться и сострил: «Вот девушка идет с разбитым лицом, где это она так?». Она обернулась и сказала сдавленным голосом, видимо, от шока у нее голосовые связки парализовало, потому что это был даже не голос, а какое-то сипение: «Тебе бы так нос разбили!». Она напоминала людей из фильмов — жутко, просто до смерти чем-то напуганных или находящихся в состоянии нервного шока.

Мы спустились вниз, прошли между елей к площадке, на которой загружали трупы в машины (в тот момент мы еще не знали, что это трупы).

Я более сильного эмоционального потрясения никогда не испытывал. Стояла гробовая тишина, с обеих сторон улицы стояли и плакали люди, у милиционеров тряслись руки. Они стояли в полной растерянности, ничего не делая, их было очень мало. Зато бегали здоровые ребята, все по пояс голые, и носили за руки, за ноги молодых девчонок. Их сначала штабелями складывали на асфальт возле перехода, потом относили к машинам скорой помощи. Передо мной прошли жуткие фрагменты этой картины — как несут за руки, за ноги очередную жертву и закидывают в машину скорой помощи. Потом эти добровольные помощники подталкивали эти машины, чтобы они побыстрее уезжали.

Больше всего запомнилось (это снится до сих пор), как несли молодую девчонку лет шестнадцати-семнадцати. На ней была разорвана блузка, она вся в грязи, крови, у нее почерневшее лицо, нет передних зубов, она сложена пополам, как книга: у нее был переломан позвоночник. Мужчине, который нес ее за ноги, стало плохо, и ее чуть не уронили, закинули в экипаж лишь бы как. Видно было, что эти ребята по пояс в чужой крови.

Я стоял там минут пятнадцать. У милиционеров была истерика, они останавливали проезжавшие мимо частные автомобили и, не спрашивая согласия водителя, клали в машину трупы и указывали, куда отвезти. Сразу всех везли во 2-ую больницу, она всего в квартале от места трагедии...

Там встречались еще совсем дети, их тела были сильно изуродованы, в клочья разорвана одежда, они были почерневшими, как после какой-то бойни. Такого количества жертв не бывает даже после «точечной» бомбардировки...

Суеверие это или нет — не знаю, но и вправду: «Это Божье наказание». Ударила молния, начался ливень, и это положило начало разыгравшейся затем

трагедии. Меня это сильно задело вот еще почему. Если бы мы не вышли на «Октябрьской», а поехали бы до «Немиги», мы бы стали или участниками этой жуткой трагедии, или даже ее жертвами. Или, возможно, как и многие люди, стояли бы за закрытыми стеклянными дверями в метро, вынуждены были бы наблюдать за происходящим без какой-либо возможности кому-то помочь, как-то изменить ход событий.

Там было мало милиции. Стоял один в штатском, я знаю его визуально, он оперуполномоченный Советского РОВД, и омоновцев человека три. Люди, выносившие мертвых, были все в штатском. Стояла гробовая тишина, изредка прерывавшаяся отборным матом, срывающимися до визга голосами. Вдруг раздался вопль милиционера с мегафоном в руках: «Трупы выносить в последнюю очередь!». Я посмотрел налево. Там стояла совсем молоденькая девушка, лет шестнадцати, она плакала. У людей был сильнейший стресс, рыдали не только женщины, но и мужчины, очень крепкие, что называется, настоящие мужчины.

Мы ушли оттуда, но еще где-то часа полтора туда продолжали приезжать машины «скорой помощи». А по утверждению министра внутренних дел, всех развезли в течение двадцати минут. Это не так. Мы стояли недалеко, на набережной, и видели подъезжающие кареты скорой помощи.

Там же находились пострадавшие, но оставшиеся в живых люди, их сильно била нервная дрожь. Они радовались, что остались живы, были благодарны судьбе, что не стали одними из тех искалеченных трупов, которых в тот момент загружали в машины. Санитаров машин «скорой помощи» не было видно — нигде не мелькали белые халаты, пострадавшими занимались все те же добровольные помощники. А функции находившейся там милиции ограничились лишь тем, что один из ее представителей

пробегал и равнял ряды толпы, чтобы люди не мешали отъезжать машинам скорой помощи.

Я стоял и за всем этим наблюдал на углу здания ДСО «Трудовые резервы».

Вот и все, что я видел своими глазами...

Сергей Ганевич (15 лет)

— Я не помню, меня придушили где-то в середине всего этого, и я потерял сознание...

Мы с друзьями стояли около сцены, когда начала собираться туча, но никто на это не обращал внимания. Начался дождь. Ну куда ближе всего было бежать? Конечно, ближе всего был этот переход. Подбежали к переходу, но потом решили: нет, не пойдем, там толпа. Но нас уже занесло туда толпой.

В переходе три ряда ступенек. Первый ряд мы прошли нормально, просто немного толкаясь, как в обыкновенной толпе. Между первым и вторым рядом ступенек стоял какой-то мужчина, широко расставив руки, и кричал: «Здесь ребенок лежит!». Но сзади никто его не слышал. Я не видел этого ребенка, только слышал, что мужчина сказал, что это ребенок. Потом я увидел, что возле конца этих ступенек начинают спотыкаться и падать люди. И вся толпа, не устояв, начала ложиться.

На меня надавили, кто-то прижал мою правую руку, сдавил грудь. Вздохнуть я уже не мог. И я ударил кого-то сзади стоящего, чтобы вздохнуть. Он вздрогнул — и я, и человек, который стоял передо мной, вздохнули. Потом меня опять сдавили. Спереди были душераздирающие крики людей, все пытались вырваться наверх, а сзади какая-то молодежь с криком и свистом лезла вперед, взявшись за руки. Потом меня придушили, от удушья я потерял сознание.

Я не помню, как меня вытащили. Дальше помню все как сон. Я очутился в какой-то темной, мрачной палате во 2-й больнице. Там было много народа, кто-то плакал, кого-то откачивали. Я ходил и разыскивал своего друга, которого потерял в толпе, в переходе (он шел на три ступеньки впереди меня). Я ходил и заглядывал в лица людей, искал его. Потом опять ничего не помню. Затем очнулся уже на полу. В коридоре лежало всего пара человек. Ко мне подошла какая-то женщина и спросила: «Домой дойдешь?».

— Дойду, — ответил я.

Встаю, меня покачнуло. Она говорит: «Выход там». Я встал и пошел (живу я недалеко, на Заславской). Затем, помню, снова упал. Это было там, где спуск от 2-й больницы к Острову слез. Там есть каменная дорожка, и вот на этих камнях я и споткнулся, упал в лужу. Потом помню, как я стоял на остановке, облокотившись, и на меня смотрели люди. Подъехал троллейбус. Я хотел войти в него, но не мог даже взяться за поручень. Меня кто-то сзади внес в этот троллейбус и спросил, до какой остановки я еду. Я ответил: «До Заславля». Как я ехал в троллейбусе — не помню, но на моей остановке меня снова вывели из троллейбуса и поставили. Я перешел дорогу возле магазина «Заславль». Метрах в восьмидесяти от «Заславля» есть два таксофона, там я встретил своего друга. Он потом говорил, что, глядя на меня, можно было подумать, что я употребил какой-то наркотик.

Потом помню, что уже в своем подъезде я искал на ощупь дверную ручку. Вижу ее, а взяться не могу, промахиваюсь. Да и по ступенькам до лифта я взбирался ползком. И в лифте также на ощупь нашел кнопку пятого этажа. Как вышел из лифта, не помню, но, по рассказу моих родителей, был такой звонок, что повыбегали и наши соседи, хотя я звонил в свою квартиру: нажал и держал руку на звонке не

отпуская. Это было где-то в половине одиннадцатого. Когда родители увидели меня, решили, что я накололся, напился и подрался. И пока не пришел мой друг и не сказал им, что на «Немиге» была давка, они мне не поверили. И только после этого вызвали скорую помощь, врачи приехали, посмотрели и отвезли меня в больницу. Там мне сделали снимки и сказали, что это не их профиль, что меня нужно везти в институт травматологии. Они сказали моим родителям: «Везите его на каталке по коридору». А родители спросили: «Куда везти? Покажите хотя бы дорогу!». Врачи ушли. Я где-то часа два спал, ожидая машины скорой помощи. Затем приехала машина, и меня отвезли в институт, сделали снимки шеи, сказали, что все нормально, везите его в 9-ую больницу. Привезли меня в 9-ую больницу в приемное отделение, там находилось много милиции, и они, как будто ничего не зная, сидели, расспрашивали: а что там было, а как там было? До этого я там, возле перехода, вообще милиции не видел. Милиционеров видел лишь во время концерта возле сцены.

Из моих друзей, что были со мной, пострадал только Будник.

Из беседы с Сергеем Химчуком (15 лет)

— *Были ли там люди, показавшиеся странными?*

— Да. Они были лысые и одеты в черную кожу; взявшись за руки, шли со свистом и криком напролом. Еще когда меня в первый раз пытались придушить, я обернулся посмотреть, кто там меня давит, и увидел их.

— *Свастик у них не было? Нельзя было сказать, что это фашисты или еще кто-то?*

— Нет, кто они такие — без понятия.

— *А какого примерно они были возраста?*

— Где-то лет восемнадцати—двадцати. И сразу было видно, что они пьяные.

— *Ходили слухи о каких-то ножах. Вы не слышали ничего такого?*

— Не слышал, но зато там кто-то стрелял.

— *Стрелял?..*

— В воздух.

— *В воздух стреляли?*

— Да.

— *Может, это милиционеры пытались остановить толпу? Или кто-то бросил петарду?*

— Не знаю, но мне рассказывали, что там стреляли из пистолета в воздух, чтобы можно было вздохнуть.

— *Чтобы что сделать?*

— Чтоб люди не давили, а остановились и вздохнули.

— *Это было сделано для того, чтобы остановить толпу?*

— Видимо, да.

— *А вы с друзьями были не вместе?*

— Нет. Я был в самом начале, а мой друг в конце толпы, а середину в основном и задушили насмерть.

Вот здесь, на соседней кровати, у нас лежал парень по имени Саша (его вчера выписали), с которым мы вместе бежали, и он оказался на пару ступенек ниже. Но ему повезло, он отделался только шоком. Когда мы бежали, я потерял его из виду, а передо мной оказалась девушка. Она была чуть ниже меня ростом, с черными волосами, в куртке «джуд». Когда я упал, так получилось, что левой рукой я схватил ее за живот, за куртку, а правая рука была свободной и находилась наверху. Нас душили. Ни я, ни она не могли вздохнуть, она кричала. Я кого-то ударил локтем, кажется, попал в лицо. Этот

кто-то пошевелился, и я почувствовал, что девушка вздохнула, а потом вздохнул и я. Снова начали душить. Потом услышал крик: «Толпа!» — и все, началось удушье. Но я видел, что в метро было открыто трое дверей. Под давлением одну из дверей вынес какой-то человек, не видел, кто это был, мужчина или женщина. Может быть, мне это и показалось, но оттуда, из метро, чьи-то руки доставали, выхватывали людей из толпы...

— *А вы не видели там мародерства?*

— Не видел. Хотя говорили, что с некоторых мертвых снимали золотые кольца, сережки. У меня лично не пропало ничего, хотя были и перстень, и цепочка. Парень, который был со мной и меньше пострадал, говорил, что я ходил как лунатик, убегал в больнице от милиционера, который меня охранял, все хотел убежать домой...

Денис (15 лет)

— Там просто падали все. Все ринулись. Я пытался зацепиться за поручни, но масса просто выламывала руки. Невозможно было удержаться. Я еще попытался зацепиться там, где лампа, но отломался кусок штукатурки. Падали один на одного. И невозможно было ни назад, ни вперед. Я всех своих, с кем был, потерял, они не в метро пошли, а в другую сторону, по проспекту Машерова, туда, где белорусский «Макдональдс» — «Хуткае харчаванне»...

Сзади толкали. Натиснули просто пьяные амбалы. Давили со всех сторон. Когда всех сдавили, там невозможно было пошевелиться. Там позадавливали нижних. Но я под собой никого не чувствовал, ни на ком не стоял. Я стоял на ногах, меня сносило, но я выстоял. Впереди не было никаких преград — ни решеток, ничего. Милиционеры стояли внутри и смотрели, как

там все орали. Там все валялись, а они сбоку стоят и смотрят. Потом, наверное, когда им приказ дали, они начали помогать спасать людей. А так стояли и смотрели. Я видел двоих в тоннеле. А те, которые были сверху, появились потом. Когда дождь начался, они в машины позалазили. А вытаскивали в основном парни, которые там тоже оказались, но были поздоровее других. Не видел там никаких приподнятых решеток. Просто люди попадали. Там же пьяных было очень много.

То, что пьяных там не было, как говорят теперь, — вранье. Я знаю, многие на ногах не стояли. Пиво там раздавали не бесплатно, а за десять крышечек от «Магны». Не смотрели, совершеннолетние или нет. Я прихожу, приношу крышечки — и без проблем дают. Там лишь бы побыстрее раздать и продать, там же очереди стояли — не подступиться. Я был без крышечек: я «Магну» не курю. Но пиво — это ерунда, там во всех магазинах продавали водку, и все покупали ее. Когда праздник шел, милиция пьяных забирала, я видел. Они забирали тех, кто уже падал, не мог стоять. А так что они сделают против пьяных, тем более если их так много? Там почти все пьяные были. Погибшие, может, и трезвые были. В основном же девушки погибли.

Когда выносили, я видел двух знакомых парней. Одному поломали ногу, руки, а второму повезло — с ним случился просто шок. Много девушек было синих, они задыхались, у некоторых пена изо рта шла. Там же просто лежали друг на друге минут пятнадцать—двадцать. Если бы сразу начали растаскивать, такого не было бы... А так лежали друг на друге, орали от боли, там такие писки и крики слышались, что на уши давило...

Просто все бежали, никто не мог предвидеть, что там такое случится. А когда уже стало ни туда ни сюда, стали кричать. А сзади все равно бежали

и давили. Потом стали кричать: «Назад!». И постепенно стали отходить. Кто сам отходил, кого оттаскивали...

Милиционеры тоже носили... Но как они носили?! Они брали за руки, за ноги... Одну девочку, она живая еще была, о ступеньку головой ударили.

Парни несли девушек к «скорым»: «Положите ее, она еще живая!». Я точно знаю, что в основном парни, сами пострадавшие, носили в машины. Я думал, что идти не смогу, меня так сдавили, что я ног не чувствовал, но сам встал и пошел.

Рассказывает Таня

— Мы с сестрой погуляли, а потом я пошла домой, готовилась к экзаменам. Я учусь в пединституте на музыкальном, и как раз первого числа у меня должен был быть экзамен — по специальности. Я сидела готовилась, а тут звонит подружка и приглашает пойти с их компанией на праздник. Я с ними встретилась, но вскоре разошлись, я, видимо, им не понравилась, и я пошла с двумя мальчиками в переход. Дождик уже накрапывал. С одним мы шли домой, а другой шел встречать свою девушку. И вот эта толпа за нами. Мы шли впереди. И я оказалась с одним мальчиком наверху, в этой толпе. Не знаю, почему там так получилось. Мы, как я поняла, вроде были на людях. Наверху куча людей. Переплетенные тела. Тут — лицо одного парня, а на нем — нога другого парня, который был с нами. Как мне рассказали, мы очутились в этом заторе. Мы стояли — так нас сдавили. Меня какой-то парень потрогал за плечо, а у меня голова просто упала, потому что я уже без сознания была. Вот... А потом его вытащили, и меня вытащили. Он быстро пришел в себя, так как не сильно пострадал. Увидев меня, откачал и привез

в эту больницу. И в себя я пришла уже тут, через пять или шесть дней. Всех, кто лежал вместе со мной в реанимации, я не помню. Мать нашла меня в тот же вечер. Самое интересное, что я почти ничего не помню. Ни концерта, ничего. Когда мне начинают что-то рассказывать, то я начинаю немного припоминать. Я даже не думала, что такое может случиться. Если бы я о чем таком подумала, я бы туда не пошла. О том, что можно погибнуть в переходе, никогда в жизни не поверила бы. Я вообще не предполагала, что со мной может что-нибудь такое случиться. Слышала, что в Москве вроде бы метро обвалилось, в Ленинграде что-то такое было, но что в переходе... Ну, я понимаю, в метро что-то могло произойти. Насчет того, можно ли было предотвратить эту трагедию. В Москве, как я знаю, закрывают переходы на время таких праздников, потому что, в принципе, там может случиться затор. Как-то больно думать обо всем этом. Тем более что обещали грозу. Хотя я и не слышала этого, но говорят, что передавали по радио. Я считаю, что если бы переход был закрыт, то такого и не случилось бы. Просто нет там такого другого места, куда могли бы все ринуться.

Мать Тани

— Ну случилось, понимаете, случилось такое, необъяснимое. Не могу сказать, может, даже что-то от Бога. Это знак нам всем: и Танечке, и еще кому-то. Что я хочу сказать, так это большое спасибо, низкий поклон всем врачам. Во-первых, тому человеку, который ее спас. Кто-то, как я поняла, ее вынес. Ребенку пятнадцать-шестнадцать лет, ему показали как это делается, он сориентировался и быстро доставил ее во 2-ую больницу. Что я еще могу сказать? Я говорю: врачам, всем, кто помог, —

низкий поклон. Лично низкий поклон Екатерине Анатольевне, которая ее выхаживала в реанимации, Сергею Владимировичу, который тоже не уходил из реанимации, и, конечно же, Артуру Аркадьевичу. Вы знаете, я пыталась как-то за вторым заходом забрать ее из больницы, а они меня убедили: пусть лучше она останется в больнице, потому что я не знаю, что такое невроз. Я ее куда-нибудь отправила бы, за границу даже, но меня убедили оставить ее здесь, потому что врачи лучше знают, что к чему, как ей лучше. И знаете, теперь я начинаю верить, что моя Танечка, пусть не на все сто процентов, на сто процентов никто не может обещать, но поправится, врачи все это ей дают. Я пыталась что-то спрашивать, ведь все-таки Таня была в реанимации, ну я подходила к врачам и спрашивала: может, лекарства какие-нибудь нужны. Мне сказали, что ничего не надо, все есть. Слава Богу, что все лекарства были... Еще мне хочется сказать большое спасибо администрации Советского района. Они мне не только материально, но и морально помогли. Я пять дней не знала что делать, была в таком состоянии. Я не понимала, что это такое — общественные организации. Трудно поверить, из республиканского спортивного клуба художественной гимнастики сразу к ней пришли. Не успела она очнуться, они к ней пришли. И потом приходили. И морально, и материально помогали. Таня мне говорит: «Мамочка, я не знаю этих людей». Понимаете, приходили люди, которых мы совершенно не знаем. Приходили из Союза художников, Инна Юрченко пришла, что-то принесла и говорит: «Танечка, деточка, поправляйся, мы тебя просим». Она ей картину принесла, ну такая энергия от нее, что я просто не знаю, — такую энергию излучает! А студенты? Мне хотелось сказать: «Девочки, мальчики, ну не ходите вы в реанимацию,

спрашивайте у папы и у мамы». Все равно прибегали сюда и спрашивали: «А как Танечка, как Танечка?». В общем, люди меня поддержали, и люди действительно познаются в беде. Вот все, что я могу сказать. Большое им всем спасибо. Наверное, всей моей жизни не хватит, чтобы их отблагодарить...

Насчет предотвращения трагедии. Я, как мама, считаю себя немного виноватой. Почему? Я сама очень люблю все такое, как и Таня. Я не вникла, что это за концерт. Почему его там позволили провести, если эта музыка не стыковалась с Троицей. Я считаю, это надо было знать тем, кто проводил концерт, кто разрешил эту музыку. Вы знаете, я в Бога верю, но в церковь хожу раза три в год, не больше. Нас семьдесят лет отучали от этого, а сейчас, так сразу резко — я не могу. Не могу туда-сюда бросаться. А вообще я верю, и Танечку так воспитала. Она спать не ляжет, чтобы не перекреститься... А так, я считаю, это в назидание нам всем...

2 июня 1999 года

Саша (16 лет):

— Этого не забудут родственники погибших, я никогда не забуду, те, кто был тут, не забудут. Я под таблетками хожу, спать не могу...

— *А как вы узнали об этом празднике?*

— По радио объявления были, везде были объявления. Праздник начался с утра. Потом приехала группа «Манго-Манго», спели две песни, а тут начинается дождь. Маленький дождь и очень сильный ветер. Потом сильный дождь. Все кинулись в метро. Все толкались, толкались, думали, что там просто медленно пропускают. Сначала шли все трезвые. А потом пьяные надавили сверху. Дышать было нечем. Сзади бежали те, кто не понимал, что тут дела-

ется. Все кричали: «На-зад! На-зад!». Я посредине где-то был, возле ступенек прямо, где гора трупов была. Я был в самом переходе.

— *У тебя погиб тут кто-нибудь?*

— Подружка самая лучшая... А вы не знаете, почему народ не проходил туда? Я тоже не знаю, только предполагаю. Метро было закрыто, так мне кажется. Я стоял в конце ступенек, передо мной — полоса трупов, потом — живые люди, как селедки в консерве, потом опять гора трупов, потом опять люди, а дальше — уже ничего не видно.

— *Как ты думаешь, этой трагедии могло не быть?*

— Могло и не быть, если бы милиция просто-напросто разогнала толпу, разделила ее пополам. Менты же видели, что такая лавина шла.

— *Как тебе удалось выбраться?*

— Я плохо это помню. Не знаю, когда кончился дождь. С верхних ступенек люди стали отходить назад, тогда уже воздух пошел, мы смогли вздохнуть. Со мною две девушки стояли, с ними я познакомился на празднике. Одна начала глаза закатывать. Я говорю: подожди, потерпи... Я не помню, как сам выбрался, но помню, как растаскивал трупы, чтобы ее вынести. Я и за второй девушкой побежал, вынес вторую, ее потом в 4-ую больницу отвезли. Кровь, мозги на ступеньках... А наверху некоторые так и не поняли, что произошло. Когда начали трупы выносить, тогда только поняли.

Приехал домой в час ночи. Сначала позвонил домой.

— *Будешь ходить на такие массовые мероприятия?*

— Буду. Просто у нас народ чуть-чуть дикий. Привык в транспорте толкаться, в трамвае толкаться. Это не дикая случайность, просто — народ невоспитанный.

Игорь (17 лет):

— Метро было открыто. Люди не проходили туда, потому что на ступеньках было все забито до потолка. Спотыкались, падали друг на друга Было три ряда: лестница, потом гора мертвых людей, потом толпа людей живых... Сам по трупам ходил, не было другого выбора — или сам труп, или идешь по трупам. Из метро люди еще выходили, стояли, смотрели. А на ступеньках была пробка. Кто мог, тот спасал. А люди на лестнице задыхались. Мне кажется, что погибло больше, чем объявили. Я уже вторую ночь не сплю. Эти дикие крики... Людей выносили из перехода и клали просто в грязь. Курткой накрывали лица и все, потом — в ментовский автобус. Полуживых несли на руках во 2-ую больницу. Сейчас виновного в том, что случилось, не найти. Те, кто шел впереди, падали, а те, кто шел сзади, не видели этого и смеялись и дальше толкали. Кричали: «Быстрее, нас же дождь мочит!». Никто не знал, что внизу творится.

— *Можно было предотвратить трагедию?*

— Если бы милиция тут была, то можно. Просто никто из милиции не ожидал, что так будет.

— *А на празднике было много милиции?*

— Была милиция. В основном они забирали пьяных. Я сам был на сцене, в конкурсе участвовал, получал приз — восемь шоколадок. Сверху виднее — милиция была на празднике.

3 июня 1999 года

Михаил Анатольевич Скут:

— В воскресенье во время проведения праздника я договорился встретиться со своей девушкой, чтобы сходить туда. Мы встретились на станции метро «Няміга» и пошли на проспект Машерова. Когда

подошли, там праздник уже начался. Мы, наверное, в 15 минут седьмого подошли. Возле сцены было очень много народа. Дальше, параллельно проспекту, стояли торговые лотки, все красивые, с красными грибками от дождя. В каждом продавались пиво и шашлыки. К каждому стояли довольно большие очереди — человек по тридцать—сорок. Мы немного посмотрели на то, что происходит на сцене. Там какие-то молодые ди-джеи начали приглашать людей на сцену. Конкурсы устраивали — кто лучше «заведет» публику. Я так понял, что главная причина проведения праздника было двухлетие радио «Мир». Они сами приглашали всех на праздник, по радио говорили: «Нам два года, и мы по этому поводу проводим праздник». Совместно с «Магной» и «Аливарией», которые выступали спонсорами. Все это звучало со сцены, выступающие поздравляли радио «Мир» с днем рождения. Нам это было не очень интересно, я предложил своей подружке попить пива. Людей около торговых точек толпилось много, мы решили пойти на Машерова в магазин. Перешли на противоположную сторону и подошли к магазину. Там пива не оказалось. Молодежь выходила из магазина, держа в одной руке бутылку водки, а другой — пластиковую бутылку с напитком, чтобы запивать. Это я могу точно сказать, собственными глазами видел. Я предложил своей подружке: «Может, и мы водки возьмем?». Она засмеялась и сказала: «Ты что?!». Мы видели, что народ все-таки нес в руках пиво бутылочное. Значит, оно где-то дальше продается, и мы пошли в сторону универсама «Машеровский». Там действительно оказалось пиво, я взял четыре бутылочки по 0,3 и картофельные чипсы. Кстати, в универсаме тоже продавалась водка и дешевые алкогольные напитки — «чернила». На выходе из магазина была такая картина: два молодых человека, лет семнадцати, очень разгоряченные, в расстегнутых

рубашках, а возле них — восемь бутылок «Гранатового» напитка. Они, наверно, кого-то еще ждали — не на двоих же они это купили. Возле этого универсама «Машеровского» стояли столики, за этими столиками тоже сидели, а молодежь в открытую распивала водку. Мы со своим пивом пошли назад, через подземный переход перешли на другую сторону, но пошли не к сцене, а на набережную. На набережной было тоже много народа. Все бетонные парапеты заняты. Мы тоже расположились на бетонном парапете, стали пить пиво, беседовать и смотреть на окружающих. Могу точно сказать, что пили и водку, не только пиво. Мы сидели там минут двадцать, за это время я заметил только двух милиционеров. Это были офицеры — майор и старший лейтенант. Они прошли мимо нас, сделали замечание тем, кто пил водку, и пошли дальше. Как раз выступала группа, она эту песню поет: «Нравится не нравится — спи, моя красавица». Я предложил все-таки занять очередь в одну из торговых точек, чтобы купить шашлык. Мы заняли очередь в самую крайнюю точку, и здесь я заметил еще двух омоновцев. Они встретили своих знакомых в гражданском, улыбались, разговаривали. Вот и все милиционеры, на которых я обратил внимание. Мы взяли шашлык, я попил разливного пива, вернулись к сцене. Там появилась группа «Манго-Манго», начали петь. Две песни спели, и погода испортилась. Чувствовалось, что будет гроза. Я предложил подружке: «Пойдем в подземный переход, поедем домой». Мы стали выбираться из толпы. А народ, кстати, тоже двинулся к метро. Дорожка к метро была вся людьми заполнена. Гроза приближалась, и атмосфера наэлектризовывалась. Все спешили спрятаться от дождя, попасть в метро побыстрее. Мы шли сбоку, шли быстро, кого-то обгоняя. Спустились в подземный переход. А концерт продолжался, я слышал. Я еще удивился: когда же они

перестанут, ведь видно же, что будет дождь. Мы были в самом первом потоке, особо еще никто не толкался. Просто люди быстро шли. Если бы я остановился, меня бы подтолкнули. С одной лестницы мы спустились... Там средняя большая площадка, с которой идет более крутой спуск в сам переход. И с этой же площадки мы увидели, что вся лестница уже заполнена людьми, во всю ширину. И движение затормозилось. Как мне показалось, по той причине, что с бокового перехода, из метро, тоже шли люди. Два потока встретились. Встречный поток был, конечно, меньше. Выходящим еще удавалось продираться сквозь толпу, они выскакивали на эту среднюю площадку и по бокам уходили наверх. Я вдруг почувствовал какую-то сильную, неосознанную тревогу. Мы были окружены людьми, но нам повезло: мы оказались с краю. Мысль заработала — надо отсюда уходить. О нет, не думал, что могут задавить, такого не было... Просто я не люблю толпу. Я лучше пропущу два полных троллейбуса, сяду в третий, который свободнее. А еще — со мной рядом была девушка, за нее беспокоился. Я говорю ей: «Давай правее, давай наверх, на эту лестничку боковую». Мы выскочили на эту лестницу. Дождя еще не было. Мы побежали вперед. Перед нами еще человек пять ребят. Мы добежали до турникета и, нарушая правила дорожного движения, перелезли через этот заборчик и побежали через улицу Немига. Улица была свободная, мы перебежали и выскочили прямо ко второму входу в подземный переход — со стороны собора. Когда мы перебегали, уже упали первые капли дождя.

Я еще в руках я держал пластиковый стаканчик с пивом — не допил. Мы заскочили в подземный переход и остановились на средней площадке, уже под крышей, возле стеночки. Я говорю: «Давайте постоим». Наверное, минут пять стояли. За эти пять минут вся эта площадка тоже заполнилась людьми, стало

тесно. Люди спускались, шли вниз — в метро. Я сказал: «Пошли и мы». Мы оказались рядом с молодым человеком (я это точно запомнил), моя попутчица отодвинулась от него, потому что он был мокрый с головы до ног. Спустились ■ метро. Криков мы не слышали... Переход этот сплошной, достаточно длинный. Мы зашли в метро, и я удивился, что там довольно-таки свободно. Наверное, с той стороны, от Дворца спорта, люди уже не входили...

Я хочу сказать, что на такие праздники часто хожу. В прошлом году было аналогичное мероприятие, по-моему, компания «Pall Mall» проводила, там было намного больше людей. Тогда спиртные напитки на проспекте Машерова не продавались — ни пива, ни водки, никаких дешевых спиртных напитков. Винно-водочные отделы работали, но там были только дорогие элитные вина, коньяки, что простому молодому человеку не по карману. Продавцы говорили: «Нам запретил горисполком продавать».

И еще я знаю, когда оппозиция проводила возле Дворца спорта свои мероприятия, у входа в метро всегда стояли два-три милицейских «уазика». В этот же раз ни одной машины милиции не было. А пьяных много, милиционеры их не забирали, а только делали замечания. Они не просчитали ситуацию.

Олег Кучерявый (г. Борисов):

— Когда я приехал, уже стояли очереди за пивом. Пива там бесплатного не было, бокал пива давали за десять крышечек от пачек «Магны». Желающих оказалось очень много. В средствах массовой информации пишут, что проводился «пивной праздник», ничего подобного — это была рекламная акция «Магны». Рекламная кампания началась за месяц до этого события, где-то 1 мая. И называлась она «Начни лето с “Магной!”». Рекламу эту постоянно крутили по радио «Би-эй». Я сидел за рулем и слушал ее. Но самое

интересно, что когда началась рекламная кампания, то поднялись оптовые цены на эту марку сигарет. Поднялись в среднем на 15—20 процентов. То есть человек, который выкурил эти десять пачек (блок сигарет), запросто окупил тот якобы «бесплатный» бокал пива. Это предыстория всего дела. Кстати, рекламная кампания «Магны» проходила с ведома государственных органов.

Теперь по поводу самого праздника. Я приехал в час дня и почти до начала дождя стоял в очереди за «бесплатным» пивом. Надо было простоять минут сорок, чтобы получить заветный бокал. Там было четыре точки, которые за эти крышки от сигаретных пачек давали пиво. По словам разливающего, народ выпил около 15 тысяч литров. Люди несли крышки от «Магны» потоками, несли и несли. Раздавали ли пиво несовершеннолетним? Кто приносил крышки, тому и наливали. Был пункт приема крышек, там выдавались талончики. На каждые десять крышек давался маленький красненький талончик с логотипом «Магна». Очереди стояли большие, кому выдавалось пиво — не контролировалось. Была жара, и все, кто сидел на лужайках, употребляли все что угодно, не только пиво. Молодежи, конечно, очень много. Все сидели на траве. Кругом мусор — пластиковые бокалы и другое. К восьми часам толпа была довольно разгоряченная. Перед началом дождя очень быстро потемнело. Упали первые крупные капли, а буквально через 15 секунд хлынул ливень. Человек за минуту был мокрый. Когда пошел дождь, толпа возликовала — дождь пошел, радостное событие! Людей дождь не беспокоил. А забеспокоились тогда, когда одна за одной стали сверкать молнии. Тогда людей охватил страх и паника, все побежали укрываться в метро.

Вот такая ситуация. Я сделал определенные выводы. За все платила «Магна», за «раскрутку» своих

сигарет. Надо искать истоки. Табачная кампания, конечно, виновата. О «Магне» не говорят. Почему? Скорее всего замешаны большие деньги, чтобы негативная реакция никак не была связана с маркой этих сигарет. Во всем виноваты две организации — фирма (она нигде не указана), которая торгует сигаретами «Магна» и затеяла эту рекламную кампанию, и, конечно, милиция. Почему я делаю такие выводы? Потому что возле трибун, когда дождь уже стих, — я обратил на это внимание — все омоновцы и милиционеры были сухие. Значит, они находились в укрытии. Я за одну минуту промок, дождь шел очень сильный. Пишут, что там было 150 человек милиции. Я никогда в это не поверю. Они стояли возле площадки во время концерта, но, когда пошел дождь, они спрятались. Это халатность сотрудников органов правопорядка. Я сам бывший военнослужащий и знаю, что такое 150 человек. После того как все случилось, метро оцепили максимум человек 20—30 — и все сухие. Как такое могло быть? Народ весь мокрый, а они сухие?

Пишут, что заказчик группы «Манго-Манго» — «Класс-Клуб Джас Крафт». Но вопрос ■ том, кто попросил это сделать, кто оплатил этой фирме заказ? Надо искать заказчиков этого праздника. И еще: был праздник Троицы, а тут шла реклама сигарет, — это несовместимо. Почему столько девушек погибло? Потому что они зашли в переход первыми — хотели сохранить прическу и макияж, а ребята, разгоряченные, понеслись, подталкивали толпу. Они напирали на первых с пьяными возгласами.

— *Были ли машины «скорой помощи» на празднике?*

— На самой площадке не было. Стоял только один микроавтобус, из которого продавали сигареты. Стояли до определенного времени на площадке и автомобили с рекламой сигарет с латвийскими номерами.

5 июня 1999 года

Вероника (18 лет):

— Я была на празднике с сестрой и друзьями. Приехали где-то в половине восьмого. Мы брали пиво на шестерых, у нас мало крышечек было — всего десять. В конкурсе мы не участвовали. Потому что надо быть или очень богатым, или «Магну» продавать, чтобы набрать такое количество крышечек. Я пришла за полчаса до того, как перестали выдавать талончики в обмен на крышечки. Иногородние пили в основном водку. Водку пили и те, кому девятнадцать-двадцать, и те, кому старше двадцати. Водка была в магазине «Ромашка» и в супермаркете «Машеровский», в других магазинах. Возле меня стояли парни, они пили водку прямо «с горла» и запивали ее пивом. Но пиво у них было не в стаканчиках, которые здесь раздавали, а в бутылках. Лично я пришла сюда не на конкурс, а на концерт. Сначала выступала группа с радиостанции «Мир». Потом сделали небольшой перерыв минут на десять. И начала выступать группа «Манго-Манго». Они спели первую песню «О Щорсе», потом начали петь песню «Крановщики», и начался дождь. Сначала дождь был небольшой, но туча очень черная. Все начали разбегаться и доставать зонтики. Потом начался град. Довольно приличный, у меня до сих пор синяки остались. Половина побежала к переходу у Дворца спорта или прятаться под деревьями, в палатки, где раздавали пиво, а остальные двинулись к метро. Мы сначала пошла к метро, но не дошли — где-то у Дома физкультуры повернули назад. Нам нужно было ехать в другую сторону. Мы дошли до автобусной остановки на проспекте Машерова, когда начали ездить «скорые». Очень много «скорых» было.

Я решила посмотреть, что случилось. Пришла сюда и тут услышала, что в результате давки пострадало

очень много людей. Кто-то споткнулся, упал, и началась давка. Одна девчонка рассказывала, что ее подружку так сдавили, что у нее изо рта кровь пошла. Девчонок очень сильно толкали и били, чтобы проходили быстрее, думали, что там просто специально не проходят — «прикалываются». Вы представьте, идет девчонка, а ее толкает парень, который пиво мешал с водкой. А толпа сзади все наваливалась. А тут еще этот боковой вход, они и сюда шли — не видели, что внутри творится, просто напирали сбоку. Все очень сильно кричали, пищали. А еще тут гром сильно ударил. Потом парни начали дружно кричать: «Назад!» — по слогам, и толпа наконец откатила. Тогда уже и милиция все здесь перекрыла. Начали выносить трупы девушек — страшно потоптанных, изуродованных, не только молодежь, но и взрослых людей. Было очень тихо, только милиция кричала, руководила действиями.

Много ли задействовано милиции на самом празднике? В общем-то, как на любом празднике. Я на нескольких праздниках была, поэтому знаю. Конечно, если бы на входе в метро стояла милицейская машина, хотя бы человек десять милиции... 9 Мая на площади Победы очень много было милиции возле метро, пока народ не разошелся... Когда начался дождь и народ стал расходиться, те милиционеры, которые стояли на постах возле сцены, так и остались на своих постах, я не видела, чтобы они прятались от дождя.

Погибли в основном девчонки, потому что парни посильнее. И каблуки... Ведь даже если туфли на маленьком каблучке, но набойка не резиновая, а пластиковая, то очень легко поскользнуться и очень трудно встать потом. Девушки первые кинулись в метро, потому что парням дождь не так страшен — они были в рубашках и пиджаках. А девушки были в открытых легких платьях. Представьте, что такое

град по открытым женским плечам. Градины больше горошин. Больно...

7 июня 1999 года

Дмитрий Арачевский (21 год, студент). Звонок в офис «Весны»:

— Слава Богу, я пришел на праздник один. Думал, с кем-нибудь там познакомлюсь. За пивом были большие очереди, поэтому я перешел на другую сторону проспекта Машерова и купил себе пиво в магазине. Но там не только пиво покупали, а и водку. На самом празднике особых эксцессов, связанных с этим, не было. Но когда я стоял и слушал концерт, то позади меня находилась подвыпившая компания, парни дурачились и толкались. На празднике я увидел одну девушку, она была с подругой, я пошел за ними, думал — познакомлюсь в метро. И в переходе все это началось...

Видели, там теперь в переходе надпись: «Последние 41 ступенька». Я не дошел до конца, мне оставалось 17 ступеней. Девушка, с которой я хотел познакомиться, упала. Она лежала у меня под ногами и что-то говорила мне. То ли «не дави», то ли «помоги». Я не разобрал. Сзади напирали люди. Я чувствовал, что не могу дышать, я задыхался. Но я знал, что если начну активно двигаться, чтобы спастись, то могут задавить девушку, — такое было двоякое чувство. Потом народ надавил еще, я наклонился где-то на 45 градусов, подумал, что, если упаду, мне будет конец. Но я удержался на ногах. Мне не хватало воздуха. Сначала все кричали... Потом кто-то додумался кричать хором по слогам: «На-зад! На-зад!». Мне самому удалось крикнуть пару раз, на большее не хватило дыхания. Люди наконец

стали отступать, и дышать стало легче. Мне удалось поднять эту девушку и вынести ее наверх. Я еще не знал, что там столько пострадавших. Я положил ее на траву, а сам кинулся в ту сторону, где был праздник, чтобы позвать милиционера. Врача не было, а я знал, что милиционеры должны уметь оказывать первую помощь. Очень жалею, что сам знал о первой помощи только теорию — искусственное дыхание рот в рот и все остальное... Навстречу шел милиционер, я сказал ему, что человеку плохо. Он спроси: «Где?». Я сказал: «В переходе!». И побежал, он за мной. Он бежал. Когда мы подошли, там уже выносили трупы и пострадавших. Я спросил: «Что произошло?». Мне сказали: «Что ты спрашиваешь?! Помогай!». Только они более грубо сказали. Я спустился в переход, там, в конце ступеней, лежала гора тел — мертвые и живые, в несколько слоев. Мы стали вытягивать людей наверх. Конечно, сначала хотелось вытащить тех, кто был в самом низу, потому что им было хуже. Я попытался вытащить женщину. Может быть, ей было лет 25, не знаю, лица были такие, что возраста не разобрать... Но у меня ничего не получилось. Тела так переплелись между собой, что их трудно было разнимать. Когда разносили тела, уже была милиция, она тоже спасала людей. Многие люди нуждались в помощи. Я очень сожалею, что не мог оказывать первой медицинской помощи.

Были ли случаи мародерства? Говорят, что были. Но сам я не замечал. Я не знаю, чтобы я сделал такому человеку, если бы увидел. Ведь даже те прохожие, которые просто подходили и спрашивали: «Что происходит?», вызывали злость, хотелось обругать матом, хотя они ничего плохого не хотели. А некоторые не спрашивали, а просто подходили и начинали помогать.

Я ушел с «Немиги» в двадцать минут десятого. В переходе к тому времени уже не было пострадавших.

Я сам вынес одну из последних девушек. Она лежала в самом низу, у нее вроде была сломана нога. Я даже удивился, что она получила достаточно легкую травму. Она оказалась в белье — от платья остались одни обрывки. Я кое-как прикрыл ее, положил на траву, сказал: «Все будет хорошо, сейчас тебя заберет “скорая”!».

Говорят, что в переходе погиб ребенок. Я видел, как милиционер выносил какую-то маленькую фигурку, но это могла быть и девушка, там были девочки тринадцати-четырнадцати лет, это же дети.

Можно ли было предотвратить трагедию? Я думаю, да. Если бы метро снаружи оцепили милицией. Могло хватить и двадцати милиционеров. И еще я думаю, что многие побежали в метро не для того, чтобы уехать, а чтобы переждать дождь. Потому что объявили, что концерт будет продолжаться, если дождь кончится. Если бы на площадке были тенты, то, я уверен, люди стали бы прятаться туда, ведь бежали в ближайшее укрытие...

А с той девушкой я так и не познакомился, ее увезли в больницу. Там уже не до того было. Главное — спасать людей.

Теперь я не могу спокойно проходить мимо перехода, где это все произошло. Я прихожу сюда, тут познакомился со многими ребятами, которые находились здесь 30 мая. Через два дня после трагедии у меня был день рождения, мне исполнился 21 год. Получилось так, что я выжил. А сколько людей осталось в этом переходе!

9 июня 1999 года

Тимофей (17 лет):

— У меня был день рождения. Мы проводили время за городом — купались, загорали. Думаю,

многих спасло то, что в школах кончились занятия и начались походы, что многих просто не было в городе и они не попали на праздник. Мы встретились с друзьями в восемь часов возле сцены. Нас было пять человек. Небо хмурилось, и вроде бы грозу обещали, поэтому мы взяли с собой зонтики. Мы пили пиво, ребята где-то купили, я не знаю, я позже пришел. Говорят, там не было нетрезвых людей. Не то чтобы «нетрезвые», просто пьяные, и они буйствовали уже возле сцены. Буйство уже там начиналось. Толкались, выкрикивали что-то.

А потом упали первые капли дождя. У нас были с собой зонтики, поэтому дождь нам был не страшен. Мы отдали зонтики девчонкам и пошли к метро. Там уже толпились. Под мост тоже не пошли, там также не было места. Мы стали возле дороги под елки. Девчонки прикрыли нас зонтиками. Нам было весело: дождь, град, а нам хорошо. Мы еще прикалывались, что бутылка по дороге плывет, — было столько воды. Толпа что-то ревела, но непонятно чтó: сильными порывами ветра голоса относило в сторону Троицкого предместья. Молний таких я никогда раньше не видел. Небо такое… Как на религиозной картине. Только не подумайте, что я хочу сказать, что это Бог и все такое… Я думаю, не в этом дело, а просто люди — бараны.

Пока шел дождь, мы стояли под елками. Потом толпа возле метро стала рассасываться, и стали выходить оттуда люди, такие зелененькие… Это потому, что им дышать было нечем. Девчонки почти все плакали. Но мы еще не знали, что произошло. А потом к нам под елки принесли парня. Ему приподняли майку, там была кровь… Все, что от пупка и ниже, ему отдавили. Одному моему другу стало плохо. А у нас всех был шок. Мы не знали, что делать. Стали выносить людей, останавливать машины.

Многие не хотели везти, отворачивались. Тогда им давали оплеуху, закидывали в машину по две девчонки и говорили: «Вези!». На проезжую часть выскочил мужчина, он размахивал над головой курткой, кричал: «Что вы стоите, как шакалы, идите помогать!». Мы побежали помогать. Сначала были не в самом переходе, а наверху, где начинаются ступеньки. Нам передавали тела, а мы относили их на траву. Одну девчонку на руках понесли во 2-ую больницу, наверное, они ее не донесли. Первая «скорая» приехала через 5—10 минут. Врачи работали очень хорошо. Сначала людей выносили и в сторону собора, но туда «скорые» не успевали подъезжать, основное скопление людей было на этой стороне. Потом мы спустились в сам переход. Особо не присматривались, надо было выносить людей. Кровь, мозги. Сумки валялись, обувь, документы.

Потом приехали «черные береты» и оцепили метро. Один парень стал кричать: «Где вы раньше были?». Омоновцы стали бить его дубинкой.

Я не могу сказать, сколько было жертв. Но почему никто не говорит о беременной женщине, которая там находилась? Почему не говорят о ребенке, которого мужчина умолял взять в «скорую»?

Было ли мародерство? Девушки видели, как пьяные парни снимали с трупов цепочки и кольца, забирали сумочки. Там много всякого народа ходило, «не при деле», бомжи бутылки собирали.

Наши люди — бараны, но если бы на площадке для концерта были тенты, чтобы можно укрыться... У меня после того, что я увидел, три дня была депрессия. Я на следующее утро проснулся и сказал друзьям: «Я сегодня не такой, как раньше!». У меня все мышление изменилось...

9 июня 1999 года

Таня (15 лет, была вместе с Машей Иньковой, которая погибла):

— Мы с утра гуляли, с двенадцати где-то. Мы были вдвоем. Когда начался дождь, пошли в метро… А уже был сильный ветер. Я говорю: «Маша, вон елка, пошли спрячемся». А она говорит: «Нет!». И мы ТУДА пошли. Это было еще до дождя, дождь только начинался. Все шли потихоньку. Пока мы спускались по ступенькам, никто не толкался. Никто. Наверное, когда начался град, тогда люди стали толкаться — лишь бы быстрее зайти. Дождя, молнии так испугались, что их убьет, наверное. И так получилась давка. Мы в метро пошли не для того, чтобы домой ехать, а чтобы дождь переждать. Находились уже в самом низу. Оставалось два шага, чтобы выйти. Буквально два шага. Там были милиционеры. Я смотрю на них, а у самой глаза закрываются, воздуха не хватает, и думаю: «Как они могут так стоять? Люди умирают, а они ничего не могут сделать?». Просто обидно. Может быть, толпу что-то и держало, но это было что-то низкое. Там не было дыма, стоял туман от испарений. Мы с Машей долго держались за руки, пока нас не разорвали. Два шага оставалось до выхода… В самом низу, где ступеньки заканчиваются. Мы стояли где-то на ступеньке третьей-четвертой, от низу. По-моему, так. А внизу стояли милиционеры. Да, я видела. Сколько их было, не знаю. Перед нами еще люди стояли. За два шага. Они, наверно, загородили, чтобы было меньше жертв. А вот в толпе даже не обращали внимание, что люди задыхаются. Я смотрю и думаю: там же такой большой подземный переход, почему люди остановились и не проходят дальше? Мы шли спокойно. В какой-то момент нас с Машей разрывают. И уже все — стоишь. Милиционеров я увидела потом, а сначала ничего не видела.

Так сжали со всех сторон. Плохо было, очень плохо. Понятия не имею, сколько времени мы там находились. Я не знаю, как я выжила. Дышать невозможно стало. Надо спросить тех, кто был в первом ряду: что держало толпу? Я не стояла, а опиралась на кого-то, держалась, и воздуха мне не хватало. Некоторые могли кричать, я хотела хоть «Маша!» крикнуть, а не получилось ни разу. Ни одного! Я только задыхалась. Когда уже толпа стала рассасываться и все начали падать, мне кто-то на ногу наступил, а я даже закричать не могла, — так мне плохо было. Видела парня, он не мог идти, у него лицо было окровавленное. Там еще женщина лежала полная — мертвая, девушка — вся синяя. Я вышла, когда уже все трупы были вынесены.

Маша тоже не упала. Там стоя умирали люди.

Домой я сама шла, кое-как доехала на автобусе. Около одиннадцати была дома. У меня тоже травма с переломом.

Я не знала тогда, что Маша умерла. Мы потерялись. Я смотрела среди тех, кто там лежал, но ее не нашла. Я видела: тем, кто пониже ростом, не хватало воздуха, и они умерли, а кто был повыше, те могли еще дышать. Я стою, мне уже нечем дышать, глаза закрываются, а те, кто выше, дышали. У меня босоножки были на высокой платформе, может, это меня и спасло. Была бы ниже... Я стояла, а на мне лежала девушка. Умершая. Она была высоковатая, но умерла.

Когда я вышла, там уже стояло много «скорых». Я была в таком состоянии, что сразу ничего не чувствовала. Потом почувствовала боль. Расстегнула джинсы, посмотрела, а там ссадины — так меня сдавили. Говорить не могла вообще, задыхалась, у меня глаза закрывались. С нами вот так получилось, видите... Навалились, сжали, у меня теперь переломы...

Там кричали: «Назад!». Все нижние ждали, пока верхние назад отойдут. Вот и умерли стоя...

Саша (15 лет):

— Все это началось еще до дождя. Перед дождем ветер начался, я шел в метро с закрытыми глазами — такая пыль поднялась. А как чуть-чуть спустились, стало виднее, все глаза открыли. Я был на первых ступеньках, когда дождь начинался. Там две минуты решали жизнь человека. Я очутился там, где ступеньки закончились, где решетки. Я был там, за этой решеткой. Начали валиться, падать, потому что спотыкались. Первая стенка живая (скорее, полуживая) до дверей даже не дошла. Там было три завала людей. Решетки возле ступенек не поднимали, однозначно. Толпа сзади напирала. Первая лавина (еще перед дождем) зашла в метро, на станцию. Когда начался большой ветер, двинулась вторая лавина. Милиция стала объявлять, что метро закрыто. Закрыли двери на станцию. Большое скопление людей получилось. Я сам две ступеньки прошел и хотел повернуть, но меня затолкали туда — вниз. Там до стеклянных дверей в метро люди даже не дошли. Возле дверей их что-то остановило, образовалась такая толкотня. Да, возле дверей, вдоль этого прохода. А люди толкали, толкали. Вот тут стенка живых людей, вот тут лежащие, тут опять стоящие, опять лежащие, а на ступеньках опять гора трупов. А дальше уже люди стоят. Первый завал людей очень большой. Там кто-то через верх прорывался на другую сторону. А дальше весь переход был пустой.

Я не знаю, почему так произошло. Если бы знал, сказал. Я сначала думал, что перекрыли переход. Я думал, что там только два завала — на ступеньках и тут. Меня просто мандраж взял, когда я узнал, что столько людей попадало. И все: давка, давка. Люди

кричать начали: «Назад, назад!». Ментов вообще не было. Точно не было. Сначала не было.

Я не помню, как выбрался. Помню только, что нашел свою девушку… У меня ноги были завалены, я хотел еще раньше выбраться, помочь одному мужчине — поднять его, но ноги мне сдавили. Выбрался, сделал несколько шагов, чтобы ноги отошли. Три милиционера были, я и еще мужчина какой-то. Я девчонку вынес, а она уже все… я закрыл ей глаза. Там столько людей, что их можно было вдоль всей Немиги в ряд положить. Помогал растаскивать…

Самое главное, непонятно, почему начали падать первые люди. Если бы там бортик был какой-нибудь, за который можно зацепиться и упасть, — там же столько пространства, там даже решеток нет. И еще. Внизу так кричали, а как могло получиться, что те, наверху, не слышали?

Там умерло, мне кажется, гораздо больше людей. Мне пацан рассказывал, они своего знакомого забирали из морга, он был под номером 82. Не укладывается в голове, как такое могло случиться. Я специально прихожу на «Немигу», чтобы разобраться, что там случилось. Но в голову ничего не лезет. Воздуха не стало. Воздух совсем перестал поступать. А потом воздух резко хлынул, и люди начали оживать. И стенки все мокрые — такое испарение было. Очень трудно дышать. Представляешь, если грудную клетку вот так вот сжать? Меня сжали, я шевельнул плечами, а если бы так стоял, то… Я сначала упал, а девчонок, с которыми я был, понесло. Потом я встаю, даже не помню как, и не могу ни повернуться, ни шевельнуться — ничего. Грудью стоял к стенке. Девочка одна находилась на расстоянии вытянутой руки. Ее возле стенки просто расплющило. Она какое-то время держалась, я ее рукой похлопывал, чтобы она сознание не потеряла. А потом все… Погибла. Понимаешь, когда отошла эта волна, многие из тех, что стояли,

попадали. Падали и те, кто был без сознания, и мертвые. Тогда я уже смог оглянуться и посмотреть. Нашел девчонок, которые со мной были. Если бы я сразу домой пошел, не знаю, что с ними стало бы. Я плохо соображал, но первое желание было — искать кого-то, первую помощь оказывать. Все, кто кого-то потерял, искали...

10 июня 1999 года

Анна Ивановна Инькова
(бабушка Маши Иньковой, погибшей 30 мая):

— Я дома была с малой. И тут позвонила Машенька: «Бабушка, я к тебе иду». Я говорю: «Хорошо». А у нас, чтобы дверь открыть, нужно сначала набрать номер... Ну, дверь я открыла, заходит она с девочкой, со своей подружкой. Я говорю: «Что случилось, Машенька?». Она говорит: «Мы идем на праздник!». — «На какой?» — «Там будет очень хорошая музыка!» То, что там будет пиво, она не говорила. Она сказала: «Пить хочу. Дай мне попить!». Я говорю: «Может, ты подождешь, пока я блинчики сделаю?» — «Нет, нет, бабушка, хочу пить.»

Попили воды обыкновенной. Потом они говорят: «Надо нам еще бутылку с собой.» — «Хорошо.»

У меня вода отстаивалась. Я им этой отстоенной воды налила в бутылку. Собрались, воду вставили в рюкзак. Я живу на Заславской, им и ехать не надо было.

Машенька часто приезжала, чтобы около магазина «Юбилейный» кататься на роликах. Она любила это. Часто приезжала. Она такая добрая, хорошая была. Жизнерадостная.

Она говорит: «Ну все, бабушка, пока, до свиданья!». Поцеловала меня, я — ее, они ушли. Я говорю своей

другой внучке: «Катя, собирайся в церковь!». Кате скоро семь лет. Я ее приучила ходить в церковь.

Был уже пятый час. Собрались, легко оделись, не брали зонтик. Приехали к церкви. Я говорю: «Вот, Катя, где гулянье, где наша Маша».

В церкви мы отстояли, сам Филарет правил. Служба окончилась. Идем в переход к Дворцу спорта, там наша остановка. Я говорю: «Пойдем Машеньку поищем».

Музыка громко играла, там какие-то бритоголовые танцевали так, что пыль столбом стояла — выше их голов. Я говорю: «Пойдем посмотрим. А может, там где и Машенька стоит».

Подошли. Смотрим. Кругом сидит молодежь.

А тут смотрю — сидят пьют. Вокруг ходят женщины, собирают бутылки. Смотрю — из-под водки бутылки собирают. Особенно много бритоголовых. Я думаю: что это — призывники, празднуют свой отход в армию? Бритоголовые в черных рубашках. Мы посмотрели с Катей, посмотрели. А тут туча надвигается. И молния пересекла небо. А у нас ничего нет. Если бы не дитя, я бы еще поискала, посмотрела. Мы пошли домой. Только добрались до дома, и дождь начался. Я говорю: «Видишь, Катя, как хорошо. Может, и Машенька скоро к нам придет».

А в половине одиннадцатого мне сын звонит: «Мама, у тебя Маша?» — «Нет. Может, где у подружки задержалась.» — «Нет у подружки. Я ходил искал.» В три часа ночи звонят: «Маши нет! Маши нет!» — «Что значит, нет? Я же говорю: у подружки где...» — «Маши нету в живых. Нету Маши!»

Я тут... Если бы дочка не дала валерьянки, я инфаркт бы получила. Рассказали, где они Машу нашли и как они ее нашли. Во все морги ездили и видели эти трупы. Ну как так могло получиться? Такой большой переход. Это же можно в другую сторону выбежать. И что еще я вам скажу: я ни одного милиционера на

этом празднике не видела. Ни одного! Только стояли на дороге гаишники. И я еще удивилась: бывает, на этих самых демонстрациях стóит кому-то флагом махнуть — кругом везде милиция. А здесь никого — мы же с Катей все обошли. Прошло время, Машу похоронили. И вот мы пошли в переход, чтобы разобраться: почему они не побежали сквозь этот коридор? Почему к церкви не побежали? Почему тут все валились с краю? Маша была в кроссовках, в брюках, рюкзак у нее еще был. Она здоровая такая девочка была, хоть и 15 лет, но телосложение у нее здоровое. И я удивлялась, как она могла задохнуться. И мы пошли смотреть: почему они тут все падали? Почему стоя умирали?.. Дети, которые приходят к Маше на могилку, говорят, что там кричали: «Дави, топчи их!». И бежали.

Потом вывозили их штабелями, развозили по моргам. Машу нашли в морге 10-й больницы. Прошли одно помещение — нету, прошли другое — нету, третье — нет. А потом им говорят: «Зайдите туда, посмотрите». И там они Машу нашли. У нее на руке был след, как от решетки. Почему так? Может, она стояла возле этой решетки и ее прижали?

Как могло получиться, что они лежали один на другом? Там отпечатки рук на потолке есть, кровь. Они цеплялись, чтобы выше, потому что им некуда было бежать. Я уверена, что Машенька бы выбралась, она такая крепкая девочка...

Я думаю так: если ты этот праздник организовал, то, будь добр, обеспечь порядок. Как это все на самотек пустить! Как только митинг, так уже 15 милиционеров бегут. Там же я никого не видела. Если есть праздник пива и музыки, то должна быть милиция. А что, нельзя было организовать, чтобы оцепили метро? Молодежь бы и разбежалась, кто куда. Пусть себе и дождь. Я видела это все, этот праздник. Господи боже мой, тогда еще радовалась: «Это столько

молодежи! Такие все красивые». Это же так рано было, не два, не три часа ночи. Пусть бы они со сцены передали, что надвигается гроза, расходитесь. Но некому было говорить. Надо больше пива продать и водки.

Маша пива не пила, она — сладкоежка. Раздавали бесплатное пиво молодежи, а теперь виноватых нет, и правды никакой нету. Меня убивает, что начинают все смазывать и замалчивать. Правда должна быть, суть этого дела. Я хочу знать одно: при каких обстоятельствах погибло мое дитя? Я никого не могу обвинить голословно. Значит, мы ищем правду, а сами будем врать? Это тоже нехорошо. Но не может быть, чтобы не было правды. Она всегда есть. Она бывает очень тяжелая — правда. Но она — правда. Кто организовал этот праздник, музыку, пиво? Да в такую жару. Малому одной бутылки пива хватит. А спиртное там было, я сама видела.

Хочется знать: почему это произошло? А то начинают замалчивать. Как при Сталине: всех забирали, все знали, и все молчали. Если мы не узнаем правду об этой трагедии, как и почему она произошла, это будет повторяться и повторяться...

Станислав Каращенко (17 лет):

— 30 мая я проходил по улице Ленина. Когда подходил к мосту через Немигу, заметил много машин «скорой помощи» и милиции, которые то ехали в сторону Немиги, то выезжали оттуда. Когда дошел до остановки напротив Дома физкультурника, увидел на ней молодых людей в окровавленной одежде. Я посмотрел на противоположную сторону дороги и заметил большое скопление людей и обвисший электропровод. Я подумал, что, наверное, молния повредила электропровод, возможно, есть человеческие жертвы.

Я перешел дорогу — там, где были палатки, на которых красовался логотип сигарет «Magna». Я

еще подумал, что в нормальных странах реклама табачных изделий запрещена. На сцене [redacted] это время суетились с раздачей подарков от «Magna». Услышал, как просили какого-то Ермакова подойти за подарком. Кричали, кричали, а человек не пришел. Я пошел по направлению к метро. Там была колонна машин, много людей. Мимо меня пробежали врач с санитаркой, которая кричала: «Куда трупы девать?!». Тот ей в ответ: «Всех [redacted] машину!». В тот момент я ничего не понял. У меня в голове не укладывалось: какие могут быть трупы? Но когда подошел ближе ко входу в метро, то увидел беспорядочно лежащих на земле людей, а вокруг пятна крови. И в это время продолжалась раздача призов?

Сергей (16 лет):

— Я пришел туда около шести часов вечера. Подростки были почти все пьяные, и пиво сначала менялось на крышечки. Некоторым давали по пять-шесть литров: просто заполняли тару. Несовершеннолетним, даже младше меня, пиво тоже давали. В ближайших магазинах пива не было, но продавали водку. Водку распивали в переходе метро, на выходе из метро, на самой площадке. Я видел это собственными глазами.

Когда начался концерт группы «Манго-Манго», я подошел к сцене. Все веселились, плясали. Говорили: «Давайте разгонять тучи!». И вот через пару песен этой группы начался дождь.

Там было около четырех милицейских машин, а пеших патрулей еще меньше. Около метро стояло не больше шести милиционеров. Говорят, что было много милиционеров. Но на самом деле их было очень мало, а уже потом, после случившегося, прибыл и ОМОН, и сотрудники милиции, спецназ, машины «скорой помощи». А во время концерта группы «Манго-Манго» милиции было человек десять. Они забирали очень пьяных людей.

Когда начался дождь, я спрятался под дерево. Но дождь усиливался. Пошел град. И тогда все начали убегать туда, где можно было бы укрыться. Многие побежали в метро, на набережную, другие укрывались под тентами, где стояла аппаратура, кто-то забежал в палатки, где раздавали пиво.

Вначале люди веселились, прыгали от радости, что пошел дождь. А потом уже мокрые побежали в метро...

Потом я видел много людей, которые лежали на ступеньках. Особенно много их лежало около стенок. Я пробыл во 2-й клинической больнице до часу ночи. Поступали люди: кто — в сознании, кто — без сознания. Может, власти и хотели закрыть метро, но не успели. Никто не ожидал, что начнется такой дождь во время дискотеки. Как я знаю, метро при проведении таких мероприятий должно быть закрыто.

Я помогал врачам отправлять пострадавших в машинах «скорой помощи» в больницу. В больнице помогал милиции, чтобы машины «скорой помощи» могли беспрепятственно проезжать, так как движение было очень большое.

Я думаю, что если бы поставили около метро больше милиции, последствия стали бы менее плачевными.

На следующий день я пришел туда поставить свечку и слышал разговоры людей, что в морг больницы скорой помощи поступали погибшие под номерами 86 и больше.

Хочу сказать еще спасибо врачам. Они сделали все возможное.

Михаил Фомич Новик, 59 лет, ведущий специалист Госкомитета по рыбоохране:

— 30-го числа я был среди пациентов 2-й больницы. Видел из окна, как выносили трупы и грузили их в машины «скорой помощи». Машин этих стояла

целая колонна, присутствовал ОМОН и три человека в гражданском. Может быть, это были следователи. Вот из этого приемного покоя выносили трупы и грузили в кареты «скорой помощи». По три-четыре трупа в одну машину. Было это около двенадцати, может, без пятнадцати двенадцать. И продолжалось почти до часу ночи тридцать первого числа. Запомнилась очень красивая девушка в черной одежде. Все трупы были оголены по пояс, а она была такая красивая и в черной одежде. Последним был среднего роста мужчина крепкого телосложения. Я еще подумал: как можно задавить или задушить такого здоровяка? И они сказали: «Это последний». Его загрузили и повезли. Еще были три или четыре машины «скорой помощи», но они не были задействованы. Сказали: все, это последний, больше нет. По слухам, в реанимацию попало двенадцать человек. Один человек, которого привезли оттуда, умер, — говорили так. Не знаю, был ли он в реанимации или не был, и кто он, тоже не знаю. Но он был вывезен. Девятого числа к нам в палату пришел лечащий врач и сказал, что нас срочно выписывают. Мотивировал это тем, что надо разместить людей, которые находятся в реанимации. И назвал цифру — двенадцать человек. Уже к часу дня нас выписали. Выписали четверых, в том числе и меня. Один старичок, ему восемьдесят один год, ветеран, — он пытался сопротивляться, но все объяснили, что места освобождаются для тех, кого выписывают из реанимации и размещают в неврологии. До этого пришел один парень, лет восемнадцати, рослый такой, голубоглазый. Я его спросил: «Ты был на Немиге, что там случилось?». Он ответил, что был, но сказал, что ничего не помнит. А когда на него посмотришь, не скажешь, что человек ничего не помнит. У меня мысль зародилась: наверное, ему сказали, чтобы он ничего лишнего не говорил. Я у него еще что-то спросил, он опять ответил:

не помню. Больше я ему вопросов не задавал. И в тринадцать с чем-то нас выписали и отдали документы на руки. А первого июня мы с одной женщиной разговорились в столовой. Она пришла какая-то растерянная, у нее дрожали руки. Она сказала, что помогала в приемном покое. И еще одна женщина помогала. Их попросили помочь потому, что они имеют отношение к медицине. Женщина была из нашего отделения, из неврологии. Она говорила, что в приемном отделении все было завалено трупами. Еще сказала, что просили больше сюда не привозить, что больше они ничего не могут сделать. Но никто не слушал. У двух человек, говорила, как будто еще прощупывался пульс. Им пытались делать искусственное дыхание, но ничего не получилось, и они погибли. Как вы знаете, воскресенье в больнице — выходной. Ни уколов, ни процедур. Из персонала в больнице были лишь дежурные сестрички. Как я понимаю, настоящую помощь эта больница в то время просто не могла оказать. Моя точка зрения такая: это была большая ошибка, что именно в эту больницу, только потому, что оказалась самой близкой, начали свозить людей. Я так думаю: если бы всех пострадавших повезли хотя бы в больницу скорой помощи, там многих могли бы еще спасти. Тут их спасти было просто невозможно. Эта больница просто на это не рассчитана.

«МЫ ВЫПОЛНЯЛИ СВОЙ ДОЛГ...»

Рассказывают журналисты — свидетели трагедии на Немиге

Сразу же после трагедии в средствах массовой информации появились обращения органов прокуратуры ко всем, кто был свидетелем трагедии, чтобы они помогли расследованию. Насколько фарисейскими были эти обращения и насколько не заинтересованы были власти в том, чтобы донести до своего народа правду о происшедшем 30 мая в подземном переходе станции метро «Немига» и около него, свидетельствует их обхождение с журналистами, которые в тот вечер выполняли свой профессиональный долг.

В первые минуты после трагедии вынесенные из перехода тела попытался снимать молодой латышский журналист, который случайно оказался на празднике пива. Он успел снять только три кадра, на которых видно, как пострадавшим оказывают первую помощь. Но реакция окружающих была настолько отрицательна, что он предпочел не только прекратить съемки, но и покинуть место трагедии, причем пленку он спрятал у своих знакомых. Только через несколько дней он отважился проявить пленку и предложить белорусской газете «Имя» свои снимки.

Журналисты показали, что часть ценных документальных материалов (фотопленки) милиционеры уничтожили или конфисковали сразу, на месте трагических событий. Тем самым представители власти

нарушали не только профессиональные права журналистов, но и права граждан нашей страны на получение правдивой информации.

Закон «О печати и других средствах массовой информации» Республики Беларусь гарантирует:

Статья 32: «Граждане Республики Беларусь имеют право на своевременное, оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни, состоянии окружающей среды...».

Статья 39: «Журналист имеет право присутствовать в районах стихийных бедствий, аварий и катастроф, военных действий, местностях, где объявлено чрезвычайное положение, на митингах, демонстрациях и т. д.».

Так записано в Законе. А что было в действительности?

Анатолий Жогла, фотокорреспондент:

— На празднике, закончившемся трагедией, я был часов с четырех. Шоу мне не понравилось, и я отошел в сторонку, ближе к метро, и пил пиво. Почему отошел? Там пиво было купить невозможно, там оно не продавалось, и я купил его в киоске неподалеку. Кругом все пили пиво.

— *Обращались ли работники милиции к отдыхавшим, что, мол, скоро будет дождь и чтобы те расходились?*

— Такого не было, но о том, что будет дождь, знали все. Люди переговаривались между собой о том, что будет дождь.

— *Вы видели, как люди побежали, когда начался дождь?*

— Да, но выглядело это обычно. Два года назад была такая же ситуация: праздник, народу еще

побольше, и тоже начался дождь, и тогда тоже все побежали, но тогда обошлось. Я стоял недалеко от входа в метро, возле светофора, глядел на бегущих людей.

— *Когда вы начали понимать, что в метро что-то происходит?*

— Я стоял довольно далеко, чтобы видеть происходившее.

— *Вы не видели железного барьера, поднятого сотрудниками на входе?*

— Я не видел, но слышал. От таксиста, который вез меня домой. Он говорил, что люди потому и начали падать, что подняли барьер. Сам я видел только, что вход в метро был перекрыт. Сначала милиция пыталась отсекать людей, пропускать по одному, но это препятствие смяли. Криков сначала практически не было. Но потом я подошел поближе, и у меня на глазах это все произошло, вся эта свалка — там, где заканчиваются ступеньки. Поток людей усиливался, задние просто не видели, что делается впереди; им тоже хотелось спрятаться от дождя, и они стоящих впереди просто заталкивали в переход. Те, кто был там, уже видели, что деваться некуда, пытались выкарабкиваться обратно, но их запихивали назад. Физически сильным людям удавалось выбираться, слабые — оставались.

— *Когда вы начали фотографировать?*

— Когда увидел это месиво. Милиция в это время пыталась людей растянуть, вернее — разогнать. Все это я снял от начала до конца. Это длилось минут десять. Понял, что все очень серьезно, когда начали выносить трупы. Трупы выносили те, кто имел еще силы выносить. Меня предупредили: не снимать.

— *Кто предупредил?*

— Милиционер. Были сумерки, вспышка довольно мощная, это и привлекло внимание милиционера. Сначала милиции было мало, но вскоре появилось

больше, и один из них предупредил — не снимай. Я перешел через дорогу на другую сторону и стал снимать. Пытался зайти внутрь, но это было нереально. Мне удалось снять первые вынесенные жертвы. Но я снял и то, как это все происходило. По-моему, бежала девушка, бежала и упала. Это я чуть вернулся назад, к началу трагедии. Те, кто бежал за ней, стали спотыкаться о нее и падать: один парень поднялся, две девушки упали, а потом уже все... Это происходило на месте, где заканчивается лестница, чуть ближе к барьеру, хотя барьера как такового я не видел: было темно... Я снимал. Я не знал, погибшие ли это люди, но вид у них был ужасный. Милиция уже находилась там — пару человек, а потом приехали еще — практически когда все уже закончилось. Не видел, чтобы они помогали пострадавшим. В течение десяти минут кого можно было вытащить — вытаскивали, а тех, кто уже там задыхался, вытянуть было практически невозможно. Милиция в это время организовала кордон, никого не пускала, но было поздно. Среагировали они не так, как положено. Им бы сгруппироваться в одном месте, чтобы ограничить поток людей, а они этого не сделали.

— *Кто помогал жертвам?*

— Помогали в основном те же пострадавшие, которым удалось выбраться.

— *Оказывали ли милиционеры первую медицинскую помощь пострадавшим?*

— Может быть, оказывали, но я не видел. Они помогали некоторым оттуда выбраться, но их было мало.

— *Когда на вас снова обратили внимание?*

— Предупредили: не снимай, а потом просто разбили фотоаппарат. Это было примерно в 20.35—20.40, я успел отснять две пленки по 36 кадров. Одна пленка была в фотоаппарате, вторую у меня забрали. Где-то она есть. Но мне посоветовали ничего по этому

поводу не предпринимать, не привлекать к себе внимания.

— *Кто посоветовал?*

— Юрист. Он сказал: лучше не возбуждай вообще никаких дел. Тебе это обойдется дороже, тебя сделают козлом отпущения, назовут «нячэсным» журналистом. Вообще, поменьше светиться, чтобы поменьше людей знали тебя и где ты работаешь. Я с ним согласен и никаких дел возбуждать не буду.

— *Когда у вас отбирали пленку, применили ли к вам силу?*

— То, что у меня разбили фотоаппарат, я уже считаю применением силы, а так попало немного дубинкой по бокам. В Америке уже был бы скандал, а у нас это не считается применением силы, и доказать что-либо невозможно. Все видели, но свидетелей нет и не будет.

— *Вы не пошли снимать побои или было не очень больно?*

— Было больно, но следов почти не осталось.

— *Были ли еще журналисты, фотографы?*

— На празднике были журналисты НТВ, ОРТ, снимали, но почему-то есть съемки событий до и после, а самой трагедии — нет, хотя я думаю, что они снимали. Я видел фотографа, к сожалению, имени его я не знаю. Он снял буквально три кадра, и его побили и запугали, чтобы не делал этого.

— *Не считаете ли вы, что, снимая трупы, вы нарушили в определенной степени профессиональную или человеческую этику?*

— Нет, я не считаю, что нарушил. Все это нужно публиковать. Например, тот же акт мародерства, который я успел снять. Девушка в переходе задыхалась, и я увидел руки, тянущиеся к ней, чтобы помочь — девушка не могла пошевелиться, но вдруг руки эти сорвали цепочку и исчезли. Я это сфотографировал — фотография должна была быть очень выразительной.

— *Было ли мародерство наверху?*

— Там я этого не видел.

— *Какие крики вы слышали?*

— Крики в основном были о том, что кто-то кого-то потерял, кого-то искал, кто-то плакал. Сначала были веселые крики, а потом наступило осознание трагедии. Стоял мат. Музыки продолжающегося концерта во время дождя я не слышал. Когда дождь закончился, музыка зазвучала снова. Потом я видел, как парень, который выкарабкался буквально по головам, постоял, посмотрел: ага, со мной все хорошо, и пошел назад на концерт.

— *Что делали те, кому удалось выбраться?*

— По-разному: кто-то туда бросался, кто-то шел в больницу, кто-то просто сидел и не мог понять, что с ним произошло.

— *Когда вы ушли с места трагедии?*

— Я еще видел, как загрузили трупы. Не знаю, кто это должен делать, может, есть специальная бригада для этого, а здесь трупы грузили в «скорые помощи». Брали за руки и ноги и кидали в машину, где они укладывались штабелями. Я видел, как лежала девушка, на ней лицом кверху мужчина. Все небрежно...

Сергей Гриц, фотокорреспондент:

— Из журналистов я появился, мне кажется, первым, но к этому времени уже все погибшие и раненые были свезены. Вход в переход на станцию метро был оцеплен сотрудниками ОМОНа. Стояли две «скорые», они, наверное, оказались лишними. На первой верхней ступеньке лестницы стоял генерал Тарлецкий и еще около двадцати офицеров и мужчин в гражданской одежде — начальство. На мое появление милиция реагировала достаточно жестко. То же было, когда появились мои коллеги из других агентств. Один из аргументов омоновцев:

не снимайте наших сотрудников. При этом отталкивали достаточно энергично. Уже начинало темнеть, снимать оттуда было бесполезно. Второй аргумент: не снимайте наше начальство (наверное, имелся в виду генерал Тарлецкий и представители руководства города). Причем никакие удостоверения, ни ссылки на Закон о печати не действовали. Просто был приказ — прессу не пускать, работать не давать. Омоновцы на него ссылались: мы выполняем приказ, вы нас поймите. Но был среди них один офицер, который сказал нам вполголоса: «Ребята, здесь действительно делать нечего, начальство требует, чтобы мы вас отсюда отгоняли, езжайте вы по таким-то адресам, там вы найдете все: и раненых, и погибших». Мы так и поступили.

Мы с коллегой поехали в больницу скорой помощи. Возле приемного покоя стояло три—пять машин «скорой помощи», которые отъезжали, приезжали, привозили раненых. Мы начали снимать. Там дежурили три сержанта милиции, и им понадобилось секунд десять, чтобы сообразить, что приехала пресса, что снимают и что пора действовать. Мы успели коечто снять: как выгружают раненых, тех, кто передвигался самостоятельно, кого несли на носилках, кого просто ссаживали с сидений. Мы там были около одиннадцати, и это были уже далеко не первые пострадавшие. На наших глазах доставили около десяти человек. На нас буквально через десять секунд накинулись все вместе — и медики, и милиция. Затолкали нас в какое-то помещение, которое оказалось бомжатником метр на три, на первом этаже. Там уже один бомж сидел. Продержали нас там минут пятьсемь, потом выпустили, мы попытались снова снимать, и нас вытолкали на улицу. Мы там продолжали снимать, и нас опять затащили в бомжатник, продержав снова минут пять—семь. Попыток забрать аппаратуру не было. Мы показывали удостоверения,

и они осознавали, что имеют дело с журналистами: и аппаратура серьезная, и действия наши довольно решительные — мы не собирались прятаться и делать что-то исподтишка. Нас начали отталкивать подальше от входной двери, от прибывающих машин. Они вызвали начальство — приехала машина, в которой было три или четыре офицера милиции, с которыми мы попытались выяснить отношения. Мужчина, который представился заместителем главного врача, вызвал главврача, он в категорической форме отказал в проведении каких-либо съемок дальше приемного покоя. Он сказал, что мы мешаем работать. В конце концов нам разрешили снимать на подъезде, на крыльце. Уже было достаточно поздно, чтобы по-прежнему привозить больных, их поток иссяк. Потом мы нашли труп девушки, прямо за порогом на полу лежал — совершенно бесхозный, никто его не опекал, возле него не стоял.

На следующий день мы с коллегой были в 10-й больнице. Нас там собралось пять человек — фотографы разных газет. В комнату, где были вывешены фотографии погибших, куда заходили родственники для опознания, нас не пустили. Мы из окна видели, что там стенд с двумя-тремя десятками фотографий. Стояли три сотрудника милиции, которые нас не пустили и в подтверждение своих слов вызвали офицера и еще человек шесть милиционеров. Наши мягкие попытки проникнуть в эту комнату милиция мягко пресекала.

Потом мы перешли в здание, где находился морг. Если кто-то из родственников опознавал кого-то на фотографии, их вели в морг. Мы фотографировали входящих и выходящих из морга родственников. Родственники все в трауре приезжают, выходят еще в худшем состоянии, а здесь — фотографы... Неприятно, конечно, но нам ведь тоже нужно работать, ведь еще ночью все мировые агентства и радиостанции

передавали новость № 1 о массовой гибели людей в Минске. К тому же мы издалека, у нас — телеобъективы. В конце концов начальник Заводского РОВД и еще три его подчиненных нас «отодвинули» на такое расстояние, где не было смысла находиться, — метров пятьдесят. Мы постояли и вскоре ушли. Никакие аргументы на милицию не действовали.

Мы объясняли: вы посмотрите, как это происходит [redacted] других странах. Там полиция натягивает ленту, которую нельзя пересекать, а за этой лентой хочешь — фотографируй, снимай, звук пиши, пожалуйста. Там полиция работает сама по себе, а за линией — пресса сама по себе. И они друг другу не мешают. У нас же все определяется мнением данного начальника в данный момент. Хотя ходили слухи, что это приказ то ли Мясниковича, то ли Ермошина: куда ни приедешь освещать эти вопросы — везде отпор, везде заслон, везде стена. И причем — без объяснений.

Фотографии, конечно, страшные. Но в этом случае [redacted] работу разделяю на две части, точнее, стадии появления таких снимков. Есть репортеры, задача которых собрать как можно более фактов, информации, мнений, фотографий, и есть режиссеры, редакторы, фоторедакторы, которые это все принимают, перерабатывают и выдают в соответствии с задачами, концепциями своего издания, агентства, канала. Снимок мертвой девушки в больнице скорой помощи мне самому не нравится, но, с другой стороны — случилась такая трагедия, появилось такое количество жертв, почему не может быть снимков жертв? Я сделал снимок, где трупы были навалены просто вповалку в машине. Получается, трупы можно так наваливать, а фотографировать этого нельзя? Я не согласен с такой постановкой вопроса. У нас по-прежнему нет службы, которая могла бы цивилизованно заниматься этим делом. Почему-то в ту ночь для этого ис-

пользовались милицейские грузовики, где тела были свалены вповалку. В чем же здесь вина репортера? В том, что он это показал? Так э́то нужно было показывать.

Когда мы после поездок в больницу скорой помощи, в час-два ночи, вернулись к подземному переходу, оцепление было снято, никого нигде не видно, только случайные прохожие, и со стороны собора во входе две женщины заканчивали уборку мусора в полиэтиленовые пакеты. Кто-то входил и выходил из метро. И тот, кто не знал, что здесь что-то случилось, проходил совершенно спокойно.

Павел Жук,
главный редактор газеты «Навіны»:

— Было около часа ночи, когда мы с двумя фотографами снова приехали в больницу скорой помощи. Приехали туда, и как раз звонят из Би-би-си, мы даем интервью: более пятидесяти погибших, около трехсот пострадавших — это сразу пошло в эфир. Нам сказали, что всего здесь пятнадцать погибших и все отправлены в морг. Мы пошли туда, но вдруг приехала машина с охраной впереди, сзади и на борту. Мы подумали, что приехали забирать мертвых, но оказалось, что привезли еще. Мы направились туда, подошли к этой машине и увидели, что кузов забит трупами. Я говорю: «Скорее фотографируйте!».

Ребята смогли сделать несколько кадров. Но как только милиционеры увидели вспышки, сразу же набросились на нас. Я им сказал, что не с нами нужно разбираться, а там, на Немиге, чтобы этого не случилось... Прибежал капитан и потребовал наши аккредитации, внимательно их изучил и переписал. Сказал — пойду добиваться разрешения, чтобы вы могли здесь снимать. В это время начали выгружать трупы — всего шестнадцать, их можно пересчитать на сделанных фотографиях...

Я считаю, что снимать то, что уже произошло, — это не нарушение моральных норм. Более того, показать, как с этими погибшими детьми обходились, — нужно. Милиция не оказывала помощи, а занималась другим — они избили парня, который фотографировал во время трагедии. Он был там в самый момент, когда все началось. На него налетели милиционеры, избили. У него были отсняты две пленки — с самого начала и до того времени, когда пьяные молодцы начали с гиканьем срывать с погибших золотые украшения. На него налетели омоновцы, разбили фотоаппарат, забрали пленки. Пленки забрал у него капитан — одну засветил, а вторую положил себе в карман. И где-то она есть. Вместо того чтобы спасать, вытаскивать людей, милиционеры сделали оцепление и не допускали журналистов, не разрешали отснять и запротоколировать все, как было на самом деле. Они не давали и нам снимать. Нет смысла прятать то, что уже произошло, — все равно это станет явным. А то, что они прятали от журналистов правду, говорит о том, что они чувствовали свою вину. Они не хотели, чтобы люди знали, что они не умеют действовать в критических ситуациях, не могут обеспечить порядок и безопасность граждан, не умеют оказать первую медицинскую помощь. А журналистов избивать за то, что они фиксируют факты, которые уже произошли, — это для них морально...

Вероника Тризна, обозреватель информационного агентства Интерфакс:

— Когда я туда приехала, сразу увидела моих работающих коллег. Первое мое впечатление: один из известных фотокоров пытается фотографировать, а его в достаточно грубой форме оттуда отталкивают. Еще одним из первых впечатлений было то, что люди, которые шли после этих праздников домой,

не понимали, что произошло: видели, что оцеплена площадка, что-то случилось. Люди спрашивали, что случилось, но милиция молчала. Тогда люди начали обращаться к нам — у нас были на груди удостоверения, и мы начали людей информировать, особенно родных, знакомых — идите туда-то, ищите там-то. К нам подошли лица в штатском со словами: что вы тут делаете? Уходите. Мы на них не реагировали. Когда к нам подходили милиционеры и пытались нас оттуда прогнать, мы говорили: вы на работе, и мы на работе — давайте не будем друг другу мешать. Нас попросили отойти в сторону. Тут же собралось все городское начальство, которое мы, естественно, знаем в лицо, но к журналистам не вышел никто. Это уже потом, задним числом, говорили Ермошин и Тарлецкий, что во время таких мероприятий обязательно должен работать штаб, где постоянно должен находиться дежурный, который бы накапливал информацию: если пострадало, то сколько, чтобы и родственники, и мы пользовались не слухами, а официальными данными. Путаницы, которая была в моргах и больницах с родителями, можно было избежать, если бы вовремя наладить такую информацию. Бог с ней, с нашей журналистской работой, ведь произошла такая трагедия. Просто людей информировать... Сделать это не для нас, а для людей... Мы тут в последнюю очередь...

Надо сказать, что нам не оказывали активного противодействия, но вместе с тем и не шли нам навстречу и не информировали: нам нельзя было находиться в определенном радиусе, оператору российской камеры указывали — здесь снимай, а здесь не снимай. Но для нас это уже вполне нормально: не сажают в «воронок» и не увозят — значит, работать можно...

Нас там было человек шесть-семь журналистов, и те, кто работал по телефону, информацию начали

получать в лучшем случае к утру, и это вплоть до того — мы это видели и назавтра по телевизору, — что даже президент был неверно информирован о количестве погибших. Все мы следили за поступающими сообщениями: на том участке шесть трупов, десять трупов, семнадцать трупов... А официальной информации не было никакой. Потом к нам вышел человек, представившийся работником метрополитена, и сказал, что сейчас внизу работает следственная группа, и, когда она закончит свою работу, кому-то из операторов или фотокорреспондентов будет предоставлена возможность спуститься вниз и это все снять, и будет специальное заявление мэра или Тарлецкого. Мои коллеги поехали в больницы и морги смотреть, что там, я осталась ждать этого момента, когда будет сделано это самое официальное заявление, чего до трех часов ночи так и не дождалась.

Сотрудничество было только на уровне низовых чинов милиции. Барсуков, который руководил этой группой ОМОНа, вышел к нам и сказал: ребята, сейчас уедет начальство, я выйду к вам и все расскажу. И вот когда уехал Ермошин, уехал Тарлецкий, человек встал и объяснил, что случилось, как случилось. Это первая официальная информация, которую мы получили.

Это было уже после двенадцати часов. Первая официальная ссылка, первое заявление о происшедшем. Все наши дальнейшие попытки объяснить городскому начальству, что, в принципе, не в их интересах, чтобы мы пользовались информацией корреспондентов из гущи событий, а это должны быть официальные заявления, должен был быть включен канал БТ, по которому должна идти информация о пострадавших, сообщены телефоны, по которым можно узнать информацию... Это было сделано на следующий день, а это нужно было сделать сразу же, чтобы обезумевшие родители не метались от морга

к моргу. Информация должна идти из официальных источников.

Работа городских властей и прессы не налажена в этом отношении вообще. Это объясняется, во-первых, нежеланием с нами работать, а во-вторых, непониманием важности этой работы.

Журналисты, которые оказались на месте трагедии в тот вечер, распределились, кто куда поедет: было известно, что пострадавших развезли по четырем больницам, поэтому по разным точкам и разъехались. Я осталась на месте происшествия. Мы созванивались, сообщали друг другу подробности, и разговора о том, что я представляю свое информационное агентство, села на эту информацию и все, никому не дам, — не было. В первую очередь было важно проинформировать людей: где, как и что. Мне поручили ответственную задачу — ждать официальной информации.

Когда пошла информация, что в давке пострадали люди, то оказалось, что никто из моих коллег не мог себе представить, что это такая трагедия. Думали: синяки, травмы, а в то, что тут 52 трупа, — никто не мог поверить, поэтому работать многие начали только с утра. На мой взгляд, слабо сработало БТ: там ведь официальную информацию могли получить гораздо раньше, чем мы, но руководство канала впервые услышало об этом только тогда, когда российские каналы обратились с просьбой предоставить перегон, — это когда кассету из камеры перегоняют на Москву, чтобы Москва получила картинку. БТ в этом отношении у нас монополист, и ничто из Минска не уйдет без разрешения Григория Киселя. Так что руководство канала узнало об этом, когда пошли запросы из Москвы с просьбой передать им эту картинку, которую снимали российские камеры. И ночные кадры, которые потом БТ показывало, — это были кадры, снятые с этого перегона, т. е. снимали российские операторы,

а БТ этими кадрами потом просто пользовалось. Факт то, что ни одна официальная камера Белорусского телевидения в ту ночь не работала. Конечно, телевидение должно было прервать трансляцию своих программ, и то, что БТ начало делать на следующий день, должно было делаться сразу же.

Цэзарий Галинский, корреспондент «Gazety wyborczej» (Польша):

— Я живу на Немиге. Около 12 часов в тот день я вышел на проспект Машерова и увидел, что там очень много молодежи. Молодежь группировалась около места, где позже состоялся концерт. Я хочу отметить, что уже тогда было много пьяных молодых людей. Стояла сильная жара. Около площадки была большая толпа. Я видел, как в трех точках молодежь, подростки лет шестнадцати-семнадцати, сидела за пластмассовыми столиками под зонтиками и пила пиво с водкой, что, известно, действует очень сильно, да еще при такой погоде. Милиция на это не обращала внимания.

Потом я купил билеты в кинотеатр «Москва» на 16.30. До начала фильма я появился на этом месте еще раз: молодежи стало еще больше. Возвращался уже в восьмом часу. Погода еще была нормальная, молодежь уже хорошо разогрета. Около спортздания «Трудовые резервы» стояли две машины с надписью «Аливария», было много пива, и утверждению, что все были трезвые, не могу поверить. В скором времени должен начаться концерт, но чувствовалось, что собирается дождь, и я поспешил пойти домой. Предупреждений со стороны милиции о дожде не поступало, да и было их всего два-три человека.

Дождь начался без пятнадцати восемь. Гроза была действительно страшной: молнии, дождь, град, на протяжении получаса не видно было, что происходит на улице. Когда дождь утих, я услышал крики,

но подумал, что молодежь гуляет после дождя. Потом, через 5—10 минут, услышал первую «скорую». Она ехала по Немиге со стороны Романовской Слободы. И это сначала меня не встревожило. Но «скорых» начало появляться все больше и больше. Тогда я понял, что что-то недоброе происходит, и решил посмотреть. Пока дошел, все было оцеплено милицией, все дорожки, ведущие к переходу. На каждой стояло по три милиционера, и никого не пускали близко ко входу. Чтобы заглянуть в тоннель, мне нужно было пройти под мостом и выйти с другой стороны. Тогда мне удалось поговорить с милиционером, который там стоял. На мой вопрос, что там происходит, он сказал: «Ничего такого. Не мешайте работать». Мне удалось заглянуть в тоннель со стороны собора, и я увидел, что трое милиционеров перегораживали этот участок перехода. В переходе я увидел что-то, что напоминало порванную одежду. Было много пластмассовых помятых стаканчиков и бутылок.

Там я встретил Владимира Дюбу — первого журналиста, и мы вместе старались что-то узнать от чиновников, которые появились на Немиге. Вышел полковник и сказал, что ничего не произошло, рано еще что-то говорить, приходите утром и тогда, может, что-то узнаете. В это время уже отъезжали последние машины «скорой помощи». Нам сказали: не мешайте работать, — хотя мы назвались, показали удостоверения. Наши слова: мы не мешаем, у вас своя работа — у нас своя, — не помогали. Нас вытолкали. И только один капитан сказал: ребята, здесь произошла трагедия, погибли люди, и действительно, не мешайте нам. Потом к нам вышли люди в гражданском, кажется, сотрудники прокуратуры, и сказали: ждите до утра, до пресс-конференции. К этому времени появились еще журналисты, и мы решили поделиться, кто куда пойдет. Прошло больше часа, пока мы боролись с этими чиновниками. Появились родители. Какая-то женщина

бросилась на милиционера с криком: «Пропустите меня, у меня там должен быть ребенок!». Милиционер ответил: «Нету здесь больше никого, всех увезли». Женщина чуть не потеряла сознание, у нее хватило сил спросить: куда? Ей сказали, что в первую очередь отправляют во 2-ую больницу.

Мы это услышали с коллегой из Польского агентства печати Мартином Смяловским и решили скорее пойти туда. У нас не было фотоаппаратов, мы не ожидали, что такое может произойти. Слава Богу, что у меня оказалась с собой аккредитация журналиста.

Пройти в больницу было просто, никто ничего не проверял. Там находилось много родственников, пять—восемь человек молодежи в состоянии шока, заплаканных, искавших своих друзей, возможно погибших. Дверь была открыта в первое помещение, и было видно, что там лежат трупы, просто на полу, человек восемь, накрытых покрывалами. Около дверей стояло двое милиционеров, никого туда не пускали, время от времени оттуда выходили врачи, спрашивали фамилии родителей погибших.

На все наши вопросы милиционеры отвечали: ничего не знаем, ничего не можем сказать. Этот ответ звучал от каждого человека в форме, которого мы встречали в тот вечер. Никто из них не хотел идти на контакт, а больше интересовались: кто мы такие и чего здесь ищем. Когда мы говорили, что журналисты, от нас просто отворачивались.

Я там пробыл немного более получаса и надеялся, что успею написать небольшую заметку в очередной номер газеты. Я мог передать только то, что видел своими глазами, — иных источников информации не было. Первую информацию о трагедии я услышал из репортажа НТВ утром на следующий день, а потом — более точную информацию — на пресс-конференции Тарлецкого и Ермошина.

При масштабах такой трагедии можно говорить о непрофессионализме в отношениях с журналистами, я уже не говорю о непрофессионализме в отношении организации и проведения таких мероприятий. А это очевидно. Нужно было не выталкивать журналистов с места трагедии, а создавать оперативный штаб, который имел хотя бы одного пресс-секретаря, который сидел бы на одном месте с сотовым телефоном, собирал информацию, сам бы звонил и давал информацию такую, какую на данный момент имел.

Мартин Смяловский, корреспондент Польского агентства печати в Минске:

— На Немиге я встретил нескольких журналистов и фотокорреспондентов, и, хотя у всех были журналистские аккредитации, к нам отнеслись не слишком хорошо. Пошли слухи, что есть даже погибшие, но еще никто не знал, что произошло. Мы попытались вместе с Цэзарием Галинским подойти ближе, но нас оттолкнули милиционеры. Одному из корреспондентов закрывали руками объектив. Офицер высшего ранга вышел и сначала просил, а потом в более строгой форме потребовал не мешать им работать. Мы в ответ тоже сказали, что и вы нам не мешайте работать. Он ничего не сообщил о происшествии. Человек в гражданском сказал только, что официальная информация будет позже.

Мы решили, что если раненых и погибших возят в больницы, то, наверное, и в ближайшую — 2-ую. В больнице нас уже никто не задерживал. Там было немного милиционеров, они отказывались с нами говорить и отвечать на наши вопросы. Они совсем от нас отвернулись. В скором времени появились люди из прокуратуры (мы так поняли), и там обсуждалась версия, что в переходе сорвалась крыша и придавила людей. Человек в гражданском, который оказался водителем «скорой», называл нам тогда непонятную цифру —

пятьдесят. Он сказал, что сам носил их на руках, — и действительно, руки его были в крови. Мы подошли к двери приемного покоя и увидели на полу ноги погибших — человек шести или восьми. Туда подходили люди — в большинстве женщины — и просили проверить, есть ли ребенок с такой фамилией, или описывали, как выглядит сын или дочка. Милиционер заходил в помещение рядом, выходил и отвечал. Когда мы там были, он все время отвечал, что такого нет. Тогда эти люди ехали уже в другую больницу. Люди находились в страшном шоке. Одна женщина кричала: почему они, организаторы, проводили этот концерт, если знали, что будет дождь и было видно, что может что-то случиться?..

В больнице мы увидели молодого человека с перевязанной головой, который сидел и ничего не говорил. Второй был немного «под мухой», с порезанной рукой — еще, наверное, у врача не был. Еще видели девочку лет четырнадцати; когда мы попытались заговорить с ней, она молчала: невозможно было пробиться сквозь шоковое состояние до нее.

Мы поспешили скорее передать информацию. Поскольку я был на месте одним из первых журналистов из агентства, то мое ПАП первым передало эту информацию в свет. Но это информация, конечно, была неофициальная, я передал то, что смог узнать от людей, — количество жертв тогда еще считалось около двадцати. Передал о концерте, о неожиданной грозе, из-за которой люди убегали, и — хотя это звучало неправдоподобно — что в метро растоптали столько человек...

Владимир Дюба, член Рады Белорусской ассоциации журналистов, главный редактор бюллетеня «Чацвёртая Ўлада»:

— Я шел в БАЖ (пл. Свободы, 17) около 15 часов через станцию метро «Немига». Отдыхали люди, много

было молодежи в районе Троицкого предместья, полностью заполнена набережная, Остров слез. Ближе к вечеру небо затянуло тучей, был сильный гром, блеснула молния, началась гроза, сильный ливень и град. Вскоре я услышал свист, крики, заглушавшие дождь и град, но я подумал, что это, простите, молодежь дуреет. Но это было начало трагедии и продолжение ее. Потом прибежала в офис наша вахтерша — бледная, испуганная, сказала, что в наше здание вбежала женщина и сообщила, что там трагедия. Она рассказала вахтерше также, что в это время была сильная драка напротив ресторана «Добрый вечер» — дралась молодежь, а милиция отсутствовала, никто не обращал внимания, прохожие не хотели вмешиваться. Потом оказалось, что драки были среди молодежи, шокированной этим происшествием, — они не владели собой. Я спустился вниз. Не верилось, что такое могло произойти. Было где-то полдесятого. Я увидел оцепление, много милицейских машин, две пожарные машины, несколько «скорых». Там горел свет, и стало понятно, что там людям оказывают помощь. Это были последние пострадавшие. Тех, кто погиб, на тот момент уже вывезли. Видел подростков — перебинтованные руки, ноги, закатанные штанины, многих из них вели под руки друзья. Что бросилось в глаза сразу — многие подростки были в нетрезвом состоянии. Стояла сплошная брань, мат. Многие из них находились в шоке, сидели на парапетах на набережной, под мостом, около места происшествия...

Я попытался с Цэзарием Галинским пройти на место происшествия в подземный переход, но нас не пропустили. Издалека увидели в переходе много разбросанных вещей, обуви на ступеньках этого ужасного места. Нам посоветовали обратиться, чтобы получить информацию, к руководству, которое приехало на место происшествия. Мы обошли вокруг, подошли к переходу, где произошла трагедия.

Там нас тоже не пропускал ОМОН. Когда мы показали журналистские удостоверения, один из омоновцев вызвал кого-то из руководителей — я фамилии, к сожалению, не помню. Это был человек в гражданском, назвал себя подполковником и дал довольно короткую информацию. Можно сказать, ничего не сообщил. Досконально были проверены наши удостоверения. Далее он сказал, что есть потерпевшие, есть погибшие — и ушел. На месте происшествия оказался известный фотокорреспондент, который хотел сделать снимки, но ему это сделать запретили. Когда уже человек восемь журналистов собралось из разных изданий, нам предложили отойти. Фотокорреспонденту запретили делать фотографии, начали толкать.

Я бы не сказал, что некорректно вели себя омоновцы, но, возможно, у нас свои мерки относительно мягкости отношений наших милиционеров с журналистами. После избиения дубинками на митингах, после арестов толчок в спину уже не воспринимается как насилие, хотя мы высказали протест.

Один из сержантов взял меня «под локоток» и сказал: «Отойдите!». Я сказал ему, чтобы он убрал руки — он не имеет права выгонять журналистов. На одного из корреспондентов вообще трое омоновцев набросились — это был журналист из зарубежных средств массовой информации. Его схватили за руки, за плечи и оттягивали. Мы вступились за него и, так сказать, отбили. Начался спор. Омоновцы объясняли, что им запретили кого-либо сюда пускать, что они на работе. На это мы ответили, что мы тоже на работе, мы — журналисты и тут работаем, а не гуляем. Мы имеем право здесь быть, и это право дано нам законом.

Я считаю, что о трагедии, которая произошла, информация должна быть максимально достоверной, правдивой. И право на ее получение имеют граждане

Беларуси согласно Конституции и Закона о печати. А отказ на получение информации на месте происшествия — это нарушение не только прав журналистов, но и многих сотен, тысяч граждан нашей страны.

Я видел по телевидению выступления официальных лиц, и было просто неприятно слышать, когда все списывается на случайность, на природу. Конечно, есть элемент неожиданности, но неправду говорят, когда утверждают, что там не было пьяной молодежи. Было очень много пьяных людей — пятнадцати—семнадцатилетних. Тем более если пиво в тот день бесплатно раздавалось и проводилась дегустация. К сожалению, у нашей молодежи нет денег, чтобы культурно отдохнуть, и поэтому идут на такие массовые гулянья. Я считаю, что такие мероприятия не должны сопровождаться спаиванием. Таким образом мы теряем нашу молодежь.

Алесь Беляцкий,
председатель Правозащитного центра «Весна», главный редактор бюллетеня «Право на свободу»:

— Каждый раз, пытаясь осмыслить, что же все-таки произошло 30 мая 1999 года на Немиге, я вспоминаю, как почти год до этого поздно вечером я возвращался домой. Это был день так называемого «праздника города», приуроченного сегодняшними государственными идеологами к Дню освобождения Минска от фашистов. Я находился рядом с метро на площади Победы. Хотя уже стемнело, на улицах было полно людей, идущих в сторону Немиги, — именно там, на берегу Свислочи, проходил основной концерт для обычных горожан. Днем же, когда на Октябрьской площади ставился концерт для Лукашенко, лишь бы кого туда не пускали — вход был только по специальным пропускам.

В метро я не попал, так как станция была закрыта. Я решил пройтись до станции метро «Немига»,

поэтому развернулся и пошел с людским потоком по улице Киселева. «Немига» также оказалась перекрытой милиционерами, и мне пришлось вновь возвращаться на проспект Скорины и идти пешком в сторону ближайшей станции «Якуба Коласа». Ночной проспект был залит молодежью. Все стягивались в центр города, маленькими, средними, большими, по нескольку десятков человек, группами, с бутылками пива в руках, с песнями и криками, беспечные и веселые, они шли и шли мне навстречу. В метро я попал только у Академии наук. Вагоны поезда были забиты, как никогда. Мы стояли вплотную один к одному, боясь пошевелиться. Поезд проскочил все станции и остановился только на «Площади Независимости».

Мы хорошо знаем, для чего власти организуют такие «праздники». Когда не хватает хлеба, тогда большими и грандиозными должны быть зрелища. Расчет здесь прост: пусть молодежь занимается чем угодно, только бы не задавала себе и властям вопрос: а кто виновен, что мы все так плохо живем? Поэтому так часто проводились в последние годы различные «праздники». Поэтому килограмм колбасы в магазине у нас стоит дороже бутылки водки. Политика зрелищных праздников — это государственная политика. Поэтому во время их проведения никогда не услышишь белорусского языка, чужого для этих властителей.

Для белорусов это уже не первая катастрофа-предупреждение о том, что происходит что-то не то. 26 апреля 1986 года взорвалась Чернобыльская АЭС — символ величия и могущества советской империи, а власти трусливо и преступно спрятали тогда правду от народа. В Гомеле, Хойниках, Брагине всех детей выгнали на первомайский парад. Моя семья — отец и сестра — ездили в Наровлянский район «на праздники» помогать бабушке сажать картошку, а московские власти приказали

расстрелять радиоактивные облака, плывущие на восток, над Беларусью...

Чернобыльская катастрофа показала всю преступность советских властей. Катастрофа на Немиге показала то же самое в отношении сегодняшних властей в Беларуси: как они спаивают и, не учитывая моральных норм, традиций нашего народа, «забавляют» его. Я никогда не забуду слов Лукашенко, который списал все на стихию... И никогда не поверю ему.

Так получилось, что среди родителей погибших детей оказался и Михаил Иньков — известный белорусский скульптор, автор памятника святому Кириллу Туровскому в Турове. Сама судьба распорядилась, чтобы вопросом увековечения памяти погибших на Немиге занимался именно он. Но его не допустили к обсуждению и тем более созданию «временного памятного знака», сделанного совсем даже и не скульпторами. И это опасный знак того, что власти сами решили дозировать правду и память о трагедии на Немиге.

Но я уверен, наступит время, и все виновные не смогут избежать ответственности, а память невинно погибших будет достойно почтена.

53 ЖИЗНИ. ОДНА СМЕРТЬ...

ПЛАКСА Ольга

Рассказывает бабушка Галина Александровна

— В тот день Оля с мамой приехали с рынка. Там ей обновки купили — бриджики. Оля надела их перед нами, покрутилась. Дед говорит: «Они тебе немножко маловаты». Ира, Олина мама, смеется, говорит: «Да не маловаты, стимул будет похудеть». Оля у нас крупная девочка была, высокая, на голову выше меня. И даже крупнее, чем мама.

Тут звонок. Позвонила Олькина подруга Наташа и сказала, что у нее 10 минут на сборы — идем в театр киноактера на спектакль. Они уже были в этом театре, пришли одухотворенные. Оля тогда пришла и говорит: «Бабушка, какие там люди! Как много они интересного рассказывают».

Буквально на ходу кушала мюсли, всех нас угощала, говорила: «Таких вы еще не ели, попробуйте, какие они вкусные». Такая была возбужденная, в настроении, улыбалась, поцеловалась со всеми нами. Такого обычно не бывало — она была сдержанная, свои чувства не выражала. И все спешила: «Ой, быстрее, быстрее!». И — побежала.

Обычно, когда она уходит, я какие-то напутствия ей говорю, предупреждаю: как дорогу переходить, прошу быть внимательной, ни с кем не связываться и не вступать в разговоры. А тут ничего ей не сказа-

ла. Никакого предчувствия беды не было. Отпустили с дедом ребенка, и все. Обычно мы и в окошко посмотрим, а она обернется, рукой помашет. А то даже и этого не сделали.

Беспокойство пришло тогда, когда на улице началась эта непогодь. Ветер сильный поднялся. Я встала, оделась, Бэтьке говорю: «Пойдем Ольку встречать». Но уже некого было встречать... Уже было восемь часов...

Мы думали, что дождь начнется и они быстренько сядут в автобус и приедут. Мы вообще не знали, что на Немиге какой-то концерт, дегустация пива. Они сказали, что идут в театр, не говорили, что зайдут выступление ансамбля послушать. Думали, побудут на концерте минут двадцать и пойдут в театр, но, видно, им понравилось, и они не пошли на спектакль.

Ни Наташа, ни Оксана, которые были вместе с Олей и Леной Филипповой, до сих пор не могут с нами об этом разговаривать. Как только мы у них начинаем об этом спрашивать, начинается истерика, я сама начинаю плакать, и разговора у нас не получается. Это все еще настолько живая рана, еще очень тяжело слушать все это...

Оксану на «скорой помощи» привезли в 9-ую больницу, она в сознании была, позвонила домой. Оксанина мама не все, наверное, поняла из ее рассказа, позвонила нам и сказала, что в кинотеатре «Москва» обломалась лестница и есть жертвы. Сказала, что Оксана в больнице и — ищите Олю.

Я в «скорую помощь» звоню, мне говорят: «Успокойтесь, женщина, это не в кинотеатре «Москва». Это случилась беда на Немиге». Мне как-то чуть-чуть спокойнее стало. Но почему Оксана в больнице, а Олечки нет? Давай по другим больницам звонить. Думаю, Оксану в 9-ую отвезли, а Олечку — в другую больницу? Ведь надежда всегда умирает последней.

Во 2-ую позвонила. Мне сказали: «Женщина, не отнимайте у нас время, мы с вами разговаривать не можем». Я опять в «скорую помощь». Говорят: «Женщина, успокойтесь». — «А куда возят?» — «Во все больницы.» — «А жертвы есть, погибшие?» — «Я вам ничего не могу сказать, мы отправляем всего лишь машины, но вы успокойтесь, надейтесь, что все будет хорошо.»

Оксанина мама сразу сказала детям, Ире с Олегом, что Оли нету — Оксана ее видела уже мертвую. Дети не поверили, поехали искать в 9-ую больницу, потом в 4-ую, потом во 2-ую — там они ее уже нашли. Я не могу точно определиться во времени, кажется, было около 22 часов. Вот так мы ее и встретили...

Когда нашли Олечку, меня не было: я с родителями Наташи Виленской (была вместе с Олей) поехала искать. Наташа осталась жива, у нее была черепная травма и ключица сломана. Но это все восстановилось. Конечно, девочки пережили очень большой шок, у Оксаны был нервный срыв, никак не могла прийти в себя. Девочки говорят, что они на площадке находились, а Оля на ступеньках. У нее рука поломана и шейка раздавлена, грудная клетка вдавлена. Она в самом низу была. Оксана сказала, что она одна из первых упала — лямка одной босоножки порвана. Хотя босоножки удобные были: каблуки она не любила, на платформе носила.

Олечка была у нас одна на всех, на всю родню. Ни у кого еще детей не было, только не так давно у Олеговой сестры появился Максимочка. Она у нас ни в чем не имела недостатка: ни ■ одежде, ни во внимании. Но она не была избалованным ребенком. Она всегда понимала, что можно попросить, а что нет. В детстве с ней в магазин и в гости ходили спокойно, ни истерик, ни требований никаких не было.

Поженились дети очень рано, очень молодыми — по восемнадцать им было. Олег знал, что его заберут в Афганистан, в десантники. Это был ребенок их большой любви. Ира мне сразу не сказала, что у нее будет ребенок, но, оказывается, они так запланировали: он идет в армию, в Афганистан, а она будет его ждать с ребенком. Когда Олечка родилась, Олега не было, Ира приболела, а ребенка нужно было записать, и я пошла сама. Ира хотела ее Аленой назвать. А я говорила: «Давай Олюшкой». И я дала имя внучке — Оля. Приехала, а Ира — в истерику. Закрылась в спальне, не выходила, не разговаривала со мной, плакала навзрыд: «Зачем ты ее Олькой назвала? Я как представлю Ольку — так обязательно толстую и круглую». Потом уже смеялись: «Ну зачем ты так плакала? Ведь не имя же красит человека, а человек имя».

Два годика ей было, когда папа пришел из армии, до этого папу знала только по фотографиям. И вдруг папа появился живой. Она его немножечко побаивалась, сторонилась первое время, не могла привыкнуть. «Где твой папа?» — спросишь. Бежит, фотографию достает и показывает — вот мой папа. А она на папу очень похожа, все буквально от папы взяла: походку, характер, привычки.

Она у нас практически одна никуда не ходила, была под постоянным присмотром. На улицу Казинца, там ее бабушка и тетя живут, одна почти никогда не ездила, а когда ее и отпускали, она сразу же звонила, что доехала. Еще она в бассейн ходила, на Чкалова. Всегда ее предупреждали: переходить только через подземный переход — никогда дорогу не перебегать, только через подземный переход. В парк она ездила только вместе с классом. В Болгарию поехала после шестого класса по путевке. Туда мы ее спокойно отправили. Немножко, конечно, волновались, но она каждые четыре дня

звонила. Приехала оттуда счастливой, много рассказывала о новых друзьях, о том, как отдохнула и что видела.

Была вполне нормальная, живая девочка, с характером. Ее больше всего смущала несправедливость. За последний год очень повзрослела. Раньше особо не волновалась за оценки: три, пять или даже два. Не волновало где-то до шестого класса. У нее была какая-то неуверенность ■ себе. Когда начинали шуметь в классе — сбивалась, хотя она учила и знала предмет. Я говорила ей, что нельзя такой быть, надо не обращать внимания на шум в классе. Математику она знала очень хорошо, а вот русский ей не давался, белорусский шел легче, чем русский. Ей нравилась математика, физика, биология. В седьмом классе она здорово подтянулась. Мы из зала вынесли телевизор, дали ей возможность заниматься. Оля была общительной, ее с улицы трудно затянуть домой: коньки, санки, лыжи зимой — это ее стихия. Подвижная, энергичная. А с седьмого класса больше дома была, начала кроссворды составлять, разгадывать. И наверное, потому, что физически не занималась, мало двигалась, стала такой полной, крупной.

Родители всегда на работе, они рано уходят и поздно приходят, а Оля всегда с нами, со мной и дедом. Ни одного отпуска я не провела без нее, на дачу, в деревню — всегда с нами ездила. Но она очень любила своих родителей, и в выходные, когда они были дома, все время проводила с ними.

В школе они КВН устроили, спектакли ставили. Оля любила участвовать. В одном спектакле принцесса была. Конечно, ей тоже хотелось быть принцессой. Но я говорю: «Олечка, ты на себя посмотри, сравни с девочками. Ты можешь быть мамой принцессы, но не принцессой». — «Ну почему, бабушка, почему?» — «Принцессы всегда хрупкие, изящные. Давай будем прямо на вещи смотреть — ты не можешь быть

принцессой.» У нее обида: почему не она. Но чтобы не было у нее конфликтов с девочками, правду ей говорила.

Я с ней вообще часто разговаривала. Иногда прибегает, такая вся возбужденная, расскажет, что там с девочками произошло. Разберемся, кто справедливо поступил, кто несправедливо, зря ты на этого человека обижаешься или не зря. Тихо, спокойно. А когда мирились, приходила и говорила: «Все в порядке».

У нее фамилия Плакса, и я ей всегда говорила: «Ты у нас не соответствуешь своей фамилии. Ты никогда плаксой не была». Действительно, она никогда не плакала. Она была сама доброта, нам не нужно было от нее ничего прятать, она никогда ничего не трогала.

В школе в начальных классах не любила читать, только в седьмом классе полюбила. Получила книги за восьмой класс, и сразу всю хрестоматию прочитала. Посмотрела по программе, что нужно читать, и собрала все книги, даже некоторые прочла. У нее появилась собранность, она боролась за каждую оценку. Вечером приходила из школы и уже никуда не шла. Вот только весной начала с девочками ходить гулять, но не позже девяти вечера. Если она задерживалась и начинались сумерки, всегда звонила: «Бабушка, встречаемся». И я всегда, когда была дома, ходила ее встречать. Во дворе мальчишки собирались, они всегда что-нибудь говорили, цеплялись. Она находила, что ответить, но никогда с ними не разговаривала, была еще ребенком — даже не прошла первой влюбленности.

Друзей у нее было много. И мальчишки к нам приходили. Она в марте болела свинкой, а потом горло, кашель, она в школу долго не ходила, и мальчишки приносили ей кассеты: видео, аудио, — чтобы Оля не скучала. Почти каждый день к ней приходили.

То только в коридорчике постоят поговорят, то Оля на чай их пригласит. Мальчишки отказывались, девочки соглашались. В классе к ней хорошо относились и мальчики, и девочки. Со многими из класса она была еще в саду. Вообще у них дружный класс, они друг за друга всегда переживали.

На последний день рождения, в прошлом году, когда ей исполнилось двенадцать лет, мы ей разрешили пригласить всех своих друзей. Были и девочки, и мальчики. Родители уехали, оставили одного деда за «сторожа»: дети есть дети. Он сидел у себя в комнате, а они сами себе предоставлены были. Я пришла в 9 часов с работы, и они сразу же начали собираться домой. Я говорю: «Давайте мы вас разведем». — «Нет, не надо. Мы, мальчики, всех девочек проводим.» Пару родителей пришло забирать девочек, остальных проводили мальчики. Они были, конечно, счастливые и довольные. После их ухода Оля рассматривала подарки. Это были уже не совсем детские подарки. Перечитывала открытки, которые до сих пор стоят на книжной полке. Она умела радоваться и быть благодарной.

У нее часто спрашивали, кем она хочет быть, чего бы хотела в жизни. В седьмом классе она начала об этом задумываться. Ей нравился компьютер, она его знала хорошо, просиживала часами. Она только-только стала определятся. Это было что-то связанное с математикой, программированием. Ира, ее мама, бухгалтером работает. Так Оля говорила: «Нет, это не для меня. Это очень кропотливая работа и требует усидчивости, это бумажная работа». Она уже начала думать, сравнивать: кем бы она могла быть, а кем — нет. Она ведь только начинала на эту жизнь раскрывать глаза, думать, задавать вопросы и получать на них ответы.

Ей нравились интересные люди, которые много знают, с которыми можно поговорить. Я ей говорила:

«Знания — это книга. Книги дают очень, очень многое, и это ты должна понять». И тогда она начала книги читать. Может, к ней желание познавать и поздновато пришло. А может, мы в этом виноваты — не давали ей достаточно знаний, которые нужны ей были: то занятость, то еще что-то. К нам приходил соседский мальчик Денис. Очень интересный ребенок. Разница в возрасте у них два года (он младше), но ей с ним было интересно. Они играли в игры на компьютере, а уж если садились у телевизора с приставкой, то приходилось их останавливать. Соревнования проходили бурно...

Сказок ей много читали. Она никогда не ложилась спать, чтобы я или Ира не прочитали ей сказку, пока она сама еще не умела читать. С детства очень любила рисовать, но больше всего любила моделирование — обуви или одежды, но не нечто нарядное, пышное, а повседневное, удобное, как джинсы. Да и в жизни у нее такой стиль: брюки, свитер. Она больше любила свободную, раскованную форму одежды. Юбка обязывает себя более сдержано вести: не наклонишься, ногу кверху не задерешь. Ее одежда соответствовала ее натуре.

С седьмого класса стала следить за своей внешностью: чтобы аккуратной быть, причесанной. Ира сама ей уже ничего не покупала, только с ней.

В третьем классе Оля сама поступила в музыкальную школу. Музыкальный слух у нее был очень хороший, мелодию, ритм схватывала быстро, хорошо танцевала. Она училась в классе балалайки. У Оли все получалось, но девочки начали ей говорить: что это за инструмент — балалайка? Как мы ни уговаривали — она прислушалась больше к подружкам. И учительница с ней беседовала, звонила несколько раз, даже инструмент не отнесли в школу, оставили его до нового учебного года: думали, может летом возьмется за него, — как отрезала: «Мне это не нравится».

Она очень доброй была. У нас в подъезде есть семья: мать и отец пьют, а у них две дочки. Старшая такой же стала, как и мать, а младшая — младше Оли — хорошая девочка. Оля говорила: «Бабушка, как нам ей помочь? Мне кажется, она и голодной иногда ходит. Можно, я буду приглашать ее к себе?». Вот такая душевная доброта, сострадание у нее были.

Ее страстью были собаки. И теперь у нас осталась ее собака. Расстаться с ней не смогли, потому что это частица Ольги. Она с ней и спала. Просыпаешься утром, смотришь: лежат рядом — одна рыжая голова, а другая черная. Оля у нас рыженькая была. Собаку она просила с самого раннего детства. Когда ей было шесть лет, у друзей появилась Бэтька, которой было тогда еще четыре месяца, но у них был еще и маленький ребенок. Они оставили собаку с девочкой, а сами пошли в магазин. И девочка испугалась собаки. Друзья очень расстроились. В это время Ира с Олегом приехали к ним, и они им отдали эту собаку. Для Оли это было самым большим счастьем. Собака в доме — это была уже ее забота, она ее кормила, смотрела за ней, на руках таскала. Куда бы ни шли, где бы ни были — всегда вместе с собакой. Сейчас со мной спит Бэтька. В день похорон она от меня не отходила.

Недели за две до случившегося Бэтька по углам скребла. Никогда раньше такого не было. А потом одна моя знакомая сказала, что собаки всегда смерть чуют и что именно по углам скребут. Собака чувствует беду, но предотвратить ее не может.

Олюшке где-то за неделю до этого приснился какой-то страшный сон. Утром просыпается: «Бабушка, мне такой страшный сон приснился». Моя же бабушка говорила: «Если соснится, детка, тебе сон плохой, то повернись к солнышку, перекрестись и скажи: "Святой Фараон, куда ночь, туда и сон". И не рассказывай никому

про этот сон». И вот Оля мне начала рассказывать, а я ей говорю: «Не рассказывай, детка, а перекрестись». — «Я не умею креститься...»

Мы воспитаны были так, жили без Бога. Нас от этого отстраняли всегда, хотя в последнее время многое изменилось. У Оли была иконка: ездили они куда-то, и она оттуда привезла иконку. Часто смотрела детскую Библию, и в школе их начали приобщать к Богу. Было у нее много вопросов: «Давай почитаем, давай посмотрим». Ей вообще это нравилось. Она у нас крещеная, мы ее крестили в шесть месяцев.

Жили бы мы вроде честно, вроде бы и грехов таких не делали, за которые бы мог Бог нас так наказать: чтобы умер наш ребенок. Это очень страшная жертва. Когда было открытие памятника в Чижовке, священнослужитель как бы обвинил всех нас в том, что это за наши грехи дети наши поплатились. Нету таких грехов, чтобы жизнью ребенка поплатиться. Утешения не нашла ни в чем, в том числе и в посещении церкви. Я потом три дня не могла отойти от этого посещения. Это страшно.

Может, мы слишком самонадеянные были. Может, надо было провести их до дверей театра и встретить там.

Она мне снилась. Какая-то порхающая. Как будто я иду из своей комнаты, а она порхает рядышком со мной — вся воздушная. Иногда думаешь: может, действительно есть другая жизнь, есть то, что нам, живым, до конца не осознать?

Оля была нашей радостью, нашей надеждой, вдохновением. Она не давала нам стареть.

Солнышко наше —
Радость, надежда.
Рано ты встало,
Рано зашло.

Филиппова Елена

Рассказывает мать Александра Антоновна Филиппова

— Лена. Леночка, Алена... 30 сентября ей исполнилось бы 14 лет.

Она была поздним и долгожданным ребенком в семье — девять лет разницы между старшей и младшей дочерями. Таня — старшая — очень ждала сестричку. Конечно, появление Лены стало радостью для всех. Ее все оберегали, боялись обидеть, особенно папа: чтобы ни царапины, ни слез; если Лена упала — то все...

Она у нас практически никуда не ходила, все лето проводила на даче. Не любила одиночества. Зима, некуда пойти, так она как проснется — сразу на телефон. Если никого не вызвонит, хоть со мной поболтает. Она все говорила, говорила, говорила — не умолкала. Мы вечером все приходим с работы, собираемся дома, и говорим: «Ленка, ну помолчи ты хоть пять минут!». Ложимся спать, а они с Таней все не спят. Я встану, накричу: «Лена, двенадцатый час, ты же завтра не встанешь». Веселая была, разговорчивая. Очень не любила, когда в доме тишина.

Тани нет дома — садится и пишет стихи до двух ночи. Эти стихи мы храним. Вот одно из них — о будущем Танином ребенке. Лена так ждала его, хотела заботиться о нем, помогать Тане. Даже мне говорила: «Мама, давай я на работу пойду, буду Тане помогать». С сестрой очень дружили. Лена любила ездить к Тане на работу, ее там за свою принимали.

Ленка к Богу тянулась: верила, молилась. Однажды в Жировичский монастырь на экскурсию ездила,

потом мне рассказывала: «Ой, я в Жировичах так молилась, так просила у Бога, чтобы все было хорошо!». Часто говорила: «Мамка, давай в церковь сходим». А ей от свечей плохо становится, я ее оберегала и говорила: «Потом как-нибудь сходим».

Очень любила праздники. Перед Новым годом всегда наряжала елку. Любила шить, вышивать — в школе в кружок ходила, они там из лоскутков разные безделушки делали. На танцы ходила, баяном занималась немного. Общительная была, с детьми всегда ладила и всегда могла дать списать.

В школе училась хорошо, только по математике была у нее одна тройка. В седьмом классе, помню, спрашивает: «Мамка, ну кем мне быть?». Я говорю: «Лена, ты подожди, давай мы сначала закончим восемь классов, а потом уже будем решать». А она все не унималась: «Ну кем мне быть, кем?». Всегда у нее хорошо шел английский. Она из «немецкой» школы перешла в «английскую». Перешла во второй класс и очень быстро догнала остальных детей. Любила писать стихи, сочинения. Была у нее очень хорошая память. Изложение могла с первого раза написать слово в слово. Учителя потом говорили: «Ты списала», — а она обижалась.

Мечта у нее была — жить за границей и ездить на джипе. Папа у нас автоинструктор, в машине двойное управление — отец сидел с ней рядом, и машину Лена водила уже в тринадцать лет. Однажды приезжают они, а она мне говорит: «Никогда больше не поеду с отцом. Он же меня заставил от аэропорта приехать, ты представляешь?!».

Всем со мной делилась. Придет из школы, все мне расскажет. Пришла однажды, такая радостная, и говорит: «Мама, я такая счастливая — меня с Ваней Зайцем посадили!». Потом — все, уже с Ванькой не дружит. Где-то в шестом классе была у нее первая любовь. Ленка красивая, косы у нее очень длинные...

У нас дома маленькая собачка была. С собачкой на улицу утром — мама. Ленка мне говорила: «Мама, ты меня буди, я сама буду ходить». Но жалко утром ее будить, так сама и выгуливала.

По характеру Таня и Лена — полные противоположности, но с возрастом Таня старалась уступать Лене: то свою самую красивую одежку Лене отдаст, то ботинки новые. Лена отвечала ей тем же. Когда Таня в больнице лежала, она старалась ездить к ней каждый день. Покупать Тане старалась все самое лучшее. А когда Таня собиралась рожать, Лена сказала: «Таня должна рожать в платной больнице».

Была она всегда какая-то безобидная, хотя и балованная, как все маленькие дети. И одновременно нежная, ласковая. Как скажет иногда: «Ну, мама, прости меня! Ну, мама, ты у меня единственная, любимая!». Как тут не простишь! И 30-го, в последний день, мы на даче были, она все ко мне: «Мамка, ну что сделать, ну что? Мамка, мне так не хочется ехать домой, я бы сейчас здесь осталась одна».

Мы приехали, и тут девочки звонят. Ленка мне: «Мама, я совсем забыла, мы же сегодня собирались идти в театр!». Они собирались идти в театр киноактера. Подружка говорит: «Мы зайдем сначала на концерт, а потом пойдем в театр».

Мы спокойно ребенка отпустили. Все втроем снаряжали, одевали, любовались — она у нас красивая была, стройная, плотная, невысокого роста. Хоть бы кто сказал: «Леночка, останься дома». Нет, никто не сказал.

На концерте девочкам понравилось, и в театр они уже не пошли. Понятно, куда они еще ходили: такие цены, такие дороженные билеты. Последний раз были на концерте, когда «Тодес» в Минск приезжал. Я еще говорила: «Хоть бы вас там не украли, красивые такие!».

И все. Ушла и не вернулась. Ушла, не попрощавшись. Я думаю: ну пусть бы пришла, рассказала, где она, что с ней? И сказала бы: «Мамка, не плачь. Мне там так хорошо, лучше, чем здесь». А так — полная неизвестность, во снах только приходит...

До сорока дней как-то чаще видела, совсем не спала. И все прошу: «Приснись, ну приснись, пожалуйста, Леночка». Последний раз приснилось: будто сидит она у меня на коленях, детские гадалки свои рисует — любит-не любит. Я ей говорю: «Ленка, научи меня», а она все улыбается. Я снова: «Лен, скажи, кого ты любишь? Скажи». Она молчит, улыбается и потом уходит от меня. Я говорю: «Леночка, ты еще вернешься?», а она молчит и улыбается. Я говорю: «Ленка, вернись, пожалуйста, вернись!». А она отворачивается и, ничего не говоря, уходит. Я за ней, а мне дальше нельзя, там как проходная на заводе: на заводе вахтер, а тут молодой парень в зеленой рубашке стоит и меня не пускает. Лена ушла туда, а мне нельзя. Я осталась здесь, и этот парень между нами.

Она ушла, и потом долго я ее во сне не видела. Последний раз я уже увидела по прошествии сорока дней: идет она мне навстречу и так красиво поет, так красиво! У нее был чудный голос, она любила петь, любила народные песни. Всегда, когда мы с ней куда-нибудь ездили, она говорила: «Мамка, давай попоем, давай споем что-нибудь». Когда получила в школе учебники по пению, ей очень понравилась песня «Рушники». Она спросила: «Мамка, а ты знаешь эту песню? Давай споем». И вот во сне она так красиво эту песню пела, а я знаю, что ее нет, и сама себе говорю: «Если бы она была жива, она столько бы мне песен перепела», — и тут зазвенел будильник. Только несколько секунд она успела мне спеть...

Перед ее смертью я видела очень плохой сон. Я знала, что когда видишь во сне белую скатерть

и на столе ничего нет, то это к чьей-то смерти. Я даже не подумала, что это коснется Лены. Прежде всего, я видела за столом своего племянника, ему всего 10 лет. Тогда я подумала: «Ни Тани, ни Лены не было за этим столом, только я, сестра и еще кто-то». Я после этого позвонила сестре — мол, плохой сон видела, как там дети? Она мне говорит: «Все вроде бы нормально». Нормально так нормально. Я уже и забыла про этот сон. А тут Троица, никто не работает. В субботу мы были на даче, и Лена мне говорит: «Мам, я такой сон видела...», но тогда я не выслушала ее, потому что мы пошли мыться. Потом она опять: «Мама, я такой сон видела...», но опять ей что-то помешало рассказать. Оставшееся время ходила недовольная какая-то.

С дачи мы ехали — она все какая-то надутая была, недовольная. Все говорила: «Как мне не хочется отсюда уезжать, я бы тут одна осталась». Всю дорогу ей что-то было не так: то вертится, то неудобно сидеть — все не так. Приехали, и она ушла на концерт. Нет сказать бы, чтобы она осталась дома. Это какой-то рок, что-то непонятное. Обычно отец никуда ее не отпускал, а тут и он разрешил...

Папина радость, надежда, сокровище... Мамина ласточка, помощница, хозяюшка... Ленка, Леночка, доченька...

Пишут учителя

«Лену помню старательной и очень спокойной девочкой. В глаза бросались серьезность и сосредоточенность при выполнении какой-то работы. И еще — развитое чувство гордости и собственного достоинства, что редко встречается в ее возрасте. Она очень болезненно реагировала на несправедливость и даже на психологическое насилие над личностью. Повысишь голос —

и видишь Ленины глаза, серьезные, с упреком. Я порой поражалась, как в этой девочке уживаются внешность хрупкой Дюймовочки и удивительная внутренняя сила?

До сих пор трудно смириться с тем, что произошло. Это кажется чудовищной ошибкой.

В. Л. Ксюк, учитель русского языка и литературы.»

«...Я помню, как ты усердно отстаивала свою точку зрения, была очень справедливой, как радовалась своим успехам. Стоило словом, взглядом тебя похвалить — и открывалось второе дыхание. И было в тебе что-то такое наивное, детское, что трудно передать словами.

М. Б. Сабынич, классный руководитель.»

Пишут подруги и одноклассницы

«Ленуська, помню тебя классной и веселой девчонкой. Как когда-то мы ходили вместе в Лошицкий парк и с нами была твоя любимая собачка. Нам было так весело! Мы бегали, как совсем маленькие дети. Помню, как мы были хорошими подругами, как выдумывали разные игры и игрушки. Это время незабываемо, но теперь тебя нет...

Арина.»

«Я пытаюсь вспомнить последние дни, когда ласково-ласково грело солнце и мы почти ушли на каникулы. Помнишь последний классный час? Нам тогда еще раздавали по домам цветы на лето. Были нестандартно расставленные парты, а ты сидела за мной. Почему-то врезались в память слова: «А у меня уже

книжки по русской литературе дома на столе лежат. Стопочкой такой аккуратненькой. Жду не дождусь, когда наступит лето и я смогу их читать. А пока — только так, любуюсь...». Я запомнила, что у тебя в тот момент были добрые-добрые глаза и такая скромная и искренняя улыбка, что безумно хотелось тебя обнять и сказать: «Ленка, ты — чудо!». Это была последняя улыбка. Последний звонок. Последний взгляд на взбалмошный, дружный и родной 7 «Б»...

Ольга.»

ГАГАНОВА Ольга

Рассказывают мать Наталья Васильевна и сестра Ирина Гагановы

Мать:

— Оле 3 мая исполнилось только пятнадцать лет...

Иришке было три с половиной года, когда Оленька родилась. Она у нас студенческий ребенок, у нас вообще дети студенческие. Оленька родилась, когда мы заканчивали институт, — был шестой курс, прямо накануне госэкзамена. Тем не менее мы сдавали госэкзамен: собрались с силами и решили, что институт заканчивать надо.

Когда Оленька родилась, мы долго думали, как назвать. Иришка очень дружила с соседскими детьми, как-то пришла и говорит: «А вот у Димы сестричку зовут Олечкой. Я тоже хочу, чтобы моя была Олечкой». Мы так и назвали. Решили: пускай будет такое доброе, хорошее имя — Ольга, святая.

Оля маленькой была очень спокойным ребенком. Таких детей можно десять иметь: никогда не беспокоила и не плакала лишний раз. Она Телец по гороскопу, характер у нее, конечно, был, но основная черта — все-таки спокойствие. В классе, в детском саду драка какая, ссора, потасовка между детьми — она в стороне, никогда не участвовала.

И еще: подсознательно у нее всегда страх толпы был. Если автобус битком набит — ни за что не пойдет. Плакать начинала: не пойду. У нас транспорт очень перегружен, и трудно дождаться порой. Я говорю: «Оленька, поехали». — «Нет» — и никогда не уступала. Трудно сказать сейчас, почему так получилось в тот раз.

Она была очень домашняя. Привязана к дому, к семье, ко мне. Мы городские жители. Иришка в лагеря ездила, а Оленьку боялись отправлять — она казалась такой беззащитной, за себя постоять не могла совершенно, поэтому только раза три она была в детском санатории. Любила путешествовать, но — с родителями, с мамой, папой. Или чтобы бабушка рядышком. Она любила вместе с нами быть. Домоседкой была. Я говорю: «Олюшка, иди погуляй, на свежий воздух». — «Нет, я лучше дома буду, поиграю, почитаю.» Рисовать очень любила, выжигать. Папа ей купил прибор для выжигания, и ей нравилось выжигать, потом раскрашивать. Мелкая, скрупулезная работа, а она с удовольствием занималась.

Оля сладкоежка страшная была. Особенно любила конфеты. Я приду, а она: «А что ты вкусненькое принесла? Ты купила конфет?». Фрукты тоже очень любила, а в отношении еды очень неприхотливой была.

В последнее время увлеклась иностранным языком. Хотела, чтобы профессия у нее была с иностранными языками связана. Хлопот она не доставляла.

Совершенно непроблемный ребенок. Язык хорошо она знала. Преподаватель в Доме офицеров говорила, что она способная к языку, но она всего полгода и отзанималась, хотела поступить в иняз. Мы оба врачи, но стремления к медицине не было ни у одной из дочерей. Больше интересовались гуманитарными науками.

Как-то в последние дни перед экзаменами они с классом ездили на Птичь. Оля приехала оттуда вдохновленная — так ей понравилось. Они там палатки ставили, костер разжигали, картошку пекли, песни пели у костра. Она гитару брала Иришкину. Олюшка петь любила, но была стеснительная, старалась остаться на заднем плане, не выпячивала свои способности. Она не лидер по натуре.

Занималась в ансамбле спортивного танца. У нее были способности. Но и тут проявилась такая черта ее характера, как нерешительность. Она готова была заниматься, но выступать напоказ не хотела. Замкнутая была. И решительность стала проявляться только в последние годы, лет, наверное, с тринадцати.

Мы заметили, что она старалась быть в кругу друзей и одноклассников, общаться больше. Это радовало. В школе у них интересный конкурс проходил, стар-тинэйджер называется, типа КВНа школьного. Каждый класс выбирает себе какой-то девиз, название и готовит музыкальные и юмористические конкурсы. Это целый праздник в школе. Они ходят такие нарядные все. Как Оля бегала в те дни, когда они готовились! Как она выбирала себе наряд! Оленька участвовала и была очень рада, что ее привлекли.

Оленька с Иришкой в последние годы стали дружны, у них уже общие интересы появились. Могли закрыться в комнате и посекретничать. Интересно было за ними наблюдать. До этого какой-то дух

противоречия между ними был, может, и ревность, а последний год очень хорошо между собой ладили. Даже можно сказать — дружили.

Сестра:

— Был период, когда она начала меняться, тянуться к компании. Ко мне много друзей приходило, и она с ними стала общаться. Раньше в стороне была, сидела в комнате, когда ко мне кто приходил, а теперь выходила, общалась. Она начала как-то взрослеть, даже к одноклассникам моим тянулась.

Мать:

— Оля умела дружить, у нее было чувство постоянства, ценила дружбу. Она очень тепло отзывалась о своих подругах, я не слышала от нее недоброго или нехорошего слова. Если обидели кого-то из девочек, она болезненно это переносила. За себя она не могла постоять, уходила в сторонку, плакала от несправедливости. Даже и жаловаться не умела. Из нее клещами надо было вытягивать, что случилось. Я говорю: «Оленька, я же вижу, что-то случилось». Она переживала, что плохую оценку получила, что кто-то обидное слово сказал. Очень болезненно переносила несправедливость, малейшую грубость. Стоит только повысить голос — слова из нее не вытянешь. Замыкалась в себе — и все. А потом отходила, не была злопамятной. Не любила фильмы ужасов и связанные с насилием. Она боялась этого, и мы старались такие фильмы не смотреть.

Если бы ей суждено было жить, я думаю, из нее получился бы хороший человек. Она еще не успела себя реализовать, она как-то очень долго оставалась ребенком. Может быть, это из-за того, что Иришка у нас сильнее, все время мы Олю считали маленькой, а ей как-то и хотелось быть такой. Ей нравилось чувствовать, что она еще маленькая, что она любимая.

Это ощущение для нее было очень важным. Она знала, что ей должны уступить. Упрямство, характерное для Тельцов, уже проявлялось. Она начала отстаивать свои интересы, любила, чтобы ее похвалили, — у нее тогда как крылья вырастали.

Она мечтала о собаке. И когда мы привезли ей щенка, сколько было радости! Ей было девять лет, и она прыгала, как коза. Пуделек попал к нам уже с именем — Наполеон. Олюшка гуляла с ним с удовольствием, наверное, больше всех. Об Оленьке всегда говорили: «Девочка с собачкой».

Она просто еще девчонка была. В домашней обстановке всегда задорная, веселая, игривая. Могла с собакой в прятки играть: она спрячется, а собака ищет, по всей квартире бегает. Она и с игрушками играла до последнего, кукол очень любила, прически им делала. Я ей дарила кукол, и она им радовалась детской неподдельной радостью. Она так ждала дня рождения, так любила подарки. Как все дети, наверное, с нетерпением считала дни: осталось неделя, шесть дней... Жалею, что я мало ей внимания уделяла. На работу позвонит: «Мама, ты скоро домой? Я так соскучилась».

Видимо, взрослела она, уже начала носить взрослую одежду, обувь, и очень этому радовалась. Ей в последнее время хотелось какой-то девичьей одежды, взрослой. У нее даже первые босоножки появились на невысоком каблуке, сантиметра четыре, но уже не детские, замшевые. И юбку мы ей первый раз взрослую купили, такую, как ей хотелось: замшевую, на замочке, длинную. Я говорю: «Ты такая хрупкая, худенькая. Ты будешь такую юбку носить?». Погибла она в той черной юбке.

Очень любила наряжаться в последнее время. Весь гардероб иногда перемеряет, а фигурка у нее хорошая была, худенькая, хрупкая, и самой, видно, нравилось, что в ней изменения такие происходят.

Ей кто-то комплимент скажет, а она прямо вся цветет, вся светится. Волосы у нее длинные были, и она сама себе придумывала прически, но не решалась никуда сходить. На показ — нет.

У меня 26 мая день рождения, но отмечали 29 — приурочили к выходным.

На следующий день Иришка, которая знала о концерте, начала собираться, говорит: «Группа «Манго-Манго» будет, интересно, молодежи много».

Оленьке позвонила одна одноклассница. Оля сказала, что Иришка собирается на концерт, и та предложила ей: «Пойдем тоже». Они с Ирой пошли практически одновременно, только Ира пошла со своей компанией, студенческой, а Оленька поехала с этой девочкой.

Собиралась — у Иришки взяла черную ажурную кофточку, оделась во все черное: ■ последнее время ей почему-то нравился черный цвет, она предпочитала его всем остальным. Зашла на кухню: «Мам, мне так волосы мешают. Ничего, если я хвостик сделаю?». У нее очень пышные волосы были, виться ■ последнее время стали. Я говорю: «Сделай, конечно». Она заколола заколкой, крутанулась еще и побежала. Она всегда рано приходила, никогда долго не гуляла, поэтому у нас и не было такой привычки спрашивать, во сколько придешь. «Я побежала», — сказала она, вся такая летящая.

Выходной день, погода хорошая. «Ну что, — думали мы, — с ребенком может случится? Погуляют и приедут.» Тем более что вдвоем с сестрой едут.

Раньше одну мы ее никуда не пускали, а ей, наверное, уже хотелось быть повзрослее. Оленьке в силу ее нерешительности всегда было трудно контакт наладить с детьми, она всегда немножко особняком держалась. Только в последний год у нее появилось много друзей. А тут ее девочка позвала,

которая имела авторитет в классе, и ей, конечно, очень хотелось пойти. Намерения препятствовать этому не было.

Странное стечение обстоятельств. Мы ведь утром собирались идти на базар — выпускной же на носу, надо что-нибудь из одежды купить. Собирались до последнего, и тут вот девочка ее сагитировала на праздник пойти. Так ей хотелось пойти — она вся светилась. В тот день она с таким вдохновением шла на этот концерт, так быстро собиралась. Начала со мной советоваться, что надеть. Я говорю ей: «Ты хоть поешь, позавтракай». — «Я не хочу. Я возьму свои денежки, и мы, может, там что-нибудь вкусненькое купим.» Я все переживала, что она голодная пошла. Торопилась, как на крыльях летела.

Не могу сказать про какое-то предчувствие, но чувство тревоги было. Ощущение необычное, не по поводу, что она ушла, а какое-то непонятное, необъяснимое чувство тревоги. Я не находила себе места в тот день. А когда стали тучи сгущаться, вообще волнительно стало. Она поздно домой никогда не возвращалась, а тут, когда и в восемь, и в десять ее не было дома, я даже боялась высказать мысль, что, возможно, что-то случилось.

Иришка пришла домой и рассказала, что они с Оленькой встретились там, на проспекте Машерова, минут за тридцать до того, как все произошло. Мальчик из компании Ириши, Виталик, собирался ехать домой, и Ирочка попросила, чтобы он Олюшку домой завел, девчонок проводил: они ведь еще малые. Он взялся их проводить, и они пошли в переход. А компания Иришки решила еще погулять. Старшие пошли в другой переход, ко Дворцу спорта, а потом, когда дождь закончился, Ира увидела, что «скорых» много, что на Немиге что-то произошло.

Сестра:

— Я туда сходила, но прошло уже достаточно времени, люди уже мало что говорили, те, кто там был, уже разошлись. Услышала, что вроде пару человек куда-то упало — под машину или под поезд, но точно никто ничего не знал. Мы еще гуляли часа два, а потом вернулась домой.

Там, на празднике, Виталик сфотографировал девчонок, но Оле очень не понравилось это. Она сначала не видела, что их фотографируют, хотела уклониться в самый последний момент. Вот и осталась она на последней фотографии — черная узкая юбка, черная маечка.

Я до сих пор не могу понять, почему она не зашла в метро. Может, оно было перекрыто? Мы разошлись в разные стороны буквально минут за десять—пятнадцать до дождя, но туда же люди пошли, когда уже начался дождь, — а идти минут пять. Может, они очень медленно шли? Непонятно.

Мать:

— Я дома все бегала на балкон, все смотрела, ждала. Начало смеркаться, и тут звонок в дверь. Я открываю — там Иришка стоит, веселая такая. Я спрашиваю: «А Оленька где?». И она сразу в лице изменилась, говорит: «А разве ее нет еще?». Я говорю: «Нету». Мы тогда сразу стали искать. Позвонили Виталику, и его мама сказала, что он в больнице.

Саша, муж, работает в больнице скорой помощи, и я говорю ему: звони в больницу. Мы стали звонить, узнавать, что же произошло. Да, сказали, пострадавшие поступают в больницы, есть жертвы.

Мы сели в машину, поехали. Иришка поехала с нами. Приехали в больницу скорой помощи, нашли Виталика, подошли — он почти в бессознательном состоянии, но все-таки мы его растормошили: «Виталик,

где Оленька?». Он сказал, что ничего не знает, ничего не помнит...

Среди живых ее не было, и нам посоветовали ехать во 2-ую больницу. Мы уже знали, что есть жертвы, но сколько погибших — не знали. Когда мы приехали во 2-ую больницу, было уже, наверное, час ночи. Мы врачи, поэтому мужа пустили туда, я осталась ждать. Он посмотрел всех неизвестных среди живых и среди погибших — Оленьки там не было. Надежда еще теплилась, хотя я уже чувствовала, что произошло что-то страшное, непоправимое.

Нам сказали, что многих повезли в 10-ую. Но видимо, врач, который говорил с нами, не решился сказать, что туда только мертвых повезли, погибших. Когда мы приехали и зашли в приемный покой 10-й больницы, нам сказали, что здесь только погибшие — идите в морг. Там мы Олюшку и нашли. Страшно было. Она числилась как поступившая с Немиги. Сразу с Немиги, сразу погибшая. Числилась под номером 104.

Олюшке за неделю до этого снился страшный сон. Она говорила: «Мама, мне такой страшный сон приснился», а я говорю: «Страшные сны рассказывать не надо, не рассказывай. Это все погода плохая, не вспоминай». Я и не знаю, что ей снилось.

Сестра:

— Оля, которая была с ней, сказала, что она ничего не помнит. Она только помнит, что ее ударили по голове и она начала терять сознание. Помнит, что Олечка наша присела, может быть, она пыталась както спрятаться, потому что какие-то ребята прыгали сверху, с боковых бордюров у входа в метро. Это были выпившие парни, которые и создали эту потасовку. Оля говорит, что у нее было такое ощущение, что наша Оленька присела. Потом она ничего не помнит — потеряла сознание.

Я могу сказать, что там было очень много пьяных, практически все. Жара была. Многие покупали водку — она была во всех магазинах. Везде пили, плюс еще это пиво. Даже когда мы пошли в переход ко Дворцу спорта, эти пьяные создали такую волну, лезли вперед, пихали, толкали. Там тоже было достаточно страшно, поэтому мы ушли под дождь.

Тянуло туда, в метро, и у меня появилась странная подсознательная тревога, когда нам сказали, что пару человек погибло. Мне подруга говорит: «Чего ты боишься? Оля же с Виталиком пошла. Не беспокойся». Мы подошли туда, посмотрели. Подруга говорит: «Вот видишь, ничего тут не случилось». Но все равно екнуло что-то.

Мать:

— Уже после гибели Оли мы стали просматривать с Сашей тетрадки и очень интересное обнаружили: во многих тетрадях она рисовала заходящее солнце. У нее везде эти картинки с заходящим солнцем. Какие-то рассуждения, какие-то стихи выписывала: о смысле жизни, о жизни и смерти... Очень интересно, какие у нее мысли были — о том, что жизнь не бесконечная, заканчивается. Не могу объяснить: может быть, у нее был страх смерти? Она никогда не говорила.

В последнее время мне все снится, что она болеет. Может быть, это мои переживания сказываются. Я у нее один раз расспрашивала во сне: «Оленька, тебе страшно, тебе больно было?». Она сказала: «Нет, мама, мы сначала смеялись, думали, что это шутка. Мы смеялись, а потом мне стало нечем дышать. Трудно, и все. Я больше ничего не помню, но мне было совсем не страшно».

Мы сейчас ребенка ждем. Решились мы на такой шаг пойти потому, что было огромное желание ее вернуть. Сейчас я уже понимаю, что это будет не

она, но мне казалось, что если родится ребенок, то это родится она. Когда это все-таки осуществилось, мне Оленька два раза приснилась и сказала: «Мама, я жива. Ты не переживай, я жива». Не сказать, что я человек верующий, но верю в какое-то переселение души, что-то в этом есть. Наверное, это не зря. Мне что-то свыше подсказало, что надо, чтобы у нас был еще ребенок.

Невыносимо от мысли, что ее никогда с нами не будет. Я не нахожу объяснений тому, что произошло, только думаю, что свершилась великая несправедливость — погибли невинные души. Но это и какое-то предупреждение свыше, нам, людям: надо задуматься над тем, что мы порой делаем много неправильно. Но это жестоко и несправедливо. Ведь сначала предзнаменование было, как предупреждение природы: люди, остановитесь, задумайтесь, что вы творите! А потом как будто массу людей в течение короткого времени засосало в какую-то воронку. Их всосало туда, в этот переход. Мне кажется, что произошло что-то сверхъестественное, что объяснить очень трудно. Не поддается никаким логическим объяснениям: почему они туда шли, почему друг на друга пошли?

Рассказывают Олины подруги

— Оля была в классе какая-то не такая, как все, — более индивидуальная. В последний год у нас была постановка в школе, она играла одну из звезд Голливуда и, когда нарядилась и подкрасилась, была копией актрисы, которую изображала.

Она была очень хорошей, ей можно было все рассказать, что наболело на душе. Я прихожу к ней и говорю: «Вот у меня так плохо. Я могу тебе рассказать?» — «Конечно.» Она никого не делила: вот

этот плохой, а этот хороший. Из нашего класса она никого не исключала: с этим буду, а с этим не буду дружить.

— Она очень переживала, если кого-нибудь из одноклассников обидели. Очень воспринимала несправедливость.

Когда я собиралась на дискотеку, все время пыталась и Олю вытянуть. Говорю: «Оля, пошли. Оля, пошли». Оля: «Ой, не хочу. Чего я пойду?». Как дискотека — хочется сходить, потанцевать. А она наоборот: «Я лучше дома посижу». Может быть, один или два раза я ее так вытянула. А так дома сидела.

В тот день я знала, что будет концерт. Я хотела туда пойти, но мама меня отговорила и забрала в деревню. Говорит: «Я тебя не оставлю здесь одну, поехали с нами в деревню. Будешь готовиться к экзаменам». Я очень не хотела ехать. Думала, что Оля тоже будет дома — она собиралась заниматься. Я ей позвонила и сказала, что еду в деревню. Она ничего не сказала. Я не ожидала, что она может пойти, ведь даже на школьную дискотеку ее невозможно было вытянуть.

С ней куда ни поедешь, всегда было интересно. Она хорошо ориентировалась в Минске. Любила просто съездить в центр города погулять, наш район уже надоел — тут сходить некуда. Оля все смотрела старые фотографии и возмущалась: вот мама с папой раньше так часто куда-то ездили, каждые выходные, а сейчас никуда не ездим.

В декабре еще она говорила: «Скорее бы на курсы — уже дома надоело сидеть, там и новые люди, и преподаватели». Когда уже начала ходить, я спрашиваю: «Ну как, интересно?». — «Да, интересно. Скоро экзамен.» Она все волновалась из-за экзамена, потом уже приходит, звонит, я спрашиваю: «Ну что?» — «Четыре.» — «Молодец.»

— Когда я в последний раз ее видела, сказала, что поеду в деревню, и спросила: может, она со мной хочет поехать. «Нет, у меня экзамен по английскому.» Мы уезжали на два дня, и когда я приехала, то позвонила Оле, но родители сказали, что она пошла гулять куда-то. Утром встала, папа говорит, что на Немиге что-то произошло. Я говорю маме: «Пойдем сходим позвоним». У нас телефона нет, а у меня нехорошее предчувствие было. Вышла из подъезда и увидела девочек из класса. Они подошли ко мне: «Ты знаешь, что Оля погибла?». Мне сразу так плохо стало. Я, пока сама не увидела, не верила, что она умерла.

Она была моей самой лучшей подругой. Сейчас даже в школе я не могу находиться...

КОНАШЕНОК Марина

**Рассказывает бабушка
Любовь Михайловна Василевич**

— Мариночка родилась 25 июля 1984 года. Она была слабеньким ребенком, и необходимо было много сил и энергии для того, чтобы выходить ее, поставить на ноги. И вот, когда казалось, что все беды позади, судьба распорядилась так, что в восьмилетнем возрасте Марина осталась без родителей, и мне пришлось заменить их. Через много лет, вырастив пятерых детей, я снова окунулась в родительские заботы. Мне было тяжело одной, но Марина как могла помогала мне. Мы старались делать все вместе сообща. И даже если я была когда-нибудь в чем-то строга или не пра-

ва, Маринка на меня не обижалась, она все понимала. Она была приучена к труду, считала себя хозяйкой и хотела сама делать всю работу по дому. Марина была ласковой, никогда мне не грубила. И даже когда выросла, была послушной, так как жалела меня. И я была счастлива, что мне придется доживать свой век с Мариной. Мне никогда не было с ней скучно, она была веселой говоруньей. В гости часто приходили ее подружки. Пока была Марина — была в доме жизнь. А сейчас нависла темная туча. Несмотря на то что у меня есть любящие дети и внуки, я чувствую себя очень одинокой. Иногда мне кажется, что я слышу Маринин голос, смех. Я жду, что она придет из школы, откроет дверь и спросит: «А что мы сегодня будем делать?».

Мариночку любили все. Вот что о ней вспоминает ее классный руководитель О. В Михайлова.

«Когда я увидела Марину в первый раз, меня поразила чистота ее больших глаз, которые смотрели на меня необычайно открыто. Среди всех Марина отличалась своей добротой. Она, как никто другой, умела прощать. Ведь дети часто, не понимая того, бывают жестокими, обижают друг друга. А вот Марина, словно ангел, не могла никого обидеть и умела быть доброй для всех.

Сейчас, когда я вспоминаю Марину, ловлю себя на мысли, что мне очень трудно вспоминать грустную или серьезную девочку: она всегда улыбалась. В жизни Марины встречалось много трудностей; как и у всех детей, были какие-то мелкие неприятности в школе, но она была оптимисткой, никогда не опускала руки, всегда думала о том, как все исправить.

Марина была очень ответственной и исполнительной: что бы ей ни поручалось, все исполнялось в срок и с душой. Сейчас мне кажется, что Марина спешила жить, смотрела на жизнь широко открытыми глазами. Я очень часто сравнивала ее с колокольчиком: у нее

был звонкий, бодрый голосочек. Своей жизнерадостностью и жизнелюбием она заражала нас всех.

Марина умела дружить по-настоящему, ей доверяли. Она была открытой и честной, а сейчас это встречается редко. Глядя на эту девочку, я думала о том, как важно, чтобы, взрослея, она не потеряла этих качеств, чтобы трудности не растоптали этого доброго человечка. Но… жизнь распорядилась иначе, распорядилась несправедливо. Никакие слова не смогут передать те чувства, которые испытали все мы, когда случилась эта трагедия. И эта боль не утихнет, никогда не пройдет. Мы будем помнить Марину всегда.»

Да, никто и ничто не поможет мне справиться с этой болью, ведь в этой трагедии я потеряла сразу двух внучек, подружек — Ирину и Марину. Потеряла двух замечательных девочек. Каждая была для меня лучиком солнца, моей надеждой. Я знала и верила, что мне никогда и ни перед кем не будет стыдно за них. Но судьба обошлась жестоко с ними: они уже никогда не повзрослеют. И для всех нас они так и останутся вечно молодыми и самыми лучшими.

ШЕВЕЛЕВА Ирина

Рассказывает мать Наталья Васильевна Шевелева

— Ирина родилась 17 декабря 1980 года в Минске. Росла доброй, озорной, веселой девочкой, любила праздники, особенно Новый год. С шести лет пошла в школу. Училась хорошо, в классе была

душой компании. Занималась в разных кружках, помогала дома.

Ирина запомнилась доброй, с улыбкой на лице. Буквально перед смертью, где-то за месяц-два, она говорит мне: «Мама, правда, я у вас первый ребенок по любви?». Я говорю: «Дочка, почему ты так спрашиваешь?». А она говорит: «А тебе что, неприятно?». Она все время была серьезной. Улыбалась, но всегда оставалась серьезной. Хорошо вязала, у нас очень много ее салфеток, занималась фитодизайном. Все, что я могу сейчас вспомнить из ее жизни, — это учеба, вязание, лес. Она очень любила ходить в лес, по грибы, ягоды. Очень хорошо собирала ягоды. Мы ездили в Смолевичский район, у нас там дом, дача в деревне. Там они были предоставлены сами себе, ни от кого не зависели, им это очень нравилось. Я на II группе инвалидности — с 1994 года. Они все время мне помогали. Я приезжала на дачу, а дочки мне постоянно говорили: «Ну, мама, посиди, мы сами все сделаем». Мы их оставляли в деревне в будние дни, я говорила: «Дети, нужно картошку прополоть и грядки». Когда мы приезжали, все вместе ездили на озеро отдыхать. Мы с отцом в будние дни уезжали в город, а на выходные ехали в деревню. Мы часто ходили в лес, и я всегда просила их не отходить от меня далеко. Идем по лесу недалеко друг от друга. Я два гриба найду, а у Иры — полведра. Спрашиваю: «Где ты их насобирала?». А она только смеется в ответ. И вот так было всегда: то по грибы, то на озеро, а дома то вязание, то учеба... Никуда дочка особенно не ходила. Пожалуй, раз сходила на дискотеку, когда еще училась в школе, потом сходила на дискотеку в техникуме, а 30 мая вышла в третий раз...

После десяти классов поступила в Минский энергетический техникум. У нее была мечта: закончив на отлично техникум и получив «красный» диплом, поступить в политехнический.

Училась в техникуме по специальности «автоматизация и управление энергетическими процессами». Несколько ее школьных подружек училось там. И она решила: пойду в этот техникум вместе с девочками... Позвонили в техникум. Оказалось, сегодня последний день приема, документы принимаются до четырех часов. Я сказала: «Доченька, быстро собирайся». Сдав документы, в тот же день поехали на дачу. И она с дачи ездила в Минск на экзамены. Сдала математику на четыре балла. Я посоветовала ей сдавать не русский, а белорусский. Так и поступила. Училась в техникуме на четыре и пять, на втором курсе стала получать повышенную стипендию. Ире нравилось быть лидером, быть первой. Она сказала мне, что закончит II курс без троек и постарается исправить все четверки на пятерки. У нее оставались неисправленными две-три четверки — по английскому, по истории и, по-моему, по химии. Она исправила в субботу четверку по математике, а в воскресенье погибла...

У Иры было очень много занятий, скоро должна быть сессия. Я ее просила поехать с нами на дачу, но она отказалась — мол, нужно готовиться к сессии. Она очень хорошо чертила, ее от группы в техникуме отправляли на олимпиаду по черчению.

Она многим помогала чертить чертежи, и, видимо, из-за этого у нее и не было времени ездить с нами на дачу этой весной.

Все время делала уроки (два года в техникуме и десять лет в школе), лежа на ковре. И читала, и писала, и смотрела телевизор — и все это одновременно. Я всегда ругала ее за это, а она мне в ответ: «Так мне лучше запоминается».

30 мая девочки пошли на праздник втроем: Ирина, Ольга (моя младшая дочь) и племянница Марина Конашенок. Девочки много времени проводили вместе. Ирина с Мариной особенно дружили. Они всегда были

вместе, шептались, смеялись. Марина была очень веселой девочкой, шутила, смеялась, и смех ее очень заразительный. Так получилось, что воспитанием Марины занималась бабушка — наша с сестрой мама. Но одно время Марина жила у нас. Вот почему дети так сблизились. Марина считала себя нашим ребенком, часто говорила: «Тетя Наташа — моя вторая мама». Марина восемь классов закончила, сейчас была бы в девятом. Хотела поступать в торговое училище. Мечтала стать продавцом промышленных товаров. Она всегда помогала нам на даче, ходила с нами в лес, ездила на озеро. Девочкам это так нравилось... У нас первый год нет закатанных грибов. Первый год, как умерли Ирочка и Мариночка...

И 30 мая дети поехали на праздник втроем. В газете писали, что мы в этот день находились на даче. На самом деле мы были на похоронах — у нашей невестки умер отец. Похоронили его на Кальварийском кладбище, теперь рядом с ним — могила милиционера Гены Рябоконя, который погиб, спасая людей, на Немиге. Минут за сорок до трагедии мы возвращались с похорон. Примерно через полчаса после нашего возвращения домой Ольгу привела какая-то совершенно незнакомая девушка. Наша младшая дочь находилась в шоковом состоянии. Нас напугал ее вид: грязная, взъерошенная, босая, она буквально висела на руках своей провожатой. Я спрашиваю: «Дочка, что случилось?». Она отвечает: «Мама, со мной все в порядке. На Немиге случилась беда, езжай разыскивать Марину и Иру». И все поторапливала нас с отцом, повторяла: «Где они, что с ними?». Я позвала соседку побыть с Ольгой, сказала, если что, звонить в скорую помощь, а с отцом взяли такси и поехали искать детей. Во 2-ую больницу мы добрались к десяти вечера. Там не было уже ни телевидения, ни журналистов, только несколько милиционеров. Некоторые дети уже лежали

за стеклянной дверью на полу — мертвые. Потом приехали с Белорусского телевидения, НТВ, начали снимать людей, которые там ожидали каких-либо новостей. Мы говорили, что нас не нужно снимать, просили показать нам наших детей, пропустить хотя бы по одному родителю за стеклянную дверь. Каждый хотел знать: есть ли среди этих погибших его ребенок? Но никого не пропускали. Так мы и не добились ничего. Позже появились представители власти, принесли списки из реанимации — в них были те, кто смог назвать свои фамилии. Тут мы ничего не узнали. Посоветовали обратиться в больницу скорой помощи. Многих из тех, кто сразу умер, увезли туда. Приехав в больницу скорой помощи, мы не решились пойти в морг — надеялись, что наши дети живы. Пошли в реанимацию. Там сказали, что у них находится какая-то девушка, на вид лет двадцати, у нее черепно-мозговая травма, в тот момент ей делали операцию. Я попросила врачей пойти посмотреть, не моя ли это дочь. Из дому я захватила с собой ее паспорт (Ирочка выглядела старше своих лет), а также назвала ее особые приметы (у нее когда-то был сломан пальчик, неправильно сросся и был немного кривоват). Врачи пошли смотреть. Нас, естественно, не пустили. Эту девочку уже подготовили к операции, сбрили волосы, у нее очень сильно были сжаты руки, было невозможно разжать пальцы. Нам сказали прийти утром. Возвратились домой в начале четвертого. Ольга не спала, с ней неотлучно находилась соседка, они ждали нас. Мы им сказали, что пока не нашли ни Ирину, ни Марину. До утра мы обзванивали все больницы города. Утром бабушку отправили в деревню — не знали, что и как ей сказать. Бабушка рано утром уезжала в деревню. Автобус шел где-то в 6.40, а из дому нужно было выезжать около шести. Я позвонила сестре (матери Марины) домой и сказала, что мы заедем за

ней на машине: «Раз мы детей до сих пор не отыскали, то они или в реанимации, или их уже нет в живых». У сестры началась истерика, я попросила ее успокоиться и ничего не говорить маме. Мама уехала, ей ничего не сказали. Около шести утра мы были в морге больницы скорой помощи. Там и отыскали Ирину. Она лежала к нам лицом... У дочки были такие большие и красивые глаза, и они были полуоткрыты...

Мне запомнился один из последних моментов жизни моей дочери. Уезжая на похороны, мы оставили Ирину с моим трехлетним племянником (сыном сестры Елены). В тот последний день, в воскресенье, когда мы с сестрой уходили, Ирочка с племянником нас провожала, стоя у двери. Ирочка улыбалась и говорила: «Я справлюсь, вы не волнуйтесь». Не в первый раз она с ним оставалась, она у нас была девочка взрослая и самостоятельная...

Я знала, что дети пойдут на Немигу. Я дала им по 100 тысяч на мороженое. И они уехали...

Мне запомнились два момента: когда мы оставили ее с племянником и когда ее нашли. Ирочка как будто смотрела на нас полуоткрытыми глазами. И все...

Марину Конашенок мы нашли в 10-й больнице. Мы оставили Ирочку в морге, так как никто не знал, будут ли делать вскрытие. Мы видели всех погибших и пострадавших детей. В больнице скорой помощи с нами очень грубо разговаривали. Может, это связано с тем, что еще нигде не было никакой информации. Нам сказали, что мы должны заказать и оплатить машину, забрать погибшего и отвести его домой. Или: «Езжайте на предприятие, где работаете, и просите выделить транспорт, забирайте своего погибшего ребенка». Поэтому мы и заехали на часовой завод, на котором я работаю, договориться насчет машины. Я сказала, что пока

мы нашли только одного погибшего ребенка — мою дочь, но есть вероятность, что может быть и второй — племянница, поэтому машину надо до конца дня. Мы отправили машину в морг, за Ирочкой, а на легковой поехали покупать одежду. Тогда мы не знали, будет какая помощь от государства или нет. В магазине сказали, что все будет отпускаться по безналичному расчету...

Первой привезли домой Марину, хотя Иру нашли в шесть утра, а Марину где-то в час дня. Мы решили хоронить девочек из одной квартиры, потому что все родственники хотели быть рядом, провожая их в последний путь. Для Ирины это родной дом, а Мариночка тоже некоторое время жила здесь. Два гроба выносили из одной квартиры.

У Ирины был переломан шейный позвонок, и голова на обычной подушке не лежала, и мы купили мягкую подушечку, чтоб голова немного утонула в ней и приняла нормальное положение. У Мариночки был вдавлен глаз и проколота каблуком щека, не считая синяков и ссадин. Одежду, в которой они погибли, мы не выбрасывали, оставили на память. Иногда достанешь, наплачешься и снова уберешь.

Что касается похорон, то я сожалею только об одном, что их не похоронили на Московском кладбище. В тот момент нам было не до этого, мы не слышали никакой информации по поводу проведения похорон. В техникуме, куда я позвонила и сказала, что случилось, даже не поверили, переспросили: «Это что, шутка?..».

30 мая дочь моя погибла... Она очень любила жизнь. Это был необычайно энергичный ребенок. Когда я начинала с ней говорить о жизни, она отвечала: «Мамочка, я все вижу и понимаю». За Ирину у меня ни разу не «дрогнула душа». Я не думала, что она может попасть в такую ситуацию и погибнуть. Где-то в глубине души я сожалею, что воспитывала

детей строго, не давала им слишком много воли, как им хотелось бы. И вот я задаю себе вопрос: что мои дети видели в этой жизни? Да ничего! Только учебу, дачу, лес, озеро. Ничего больше. Ирочка всегда была очень послушной девочкой. Когда ей было десять лет, я тяжело заболела. Я много времени находилась в больнице, и Ирочка полностью меня заменила, всеми деньгами распоряжалась она, и я была спокойна. Они часто навещали меня, привозили гостинцы.

У Ирины очень хороший отец. Я никогда не боялась умереть, потому что знала: моя младшая дочь Оля никогда не останется одна, Ира с отцом ее вырастят. Я много и тяжело болела и подготавливала старшую дочь к тому, что все может случиться. Она была очень самостоятельной девочкой. На совершеннолетие я хотела купить ей золотую цепочку или колечко, но она отказалась. И вместо подарка мы купили ковер. Я не хотела его застилать сразу. Думала — отдам дочке, когда соберется выйти замуж. Но Ира настаивала: «Я хоть похожу по нему!». Не знаю, может, что-то чувствовала?.. И мы его застелили. Ирина немного походила по нему — и все...

Мы говорили с младшей дочерью Ольгой о том, что случилось 30 мая в подземном переходе на Немиге. Ольга находилась в первых рядах. Практически внизу, на полу. На ней лежали как живые, так и мертвые. Гора из человеческих тел доставала до потолка. Она не знает, в скольких шагах или минутах была от смерти. Олю пытались вытянуть, но не смогли: «Если мы начнем тебя тянуть, то просто разорвем». Так говорили ребята, которые вытаскивали. Я у нее спрашивала, не теряла ли она сознание? Ольга сказала: «Нет». Она кричала. Кричали многие. Может быть, она слышала голос Ирочки, у нее громкий голос. Дети потеряли друг друга наверху, когда стали спускаться по ступенькам. Ирина встретила

знакомого мальчика. Он шел около той стенки, где нет поручня, за ним шла Ирина, а рядом с ней Марина. Пострадал ли тот парень, мы не знаем. Он был знакомым Ирины, а Ольга его не знала, встретили они его случайно, он тоже шел в переход. Оля рассказывала, что ее начало толпой относить к поручню, и она упала там, где уже не было ступенек и заканчивался поручень. Там она и лежала, ближе к стенке, благодаря этому, видимо, и осталась жива. Она упала под натиском толпы. Я спрашивала: «А что у вас впереди было? Почему люди начали падать и почему вы не шли дальше, если там было свободно?».

Факт лишь в том, что детей нет...

Из-под Оли как-то удалось вытащить девочку. А Олины ноги оказались сильно прижатыми лежавшими на ней людьми. Поэтому Ольгу удалось вытащить лишь тогда, когда основная масса людей, уже мертвых и еще живых, была уже поднята наверх. Какой-то мальчик хлопал ее по щекам, чтобы она не теряла сознания. Кто-то передал ему минеральную воду, он брызгал ей в лицо и давал немного пить, чтобы не потеряла сознание. Сами понимаете, что значит после всего этого остаться в живых.

И все же я считаю, что виновные — есть. Виноваты не дождь и не стихия, нет! Я спрашивала у Ольги: как они могли оказаться в той ситуации, ведь я их всегда учила быть осторожными, никогда не садиться в чужую машину, вообще быть осторожными во всем и везде. Я никогда не боялась, что с Ириной может что-то случиться, тем более что она была физически сильной, рослой, крепкой девочкой. И Оля мне ответила, что когда они глянули на эту тучу, — она была большой, черной и страшной, — то решили, что она на всю ночь, хотя дождь только начинался. Зонтиков у них с собой не было, и девочки решили поехать домой, а добираться

к нам лучше всего на метро. Они пошли в переход, практически уже спустились вниз… Вы представляете себе, что такое толпа?

Вот снимок в газете: Ирина в грузовике, в беленькой кофточке, когда первых погибших клали отвозить в морг. Вот на снимке видно: у нее головка привязана к руке. Когда мы приехали в морг, именно в таком положении мы ее и нашли. Врачи сделали это из-за того, что у нее был переломан шейный позвонок — голова моталась из стороны в сторону. Оля увидела сестру сразу, уже мертвой, на Немиге, но когда вернулась домой, ничего нам не сказала, а сказала лишь через три недели. Она говорила, что видела Ирину, хотела подойти, сказать: «Это моя сестра». Но ее не пропустили. Оля сказала: «Марину — не видела, а Ирину видела уже мертвой». Я спросила: «Почему ты ничего не сказала мне? Мы всю ночь искали, а ты знала и молчала?». На что она ответила: «Я поняла твое состояние, когда ты увидела меня. Если бы я сказала об Ирине, ты умерла бы на месте…». Может быть, она и права…

У Ольги был перелом руки и сильнейший нервный срыв из-за того, что она там видела, из-за сестры…

Марина тоже сразу погибла…

У меня не было предчувствия беды. А у детей? Я спрашивала у Ириной подруги Лены: не рассказывала ли Ирина ей что-нибудь? Оказывается, Лене она говорила: «Мне последнее время снятся страшные сны, и мне очень страшно».

Может, у Иры и в самом деле было какое-то предчувствие. Последнее время она часто ссылалась на то, что ей много задают, и не хотела мне помогать. Я ей говорила: «Подожди, выйдешь замуж, родишь деток, будешь меня просить, чтоб помогала тебе их растить». А она отвечала: «Ты не увидишь моих детей». Я сердилась: «Ирина, почему ты так говоришь?». А она повторила: «Ты не увидишь моих

детей». Так она мне в последнее время говорила раза два-три. Сейчас, когда я прокручиваю в голове всю ее жизнь, думаю: неужели она и вправду что-то чувствовала?.. Все время задаю себе этот вопрос: почему она так говорила, действительно что-то предчувствовала?

Первое время я ждала Иру из техникума. Казалось, что она вот-вот придет, уже идет... Если бы мне кто-то сказал, что я буду жить, а моего ребенка не станет, я бы никому никогда не поверила...

ИНЬКОВА Мария

Рассказывают мать Нина Степановна, отец Михаил Михайлович Иньковы и сестра Анна

Мать:

— Мы с Мишей привезли Машеньку из роддома и недели две никак не могли назвать нашего ребенка. Гости приходили, спрашивали: как назвали дочку? А мы отвечали: «Девочка». Думали, все думали, а Миша пошел и записал: Мария. В честь Девы Марии. Да и красиво это имя звучит с отчеством: Мария Михайловна. Маша у нас была очень интересная и смешная девочка — толстушечка такая. Очень похожа на Мишу в детстве.

А когда подросла, стала моей копией! Маша сделала свои первые шаги в одиннадцать месяцев, и я на следующий день уже повела ее в детский сад. Она была очень общительной девочкой, ее все любили. Любили и в садике, и в школе.

В 1986 году мы поехали в гости к бабушке на Полесье. Машеньке тогда было около двух лет. Поехали я, старшая дочь Аннушка и Машенька. Как раз на Пасху. Бабушка жила в деревне возле Турова, в четырех километрах от Припяти.

Помню, тогда пошел дождь, и я сказала, что надо идти, забирать с улицы детей. А бабушка говорит: «Не надо, дождик будет небольшой, покапает и перестанет». Машенька с Аннушкой так и ковырялись в песочке и не прятались от дождя. А в это время Миша пытался дозвониться из Минска, чтобы сказать про аварию на Чернобыльской АЭС. Про нее в деревне никто ничего не знал.

Все рейсовые автобусы были сняты, и выбираться из деревни нам пришлось долго. Когда приехали в Минск, повели проверить детей в центр, который находится на улице Семашко. Самая большая доза облучения была у Машеньки. Мы жили тогда бедно, очень бедно. Миша учился, я сразу после декретного вышла на работу, но того, что я зарабатывала, хватало лишь на самое необходимое. Мы одолжили денег и поехали к сестре в Узбекистан на оздоровление. Вывезли детей, чтобы хоть немного избавить их от радиации. И затем старались вывозить детей в чистые от радиации зоны, лишь бы немного оздоровить их. Отправляли детей и в Узбекистан, и в Болгарию. Маша ездила в Испанию.

Обычно родители помогают детям делать уроки, но Маша была самостоятельная девочка и все делала сама. И дома все успевала сделать. Когда я уезжала, отец с Аней доверяли Маше деньги, она готовила им еду. Она успевала и уроки делать, и гулять с собакой, и ходить к подружкам, играть в футбол, — успевала все.

Маша очень любила животных. У нас жили хомячок и собака. Пуделя Глера мы подарили Ане на Новый год в 1992 году. Маша просила в подарок от Деда

Мороза большую куклу Андрюшу, а Аня — щенка. Мы купили и куклу, и щенка. В двенадцать часов ночи соседка позвонила в дверь и оставила на лестничной площадке мешок с подарками от Деда Мороза. Отец принес в квартиру мешок, поставил перед елкой и достает первый подарок — огромную коробку с куклой. Аня смотрит, а на коробке написано: «Машеньке». Маша закричала: «Ура, мне!». И пошла открывать коробку. Шла и говорила: «Я это просила». Радовалась, прыгала чуть не до потолка. Анина коробка со щенком была маленькая. Дочка берет, спрашивает: «А почему мне такая маленькая?». А Маша говорит: «А почему в ней дырочки?». А щенок вылез из коробки и принялся бегать не за Аней, а за Машей. Маленьким он никого не признавал, кроме Маши, и спал только с Машей. В тот Новый 1992 год у Машеньки было сразу два подарка. Машенька говорила: «Как же мне повезло! Хоть Глер и не мой подарок, но он все равно за мной ходит». Приходила Маша из школы, брала Глера и шла с ним гулять. Они вместе гоняли в футбол. Мне дети рассказывали: Маша стоит на воротах — и Глер вместе с ней, Маша защитник — и Глер тоже, никуда не отбегал.

Подруги и одноклассники очень любили Машу. Они до сих пор приходят к ней на кладбище и приносят цветы, пишут Маше стихи. Один мальчик пишет стихи и оставляет на могиле. Мы приходим, а там стихи лежат. Мы их забирали домой, не зная, кто их пишет. А мальчик не знал, куда стихи пропадают, думал, их ветер уносит. Теперь мы знаем, кто оставлял стихи на могиле...

Машенька была очень доброй. Маленькие дети из нашего подъезда вспоминают ее и говорят: «Маша покупала нам булочки, сок, мороженое». Я Маше давала немного денег, на мелкие расходы. Маша целый год водила в школу двух девочек-первоклашек из нашего подъезда — брала за руки и вела...

К Маше хорошо относились в Испании. Испанские девочки Сильвия и Кристина, у которых Маша жила, подружились с ней. Их двоюродный брат Алекс полюбил ее. Алекс до сих пор никак не может смириться с мыслью, что Маши больше нет...

На Новый 1999 год Алекс обещал приехать к нам в гости. Маша все говорила: «Мама, вот приедет Алекс и увидит, как мы бедно живем, и нам будет стыдно». Но Алекс не приехал. Маша места себе не находила, но нам ничего не говорила. Мы спрашивали у нее: «Почему не приехал Алекс?». Маша не отвечала, а только отшучивалась.

Сестра:

— И только после Машиной смерти мы узнали, что Алекс попал в автокатастрофу и получил травму. Маша говорила, что Алекс ее первая и, так получилось, последняя любовь...

Отец:

— Алекс играл в футбол, и это увлечение передалось Маше. Мальчишки приняли ее в свою футбольную команду.

Мать:

— А один раз Маша пришла домой с разбитым носом. Мы у нее и спрашиваем: «Маша, что случилось?». А она говорит: «Зато гола нет».

Маша могла дружить как с ребятами, так и с девчонками. Пожалуй, с ребятами она дружила больше. У Маши вообще было очень много друзей. Она никого и никогда не забывала, всем писала письма. Алекс часто звонил Маше. А перед трагедией (он как будто чувствовал) они разговаривали едва ли не каждый день. Они с Алексом общались на английском (Маша хорошо его знала) и немного на испанском. Алекс купил карманный компьютерный

переводчик с русского, специально, чтобы разговаривать с Машей.

Сестра:

— И самое интересное, что Маша находила общий язык и с маленькими детьми, и со взрослыми. Она могла играть с семилетней двоюродной сестрой Катей как с равной. И в то же время Маша могла говорить взрослые вещи (это отмечали все мои друзья). Они говорили, что Маша развита не по годам. Ведь девочки в пятнадцать лет еще очень наивные и глупые, совсем дети, а Маша всегда знала, как поступить в той или иной ситуации. Пообщавшись с ней, нельзя было сказать, что ей столько лет. Маша абсолютно свободно общалась с моими друзьями. Когда мы с друзьями куда-нибудь ходили гулять, то брали с собой и Машу. Мы не чувствовали разницы в возрасте, не чувствовали того, что нам по двадцать лет, а Маше пятнадцать.

В последнее время Маша часто приходила ко мне в Белорусскую академию искусства. Подружилась с ребятами, с которыми я учусь. Ребята говорили мне: «Возьми с собой Машу. Веселее будет».

Маша у нас всегда ремонтировала домашнюю технику: телефон, телевизор, «видик». Никто из нас этого не умел, кроме Маши. А она садилась и все делала сама.

Отец:

— Художественные способности у Маши стали проявляться еще с малых лет. Наша старшая дочь училась в художественном училище и параллельно пошла на курсы, где занимаются кожей. Аня сидела и делала что-то, а Машенька просто бегала вокруг и наблюдала за сестрой. А потом и сама начала делать. Аня объясняла Маше, и она делала все один к одному и даже лучше Ани. У нас есть кожаная

сумочка, которую сделала Маша. Я не заставлял Машу учиться, знал, что если начнешь заставлять ребенка, то у него тут же пропадает интерес к занятиям.

Решив поступать в художественное училище, она начала готовиться. Через месяц ежедневных занятий у нее рисунок был такой, будто она занималась им годы. По скульптуре я вообще за нее не волновался, хотя она успела вылепить только несколько розеток и человеческие губы. Они сейчас висят у меня в мастерской. Чувство объема у нее было очень хорошо развито. А самое главное, у нее великолепно были развиты композиционные задатки. Ей оставался буквально месяц до поступления в художественное училище.

Когда Аня делала композицию, то Маша постоянно подсказывала ей. Аня немного и злилась, но почти всегда делала так, как говорила Маша. И саму скульптуру, ее пластику Маша тоже очень хорошо чувствовала. Она делала коллажи, разнообразные изделия из кожи, обделывала кожей различные бутылочки, а потом дарила их. Где-то лет в десять она вылепила керамического поросеночка, очень смешного. Я лепил тогда обыкновенного поросенка, а Маша параллельно со мной вылепила смешного. Я иногда приносил глину домой и работал с ней, и Маша делала очень смешные и красивые вещи.

В последнее время Маша стала интересоваться компьютерами, она хотела заняться компьютерной графикой. Просила купить ей компьютер, говорила, что ей очень интересно заниматься с ним. Начала заниматься дизайнерскими разработками на компьютере.

Дочь как будто чувствовала свою смерть. Накануне она собрала все свои фотографии и сделала свой альбом. Такое впечатление, что она как будто готовилась к смерти и хотела оставить о себе память.

Сестра:

— Я, помню, в детстве говорила Маше: «Я умру первая и буду приходить ночью и пугать тебя». А Маша отвечала: «Кто кого еще будет пугать».

Маша взяла у подруги книгу о привидениях. Она предлагала мне почитать ее, но я отказалась: «Не буду я читать перед сном такие книжки!». А Маша запросто читала ее перед сном. Она была очень смелая. Когда мне было страшно, я говорила: «Маша, пошли со мной спать». И я всегда спала около стенки, а Маша с краю.

Когда я была помладше, то мне все время снились сны, и все какие-то страшные. Снилась пропасть, в которую падает Маша, и я в последний момент за руку или за ногу хватаю ее и спасаю. Во сне я ощущала жуткий страх оттого, что Маша может умереть. Я просыпалась, вздрагивала и думала: слава Богу, что это только сон. Часто снились такие сны, что я спасаю Машу, но никогда не снилось, чтобы упала и умерла...

Я сейчас очень боюсь ложиться спать в темноте. У меня такое ощущение, что я нахожусь в замкнутом пространстве. Я сплю с включенным светильником. И однажды мне приснился сон. Я заснула, а мне кажется, что это все происходит на самом деле. Я встала, сходила на кухню, а когда вернулась, то увидела, что светильник как будто смят прессом. И на стене висит записка: «Аня, мне твой свет уже надоел, я из-за него не могу к тебе прийти». Я в ответ пишу свою записку и приклеиваю ее на стенку. Пишу: «Маша, ты ко мне будешь еще приходить?». И стала очень просить Машу: «Приди ко мне, пожалуйста, приди». И тут Маша появляется и говорит: «Я к тебе буду приходить, и мы будем с тобой общаться, но свет твоего светильника меня пугает». Мне снятся сны, но получается, что это не сны, а какая-то виртуальная реальность. Однажды я проснулась и пошла. Все,

что было потом, — реальность. Я вижу, что на диване лежит Маша. Я посмотрела на Машу и подумала, что все то (смерть Маши, похороны) — лишь страшный сон, и пошла дальше спать. Утром, когда я проснулась, до меня дошло, что я видела ночью. И теперь я не могу понять, что это было. Галлюцинация или еще что-то? Я видела Машу, и мне показалось, что ее смерть — это лишь сон, а то, что Маша привиделась мне на диване — это реальность.

Последнее время у нас с Машей не было достаточно времени для разговоров, я училась и возвращалась домой вечером. Маша вообще отгородилась от всех, почему-то «ушла в себя». Может, чувствовала свою смерть? Не знаю...

Отец:

— В последнее время у меня постоянно были мысли о том, что что-то произойдет. Что с Машей может что-то случиться, но я отгонял от себя эти предчувствия. И однажды я поймал себя на мысли, что надо Машу «полепить», потому что... мало ли что может произойти.

Меня с 1964 года преследует один и тот же сон. Высокие деревья, костел, темно и... освещенная могила, вся усыпанная цветами. И душа парит между деревьями...

Я еще думал: почему католический костел, ведь я — православный? Неужели мне суждено умереть где-то в Латинской Америке? А получилось так, что Машу похоронили на католическом кладбище, на Кальварии, возле костела.

Когда вечером мы пришли на могилу к Маше, я вспомнил этот сон. Он был один к одному с реальностью. Все, что было во сне, было наяву. Эти цветы на могиле дочери, эти огромные деревья, костел, свет, освещающий это все. Душа Маши постоянно общается с нами во сне, предупреждает нас

о плохом и хорошем. Не только нас, но и друзей, и подруг...

Мать:

— И вот один из снов. Мы как будто хороним Машу, и я говорю: «Почему мы должны ее второй раз хоронить?». И я ушла за цветами. Вернулась с букетом ярких, красивых цветов. А Маша поднялась из гроба, стоит в свадебном платье, в котором ее хоронили, и говорит: «Мама, я не мертвая. Меня не надо хоронить. Я живая». Я видела, что с одной стороны стоял Миша, а с другой — ее крестный, а Маша все повторяла: «Я не мертвая. Я живая».

Маша спрашивала у меня: «Мама, а когда мне исполнится 16 лет, ты разрешишь мне пригласить много друзей на мой день рождения?». Я ответила: «Да, Маша, разрешу». И теперь, когда Маша погибла, на ее день рождения у нас было много людей. Не было только Машеньки. А священник нам говорил, что нельзя ничего носить на кладбище, кроме свечей и цветов. И тогда, на Машин день рождения (18 октября), мы ничего не носили на кладбище: ни тортика, ни конфет. И после своего дня рождения Маша мне снится. Снится, что Маша жива, и я очень радостная хожу и всем говорю: «Это моя доченька, моя доченька». А потом я спрашиваю: «Маша, а тебе нравится, как у тебя на могилке?». А Маша отвечает: «Нравится, очень нравится». И тут я вижу, что рядом стоит и Настя Савко. Я и спрашиваю у Маши и Насти: «А почему вы здесь?». Маша мне говорит: «Нас на время отпустили». А потом мы пошли по кладбищу. Мы идем, и я вижу, что возле выкопанной ямы стоит женщина. Маша говорит: «Это яма этой тети, а там дальше выкопана яма для дяди». (Я тогда не знала, что наутро будут хоронить там мужчину и женщину). Мы пошли дальше. А потом к Маше подбежала девочка и заплела Маше

косички. Маша мне и говорит: «Завяжите мне бантики». Я завязала — красные, белые, и мы пошли дальше. Маша мне вдруг говорит: «Мама, я так хочу тортика». Я побежала в магазин. А в магазине тортики тоненькие, с прослоечками. А Маша говорит мне: «Мне надо один большой торт и как можно толще». Я говорю: «Машенька, зачем тебе такой торт? Я лучше куплю тебе два тоненьких тортика, они ведь вкусные». А Маша отвечает: «Мама, я там не одна. Нас много»...

30 мая мы на Троицу купили торт. Дома были бабушка, Аннушка, я и Миша. Маша мясо не любила, а всякие фрукты, пирожные, торты, булочки обожала. Мы съели чуть меньше половины, а большую часть оставили Маше. Миша и Аня хотели отрезать еще по кусочку, но я им сказала: «Нет, не режьте, это Маше»...

А потом мы этот торт отнесли Маше... на кладбище.

Маша всегда носила крестик, который ей подарила крестная. С ним она и приняла мученическую смерть. Хотя перед самой гибелью Маша говорила мне: «Мама, мы, как твоя бабушка, будем долгожителями. Мы с тобою жить будем долго, долго». Еще Маша говорила: «Мама, мы с тобой никогда не умрем. Я же вся в тебя. И даже наши с тобой голоса все путают».

Маша была хорошая девочка, но Бог нам ее не оставил...

P. S.

Сразу после трагедии в метро было официально заявлено, что будет сделано все, чтобы помочь людям, потерявшим детей и близких. В последующие дни средства массовой информации давали репортажи

о «всех мероприятиях, связанных с ликвидацией последствий трагедии». Телевидение показывало безукоризненно действовавших врачей и сотрудников милиции, членов государственной комиссии, посещающих больницы. Только можно ли «ликвидировать последствия трагедии»? Последствия — останутся... Те, кто был на Немиге, никогда того не забудут. Не забудут их родные и близкие. Никто не вернет родителям детей, их горе — безутешно. Казалось бы, всем остальным остается одно: постараться всеми силами облегчить их горе или, по крайней мере, не усугублять его... Если бы так! За рамками официальной хроники остались цинизм, бессердечие и жестокость людей, с которыми в первые минуты после трагедии довелось столкнуться родственникам погибших.

Если ли смысл говорить об этом, чтобы знали все? Есть! Ведь все, что случилось, касается всех нас. А то, о чем рассказывают родственники погибших, отражает мораль современного белорусского общества.

В первые же минуты обезумевшие от горя люди столкнулись с ужасными проблемами, созданными на этот раз уж точно не стихией, а бездушными людьми, которые даже по долгу своей службы обязаны были помогать.

Вот фрагменты разговора, который состоялся на минском Кальварийском кладбище 15 июня 1999 года у могил двух погибших девушек — пятнадцатилетней Маши Иньковой и семнадцатилетней Насти Савко.

Нина Инькова:

— Приехали мы в морг забирать Машеньку. Нам выдали все справки. Я спрашиваю: «Можно, мы помоем свою девочку?». Сказали: «Нет, мы сами моем». Я говорю: «Мы сами хотим помыть свою девочку».

Они говорят: «Что вы, женщина, спорите!». Тут вмешался в спор мужчина — то ли прокурор он был, то ли кто, там их много было, они сидели в коридоре. Много милиции. Никого не пускали. Нас пустили, потому что мы ехали забирать, они видели гроб. Так вот, этот мужчина говорит: «Вы подождите, я пойду спрошу, разрешат вам или нет». Потом приходит и говорит: «Нет, сказали, сами будут мыть, и больше никто». Тут у меня на душе началось такое... Я сказала: «Я вам тут все разнесу, но никому не дам мыть свое дитя». В конце концов сказали: «Ладно, пусть идут и моют». Нам разрешили — Алене и мне. Но мы еще попросили: «Пропустите папу, пусть и папа присутствует, не только мама и тетя». Нас пустили втроем.

Алена Чеботкова
(тетя Маши Иньковой, сестра отца):

— Даже женщина из райисполкома успокаивала меня. Я говорю: «Пожалуйста, попросите их, чтобы мы сами помыли». Сначала просили по-хорошему. Они говорят: «Вы не понимаете, это морг, здесь тоже определенные правила существуют. Не лезьте, не паникуйте. Что вы так паникуете!». Это женщина из горисполкома говорила, которая приставлена к нам была. К каждой семье был приставлен человек из райисполкома. Она, когда увидела у нас гроб красивый (мы не рассчитывали, что нам кто-то выдаст гробы), сказала: «Зачем вы купили такой гроб дорогой!?». Я говорю: «Спасибо, ваши гробы за 5 миллионов, которые разваливаются, нам не нужны!». А она мне: «Что вы, женщина, паникуете! Вы все время паникуете!». Потом мы зашли в морг. Это не морг, это свалка, это что-то ужасное. Возможно, поэтому они не хотели нас пускать. Они абсолютно никого не мыли — просто обтирали грязными тряпками лицо, руки и ноги, где видно.

Нина Инькова:

— А потом, когда мы мыли, они нам еще говорили: «Давайте мы сами помоем!». Но мы им не разрешали. Мы сами помыли Машеньку. Обцеловали, помыли — все по-человечески сделали. У них нет ничего, ни расчески, ни чистой тряпки. А потом, когда одели, то попросили: «Дайте чем-нибудь эти синячки подмазать или наколоть формалином, чтобы Машенька наша полежала еще сутки хотя бы». Они сказали, что это не входит в их обязанности. Потом уже зашел мужчина какой-то и сказал: «Что вам надо?». Принес крем маскировочный. Потом одели Машеньку, привезли домой. Женщина из райисполкома сопровождала нас везде.

Выбирать место на кладбище мы ходили вместе с мамой Насти Савко, Аней. Администраторша, Кимпель Надежда Васильевна, говорит: «Пойдемте, я покажу места!». А я спрашиваю: «Вот аллея, почему бы всех не положить здесь?». Она отвечает, что здесь никого не хоронят и не будут хоронить, потому что здесь корни от деревьев.

Михаил Иньков:

— Она просто мимо проходила и говорила: «Нет, здесь мы не хороним. Пойдемте, я вам покажу». Проходим вдоль по аллее. Тут Нина сразу: «Я не положу своего ребенка в яму! Я не положу своего ребенка в яму!».

Нина Инькова:

— Я была в таком состоянии, что не соображала, но я не хотела, чтобы мой ребенок лежал в яме. Я плакала и просила ее: «Я не хочу туда вниз!». Она стала на меня кричать: «Что вы, женщина, кричите? Свои истерики дома оставьте!». Мне, конечно, очень больно было это слышать, было не до того, чтобы

ругаться, спорить с ней. Я дальше не пошла. А мама Насти, Аня, пошла с ней места смотреть. И Настенька в гробу, и моя Машенька в гробу, а к нам такое нечеловеческое отношение!

Я с Аней тут, на кладбище, познакомилась. Я спросила: «А у вас — кто?». Она говорит: «Девочка! 17 лет». Я говорю: «Женщинка, миленькая, идите за нами, мы вместе детей положим». Я не хотела, чтобы Маша была одна. Я говорю: «Да они же будут подружками, они же тут никого не знают!». Я еще подумала, может, ей, этой администраторше, что-то нужно дать, чтобы она нам отвела хорошее место? Она нас водила-водила, потом говорит: «Все, вы ходите по этому кладбищу хоть до вечера, а я поехала на Дворище!». Я говорю: «Что? Я буду ходить по этому кладбищу? Я пойду к Лукашенко, приведу, и пусть он сам покажет, где мне ребенка хоронить!». Мы долго доказывали, что тут корней нет. Она не стала с нами разговаривать, сказала: «Психические!». И ушла. Миша говорит: «Раз так, то мы привозим сюда наших детей, придут все девятые классы, телевидение. Станем тут, будем стоять сутки, двое, сколько надо, пока нам тут могилу не выкопают». Она начала нам говорить: «У вас такое горе, а вы спорите!». Но мы пошли к начальнику звонить. Она не хотела звонить, мы ее заставили. Она позвонила начальнику КБО, сказала, что тут ходят такие: «Я им многие места показала, а они не хотят хоронить». Начальник выслушал, а потом сказал ей: «Хорони там, где они говорят». Тогда она говорит начальнику: «Вот мы похороним их, а что другие скажут?!».

Михаил Иньков:

— А потом вдруг выясняется, что она могилу нашего дитенка приказала выкопать на 50 сантиметров ближе к чужой оградке, чем положено. Это

противоречит нормам. Я говорю: «Вы что, издеваетесь над моим ребенком? Где ее ноги будут? За оградой!». Она говорит: «Ничего страшного, возьмите холмик в ногах обрежьте и впереди насыпьте. И поставите оградку!». — «Так что получается: ножки будут за оградкой?» А она: «Подумаешь, ничего страшного! Там не видно, будут ноги за оградкой или в оградке». Я говорю: «Этого не будет!». Она: «Тогда яму выкопай и перехорони». Так уже над нашими детьми поиздевались! Мало того, что их задушили, так еще «возьми и выкопай». И еще она сказала, что никогда ни перед кем не извинялась и извиняться не будет. Мы, конечно, были очень расстроены.

Нина Инькова:

— Пропадают цветы с могилы, венки в переходе на Немиге. Это такое кощунство. Это варварство. Хотя стоят в переходе милиционеры, охраняют. А как что-нибудь начинаешь поправлять, они тут же бегут и смотрят: а не подложила ли ты бомбу туда. Я говорю: «Лучше бы смотрели, что у вас тут творится». Это жуть! Люди просто не знают, что творится у нас. Пусть узнают. Я уже ничего не теряю. Я уже потеряла. Что они мне сделают?

Михаил Иньков:

— Нельзя этот переход сохранять функционально, чтобы там ходили. Там же столько людей погибло. Я настаиваю, чтобы переход сохранили как мемориальную часть. Обязательно. Потому что все равно там будут класть цветы, ставить свечки. Надо его обязательно отсечь, перекрыть, чтобы это была мемориальная зона. Пусть роют новый вход. Хатынь сожгли, а потом на месте каждой хаты поставили знак.

Надо поставить храм На Крови. Это можно сделать...

Янцова Лена

Рассказывает мать Ольга Петровна Янцова

— Сложно говорить о своем ребенке, тем более тогда, когда его уже нет. Мы растворяемся ■ своих детях, живем их жизнью, а когда теряем — жизнь становится пустой и бессмысленной.

В детстве Ленка болела часто — бронхитами, простудами. Это было до трех лет. Потом ей удалили аденоиды, и стало получше. Она окрепла и болеть перестала. Видимо, сказалось и то, что летом, когда ей было около трех лет, мы отдыхали около Ташкента, в Чимкенте, она хорошо прогрелась, и со здоровьем стало значительно лучше. Ленка очень любила тепло. Говорила: «Мама, я так люблю тепло. Наверное, буду жить в Африке». Всегда меня пугала: «Мама, а если я выйду замуж за негра?». Я говорю: «Мне вообще-то это не очень нравится — будет у нас на кухне ходить». Она смеялась: «Мама, ты расистка». Я говорю: «Я не расистка. Надо, чтобы прежде всего человек был хороший». Смеялись над этим.

Ленка с детства была находчивой, даже рациональной. Помню, лежали в больнице, а там детям игрушки дают. Она наблюдала за всеми, выбирала себе игрушку, а если с ней уже кто-то играл, отвлекала внимание другого ребенка от нее, чтобы самой играть именно с той, которая ей нравится.

Была у нее в детстве и какая-то шкодливость. Помню, в саду она как-то мальчику жвачку в волосы втерла. Пришлось мальчика наголо побрить, а мне перед его родителями извиняться, а она — ни в какую, не признает своей вины. Спрашиваю: «Зачем ты это

сделала?» — «Просто, — говорит, — втерла, и все.» Потом мы как-то с ней в автобусе ехали, я была в шубе, и она мне тоже жвачку в шубу втерла. Пришлось из шубы сделать полушубок. А как-то воротник моего пальто постригла. Говорит: «Вот вы меня стрижете, чтобы волосики росли, и я постригла — теперь будет гуще и красивее».

У нее было особенно трогательное отношение к животным и ко всему живому. Увидит на кухне муху, говорит: «Мама, только не трогай ее, открой форточку — пусть летит». В ванной паучок: «Мама, ты там осторожней». Просто поразительно, как много жалости у нее было ко всему живому. Когда смотрела фильм «Белый Бим Черное ухо», вся слезами заливалась. Отец потом ругался на меня: «Выключи телевизор! Видишь, что с дочкой?». А она и после фильма плакала, плакала и плакала. Долго не могла успокоиться, очень чувствительной была.

Что касается учебы, то ей всегда все легко давалось. Не было такого, чтобы ей пришлось что-то зубрить, долго учить. Когда она занималась, у нее могли быть включены телевизор, магнитофон, и это ей не мешало. Я спрашивала: «Ленка, как ты можешь заниматься в таких условиях?». Она отвечала: «Мама, мне хорошо». Вообще, кроме стихов, она ничего не учила — все схватывала легко и быстро. Очень много читала. Особенно много специальной литературы, любила энциклопедии, из которых получала более глубокие знания по интересовавшим ее предметам. Читала романы, фантастику — о НЛО, иных мирах, это очень будило ее воображение. Очень любила разгадывать кроссворды и обижалась, когда мы, взрослые, опережали ее.

Ленка занималась музыкой, играла на фортепиано. Сначала большого желания заниматься не было, как и у всех детей. Говорила: «Не хочу, не буду», — а потом постепенно увлеклась. Большим толчком

для нее стал один случай. Мой муж был в Норвегии, познакомился с коллегами, а когда они приехали в Минск, зашли к нам в гости. Попросили Ленку сыграть что-нибудь. Она сыграла пьесу Бетховена «К Элизе» — очень хорошо прозвучало, красиво, вдохновенно. Когда один из норвежских гостей, галантный мужчина, директор колледжа, подошел к ней и поцеловал руку, ее это очень растрогало и поразило. Потом она мне сказала: «Мама, мне так хочется больше заниматься музыкой и чтобы мои способности оценили». Ей нравилось внимание, нравилось, когда ее оценивали по достоинству. Она стала заниматься гитарой, хорошо пела. Брала гитару, садилась спиной к окну и пела... Любила Цоя, особенно «Это все, что возьму я с собой. Это все, что останется после меня».

Теперь она всю радость забрала с собой. Все счастливое ушло вместе с ней. Все было связано с ней: наши надежды на ее будущее, выбор спутника жизни, наши неродившиеся внуки...

Ленка у нас была семейным репортером. Ей было лет пять, когда папа подарил ей игрушку — диктофон с настоящим микрофоном. Она любила с этим диктофоном ходить и у детей интервью брать. Это увлечение сохранилось. Работаем на даче, а она говорит: «Мама, скучно просто так работать. Давай я у тебя буду интервью брать». Мы с ней пропалываем, а она комментирует: «Мы сегодня в гостях у Ольги Петровны Янцовой на ее дачном участке. Мы хотели бы познакомиться с вашими достижениями в выращивании чего-либо. Какие у вас достижения?». Я говорю: «Ну какие там достижения? Это не выросло, это заросло, это еще не взошло». С ней было всегда очень интересно. Она не могла молча работать — все щебетала. Муж всегда ее называл «наша щебетушка». Сейчас стало тихо и тоскливо. Раньше заходишь домой, она бежит навстречу: «Что

купила, покажи. Что-нибудь вкусненькое?». Когда она приходила, а мы были дома, она говорила: «Почему не играют фанфары в мою честь? Может, мне тут не рады, может, мне уйти?».

Очень трепетно к дружбе относилась. Ленка отдавалась дружбе вся. С детства она хотела дружить, и ее страшно обижало, когда ей казалось, что ее кто-то кому-то предпочел. Наверно, она и не нашла такого отклика в других. Девочки не понимали ее тягу отдавать себя всю дружбе. Очень переживала, когда мы поменяли квартиру и переехали. Квартира была без телефона, и она потеряла всех своих подруг. Я уже как-то потом нашла ее дневник и прочитала, как она плакала, что уехала от своих девчонок, как бегала к телефону им звонить. Я теперь думаю, что зря мы так поступили, но кто же знал... Там у нее были подружки, они учились в одном классе много лет, а тут... Она очень болезненно переживала этот переезд, чувствовала себя одинокой, душа ее страдала.

Ленка очень привязывалась к людям. У нас жила некоторое время, с неделю, родственница — пожилая женщина. Когда ей надо было уезжать, Ленка стала плакать. Я спрашиваю: «Ты чего?». А она: «Мама, я же к ней привыкла, мне жалко расставаться». Мы в прошлом году в августе были на базе отдыха и там познакомились и подружились с семьей, в которой был мальчик Андрей. Они хорошо общались, за грибами ходили. После того как мы уехали, смотрю — у нее слезы капают. Спрашиваю, что случилось. Она говорит: «Мама, мне так было там хорошо. Мне не хватает Андрея, его родителей. Так расставаться не хотелось, я уже к ним привыкла».

Когда ей было одиннадцать лет, мы поехали к моей сестре в Германию. Ленку интересовало очень многое в этой стране, она задавала достаточно интересные вопросы о государственном устройстве, деньгах

и многом другом. Мы тогда много поездили, посмотрели, а когда возвращались, она плакала. Прежде всего, она уже успела привязаться к людям, но ее волновало и то, что мы значительно хуже живем. Она все спрашивала: «Мама, почему мы так плохо живем? Мы же не хуже. Почему мы так не можем?». Я пыталась ей что-то объяснять, но она сама нашла объяснение тому, почему мы так плохо живем. Она хотела многое перестроить, многое сделать, чтобы изменить жизнь к лучшему. Мы ее воспитывали для лучшей жизни. Может быть, это и непатриотично, но мы говорили ей, что этот мир мы не переделаем, а ты должна жить среди нормальных людей, поэтому я хочу дать тебе нормальное воспитание, образование, внушить общечеловеческие ценности — такие, какие нужны везде, в каждой стране.

Не могу сказать, что характер у нее целиком сформировался. Она во многом сомневалась, в том числе и в выборе профессии. У нее сначала было желание стать адвокатом, чтобы защищать людей от несправедливости, но потом я узнала, что она серьезно думала стать ветеринарным врачом. У ее подруги Маши Ромашка отец — ветеринарный врач, и они вели разговоры об этом. Я воспринимала как шутку, когда она говорила, что хочет животных лечить, но оказалось, что это были серьезные планы. Я всегда стремилась воспитать из нее культурного человека. Ведь для этого не обязательно заканчивать институт. Иметь специальность, конечно, важно, но этого недостаточно. Наукой заниматься она не хотела, относилась к ней с иронией. Она видела на примере папы, что его знания, его опыт, который он приобрел в других странах, не нашел применения у нас, видела, что у нас это бесперспективно.

Возможно, сейчас мы своих детей идеализируем. Может быть, со временем она пропиталась бы нигилизмом, махнула на все рукой, стала как все,

но скорее всего — нет. Потому что она никогда не была равнодушной. В своей жизни она мало успела сделать, но осталась в памяти тех, кто ее знал, очень светлой и чистой. Всем ее способностям не суждено было развиться. Наше общество ничего еще не успело получить от нее, как и от других деток, хороших и талантливых, которые погибли там, на Немиге.

Ленка была бескомпромиссным человеком. Могла всегда выступить остро, за кого-то заступиться в школе, даже навлекая на себя неприятности. Когда она пошла в школу в первый класс, поначалу даже были проблемы, но там была чудный педагог, которая смогла найти к ней подход. Лена походила в школу, и через некоторое время учительница проводит опрос: что вам понравилось в школе и что не понравилось? Спустя какое-то время приглашает меня в школу и говорит, что на вопрос о том, что понравилось, Лена ответила: очень много цветов, гимнастическая стенка, а что не понравилось — учительница. Я забеспокоилась, что у Ленки могут быть неприятности из-за этого, но педагог поняла ее, и Ленка стала у нее лучшей ученицей. Конечно, для этого надо быть достаточно храброй девочкой. Если в школе учитель занижал отметку кому-то, переходил на личности, Ленка это пресекала, вступалась, могла сказать: «Вы к ней несправедливо относитесь».

У нее было особое отношение к белорусскому языку. Я сама не из Беларуси, но решила для себя, что поскольку живу в этой стране, то должна знать язык этого народа. Ленка тоже считала, что она должна знать свой родной язык. Она ощущала себя только белорускої. Она даже предложила говорить на белорусском языке дома, в семье. Любила находить красивые слова: ей очень нравилось слово «вачаняты». Она говорила: «Мама, послушай, как

это звучит красиво, ласково, певуче». Иногда скажет: «Гэта так непрыгожа». У нас была в доме такая расхожая фраза: «прыгожа — непрыгожа». Хотя я думаю, что Ленка могла быть гражданином Мира. У нее была тяга к языкам, и ей они легко давались. Немного пробыли в Германии — она уже много слов знала, легко схватывала. Память у нее была в основном слуховая: она могла услышать и сразу же повторить какую-то фразу на иностранном языке.

Взрослые часто бывают погружены в себя, ■ свои проблемы, которые на данный момент кажутся важными. Иногда идем с ней, она что-то говорит, а я думаю о чем-то своем. Ленка останавливалась: «Мама, но ты же меня не слушаешь. Вот повтори, что я сказала». Иногда повторю, а иногда — нет. «Вот видишь, мама, ты меня не слушала.» Теперь, конечно, было бы все иначе, только вернуть уже ничего невозможно.

У нее был большой неподдельный интерес к людям. Она говорила: «Мама, мне так интересно общаться». С соседями обычно: «здрасте — здрасте», а она обязательно спросит: «А как вы себя чувствуете? У вас нога болела, а как сейчас?». Я говорила ей: «Лена, это странно для девочки пятнадцати лет. В твоем возрасте другие интересы — мальчишки, наряды, дискотеки, а ты о старческих болезнях расспрашиваешь». Может, это мы очерствели душой, а она воспринимала чью-то боль, ей было интересна чужая судьба. То же самое и с детьми: за ручку поводит, расспросит обо всем. Как-то она ходила в детский сад на практику, а там ей мальчик понравился. Она говорит: «Мама, он такой умный. Он все понимает, такие слова знает. Рассуждает как взрослый, рассказывает. Сказал мне, что видел снег — пушистый, как хвостик котика, и его очень хотелось погладить. Ты, мама, представляешь, какое сравнение? Он мыслит образами». Это ее поражало, и это

она ценила. У нее самой была речь сочная, насыщенная образными сравнениями, часто с мягким юмором. Например, как-то я подсела к ней на диван и говорю: «Прилетела маленькая птичка», имея в виду себя. На что она ответила: «Ну да, птичка. Птеродактиль ты настоящий!».

В отношении к родителям была нежной, ласковой, нас называла «папусик», «мамусенок», «мамсик». Кстати, свое имя ей не нравилось. Мы ее называли дома «Ленусик», «Ленусенок-колбасенок» или «Чуней» — сокращенное от «дочуни».

Всегда в ней меня поражало желание помочь. Идем с ней, а она замечает: «Мама, посмотри, какая бабушка старенькая. Она же сама через дорогу не перейдет. Давай поможем». Я говорю: «Ну, Лена, мы же спешим». — «Нет, давай ее переведем?»

Когда только началось подорожание, мы в магазине увидели старушку, очень интеллигентную, которая просила продавца: «Взвесьте мне, пожалуйста, полкилограмма сосисок». Продавец взвешивает и грубо называет сумму. Старушка говорит: «У меня столько нет». — «Так что же ты идешь в магазин, если у тебя денег нет?» Ленка говорит: «Мама, давай мы ей поможем». Я оплатила сосиски этой женщине. Какие в этот момент были у Ленки глаза! Ей так приятно было делать добро. Этим она жила.

Мы выписывали газету «Свабода», и там в одном из номеров было письмо женщины, которая просила о помощи. Жила она в каком-то глухом селе или поселке с сыном, без работы — просто бедствовала. Ленка принесла эту газету, выложила именно этой стороной и говорит: «Мама, нужно им как-то помочь». Я хотела послать посылку со старыми вещами, а Ленка говорит: «Кому надо это старье? Ты ведь этим людей только обижаешь. Если уж помогать, то нужно помогать по-настоящему». Мы отправили этой женщине какие-то деньги, а потом получили от

нее письмо с благодарностью. Было приятно, что смогли кому-то в чем-то помочь.

Не было в Ленке ни жадности, ни потребительства. Конечно, были у нее желания, тяга к красивым вещам. Ей всегда хотелось, чтобы у нее было что-то особенное, что было не у всех, поэтому ей трудно было выбрать что-то купить. Она говорила: «Нет, это я уже видела, это было. В этом нет гармонии, сочетание цветов не то» и тому подобное. Для нее совершенно неприемлемо купить что-то такое, что все хотят. Ей всегда хотелось такого, чего нет ни у кого...

Ленка ушла, и целый мир ушел — ее богатый духовный мир. Наш мир поблек, потерял все краски. Страшно, обидно. Когда говорят, что никто в этом не виноват, — я с этим не согласна. Так не бывает, что навалили гору трупов — и никто не виноват. Такого просто быть не может. От дождя еще никто не погибал. Я считаю, что это полное равнодушие властей, которым мы платим налоги, но которые совершенно не хотят заниматься своими непосредственными обязанностями. Мы, к сожалению, в нашей стране абсолютно не защищены, как и наши дети. Это ужасно, когда у нас милиционеры не могут оказать первую помощь, когда они могут только стоять с дубинками. Они даже не смогли грамотно оказать нашим детям нужную в тот момент помощь. Многие бы остались живы.

Маша, с которой в тот вечер была Ленка, говорила мне: «Вы знаете, мне сейчас так страшно. Ухожу из дома и думаю: а вернусь ли? У меня теперь нет уверенности в том, что я вернусь». Как теперь жить без этой уверенности? Кто-то ведь должен за это ответить...

Леночка мне приснилась, и я у нее спрашиваю: «Леночка, как же все там было?». Я у нее это спрашивала много раз, обычно у нее темнело лицо и она

уходила от ответа, но однажды сказала: «Мама, когда нас всех начали выносить, меня положили на траву и долго не подходили. Всех несли в больницу, а меня все не брали и не брали. А когда принесли — уже было поздно. Мне просто не повезло». Почему ей не повезло? Я верю в этот сон.

Муж в тот вечер прорвался в больницу в белом халате, помогал грузить трупы погибших в переходе. Когда видел, что нашей доченьки нет и нет, у него стала появляться надежда, но потом ее вынесли из боковой комнаты в коридор — у нее была электрошоком сожжена грудка. Значит, жизнь у нее еще теплилась, и, если бы вовремя смогли оказать помощь, может быть, было бы все иначе, она была бы жива. Муж поверил в мой сон, потому что видел остальных и видел, что Ленка отличалась от всех — она была еще тепленькой, розовенькой, только ручки синие — ей отдавили. Он ее обнял, поцеловал, попрощался с ней, своей единственной дочуркой.

Я думаю, что полный непрофессионализм наших служб сыграл такую роковую роль.

Рассказывают подруги Лена Курацкая и Маша Ромашка

Лена:

— Лена к нам в школу пришла в шестом классе. В первый день, как только она у нас появилась, у нас в классе была пересадка. Это всегда событие — как всегда, все хотят сидеть со своими друзьями. Классная растерялась — куда новенькую посадить? У нас в классе был такой мальчик хулиганистый, и возле него — свободное место. Я тогда сидела на первой парте, мне было ближе всех к классной, я говорю: «Давайте новенькую с ним посадим». Классная говорит: «Какая ты гениальная

девочка. Я так и сделаю». Потом, когда уже закончился урок, все выходили, ко мне подошла Лена и сказала: «Какая ты гениальная девочка». Так мы и познакомились. Но в шестом-седьмом классах мы не были очень дружны, потому что Лена больше дружила с теми девочками, с которыми рядом жила и вместе добиралась в школу.

Лена была способной ко всем наукам, но особенно к точным — могла дома ничего не делать, все схватывала на лету.

Маша:

— Я была в другом классе, но, несмотря на это, в последний год мы сдружились с Леной, стали вместе ходить гулять, здесь, у нас в районе. Получилось так, что мы с Ленкой стали сближаться. У нас появились общие интересы, мы поняли, что чем-то похожи. В компании, куда мы ходили гулять, у нас не было особенного интереса, как у наших подруг. Но когда мы приходили, ребята говорили: «С вами, девчонки, можно посмеяться. Без вас скучно». Больше, конечно, говорили о школе, но и о театре, музыке. Ленка, когда вступала в дискуссию, никогда не уступала свою позицию, говорила: «У меня такая-то точка зрения, и вы меня не переубедите».

Лена:

— Мы вместе однажды в цирк ходили. Получилось так, что у моего отца, а он тренер по акробатике, много мальчиков ушло в цирк. Когда его ребята выступали, ему присылали приглашения. И вот однажды он говорит: «Возьми кого-нибудь из девочек, у меня есть на два человека приглашение». Это было неожиданно, и идти надо было в тот же день. Я сразу думаю: кто легкий на подъем? — Лена. Других нужно за неделю предупреждать, а она не такая. Звоню: «Поедешь?» — «Конечно, поеду.» Она

собралась минут за двадцать. В тот день мы забыли приглашение дома и возвращались назад с полдороги. Все это было быстро, весело.

Когда мы в мае, уже тепло было, шли по городу пешком, в переходах рассматривали афиши, Лена все хотела попасть на «Кармен». Она говорила, что много слышала об этом спектакле и очень хотела посмотреть. Там было много афиш, много спектаклей, а она сразу сказала: «Хочу на “Кармен”». На июнь были билеты, и мы решили, что нужно будет купить и обязательно сходить.

Ленка никогда не отступала от своего мнения. В классе ее называли «адвокатом» — за то, что она всегда защищала тех, кому учителя ставили оценки несправедливо. Она могла конфликтовать с учителями, если чувствовала несправедливость. Они у нее спрашивали: «Что ты, Янцова, в адвокаты записалась?». Но очень часто Лена добивалась того, что исправлялись оценки, — она умела доказать свою правоту.

Часто все мы спорили о президенте. Лена говорила, что нужен другой президент. Она всегда смеялась: «Вот я вырасту и буду президентом». — «Ну конечно, за тебя проголосуют», — шутя соглашались мы.

Если что-то случалось, то единственная подруга, которой всегда можно позвонить, была Ленка. Она единственная, кто мог выслушать, помочь, а если не помочь, то хотя бы отвлечь от проблем.

Хорошо играла на гитаре и пианино, хотя стеснялась этого. Придешь к ней, попросишь: «Поиграй». — «Нет, не буду, не хочу, не умею», — отвечает, а потом сядет спиной к окну, возьмет гитару, начинает перебирать. Когда играла — всегда пела; песни это были не современные, я даже таких не знаю, например «Изгиб гитары желтой», «Милая моя далеко»... Обещала меня научить играть.

Маша:

— Я еще не видела такого человека, не встречала за свои шестнадцать лет, с такой широкой и светлой душой. Она всегда подбодряла, советовала, несмотря на то что она такого же возраста, как и мы. Мы ее воспринимали как взрослую: она всегда была готова помочь. Но сама она однажды даже расплакалась, что ей помочь не может никто, даже ее лучшая подруга. Поражала ее плавность, мягкость в отношениях с другими. Даже парень один как-то сказал: «Вот бы я себе такую сестру хотел».

30 мая мы пошли с Леной загорать. У нее очень белая кожа была, и она просто мечтала загореть. Мы лежали три или четыре часа, и она загорела — такая счастливая была. Мы с ней говорили о жизни, об экзаменах — так откровенно мы, наверное, еще ни разу не разговаривали. Она знала, что у меня дома проблемы, и помогала. Я ей часто говорила: «Ленка, как я тебе завидую. У тебя такая семья хорошая». Она восхищалась мамой, говорила, что она ей как подруга: поговорить можно о самом сокровенном.

Лена:

— Единственный человек, с которым легко было мириться, — это была Ленка. Она подойдет первая, неважно, кто виноват, за руку возьмет: «Ну прости». И если с другими девчонками после того, как помиришься, еще несколько дней чувствуешь натянутость, то с ней было легко — она моментом забывала все обиды.

Некоторые люди с чужими совсем не такие, как с близкими, но Ленка могла общаться естественно со всеми. Она очень любила праздники. Для нее Новый год, день рождения — всегда события. На Рождество на Октябрьской площади была дискотека, и мы вчетвером поехали туда. Она так радовалась: «Елка, я так люблю елку!». Но вместе с тем очень беспокоилась,

что если задержится, то мама будет волноваться, карточку искала, чтобы позвонить. Там была музыка, фейерверки. Лена говорит: «Ой, как хорошо. Мне так нравится! Какой там следующий праздник, чтобы приехать?». После того мы всегда смотрели «Вечерний Минск», чтобы узнать, где и когда что-то будет в городе. У нас тут, в Малиновке, ничего такого нет, чтобы молодежи куда-то деться, поэтому всегда ездили в центр, и, может, поэтому она поехала тогда на праздник, ей так хотелось на дискотеку. Когда в школе устраивались дискотеки, она почти всегда там была. За мной заходила. Зайдет и с порога на всю квартиру: «Здравствуйте!» — даже если я дома была одна. Если мама моя была дома, то выйдет: «Здравствуй, Леночка. Покажи мне свою боевую раскраску (макияж)». Она говорила: «Я еще молодая, красивая, мне и так хорошо».

Ленка всегда умела комплименты делать. Например, на дискотеку все наряжаются, она встретит и сразу: «Мадам, как вы сегодня хороши». Я: «Мне не нравится слово сегодня». Она: «Всегда, а сегодня особенно».

Она часто к нам домой забегала, смотрелась в зеркало и говорила: «А вот у нас дома нет зеркала в полный рост. Вот как вырасту — обязательно будет». Мой дом ближе всего от школы, и, когда прогуливали уроки, шли ко мне. Я спрашивала: «Девушки, хотите чаю?». Она спрашивала: «А у тебя есть вишневое варенье?». И вишневое варенье я доставала специально для нее — она его очень любила.

Одной девочке на день рождения мы хотели котенка подарить. Это была идея Лены. Нашли газету «Из рук в руки», звонили по объявлениям. Одна женщина сказала, что будет говорить только с мамой. Ленка сказала, что сейчас будет говорить мама; нашла какую-то вазу хрустальную и говорила в нее. Она попала на общество защиты животных — и нам

поверили, что это взрослый человек говорит. Я помню, как она сидит на столе с телефонной трубкой и держит эту большую вазу. Договорились и взяли пушистого котенка. Перед днем рождения мы пришли на несколько часов к Лене и приделали котенку бантик. Мы принесли этой девочке котенка, а ее мама не разрешила, и встал вопрос: куда его девать? Лена даже плакала: «Куда девать его? Выбросить же жалко, а назад отдавать неудобно». В конце концов его отдали в хорошие руки нашим знакомым, и Лена все время спрашивала: «Как там котенок? Можно, я приду поиграю с ним?». Помню, как у нас потерялась собака, Ленка очень переживала, старалась помочь, просила: если кто увидит ее — чтобы позвонили и отдали, но собака и так нашлась. Ленка всегда хотела покататься на лошади, хотела этим заниматься. Когда искали котенка, нашли объявление, где предлагалось заниматься конным спортом, но там было ограничение по возрасту — только с шестнадцати лет, и она все говорила: «Вот подрасту — тогда буду заниматься».

В свои шестнадцать лет она собиралась прыгнуть с парашютом. Ей очень нравился этот вид спорта.

Маша:

— Ей бы исполнилось шестнадцать лет 2 октября. В этот день мы с подругами поехали на Восточное кладбище к ней. Вдруг появился самолет, и начали прыгать парашютисты — один за другим. Я подумала: а может, она видит это?

Я как-то сказала Ленке, что я такая несчастливая, а она говорит: «Теперь я понимаю, что нас объединяет, — я тоже ужасно невезучая». — «Только ты меня, Ленка, понимаешь. Но ты ведь умная, красивая, стройная, а мне до тебя далеко.» — «Нет, ты лучше, все нормально у тебя будет», — сказала она. Я ей говорю: «Ты же видишь, ни одного парня у меня

нет». — «У меня тоже, и это вторая причина, по которой мы с тобой дружим.» Мы искали себе идеал. Она говорила, что любит красивых, высоких парней с ровными ногами, а мне говорила — что мой идеал еще не родился. «Ты на обычное не смотри, это недостойно тебя. Родится тот, который тебя найдет, и тебе повезет. Сегодня ты чем-то жертвуешь, а потом тебе все будут завидовать.»

Все, что вспоминаешь, связанное с Ленкой, — весело. Вот все думали — беззаботные, а на самом деле много проблем было.

Лена:

— Лена очень хорошо в городе ориентировалась, была наблюдательной. С ней в автобусе или в метро так интересно было ездить. Мы однажды ехали утром рано на УПК, в автобусе очень много людей — все ехали на работу. На остановке «Мединститут» много людей обычно выходит. Какая-то тетенька спрашивает у Ленки: «Девушка, вы не выходите?». Она говорит «нет» и стоит дальше. Тетенька говорит: «Тогда давайте с вами меняться». Ленка: «А что у вас есть?». Я думала, что умру со смеху. И люди вокруг, которые это слышали, тоже начали смеяться. А Ленка рассмешит, и сделает это так, будто бы так и должно быть, никогда сама не смеялась. Скажет — все рассмеются, а она тогда: «Ну что вы надо мной смеетесь? Я ничего смешного не говорила». С ней всегда какие-то смешные вещи случались. В больших магазинах любила перемерить все вещи — с ней часами там можно было ходить. Никогда не стеснялась спросить, сколько стоит, какой размер.

В этом году весной, в апреле, мы с Ленкой попали под дождь. Она очень обрадовалась, говорила: «Как я люблю дождь, как я люблю дождь!». У нас не было зонтика, я спряталась, а она все прыгала под дождем и радовалась. Она любила дождь...

Из сочинения Лены Янцовой «Молодежь в современном мире»

«Как считает старшее поколение, современная молодежь — это скопление всего самого плохого. Да, раньше молодежь была не такая, я согласна. Но что влияет на развитие детей? Поведение родителей и окружающих. Ведь если ребенок в детском саду знает, что такое нецензурная лексика и употребляет ее, то где он это услышал? От вас же, взрослых. Конечно, многие скажут, что курить, употреблять спиртное и наркотики подростки начинают сами. Но где может взять пятнадцати—семнадцатилетний наркотики? Правильно, у взрослых дядей и тетей, которые это позволяют. А сколько криминала, насилия и оружия видят дети на телеэкранах... Опять же, это показывают взрослые. Зачем распространять насилие в стране, где его и без фильмов более чем достаточно? Так что нельзя просто так обвинять молодежь во всех смертных грехах.

Еще один прекрасный пример: человеку, у которого не «золотая медаль», практически невозможно поступить в высшее учебное заведение. Конечно, деньги могут все, но где их взять? Обидно, когда пустоголовые молодые люди с деньгами еле-еле учатся, а умные ребята стараются устроиться на работу и который год тянутся за, может быть, бесполезными знаниями. В нашей стране врач, который учился шесть лет, от которого зависит наша с вами жизнь, получает копейки, на которые очень трудно прожить целый месяц. Так вот, получается, что молодежи не дают реализовать себя в жизни. Но это только одна точка зрения.

Существует еще и оборотная сторона медали. О чем мечтает современный молодой человек? О тусовках, друзьях, веселье и сексе. Многим этого достаточно для счастья в жизни. Но ведь молодым делать новые открытия в науке и технике, им же жить дальше. Вот

и получается замкнутый круг. Молодежь вместе со взрослыми должна задумываться и заботиться о своем будущем!»

Кулак Андрей

**Рассказывает мама
Любовь Степановна Кулак**

— Наша семья жила отдельно от родителей, и мы были всегда вместе. Андрей рос умным мальчиком, любознательным, его все интересовало. Мы получили квартиру в новом районе, и нам приходилось возить Андрея в садик на троллейбусе. Я держала Андрея на руках, а он громко говорил: «Пропустите женщину с ребенком!». Нам уступали место. Эти эпизоды детства Андрей помнил всю жизнь и в транспорте никогда не садился, внимательно относясь к пожилым людям, особенно к тем, кто с детьми.

Андрей был очень серьезным с детства. Когда я впервые его привела в ясли, он обошел всю группу, заложил руки за спину и сказал: «Мама, иди на работу. Я буду сюда ходить. Плакать не буду, буду тебя ждать». Никогда не плакал, но и смеялся редко.

Муж учился в Москве, часто ездил на сессии, а мне приходилось быть дома одной с Андреем. Он брал на себя роль мужчины, старался заменить отца. Когда родилась сестра, ему было три года. Он сам дал ей имя и стал с нежностью о ней заботиться. Когда мне надо было сходить в магазин, Андрей оставался с Настей. Он очень ее любил и защищал. Родителям никогда не грубил, а если его о чем-то просили,

охотно выполнял просьбу. Никогда никого не осуждал, всегда мог помочь.

Маленьким он был очень болезненным, я с ним часто в больницах лежала. Когда ему было лет пять, его положили в больницу по подозрению на желтуху. Там он был самым старшим и всю больницу на ноги поднял: дети плохо кушают! Маленьким детям снимал колготы, если они описались. Бежал к главврачу: почему непорядок в больнице, почему не смотрят детей? Если видел, что малыш в садике не съедает свою порцию, он бежал к воспитателю: как это могут дети не кушать? А когда, как он говорил, «взрослым стал», лет десять исполнилось, я его к врачу уже не водила — ходил сам, самостоятельно, сам врачу объяснял, что его беспокоит.

Когда Андрей пошел в школу, он стал еще более самостоятельным. Я уже могла его отправить в магазин, и он делал это с большой ответственностью. Он научился сам готовить, мог сделать любую работу по дому: починить кран, прикрутить дверные ручки и тому подобное, считал, что порядок во всем должен быть. Он как чувствовал, что его жизнь будет такая короткая. Я вязала — он учился тоже, я ему показала, и он сразу все схватывал. Когда мы переехали на новую квартиру, он был еще совсем маленький, в садик ходил, но уже связал сам шарф для своего мишки. Любил все сладкое, сдобное, и поэтому научился печь сам. У него даже лучше получалось, чем у меня. Просматриваю его записные книжки и нахожу кулинарные рецепты. Он не считал, что это занятие только для девочек. Если папе надо приготовить — он приготовит.

Андрей очень любил технику. Занимался картингом, и у него хватало силы воли ездить через весь город три раза в неделю на тренировки. Машины были его слабостью. Он уже хорошо водил. Все он успевал. Правда, гулять времени не хватало. Очень любил

спорт — плавание, волейбол, футбол. Друзья у него были с такими же интересами.

Мы семьей много ездили, путешествовали. У меня много друзей в Ленинграде, Москве и других городах бывшего Союза. В юности я ездила на стройку в Монголию, поэтому друзей осталось по всей стране. Андрей говорил: «Мама, я хочу как ты. Столько лет прошло, а твои друзья приезжают, вы общаетесь». Ему это очень нравилось. Андрей хотел везде побывать, посмотреть, особенно после того, как мы съездили в Болгарию три года назад. Это был первый его выезд за границу, и сопоставил, как живут люди там и у нас. Сделал вывод, что люди живут там лучше, чем у нас, и пытался понять — почему?

Отец у нас католик, я — православная. Дочка окончила воскресную школу — сначала католическую школу, а сейчас пошла в православную: сопоставляет. Андрей со мной ходил в церковь, хотя крестился в костеле. Узнавал у меня, как нужно исповедоваться, что надо говорить. Может, на душе у него что-то было? Я у него спросила, а он ответил: «Нет, я просто так». Мне очень много в детстве рассказывала бабушка об Иерусалиме, и у меня с тех пор была мечта: побывать там, посмотреть святые места. Андрей знал об этой мечте и говорил: «Когда выучусь, я тебя, мама, обязательно свожу в Иерусалим».

Девять классов он учился в школе с английским языком, поэтому язык знал хорошо. Отличником не был, говорил: не буду и не хочу им быть, но что мне нужно знать — я знаю. Говорил, чтобы я из-за оценок не расстраивалась. Андрей закончил десять классов и перешел в другую школу, где был правовой класс. У него была мечта — поступить на юридический факультет. Юристом он хотел стать, как я думаю, потому, что любил справедливость. Если ему делали справедливое замечание, он воспринимал это

спокойно, а если кто-то был неправ, он умел спокойно доказать обратное.

Если Андрей шел куда-либо с друзьями, он обязательно говорил, куда идет и когда вернется. Если они с классом куда-то собирались, то и тут он обязательно скажет — куда. Идет куда-то, говорит: «Я к Лене пошел» или «Я конспект переписать, на полчаса». Не было никогда, чтобы он не сказал, куда пошел и когда будет. Если на какие-то 10 минут задерживается, то позвонит: «Мама, я задерживаюсь. Буду через столько-то минут».

Как вся молодежь, он любил музыку. Специально не занимался, слушал магнитофон, кассеты. Как-то накануне, за месяц до трагедии, я с ним говорила: «Андрей, а какая тебе музыка нравится?». Он ответил: «Мне нравится компьютерная музыка. Спокойная». Начал мне объяснять. Это было скорее исключение, что он пошел на концерт, так как, в принципе, не ходил на такие мероприятия.

Выходные мы всегда вместе отдыхали семьей, ездили на природу, Андрей очень любил собирать грибы. В тот роковой день мы тоже были вместе на речке в Дроздах — там живут мои родители. Мы провели там весь день, а в три часа Андрей начал собираться на этот праздник. «Андрюша, — говорю я ему, — может, не пойдешь? Так хорошо, погода хорошая.» Он говорит: «Знаешь, мама, я, может быть, и не пошел бы, но мне неудобно подводить одноклассников. Я уже договорился».

Я не знала, что там будет происходить, и отпустила его, не могла не отпустить. Я ему доверяла, а он доверял мне. Если бы у меня были сомнения в его друзьях, я бы, конечно, подумала, а раз Андрей идет туда с друзьями, у меня и мысли не было противоречить ему.

Андрей ушел, и как-то мне тяжело стало, какое-то предчувствие не давало покоя. Я позвонила сестре,

чтобы она пришла ко мне. Говорю ей: что-то мне тревожно, не могу понять. Мы посидели с ней, поговорили, но это чувство не исчезло. Я всегда спать рано ложусь, и тут я легла, уснула, муж смотрел телевизор.

В двадцать минут двенадцатого я поднялась, точнее, меня как будто кто-то поднял с кровати. Посмотрела на часы: думаю сейчас, что он умер ■ это время. Муж спокойно смотрит телевизор. Я говорю: «Андрея нет. Где Андрей?». Мы пошли на улицу его искать. Просто ходили и не знали, куда идти. Я не знала одноклассников, с которыми он ушел. Потом я говорю, что надо идти в милицию, потому что если Андрей не пришел, не предупредил — значит, что-то случилось.

Когда мы пришли в милицию, нам сказали, что на Немиге был взрыв, взорвалось метро, и 39 человек погибли. Сказали, что более полную информацию можно получить в отделении милиции Центрального района. Мы собрались сразу туда, поскольку знали, что Андрей был на Немиге. Когда мы приехали в Центральное отделение, нам дали более полную информацию — куда развозят жертв. Мы не знали, где искать Андрея: у него при себе не было документов. Я сразу сказала, что надо ехать в 10-ую больницу. Когда мы приехали туда, я сказала: «Давайте начнем с морга». Меня туда не пустили. В морге Андрея сразу нашли...

Трудно расспрашивать, что там произошло. Ведь те, кто там находился, почти ничего не помнят. У всех был шок, определенно сказать никто ничего не может. Девочки, которые там были, узнали Андрея по фотографии и рассказали, что видели, как он тащил за руку кого-то, кого-то еще хотел вытащить. Потом у него рука оказалась сломанной. Говорят, что он долго кричал: «Рука, рука, рука...».

Когда Андрея уже забрали из морга и он был дома, я увидела, что у него текли слезы, самые настоящие слезы. Я сидела у гроба, а у него текли слезы. Я

первый раз такое видела, чтобы у покойника текли слезы...

Накануне трагедии, в субботу, был поминальный родительский день перед Троицей. Андрей с друзьями поехал на речку, мы его долго ждали и, не дождавшись, пошли с Настей вдвоем в церковь, поставили свечку. Вечером накрыли поминальный стол, все сделали, но не садились — ждали Андрея. Его все не было, и мы начали волноваться, но часов в восемь он вернулся. Обычно Андрей очень любил поесть, но в тот раз сел за стол и ни к чему не притронулся — такого не было никогда. Даже если не хочешь есть, надо — это было как традиция, а тут и я ему ничего не сказала. Андрей посидел с нами до конца, но говорил — есть я не хочу... А в воскресенье он погиб. Разве это может быть случайным?

В первый раз Андрей мне приснился, будто он находился в ряду совсем незнакомых людей в мантиях, как у судей. Он стоял, словно живой, но лицо у него было мертвого человека. Я говорю: «Андрей, кто это?», а он отвечает: «Мама, знакомься. Это мои коллеги». — «Андрей, ты же умер.» — «Нет, я не умер, я потерял сознание.» И во всех снах он говорит, что не умер, а потерял сознание. Думаю: может быть, еще живой был, может, можно было спасти, но ведь там так бросали... Он боролся, и, если бы ему вовремя оказали помощь, он бы мог жить. Он так боролся за жизнь...

Андрей мне снится, когда мне плохо. Тогда он как будто бы рядом со мной и будто бы меня успокаивает. Так было и в жизни. Не так давно у нас отец в аварию попал, разбил машину. Страшно подумать, как после такой аварии он остался жив, но, значит, так надо было. Свою машину разбили и чужую. Андрей пришел и говорит мне: «Мама, не расстраивайся. Это ведь просто машина. Сделаем мы эту машину, возместим». Всегда так: если бывали

какие-то проблемы — они всегда были общие, все решались вместе. И Андреевы проблемы тоже решались вместе. Сейчас, когда сон приснится, мне становится так легко, кажется, что будто он знает, что с нами происходит, и помогает. Это можно только почувствовать.

Недавно приснилось, что я как будто к знакомой еду и встречаю Андрея. Чувствую, что мы находимся в какой-то невесомости, знаю, что он умер, обняла его, спрашиваю: «Андрюша, столько прошло времени, расскажи, как тебе живется. Я знаю, что ты умер, что ты не рядом со мной, и все-таки — как тебе живется?». Он подумал и отвечает: «В принципе, хорошо», — и больше ничего не сказал. Он говорит, а я чувствую: он жалеет, что так рано ушел, не хотелось ему уходить. Говорю ему: «Я к тете Тамаре еду. Там гости собираются. А сколько мне там быть?» — «Я не знаю, сколько тебе там быть, но до конца ты со всеми не будешь — я потом приду и тебя заберу.» — «А когда заберешь?» — «Я тебе потом скажу. Я сам еще не знаю, но я приду и тебя заберу.»

Однажды снится: я подхожу к зданию с каменной дверью. Знаю, что Андрей там. Мне открывают и говорят: «Вам сюда нельзя». — «Но здесь мой сын. Мне нужна его помощь!» Мне отвечают: «Ваш сын на особом положении находится. У него все нормально, а вам сюда нельзя». В здании два этажа, и я расценила эти этажи так, что Андрей и католик, и православный.

Я себе постоянно все это время задаю вопрос, ложусь и встаю с ним: почему это случилось? Виновных я не знаю как искать, это, может, даже глупо — искать виновных: что произошло, то произошло. Не было бы этого праздника, случилось бы еще что-нибудь. Дети в основном пошли туда на концерт, чтобы встретиться, побыть вместе, погулять, — был ведь такой хороший день, теплая погода. Я не думаю, что пошли туда только те, кто любил эту музыку. Но все шли и не думали,

что это был день святой Троицы. Это, наверное, какой-то урок, уразумение. Но какой это жестокий урок... Как Иисус Христос пошел на крест и взял на себя все наши грехи? Он шел сознательно, а здесь — почему наши дети, а не кто-то другой?

Я расскажу притчу. Когда-то жил пастух, и у него было много детей. Но неожиданно умирает его любимый сын. Этот пастух очень верил в Бога и обратился к нему, спросил: «Скажи, почему ты лишил меня моей радости? У меня же много сыновей, почему ты забрал самого любимого?». Бог ему ответил: «У тебя большие стада, и, если тебе для какого-нибудь пиршества нужно заколоть овцу, какую ты заколешь? Самую лучшую. Я сделал то же самое». Получается, что Бог выбрал для себя именно наших детей: самых чистых, потому что не может быть вообще безгрешных людей на земле. Он выбрал лучших, не забрав худших, чтобы дать им возможность как-то исправиться. Может, через наших детей очистятся души других, и они станут лучше. Только это меня успокаивает. А дети, побывавшие на Немиге, я просто уверена в этом, начнут по-другому на жизнь смотреть, ценить ее больше. Это, наверное, произойдет даже с теми, кто там и не был.

НОВАКОВСКАЯ Алевтина

Рассказывает мать
Наталья Михайловна Новаковская

— «Мама, расскажи, какая я была маленькая», — говорила моя Алечка, улыбалась и садилась слушать.

А я начинала рассказывать. Ты, — говорила ей я, — была очень подвижная, живая. Еще до рождения мне врач говорил: «У вас будет мальчик», а перед уходом в декрет — обещал двойню. Аля тут же добавляла: «Вот здорово, а родилась я». — «Ну, — говорю, — когда ты родилась, я спрашиваю у врачей: кто у меня родился? Они молчат. Я опять: скажите, кто у меня родился? Они приподняли тебя и говорят: «Да девочка у вас — девочка».

Смотрю, лежишь ты на ладони — такие замечательные щечки и губки красненькие, пухленькие. И еще похныкивала ты немножко, что-то тебе не нравилось.

Родилась ты нелегко, шла личиком, и меня порядком намучили. Привезли мы тебя домой, положили спать, а пеленки ты не любила, покряхтываешь, смотрю — одну ручку вытащила, другую следом, и ножками дерг-дерг и лежишь без пеленки, холодно тебе, надели ползуны. Все ты делала раньше Клавы. Старшая сестренка спокойная, положишь — все магазины обойдешь, а она все так же лежит. Рано стала стоять, ходить, зубки рано пошли. Всегда быстренькая, щебечешь что-то, хлопочешь.

Очень гордилась, когда тебе доверяли. Ответственность чувствовала, всегда в делах, но делала ты все быстро.

Весь дом был на нашей Алечке. И в магазины, и на базар. Как тяжело говорить в прошедшем времени о моей доченьке — такой молодой, красивой и здоровой девочке. Приду с работы, надо в магазин идти, собираюсь, а она меня ждет уже и говорит: «Ты куда?» — «В магазин», — говорю. Она: «И я с тобой». Быстренько оденется, и вместе идем, говорим, смеемся.

Такая безотказная, жалела меня очень, любила. Вечером подойдет, обнимет, поцелует, спокойной ночи пожелает, поговорит или спросит что. Или видит — я

читаю, а ей же пообщаться хочется, подойдет: «Мамуля, ножки болят? Давай я тебе массажик сделаю». Сядет и тут же делает массаж одной ноги, другой. Довольная такая.

Улыбка у нее необыкновенная, очень красивая и располагающая, со светлыми зайчиками в зеленых глазах. Всегда хочется ей в ответ улыбаться.

Дома помогала, на даче. Нет теперь у нас помощницы, умненькой и славненькой такой. Очень любила порядок наводить в шкафах и вообще дома. Ездить на базар, по магазинам.

Хороший вкус у нее был. Она всегда знала, что хочет, а не просто чтобы купить. Выберет себе что-то, в нескольких местах справится, есть ли, сколько стоит, а потом едем и берем, конечно когда у меня деньги появились.

Любила цветы и особенно розы. Говорю: «Что тебе, Алечка, купить?». Она тихо скажет: «Купи мне хоть одну розу».

Вот теперь, задним числом, думаешь: как мало мы ее баловали. Любима она, конечно, была, и знала это отлично, и ценила. Жалела маленьких и любила их. Часто рассказывала о соседских детях, какие они красивые, как говорят, как одеты. Улыбалась при этом. Сама с трех лет ездила в лагеря со мной и старшей сестренкой. И очень любила ездить, друзей у нее всегда появлялось много после очередной поездки. Отзывчивая и добрая она девонька.

Много было подружек, а мальчишки говорили — «классная девчонка». Подружки и друзья заходили к нам, придут, зовут погулять, а Алюня не хочет идти с ними. Говорю: «Иди, доча, погуляй, сидишь за уроками, надо отдохнуть, совсем бледненькая стала». А она мне в ответ: «Да, мама, они не учат особо, а мне же пятерки нужны, а кого спросят, если никто знать не будет? Конечно, меня».

Вот так она относилась к учебе. В классе к ее мнению прислушивались, ни один вопрос не решался без нее — старосты класса. Была, как и во всем, очень ответственной. Справедливая. Рассказывает мне: «Мама, как так можно? Девчонки спишут, а потом первыми руки тянут!».

У их классного руководителя больное сердце. Как жалко было Але, когда нерабочий шумок расстраивал бедную женщину. «Ну почему ребята не понимают этого!?» — почти всплакивала Алевтина, рассказывая в очередной раз о своей школьной жизни.

Очень скромная была, а уже некоторые одноклассницы и пили пиво, и курили.

В учебно-производственном комбинате Аля выбрала профессию экскурсовода — она так подходила этому общительному ребенку. Но сама она хотела, как дедушка, быть врачом, стоматологом. Как раз в этом году организовались подготовительные курсы. Ну а если не получится, думала она, то можно попробовать поступить в нархоз или на прикладную математику. Усиленно занималась: понимала, что ничто легко не дается.

Занималась спортом — каратэ, хорошо каталась на коньках, училась играть на аккордеоне, петь любила. Славный получился дуэт с сестричкой: та на цимбалах, Аля — на аккордеоне. Всем любила заниматься, хотела много успеть.

Да, она была необыкновенной и часто спрашивала, почему ей об этом говорят. Я говорила: «Ты хорошая, милая девочка, но не возносись».

Она улыбалась в ответ. Любила, когда ее хвалили, — а кто не любит? И заслуживала это. Свои дела еще не сделает, отложит, а маме поможет. Носила с удовольствием мои кофточки, вязала я их ей часто. И мне было приятно. Любила мерить, как все девчонки, гримасничать, как маленькая обезьянка.

Ходила в кружки, с удовольствием творила. Была активная. Ладненькая. Ерундой заниматься ей было некогда. Теперь ее сестренка, Клавочка, осталась одна, осиротили нас всех, а когда нас не станет, то Клавочке будет одиноко, потому что нет Али, сестренки. Аля все хотела походить на свою старшую сестренку, говорила: «Я, как Клава, буду учиться в институте».

Аля меня часто спрашивала: «Мама, почему меня так назвали: не Лена, не Оля?». Особенно ей нравилось, когда ее называли правильно — Алевтина.

В жизни она отдавала окружающим больше, чем брала. Люди к ней тянулись. Телефон не переставал трудиться, когда она была дома. И кто с ней столкнулся в жизни — не забудет ее. Я горжусь моей дочерью.

Была Аля, как и все дети, сладкоежкой. Кушала неплохо, когда проголодается. Расскажет, что там у них в школе давали кушать.

Когда я предупреждала о чем-то, она говорила: «Не думай о плохом, не говори, а то притягиваешь».

Любила Аля веселиться, ходить на дискотеки, когда был праздник на улице — ходила, но не часто. Ну и в тот день как было не отпустить дочь на праздник — и так ведь почти нигде не бывает! За ней зашли подружки. Ожидалось веселое представление и даже выступление группы «Манго-Манго»... Ушла в 7 часов вечера, а потом...

Вечером позвонила сначала мать одной подружки, потом второй. Спрашивали, где Аля, сообщили, что на Немиге случилось что-то страшное. В ту ночь мы с мужем объездили все больницы. Среди неопознанных — не было, среди 36 погибших — не оказалось. Теплилась надежда. Сказали, что во 2-й больнице три девочки без сознания — поехали туда, но заскочили напоследок еще раз в 10-ую в морг. Только что туда привезли семнадцать погибших. Там, самая

последняя, у стенки, лежала Аля — с одним босоножком, потоптанная, истерзанная... Муж упал в обморок.

На похоронах были все одноклассники и учителя. Директор школы передал кассету, где запечатлен последний звонок, на котором Аля — ведущая торжественной линейки — звонко и, как оказалось, пророчески, предрекла в словах: «Вы больше никогда не придете в этот класс», — что для выпускников этот звонок будет последним в их жизни. Слова эти сбылись для нее самой...

Нам все время кажется, что вот сейчас она войдет — и наш дом наполнится ее энергией, ее голосом, ее смехом, новостями, ею самой. Но время идет, и нет нашей доченьки, и никогда больше мы ее не обнимем, не поцелуем, не поговорим с ней, не узнаем, как ей там было в последние минуты жизни.

Не могу... Тяжело — такая потеря, такое горе, несчастье. Бедная девочка — какой ужас она испытала! За что ей такое? Учили хорошему. Себе и детям во многом, как и все, отказывали — какие наши доходы. Но дети — наше будущее. А теперь — нет ее, Алюни, такой милой, славной девоньки. Всегда чистенькая, аккуратненькая, веселая. Дом пуст без нее. Осталась такая боль, какую тяжело пережить. Плачешь непроизвольно. Только подумаешь — слезы наворачиваются. А думаешь постоянно. Одно огромное желание — лечь с ней, обнять и лежать все время. Я ее так люблю. И ничто не радует больше. Мне ее очень не хватает. Казню себя, что сердце мне не подсказало о беде. И прошу всех — любите своих детей. Ради них мы живем.

Происшедшее не умещается в голове. Ум отказывается воспринимать, как такое возможно было допустить, что люди спустились в переход, и там их убили. Как подумаешь, что испытали наши дети в предсмертных мучениях, задавленные, без возду-

ха... — жить не хочется. Почему-то приходишь к выводу: все было подстроено и подготовлено, продумано, чтобы погубить невинные души. Ну подумайте сами: готовилось мероприятие — гулянье. Все было смешано в один комок: и распитие пива, и концерт, и место выбрано неправильно — рядом с церковью и небезопасное.

Служители церкви теперь осуждают нас, родителей, наших детей, что, мол, кричали, танцевали там. А перед организацией гулянья молчали — ни один не воспрепятствовал.

Если говорить об организации, то невольно думаешь: как так можно пускать все на самотек, не придумать прикрытие от дождя хотя бы. В результате, когда пошел дождь, все побежали в метро прятаться — куда же было им деваться? Все туда бежали, а там — двери закрыли, людей держали не только «островки» ожидающих окончания дождя, но и специально стоящие люди. Воздуха не хватало, впереди стояли и сдерживали одни, сверху давили другие...

А наша «замечательная» милиция просидела в автобусах, попряталась сама от дождя, а не следила за скоплением людей, не владела ситуацией. Хотя их число было под 200 человек, и предназначались они для того, чтобы проследить за расхождением большого скопления людей, и для этого их специально к этому месту доставили. А когда все случилось — погибли люди, они, видите ли, оказались на месте. Герои, видите ли. А где же они были раньше? Нет слов. Никакая это не халатность, а самое настоящее разгильдяйство. И как теперь можно кричать, что мы были там и помогали? Это просто нахальство! Виновные есть, мы, родители, видим, как хотят затянуть следствие, чтобы страсти утихли. Но одной халатностью никому не отделаться.

Я не предам памяти моего ребенка, мы не должны предавать памяти своих детей, как бы и они

не предали нашу. Мы сами этому учим наших детей.

Что осталось нам теперь? Цветы на Немиге — временная память о погибших? Вспомним Хатынь — там на каждой хате мемориальные доски с именами погибших. Почему не сделать так на лестнице в переходе, где сделали свой последний вздох наши дети? Так считают многие родители, изведавшие горечь этой утраты. С этим вопросом мы обращались к мэрии города. Конечно, закрыть ныне действующий переход на Немиге, сделав его памятником, и построить новый — это дорого, но разве не дороги родителям их несчастные дети?!

Очень печально, что на месте, где последний раз вдыхали воздух наши дети, ходят, плюют, что-то кричат, смеются. Это место уже стало мемориальным, и родители вправе добиваться переноса выхода из перехода в другое место. Следует установить мемориальную доску с именами и датами рождения каждого человека, погибшего 30 мая 1999 года, а в дальнейшем на месте гибели возвести храм памяти.

Вспоминает Клава, сестра Али

— Алевтина была многогранным человеком, разносторонней личностью. Чем больше я о ней думаю, тем больше вспоминаю хорошего и доброго...

Я помню, как мы ходили покупать под Новый год подарок маме. Смотрели в магазине и на рынке. Аля всегда умела находить нечто особенное, до чего я не всегда додумывалась. И подарок папе на 23 февраля предложила Аля. Обычно к Новому году Аля собирала деньги уже с лета — из тех, что давали дома на булочки и мороженое, что оставались после похода в магазин. Она никогда не отказывалась

сходить и купить хлеб, молоко, батон. Нередко после школы Аля шла сначала в магазин, а потом домой. На Новый год она купила подарки на все деньги, что у нее имелись. Обычно это был один, но дорогой подарок маме.

Вспоминаю, как мы вместе ходили гулять. Я радовалась, как ребенок, а Аля вела себя, как взрослая. Казалось, что она старшая сестра, а я младшая. Она была интересным и очень живым ребенком, а потом враз повзрослела.

Мы ходили с ней на выставки, на дискотеку, в оперный театр. Она была в курсе многих мероприятий в городе, всегда всем интересовалась, имела разносторонние увлечения.

Аля любила получать в подарок цветы, розы — за их красоту.

Каждый год Аля любила ездить в лагерь на одну или даже две смены. У нее всегда было много друзей. Любила быть в центре компании, к ее мнению всегда прислушивались, и сама всегда слушала других. По натуре она лидер, человек, который знает, чего хочет, и старается достичь своей цели.

Все, что Аля носила, выглядело на ней замечательно. Если эту же вещь надевал кто-то другой, у него был не тот вид. Когда мы шили Але юбку, она хотела, чтобы все было так, как она себе мысленно представила, вообразила. И когда что-то не получалось — расстраивалась. Любила носить вещи непохожие на те, которые носили другие. А когда кто-то из подружек надевал точно такое, расстраивалась. Сама ни за кем ничего не повторяла.

Аля была одаренным человеком. Любила слушать музыку, играть на аккордеоне, танцевать, заниматься борьбой и многим другим. У Али было не много кассет с музыкой, но она интересовалась разными группами, одалживала кассеты у подруг.

Аля очень добрая девочка. Именно она принесла домой и щенка, и котенка. У девочки из класса кошка родила котят, и они думали утопить или выкинуть их. Аля упросила маму, чтобы ей разрешила взять кошечку. Сама придумала ей имя — Лариса. Потом точно так же уговорила маму, и в доме появился щенок — Беня. Когда он шалил и его хотели наказать за проделки, Аля защищала Беника, не давала его в обиду.

Любила Аля готовить. У нее все получалось, потому что она была терпеливая и старательная. Занимаясь в «Золаке» и учась там печь, она очень многие рецепты приносила домой, и мы готовили дома. Аля с мамой разрабатывали меню на праздники, покупали продукты, а потом готовили.

Аля часто ездила на дачу помогать, хотя хотела бы остаться дома или пойти погулять с подружками. Она была отзывчивым и добрым человеком. Любила перед сном поговорить. Теперь, ложась спать, я часто представляю, как бы Аля легла на свой диван, что сказала бы, о чем бы подумала. Мне иногда кажется, что вот сейчас она войдет в комнату, сядет за свой стол, где всегда идеальный порядок. Всегда у нее все было аккуратно прибрано и ничего не валялось.

Когда иду с учебы домой, мечтаю, чтобы Аля была дома, встретила меня. До чего же мне ее не хватает! Не все поймут меня, только те, кто тоже потерял близкого и дорогого человека. Я до сих пор в это не могу поверить, у меня не укладывается в голове, что Али нет и не будет со мной рядом уже никогда. Только в моих мыслях, в моем сердце. Я буду всегда помнить ее улыбку, ее красивые счастливые глаза, веселый смех, доброе слово. И мне хотелось бы, чтобы все, кто знал и любил Алю, помнили ее всегда. Почему от нас уходят лучшие? Почему?

Рассказывают Алины подруги

Лена Марченко:

— В классе Алю все очень любили. Была она отзывчивой, всегда готова помочь. Никогда не говорила: «Ай, мне некогда», могла целую перемену что-то объяснять.

Веселая была. В школу придет, откроет дверь, сумку забросит: «Все, я пришла!». 29 мая наш класс был на вахте памяти на площади Победы. Аля была такая веселая, улыбалась, ходила, руками размахивала, а там смеяться нельзя. Очень редко ее можно было увидеть грустной: ну, может, если только четверку поставят за четверть. Но при этом она никогда не показывала, что ей тяжело.

За месяц до конца занятий она как-то пришла в класс, бросила сумку и сказала: «Все, какая учеба! У меня уже каникулы. У меня уже наступила весна».

Они с Катей были лучшие подруги, но дружила Аля со всеми, никогда не сплетничала ни о ком. Она была самым мягким человеком, самым добродушным. Никогда не могла даже резким словом обидеть. Она всегда могла выслушать, посоветовать, помочь.

Все относили к Але хорошо. Учителя ее любили и уважали. Когда учительница пришла на урок 1 сентября и кого-то вызвала, но ей не ответили, она сказала: «Как нам не хватает Али!».

Катя Павлович:

— Аля была очень ответственная. Всегда подготовлена к урокам. Однако с ней трудно было спорить, говорила: «Я знаю!» — и точка. Всегда стояла на своем, и редко кому удавалось ее переспорить или переубедить.

Оля Щербак:

— Мальчики называли ее «Лялька» — Алька-Лялька. Когда с кем-то знакомилась и называла свое имя, у нее переспрашивали: «Как, Валя? Галя?» — «Нет, меня Аля зовут. А-л-я!»

Лена Садошенко:

— Ей нравилось ее имя, нравилось, что оно такое редкое. Она была веселая, умная. Нас было четверо подруг, и нам вместе было весело и хорошо.

Лена Марченко:

— На следующий день после случившегося, в понедельник, мы пришли в УПК, но ни Кати, ни Али не было. Я почувствовала недоброе. Мы с подругой приехали из УПК и сразу позвонили Катиному брату, и он нам сказал, что Катя в больнице. Мы спросили: «А Аля тоже в больнице?» — «Нет, Аля умерла.» Я уронила трубку, упала на пол и стала просто захлебываться слезами. Моя подруга не поняла: «Что, с Катей что-нибудь серьезное?» — «Нет, Аля умерла.» У нее был шок, она вся затряслась.

Потом мы пошли в школу. Когда я зашла в учительскую, классная, наверное, поняла что-то, она меня подхватила, взяла за руку: «Лена, что случилось?». Я все рассказала. У всех учителей был шок, все плачут: «Почему именно наша Аля?». Это же спрашивали и не могли получить ответа все, кто пришел прощаться с Алей.

Когда я видела ее мертвой, не верила, что это Аля лежит. Кажется, придешь первого сентября, она прибежит в класс и скажет: «С новым учебным годом!». И как всегда, засмеется.

Тяжело было врать Кате, но надо было сдерживать себя. Катя все время спрашивала: «Что с Алей?» — а мы врали ей. Потом по дороге домой думали: может, она нас потом обвинит в том, что мы ей не сказали?

Мы старались ее поддерживать, чтобы не потерять еще и вторую подругу.

Первого сентября в класс вошла классный руководитель и сказала: «Ребята, поздравляю вас с началом учебного года. Мы все знаем, что среди нас нет Али Новаковской. Давайте встанем и вспомним ее». Все встали. Те, кто был ближе с Алей, заплакали. Классная тоже заплакала. Потом мы сходили на кладбище. Теперь мы каждое 30-е число обязательно всем бывшим 9 «Б» классом ходим на кладбище Алю навестить.

Первое время мы оглядывались на заднюю парту, где сидела Аля. Понимаешь теперь, что значит потерять близкого друга. Пока не потеряешь — не поймешь. Надо на себе испытать. Теперь понимаем и то, что жизнь каждого может в любой момент оборваться.

Нам не хватает Али. Не верится, что ее нет. Почти год ее нет, а все еще не верится...

НИКИТЕНКО Ольга

БЕЛИЦКАЯ Ксения

Рассказывают матери
Зоя Викторовна Никитенко
и Светлана Витальевна Белицкая

Светлана Витальевна:

— Ежеминутно я думаю о моей девочке, и вспоминается только хорошее. С самого рождения это был желанный, любимый ребенок, который приносил только радость.

Зоя Викторовна:

— Тяжело говорить. Вот сядешь и вспоминаешь, вспоминаешь. У каждого ребенка свой характер, капризы. У Оленьки тоже был свой характер, но вообще она была девочкой послушной. Иногда любила утром подольше поспать, будишь ее, а она: «Мамочка, что ты пристаешь?».

Когда она была маленькая, мы везде ходили: в театры — кукольный, русский, белорусский — на все детские спектакли, в парк. А потом у нее появились свои интересы.

В детский сад ходила нормально. Поплакала пару дней, пока привыкла. У нее там был мальчик, которому она нравилась, — он дарил ей то бантик на 8 Марта, то еще какие-то подарки. Мы все смеялись, говорили: «Оля, это любовь твоя».

Моя девочка в шестом-седьмом классах была в Италии. Там она жила в итальянской семье у Флоренции и подружилась с ее сестрой и всей семьей. Осталось много фотографий. Олька привезла нам письмо от Флоренции, в котором она пишет: «Мы хотим с вами познакомиться, потому что ваша дочь — это сокровище. Мы ее очень любим». Я тогда расплакалась. Думала: а мы почему-то не умеем ценить детей, у нас какие-то другие критерии оценки. Мы переписывались. А сейчас никак не могу решиться написать им, что нет Олечки, нет моего сокровища...

Оля очень любила животных. Была как-то у нас кошечка. Мы поехали в деревню, она залезла на дерево и как-то плохо прыгнула — повредила позвоночник. И было столько слез, столько горя, что я говорю: «Оля, все, больше никаких животных мы брать не будем». Бывало, подберет какую-нибудь собачку и тащит домой, слезы градом текут: «Мамочка, давай заберем». Эта любовь у нее была с детства. Еще маленькой она говорила: «Мама, я буду

животных лечить». — «Ветеринаром?» — «Да, ветеринаром.» У нее была подружка, рядышком жила, но они все перезванивались, и Олечка расспрашивала: «А чем ты кормишь собачку свою? А как ты ее смотришь? А как ты ее обучаешь?». У нее в детстве попугайчик был, так она с ним общалась, разговаривала. Может, если бы были собачка или котик, то она не пошла бы туда?

Она всегда была улыбающейся девочкой, доброй. Мечтала быть ветеринаром, а пошла в техникум на экономический факультет. Это я на нее повлияла. В техникуме она крепко подружилась с Ксюшей Белицкой. Они не могли друг без друга. Оленька придет из техникума, звонит ей. Я говорю: «Оля, вы же только что виделись». А она: «Мама, у меня такая хорошая подруга». Они вместе учились, откровенничали. Со мной она тоже была откровенна. Не всем, наверное, со мной делилась, но все равно были мы очень близки. А сейчас так не хватает ребенка моего.

Светлана Витальевна:

— Ваша Оля всегда говорила: «Моя мама для меня как подружка».

Зоя Викторовна:

— Папа наш занимался спортом — борьбой, а вот Оленька не очень любила спорт. Правда, в шестом классе увлеклась баскетболом, но потом тренер ушел из школы, и с детьми никто не занимался. А может быть, мы сами мало этому уделяли внимания. Она все больше интересовалась животными, книги покупала, много читала о них — собаках, кошечках.

Когда отмечали ее день рождения, она была так рада, говорила: «Мама, мне так хорошо!». Сам радуешься, когда твой ребенок радуется. Очень общительная девочка. Не было в ней ни злости, ни зависти — сама доброта. У меня не возникало с ней таких про-

блем, какие бывают у других родителей. Она всегда меня успокаивала: «Мамочка, не переживай, не расстраивайся, все образуется, все будет хорошо». Не скажу, что она была гениальной, но — способной, училась хорошо, старалась. Я очень рада была, что у нее такая подружка. Ксюша была более серьезной, а Олечка — всегда улыбчивая, веселая.

Папа с работы придет, она бросается еще в коридоре ему на шею: «Ой, папочка-Никиточка пришел!».

Она все время говорила: «Мама, я так хочу братика. Старшего братика». У нее двоюродный брат, так она с ним настолько ласковая была, говорила: «Виталик, братик мой». «Оленька, — спрашиваю, — а зачем тебе старший братик?» — «Мало ли, мама, что — он бы меня защищал.»

Иногда я сижу на диване, а она ляжет, головку положит на плечо — как хорошо было. У нее все время ручки мерзли, она говорила: «Мама, погрей мне ручки». Я ей ручки погрею, поцелую. «Мама, что ты меня целуешь — я уже взрослая девочка.» Конечно, я иной раз ее и ругала — за беспорядок. Я ей говорю: «Ты пришла с занятий, переоделась — повесь все аккуратненько». Нет, она как-то швырь-швырь вещи — и за уроки. Ольгу ругала, а сейчас и сама не убираю. Ведь это не главное. Только бы она была...

Светлана Витальевна:

— На дискотеки и вечера они ходили вместе, но не часто. Если дискотека в техникуме, то они могли остаться ночевать у Оли, потому что мы живем далеко, в Уручье, и, чтобы мы не волновались, она ехала к Оле. Обязательно звонила домой, — тогда только мы ложились спать. А если ходили на дискотеку к нам в ГДО, в военном городке, то уже Оленька должна была звонить домой. Прямо с порога бежала звонить маме. Они были очень ответственные девочки, старались нас не волновать.

Зоя Викторовна:

— Оля начала ходить на дискотеки, когда поступила в техникум, подружилась с Ксюшей, и то нечасто — пару раз в техникуме, здесь в Берестье. Я говорю: «Оля живет на другом конце города, приезжайте к нам, не надо поздно ездить». Они никогда не опаздывали, разве минут на пять. Вижу — бегут, бегут: «Мамочка, прости, транспорт задержался». Очень дисциплинированная Оля была, ответственная. Но они больше дома сидели — то смотрели телевизор, видик, то болтали по телефону. Оля была домашним ребенком. По выходным могла с Ксюшей часа полтора по телефону говорить.

Оля была скромной девочкой. Иногда папа подвозил ее на занятия, когда она опаздывала. Так она всегда просила, чтобы высаживал ее пораньше, не довозил до техникума.

Мне иногда кажется, что я слишком оберегала дочь. Ей, например, надо в библиотеку, в читальный зал — я еду с ней. Она что-то пишет, я сижу, газеты читаю. Надо Оленьке на «Динамо» — еду с ней. Куда ни поедет — я ее встречаю. Я ее везде оберегала, а здесь не уберегла.

Такая она была внимательная девочка, так за меня переживала. Бывало, расстроишься, заплачешь, и Оля придет ко мне и сама рыдает больше, чем я. Я говорю: «Оля, а ты чего плачешь? Это же меня обидели». Она говорит: «А мне тебя жалко». Так переживала. Бывало, подойдет, обнимет за талию и говорит: «Мамочка моя, я тебя так люблю!». Я говорила: «Оленька, вот мы состаримся с папой, кому нужны будем?». А она: «Мамочка, я вас никогда в жизни не брошу!». Я ей верила, она бы и на самом деле никогда нас не обидела, не бросила. Такой был душевный человечек. Мне соседка говорит: «Ты не переживай, твоя Оля будет ангелочком на небесах». Но мне от этого не легче...

Светлана Витальевна:

— Священник сказал, когда перезахоранивали Олечку, что мы очень сильно любили своих детей, поэтому у нас их и забрали. Потому что любили их больше, чем Бога. Я говорю: «А как же иначе? Это же наши дети!». А он сказал, что надо всех детей любить одинаково. Я работаю в детской поликлинике, люблю детей, но ведь свой ребенок — это свой. Тем более такой ребенок, который приносит только радость.

Зоя Викторовна:

— Вся молодежь любит музыку. Мы раньше жили в районе автозавода, на Алтайской, и там Оля ходила в Дом культуры, занималась музыкой. У нас была одна маленькая комнатка, мы не покупали музыкального инструмента. И тогда она решила просто заниматься в хоре — ходила года четыре. Но когда мы переехали — перестала ходить. Молодежь вся музыкой интересуется, кассеты покупает. Оля утром встает — сразу музыку включает. Слушала даже, когда уроки делала. Я иногда ругалась: «Оля, зачем тебе сейчас музыка?». А она: «Мама, мне, наоборот, так лучше запоминается». А к Новому году мне очень хотелось подарить ей музыкальный центр, исполнить ее желание, она так была бы рада. Но, увы...

В классе у них писали сочинение на тему «Если бы я была волшебницей». Оля написала: «Если бы я была волшебницей, то я сделала бы всех людей счастливыми и добрыми, чтобы все всегда были молодыми и никогда не старели и не умирали, потому что так жалко, когда умирает любимый тобой человек. В прошлом году у моей бабушки умерла мама, и она очень сильно плакала. А для себя я только бы хотела получить образование, устроиться на хорошую работу и выйти за хорошего, трудолюбивого человека замуж». Я читала это после того, как все случилось,

и думала: «Как много хорошего для других ты хотела сделать».

Это были девочки, которые следили за собой. Оля любила больше спортивный стиль в одежде: брюки, джинсы, пиджаки, кроссовки, маечки, курточки.

Светлана Витальевна:

— Ксюша предпочитала более элегантный стиль. Очень любила высокие каблуки. Скажешь ей: «Вынеси мусор, ты же в спортивном костюме», но она в таком виде никогда не пойдет на улицу, обязательно переоденется. У нее был свой стиль. Вещей, правда, немного, но все добротные, которые ей нравились, подходили. На нее обращали внимание. Они знали, что красивые, но это не мешало им быть естественными во всех ситуациях.

Очень повзрослела Ксюша, когда поступила в техникум. Даже девочка из параллельного класса сказала, что не узнала ее — так она изменилась и повзрослела.

Она хорошо училась, закончила девять классов с двумя четверками. Всегда была способной — в три года начала учить буквы. К школе полностью подготовлена. Класс у нее не очень сильный, она была лучшей ученицей. И при этом не отличалась зубрежкой — у нее всегда находилось время на друзей, в классе успевала не только сама задачки решить, но и давала списать. Учеба ей легко давалась. Бывало, как маленькая, вслух читала — закроется в комнате, сидит и вслух читает...

Ксюша отличалась от подростков своего возраста серьезностью и умением себя вовремя сдержать и промолчать.

Успехи в учебе, прилежное поведение не мешали ей быть веселой, общительной, иметь друзей. Не могу сказать, что в школе она имела много подруг, но если она с кем-то дружила, то уже по-настоящему. За месяц

учебы в техникуме она познакомилась со всеми студентами, знала их имена. А дружба с Оленькой была чем-то особенным, бывшие школьные подруги даже ревновали. Неземная дружба двух девочек. Словно две половины нашли друг друга. В этой дружбе они остались искренни до конца.

Очень любила математику, поэтому и специальность себе такую выбрала, и вообще у нее математический склад ума. Учеба ей давалась очень легко. Я приходила с работы, а у нее уже все готово. В детстве была нянькой. Ее младшей сестре было три года, а ей шесть, и она сломала руку, ее положили в больницу. Тогда я и почувствовала, что без нее — как без рук. Мужу говорю: «Ну вот, шестилетний ребенок, а мне ни в магазин никто не сходит, ни мусор не вынесет, ни сестричку не посмотрит». Она вынянчила младшую. У них были очень хорошие отношения с сестричкой. Ссорятся, а глаза светятся любовью. Младшая очень страдала, я с ней спала. Она привыкла к Ксюше, она ей помогала, а теперь и задачу решить некому. Ксюша помогала младшей переводить английский...

Радовали нас дети. Было интересно жить. Мне все интересно. Поговорит с Олей по телефону — мне интересно, что Оля сказала. Мне было любопытно все: кто ей позвонил, что сказал, что в классе, в группе происходит. Жила жизнью ребенка. Да, у меня младшая есть, но ведь — раз, и половины тебя не стало. Пустота какая-то внутри...

Учителя ее любили. Случался конфликт — она сразу замолкала, не грубила. Она долго искала себя — занималась дзюдо, ходила на английский, на математику, а потом на курсы «Юная леди». На курсы эти она три года проходила. У нас дома стены все в ее поделках. Ей курсы очень нравились. И как какой праздник или Новый год, она обязательно подарки нам готовила.

Смотришь на все это и начинаешь верить в судьбу. Ведь мы только с четвертого раза подали документы в этот техникум. Сначала мы поступали в колледж связи, на курсы туда пошли, но первый раз фотографию забыли, второй раз — справки не хватало, на третий сдали документы, а она все говорит: «Ну, мама, не судьба мне здесь учиться». А потом, вероятно, под веянием времени, решили на экономический. Ей очень нравилась группа в техникуме. Она три часа каждый день тратила на дорогу: полтора туда и столько же обратно. В семь часов выезжала из дома, чтобы вовремя быть на занятиях. Недосыпала, ждала летних каникул, чтобы отоспаться.

Она собиралась заканчивать одиннадцать классов, но я ей говорю: «Доченька, твои одноклассники когда еще закончат одиннадцать классов, а у тебя через год уже специальность будет». Я говорила: «Закончив техникум, если захочешь, пойдешь на заочное в институт. Сразу мы не потянем. А там где сама, где мы поможем — будешь учиться заочно, если будет голова на плечах...».

Зоя Викторовна:

— Оленьке нравилась такая специальность. Я в банке работаю, она приходила ко мне, и ей это нравилось, особенно компьютер. Нас этому в школе не учили, а у нее неплохо получалось — работать с компьютером.

Что касается увлечений, то Олечка, когда еще в классе втором была, ходила в кружок вязания на крючке. Ей нравилось, года два занималась. Дома салфетки вязала, а больше любила вязать животных — собачек, котиков, зайчиков. Занималась и вышиванием. До сих пор папа хранит салфетку с вышивкой, которую подарила ему Оля по случаю праздника 23 февраля.

Светлана Витальевна:

— Ксюша любила косметику. Но она умела ей пользоваться. Она вообще была яркая девочка. Мальчики всегда вокруг нее вились, хотя ничего серьезного не было. Это возраст, когда хватает дружбы.

Бог всем ее наделил — красотой, умом, характером. Что же такой короткий век дал? Мама моя приезжала, и как-то мы заговорили, с кем на старости жить, так она сказала, что смогла бы ужиться только с Ксюшей. В ней была удивительная терпимость. Если что случалось, она не нагрубит, скорее замкнется в себе, поплачет, если обижена чем-то. Очень благодарный ребенок. Если ей что-то хорошее сделаешь, она не забудет поблагодарить; если купим ей что-то, она папу обязательно поцелует.

Когда дети болели, я сплю с тем ребенком, который заболел. Я должна ночью голову потрогать, накрыть. И хотя Ксюше был семнадцатый год, я с ней тоже иногда спала. А теперь прижмешь младшую, и в темноте она сопит совсем как Ксюша. Закрою глаза, а сама в слезы...

Как они пошли на этот концерт — не понимаю. Ведь это совершенно не их стиль. Они больше любили «Песню года», «Музыкальный ринг». С Олей перезванивались, чтобы обсудить свои впечатления. Просто они никогда не были на таком мероприятии, вот и пошли посмотреть — что это? Когда по телевизору показывали подобные концерты — тяжелый рок, они не воспринимали...

Зоя Викторовна:

— И Оля, бывало, увидит по телевизору беснующихся фанатов и говорит: «Мама, я этого не понимаю. Чего уж здесь такого?». А это у них был повод пройтись погулять, тем более что это был один из первых теплых дней. Оля говорила: «Мама, мне так надоел этот холод». Вот пару дней как солнышко вы-

глянуло, и дети пошли погулять. Только второй теплый день.

У мальчика из их группы день рождения был, и он пригласил наших девочек. Это тоже характеризует отношения наших детей со сверстниками. Я спрашивала Олю, мол, пригласили всю группу, а она говорит: «Нет, только меня и Ксюшу». Вообще группа у них хорошая, не вульгарная. А девочки наши были очень общительные, нравились своим друзьям.

Когда Оленьку хоронили, преподаватели приходили. Одна преподавательница сказала: «От вашей Оли всегда какая-то добрая энергия исходила».

Теперь иной раз прихожу с работы, места себе не нахожу, говорю: «Оленька, ты была самым добрым человечком в мире». Прихожу в переход, и там кто-то написал: «Оля, ты самый добрейший человек в мире. Как мне тебя не хватает!». Как нам плохо без нашей девочки! Втроем дома соберемся, и нам так хорошо было, весело...

Иногда говорю: «Олечка, давай тебе то-то купим», а она: «Зачем, мамочка, такое дорогое?». Добрейший человечек. За что ему такое судьба послала? Не знаю. Пампушечка моя маленькая. Она теперь очень стройная была, высокая — метр семьдесят, но не худенькая — плотная, сбитая...

Теперь приходишь домой и вспоминаешь, как она встречала. Бежит, улыбается. Говорю: «Малая, ты дома?» — «Да, мамочка. Что купила — показывай.» Делала мне замечание: «Мама, надо по-стильному одеваться. Как ты одеваешься!». Я уже старалась. Сшила костюм белый, спрашиваю ее: «Ну что, хорошо?» — «Да, мама, это стильно.» И подружка была, и дочка была, а сейчас — все... Не уберегли...

Нашим детям не туда надо было ходить на концерты. Им надо было ходить в концертный зал, а не туда, где массовые гульянья. Это не для них...

У Оли день рождения 19 мая. Очень хорошо было, весело. Я была вроде как массовик-затейник — игры разные придумывала для гостей. Все остались довольны, а Оленька — особенно...

Светлана Витальевна:

— У меня день рождения тоже 19 мая. Мы отмечали в кругу семьи. Тортик купим, соков. Я в этот раз Ксюше говорила: «Как теперь будешь дни рождения отмечать — мамы и подружки?». Ксюша отвечала: «Буду и там и там, два стола в один день».

Если смотреть на взаимоотношения в наших семьях, то даже удивляешься — две одинаковые семьи. Всегда вместе, делили все радости. Мы всегда Новый год встречали в кругу семьи, дни рождения — в кругу семьи, и нам было интересно, шутки, веселье за столом. Две семьи одинаковые, двое детей нашли друг друга и вдвоем ушли...

Ксюша в субботу, перед 30 мая, пришла из техникума и плохо себя чувствовала — у нее болел живот. Я подумала — пусть два дня дома посидит. Но к вечеру все нормально стало. Утром в воскресенье с Оленькой созвонились и о чем-то договорились. Потом съездили подарок младшей дочери купить. Приехали, и она говорит: «Мама, там будет концерт, группа какая-то приезжает. Хочу посмотреть, что это такое. Пойдем с Олей». О том, что там будет праздник пива, я даже не слышала. Если бы знала, может, как-то по-другому к этому отнеслась. Я ей творог приготовила, говорю: «Доченька, ты хоть перекуси, чтобы не голодная была». Должна была быть дома вовремя, по расписанию. Младшая просила взять ее с собой, но Ксюша сказала: «Нет, я там с девочками встречаюсь, будешь хвостом ходить». Поехали наши девочки, и больше нет их.

Зоя Викторовна:

— Мы в субботу уехали в деревню, а Оля осталась одна. Ей как-то тяжело физика давалась, и она сказала: «Мама, я хочу на занятиях побыть. Не хочу пропускать». Это ведь перед сессией уже было. И почему мы ее не взяли? Я позвонила классному руководителю, но не ответил телефон. Вот такое стечение обстоятельств. Когда мы в воскресенье приехали, Оли уже дома не было, шел восьмой час. Смотрю — записочка в прихожей. Оля написала записку перед тем, как уйти на концерт. Читаю: «Мамуля, мы пошли с Ксюшей на праздник на Октябрьскую. Не волнуйся, до 22.00 приду. В квартире я убрала в субботу, а сегодня было лень. Посуду можешь не мыть. Приду — помою. Люблю. Целую. Оленька». И дописала: «Покорми Крысю. Дай кусочек картошечки, огурчика или помидорчика». Крыся — это хомячок. Я прочитала, подумала — скоро придут. Жду. Полдесятого — нету, десять — нету. Я из ее комнаты смотрю на дорогу. Потом Светлана Витальевна позвонила, спросила: «Оли вашей нету?». Я говорю: «Нету». Она: «И Ксюши нету». Через некоторое время она снова звонит и говорит, что на Немиге что-то произошло. Я удивилась, говорю: «А мы при чем? Оля написала, что они идут на Октябрьскую». Они, видно, на Октябрьской встретились и пошли туда, на Немигу. Потом мы начали обзванивать больницы, узнавать, что произошло, но я даже и подумать не могла, что такое могло произойти, что может быть смертельный исход. Думала, что, может, там детей подмяли, руку или ногу сломали, но такое… И когда я позвонила в больницу скорой помощи, там впервые сказали мне: «Женщина, это такая трагедия. Сорок смертей!». Я подумала: «Боже мой!». Я все обзвонила, Оленьку нашла в 4-й больнице. Когда ее туда привезли, она еще дышала, но была без сознания. Ее не смогли спасти. Не смогли спасти нашу девочку. Мне позвонили

и описали ее вещи. Ольгу сразу опознали, потому что она всегда брала с собой студенческий билет, проездной. У нее был рюкзачок коричневый, в нем — тетрадка какая-то. Говорят по телефону: «Коричневая сумочка и документы ее. Приезжайте, смотрите». Я думаю: «У нее же нет коричневой сумочки — наверное, ошибка. Боже, это же ошибка! Наверное, ее вещи кому-то попали в суете». Приехали, узнали — ее коричневый рюкзачок. А ее саму уже перевезли в морг больницы скорой помощи. Туда меня не пустили, муж пошел опознать. Приехали домой — я не знаю, сколько было, четыре, наверное. Решила позвонить Ксюшиным родителям. Не дозвонилась. Позвонила их соседям, спросила, что с Ксюшей. Сказали: «Ксюши нет. Ксюша погибла».

Нам надо было как-то сразу наших деточек похоронить вместе, как-то договориться. Но в такой растерянности все это происходило — не знали, что и делать сначала. И мы Оленьку похоронили недалеко от Малиновки, на деревенском кладбище в Дворище. Похоронили мы ее там, а через несколько дней я вижу сон. Вроде бы мне приносят письмо от нее. Она пишет: «Мама, мне так здесь плохо. Я здесь одна, и мне здесь как в тюрьме. Что же ты сделала, мама?». Боже, я просыпаюсь в ужасе, говорю: «Ваня, наверное, мы что-то не так сделали». Поехали посмотреть, где Ксюша похоронена. Конечно же, надо было ее рядом с Ксюшей похоронить. Раз они вместе погибли, надо было вместе и захоронить. Муж пошел в церковь узнать — можно ли перезахоронить. Сказали — можно. И мы тогда решились, обратились в исполком, там тоже разрешили...

Лишились мы и подруги, и дочери, и своей советчицы — вообще всего лишились. Нам так хорошо и весело было втроем, никто нам не был нужен. А сейчас жить стало неинтересно. Смотришь на

фотографию, с которой она улыбается, и думаешь: «Боже, почему такая судьба? Почему?».

Светлана Витальевна:

— В тот вечер у нас телефон почему-то не работал. Я пошла к соседям позвонить. Сосед наш служит в службе безопасности и уже знал, что что-то произошло на Немиге, но ничего сначала не сказал. До часа ночи я ходила на остановку и ждала, что Ксюша приедет, что просто задержалась. Мужу говорю: «Проедь на Восток, может, автобусы не ходят, она там стоит на остановке и уехать не может». Потом нам сказали, что произошло страшное. Начали звонить по моргам. До последней минуты я верила, что она в реанимации. Муж друга поднял, чтобы вместе ехать искать дочь. Никогда не были в 10-й больнице, но сразу нашли дорогу. Поехали туда, в морг. Когда обходили комнаты, только одна мысль мелькала — только бы ее тут не было. Муж обошел все комнаты и уже облегченно вздохнул — Ксюши нет. Но тут сказали, что есть еще одна маленькая комнатка — там тоже трупы. Муж пошел, а она — там. Он закричал. Когда он приехал домой, было уже часа два ночи, он был одним из первых, кто нашел своего ребенка. Ему сразу валерьянки дали. А у меня шок какой-то, я только твердила одно и то же: «Это неправда. Этого не может быть». Я не могла допустить, что такое может произойти с нашей девочкой. Это неправда, это несправедливо...

И что дальше делать? Мы в городе одни — без родственников. Пошла к соседям, говорю: так и так, погибла наша Ксюшенька, помогите. Перенесли все благодаря только друзьям и соседям. К сожалению, нужно, чтобы пришла большая беда, чтобы понять, кто у тебя настоящий друг.

Родители Оленьки позвонили и сказали, что и она погибла...

Первые дни я так явно видела Ксюшу во сне, ощущала физически, обнимала, разговаривала. Я у нее спрашивала: «Доченька, ты, наверное, была там самой первой, в самом низу?». Она говорит: «Да, мама, мы были самыми первыми». Вначале она снилась очень часто. Я спрашивала ее: «Ну как вы там?». Ведь хочется верить, что там что-то есть, что на этом все не кончается...

Знаете, были минуты, когда кажется, что все бы бросил и ушел, а она мне во сне как-то говорит: «Мама, а ко мне нельзя раньше времени...».

Когда мы приехали из отпуска, приснился мне сон. А тем вечером младшая дочь попросила приготовить ей макароны. Ночью мне снится Ксюша и говорит: «Мама, я хочу макарон». Я спрашиваю: «Доченька, а как же я тебе их передам? У портрета поставить?». Она говорит: «Да». Я проснулась среди ночи и приготовила ей макароны.

Это были дети, которые умели любить, которые были желанные в семье. Все время их ждали, за них волновались. Когда задерживалась в техникуме, я сразу Оле звонила — она поближе живет. И вот сейчас у меня в ушах звучат Олины слова: «Ну, тетя Света, сейчас Ксюша приедет. Что с нами может случиться?».

Когда свой хороший, любимый ребенок, то присматриваешься и к подругам — хочется, чтобы и подруга была хорошая. У Ксюши была одна подружка, единственная в семье, поэтому разбалованная, и мы не очень поддерживали эту дружбу. И когда Ксюша рассказала об Оленьке, что она одна в семье, мы тоже отнеслись к ней настороженно. Но когда Оля первый раз к нам зашла — с открытой и доброй улыбкой, мы дали «добро» на эту дружбу...

Когда ездили Ксюше одежду покупать, встретила я женщину в ЦУМе. Эта женщина посмотрела на меня и говорит: «У вас погибла дочь. Но еще есть

девочка, лет двенадцати-тринадцати. Погибла старшая, и она будет ангелом-хранителем для вашей младшей. У младшей будет все хорошо — ее всю жизнь будет оберегать старшая». Когда я услышала это, то захотелось поверить во что-то сверхъестественное...

У каждого человека, говорят, есть ангел-хранитель. Так где же были ангелы-хранители наших детей? И если настоящая жизнь — там, то почему мы тут цепляемся за эту жизнь? Хочется, чтобы дети тут счастливы были. Или это лучших забирают туда? Та женщина говорила, что беда потому и произошла на Троицу, что не хватает ангелов — земля грешная настолько, что не хватает ангелов, и Господь призвал лучших сорок девочек — сорок ангелов...

Может, мы неправильно воспитывали наших детей: постоянные морали о девичьей чести, нравоучения? Боялись не того, чего надо было бы. Кто победовее, понаглее — тот и остался жив, а кто не мог наступить или переступить — тот и погиб...

Некоторые говорят, что дети погибли — такая их судьба. Бог их забрал, и еще неизвестно, что бы из них получилось. Мы знаем, что наши дети стали бы хорошими людьми. Они могли бы обеспечить лучшее будущее нашей страны. Пусть бы они жили, пусть бы строили будущее. Что же будет с нашей страной, с нашим народом, если уходят лучшие? Господи, прости меня, но почему так несправедливо? Если ты забираешь самых лучших, что же тогда будет с нашим грешным миром?

Будто что-то оборвалось. Неинтересно стало жить. Как сказал мой свекор: «Хорошо в этой жизни уже не будет. Может, будет когда-то легче, но хорошо — нет».

Жизнь разделилась на два периода — «до» и «после». Все хорошее осталось там, до 30 мая...

РАК ЕЛЕНА

Рассказывает мать Елена Степановна Рак

— Лена родилась 24 января 1983 года. Росла послушной и ласковой. Болела редко. Подруг у нее было много, с ними она находила общий язык. Я всегда заботилась о ней, хотела, чтобы она выросла хорошим человеком.

В 1989 году Лена пошла в первый класс. Училась хорошо.

В школе Лена проучилась девять классов. Потом поступила в торговое училище. После училища подумывала дальше учиться. Но все это не сбылось...

Тот страшный день начался, как обычный день. Пришла подруга, посидели они у нас дома, послушали музыку, собрались и пошли гулять. Я всегда, когда она выходила, смотрела ее вслед. И в тот день я подошла к окну, чтобы посмотреть на нее. На ней были черные брюки, свитерок, сумочка на плече. Лена остановилась, повернулась ко мне и помахала мне рукой. Неужели она прощалась со мной? Ну нет, она всегда так делала. Я еще подумала: «Какая она у меня красавица!».

Тогда я не могла подумать, что вижу ее в последний раз. Что больше никогда не увижу. Этот момент у меня будет стоять перед глазами всю мою жизнь: поворот головы, улыбка и ее взгляд.

Я всегда, еще при жизни Лены, вспоминала один эпизод. Когда Лена ходила в детский сад, там однажды детей фотографировали. Мне отдали ее снимок. Принесла его домой и говорю ей: «Посмотри, какая тут красавица». И когда она хотела

посмотреть тот снимок, просила меня: «Покажи мне ту красавицу».

А теперь остались только фотографии...

НАСОНОВА Елена

Рассказывают мать Тамара Ивановна и отец Сергей Иванович Насоновы

Отец:

— Леночка все куда-то спешила, видимо, спешила жить...

Раньше я только открывал дверь в квартиру, а из детской комнаты раздавался нежный, детский голосок: «Папа, привет». А теперь я не могу, боюсь заходить в квартиру. Сейчас я захожу в квартиру, и сразу возникает ощущение, что я как будто попадаю в какую-то яму, падаю в пропасть. Это невозможно объяснить никакими словами...

Мать:

Лена родилась 23 октября (в день рождения своего папы). Я перехаживала определенный мне срок и рождением дочери словно сделала дорогой подарок своему мужу. И мы всегда говорили, что Леночка — это папин подарок. Лену все время преследовал какой-то страх. В ее жизни были случаи, которые вспоминаешь — и сердце болит. Когда Лена была в третьем классе, она пришла и говорит мне: «Мама, никто из детей не ходит в продленку, можно, и я ходить не буду?». И я ответила Лене: «Если ты не боишься быть одна дома, можешь и не ходить». Однажды я

что-то забыла дома и вернулась — мы жили в частном секторе. Вижу — Лена стоит с портфелем, в школьном платье возле собачьей конуры. А была уже поздняя осень, холодно. Я спросила, что случилось, а Леночка говорит: «Я дома боюсь». Лена все время чего-то боялась. В детской комнате всегда был включен свет. Отец часто приходил к ней ночью в комнату, чтобы выключить свет, а Лена ему говорила: «Папа, не выключай свет. Иди спать». Не знаю, может быть, Лена была чем-то напугана и ее нужно было лечить от испуга?..

Отец:

— Я ездил к одной «шептухе» в Смолевичи, чтобы узнать, чего дочка так боится. Лена с бабушкой, моей мамой, ездила к какому-то лекарю. Но у Лены это не отражалось ни на учебе, ни на чем-то другом. Она росла прекрасной девочкой. Хотя все время чего-то боялась, но чего именно — мы не знаем и до сих пор.

Мать:

— Ей часто снились страшные сны. Часто снилась бабушка, которая уже умерла. Она воспитывала Леночку, научила ее и говорить, и писать, и читать. И Лена научилась этому очень рано. Бабушка ее очень любила. И вот в последнее время Лене стала сниться эта бабушка. Я Лене говорила: «Пойди в церковь, поставь свечку за бабушку».

Отец:

— Церковь на Военном кладбище была ближе других, и мы один раз приходили с Леной в эту церковь. Мне понравилось там. И сама церковь, и это кладбище. А когда Лене начали сниться страшные сны, она начала чего-то бояться. Мы все поехали в церковь и заказали поминальную службу

по бабушке. И все на этом как бы и закончилось. Но мы с женой не знали, что после этого Лена ездила со своей подругой на это кладбище и говорила ей: «Ой, как мне здесь нравится. Я бы хотела быть похороненной на этом кладбище и чтобы рядом была маленькая церквушка». Разве семнадцатилетней девочке в пору думать о смерти и говорить об этом? Ей бы думать об учебе, о поклонниках. А у нее почему-то возникали эти мысли.

Лена всегда была чем-то занята, она всегда куда-то спешила, буквально летела. Часто говорила: «Папа, можно, я уже побегу?». Я иногда думал, что Лена только собирается уходить, а оказывалось, что она уже вернулась и даже успела сделать все, что планировала. Лена все делала очень быстро, и я никак не мог понять, как она успевает. У Леночки было много подруг. Но лучшей подругой была Светлана. Дверь в квартиру не закрывалась, потому что у Лены были постоянно какие-то дела. И я иногда даже сердился: «Лена, ну сколько можно ходить туда-сюда?». А теперь просто не передать словами, как этого не хватает. С Лешей, братом, иной раз ругались, кричали, выясняли свои отношения. Никогда нельзя было понять, кто из них виноват. Они никогда друг друга не выдавали, очень любили друг друга, а если и ссорились, то тут же мирились.

В квартире всегда было шумно, играла музыка, а теперь приходишь — в доме стоит гробовая тишина. Леша не хочет находиться дома, постоянно куда-то уходит. Ему здесь страшно. Да и мы, приходя с работы, не хотим ничего делать. В квартире ужасная пустота. Эта пустота пугает нас. Без Лены стало пусто в нашей жизни. У нас такое ощущение, что у нас отняли самое дорогое и необходимое. Как будто мне отпилили руки-ноги. Тело осталось, но организм не функционирует. Я строил дачу, делал что-то, а теперь не хочу ничего. Мне уже ничего не надо.

Когда мы с женой создавали семью и заводили детей, то решили, что их будет двое. Двоих детей мы должны были вырастить, воспитать и дальше идти по жизни вместе с ними. Одному из них нужно было дать то, а другому это. А теперь, когда их разъединила смерть, я не знаю, как разделить то, что предназначалось двоим.

Мать:

— У нас была собака. Лена приручила ее, когда та была щеночком. Мы приходили домой, а этот щеночек лежит у нас на коврике и смотрит нам в глаза жалобно. Мы принесли его в квартиру, и с первых минут он нас признал за своих хозяев. Щенок у нас прожил год и вырос в большущую собаку. Но дети уезжали на каникулы, весь день никого не было дома, а ведь собаку нужно часто выгуливать. Я могла выгулять ее только два раза в день — утром и вечером. Когда я приходила домой, то собака едва дожидалась моего прихода. Поэтому муж отдал ее охранять гаражи.

Отец:

— Мы часто с Леной, с Лешей ездили навещать собаку. И стоило нам только подойти к воротам, как она начинала радостно приветствовать нас своим лаем. А 30 мая вечером — мне рассказал это сторож — собака ночью выла, скулила, каталась по земле, не находила себе места. Сторож думал, что кто-то ходит посторонний, но никого не было, а собака все никак не могла успокоиться. Собака, но как она чувствовала пришедшее к нам горе!..

Мать:

— 30 мая муж уехал на рыбалку. Я проснулась утром, приготовила завтрак, а потом опять прилегла на минутку и задремала. Мне приснился кошмарный

сон: что я ослепла. Я проснулась от собственного крика. Сразу позвонила своей маме и спросила, все ли у них в порядке. Мама ответила, что у них все в порядке. Мне даже в голову не могло прийти, что беда может случиться с моими детьми. Лена проснулась, подходит ко мне и говорит: «Мама, мне такой страшный сон снился!». О господи! И что она рассказывает? «Я вхожу в спальню, а с потолка мне на голову падают капли крови.» Этот потолок, это замкнутое пространство — может, это было ей знамение? Днем Лена учила билеты по белорусской литературе. Пришла ко мне и говорит: «Ой, я так замерзла». Я говорю ей: «Пойдем погуляем». Гуляли долго. Сходили с Леной в лес, потом пошли в магазин за мороженым, но нам его не хватило, потом опять пошли гулять, зашли в другой магазин, купили там мороженое. Когда пришли домой, выяснилось, что я забыла ключи от квартиры. Сказала Лене: будем тут сидеть до вечера, пока не приедет папа. А Лена говорит: «Я пойду Лешу найду». Если бы мы сидели на этой скамейке, она никуда бы не пошла... Лена пошла и нашла Лешу, он открыл квартиру...

Лена позвонила Леше, своему другу, через пять минут он пришел, они собрались и ушли. Я долго стояла и смотрела им вслед. Они были такие светлые, красивые и счастливые...

Отец:

— Лена очень любила животных. У нас под крыльцом жила собака. Там она вырыла себе конуру и привела четырех щенят. Соседи испугались, что они вырастут и будет собачий двор. Дети, в том числе и Лена, услышали от кого-то, что завтра придут собаколовы ловить этих щенят. Дети взяли этих щенят и повезли на Комаровку. Они не собирались их продавать, хотели раздать желающим, но щенков у них никто не взял. Вечером пошли в соседнюю деревню,

стали ходить по дворам и раздавать этих щенков. Вот такой была Лена. Она не могла терпеть несправедливости. Лене нужна была правда и справедливость во всем и везде, она всегда боролась за правду. Ей бы было тяжело в этой жизни... Как-то пришла ко мне и говорит: «Папа, я хочу научиться играть на гитаре». И я купил Ленке в подарок гитару, хотя и не был уверен, что она действительно будет играть на ней. Но, к моему удивлению, уже месяца через три Лена очень хорошо научилась играть. То, что ей хотелось, она осуществляла. Окончила курсы иностранного языка, ходила на подготовительные курсы в институт. Не успела сдать на курсах только один экзамен — по белорусскому.

Лена была очень способной девочкой. И на все у нее хватало времени и сил.

Года два назад в подъезде нашего дома Лена нарисовала на стенах огромные и очень красивые и яркие рисунки. Сейчас эти рисунки поблекли, молодежь их поцарапала, испортила. Лена с подругой не спрашивали разрешения рисовать на стенах. Но всем понравилась их роспись. Все соседи говорили, что купят им краски и пусть они разрисуют весь подъезд.

Мать:

— Лена очень любила читать. Перечитала множество книг. Мы не могли понять, когда Лена успевала прочитывать все эти книги.

Отец:

— Однажды ночью я проснулся и зашел к Лене в комнату. Она сидит на кровати. Я спрашиваю: «Лена, что случилось?». А она мне в ответ: «Ой, папа, мне приснился плохой сон». Я спросил: «Что тебе приснилось?» — «Мне приснилось, что у мальчика капала кровь.» Лена говорила про своего друга Диму

Янцева. Он то ли покончил жизнь самоубийством, то ли его сбросили с крыши соседнего дома. Лена очень сильно переживала смерть этого парня. Плакала и постоянно говорила: «За что его так?». Этот мальчик очень часто приходил к ней во сне. Но не всегда Лена была печальной. Она была веселой и неугомонной, часто смеялась. И не просто смеялась. Своим задорным смехом и шутками она могла рассмешить кого угодно.

Мать:

— Лена погибла влюбленной, влюбленной в Лешу, с которым она пошла на этот праздник. Лена просто безумно влюбилась в него. Хотя до Леши у нее были и другие ребята. А Ленка у него, как потом говорил Лешин папа, была первой любовью. Они познакомились накануне 8 Марта. Я как-то у Лены спросила: «Ты вроде изменилась?». Лена говорит: «Мама, ты не представляешь, как Леша мне нравится». Лена, встретив Лешку, отделилась от своей компании и стала проводить время только с ним. Ленка сидела дома, а Лешка приходил к ней в гости, помогали друг другу готовить задания.

Леша приехал после случившейся трагедии домой и сказал отцу, что Ленка погибла — он видел Лену уже мертвой. Они прибежали к нам и говорят: «Чудо бывает, может быть, ее спасли». Лешин папа завел машину, мы поехали искать Ленку. Целую ночь искали, но так и не нашли. И только на следующий день разыскали. Но Лена была уже мертвой... Я на пару часов отправила Лену погулять и...

Отец:

— Знаете, что касается виновных в происшедшем... Я никак не могу понять, почему никто не виноват в том, что произошло? Брат жены, он сотрудник милиции, говорил мне, что виновных нет. Но я все

равно не понимаю. Праздник ведь не был организован! Собрали такое количество людей, а организации — ноль. Они знали и понимали, что основная масса людей двинется в ближайший переход метро. Почему они его не перекрыли? Ведь это их непосредственная работа — обеспечить безопасность людей, и каждый должен выполнять свою работу. Генерал Тарлецкий в своем интервью сказал, что они не могли перекрыть вход в метро, мол, трагедия произошла в переходе, что он не ощущает никакой вины. Но ведь толпа шла в метро, а им навстречу выходили люди из метро. Из метро выходила Настя Бельская, моя студентка из Молодечно, она проходила у меня на хлебокомбинате практику. Получилось два потока — Настя выходила из метро, а Ленка входила в метро. И эти два потока людей столкнулись. И я считаю, что если бы они перекрыли переход, то не было бы этой толпы и люди бы не погибли. Настя Бельская была на празднике со своей подругой Юлей. Настя — погибла, а Юля осталась жива. И вот что мне рассказала Юля. На нее сверху упал какой-то мужчина, и она осталась под ним. Это ее и спасло. Она осталась как бы внутри, а слои клались уже сверху. Настю доставили в 4-ую больницу еще живой, но в больнице она умерла. После похорон Насти Юля собралась постирать одежду, в которой была 30 мая. И она сказала, что от одежды шел очень сильный запах каких-то химикатов. Просто невозможно было дышать и даже войти в ванную комнату. Запах был такой сильный, что держался в ванной дня три после того, как Юля постирала эту одежду...

Мать:

— Когда мы были на Московском кладбище, то разговаривали там с девочками, которые были тогда в переходе. И они говорили нам, что они

понимали и осознавали, что наступали на людей, но ничего не могли сделать, не могли остановиться. Но Лена не упала. Лена стояла ровно, ее просто сильно сдавили. У Лены не было внешних повреждений. Леша, который был с Ленкой в переходе, говорил, что все продолжалось минуты четыре. Леша все происходившее испытал на себе, но ему удалось прийти в сознание, а Лене нет... Леша говорил нам: «Меня сильно придавили. Я пытался дышать, но у меня это плохо получалось. Затем потерял сознание». Леша рассказывал: «Я и Лена сидели на бордюре, сначала начался дождь, мы еще сидели, но потом посыпался град, он очень больно бил по голове. Мы с Леной пошли в метро». Сзади толпа начала давить. Лена и Леша шли обнявшись. Но толпа так давила, что их разъединили, Лена оказалась на одну ступеньку ниже Леши. Лена погибла на шестой ступеньке сверху... И как потом сказал Леша, что если бы у Лены были повыше каблуки, то она осталась бы жива. Леша еще помнил, как Лена кричала, что ей нечем дышать. Когда к Леше вернулось сознание, то он увидел, что ОМОН поднимал людей из этой огромной кучи. Лена лежала. Он и еще какой-то мальчик вытащили ее. Он сделал Лене искусственное дыхание и массаж сердца, но увы... И когда Леша понес Лену на руках в одну из машин «скорой помощи», ему сказали, что пострадавших в таком состоянии они не берут. Во второй машине Леше тоже отказали. Лену взяли лишь в третью машину. Леше не разрешили ехать в ней. К тому моменту Лена уже была мертва...

Мальчик после всего случившегося был в сильном шоке. Родители Леши отправили его сразу после похорон Лены на юг, к бабушке. И вот родители звонят ему, а он говорит: «Я живу еще один лишний день, я живу лишнюю неделю». Леша был в страшном шоке, родители долго лечили его...

Отец:

— Я не смог с первого раза опознать тело Лены в морге. Вроде бы она... Затем перевел взгляд на туфли — туфли не ее. Я вздохнул с облегчением, что это не моя Леночка. Я был неимоверно рад, что это не она. И мы сразу ушли... Пена с кровью. Около рта. Так было у всех, кто там лежал. И эта полузастывшая пена стекала с уголков губ...

Когда солдаты разгружали машину со страшным грузом, я стоял сбоку от этой машины. Я увидел двоих людей с фотоаппаратами. Они быстро фотографировали разгрузку трупов. И тут к ним подскочили работники правоохранительных органов, отвели их за машину, и я услышал странные звуки. Вроде что-то разбивали. Наверное, это были разбиты фотоаппараты. Мне тогда было не до этого. Процедура разгрузки тел останется в моей памяти до конца моих дней. Память про тот ужас, который я тогда увидел. Было впечатление, что разгружают не тела людей, а какой-то хлам. В машине было 12 человек. Их не выносили, а буквально выбрасывали из машины. Капли крови разбрызгивались и попадали на меня. Меня и так всего трясло, а от этой картины у меня был вообще шок. Это просто дикость какая-то. Машина была похожа на военную, сверху закрыта тентом. Но может, и у милиции есть такие машины, я не знаю. По бокам в этой машине стояли скамейки, а на полу лежали трупы. И я слышал, как разговаривали двое — из тех, кто разгружал, и один говорит: «Тяни быстрее, чего возишься», а другой отвечает: «Попробуй ты вытяни». Они лежали там как попало, 12 человек в одной машине... А когда мы зашли в морг, то там тела лежали и на полу, и на кушетках. Я когда ходил опознавать Лену, то, глянув на туфли, решил, что это не она. У Лены не было таких туфлей. А жена, оказывается, купила Лене новые туфли, Лена обула их и пошла на злополучный праздник...

Мать:

— Я как раз в тот момент пошла в отпуск и получила отпускные. Я и Лена пошли на рынок и купили ей новые вещи. И босоножки, и брюки, и кофточку, и платье на выпускной вечер. Она была очень довольная, все бегала и примеряла обновки. Говорила, что вот это я буду носить вот с этим, а это с этим.

Мы зашли в институт травматологии, и там проверили списки, но ее в списках не оказалось. Когда мы добрались до больницы скорой помощи, проверили списки пострадавших, в них Лениной фамилии не было. У мужа екнуло сердце. Нам оставалось проверить 9-ую клиническую больницу, но муж сказал, что в этом нет необходимости, Лена здесь, предложил сходить в морг...

Отец:

— Я говорил уже, что видел двух журналистов, которые пытались фотографировать. Я знаю, что им разбили камеру. Но я все же считаю, что, видимо, они должны были это снимать. Люди должны знать правду, раз мы хотим построить правовое государство. Мы раньше не знали, что и самолеты разбиваются, и поезда сходят с рельс. У нас все было хорошо и чисто. Почему людям не знать правду об этом? Ведь погибли 53 человека, в большинстве своем совсем юные, причем девочки, 53 человека, не увидевшие жизни... Они так хотели жить, у них было столько сил и желания творить. Погибшие девочки в основной массе своей были очень талантливыми, грамотными, они могли оставить значительный след в жизни. Так почему не рассказать все, что там происходило?

Мать:

— В каком состоянии была одежда Лены в тот роковой день и чем она пахла, мы не знаем. Мы все

оставили в морге, ничего не взяли домой. Что касается факта мародерства. По отношению к Лене ничего подобного не заметили. Все, что у нее было с собой, все осталось при ней. Золотые сережки в ушах — подарок Лениной бабушки, — они и остались. В кармане 520 тысяч — они тоже остались. И серебряные колечки на пальцах. Все это завернули в бумагу и отдали нам. И мы решили, что все пусть и останется с ней. Мы положили все это ей под подушку. И даже те 520 000 рублей. Только ее ключи от квартиры я забрала и сейчас ношу их с собой. У Лены страшная аллергия на цепочки, и поэтому она не носила цепочку. Но мама Насти Бельской говорила, что у дочки на шее была золотая цепочка, которой потом не оказалось...

Нам сказали, что семьи погибших и пострадавших на Немиге могут получить медицинское обслуживание в первую очередь. Вначале я обратилась в свою поликлинику, поближе к работе. Там мне врач ответила, что уходит в отпуск. В другой поликлинике сказали приходить через месяц. Я была на грани сумасшествия, все время тогда думала, что сойду с ума. И тут нам посоветовали обратиться в Центр здоровья и реабилитации населения. Когда мы туда пришли, нам сказали, что одну семью возьмут бесплатно. Мы и оказались той семьею, потому что обратились туда первыми. В этом гомеопатическом центре нас встретила Татьяна Николаевна Троян. Позже она сказала мне: «Когда я увидела вас в первый раз, то была в шоке». А когда я потом после четырех сеансов впервые улыбнулась, Татьяна Николаевна поняла, что они смогут мне помочь...

Отец:

— После сеанса на лице жены появлялась улыбка. И в тот момент понимаешь, что человек жив. Если

человек улыбается, значит, он живет. Я тогда понял, что она начинает жить.

Мать:

— После первых сеансов я могла проходить целый день и ни разу не заплакать. Но потом все повторялось. Вначале мы ходили в центр один раз в неделю, потом стали приходить чаше. И после курса лечения мне стало легче. Я же не вставала с постели, ничего не ела, я вообще жить не могла. Сейчас принимаю транквилизаторы, без них я не могу уснуть, но все равно я чувствую, что врачи мне очень помогли.

После смерти Лены я не могла войти в квартиру, сидела на скамейке возле подъезда и ждала мужа. А после курса лечения мой страх прошел. Но все равно захожу в квартиру, включаю телевизор, сажусь в уголок и тихонько сижу. Снятся мне сны. Во сне Лена говорит со мною. Просыпаюсь, и мне кажется, что она жива... И так много раз. Лена мне часто снится...

Отец:

— Мне Лена приснилась всего один раз. И приснилась маленькой. Бежит ко мне навстречу. А подбегает ближе, и я вижу, что это Леша — наш младший сын...

Очень хочется, чтобы Лена была рядом, вернуть все, ее детство. Нам так не хватает Лены. В последнее время она была дома не так часто, как хотелось бы. Иной раз я даже злился на нее за то, что ее часто не было дома. Свое свободное время Лена проводила то со своим мальчиком, то с друзьями, а дома бывала не часто.

Мать:

— Накануне старого Нового года Лена гадала. Она ушла на всю ночь к своей подружке (квартира

их напротив нашей), и там они гадали. И когда Лена вернулась, я спросила: «Ну, что себе нагадала?». А Лена говорит: «Нагадала веночек, мне из воска веночек вылился». А я ей говорю: «Я тебе дам веночек! Сначала институт, а потом веночек». Веночек ведь к свадьбе. А оказалось, вот к чему этот веночек. У Лены вся могила была в цветах и в венках...

А 30 мая Лена говорила: «Мама, я так не хочу дождя!». Я ей в ответ: «Дождь — это жизнь!».

Недели за две до смерти Лены у нас с ней произошел конфликт. В институте Лена писала контрольную работу по математике и получила 3 балла. Учительница сказала им, что они могут оценки исправить. И я говорю ей: «Лена, может, ты чего-то не понимаешь, пусть репетитор с тобой позанимается». А Лена мне говорит: «Да, не понимаю». Затем разозлилась, хлопнула дверью и, выходя из комнаты, сказала: «Вы меня, может, скоро вообще не увидите». А я говорю ей: «И куда ты, интересно, денешься?». Потом пришла к ней в комнату и говорю: «Ну что ты ерунду говоришь?». А Лена ответила, что сказала это просто так, со зла. Меня эти ее слова сильно затронули. Не знаю, может, Лена что-то чувствовала, поэтому так и сказала?..

Отец:

— Вспоминается: идешь, бывало, по деревне с Ленкой и говоришь ей: «Иди, только сама, своими ножками». А Ленка бегала босиком, наступала на камушки, и ей становилось больно. Она поджимала одну ножку и не хотела идти. Я брал ее на руки, но говорил ей, что она уже большая девочка и что пора ходить своими ножками...

Мать:

— У мужа и у меня в родне Лена была единственной девочкой, остальные все — мальчики. И вся

родня безумно любила Ленку. Мы все души не чаяли в Ленке, а бабушка уже даже собрала ей приданое. Бабушка отдала Лене приданое буквально недели за две до ее гибели. И мне сказала, чтобы я не смела это трогать, потому что это принадлежит Ленке. А через две недели Лены не стало...

После всего случившегося я прочитала много книг про загробную жизнь и хочу сказать, что они мне здорово помогли. Потому что происшедшее было для меня жутким кошмаром. А сейчас мне хочется верить, что Лена где-то там и что ей там хорошо.

ТКАЧЕВА Елена

Рассказывают мать Тамара Николаевна и отец Слава Стефанович Ткачевы

— Жизнь в нашей семье мгновеньями и минутами страшного вечера 30 мая 1999 года разделена на две части: «до» и «после». В роковые минуты того вечера ушла от нас наша любимая доченька Леночка. Незаживающая рана в наших, родителей, сердцах, близких нашей дочери, воспоминания о том, когда мы были вместе, — вот что до конца нашей жизни останется с нами. Мы живы только воспоминаниями о тех радостных и счастливых днях, когда вся наша семья была вместе.

У нас сложилась дружная, счастливая семья, где все любили и заботились друг о друге. В семье нас было четверо — мы с отцом, Лена и ее старший брат Слава двадцати лет. Лена еще была школьницей,

успела закончить десять классов. Ей было шестнадцать лет.

Высокая, красивая, стройная белорусская девочка с белокурыми волосами, с миловидными чертами лица и аналитическим складом ума, всегда веселая, улыбчивая, приветливая, с хорошим, покладистым, нежным характером. Очень сердобольная, умела сопереживать чужому горю и искренне порадоваться вместе с человеком, если у него была радость.

Родилась Леночка 15 октября 1982 года. Это желанный ребенок в семье, все радовались ее рождению.

С первых дней жизни была очень спокойной, наблюдательной, проницательно изучающей мир девочкой. В детском саду очень быстро находила контакт с детьми, воспитателями, дружила почти со всеми.

С детского возраста очень старательная, усидчивая, всегда легко и естественно находила себе какое-нибудь занятие: могла часами рисовать, выкраивать, шить, играть с игрушками. Была очень любознательна, хотела знать подробно буквально обо всех предметах и явлениях, жизненных ситуациях.

Она всегда рассказывала нам, родителям, обо всех своих делах в детском саду, в школе. Очень общительная, жила заботами своего детского коллектива. На каждом этапе ее жизни у нее были близкие подруги и друзья. Лена умела дружить, обладала талантом по-человечески понимать своих близких и друзей. Ее душа всегда открыта для них, она делилась с ними своими переживаниями, успехами и неудачами, вместе с ними познавала мир и взрослела.

У нее были очень разносторонние увлечения и интересы, ей нравилось постоянно учиться чему-то новому. С шести лет Лена начала ходить в бассейн учиться плавать, с восьми — училась играть на пианино в музыкальной школе, с восьмого класса увле-

калась танцами и два года посещала танцевальный клуб «Серпантин». После девятого класса поступила на двухгодичные курсы английского языка в Доме офицеров и один год обучения успешно закончила в мае 1999 года, незадолго до своей гибели.

Восемь классов Лена закончила в 189-й школе Минска. Здесь у нее обнаружились способности к точным наукам, она решила углубленно изучать математику и перешла в 98-ую школу, в 9 «А» класс с математическим уклоном. С учебой у Лены никогда не было проблем. Она хорошо училась. Мы, родители, не контролировали ее, предоставив возможность быть самостоятельной, научиться самой принимать решения и претворять их в жизнь. Обычно в начале учебной четверти мы с Леной обсуждали перспективы учебы, и она брала на себя обязательства, задачи на эту четверть — и всегда достигала поставленных целей. Она реально могла оценить свои возможности, это и нам помогало в общении с ней.

Она была умная девочка с организаторскими способностями, с задатками лидера — личностью, перед которой открывались большие перспективы, которая могла бы многого достичь в жизни благодаря своим природным данным и большому трудолюбию. Лена мечтала поступить после школы в институт, изучать экономику, стремилась быть всесторонне развитой, иметь широкий кругозор, быть хорошим специалистом и человеком и готовилась к этому всеми своими силами.

В семье мы очень любили Леночку и видели такое же отношение к себе с ее стороны. Лена росла в атмосфере любви, ласки и заботы. Это сформировало ее характер. Мы, родители, могли обсуждать с дочерью любые вопросы, она могла очень подробно рассказывать о своих впечатлениях, эмоциях, сверять свои мнения с нашими мнениями. Она всегда прислушивалась к нам.

В детстве Лена увлекалась художественной самодеятельностью. Не было ни одного семейного торжества, к которому Лена со своим двоюродным братом Ромой не организовали бы концерт, где были шутки и смех, танцы и пародии, дружеские шаржи... Лена очень любила семейные праздники, любила всех близких и родных. Все ее двоюродные братья и сестры относились к ней как к родной сестре. Она обожала ездить с ними в гости, ждала этих встреч и дорожила своими друзьями и родственниками.

В свои шестнадцать лет она могла уже приготовить ужин, постирать белье, убрать квартиру. Она остро чувствовала наше с отцом плохое настроение и одним словом, взглядом, солнечной улыбкой умела снять с нас депрессию. Ее жизнерадостность, жизнелюбие передавалось нам, родителям, и хотелось жить и трудиться, быть полезными ей и другим.

В июне 1999 Лена собиралась поехать в пионерский лагерь. Она ездила туда отдыхать почти каждый год. Это лагерь от завода, где работает ее папа. Дети и вожатые в лагере называли Лену «корреспондентом». У нее был диктофон, она брала интервью и затем делала радиопередачи для лагерной радиостанции, проводила различные конкурсы.

Она любила ходить в театр, на концерты. Часто посещала театр со своими одноклассниками и классным руководителем Зоей Петровной Батьковой. Зоя Петровна — учитель белорусского языка и литературы, и она прививала своим ученикам любовь к книгам и театру, старалась сформировать и воспитать в них общечеловеческие ценности, а также активную жизненную позицию в обществе. Лене повезло на учителей и одноклассников...

В тот трагический день ничто не предвещало беду. Позади — только что успешно законченный учебный год, впереди — долгожданное лето, каникулы. Лена была здоровой, все у нее в жизни получалось, отчего целый

день веселилась, смеялась, шутила, у нее было хорошее настроение, и она хотела поделиться им с нами.

У Лены много близких подруг, но самой задушевной была Вика Арех, с которой они дружили еще с детского сада. Они всю свою короткую жизнь шли по жизни вместе, ходили в одну группу в ясли, садик, затем восемь лет — в 189-ую школу. После того как Лена перешла учиться в 98-ую школу, они с Викой все равно дружили и продолжали ходить друг к другу в гости. И в тот трагический день они вдвоем пошли на концерт на Немиге — концерт, который стал последним в их короткой жизни...

В своем юном возрасте Лена не узнала еще вкуса жизни: ни радости побед и наслаждений, ни настоящей любви, ни горечи неудач, поражений и предательства. Она только собиралась вступать в настоящую взрослую жизнь. Ей бы только жить и радоваться жизни.

Нелепо распорядилась судьба с любимой нашей девочкой. Она забрала у нас дорогую нашу доченьку, и восполнить эту потерю не может нам в жизни никто и ничто. Трудно, очень трудно пережить такое горе, а тем более — смириться с утратой. Это великое горе, которое невозможно понять, не пережив подобного. Мы, взрослые, должны сделать все от нас зависящее, чтобы такая трагедия больше никогда не повторилась. Наша семья будет скорбить всю оставшуюся жизнь.

Дорогая доченька, прости, что мы не смогли уберечь тебя...

Зоя Петровна Батькова,
учительница и классный руководитель Лены

Есть люди, которые рождаются на нашей земле, чтобы украсить ее своим обаянием, умом, душевной щедростью и просто присутствием. Такой была

ученица 10 «А» класса средней школы № 98 г. Минска Ткачева Алена. Невозможно говорить об этой девушке «была». Ее кипучая энергия, жизненная активность, желание всюду успеть, прийти на помощь сделали ее навсегда живой в нашей памяти, в воспоминаниях всех, кто ее знал.

Светловолосая, стройная, с голубыми задумчивыми глазами, с привлекательной улыбкой на устах... Ее очень деятельный характер проявлялся даже в походке. Когда она шла, то едва касалась земли, казалось, что летит. Возможно, эта грациозность выработалась еще тогда, когда девушка занималась в танцевальном кружке.

Можно было позавидовать жизненной активности девушки: перешла учиться из обычной школы в школу с углубленным изучением математики; чтобы досконально овладеть английским языком, после уроков посещала курсы. Девочка с математическим складом ума не только блестяще справлялась с математическими заданиями, но и всегда одна из первых брала слово при обсуждении прочитанного на уроках литературы.

Вспоминаются мудрые, недетские рассуждения после самостоятельного прочтения книги Таисы Бондар «Спакуса»: про бессмертность человеческих дел, про вечную жизнь Евфросинии Полоцкой...

Алена умела дорожить коллективом. Она не пропустила ни одного классного мероприятия в нашей школе, приобрела новых друзей, но не порывала связи и с бывшими одноклассниками из 189-й школы, многие из которых были ее друзьями еще по детскому саду.

Такой была наша Аленка. И это неудивительно, потому что выросла она, окруженная любовью и нежностью матери Тамары Николаевны и отца Славы Стефановича, людей порядочных, трудолюбивых, интеллигентных.

Последнее мероприятие, на котором все запомнили девочку, — вручение наград по итогам учебного

года. Алену вызывали за благодарностью дважды. Одну благодарность она получила за примерное поведение, отличную и хорошую учебу, а вторую — за спортивные достижения.

...Жывеш не вечна, чалавек,
Перажыві ж у момант век!

Над этими философскими строками Максима Богдановича рассуждали десятиклассники минувшей весной. Одна из моих учениц пережила свой век. Алены нет среди нас, но она живет в наших светлых воспоминаниях.

* * *

1 сентября 1999 года...

Мои одиннадцатиклассники пришли на последнее первое сентября в их жизни. Все красивы своей молодостью, неугомонностью, но нет в их поведении былой возбужденности, беззаботности, потому что наша классная семья неполная, нет Лены... Всем кажется, что вот-вот Ленка прибежит и станет рядом с одноклассниками на торжественной линейке. Она же так мечтала быть ученицей выпускного класса и всегда дорожила школьной жизнью.

Нам всем так хотелось, чтобы все, что случилось с нашей Ленкой, было только каким-то ужасным сном. Нам так хотелось...

Прямо с торжественной линейки мы всем классом пришли к нашей Аленке на кладбище. Мы молча смотрели на ее портретик, но каждый в мыслях посвоему разговаривал с ней. Разговор шел на уровне мысли, души.

В нашей школьной жизни Алену мы вспоминаем очень часто. Не вспоминать ее нельзя, потому что во всех делах и мероприятиях она принимала активное участие.

...2 сентября получаем библиотечные учебники за одиннадцатый класс. И тут же в воспоминаниях встает Лена: как она требовательно собирала учебники весной и сдавала их в библиотеку.

...Собираемся у входа в метро. Чтобы всем вместе поехать в театр. Опять чувствуем, что среди наших театралов не хватает Лены. Она же так любила театр, музыку, танцы.

...Первое дежурство по школе в одиннадцатом классе. За дежурство в десятом классе отвечала Лена...

...Классный новогодний праздник. Встречаем 2000-й год. Минутой молчания чтим Ленку. И опять нам ее так не хватает. Все вспоминают, с каким увлечением она с подругой Диной готовила классные праздники в прошлом году.

Мне как классному руководителю очень не хватает Алены. Когда нужно было поручить ответственное дело кому-то из учеников, то взгляд мой всегда останавливался на этой девочке. Очень обязательным и надежным человеком она была.

Очень тяжелое это слово — «была».

Но наверно, если человека так часто вспоминают, то он — с нами. Алена тоже всегда с нами.

Из воспоминаний Лениных одноклассников, учеников 11 «А» 98-й минской школы

Наталья Нестер:

— Смерть... Это самое страшное, что может произойти с человеком. Какую боль приносит смерть близкого человека!..

Трагедия, произошедшая на Немиге, затронула и наш класс. Она отобрала у нас Лену. Долгое время я не могла поверить в то, что Лена погибла. Мне казалось, что она перешла учиться в другую школу. Я до сих пор не могу в это поверить. Не могла жизнь такой молодой и веселой Ленки оборваться так быстро.

Спустя два месяца после смерти Лены я увидела девушку, очень похожую на нее. На миг мне показалось, что это она, Лена...

Смерть... Как это страшно!
Как это страшно — умирать!
Не видеть мира, солнца, света,
А только ночь, там только ночь.
И страшно, страшно одному...
Зачем же жить на этом свете,
Чтобы погибнуть, умереть?
Оставить все: и дом, и дружбу,
Подруг, друзей — оставить все...

Алла Кезик:

— Я помню, как она пришла в наш класс. Класс у нас с углубленным изучением математики, и поэтому многие не выдерживали. Да и мы привыкли жить своим дружным коллективом, своей семьей и не принимали в нее «чужих». Но с первого дня она не только стала своей для нас, но и настоящим другом. Мы называли ее Ткачичиком. Она была внимательна ко всем, помогала, чем могла...

Когда я узнала о том, что Лена погибла, я не могла поверить, что, придя в класс, никогда больше не увижу ее улыбки, не услышу ее смех. Иногда, когда мы возвращались вместе с курсов английского языка, она рассказывала о своих друзьях. Я уверена, что Леночка навсегда останется в сердцах тех, кто с ней был знаком.

Ольга Козловская:

— Очень тяжело вспоминать о Лене. И все же не верится, что ее с нами уже нет. Я пришла [redacted] класс, где училась Лена, в прошлом году. Она была моей первой подругой [redacted] новом классе. Мы как-то легко [redacted] сразу начали общаться. Я сидела с ней за одной партой и поэтому хорошо помню все ее привычки, ее взгляд, ее вещи.

С ней всегда было весело и легко. Ее любили все. Помню, Наташа Ярошук всегда называла Лену «Ткачичик». Помню и слова девчонок на похоронах: «Ткачичик, наш любимый Ткачичик...». В своей записной книжке ее телефон я так и не зачеркнула. Я обвела его черным карандашом, а внизу написала: «Живым — жить, но ушедших — помнить».

Часто кажется, что она просто далеко и надолго уехала [redacted] скоро вернется...

Дина Пасютина:

— Не проходит и дня, чтобы я не вспомнила свою подругу и одноклассницу Лену Ткачеву. Многое мне напоминает о ней. Я часто думаю: как бы в этом случае поступила она, что бы предприняла? Это была необыкновенная девушка с чудной душой и особенным характером. Она всегда и везде успевала. Всегда могла посоветовать что-нибудь правильное и интересное. Она казалась не совсем земной, всегда хотела чего-то возвышенного, необычного, неестественного. Она была веселой и очень жизнерадостной.

Мне без нее тяжело. Она навсегда останется в моем сердце. Ее образ навсегда со мной, такой нежный и чистый.

Инга Волкова:

— Леночка пришла к нам в класс не так давно (в девятом классе). Но за эти два года она очень хорошо

подружилась со всеми учениками. Активная, веселая, независимая... Я не могу не вспоминать с радостью время, проведенное с ней. Особенно день 1 сентября 1998 года, когда мы ездили на праздник, посвященный Я. Коласу. После него Лена, я и еще некоторые ученики пошли гулять по центру города. И целых три часа просто ходили, шутили, смеялись...

Леночка была очень проста в общении. С ней можно было говорить на любые темы. Я помню, как она рассказывала о своем брате, о своих родителях.

Конечно, очень горько, больно, тоскливо вспоминать о том, что произошло...

Помнить будем мы всегда
Ее прекрасные черты:
Губы, волосы, глаза
Необычной красоты.

Нежность, ласка, доброта
Согревали сердце ей.
Отдавала нам сполна
Теплоту души своей...

Елена Соболь:

— Я помню почти каждый день, проведенный вместе с Леной. Она пришла к нам в девятом классе и сразу же стала своей, родной. Она была очень добрая и очень жизнерадостная, всегда улыбалась. Я очень редко видела, чтобы она грустила.

Мне запомнились последние дни перед каникулами. Наш 10 «А» пришел на последний звонок к выпускникам. Лена была очень веселая, ну понятно — последний день учебного года, а потом длинные каникулы. Мы с Леной посмеивались над выпускниками. Они были какие-то необычные...

Еще я помню уроки физкультуры. Лена учила нас ставить блоки при игре в пионербол. Она была

самая высокая, и у нее это получалось. А мы не доставали до сетки.

Татьяна Науменко:

В ПАМЯТЬ О ЕЛЕНЕ ТКАЧЕВОЙ

С тобою проучились мы два года,
И ты так дорога нам всем была.
Из-за дождя, из-за плохой погоды
Закончить с нами школу не смогла.
Во всем для нас была ты идеалом,
В делах и в обращении с людьми.
Развеселишь обычно всех своим ты взглядом.
А вот тебе помочь мы не смогли.
И если ты не рядом и с тобою
Не можем мы сейчас поговорить,
Мы верим все же: ты жива душою,
И в памяти друзей ты будешь жить.

Ирина Зуева:

— Я знаю много хороших людей. Но таких, как Лена Ткачева, не встречала никогда.

Училась Лена хорошо, ей все как-то легко давалось. Много раз она объясняла мне математику, не сердилась, если не было понятно, а усердно объясняла, пока я, кивнув головой, не говорила своей стройной блондинке с серо-голубыми глазами: «Спасибо, Ленуся, выручила»...

Особенно запомнился мне последний урок географии в десятом классе. Учебный год близился к концу, осталась неделя до каникул. На этот урок учительница опаздывала. Мы, посмотрев в окно и увидев сияющее солнце, прекрасный весенний пейзаж, вдруг, сев всем классом около окна, стали рассказывать истории. Настроение было у всех приподнятое, Ленка даже танцевать по классу стала. Кто-то из девчонок

негромко сказал: «Жизнь прекрасна». Тогда мы все с этим согласились... Но уже неделю спустя тебя не было с нами. Разве это справедливо? Разве жизнь прекрасна?..

Ленуся, ты будешь жить в моем сердце всегда, всегда и еще раз всегда!

Я люблю и помню тебя!!!

Екатерина Гриневич:

— Была весна, май. Пора любви. Все вокруг цвело и радовалось жизни. Никто не думал о смерти...

У Лены был веселый и легкий характер. Она всегда придумывала смешные и забавные вещи. Мы от души смеялись на физкультуре и переменках. Своим хорошим настроением она делилась с другими. Мы любя называли Лену «Ткачичик». Леночка была очень красивой и высокой девушкой. Мы часто спрашивали: не хочет ли она быть моделью? А она только смеялась.

25 мая 1999 года, после линейки, мы поздравляли друг друга с окончанием десятого класса, желали хороших каникул и обещали встретиться 1 сентября. А Лена не пришла. Мы с ней встретились, но не в школе.

Я верю в бессмертие души. Верю, что Леночка сейчас рядом с нами, со своей мамой. Она все видит и слышит. Пусть знает, что я ее люблю и помню!

Наташа Ярошук:

— В начале десятого класса мы ездили на экскурсию в Гродно. Было весело. Ленка — сердце компании. Она смеялась и ни о чем не задумывалась...

Помню, как-то мы сидели с Ленкой прямо как взрослые, говорили о будущем. О поступлении долго беседовали, а потом представляли встречу выпускников лет через десять. Да, тогда мне казалось, что таких разговоров у нас впереди очень и очень много...

Я очень часто смотрю на парту, за которой она сидела. Иногда мне кажется, что Лена мне улыбается, сидя возле окна. В душе я часто рассказываю Лене о происходящем в классе. И я знаю, что она меня слышит и видит. Хотелось бы вернуть ее живую, полную энергии, красивую, умную и здоровую девчонку. Но судьба жестока...

ТИМОШКОВА Ольга

Рассказывает мать Лидия Григорьевна Тимошкова

— Она была разумная девочка. Никуда никогда не «вляпывалась», очень аккуратная, осторожная во всем. Мы все за нее всегда были спокойны.

Олей ее назвали потому, что это — любимое имя ее папы. Так он назвал свою младшую сестру, так он назвал и свою дочку. Олечке ее имя очень нравилось.

Дата 30 мая для нашей семьи всегда была особенной. Этот день — день рождения моего сына. Понимаете, такое вот совпадение: сын родился 30 мая. Ему в тот день исполнилось восемнадцать лет. Накануне, 29-го числа, они вместе с друзьями пошли отмечать его восемнадцатилетие в «Даньков-клуб». Ваня взял с собой Олечку, хотя, наверно, по возрасту ее бы туда и не пустили. Но как-то ребята ее туда провели. Они в клубе всю ночь веселились, домой пришли довольные, уставшие. А дома мы гостей ждали, поскольку — день рождения ведь! Я еще на детей немного шумела, что не помогают мне.

Потом, когда уже гости пришли, к нам зашла девочка-соседка, она живет в соседнем доме. Я спросила, не собирается ли она нашу Олю куда-то позвать (в доме все же гости, я хотела, чтобы дочь посидела с нами дома). «Нет, нет, я с ней только поговорить.» Но вижу: девчонки поговорили и куда-то собираются. Я говорю: «Оля, ну как тебе не стыдно? Видишь: гости за столом, у Вани день рождения, посиди хоть немножко! Хоть для приличия». Она сказала: «Мама, я скоро приду». И все.

Она не должна была уйти из дома...

Станция метро «Немига» совсем рядом с нашим домом, буквально в одной остановке. Но в тот вечер, принимая гостей, мы ничего не слышали о трагедии. Наша семья узнала о ней только утром. А вечером, когда началась эта гроза, мы с оставшимися к тому времени гостями смотрели в окно. У нас был град. Никто не подозревал о том, что происходит в эти минуты...

Я не понимаю: ну почему мне нигде ничего не закололо, не заболело?!.. Ничто не подсказало, что случилось что-то ужасное. Я никак этого не почувствовала. Почему ее нет? Ну, может, к кому-нибудь поехала, а там нет телефона. Только такое тогда пришло на ум.

Наверно, часов до двух ночи я ждала ее. Потом заснула, не дождавшись. Утром проснулась, чтобы идти на работу, — и вот по телевизору услышала... Но я на свой счет это никак не могла отнести. Даже была как-то уверена: ни в коем случае! С моей Олечкой такого не может случиться!

Олечка училась в высшем профессиональном училище электроники. Не скажу, что она давно мечтала туда поступить. Просто, когда она заканчивала девять классов, их поделили на «хороший» класс и на «плохой». Один класс был с экономическим уклоном, второй состоял из тех детей, кто не хотел идти

учиться в экономический класс. Или — не мог. Чтобы поступить в этот экономический класс, нужно было сдать экзамен, хоть и чисто символический. Но главным было все-таки желание ученика. Я говорила Оле, что, наверно, лучше для нее — заниматься в экономическом классе. Она сказала: нет, мол, буду учиться со своими подругами. Этот класс оставлять в школе не собирались. Идите, куда хотите, мы вас в школе не оставляем. Поэтому надо было думать, куда идти учиться дальше.

Мне знакомые посоветовали. Сказали: «Очень хорошее училище!». Там и экзамены сдавать не надо, только конкурс аттестатов. И профессия хорошая. И очень хорошая перспектива в плане дальнейшей учебы. Поскольку Оля сама еще не знала, куда она хочет, я за нее решила: надо идти туда.

Поначалу в училище учиться трудновато. Спецпредметы сразу, а дети же вообще еще ничего не знают, не видели никогда этого. Олечке было трудно. Преподаватели все пугали: «Мы вас к Новому году отчислим, если не будете успевать». А ей такого говорить нельзя. Она сказала: «Не хочу, чтобы меня отчисляли, я лучше сама уйду». Я спрашиваю: «Почему ты все на свой счет относишь? Никто тебя не собирается отчислять». И вот Оля втянулась. Я ей могла помочь, поскольку сама когда-то это изучала.

Олечку избрали в училище профоргом группы. И ей это так нравилось! Я помню, как она переживала за авторитет коллектива: все время хотела побольше баллов для своей группы заработать, чтобы группа заняла место повыше в смотре по полугодиям. Они с подругой Катей решили взять шефство над бабушкой-инвалидом. Они к ней будут ходить, помогать по хозяйству, убирать... И человеку польза, и для группы «плюсик» поставят — эти самые баллы для всех сразу зарабатываются. И они к бабушке ходили, пол мыли. Дома она пол мыть не любила,

а туда вот — сама ходила! Вместе с Катей помогали этой бабушке.

Мастер очень хотела, чтобы Оля была старостой группы, уговаривала ее. Но она сказала: «Нет, я старостой быть не хочу, потому что мне очень нравится председатель профкома училища Светлана Александровна, она очень хороший человек, и я хочу с ней работать». А староста уже имеет дела с другими. И еще ей не нравилось, что староста всегда должен отдуваться за всю группу: за пропуски, за успеваемость... И Оля отвечала, что лучше будет профоргом. А на каждом собрании их мастер говорила мне: «Я так хочу, чтоб ваша Оля была старостой! Она такая мне помощница! Уговорите ее!». Но мы ее не уговорили.

Вообще, ей нравилось в училище. Она приходила оттуда с таким хорошим настроением! Пела просто. Так ей там было хорошо. Я была очень рада, что ей нравится там.

В училище Оля дружила с Катей. Подружка за ней каждое утро заходила, в училище они ходили вместе. И они, по-моему, каждый день опаздывали. Мне так кажется. Потому что надо ж было первым делом хорошо выглядеть, поесть — это уже дело второе! Она красит глаза — а я ее кормлю. Так вот! Потому что она не успевает по-другому. Мне же главное — чтобы поела. Я говорила: «Оля, кому рассказать, как мы с тобой утром собираемся, будут смеяться!».

А вторая подруга — Маша. Они как-то, хоть и учились вместе, сразу не очень дружили. Но потом, буквально за последние две недели, сдружились. Маша раньше, при жизни Олечки, как-то к нам ни разу и не пришла. Но зато теперь она мне звонит, приходит на работу, домой.

Нужно ли на Немиге построить еще один памятник, церковь? Не знаю...

Я никого не обвиняю в случившемся. Никого! Не знаю: может, я виновата? Может, я должна была ее не

пустить? Нет, я не знаю, почему так случилось, но я никого не обвиняю. Кто-то говорит: судьба такая. Может, и судьба... Только почему она такая злая?

Мы с Олечкой вообще-то были подружками. Особенно когда она побольше стала, уже такая взрослая девушка... У нее от меня не было секретов. В последнее время она ко мне просто липла. Да, «липла» все время! Она везде со мной ходила: и в гости, и на базар, и в магазин. И дома тоже от меня не отходила. Сажусь смотреть телевизор — она ляжет на диван, мне на коленки голову положит — вот, значит, мы так с ней телевизор смотрим! Котов у нас двое — коты рядом. Она, конечно, и с подругами встречалась, и на дискотеки ходила. Музыку очень любила, танцы. В детстве занималась и музыкой, и танцами, и в хоре пела. А еще Олечка очень любила мягкие игрушки. Все друзья это знали и всегда ей их дарили.

У Олечки была своя комната. Она очень любила наводить там порядок. А по вечерам сядет — и что-то все пишет, пишет... Или кроссворды, сканворды разгадывает.

Что делать с переходом на Немиге? Да не закроют его никогда. Все-таки — переход!

Я не знаю, что делать. Я туда ходить не могу. Не могу — и все. А чего туда ходить? Ходить теперь нужно на кладбище. Там нет никого. Там только она и я...

Рассказывают подруги Ольги Тимошковой Мария Федорова и Ольга Волкович, а также Валентина Прокопьевна Старцева, мастер училища

Мария:

— Трудно что-либо сказать об Ольге, какой она была... Была простой, обычной девушкой. Как и все,

гуляла, смеялась, ходила на дискотеки. Училась нормально. В училище была профоргом. Очень простой в общении человек. Со всеми умела находить общий язык. Редко вступала в конфликты, а если спорила с кем-то, то всегда оказывалась права. Оля переживала, если случалось с кем-нибудь поругаться. Но никто не держал на нее обиду.

Это была очень ответственная девушка. Всегда выполняла все поручения мастера. Помню, как-то раз мы в компании, в которой я проводила время, написали про каждого стихи, их я потом принесла в училище, показала Оле. Олю так заинтересовала эта идея, что она тут же решила написать такую же стихотворную сказку про нашу группу. Оля в моем блокнотике написала стихотворение про меня. И у нее это получилось неплохо.

Постоянно училище проводило дискотеки в ДК. Оля ни одной из них не пропустила. Обычно весь день она готовилась к ней, волновалась, как она будет выглядеть. И всегда выглядела очень хорошо.

Все мы в группе очень уважали Ольгу за ее превосходный характер. И в нашей памяти она останется веселой, молодой, жизнерадостной и красивой девчонкой Олей...

Ольга:

— В тот день мы с ней вместе были на Немиге. Но дело в том, что... моя память ничего не сохранила: у меня была клиническая смерть. То, что происходило в тот день, в тот вечер, я помню только по рассказам друзей.

Когда я очнулась в больнице, мне не сразу сказали, что Оли не стало. Я узнала это где-то через неделю. Из газеты, которая случайно попала в палату. До сих пор не могу представить, в голове не укладывается, что случилось тогда. Это ужас...

Мы договорились встретиться со знакомыми парнями и просто пойти погулять. Встретились мы на

станции метро «Немига», пошли в сторону кафе «Березка», выставочных центров... До «Москвы» где-то дошли. Потом перешли дорогу, посидели там за столиками, разговаривали. Потом увидели, что погода портится. Парни собирались домой ехать, мы их решили проводить. Вот... И у меня отрывочные такие воспоминания: вот мы проходили мимо этой сцены — дождик небольшой начался. Дальше я ничего не помню. Вообще, абсолютно. Только как впервые открыла глаза в больнице, увидела перед собой врача, а он мне говорит: «Ну что — с днем рождения!». С тех пор вот... Даже вспоминать боюсь. Но иногда что-то такое приходит...

Один раз в больнице было такое. Просыпаюсь, открываю глаза, а у меня в ушах крики такие, душераздирающие. Я смотрю вокруг и вижу, что все в палате спят... И такие крики — ужасные просто, леденящие. Закрываю глаза — они пропали. Я думаю: боже мой, неужели я начинаю вспоминать? Я бы не хотела. Потому что люди, которые помнят... Мы просто общаемся. У нас даже общество такое негласное есть. Мы ищем друг друга, сами как-то стараемся найти людей, которые были там... Нас уже достаточно много, мы собираемся, общаемся. И люди, которые помнят, — им намного тяжелее. Вы, может, слышали — Катя Павлович? У нее подруга — Аля погибла. Катя очень тяжело переживает, потому что она все помнит. А я — не знаю...

Мы были знакомы с Олей с самого раннего детства. Мы закончили девять классов, она училась в 42-й, а я — в 41-й. Моя подруга поступила куда-то, мы с ней разошлись, и Олина лучшая подруга — тоже. И мы постепенно начали больше времени проводить вместе, общаться. В этот год мы стали очень близкими подругами, каждый день встречались. Она ко мне приходила, я — к ней. Вечером шли вместе гулять. Нам никто не нужен был. Она приезжала из училища, рассказывала мне свои новости, я ей —

свои. Как люди, мы были разные, наши интересы не пересекались. Даже парни ей нравились одни, мне нравились другие. Насчет музыки — то же самое. Поэтому, наверное, мы друг друга понимали хорошо. Она была... Не могу говорить о ней «была»!

Я очень сильно ее любила. Просто она немножко тише, спокойнее, чем я. Поэтому я старалась брать ее с собой, чтобы у нее было больше друзей, компания. В общем, я хотела, чтобы она была счастлива...

Парни, которые шли с нами, тоже попали, но они же парни. Они сильнее. Они помогали вытаскивать людей. Но там образовался такой клубок людей, что до своих добраться было очень сложно. Меня, допустим, спасли совсем другие люди. Сейчас мы общаемся с ними. Один парень недавно в армию ушел. А еще два работают. Но на эту тему, в общем-то, никто старается не говорить. Просто Оля для нас была очень близкая подруга, и все ее очень любили, уважали. Вот эти парни — это наши хорошие друзья. Последние две недели мы с ними буквально каждый день проводили. Когда мы сейчас видимся, мы стараемся... Не потому, что хотим забыть об этом. Просто очень сложно говорить о ней «была». До сих пор не могу поверить, что это случилось.

Виноватых нет. Было такое ужасное, кошмарное стечение обстоятельств. Мне так кажется. Потому что некоторые говорят, что виновата молодежь: мол, собрались в праздник на пересечении трех церквей... Другие говорят, что это место историческое такое: что там и битва была, и людей много погибло. Что это просто вот такое кровавое место, где должно все случаться. Третьи говорят, что это погода, выпивка и так далее. Но я не считаю, что вообще стоит кого-то винить. Потому что виноват каждый в отдельности — и, в общем-то, никто. Это ужаснейшая случайность. Никто не мог подумать, что такое может случиться. У меня до сих пор в голове

не укладывается. Я туда захожу — я не понимаю: как это могло случиться, как?

Винить кого-то? Ну, если кому-то от этого станет легче...

В. Старцева:

— Оля была девушкой общительной, веселой, жизнерадостной и красивой. В общении со старшими — уважительна, ровна. С какими бы просьбами или поручениями я к ней ни обращалась, она всегда их выполняла с чувством ответственности и доброжелательности. В группе она была профоргом. С обязанностями справлялась хорошо, добавляя свою нотку творчества. Всегда была в центре общественной жизни группы и училища. Мне всегда казалось, что она намного умнее и мудрее своих однокурсниц. Она пользовалась уважением и авторитетом у своих подруг. И мне, как мастеру, она очень помогала. Мне было легко и приятно с ней общаться.

Очень жаль, что ее не стало.

Таких учениц и таких людей, как Оля Тимошкова, не забывают. Мне бы хотелось, чтобы как можно больше моих учащихся были похожи на нее — по отношению к учебе, по отношению к другим людям.

Отклик христианской души

Автор этих слов, написанных на стене перехода станции метро «Немига», неизвестен. Текст был оставлен рядом с именем и фотографией погибшей 30 мая Ольги Тимошковой

Как трудно передать словами чувство любви, так невозможно выразить то, что происходит в наших

душах после жуткой трагедии. Если мы верим, что Мир и все мы созданы Творцом, то, прислушавшись к своему сердцу, сможем осознать хотя бы частицу того, что испытывали в минуты трагедии безвременно ушедшие.

Наша память о всех погибших — это духовная связь, а природа духа бессмертна. Именно поэтому все, что переживается солнцем нашей души — сердцем, остается в нашем сознании навсегда!

Мамочка, прости меня за все, что случилось. Я не хотела расставаться с тобой. Во время моей недолгой земной жизни я иногда чувствовала, как тебе бывает больно. Но лишь сейчас здесь, в духовном мире, мне открылось, как бьется сердце любимого человека, переполненное страданиями, какими израненными могут быть души людей. Судьба не подарила мне познать радость материнства и переживаний за своего ребенка. Я даже не испытала земного счастья стать любимой женой любимого мужа. Но ты, родная, не плачь, мне здесь хорошо!

Мамочка, когда ты, сжавшись от боли, будешь представлять, какие муки мне пришлось претерпеть в последние минуты земной жизни, знай, что мне было тяжело совсем недолго. Больше всего мне запомнился страх за тебя, за то, как ты сама будешь страдать, узнав, что твоя любимица уже никогда не вернется домой. Но ты не знаешь, как здесь хорошо, и прошу тебя, не плачь!

Мамочка, когда ты будешь смотреть на стоящую перед свечой фотографию озорной девчонки, а твои губы будут беззвучно повторять: «Оленька, кровиночка моя!», — знай, что в эти моменты я всегда рядом с тобой. Я утешу тебя, твое сердце, безграничной любовью и благодарностью за то, что ты подарила мне жизнь на земле и отдала своей доченьке столько тепла и ласки. А

сейчас прошу тебя, ты только не плачь, мне здесь хорошо!

Мамочка, когда ты будешь брать в руки мои вещи, знай, что каждая из них пронизана энергией моих чувств. Тебе известно, какие из них я любила больше всего. И, если захочешь испытать прошлое состояние моей души, возьми и прижми к сердцу то, что ты сохранишь после меня в нашем доме, и, вспоминая меня, ты только не плачь, мне здесь хорошо!

Мамочка, раньше я никогда не думала, что, оставив Землю, я окажусь в таком удивительном мире, где все проникнуто светом Божественной любви и где моя душа обретет покой и неземную радость. Но знай, моя любимая, что мы по-прежнему связаны друг с другом, и я воспринимаю все твои переживания, и страдаю вместе с тобой. Если мы и разлучились, то я обещаю тебе, что мы обязательно найдем друг друга. Я буду встречать тебя в моем новом мире, ты только живи на Земле долго-долго и не плачь — мне здесь хорошо!

Мамочка, посмотри на тех, чьи доченьки ушли вместе со мной, и ты увидишь, что им, как и тебе, тоже нужна поддержка и любовь. Мамочка, если сможешь найти в себе силы, помоги им, и в твоем безутешном горе Бог поможет тебе. А когда ты будешь идти с цветами к тому месту, где я, задыхаясь, прокричала последний раз слово «мама!», и увидишь очень похожую на меня девчонку, помолись и за меня, и за нее. Мне пожелай упокоения в небесных обителях под сенью Божественной любви, а этой девчонке — мира, добра и земного счастья. Но прошу тебя, моя бесконечно милая, ты только не плачь, мне здесь хорошо!

Мядель Павел

Рассказывает мать Наталья Васильевна Мядель

— Павлик был самым обыкновенным ребенком. Когда я ждала его — точно знала почему-то, что родится мальчик. Я очень хотела сына. У меня два имени были для него на выбор: или Павлик, или Стасик. Называла его я сама. Не знаю почему, но все вокруг его дружно звали «Паша», а я сама — никогда, я его называла только Павликом. И так же — все мои родственники, друзья... В общем, все мои. Они тоже говорили так: Павлик. А уже его «банда» (то есть компания) — Паша.

Я растила сына одна. С его отцом мы развелись, когда Павлику было год и семь месяцев. Он рос очень гордым, порой эта его гордость доходила до наглости. Самостоятельным очень был, еще с самых малых лет. Уже приблизительно с десяти лет он мог себе приготовить бульбу, яичницу. А один раз мой сын меня просто поразил. В тот день я задержалась надолго, после работы еще где-то у подружек застряла. И вот приезжаю домой, а на столе — записка: «Мама, пельмени в холодильнике». Я удивилась: какие еще пельмени, почему это чьи-то пельмени — в нашем холодильнике? Оказалось: сын сам взял фарш, муку, замесил тесто... и налепил пельменей! Насмотрелся, как это делала я. Павлику было тогда лет тринадцать.

Он у меня любил поесть. А я люблю готовить. Бывало, в выходной день он спит. Я не бужу. Спит, спит... Я тихонько заглядываю в двери: не проснулся еще? Нет, по-прежнему спит себе. А потом вдруг

вскакивает — и на кухню. «Чего ж ты больше не спишь?» — спрашиваю. «Поспишь тут. Пахнет же вкусно!»

У него был не очень простой характер. В школе его не любили. Он же спокойно уроки порой прогуливал! Учиться в последнее время не хотел. Хотя и умный был. Еще малышом Павлик мог слушать, помалкивать, улыбаться, а потом такое выдать, что окружающие удивлялись его наблюдательности.

Не думаю, что у сына были в школе какие-то конфликты. Он не говорил о таких проблемах, и в школу вроде бы каждое утро шел. Но я же ничего не знала! Выходим из дому вместе, он идет в школу, я — на работу. Со школы приходит вовремя. А он, когда я ухожу, катается на автобусе. Причем — десять дней подряд! А я ничего не знаю. Спрошу, выучил ли уроки, — он говорит: «Нам ничего не задают». Одним словом, всего у нас бывало!.. Павлик не успел стать взрослым. Он еще никем не хотел быть, не думал об этом, не разобрался, чего ему надо в жизни. Я могла сказать ему: «Ты прогулял уроки? Катался на автобусе? Какой ужас!». Но настоящий-то ужас случился 30 мая...

Говорят: наши дети погибли ни за что, пусть же они попадут в рай... А вы верите, что он есть, этот рай? Ну хорошо, предположим, есть что-то такое. Представим, что в этом мире мы гости. Допускаем. Но почему Бог так делает: кому-то дает все в этом мире, все хорошее, а кому-то — ничего не дает? Ну почему? Вот, вы тоже не знаете... И никто об этом точно не знает. Кто из людей там был: в раю, в аду? Нет таких. Ни одного. Есть там другая жизнь — сходи посмотри, а нет — что и говорить, не зная?

Он ведь там сгнил давно уже, Павлик, в этой могиле. Именно тело его. Есть душа? Да, но мне-то мой сын нужен и с телом, и с душой, верно? Что мне од-

на только душа его? Он мой ребенок, он вышел из меня, я его зачала, я его слепила таким. А мне осталась одна душа... Я душу его вижу, я чувствую: он рядом, он где-то близко. Если б только было легче от этого...

Не знаю, может, я беру на душу грех, но... Я не такая уж набожная. Хотя, конечно — да, я боюсь греха. Не знаю, что и думать. Он же погиб у меня некрещеный. Я так и не покрестила его, не успела покрестить. Как-то все думала, думала: вот-вот, вот-вот... Вот, сейчас, скоро уже покрещу! Все... Так некрещеным и погиб. Да ему все равно, наверно, теперь. А может — не все равно?

Я все понимаю. Но то, как он умирал, как задыхался, как ему было больно, как не хватало воздуха — больше всего меня вот это мучит и убивает!

Когда несли его, эта музыка за его гробом — она меня тоже убивала. Но я тогда еще не понимала. Я не понимала, что происходит. Это было буквально... Мы его опознавали во вторник — в среду были похороны. Все было как во сне. Именно как во сне, я ничего не понимала, что происходит. Вообще. Что вот Павлик — он умер, что нету его... Я это видела, но не осознавала. Я в те дни была как зомби. Вот живу и живу. Пока живу еще...

В горисполкоме мне отдых предлагали — в санаторий поехать, это вроде как реабилитация. Я думаю: зачем это? Ну, съезжу я, пусть место для меня найдется, но все равно ведь домой потом вернусь, все равно сама! Я ведь совсем одна осталась после смерти Павлика. Мама моя живет далеко, в Мурманске. Мы с ней не так часто встречаемся. И все равно ничто не сможет занять в памяти место моего сына.

Нет, пока не поеду я в санаторий! Пока могу еще держаться. Но сейчас, правда, здоровье начало сдавать как-то. Давление, сердце что-то пошаливать стало.

Первые шесть месяцев было немного не так, потому что я до сих пор не знаю: вообще, до меня тогда по-настоящему что-нибудь доходило?

За эти месяцы, конечно, уже пришло осознание случившегося. Бывает страшно там, где раньше об этом не думалось даже. Я каждое утро езжу на метро. Еду с улицы Московской, там же конечная станция метро. Приезжают люди со стороны вокзала на пригородные электрички. И наших, с транспорта из моего района, — целый поток. Не пройти. При входе, где жетон кидаешь, — там толпа народа вечно. То в автомате что-то сломано, то жетон не падает, а сзади в это время давят, давят... Стоишь ждешь очереди, чтобы опустить жетон или вставить карточку, а там же так давят, там же толпа! У меня всегда одна мысль: чтобы не упасть. Там упадешь — так ведь затопчут! А дальше там, в метро — ступенечки. Раз я захожу и по ступенечкам вниз скатилась... Упала...

Я только туда захожу — и уже начинаю думать о том, как бы оттуда уйти. А Павлик — он же упал там, на него же прыгали...

Как подумаю об этом, у меня сердце сразу так стучит — выскочить готово! Давление подскакивает. Только от одной такой мысли я уже никакая, я уже больная становлюсь. И каждое утро так едешь, каждое утро... Хотела бы, кажется, не думать о том, как умирал Павлик — нет, не получается.

После трагедии на Немиге у меня остался животный страх к толпе. Потому что, если я упала, первые за мной это видят, а сзади дальше не увидят, будут напирать, и упавших добавится. Они не знают, что делается впереди. Толпа — это ужасно! Это страшное дело...

Сейчас молодежь стала наглая. Стоишь в метро, приходит поезд — они же первые хотят влезть, чтобы сесть! Да боже мой, да там езды-то пять минут!

У нас же молодежь теперь — все такие большие, акселераты. Но главное, они ничего не хотят. Павлик таким же был. Наглым. Он с малых лет красивый был, девчонки за ним бегали. Он про это мне не очень рассказывал, но я же вижу. После его смерти я на стены перехода наклеила несколько его фотографий, одну за другой. А их все время кто-то снимает и уносит. Девчонки это делают, я думаю. Я помню, как Павлик 30 мая уходил из дома. Накануне мы купили ему новую одежду, он оделся во все новое, такой нарядный, в хорошем настроении.

Там же была в тот день Павликова компания. Была и девочка, которая ему нравилась, Настя. Из компании погибли Павлик, Настя и Чик — Сергей Чикунов.

Павлик был среди них самый младший. Я потом спрашивала Сергея Винника, одного парня из их компании: «Сережка, почему вы его не вытащили? Почему оставили его одного?». Он говорит: «Тетя Наташа, мы приехали — было поздно уже». Они приехали раньше других на Немигу — Настя, Чик и мой сын. В компании всем было по восемнадцать—двадцать лет. А Павлик был младше их всех. «Почему вы его не увели?» — «Тетя Наташа, мы не успели. Мы приехали — там всех уже выносили.» — «А почему Павлика не унесли?» А его друг — живем дом через дом — туда пришел с одним парнем. Я спрашивала, как получилось, что он жив остался, а Павлик — погиб.

Друг говорит: «Я там — по телам, по телам, по телам — и все ж таки выбрался. А Павлик — не смог». Видимо, мой сын оказался в самом центре. Там творилось что-то невообразимое — там прыгали на головы. Понимаешь, молодежь — они же многие выпили. Им было весело, и у них была такая шутка — они прыгали друг другу на голову. Они не знали, что делается внизу. И если б не ОМОН, который

этот хвост толпы отрубил пополам... Было же две тысячи людей как минимум. Тысяча была в этом месиве, а тысяча еще осталась на поверхности. Если б не ОМОН, там бы намного больше было жертв. Потому что...

Толпа — это стадо. Они как ринулись!.. А им кого-то толкнуть на бегу в толпе нетрудно. Правильно: был град, была гроза, но... Нет, я никого не виню, потому что если ты бежишь — значит, ты бежишь, если идет дождь — ты идешь прятаться. Так же и я могла бы прятаться. Ты смотришь, куда поблизости можно сунуться от дождя. Все правильно.

О чем говорит молодежь, ребята, которые там были, которые вместе бежали домой? Вот даже и Сережа Винник: «Там было месиво. Там был дурдом. Там все орали, там все ревели, там был кошмар». И про двери эти стеклянные, до которых не добежали...

Я узнала обо всем, что случилось, только в понедельник после работы.

Иду домой. И гляжу: муж бывший. С женой. Сестра мужа бывшего со своим мужем. Подруги мои. Я сразу не поняла, почему они все так смотрят на меня... И я не сразу узнала, что Павлик погиб. Мне сказали: «Он в больнице» — так осторожно-осторожно. А я: «Пусть где попало не шатается!». Я сначала думала: влез в какую-нибудь драку и его кто-то побил. Я же не могла себе представить, что «он в больнице» означало «он уже в морге»...

И подруга детства Павлика приехала, Оксана, девочка, с которой они вместе выросли. Приехали даже друзья Павлика из деревни, из-под Столбцов. Оксана плачет. У нее была истерика. Я взяла Оксану с собой в больницу. Она только что из деревни, ноги у нее были почти что босые. Видно, как бегала босиком, так набросила какую-то обувь, и сразу ко мне. «Тетя Наташа, я с вами поеду!».

ТРАГЕДИЯ *на* НЕМИГЕ

МИНСК
30 мая 1999 года

Плакса Ольга

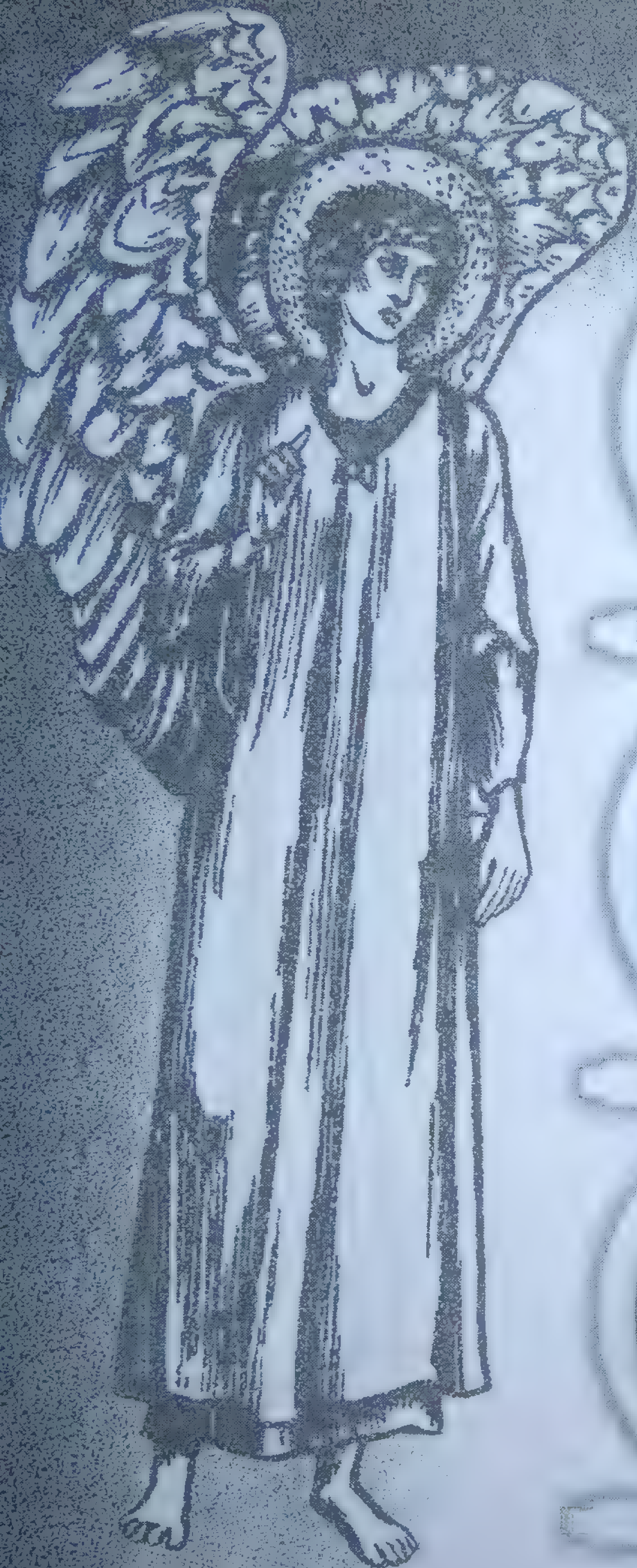

Филиппова Елена

Гаганова Ольга

Конашенок Марина

Шевелева Ирина

Инькова Мария

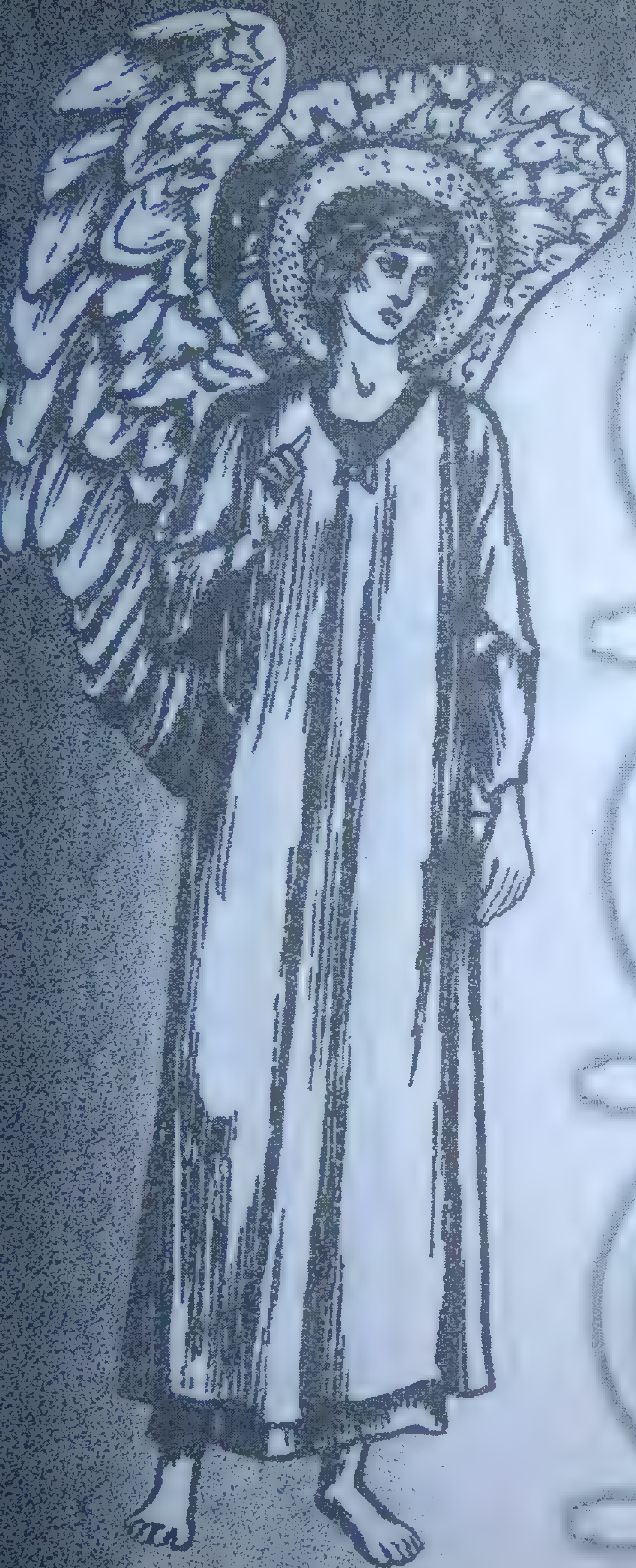
Янцова Елена

Кулак Андрей

Новаковская Алевтина

Никитенко Ольга

Белицкая Ксения

Рак Елена

Насонова Елена

Ткачева Елена

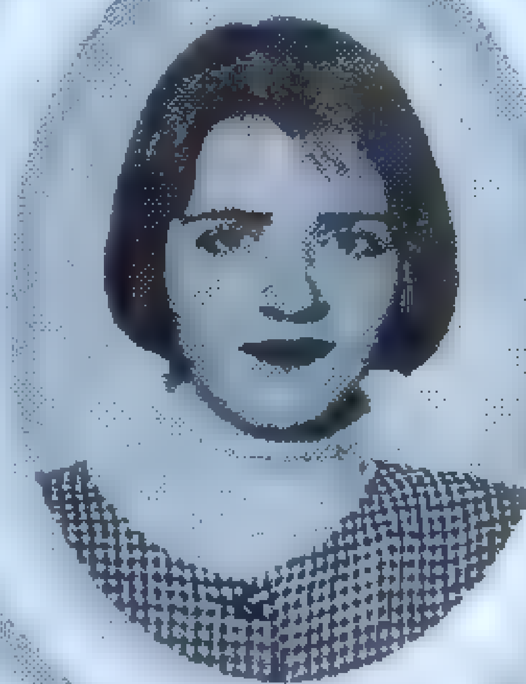

Тимошкова Ольга

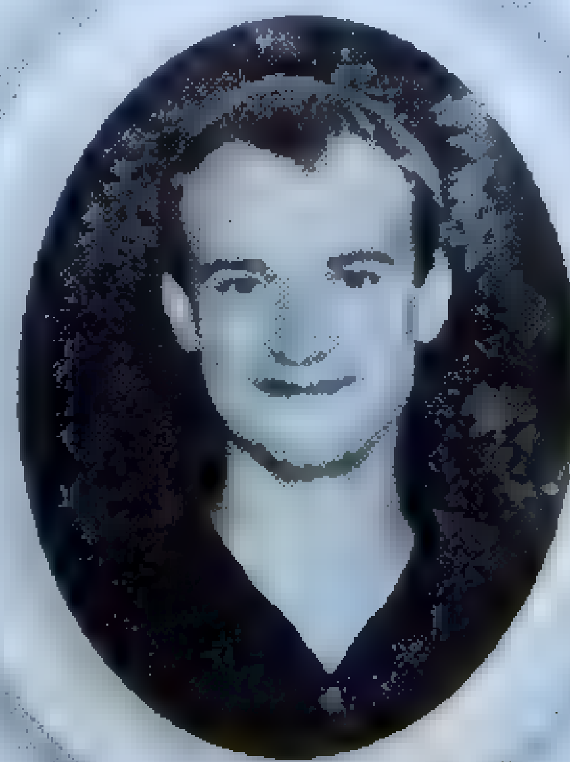

Мядель Павел

Корнеенкова Анастасия

Чикунов Сергей

Арех Виктория

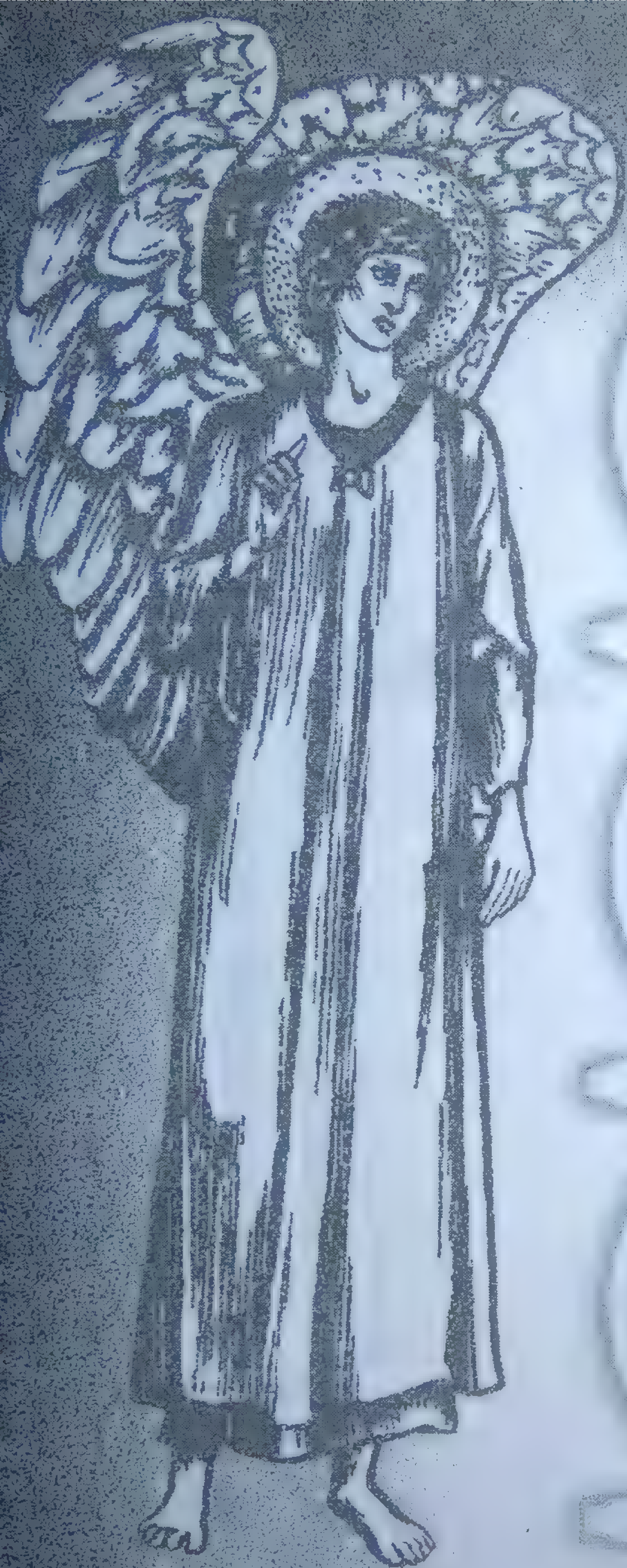

Жевжик Ольга

Вишневская Алена

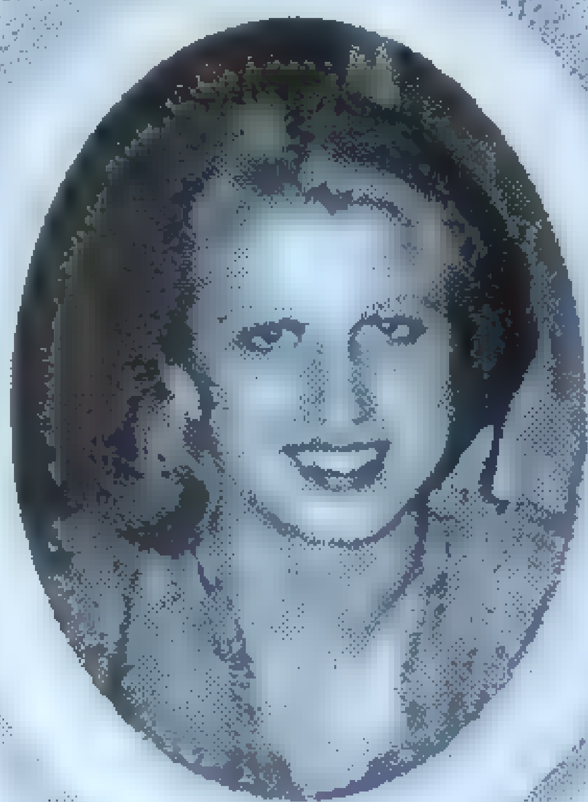
Савко Анастасия

Карпеко Жанна

Шилова Анна

Мороз Татьяна

Бибило Марина

Бельская Анастасия

Жолобова Юлия

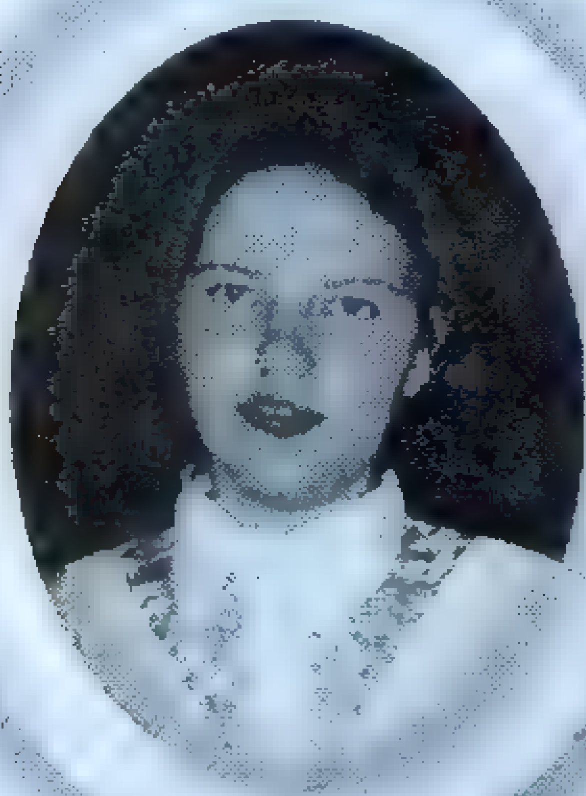
Коваленок Александр

Кострицкий Александр

Бобрикова Ольга

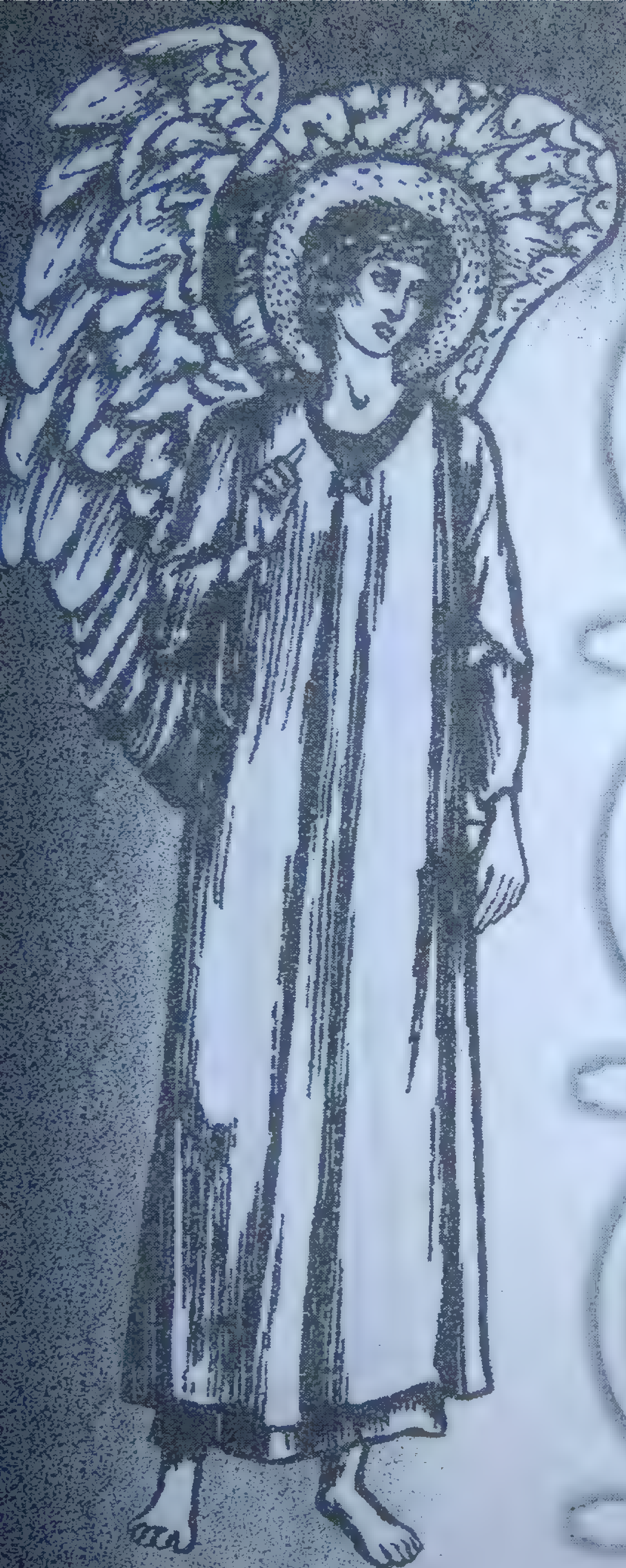

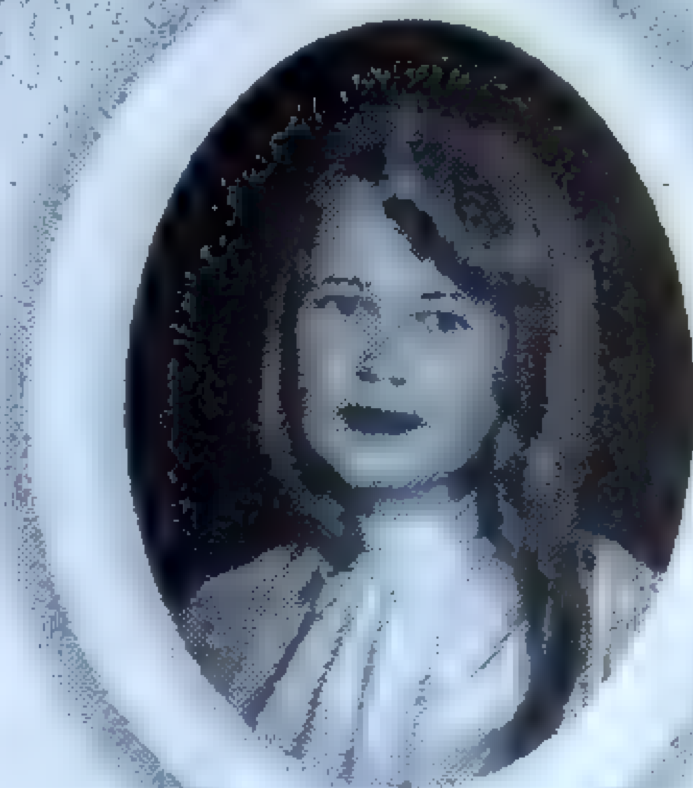
Поджарая Мария

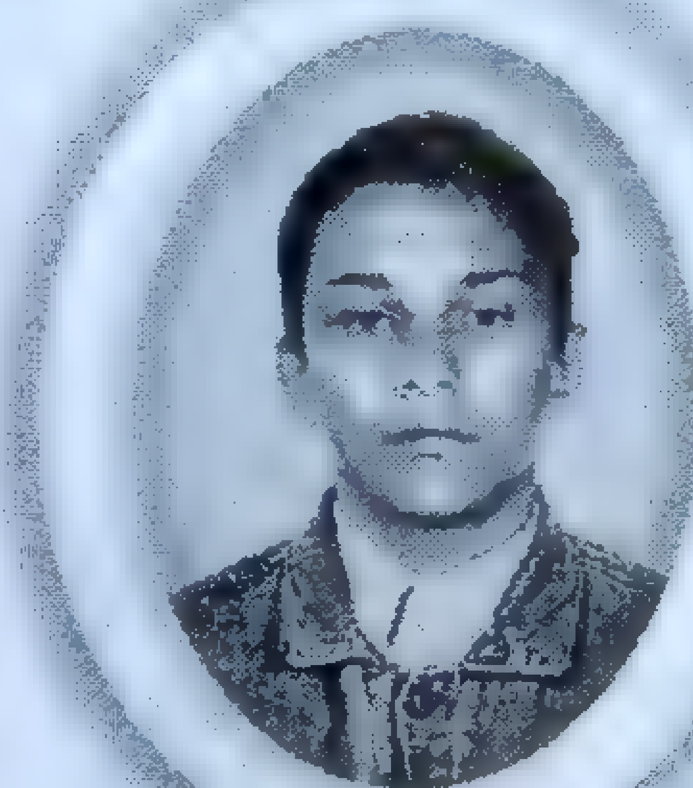
Бурец Андрей

Хитрун Лилиана

Саладкевич Сергей

Корзун Дмитрий

Орел Ольга

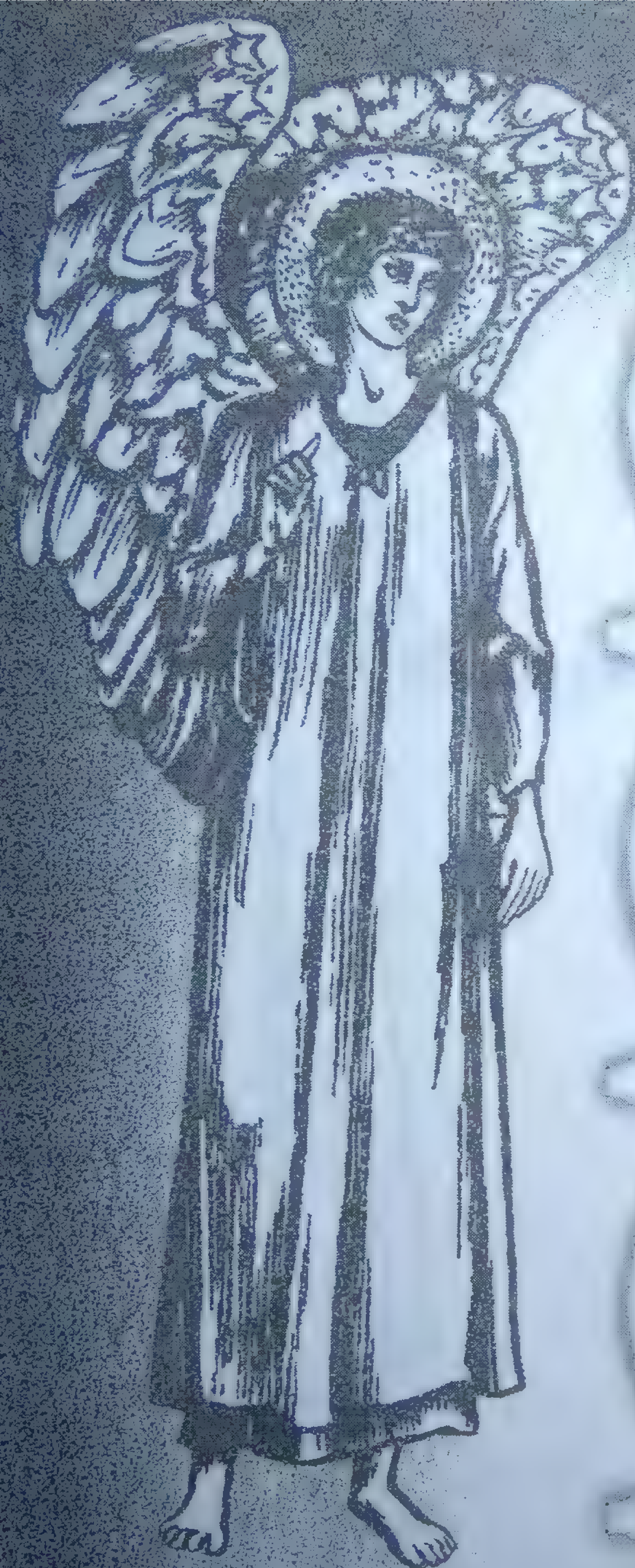

Кашицкая Татьяна

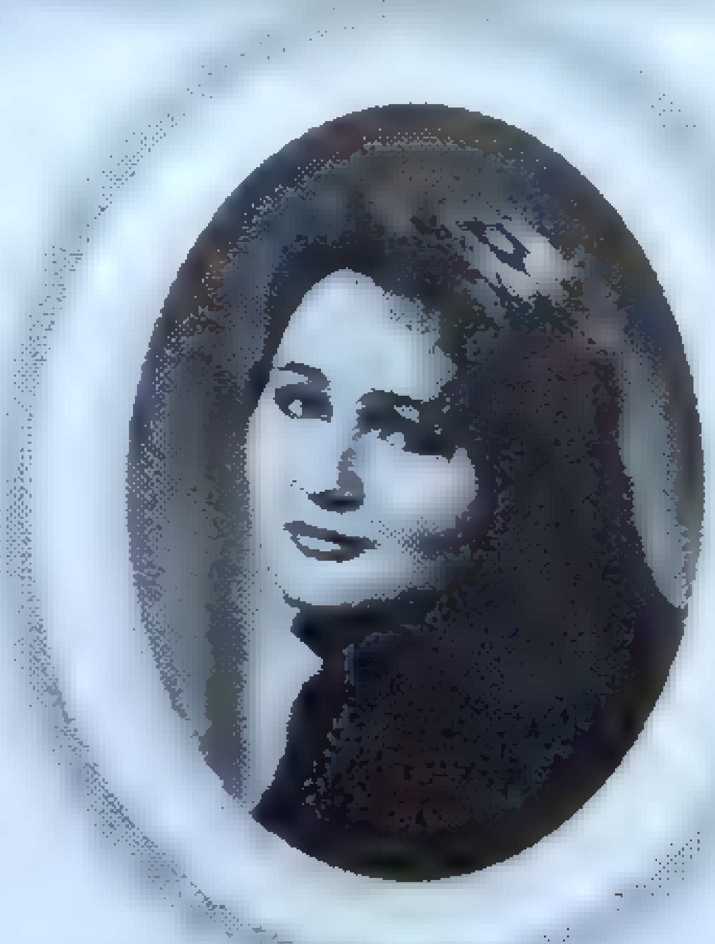
Бречко Анна

Шайко Александр

Пальвинская Ольга

Романовская Татьяна

Шкурдзе Людмила

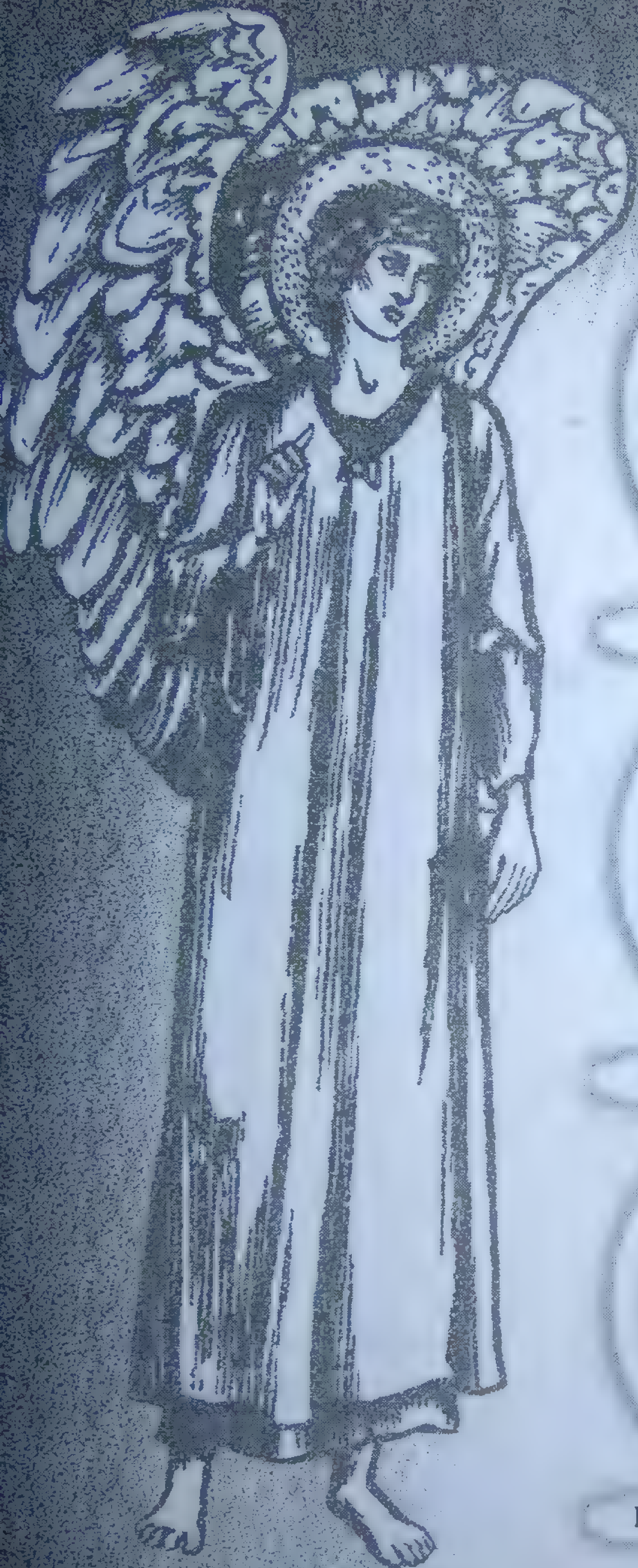

Лобан Светлана

Колковская Анна

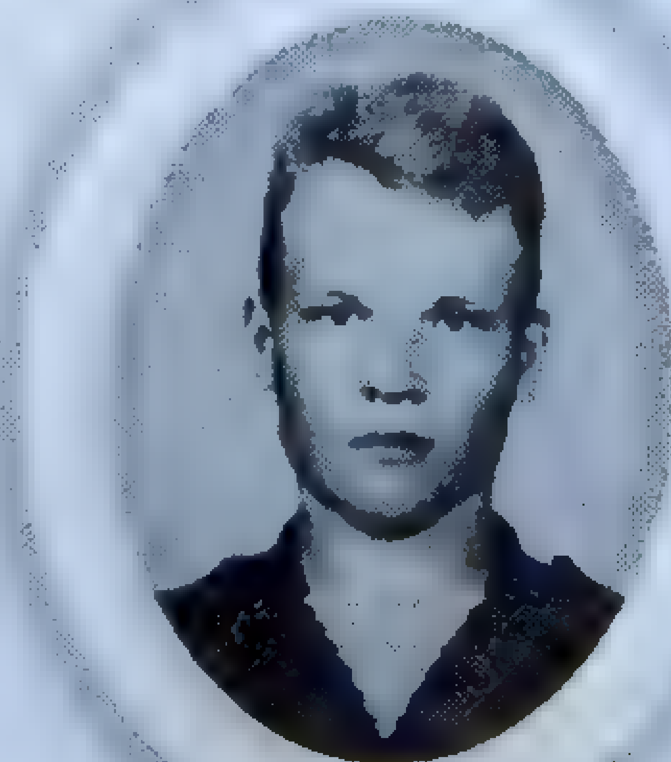

Говен Владимир

Мельникова Алла

Рябоконь Геннадий

Зеленкевич Игорь

Зуевская Марина

Русакович Инесса

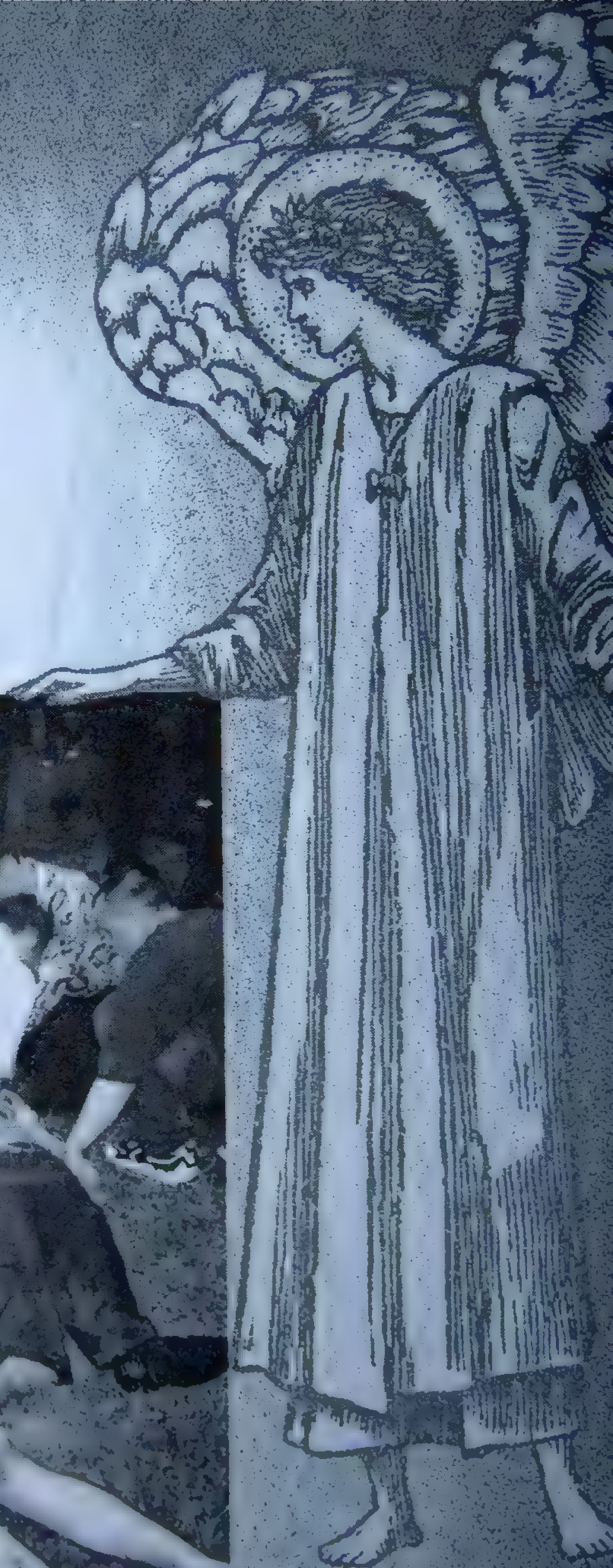

Кислов Василий

Водопьянова Матрена

«Я думала, что вообще
все мертвые...»

«Мы боимся воспоминаний. Самопроизвольно встает картина...»

«Равнодушных не было. Основную помощь оказывали простые люди...»

«Мы успели снять, как выгружают раненых...»

«Процедура разгрузки тел останется в памяти до конца дней моих...»

«Нет большего горя, чем
хоронить своего ребенка...»

«Скорбь безгранична (похороны младшего оперуполномоченного уголовного розыска Геннадия Рябоконя и старшины милиции, милиционера 1-й оперативной роты ОМОН Владимира Говена).»

Я поняла одно: все мы живем под Богом. Если Богу угодно взять тебя с собой — он возьмет. Это не в нашей власти. Идешь домой — раз, и случится что-то. Придешь домой... да мало ли что? Какая-нибудь дура пьяная с ножом встретится. Или машина на улице собьет, как летом, после смерти Павлика — нашу соседку. А ей было всего двадцать лет...

Говорят, что на Немиге, на месте их гибели хотят памятник новый поставить. Я думаю, не нужно. Зачем? Там все сделано уже. Там все стены — разрисованные! Это же от души все, с болью... Я думаю, что все эти надписи, фотографии, стихи нужно сохранить там. Обязательно нужно.

Я и сейчас не могу поверить, что Павлика больше нет...

КОРНЕЕНКОВА Анастасия

Рассказывает мать Ирина Анатольевна Корнеенкова

— Мои дети у меня родились на Дальнем Востоке, в городе Свободном Амурской области. Небольшой городишко, с тяжелыми зимами... А Настя родилась зимой — 14 февраля, в день святого Валентина. Я так и на памятнике написала. Сказали: «Странная такая надпись!». Я не знаю... Написать на памятнике: «Мы скорбим, и утрата наша невосполнима»? Для каждой семьи потеря ребенка — невосполнимая утрата. Я написала: родилась в день святого Валентина, погибла в день святой Троицы. Как будто какой-то знак свыше дан...

Мне тяжело говорить о Насте. Она была как бы незаметным человеком, но — очень необходимым. Сейчас мы остались с мамой вдвоем. Я жду, чтобы скорее вернулся из армии мой сын.

Когда она родилась, у меня стоял вопрос двух имен: Катя и Настя. Я остановилась на Насте, и потом, когда мы с ней говорили, обсуждали это, она сказала: «Хорошо, что ты меня Настей назвала, Катя — мне не нравится. Катюша, Екатерина Алексеевна — нет». Анастасия Алексеевна — это было красиво...

Настя моя была спокойным ребенком в классе. У нее никаких проблем с поведением, поэтому она не имела конфликтов в школе. Может, она и не блистала какими-то особыми успехами в учебе. Она больше настроена на домашний лад. Очень любила рукоделие, любила вязать. Сейчас у бабушки на телевизоре лежит ее салфетка. Кофточку сама себе связала... Любила готовить, что-то испечь. Конечно, рутинно готовить — это неинтересно, а вот что-то праздничное сделать — это она любила! И работать она пошла с каким-то удовольствием. Я думала, ей будет тяжело работать с людьми (она пошла продавщицей в магазин). На работе ею довольны были. Я знаю: она не будет грубить, не будет хамить. Может быть, ей не нравится что-то в третий, в пятый раз показывать — все равно она покажет, тихо, мирно; может быть, потом в уголке станет, поворчит. Она всегда с удовольствием на работу ездила, ей нравился коллектив.

Мы уже долгие годы связаны с оперным театром, я сама — человек, любящий театр. Настя была хорошим зрителем. Это тоже надо уметь. Далеко не каждый может воспринять абстрактный театральный мир. Я знаю людей, которые говорят: «Я не понимаю». А вот она могла все воспринять и ходила ко мне в театр с удовольствием. Горько и обидно, что

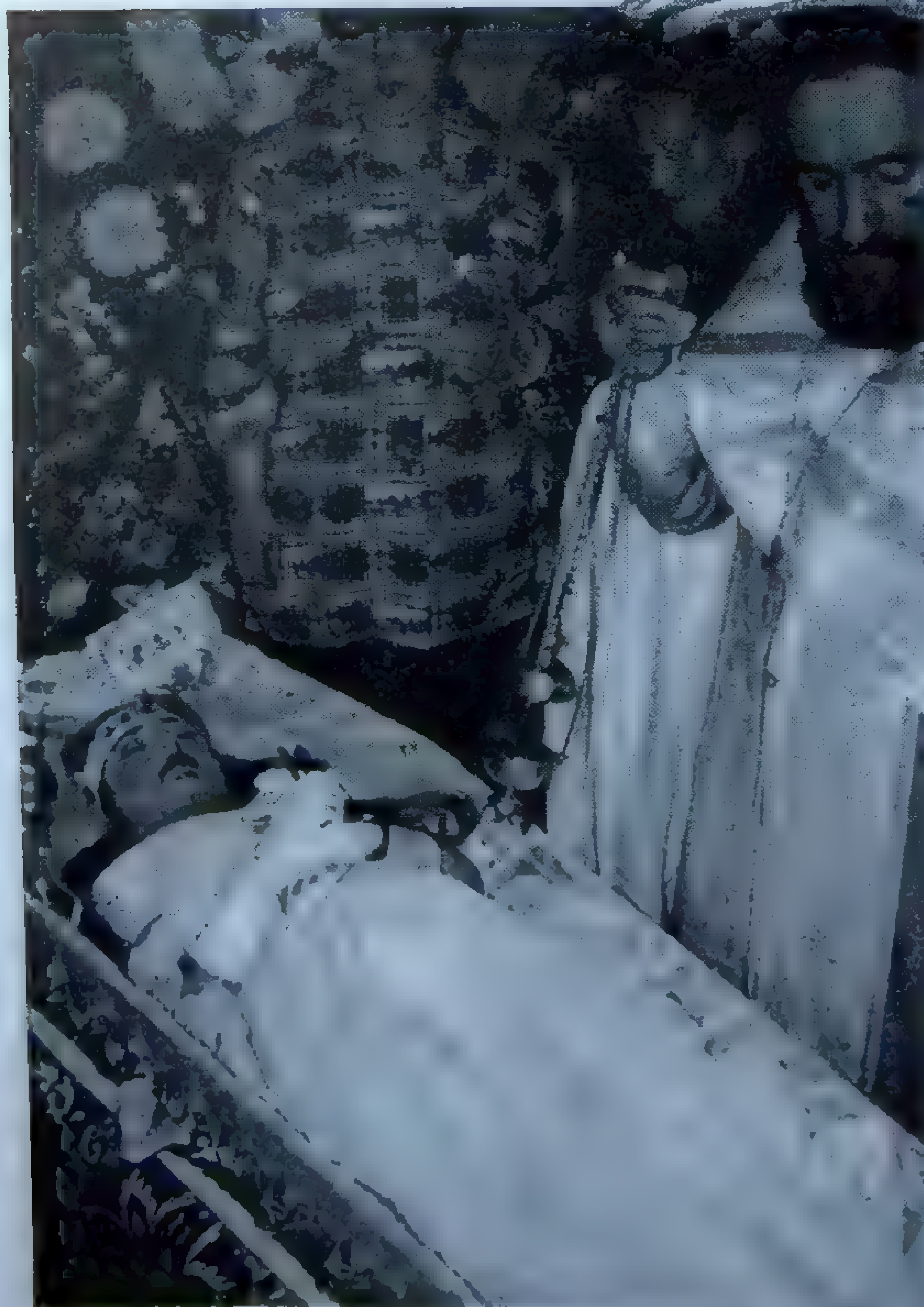

«Была бы воля поднять их — все бы отдала...»
(похороны сестер Светланы Лобан и Людмилы Шкурдзе).

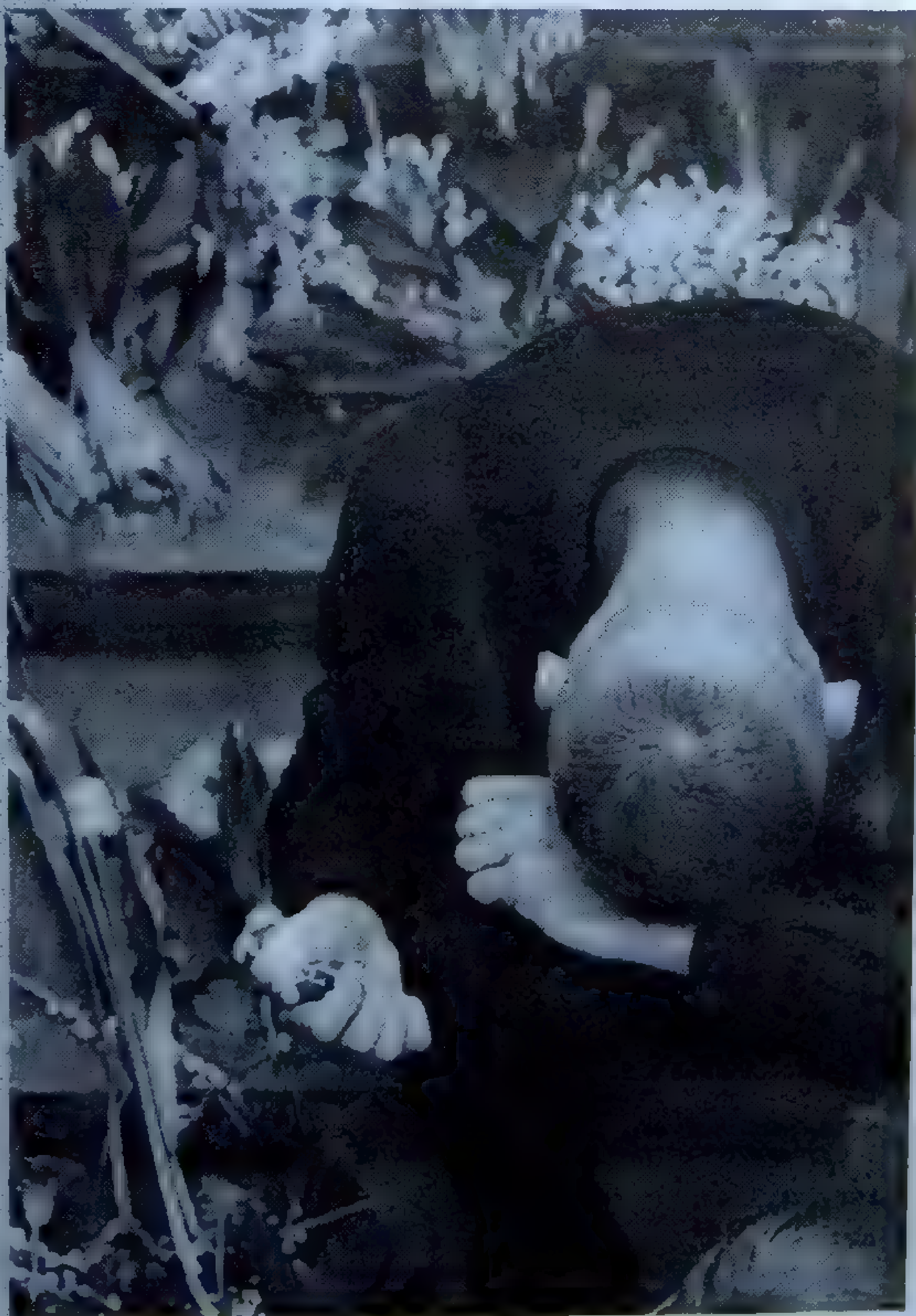
«Маша была хорошая девочка, но Бог нам ее не оставил...»
(отпевание Маши Иньковой)

«И в душе как будто что-то оборвалось...»

Мемориальный знак на Кальварийском кладбище — образ Крест Евфросинии Полоцкой (автор — скульптор Михаил Иньков).

Мемориал на Чижовском кладбище.

Памятник на Немиге, открытый на 40-й день после трагедии (автор — скульптор Геннадий Буралкин).

так все получилось. Довольно тяжелый концерт получился в консерватории 30 ноября. Для меня он оказался очень тяжелым...

Настя хотела в техникум пойти учиться, она не планировала остановиться на том, чего достигла на тот момент. Она была еще не сформировавшимся человеком, все еще впереди. Насте нужно было остановиться, оглядеться в этой жизни, потом — выбрать себе профессию, пойти учиться. А времени на это не оказалось... У человека начертана судьба. Кого мы встречаем в своей жизни, кто становится отцом наших детей — это перст, судьба, предназначение. Все мы стараемся быть взрослыми, а Настя все время говорила: «Боже мой, мне уже восемнадцать лет! Какая я старая!». Вдумайся в эту фразу, подожди, будет и девятнадцать, и двадцать лет — а для нее это было уже все! Она не хотела вступать в этот возраст. Тоже, наверно, внутреннее, не шестое, а десятое чувство. Вот и игрушки ее стоят... «Что тебе подарить?» — «Игрушку.» Мы с ней очень любили заниматься картонными мозаиками. «Настя, что тебе подарить на восемнадцать лет?» — «Мама, я хочу мозаику.» И так я и не собралась купить ее. А она их обожала и так мастерски раскладывала!

Правильно ее отец сказал: она не хотела быть взрослой. Она всегда была ребенком, она всегда хотела остаться ребенком. Странно: видно, каждый человек в душе чувствует, что его что-то ждет!.. Я считаю, что взрослой она так и не стала — только-только восемнадцать лет!

Настя и ее старший брат Юра учились в одном классе. Причиной этого послужила случайная ситуация. В 1987 году мы вернулись с Дальнего Востока. Моего сына в школу там не брали, потому что он еще не дорос, а когда мы сюда приехали, он был уже старше всех. Настя-то в школу пошла в 87-м — ей было шесть с половиной лет, а ее брат почти в восемь лет

в школу пошел. Поэтому они оказались в одном классе. Я была рада, что они [redacted] одном классе, они дополняли друг друга. Может быть, эта подконтрольность никогда не позволяла им прогуливать школу. Когда была вторая смена, я чувствовала себя немножко спокойнее, когда они возвращались вечером. Они присматривали друг за другом, им всегда было интересно вместе, было чем заняться. Настя по характеру человек, который мог подчиниться, она всегда участвовала в его инициативах. Она долго в куклы не играла. Хоть она и девочка, жила интересами брата: его солдатиками, его машинами... Они больше были на конструкторы нацелены. Потом она, с возрастом, стала стремиться уйти от этого, иметь свое мнение. А когда Юру призвали в армию, ушел — у нас пусто стало, и это сложно для нее было...

Она скромная росла девочка, очень тихая, и не было у нее большого количества подруг, как мне казалось. На ее 18-летие мы сначала своей семьей собрались, ее близкая подружка из нашего дома пришла, Аня. Мы посидели и стали уже расходиться, как она говорит: «Ко мне потом еще придет моя компания» — так называемая компания с почтамта. Наша молодежь (я сама работаю со студентами) — люди разные. Нельзя сказать: все плохие или все хорошие, такого вообще нельзя сказать... Эти ребята — компания — может, неоднозначны в своем поведении, в своих жизненных устремлениях. Я не могу сказать, что в компании все — идеальные ребята, но как они повели себя в отношении к своим погибшим друзьям, когда все это произошло! Они уникально себя повели. Во-первых, они искали их там — Настю с Пашей Мяделем. Пашу они не нашли, но нашли Сергея Чикунова. И вот они их искали, а мне позвонила их подруга и сказала, что Насти нет... Когда уже было полдвенадцатого, я поняла: что-то случилось, иначе она была бы уже дома.

Я никому не пожелаю пережить то, что пришлось пережить всем нам, родителям. Я скажу, какое у меня было ощущение, когда это все происходило.

В тот день я съездила с мамой, бабушкой Насти, на дачу. Вернулись домой — тут с друзьями была Настя. Я ее покормила... Она ушла, даже как-то не попрощавшись со мной, хлопнув дверью, — мне было очень неприятно, как она ушла. А потом я легла отдыхать — читала, и вот надвинулась эта гроза. Все потемнело. Я подумала: господи, и где же она сейчас, в такую погоду? Но я впала будто в летаргический сон. Это когда лежишь, чувствуешь, что тебе нужно проснуться, и ты не в состоянии выйти из этого сна. И вот часов до десяти вечера я была в таком полусне. Часа полтора-два такого совершенно непонятного сна. Потом уже, когда начали звонить, говорить, искать, — какой-то импульс, и тогда трое суток подряд совершенно без сна. Пока искали, пока привезли ее 31-го к вечеру, потом 1-го — похороны, поминки в квартире... У поминок ведь есть свое назначение, это не просто собрать большое количество людей в доме, из которого только что вынесли на руках погибшего. Люди помогают тебе войти, вернуться в дом. Если бы все поехали в кафе, в столовую, потом разъехались, а ты один возвращаешься в пустую квартиру! Это очень тяжело — войти, переступить порог, с людьми это проще и легче. И только после поминок на короткое время — забытье, к девяти утра следующего дня я была просто в невменяемом состоянии. Я лето потратила на то, чтобы из него выйти. Уже и врачи помогали, и санатории. Это даже врагу своему нельзя пожелать: чтобы у тебя ребенок ушел, а потом тебе его принесли. Это жуткое чувство. Это ужасное состояние, непередаваемое. Так тяжело — не рассказать, в какое ты впадаешь трансовое, шоковое состояние, душевное, психологическое...

Мы искали ее 31 мая практически целый день. Поехали с сыном в морг. В морге были сфотографированы

погибшие — я ее там, на фотографии, не узнала. Мотались по больницам. Я уже поняла: все это бесполезно, нужно опять ехать в морг и смотреть. В конце концов опознал ее мой сын.

Нашу семью за этот год очень страшные несчастья постигли. В конце 98-го у меня брат погиб, а через семь месяцев — погибла дочь. Если бы не сын, я бы, наверное, опознание не перенесла. У меня до сих пор стоит перед глазами, как я опознавала своего брата. Это ужасно, что приходилось родственников, близких, родных, любимых вот так опознавать!

Эти ребята из Настиной компании первые все узнали и приехали к нам. Они сами гроб подняли сюда, и на следующий день, когда уже выносили... Они сказали: «Мы никого не подпустим к ней». Они сами были в шоковом состоянии, из их компании Настю хоронили первой. Они ее несли из квартиры и от ворот кладбища до могилы. И они похоронили всех своих ребят, как им ни больно было, и на сорок дней потом собрались...

Меня поразило: она была тихая девочка, у нас с ней были хорошие отношения. Но она не хотела меня огорчать, знакомить со всей этой компанией, потому что понимала, что меня обрадовать такое знакомство не сможет. Тем не менее ребята оказались хорошие.

Потом ребята из ее компании сказали, что она перед смертью пришла в себя... Страшно, страшно об этом говорить!.. Когда я ее искала в больнице скорой помощи, мне сказали: девушка на вид около двадцати лет у них там находилась. После гибели моего брата (с ним тоже несчастный случай был) мама сказала: «Я не пойду читать заключение». И я не пойду. Мы знаем только одно: его не убили, он сам сорвался с высоты, сам упал, разбился. Есть люди, которым нужно все до мельчайших подробностей знать. Я не могу... Даже это, что Настя будто бы перед смертью

пришла в себя, — иногда это меня преследует. С одной стороны, я знаю, что ее больше нет, с другой — она вроде как живая. Нет, мы никогда не забудем!.. Даже если умер младенец, которому было два-три месяца, — и то это забыть невозможно, а когда погиб выросший человек, то это вообще никогда от тебя не уйдет, останется с тобой.

Это какое-то жуткое стечение обстоятельств. Я считаю, что тут можно говорить и о мистике. Я историк по образованию и, может быть, человек не очень верующий, в силу того что мне много приходилось читать о религии, культуре и религии, взаимосвязи этих двух понятий. Мне сложно быть человеком, который безоглядно верит в Бога. Но есть вещи, которые мы не должны переступать.

Почему нужно было назначить этот концерт на 30-е число? Мой сын 29 мая приехал после сержантских курсов, у нас собрались его друзья. А потом они пошли на проспект Машерова, и Настя очень расстроилась, что концерта в тот день не было. Тридцатого мая была святая Троица — день, который высчитан давно и заранее. Вы, люди, работающие в исполкомах, вы — люди государственные, вы даете разрешения, вы должны что-то немножко анализировать, что-то сопоставлять и что-то знать, это ваша обязанность. В конце концов, вы же знаете, что будет идти служба, вот здесь собор, рядом еще одна церковь — зачем же в этот день назначать концерт? Сделайте его 29-го, сделайте накануне, сделайте в следующий выходной этот концерт, он ни к чему не был приурочен, абсолютно! Троица — это ведь очень большой религиозный праздник, один из самых важных. В нашем обществе не хватает образования на всех уровнях. В результате не только у молодежи мало понятия — даже у государственных людей нет желания что-то сопоставить и проанализировать. Мне трудно сказать, знала ли церковь, что готовится этот

концерт. Но, даже прослышав о нем, церковь тоже не должна была оставаться в стороне.

Здесь недомыслие нашего городского руководства. Неумение наших людей, молодежи в том числе, вести себя. Здесь алкоголь, пиво, эта «Аливария»... Мы ведь знаем, что только пивом там не обошлось.

Наверно, в нашем обществе так заведено: нас пока очень больно не ударят, мы не можем понять... Нужен был, что ли, вот такой неординарный случай, чтобы (не хочу говорить: вы, я или кто-то) вообще наше общество о чем-нибудь задумалось, остановилось? Это страшное событие из памяти уйти не должно. Чтобы о них помнили. Что их так убили. Вроде никто не виноват. Но ведь не своей смертью они умерли! Несчастный случай — это землетрясение, авария, катаклизм, а здесь люди людей давили. Произошло массовое убийство, и в то же время нельзя сказать: вот этого надо наказать, вот этого...

Прозвучало, что виноваты городские власти, — да, в своем недомыслии. Но посадить их на скамью подсудимых? За что?! Я не могу себе представить, что есть вина недомыслия. То есть, это та ошибка, которая не влечет уголовной ответственности. Но если человек об этом будет помнить, угрызения совести за свою ошибку иногда бывают тяжелее для него, чем уголовное наказание. В обществе люди должны понимать: если есть возможность кого-то спасти, то нужно использовать эту возможность. Если ты видишь, что кто-то упал, то не топтать, а остановиться и помочь подняться. Вот в чем самое тяжелое: что не остановились. Увидел упавшего человека — и не остановился...

Прошло время. Не могу сказать, что мне стало легче. И снится она мне. Я думаю: почему несчастье выбрало именно нас? Трудно сказать. И если бы я могла сказать, что у меня была плохая дочь... Я не могу этого сказать! Она для меня была очень хорошей дочерью,

отзывчивой. Сестрой она была вообще самой лучшей, потому что они с братом выросли вместе, спаянные друг с другом, они стали почти единым организмом. Поэтому я даже рада, что мой сын теперь в армии. Не стала я добиваться его освобождения от службы, потому что так, в этой работе, в коллективе, в совершенно загруженном состоянии ему проще отвлечься, адаптироваться к новой ситуации. И для меня тоже, ведь идет адаптация к совершенно новым условиям. Я рада, что у меня так много работы, я фактически все время ухожу из дома. Потому что сейчас я чувствую: если бы я в сентябре пришла и осталась здесь, мне нужно было сходить только на одну работу и вернуться домой, и все выходные сидеть здесь, в этой квартире, одной... Ведь так могут начаться и галлюцинации, и все что хочешь. Ведь мысли это событие не отпускают совершенно.

То, что я нужна своему сыну, очень поддерживает. Мне очень больно, очень тяжело, это даже не слово обиды — не могу найти слово. Дочь в семье и для отца, и для матери значит очень много. Мальчик, сын — он всегда по своей натуре стремится к самостоятельности, стремится создать свое; девочка к семье ближе. Для меня сын точно так же дорог, как и дочь. По прошествии семи, восьми месяцев ты, кажется, уже смирился, — ведь человек в конце концов смиряется с очень многим в своей жизни. Но мне было очень тяжело, пока мы не поставили памятник. Когда я это сделала, стало легче, как будто меня отпустило. Не в физическом, материальном, а именно в духовном плане.

Мама говорит, что, когда я была в санатории, она подписывала какие-то бумаги, письма, чтобы на месте гибели поставили часовню. Необычный день их гибели — в церковном плане он должен быть как-то отмечен. Если бы они погибли в любой другой день, не связанный с религиозным праздником, — это другое. Ведь сколько мы спорим о существовании

души! Трудно сказать, есть она или нет, но как бывает: снится тебе умерший человек — помяни. Помянешь, и вроде бы тебе легче становится, он перестает тебя преследовать. Я в переход вообще не могу ходить, я теряю совершенно всякий контроль. Памятник сделали лаконично: ступеньки с розами — хорошо сделали. Я считаю, что на тот момент — и как память, и как место гибели обозначено. Закрыть переход — это уже невозможно. Но кто знает: этот незакрытый переход, эта необходимость для людей пользоваться этим переходом — может быть, это и есть самое напоминание о трагедии?

Именно в этот день, 30 мая, где-то должна быть часовня поставлена, чтобы были упомянуты их имена, чтобы они не канули в Лету. Я понимаю, их не тысячи погибли — 53 человека, но для нашей республики, спокойной, толерантной, — это шок. Мне кажется, что только к Новому году Минск немножко оправился. Надо помнить о прошлом, но нельзя все время поддерживать в себе стрессовую ситуацию. Когда тебе за сорок, когда нужно работать (и мало того, что у тебя ребенок, а еще и пожилые родители)... Как я могу довести себя до невменяемого состояния? Ведь мы, в конце концов, на это не имеем права, ведь у нас есть определенные обязательства.

Наверно, не самые худшие дети попали в это месиво и погибли. Я думаю, что погибли девочки, о которых все говорят: и хорошие, и внимательные, и добрые. Ведь всегда погибают лучшие — в назидание. Может быть, кто-то когда-нибудь остановится и подумает: а стоит ли так же идти по головам к достижению своей цели? А не обернется потом это и для тебя каким-то горем? В жизни все воздается, все возвращается к тебе обратно — посеянное зло и добро.

Еще летом я говорить об этом вообще не могла. Сейчас — не то чтобы легче, нет, просто ты уже осознаешь: действительно, память о погибших детях,

всех, кто был там, — надо сохранить. Это нужно не только нам, родственникам. Ведь это нужно и нашему обществу, ведь есть в нем какой-то изъян — в нашем коллективном сознании, поведении... Идет кто-то напролом, он не хочет ничего видеть, никого замечать. Я понимаю, что таких людей ничто не остановит. Но может быть, в какой-то момент этот страшный случай, эта память — «Ходынка повторяется!» — кого-то все-таки остановит?..

ЧИКУНОВ Сергей

Рассказывает мать Ольга Эдуардовна Чикунова

Я назвала своего первенца Сергеем. Мне нравилось это имя. Но я звала его Сергушкой.

Сергушка родился 15 августа 1979 года. Роды были тяжелые. Можно сказать, что сынок родился мертвый. Его полчаса спасали, шейка его дважды была обкручена пуповиной. Его спасли чудом, он почти задохнулся.

В месяц Сергушка заболел, его положили в больницу, но не проверили, идет ли ему пенициллин, а сразу начали колоть, из-за этого у сыночка развился очень сильный диатез. И этот диатез перешел у него в предастму. С года до пяти лет Сергей жил на кислородных подушках. Так и жили: кислородные подушки и уколы, чтобы сбить астматическое дыхание. Отец сам делал сыну уколы.

После родов я очень плохо себя чувствовала, поэтому Сергушкой первых полгода занимался в основном

папа. Потому, видно, и первое слово, которое Сергей сказал, было «папа». Кроватка Сережки стояла у изголовья нашей кровати. Бывало, когда он просыпался ночью, то будил не маму, а папу. Сережа очень сильно любил своего отца.

Когда Сергей немного подрос, мы стали ходить в походы — в лес с ночевкой. Сын очень любил природу. Мог часами наблюдать за жучками и бабочками, червячками. Бывало, на коленках ползает за жучками. Но никогда не убивал насекомых, не отрывал крылышки, как другие мальчишки. Сергей рос добрым, веселым мальчуганом.

По мере возможности мы ездили отдыхать на юг. Приезжали туда, грелись на песочке. Сережка очень любил медуз.

Помню, мы поехали на юг в августе, перед тем, как Сергей пошел в школу, — ему было тогда шесть лет. Я взяла с собой букварь. И однажды сказала ему: «Сергушка, давай учить буквы, читать». А он мне ответил: «Нет, мама, я пойду в школу и там научусь». Не хотел читать. Но когда пошел в школу, то, действительно, очень быстро научился читать. Газеты читал. Вообще очень много читал. Никуда не ходил гулять, проводил время дома за книгами. Любил белорусскую поэзию, покупал белорусские книги.

Очень любил читать фантастику. Однажды (он учился тогда, кажется, в шестом классе) сам написал рассказ.

На улицу вообще не ходил, был ужасным домоседом. Бывало, его одноклассники заходили за ним, говорили: «Сережа, идем на улицу», — он отказывался.

С одиннадцати лет Сережа начал заниматься борьбой — греко-римской. Выступал на соревнованиях, имел награды. Но потом у него стало сильно ухудшаться зрение, и доктор сказал, что это от перегрузок

на тренировках. Со спортом пришлось расстаться. Сережа очень переживал.

Однажды, когда ему было лет тринадцать, друг предложил ему взять щенка. Я не соглашалась, но Сережа очень уж просил. Что делать? Сын целыми днями сидел дома, пусть будет у него домашний друг, — и мы с отцом разрешили ему взять щенка. Мама у него была боксерка, а папа — неизвестно какой породы, но щенок был хорошенький. Сергушка назвал его Томом. Три раза в день сын выводил его на прогулку. Хотя кто кого выводил — это еще вопрос...

Рос Сережа стеснительным мальчиком, робким, но не хмурым и не замкнутым. У него было много друзей. Он играл в волейбол, часто ходил с друзьями загорать.

Ребята звали Сережку Чиком, таким образом сократив фамилию Чикунов...

Сергей окончил девять классов на четыре и пять, с благодарностями за хорошую успеваемость буквально за каждый год. Я ему сказала: «Сергушка, попробуй поступи куда-нибудь». Он ответил: «Нет, мама, пойду в десятый». Я сказала: «Времена сейчас меняются, вдруг обучение будет платным? Что мы будем делать?». И он решил поступать в архитектурно-строительный техникум. Практически без всякой подготовки он хорошо сдал вступительные экзамены.

И учился хорошо. Он любил и прекрасно мог чертить. Все чертежи сдавал на отлично, еще и однокурсников выручал. Но по состоянию здоровья уже на первом курсе Сережа вынужден был взять академический отпуск. Когда Сережа проходил обследование на пригодность к службе в армии, его детская карточка пропала — утонула где-то в архиве. Пришлось историю болезни восстанавливать заново. После больницы, где сын провел больше месяца,

подтвердился его диагноз: предастма. Сергея признали не годным для службы в армии.

Сергей очень любил своего младшего братика Сашу. Несмотря на разницу в семь лет, у них было много общего. Оба любили читать, смотреть фантастику, играть в компьютерные игры, — мы с мужем купили по их большой просьбе. Еще, наверно, их объединял оптимизм — оба росли неунывающими...

Хорошо, что Сергей на этот праздник не взял Сашу с собой. Хотя до этого они ходили везде вместе: и на футбол на стадион «Динамо», и на концерты.

Они часто вместе ездили в центр за покупками. У Саши, помню, был день рождения, и Сергей со своей стипендии подарил ему машинку с дистанционным управлением. Они ездили вместе выбирать ту машинку.

Накануне 30 мая у Сергея вроде было предчувствие... В соседнем доме умер студент Андрей. Умер он от рака легких, а ему говорили, что у него всего лишь воспаление. Андрей учился в институте, ему исполнилось только девятнадцать лет. Они были очень дружны, Андрей и Сережа. И Сережа очень тяжело перенес смерть друга. Говорил: «Мама, Андрея убила медицина — лечили воспаление легких, и получилось, что "залечили"». Я говорила: «Сереженька, у Андрея было не воспаление. Ему просто не говорили, что у него рак легких». Сережа ответил вдруг: «Вот Андрей умер, и я тоже умру. Я не могу без него». Это один раз. А другой раз как-то пришел ко мне на кухню и говорит: «Мама, мне цыганка нагадала скорую смерть». Я возмутилась: «Сережа, если верить всем этим аферисткам на вокзале, вообще не следует жить. Не смей придавать значение этой чепухе!». Он ничего не ответил, только как-то странно улыбнулся... Мне кажется, он все-таки что-то чувствовал или предчувствовал. Он был очень ранимый, сильно переживал смерть друга и постоянно говорил: «Я скоро уйду к нему».

А 30 мая ничего не предвещало беды. Все как обычно. Правда, я пошла на работу, так как был конец месяца. Мы с Сергушкой спокойно поговорили. Я еще пошутила: «Придешь слишком поздно, домой не пущу, будешь спать под дверью». Сережка рассмеялся и сказал: «Мама, не волнуйся, приду вовремя!». А оказалось — совсем не пришел... Оказалось, что его спустя сутки принесли солдаты в гробу... Если бы я могла знать, что мы расстаемся навсегда!

Сергушка не собирался идти на этот праздник. Они отдыхали: играли в теннис, загорали. А потом кто-то сказал, что на Немиге — массовое гулянье, и предложил пойти туда. Они же ведь пришли уже к окончанию праздника!

Их было семеро. Погибли трое — Настя Корнеенкова, Павел Мядель и Сергей. Как рассказывали мне его друзья, это было что-то ужасное. Конец света! Живые топтали живых. Причем не по своему желанию, а потому, что их толкала толпа. Ребята мне говорили: «Тетя Оля, мы пришли туда в 19.50. Мы стояли последними и ничего не видели. И тут начало греметь, начались вспышки молний. И мы решили: пойдем в метро и поедем в свой "маленький дворик"». Так они называли двор, в котором собирались, за магазином «Глобус». Четверо были за то, чтобы не ехать, а перейти дорогу и спрятаться под навесом. А Настя, Паша и Сергей заупрямились: «Пойдем в метро».

Настя, Паша и Сергей спустились в переход первыми. Ребята рассказывали, что они шли и о чем-то беседовали, смеялись. Сергушка сам еще мог бы спастись. Друзья говорили, что Сергей старался выхватить из груды тел и тем самым спасти Настю. А потом пришлось самого Сережу выискивать и вытаскивать из груды тел.

Его нашли, вытащили. И Тема, друг Сергея (он маленького роста, хотя и старше Сергея, — ему двадцать

один год, а Сережке всего девятнадцать), рассказывал: «Я его вытащил и на руках вынес из перехода, отнес к карете "скорой помощи", и его увезли».

Мы обзвонили все больницы, осмотрели все отделения реанимации. А потом нам сказали: «Если его нет среди живых, ищите среди мертвых».

Отец не сразу опознал его в морге. Сергушка был весь черный от кровоподтеков.

Не дай бог никому того, что мы пережили в те дни. Страшно было смотреть на тело сына. Это был он и не он. Сережу сильно загримировали. Грим прямо осыпался с него... Будто это был страшный сон, который рано или поздно должен кончиться. Но ничего не кончилось. Наоборот, только началось. Началась боль, утрата, скорбь. И конец этому придет только с моим концом...

Я считаю, что трагедию можно было предотвратить. Если бы они не организовывали такой праздник в день Троицы и в таком месте. Как говорят, Бог дал — Бог и забрал. Всех деток. А ведь там находилось много и взрослых. Если бы праздник организовали в другом месте, ничего бы этого не произошло. Почему его нельзя было провести, допустим, в парке Горького? Я не берусь судить, но мне кажется, что тогда трагедия не произошла бы. А там рядом — сразу три храма. Люди говорят, что 30 мая, когда в них шла служба, прихожане не слышали, что говорил батюшка: такой там был шум и гам...

Сергей снился мне. Сразу после девятого дня. Во сне я видела длинный накрытый стол. За столом сидело много людей. И к столу подбегает Сергушка, такой довольный-довольный, улыбается — и скорее за стол. Я вижу, что он в том же костюме, в котором и погиб. Покушал, а потом поднял голову и говорит: «Мама, а почему здесь так много людей?». А я ему говорю: «Так надо, Сергушка». А он раз — и исчез. И все. Больше Сергей мне не снился...

У моего мужа есть одноклассник Павел, который закончил духовную семинарию. И я попросила Павла приехать. Он приехал и освятил могилку Сережки. Я его спросила: «А как насчет того, что я некрещеная?». А Павел мне сказал: «Нет, Оля, надо обязательно покреститься, иначе Сергушка будет обижаться на тебя». И к сороковому дню я поехала к нему в церковь, и он меня окрестил. Еще он мне сказал, что каждый день поминает Сергея в молитвах...

Я безумно любила своего сына.

АРЕХ Виктория

Рассказывает сестра Инга Арех

— Вика родилась поздно вечером, почти в полночь. Назавтра был тихий солнечный день. На дворе стоял теплый октябрь...

Она была очень спокойным ребенком, не причиняла родителям особых хлопот. Ходить начала рано — в девять месяцев, а говорить — в два года, и сразу целыми связными предложениями. С самого раннего детства Вика всегда стремилась к самостоятельности. Когда ей предлагали помочь одеться, понести ее на руках или еще что-то, она всегда упрямо твердила: «Я сама!». В два-три года она уже спокойно могла преодолевать довольно большие расстояния пешком наравне со взрослыми, ни разу при этом не захныкав и не попросившись на руки.

В детском саду она также была довольно независимым и смышленым ребенком. Ей нравилось ходить в садик. Там она не только заботилась о себе,

но и помогала другим детям, словом, была очень «правильной»: «Вот этот неправильно надел ботинки, а вот этот плохо себя ведет». Часто помогала воспитателям одевать других детей, при этом быстро одевшись сама, без чьей-либо помощи. Была настоящей помощницей воспитателей. Она так же быстро, без труда и без ошибок, справлялась со всеми заданиями, которые обычно предлагали детям в садике. Вика лепила, вырезала, рисовала с большим удовольствием, и все ее работы отличались фантазией и вкусом. В этой пятилетней девочке чувствовалась сообразительность, даже мудрость, которая иногда поражала. Ведь в этом возрасте она рассуждала как взрослый человек. Она была точно «маленькая старушка».

Когда Вика пошла в школу (а она ждала этого с нетерпением), проблем с ней тоже не было — она схватывала все на лету. Единственную трудность у нее вызывало чтение: она читала не очень быстро, зато потом могла пересказать прочитанное почти наизусть.

Она всегда была очень опрятная и аккуратная. Все свои вещи, будь то книги, одежда или игрушки, она содержала в идеальной чистоте и порядке.

В старших классах Вика тоже всегда училась хорошо. Особенно старалась в последнем классе, так как знала, что нужно будет поступать в вуз. Ей очень нравилась химия, кроме того, она ей достаточно легко давалась. Для себя она решила, что станет фармацевтом, и решила поступать в БГУ. Конечно же, до того, как она приняла окончательное решение, Вика, как и все дети, которые пытаются искать себя, хотела стать балериной, врачом, модельером и так далее.

Вика посещала многие кружки. Сначала это был кружок народного танца, но скоро ей надоело туда ходить: там учат разные позиции, а она сразу хотела

танцевать. Еще маленькой девочкой, когда по телевизору показывали балет, она смотрела на экран широко раскрытыми от восторга глазами, а потом сама вставала на цыпочки, воображая себя балериной, и танцевала. Ее довольно часто можно было застать за этим занятием. После народных танцев ходила в кружок мягкой игрушки. Это у нее очень неплохо получалось. В доме появились дракон, лягушка, мишка и разные другие очаровательные и милые игрушки, сшитые ее руками. Но и в этом кружке ей тоже почему-то наскучило. Самым последним ее увлечением стал кружок спортивного танца, организованный в школе, где она училась, но и его она в последнее время забросила, так как нужно было много заниматься и у нее не хватало времени.

У Вики всегда очень высоко было развито чувство прекрасного. Она очень любила театр, особенно балет. В детстве часто просила сводить ее в театр на балет, а потом сама покупала билеты, ходила в театр довольно часто.

Когда она немного научилась шить, стоило ей взять какую-нибудь выкройку из «Бурды» — и через некоторое время у нее уже новый наряд: блузка, сарафан, юбка. У нее к этому было чутье и огромное желание, она всегда знала, что нужно делать и как, и у нее все превосходно получалось. Однажды Вика поразила всех, сшив себе жилетку почти без швов, — это было ее собственное изобретение.

Еще в детстве, когда ей было восемь-десять лет, на нашем рынке появились первые куклы Барби. Она была безумно рада, когда мы купили эту куклу, и уж сколько одежды она ей нашила и связала!

У Вики всегда было очень много друзей: телефон звонил не переставая. И как только у нее появлялась свободная минутка, ей тут же нужно было бежать либо на день рождения, либо в школу на концерт, либо в театр, либо на дискотеку.

Наверное, как и многие девочки в ее возрасте, Вика вела «песенник»: записывала туда всякие интересные выражения, истории, песенки, стихи. И даже сама пыталась сочинять. В самом конце ее песенника был прикреплен маленький конвертик, на котором ее почерком написано: «Мое стихотворение»:

Листопад, листопад,
Листья падают подряд
В огороды и в трубу,
На дома и на траву.
И куда ни глянешь —
Так везде горит,
И глазами яркими
Осень к нам глядит.
То в окно заглянет,
То глядит нам вслед,
То подует сильно
И обсыплет огоньками
проходящих всех.

Такой была Вика, словно маленький веселый лучик, от присутствия которого всем становилось тепло и радостно и который так рано и жестоко погасили...

ЖЕВЖИК Ольга

Рассказывает мать
Анна Болеславовна Жевжик

— Мы ждали девочку. И я рада была, когда девочка родилась, очень рада! Хорошая девочка: спокойная

такая, красивенькая. Черненькая она родилась. Смуглая, как негритянка. Все в роддоме на нее смотрели как на куклу...

Имя ей дал ее брат, он старше на десять лет. Он приехал с отцом в больницу и говорит: «Мама, назови — Олюшка». И я подумала-подумала: правда, красивое имя! Сама-то хотела совсем по-другому назвать: Наташа, Инна... А почему ей брат дал такое имя? Потому что была с ним группе в садике одна девочка, она ему нравилась. И в садик они, и в школу вместе ходили... А теперь так больно слышать, когда кто-то говорит имя «Оля»! Так тяжело-тяжело, что ее нет!

Она мечтала много о чем. Бывало, говорила: «Мама, так хочу быть психологом! Мне очень нравится эта специальность». Боялась, что не поступит, — немножко запустила математику. Но на общение с людьми у нее — талант. Она чувствовала, что сможет работать психологом. «Это, — говорит, — моя мечта. Вот в этом учебном году я немножко еще погуляю, а уже в одиннадцатом классе буду за учебниками сидеть. Тогда, мама, не посылай меня ни в магазин, никуда: мне надо на одни пятерки школу окончить!». Немножко математика ей не давалась: видно, где-то упустила. А так — хорошо училась. Особенно ей нравился английский язык.

Оля говорила, что, если не поступит изучать психологию, пойдет учиться или на экономиста, или на бухгалтера. Вот эти три профессии она выбрала.

30 мая я не почувствовала ничего, что могло предвещать беду. Абсолютно ничего. Я за дочку свою была спокойна. В школе иной раз уборку они делают, задерживаются. Она говорила: «Мама, ты успокойся, я тебе всегда буду звонить, если буду задерживаться». Увидела один раз, как я волновалась, когда она один раз не сообщила, и потом все время звонила мне. Неспокойно на душе стало только только после

десяти часов вечера, потому что так поздно она никогда не приходила. Вообще… Вот тогда всякие уже мысли стали появляться… Я бы никогда не подумала, что она там! Подумала: может, задержалась у подружки? Оля была как-то в санатории и там с подружкой познакомилась, она к нам приезжала, и ее в гости приглашала к себе. Вот я и подумала, что она ее пригласила и что они не могут позвонить. Может, с телефоном что-то. А когда я утром ушла на работу, иду — а у меня такая тяжесть… Радио я утром не включала, была не в настроении, ни чаю не пила, ничего. Пришла на работу — так тяжко мне! Видно, что-то почувствовала тогда…

Но все равно я думала: Оля жива! А потом наши рабочие собрались и начали говорить о том, что случилось вчера на Немиге: «Несчастные родители, чьи дети не вернулись домой!». И тогда мне стало вдруг ясно… Но я их слушаю, а сама все скрываю: «Нет, я не буду говорить, что Оля не была дома, пока сама что-нибудь не услышу». И тут сказали по радио, и тогда у меня уже ноги подкосились, я села… Я тогда уже поняла, что моя Оля — там…

Именно в этот день она ничего не сказала мне о том, куда поедет. Она бы, может, и сказала, но я уехала в город. Она сказала соседке, что уходит. Соседка говорит: Олечка позвонила к ней в дверь часа где-то в два, спросила: «Мамы у вас нету?». А я сказала ей, когда отходила, что пойду в магазин, молока куплю, сметаны. А она как раз нагрела воды себе — тогда воды горячей не было — и собралась мыть голову. «Зачем? — говорю. — Ты же вчера помылась. Сегодня воскресенье.» — «Ай, ну и что, еще помоюсь, раз уже нагрела воды.» Ну, нагрела так нагрела…

Обычно я улыбаюсь, а тут оставляю ее дома — тяжесть на душе какая-то. Я спросила: «Олечка, ты никуда не пойдешь?» — «Нет, никуда.» Я только попросила: «Если вдруг что, так ты долго не будь.»

Она всегда говорит: нет, ты что, мама, сама знаешь — если я на двадцать минут после девяти вечера задержусь... А в этот раз: «Как удастся, мама». И так — сквозь зубы — она это мне сказала. «Как удастся...».

Хотелось мне у нее спросить: «А чего это ты, Олечка, так говоришь?». Иду и думаю: как-то она мне ничего не рассказала о том, почему сегодня грустная. Ну и все, и я пошла в магазин...

В нашем магазине молока не было. И надо ж мне было аж на Московскую поехать!.. Часа три я по этим магазинам ходила — искала молока. Пусть бы я лучше не искала его...

Вот это мне теперь самое тяжкое — то, что я ушла и больше не увидела ее, понимаете? Думаешь: а вдруг бы не ушла, может, что-то сказала бы?.. Она ведь тогда соседке позвонила: «Может, мама уже пришла из магазина и к вам зашла? Где ж мама так долго? Я думала, может, к вам она зашла, что так долго нет...».

Она с подружкой на Немигу ходила. С Галей. Вместе в школе учились, и в садик ходили вместе. Только в разные группы. Подружка вернулась... Вот я ее как-то хорошенько не расспросила. Когда Олечку уже привезли, она приходила, плакала. Говорит: «Я слышала, как Оля кричала. Только голос слышала, как она кричала, когда, наверно, погибала там». После того я больше не знала, как ее расспросить. Приходила она — я не смогла... Вроде Оля по центру шла, а ее подружка — около стеночки. Вот Оля и погибла. Галя тоже упала, но ее, говорила она, как будто кто-то подхватил. Но она была около стеночки, а Оля — как шла по центру, так ее и затянуло. А как там на самом деле было — не знаю. Она вот так говорила, а как правильно, я не знаю...

А вот мальчики из соседнего подъезда говорили: «Когда дождь этот начался, мы видели, что Оля

летела». Еще на улице летела... Они (Оля и Галя) стояли как раз возле перехода. Подальше бы где-нибудь были — они б уже не пошли, а так они первыми кинулись и как раз в ловушку эту попали.

Кто виноват?.. Во-первых, виновато то, что праздник устроили. Виноваты и попы. Когда мы собирались 30 ноября (полгода со дня трагедии), они даже пробовали обвинить нас. Детей обвинили наших: «они виноваты», «не надо было пускать»... Но ведь они же молоденькие! Они ж не пошли плохое что-то делать, они же пошли посмотреть. И я ходила, концерты смотрела. Мы и в детстве с Олей ходили. Ей семь годиков было, я ее с собой на концерт брала. Так что получается: взаперти детей держать? Уже ведь не малые — шестнадцать лет! Они ж не пошли распутство какое творить, они об этом не думали! Если б думали, так они б и не поехали на эту Немигу.

Попы тоже работают с нашими руководителями, в том числе и высшими. Вот они здесь и виноваты. Вина их, что праздник-то не дети устроили, а детей обвиняют. И родителям боль сейчас причинили — тяжелую-тяжелую, на всю жизнь. Они виноваты, а не дети и не родители. Знали, что нельзя, что подобные случаи давки уже бывали, — надо было сказать, договориться, чтобы не устраивали этого, и каждый наш руководитель, если бы его кто-то попытался предупредить, подумал бы. А так получилось, как будто кто-то вред сделал родителям. Но дети же ничего плохого не делали. Чем они виноваты? Один священнослужитель (православный) еще потом будет говорить: мол, «мы это знали — что случится и даже что в этот день»...

Такого бы, конечно, не произошло, если бы они с организаторами, с властями договорились. О том, чтобы на этом месте не играли, не шумели. И тогда ничего б и не было! А так... Как тот поп сказал (я его так поняла): «Мы на принцип пошли на будущее, потому

что это уже не в первый раз такое здесь творилось — все равно праздники здесь устраивали, пусть знают, что такое больше делать нельзя!». На будущее, значит, и родители, и сестры-братья, чтобы вы здесь такие праздники не встречали больше. Не веселились. Ну так зачем же было этих деток душить?

Как будто кто-то наслал эту бурю специально. А сейчас родителей и детей обвиняют: не надо было пускать, надо было держать...

Оля любила детей маленьких, очень любила. Посмотришь — на улице около нее девочки соберутся, она им одно, другое расскажет, на велосипеде их покатает. На практику в УПК тоже ходила в детский садик. «Меня, мама, они тетей называют: тетя Оля. Какая я, — говорит, — тетя!» С детства, с первого класса, она ходила в кружок гобелена. До девятого класса туда ходила. Но когда ушел преподаватель, который их учил там, ходить больше не стала. Она говорила: пришел другой руководитель кружка, грубый, стал их наказывать. Рисовать Оля любила. Тянуло ее к искусству, ко всему художественному. Мне все это в детстве тяжело давалось, а она быстро все схватывала. Она старалась сама и шить. Сядет, сделает аккуратненько, по выкройке. И так все миленько получается, красивенько. Когда я спешу, занята бываю, она мне и по дому поможет. Никогда даже и в мыслях не было, что она погибнет, никогда!

Я сама думаю: ну как-то вот вышло, что родила долгожданную дочку уже в тридцать. И решила: нужно пожить долго, на старость я уже опору себе имею! Не получилось...

Знаете, бывало, Оля как придет — даже как-то бодрит. Иной раз такое настроение... Тяжко бывает. Зарплаты нет, за работу эту переживаешь... А она умела как-то подойти, что-то сказать... Вот я не знаю, иногда думаю: как так можно? Я, конечно, не переживала, я держалась спокойно, а она: «Мам! Ну и что,

даже если мы будем и воду есть с хлебом — ничего, все будет нормально! Ты не переживай, все будет хорошо!». Верный она мой друг!

Отняли... Отняли у нас...

Иногда я просто забываю, что нет ее. Вечером хочется встать и крикнуть: «Олечка, иди спать!». Потом вспоминаю, сяду — и плачу, плачу... А на фотокарточки как посмотришь!.. Она любила фотокарточки смотреть. А теперь она ничего уже не спрашивает. Теперь и стол ее свободен, и тетрадочки остались. Глянешь — болит сердце. Осталось мучиться...

Приятно было, когда власти с Новым годом поздравили. Пришел с работы муж — дают подарок. Я не ожидала, конечно, этого. Я даже не подумала, что могут поздравить. А тут — прислали из горисполкома, говорит. Там были конфеты хорошие, такие, что я не ела даже при Олечке. Ох и тяжко было, когда я эту конфету кушала. Было чувство, что моя Олечка где-то подумала: «Мама, съешь хоть хорошую конфету теперь». Такое чувство, как будто она мне эти конфеты передала. А 27 мая мне было пятьдесят лет, она меня поздравила, открыточку подписала. Подарка не было, потому что не за что ей подарок купить. Написала: «Мама, милая, тебе это будет подарок самый дорогой — мои строки». Жалостная тогда получилась открыточка... Вот как будто она это писала, уже прощаясь со мной! Только тогда ничего я этого не поняла, а вот теперь, когда ее нет... Как будто бы она со мной прощалась...

Вот говорят: Бог забрал наших детей. Не может этого быть. Только сатана способен сотворить такое. Для чего? Чтобы больно сделать родителям. Чтобы мучились всю жизнь. Если бы Бог — он бы сделал наоборот: чтобы не умирали, чтобы долго жили. Чтобы все хорошо было. Зачем же душить детей? Разве это по-божески? Я считаю: нет, не по-божес-

ки. Если даже, как говорят, народ нагрешил — почему дети рассчитываются? Я совершенно не могу понять: разве где-то что-то плохое мы сделали? Ни она, ни я... Другие говорят: рассчитываются за родителей дети. Но что я сделала такого, чтоб дитя мое рассчитывалось? Разве я кому зла пожелала или отомстила?

ВИШНЕВСКАЯ Алена

Рассказывают мать Галина Николаевна, отец Виктор Казимирович Вишневские и сестра Татьяна

Мать:

— Алена родилась 7 декабря, т. е. по гороскопу она Стрелец. Стрельцы характеризуется тем, что любят животных, спорт, сами по себе очень подвижные люди, любят общество, имеют много товарищей, друзей. Гороскоп полностью соответствовал характеру Алены.

В этом ребенке с самого детства было неисчерпаемое количество энергии. Помню, в первый день, когда я ее родила, медсестра перепеленала ее, и нас с ней оставили одних. Смотрю, а она уже распеленалась, плачет, высунула свои ручонки и хочет их посмоктать. Я позвала сестру и попросила еще раз перепеленать ребенка. Потом мне пришлось звать ее неоднократно, потому что дочурка постоянно раскручивалась.

Я еще в больнице решила, что она будет Алена. Мы все и всегда называли ее только этим именем

и только в такой форме, но когда записывали, решили, что это будет неграмотно и записали Елена. В школе ее так и звали — Леной, но ей это не нравилось. Полтора года назад мы переписали ее имя в загсе на Алену.

Сестра:

— У нас с Аленой пять лет разницы, и я очень хорошо помню день ее рождения. Тогда мы с папой остались дома без мамы и сидели на кухне вдвоем, плакали, переживали и за маму, и за сестричку. Ходили постоянно к ним в больницу.

Отец:

— Как только пошла в садик, сломала ручку. В начале школьных занятий также ходила со сломанной рукой. Всегда относилась к этому не серьезно, говорила, что ничего, заживет. Она была левшой, и мы никогда не пытались переучивать ее, у нее все прекрасно получалось делать левой рукой.

Сестра:

— С первого класса она занималась и плаванием, и легкой атлетикой, гандболом, футболом. Бальными танцами — немного. Потом долго, где-то три с половиной года, конным спортом. В последнее время она ходила в театральный кружок.

Мать:

— Еще она занималась очень интересным видом спорта — спортивным туризмом. Это ей очень нравилось. Если она чем-то увлекалась, то отдавала этому занятию всю душу, силу, энергию. Сама себе шила, готовила специальную спортивную одежду для занятий, например приспособление для лазанья по канату. Приносила домой и подшивала, подгоняла все под себя.

Все это ей очень нравилось, но все же лошади взяли свое — стала ездить в Ратомку. Очень много времени посвящала Ратомке. Занятия были каждый день, но школьникам разрешалось приходить через день. Она вкладывала в это занятие всю свою душу, отдавала себя всю. Приходила в два часа из школы, обедала и в три бежала на электричку. За 20—25 минут успевала добраться из Серебрянки до вокзала на электричку, а возвращалась в семь-восемь часов, конечно, очень уставшей. Потом до часу ночи делала уроки. Иной раз мы ее и ругали: «Аленочка, нужно как-то пораньше. Спорт — это спорт, лошади — это хорошо, любимое занятие — это замечательно, но главное — уроки».

Сестра:

— У Алены не было своей лошади. Если бы была лошадь — она продолжала бы заниматься. Она приходила как бы на чужую лошадь. Иногда могли вообще не дать лошадь. В этом виде спорта нравились ей прежде всего сами лошади.

Отец:

— С самого детства ее привлекала вся живность. Приезжая в деревню, она не отходила от телочек, кроликов, собачек. Очень любила собак. Просила завести дома собаку, но я запретил. Это очень ответственно — собака.

Мать:

— В младших классах все время просила купить ей лошадь — это, наверное, была ее самая заветная мечта. «Купите мне лошадь», — просила. Мы объяснили, что ее некуда будет девать. Езжай к дедушке в деревню, пусть он тебе купит лошадь. Вот так иногда приходилось объясняться с ребенком. Потом стала постарше и поняла.

Можно, конечно, всю жизнь заниматься конным спортом, участвовать в соревнованиях, как-то продвигаться, но лично я не хотела этого, но и не отговаривала ее. В глубине души боялась, что она будет заниматься постоянно этим видом спорта. Даст или не даст это занятие каких-то положительных результатов, призовых мест — это не так важно, я постоянно опасалась за ее жизнь. Ведь сколько раз она падала с лошади, сколько было ушибов. Рассказывала, что одна девочка упала, и ей пришлось удалять селезенку.

Отец:

— Я советовал даже идти в ветеринарный институт. Говорил: будешь лечить своих лошадей.

Однажды на даче она увидела жеребчика, еще молодого, и захотела на нем покататься. Я пошел спросить у соседей, можно или нет моей дочери прокатиться. Они разрешили, но сказали, чтобы осторожной была, ведь конь молодой и может брыкаться. Она тут же села на него и галопом поскакала.

Мать:

— Мы ее направляли в педуниверситет. Технические науки ей давались сложно, а вот литература, язык у нее шли хорошо, по английскому языку у нее тоже была пятерка.

Отец:

— Вот поступила бы в университет, получила образование, специальность, а уже потом можно было бы подумать и о конкретном занятии. Главное — поступить. Я думаю, что она бы смогла, я в этом уверен.

Сестра:

— Последний год она очень серьезно стала заниматься театром. После выступлений приходила

домой и с большим воодушевлением рассказывала, как она там играла котика, собачку и так далее. Меня ее рассказы заинтересовали, я тоже решила пойти в театр. Вместе ходили заниматься месяца четыре. Я видела, как она играла на сцене. Пела в хоре. В начале занятий проводились тренинги для голоса, и я видела, как она одна из первых становилась и всерьез занималась, когда другие дети просто «валяли дурака». Часто она брала эти тренинги с собой домой, и однажды в зале я застала ее за тем, что она пробовала распевать свой голос на все регистры, тона, проговаривала какие-то скороговорки. Увидев меня, застеснялась и сказала, чтобы я вышла и не подслушивала. Очень серьезно к этому подходила.

Попала в театр она следующим образом. В школе у них ставился клип по какой-то песне, и учитель, который оценил их игру, предложили тем, кто хочет, идти заниматься в театральный кружок. С первых занятий ее это очень увлекло, мечтала сыграть главную роль.

Мать:

— У Алены была хорошая роль в спектакле про ученого кота. Она была очень довольна, дома по нескольку раз проигрывала, что и как она должна говорить. Пластику, движения постоянно оттачивала, и я видела, как она тренировалась, изгибалась, изображая кошечку. Спектакль был по сказке А. С. Пушкина — интерпретация в современном стиле. Фразы и выражения были очень сложными, и я поинтересовалась, для кого они ставят спектакль? Ведь для детей дошкольного возраста это будет непонятно. Она мне говорила, что все все поймут.

7 декабря я ходила на премьеру спектакля «Синяя птица». Алена была в нем задействована. Залу

не объявлялось о том, что эта премьера посвящается Алене, но все это знали и понимали.

Сестра:

— За месяц до экзаменов она прекратила занятия театром. Девочки отговаривали, но она настояла на своем. Сказала, что на будущий год, после поступления, придет снова.

Мать:

— Алена очень любила мягкие игрушки. В комнате и сейчас они все стоят. Она даже пыталась сама их делать. Ходила в кружок, вышивала, вязала крючком очень красивые салфетки, футляр для очков, даже связала себе кофточку. Пробовала также вязать спицами. Она была удивительно разносторонним человеком. Подвижная девочка, постоянно занималась спортивными играми, но в то же время могла сидеть часами и заниматься такой кропотливой работой, как вышивание, вязание.

Очень красиво рисовала. Глядя на себя в зеркало, нарисовала свой портрет. Лошади были в зарисовках везде: в школьной тетради, в блокноте — везде лошади, лошади, лошади.

Алена вела дневник, в котором записывала свои стихи, говорила о своих проблемах, но мы об этом узнали только в последний год. Впервые мне стало известно это из сочинения по белорусскому языку на тему: «Дрэва вечнасці». Она все волновалась: как ей написать это сочинение, с чего начать? Через какое-то время приносит мне на кухню сочинение, написанное в стихотворной форме. Я мало что поняла, потому что хоть мы и белорусы, но родного языка не знаем. Мало что осталось в памяти, но я помню, что мне даже стало как-то страшно. Страшно, что девочка-подросток зашла в такую глубину людских душ, сегодняшней жизни. Она отразила жизнь людей,

какими они должны быть. Эта тема являлась основной во всех ее стихах.

Одно из стихотворений оканчивалось так:

Люди! Не сердитесь друг на друга!
Не спешите сделать глупость!
Надо всем нам разобраться,
Для чего живем, в чем суть!

Отец:

— Ее стихи соответствовали ее душевному состоянию, ее мечтам и происходившим событиям в жизни. Это четверостишие мы хотели поместить на главной могильной плите, но подумали, что власти не разрешат это сделать. Уже потом я на отдельной дощечке написал его.

Сестра:

— На свои стихи Алена придумывала и музыку, получались песни. Они были в основном про любовь. Мы часто пели с ней вдвоем.

Когда мы ложились спать, Алена мне уже в темноте рассказывала о своей мечте. Как и любой подросток-девушка — о парне, о том, каким он должен быть. Для нее внешние факторы были не главным в выборе, но она очень хотела, чтобы он был добрым, веселым, общительным, честным. Знакомых парней было много, но выбрать кого-то все еще не могла.

Было время, когда она жаловалась, что ей никто не звонит, что она ни с кем не может познакомиться, и начинала в себе искать какие-то недостатки, хотя девчонка была видной. Но вот после последнего звонка в школе, в самые последние дни то один мальчик к нам придет, то другой позвонит по телефону. Мой, тогда еще будущий, муж рассказал мне, что она его спрашивала, почему так бывает: когда хочешь видеть или слышать кого-то — его нет, и наоборот. Ведь

именно сейчас ей нужны были силы и внимание на подготовку и сдачу экзаменов.

Отец:

— Алена очень любила море. Мы с семьей всегда ездили куда-нибудь отдыхать, или она с матерью ездила в санаторий. Но в последние два года мы никуда не выезжали, а она все твердила: хочу на море, хочу на море. Спрашивала у меня: если поступит — отпущу ее с подругой на море? Была в Венгрии и, не зная языка, смогла объясняться с людьми. Впечатления после поездки остались яркими.

Однажды, когда мы строили дачу, она возмутилась: зачем ее строить, зачем она нужна? Другие дети даже не задумываются, где родители берут деньги на их очередной каприз. Она же всегда довольствовалась тем, что имела. Денег на карманные расходы давали немного, но то, что было, в отличие от других, тратить не спешила, говорила, что пусть лежат, — была экономной.

В тот день я приехал с дачи и увидел, что Алена куда-то собирается. Она сказала, что идет на дискотеку.

Сестра:

— Мы были с ней вдвоем дома. Она занималась английским языком и никуда не собиралась. Она любила куда-нибудь сходить, но у нее не хватало на это времени.

Алена была общительным человеком, любила все эти тусовки, сборы, компании. Что касается компании, в которой она оказалась во время случившейся трагедии, то она была для нее новой. Ребята, за исключением нескольких школьных товарищей, были ей мало знакомы. Позвонила одна девочка и пригласила ее пойти погулять. Потом уже мне рассказали, что они всей компанией собирались идти на какую-то

дискотеку, но не знали, как до нее доехать, поэтому решили ехать на Немигу.

Она прибежала ко мне и говорит: буду собираться, пойду на дискотеку. Все это говорилось впопыхах, так что я сразу и не разобралась, где именно на проспекте Машерова будет дискотека. Спросила ее, как это ты идешь, не дождавшись родителей? Предупредила: будет тебе потом. И тут, буквально за 5 минут до ее ухода, приехали и родители.

Мать:

— Мы спросили: «Алена, куда ты идешь?». Она ответила, что на дискотеку на Машерова. Муж был всегда против этих похождений, а тут ничего не сказал, не возразил.

Отец:

— Я спросил у нее: а если бы нас не было, ты бы пошла? Она сказала, что да, наверное, пошла бы. Я действительно никуда ее не пускал, и она всегда долго просилась, да еще матери жаловалась — приходилось отпускать.

Сестра:

— Она ушла в семь. Я тогда готовилась к экзаменам, мама была в ванной. Уже начала сверкать молния, но ни у кого из нас не подкралось к сердцу подозрение, что может произойти что-то страшное. На улице было светло, и только молния сверкала. Дождь в нашем районе практически и не прошел.

Часов в десять раздался первый звонок. Звонил мальчик, который спросил меня, дома ли Алена. Я ответила, что нет, она еще не вернулась с дискотеки. Как потом оказалось, все это уже произошло, и они ее просто разыскивали.

Второй звонок раздался через полчаса. Уже звонила девушка, но я также ответила, что Алены еще

нет дома. Родители уже легли спать, они рано ложатся, а я осталась ее дожидаться. Время шло, а ее все не было. Я уже стала волноваться, подумала: почему она не может доехать? Но такого предчувствия, что может произойти что-то ужасное, у меня не было.

Хотя незадолго до случившегося мне приснилось, что я стою у зеркала и вижу, как у меня выпали зубы и течет кровь. Говорят, это к смерти близкого человека. Но тогда у моего мужа на машине разбился друг, и поэтому я подумала, что это к той смерти. Я и раньше видела такие сны, но они были без крови.

А однажды мне приснилось, что нахожусь в бабушкином доме и знаю, что наша Алена умерла. Я ее не видела, но знала об этом. Проснулась вся в истерике, плакала. Не знаю, «сон в руку» или нет, но тогда мне было страшно об этом и подумать. Но, повторяюсь, плохого предчувствия у нас не было.

Мать:

— Алена сказала, что придет в 23.00, и я решила, что это нормально. Ведь на дворе май, и для этой поры года еще не очень поздно. Когда она ушла, у меня на душе остался неприятный осадок от нашего последнего разговора. Я расспрашивала, что это за дискотека, что там будет, а она посмотрела на меня так, как будто я спрашиваю какую-то глупость — это просто-напросто обычная дискотека. Я не привыкла, что дети так со мной разговаривают, у нас в семье все друг к другу относятся с пониманием, а тут вдруг такой ответ.

Я проснулась в половине первого оттого, что мне показалось: она под окном плачет. Не звала меня, ничего не говорила, а только эти ужасные звуки: «Ой, ой, ой», как будто ей кто-то делал больно. Я сама очень боюсь всех этих насилий, а за детей переживаю тем более. Когда я вскочила, мне казалось, что это

сон, но я могу поклясться, что и наяву я продолжала слышать эти стоны у себя под окном.

Я зашла в комнату к дочери, она еще не спала и дожидалась Алену. Потом я оделась и вышла на улицу, чтобы послушать, стонет она там или нет. Было темно, и мне стало очень страшно. За мной следом вышел муж, и я попросила его сходить к кустам посмотреть, есть там кто-нибудь или нет. Конечно же, там никого не было.

Отец:

— Жена вернулась домой, а я пошел встречать ее на остановку. Уже было начало второго, и троллейбусы шли только в депо. Подумал, что, возможно, она приедет на такси, хотя раньше никогда этого не делала. Смотрю, одна машина подъехала, а ее нет. Вторая — ее снова нет. Если бы знал, с кем она пошла, то взял бы телефон этой подруги, а так — ничего. Из окна увидел, что очень долго у подъезда стоит чья-то машина, вышел на улицу, а там стоит молодая пара. Я спросил у них: может, они знают о дискотеке, которая была сегодня на Машерова? Сказал, что моя дочь еще не вернулась оттуда. Они сказали, что да, знают. Но знают также о трагедии, которая там произошла, сказали, что очень много жертв. То ли в переходе, то ли в самом метро.

Я позвонил на работу и спросил у дежурного, что произошло на Немиге. Он ответил, что на Немиге очень много жертв, в основном подростки. Их развозят по больницам. Попробовал дозвониться на пост — там наши ребята дежурили возле Немиги. Они тоже сказали, что тут творится что-то ужасное.

Сел с женой в машину и поехал в 10-ую больницу, потом в больницу скорой помощи. Обошел все, посмотрел — она оказалась там. Лежала в джинсах, черной маечке, без одного босоножка. Жена осталась на улице, и я просто вышел крикнуть ей, что она здесь.

Мать:

— Я все время думаю о том, что, когда я проснулась от ее крика, она была еще жива, потому что я отчетливо слышала эти крики: «Ой, ой, ой»...

Я жалею, что не добилась разрешения увидеть ее в больнице, такой, какой ее привезли оттуда. Из больницы ее привезли уже нарядную, прибранную. На переносице я обнаружила три дырочки, расположенные на одинаковом расстоянии одна от другой, похожие на прокол от вилки, только их было не четыре, а три. Наверное, она получила сильнейший удар по переносице и, может быть, потеряв сознание, не смогла бороться за жизнь дальше.

Уже после сорока дней мне приснился сон, что она лежит на больничной койке и пишет мне письмо. Содержание этого письма не знаю, но чувствую, что оно хорошее. Ее состояние нормальное, она спокойная, и ничто ее не тревожит, но вот единственная фраза: о том, что ей было очень больно умирать.

Снилось, что как будто я с моей сестрой стою у изголовья ее гроба и вижу, что Алена начинает подниматься и протягивает мне руки. Я помню, что самой страшно не было, а вот за сестру испугалась. Мы взялись за руки, и про себя я отметила, что рука ее была липкой, но мне не было противно и неприятно. Потом она мне улыбнулась. Просто улыбалась и ничего не говорила. Я только успела заметить, что в верхней челюсти нет с одной стороны зубиков, хотя на самом деле такого не было.

Сестра:

— Я могу рассказать, что я узнала о происшедшем от Виталика — мальчика из той компании. Они слушали концерт, Алена сидела на плечах у одного парня, чтобы лучше было видно. Внезапно начался сильный дождь, и вся толпа побежала к метро.

Сначала, говорил он, все бежали, держась за руки, но толпа разбила их. Алена осталась одна. Как потом оказалось, туда попали еще один парень и девушка из их компании, а сам Виталик с кем-то спрятался под деревом. Именно этот парень и спас ту вторую девочку — он просто вытащил ее из толпы. Та девушка рассказывала, что он держал руку перед ее грудной клеткой так, чтобы она могла дышать, потому что три-четыре сильнейших толчка — и люди прямо в толпе запрокидывали головы, так как падать было уже просто некуда. Впереди виднелась большая стена, образованная из людских тел. Они лежали прямо на бутылках, вокруг было разбитое стекло, и из многочисленных порезов уже мертвых людей текла кровь. Образовалась пробка, которую не могли сдвинуть. Людям, которые стояли на ступеньках, некуда было упасть, и они просто стояли — уже посиневшие, со сдавленной грудной клеткой и с закатившимися глазами. Уже потом, словно очнувшись от страшного сна, когда все немного утихло и стали все это разбирать, ребята пошли искать Алену.

Когда люди стали разбирать стену из тел, то многие просто падали — стояли, придавленные друг другом, а оказавшись без опоры — падали. Аленина подруга рассказала нам, что видела ее уже лежавшую на ступеньках (сейчас на этом месте мы повесили ее фотографию), подошла к ней и стала хлопать по щекам, чтобы очнулась, но она была уже такая потоптанная, лежала с закатившимися глазами и никак не реагировала. Потом вдруг сзади на нее кто-то навалился, и потом милиционер помог ей выйти оттуда. Уже тогда они окончательно потеряли Алену. Именно тогда и начались звонки к нам домой. Они боялись говорить правду и все еще надеялись на чудо. Говорили, что чувствовали за собой вину, что оставили Алену одну, не спасли ее.

Парень, который спас девушку, рассказал, что видел, как один мужчина снимал серьги, кольца с мертвых тел. Это уже было после случившегося,

когда всех растаскивали. Он поклялся, что если бы была возможность и силы не оставили его, то убил бы этого человека.

Отец:

— Я считаю, что причиной случившегося стала в первую очередь недоработка милиции, наших властей. Я сам работаю в отделе охраны (электромонтером) и знаю, что на такие мероприятия должен быть выставлен наряд милиции, чтобы можно было предотвратить любую неожиданность, независимо от того, что это будет — пожар, наводнение, молния или что-то другое. В прогнозе погоды передавали, что будет гроза с молнией, значит, должны были заранее это предвидеть и перво-наперво перекрыть вход в метро и сам переход. «Магне», устраивавшей презентацию, было все равно, что собирается столько людей, основную массу которых составляет молодежь, и что нужно позаботиться об элементарнейшей безопасности людей.

Мать:

— Мне не нравится, что священники упрекают родителей за то, что мы отпустили своих детей на этот праздник.

Сестра:

— Возможно, причина упрека в том, что в тот день был великий церковный праздник — святая Троица и что нельзя было вообще проводить каких-либо увеселительных мероприятий. Сам батюшка говорил, что церковь тоже неправа в том, что не пошли и не потребовали перенести презентацию на другой день.

Отец:

— Я неверующий человек, но когда был в 10-й больнице, в больнице скорой помощи, то просил Бога,

умолял его, чтобы только не оказалось здесь моего ребенка. Когда на службе рассказал об этом батюшке, то он ответил, что поздно, — раньше нужно было просить. Разве после этого Бог есть?

Сестра:

— Теперь корю себя за то, что не оказалась тогда рядом с ней, что, возможно, могла бы спасти ее, не пустив туда. Я знаю, что такое толпа и что ее действительно нужно бояться.

При жизни Алена мне снилась очень редко, а теперь чаще. В моих снах отражается мое душевное состояние. Поначалу она снилась мне в расплывчатых чертах. Я знала, что это Алена, но не видела ее лица. Мне казалось, что теперь она рядом со мной, что она воскресла и я смогу сделать все то, чего не сделала при жизни. Где-то не дослушала, где-то не было времени на нее, ведь отношения между старшими и младшими зачастую носят конфликтный характер. А теперь как приснится мне, то знаю точно, что успею, что я точно успею сделать для нее все возможное.

Недавно я поехала одна к ней на кладбище и у могилы разговаривала с ней, просила присниться мне, вернуться к нам. И в эту же ночь она снится мне. Я вижу ее лежащей в гробу, а рядом с ней стоят другие гробы с маленькими детьми и взрослыми людьми. Смотрю, что вроде бы Алене как-то неудобно лежать, и я говорю маме: «Давай поправим ее, подтянем вверх». Когда мы стали это делать, она открыла глаза и посмотрела на нас очень испуганным взглядом. Это был первый сон, когда я так ярко и выразительно увидела ее лицо. Я стала успокаивать ее, говорить, чтобы она не боялась, что теперь она воскресла и останется навсегда с нами. Алена вышла из гроба, посмотрела на меня и сказала: «Мне столько надо тебе рассказать, что там!». На ней были те самые джинсы, в которых она погибла. У нее было очень хорошее настроение.

Она, как и в последний вечер, крутилась передо мной в этих джинсах и улыбалась, а я смотрела на нее и думала, какая она красивая и что теперь я точно успею для не все сделать. Еще попросила у нее прощения за то, что ношу ее вещи. Говорят, что нельзя надевать вещи покойника, и тем более то, в чем он умирал, а я, наоборот, надеваю ее джинсы, и мне становится легко и приятно ощущать ее.

Но в последнее время она мне стала сниться реже. Говорят, что это неплохо и означает, что у нее там все хорошо, а если покойник часто приходит во сне, то ему там плохо, за него не молятся на земле, забыли про него. Я все равно прошу ее прийти ко мне, чтобы просто увидеть.

Мать:

— После гибели Алены я пересмотрела свои взгляды на многие вещи. Я поняла главное: не стоит себе ни в чем отказывать и нужно радоваться всему, что имеешь и что тебя окружает.

Всегда говорила ей: «Не спеши жить», а оказалось, что нужно спешить, очень мало ей было отмеряно жить...

САВКО Анастасия

Рассказывают мать Анна Степановна Савко, сестра Наталья и Настин друг Дмитрий

Мать:

— Прошло уже столько времени с тех трагических дней, но боль утраты не дает мне покоя ни днем,

ни ночью. Где бы я ни находилась, моя любимая дочь Настенька всегда присутствует в моих мыслях, в моем сердце.

Все эти годы я не могла нарадоваться на нее. С самого детства Настюша была самостоятельным ребенком. Если мне нужно было куда-то выйти, я спокойно могла Настеньку оставить дома одну. Главное — ей надо было дать коробку с пуговицами и пообещать шоколадное мороженое. И можно было не беспокоиться, что она может проглотить пуговицу. Настя могла часами высыпать пуговицы на ковер и снова собирать их в коробочку. Еще она очень любила кукол, любила рассматривать картинки в книжках. Сестра Наташа очень рано научила ее считать, а потом и читать. В садике воспитательница называла Настеньку своей помощницей. Когда дети шли на прогулку, Настюша одевалась самой первой, а потом помогала одеться другим. В садике она уже детям читала сказки. Болела Настенька очень редко. Придет из садика, разденется, только в трусиках и маечке останется, босиком — и так зимой и летом ходила.

Когда Настеньке было два годика, мы развелись с мужем. Может, поэтому у меня такие самостоятельные дети. Чем могли — тем помогали. Когда Настюша училась в школе, то за помощью обращалась очень редко, все делала сама. Любила ездить летом в пионерские лагеря и к дяде в Волковыск. С шести лет вела дневник, о котором даже Наташа не знала. Все свои секреты она доверяла Ирине (ее двоюродная сестра из Волковыска). Настенька хорошо училась и с серебряной медалью закончила школу, была старостой класса. Любимый предмет был французский язык. Помогала сестре (студентке второго курса института) делать контрольные по французскому языку. Это был очень собранный и целеустремленный человек. Мечтала поступить учиться в БГЭУ на

факультет «Экономика банковского дела». В одиннадцатом классе она три раза в неделю посещала подготовительные курсы в этом университете и была уверена, что добьется своей цели.

Ее называли по-разному: дома — Настенькой, Настей; в школе — Стасей; а дядя — Астиком. Настюша была симпатичной, с большими небесно-голубыми глазами, в которых постоянно плясали веселые огоньки, с неизменной улыбкой. Это был веселый и жизнелюбивый человек. Очень часто Настенька смеялась до слез. Вот такой смеющейся до слез она и останется у нас в памяти.

24 июля 1998 года Настя, Наташа, Ирина, Андрей и дядя Антон попали в аварию на проспекте Машерова. Тогда тоже поднялся сильный ветер, гроза. Машина разбилась, но они сами отделались царапинами и ушибами. И вот она пишет в своем дневнике: «К чему бы это? Но видно, мне еще что-то надо сделать в этой жизни, ведь в аварии я не погибла. Господи, какое проклятие висит на нашей семье? Господи, за что мы должны пройти такие испытания?».

После каждой записи в дневнике у нее обращение: «Господи, спаси и сохрани меня, пожалуйста!!!».

Настя гулять ходила очень редко, я у нее спрашиваю: «Почему ты не ходишь на дискотеки?», а она улыбается и говорит: «Мама, ты же знаешь, что я заучка».

30 мая с утра она, как обычно, была веселой. Днем с подругой ездили на Свислочь, там катались на катамаранах. По дороге заехала к сестре на работу. Когда я приехала с дачи, она была дома. Настенька мне все рассказала, как провела день, она была очень довольна. Отправилась на концерт, и я даже не задумываясь отпустила ее. Экзамен у нее был 3 июня, а она уже выучила все билеты. Настя пошла на праздник с Ленкой (подругой). Уходя, сказала: «Мама,

ты не волнуйся. У меня есть карточка, если буду задерживаться, позвоню...».

С шести утра мы начали ездить по больницам. Объехали все, со 2-й по 10-ую, но нигде Настю не обнаружили. Потом мы нашли машину знакомого Наташи, Саши, он согласился помочь без лишних слов. Начали по второму кругу ездить по всем больницам. Настеньку нашли в 10-й, в морге среди неопознанных в шесть часов вечера. Сначала не пускали в морг для визуального опознания, только по фотографиям и по видеозаписи. На них мы Настю не узнали. Фотография сделана так, что на ней как бы изображен кто-то другой, хотя Настюша ничуть не изменилась. А на видеозаписи показали только Настюшину ногу, и то мельком. Только когда меня пустили в морг, я ее узнала. На Настеньке были штаны и майка, ее легко можно было опознать по вещам, эти сведения я дала милиции еще в пять утра!

На этом мучения не закончились. Администратор Кальварийского кладбища водила нас два часа среди могилок. Показывая, что якобы мест хороших нет, берите, что дают, и не выбирайте. «Вот тут похороните. Правда, тут дорога скоро будет, ну ничего, придется перезахоронить потом...»

Наряду с плохими есть еще и добрые люди, которые не проходят мимо чужой беды. Казалось бы, они не имеют к этому горю никакого отношения, но часто бывают на кладбище, носят розы на могилки независимо от времени года. Парадокс, скажете вы. Нет, просто Светлана, Людмила, Анна Ивановна, Ольга Ивановна приняли эту трагедию очень близко к сердцу, как свою собственную...

Сестра:

— Когда теряешь близкого человека, начинаешь воспринимать мир по-другому. Оказывается, что осталось еще столько много несделанных дел, невысказанных слов...

Многие теперь говорят, что это была судьба. Так хочется знать, что же чувствовали наши любимые люди в свои последние минуты. Предчувствовали ли они эту беду?

Вот какую историю рассказал нам дядя Антон:

«Почти каждое свое лето Настюша проводила в Волковыске. Настя никогда не плакала на людях, а если и текли слезки, то только от смеха. И вот летом 98-го года, дня за три до своего отъезда домой, когда все собрались вечером вместе, Настя, а следом за ней и все начали плакать.

Я у нее спрашивал:

— Настя, ты почему плачешь?

— Дядя Антон, это мое последнее лето.

— Настенька, да ты что?! Вот сдашь следующим летом экзамен, поступишь и обязательно приедешь к нам.

Когда везли Настю на вокзал, все плакали и долго не могли расстаться...».

Было ли это предчувствие или что-то другое, нам так и не узнать.

За два дня до своей гибели Настюша испекла печенье и пригласила на чай Марину и Лену, своих близких друзей. Мы долго разговаривали, смеялись, делились своими планами. На следующий день, когда я пришла с работы, застала у нас дома Лену, раньше они так долго и так поздно не разговаривали...

Если бы Настя что-то предчувствовала, она бы обязательно поделилась с нами. Очень открытая, Настюша всегда все рассказывала нам с мамой.

Настюша была для меня и сестрой, и подругой. Мы всегда всем делились, могли поговорить на любую тему. Конечно, мы, как и все, могли и поссориться, но очень быстро отходили и мирились.

Подводя итоги 1998 года, Настюша написала в своем дневнике: «Этот год был для меня счастливым. Правда, лето чуть-чуть подкачало. Ну, это

ничего. Я не очень об этом жалею. В следующем году главное, чтоб было здоровье. А самая заветная мечта на следующий год, чтобы я поступила в БГЭУ на ф-т банковского дела».

Настюша делала все, чтобы эта мечта осуществилась. В десятом классе, определившись, куда поступать, она разузнала про подготовительные курсы, записалась туда сама и уговорила записаться двух девчонок. Учеба ей давалась легко. Мы очень волновались за нее, так как на этот факультет был большой конкурс, пытались переубедить, на что она отвечала: «Я очень хочу поступить, а если чего-то хотеть очень сильно, то это обязательно сбудется».

Как-то, когда она уже училась последний год, у них на курсах был пробный экзамен по математике, а у Настюши в этот день поднялась температура, я ее уговаривала не ходить на курсы, но она сказала: «Мне надо попробовать свои силы». Тогда она получила 3 балла. Конечно же, Настя расстроилась и сказала: «Теперь я знаю, что еще не совсем готова, но ничего, вот сдам школьные экзамены, а в оставшееся время буду заниматься математикой».

В последнее время мы часто разговаривали о предстоящем выпускном вечере. Настюша восторженно рассказывала о том, что их любимая классная (переехавшая в другой город) обещала приехать. О том, что они с девчонками решили серебряную медаль (у Насти должна была быть единственная на весь класс медаль) на выпускном превратить в золотую путем окунания ее в шампанское. Мы все совещались, какой ей купить наряд. Было столько планов...

Возвращаясь поздно вечером домой с работы и увидев свет в окне, я испугалась. Когда я зашла в квартиру, мама сказала: «Приходила Лена, сказала, что на празднике что-то случилось. Ты не волнуйся, мы обзвонили все больницы, и нам сказали, многие

в шоковом состоянии, и надо ждать до утра». На тот момент нам никто не сказал, что есть погибшие. Всю ночь мы не находили себе места. Утром, когда передавали об этой трагедии и называли количество погибших, до меня не доходила это цифра. Я не могла понять, как в мирное время, за несколько минут — и столько людей?!

Рано утром поехали по больницам. Я сразу поехала в 9-ую. Когда я зашла в приемный покой, там сидели три милиционера. После того как я объяснила им ситуацию, мне ответили: «Иди в реанимацию». Когда я ее нашла, мне навстречу вышел врач и сказал: «Есть у нас тут девочка, но вы ее вряд ли опознаете. Тут всю ночь ходят и никак не узнают». Действительно, узнать ее было трудно. Лицо у этой девочки было синим, волосы ей сбрили. Единственный мой вопрос был: «А одежда?». Врач мне ответил: «Спуститесь вниз и спросите одежду номер 13». Когда я спустилась, мне сказали, что одежды под таким номером не было… Я вернулась в приемный покой, мне посоветовали ехать в 10-ую, так как всех погибших отвезли туда. Я поехала домой, а мама с Андреем поехали по остальным больницам. Где-то около часа Андрей позвонил и сказал: «Я звоню из морга… — у меня в этот момент в глазах потемнело — …Насти здесь нет!» — добавил он. После разговора я «прыгала от радости». Часа в два приехала мама и сказала, что они объездили все больницы, но ни среди погибших (их опознавали по фотографиям), ни среди опознанных в тяжелом состоянии Настюши нет. На тот момент еще несколько человек в реанимации оставались неопознанными. Затем мама поехала по больницам по второму разу…

В начале седьмого мама вернулась… Настюшу нашли… в морге…

Когда мы узнали, что Настюша погибла, мы уже ничего не соображали. Огромное спасибо, что в этот

момент рядом оказалась директор Настиной школы — Чуткова Нина Ивановна, все заботы, связанные с организацией похорон, она взяла на себя.

В последний путь провожали Настеньку всем Западом (район в Минске). 11 «Г» вместе с Вячеславом Федоровичем, классным руководителем, устлал сиренью лестницу с шестого по первый этаж, а на дверях подъезда повесили белые розы. Одноклассники стояли в Почетном карауле с черными повязками.

Кажется, прошло столько времени, а для меня оно остановилось на том дне, и боль утраты с каждым днем становится все сильнее.

Так и хочется сказать людям:

— Остановитесь! Одумайтесь!

Так больно, придя на Немигу, видеть, как люди плюют там, бросают окурки и цветы. Так хотелось, чтобы эта беда заставила людей задуматься и всегда помнить, что рядом с тобой находятся люди, которые тоже хотят жить.

Друг:

— Настю я знаю с 1993 года, тогда она была еще ребенком. Что поразило больше всего тогда, так это, во-первых, уровень знаний, причем самых различных. Она явно обгоняла свой возраст по начитанности. Во-вторых, длинные и красивые волосы до пояса. В общем, она мне понравилась. Иногда мы перезванивались.

Так прошло три с половиной года. За день до ее пятнадцатилетия я позвонил и поздравил ее с наступающим днем рождения. Мы договорились встретиться, и встретились. Я ее долго не видел, и когда взглянул в ее глаза, то со мной что-то произошло (глаз такой красоты я не встречал ни до, ни после этого), я влюбился всерьез и надолго. Помню, как она оправдывалась за полученную двойку по химии: «Да, выучишь тут уроки, когда ты (это, значит, я) так на меня смотришь все

время!». На нее можно было смотреть часами и все равно невозможно насмотреться...

Меня до сих пор поражает, как Настя все успевала: в школе учиться, на курсы ходить, уроки делать, еду готовить, убирать, книги читать — и это с четырнадцати лет! Это же такая нагрузка! Она еще очень детей любила и животных. Когда я узнал, что после событий на Немиге она домой не пришла, подумал: «В худшем случае, в больнице лежит со сломанным ребром. За Настю я спокоен, она из любой передряги выберется, если вообще в какую-нибудь передрягу попадет». Думать думал, а нервишки у меня сдавали. Книгу беру читать, даже вроде читаю глазами, а думаю о ней, так весь день и прошел. Позвонил к ним домой где-то в пять вечера, Наташа говорит: «Нигде нет, в моргах тоже». У меня сразу от сердца отлегло, думаю: «Главное, что жива, а среди травмированных найдется, никуда не денется». Через час позвонила знакомая (живет в соседнем с Настей подъезде), сказала: «Не знаю, как тебе сказать... В общем, не стало одного человека, которого ты знал...». У меня только и вырвалось: «Что, Настя?». Это был не вопрос, а скорее утверждение. Не знаю, может в таких случаях срабатывает какой-то рефлекс зашиты организма, но я не плакал, просто было как-то пусто на душе. Я до конца не понимал, что это значит. Я не мог поверить, что Настя умерла. «Нет, она не может умереть, только не она! Ведь я недавно разговаривал с ней по телефону, мы должны были встретиться... Это какая-то ошибка. Этого не может быть! Я ЖЕ ЕЕ ЛЮБЛЮ...» — такие мысли проносились в голове. Присутствуя на похоронах, я все еще думал: «Это не она, это только ее тело, а она не умерла...». Я пытался обмануть себя, отодвинуть от себя такие мысли. «А что же я теперь буду делать?.. Как я смогу жить здесь без нее?.. Я же ее столько времени ждал... Я ее люблю больше жизни». На следующий день была истерика.

Многие сочтут меня сумасшедшим после того, что я сейчас скажу. Я бы и сам покрутил пальцем у виска, если бы прочитал такое. Она пришла ко мне после смерти (на пятый или шестой день, я ее не видел, но чувствовал присутствие и слышал ее голос) и сказала: «Не плачь, я не умерла, в это трудно поверить, но это так. Бог есть, он забрал нас к себе, просто поверь, и ты увидишь...». Сразу предупреждаю нападки скептиков: не верите — это ваше дело. Я говорю все как было. Галлюцинаций у меня ни разу в жизни не было.

За что Бог наказал нас? Кто-то знает, кто-то нет. Но я поверил в Бога, Настя привела меня к Нему... Она, наверное, единственный человек, кому я могу поверить без всяких доказательств. Если она так сказала, значит, так и есть на самом деле.

Настя часто снится и мне, и другим людям. Как-то перед Новым годом она приснилась мне. Я понимал, что она умерла, но в то же время знал, что она жива! Я спросил, почему она умерла, на что Настя ответила: «Я еще не могу тебе этого сказать, но моя смерть показала, кто есть кто на самом деле. Спасибо тебе...». Опять-таки, для скептиков — я не сделал ничего такого, за что меня стоило, по-моему мнению, благодарить, и я никого ни в чем не упрекал и не упрекаю (Бог им судья), поэтому этот сон не вписывается в рамки: «Что хотел увидеть — то и увидел».

Если у вас нет машины, квартиры, шубы и так далее, но есть рядом любимый человек и Бог в сердце, — вы имеете ВСЕ! Кто взял с собой роскошь, уходя в Тот мир? Но Любовь и Веру никто у вас не заберет. Будьте внимательны к любимым людям, помните — кто-то хотел бы многое исправить, но уже не может. Используйте любой миг, чтобы сделать любимым приятное, сказать, как вы их любите, пока еще не поздно...

КАРПЕКО ЖАННА

Рассказывает сестра Лариса и мать Светлана Николаевна Карпеко

Сестра:

— Я помню Жанну с ее рождения. Помню, как мне сообщили о рождении Жанны, как ее привезли из роддома домой. Мне было десять лет. Естественно, хотелось иметь братика или сестричку. Я знала, что кто-то у мамы должен родиться. Когда маму забрали в роддом, я сидела в школе и на уроках все время гадала, кто же родится: братик или сестричка. И когда родилась Жанна, я испытала огромную радость. Жанна была очень маленькой и очень смешной. У меня к ней был сумасшедший интерес. Жанна была для меня живой куклой. Я все время хотела сварить ей питание, перепеленать ее, поиграть с ней.

Жанне было недели две от роду, когда мама с папой впервые решили меня оставить с ребенком одну, а сами пошли в кино, на двухсерийный фильм. Я тогда сама Жанну перепеленала, сварила смесь, покормила. И с того дня мама поняла, что на меня можно положиться. И, в принципе, с того дня я и стала растить Жанну. Утром отводила Жанну в садик, а вечером забирала, гуляла с сестрой на улице. А она с самого рождения стала проявлять характер. Она всегда добивалась того, чего хотела. Жанна была маленькой, худенькой, но очень шустрой девочкой. Когда Жанна пошла в школу, то и мама, и я помогали ей. Потом я вышла замуж и уехала. Но каждые каникулы и каждые выходные Жанна приезжала ко мне. У меня к тому времени

родился ребенок — на десять лет младше Жанны. Получилось, что Жанна приняла эстафету: теперь уже она помогала мне растить моего ребенка. Жанна все близко принимала к сердцу, особенно если это касалось друзей и родственников. Когда мне становилось хорошо, Жанна радовалась, а когда плохо — грустила. У меня к Жанне были чувства не сестринские, а скорее материнские.

Потом Жанна повзрослела. Жили мы в то время вчетвером: я, мой муж, моя дочь и Жанна. Моей дочке сейчас восемь лет, пошел девятый год. Меня очень спасало то, что Жанна жила с нами. У меня не возникало проблем с выходом из дому по делам на несколько часов или даже с выездом на более длительное время. Я могла не беспокоится за своего ребенка. Жанна и накормит дочь, и уроки с ней сделает: ей интересно возиться с ребенком...

Жанна познакомилась с парнем, долго встречалась с ним. Они решили расписаться. Парня забрали в армию. Жанна провожала его, обещала ждать. Очень скучала и по два-три раза в неделю ездила к нему — он служил в Минске, в Степянке.

Она очень сильно увлекалась радиоаппаратурой — и в школе, и на УПК, и специально ездила к отцу, где была возможность работать с аппаратурой. Там, где надо было что-то паять, где были схемы, микросхемы, Жанна всегда была первой. Телевизор, магнитофон Жанна могла разобрать и собрать заново. Это было ее хобби. Если у нас что-то не работало, ремонтом занималась только Жанна. Она мечтала научиться водить машину. Первый раз я попробовала посадить Жанну за руль в четырнадцать лет. Мы ехали по трассе, и Жанна сразу неплохо повела машину. Жанна спокойно посидеть не могла ни минуты, ей нужно было что-то делать. Но Жанна всегда боялась смерти. Когда у нас заходил разговор о смерти, она говорила, что очень боится умереть. И на эту тему я старалась

с ней не разговаривать. К тому же Жанна очень боялась мертвых. Если умирал кто-то из родственников и она видела человека уже мертвым, то потом ночами не спала, начинала бояться темноты и оставаться одна в квартире. Когда умер наш дедушка, Жанна взяла мою дочь и ушла с ней к свекрови. Там она спала в комнате не одна, а со свекровью. Жанна всего этого ужасно боялась. Она читала книги на эту тему. Когда Жанне снился сон, она обязательно искала в соннике его значение. Не могу сказать, чтобы Жанна предчувствовала свою смерть, нет. Планы на будущее у нее были большие. Хотела дождаться из армии своего парня, расписаться с ним, родить ребенка. Жанна умела радоваться жизни и очень многого хотела достичь. Жанна подрабатывала у отца — лаборантом в институте на улице Ботанической. Ей очень нравились животные, особенно кролики, крысы, мыши. Жанна не боялась и не брезговала брать их в руки. Все это как раз и было в институте, потому Жанне и было там так интересно.

Жанна держала дома двух белых мышек, хомячка и рыбок. После случившегося Жаннин парень забрал хомячка себе, а рыбок я оставила дома — в память о ней.

У Жанны было много друзей и подруг. Подруги вечерами собирались у нас дома — пили чай, кофе, выпекали торты, печенье. Еще Жанна очень любила компьютерные игры. Любила стоять вместе со мной у плиты. И иной раз уговаривала меня что-то испечь.

Очень любила заниматься с моей дочкой, что-то ей объяснять. Если Жанна выезжала в город, брала ее с собой.

В школе Жанна училась неплохо, была очень любопытной. Что касается увлечения радиотехникой, то я думаю, что это у Жанны от отца. А я люблю возиться

с машиной, покупать запчасти, да и вожу машину я сама. Увлечение автомашинами у нее — от меня, я часто брала ее с собой.

Жанна взрослела, и наши чувства становились все более сестринскими. Жанна всегда советовалась со мной. Она никогда не поступала как в голову взбредет, а всегда советовалась: по поводу работы, курсов, отношений с подругами и друзьями.

У меня не было никаких недобрых предчувствий. 30 мая на улице стало темно и страшно. Началась гроза. Мой муж начал метаться по квартире и звонить моей матери. Ему ответили, что Жанны нет там. Восемь часов — Жанны нет, девять — нет. А она всегда приходила не позже десяти. А потом нам позвонили родители девочки, с которой Жанна пошла на праздник, и рассказали, что дочь приехала домой в шоковом состоянии. Они говорили, что у нее сломаны ребра, живот распорот каблуком, глаза налиты кровью. Только тогда мы стали волноваться. Но в тот момент о смерти мы и думать не могли. Когда же нам в половине двенадцатого по телефону сказали, что уже вывезено сорок трупов, тогда у нас екнуло сердце. Но до последнего момента мы разыскивали Жанну как живую. Нашли мы ее лишь где-то в половине одиннадцатого утра в больнице скорой помощи...

Кто мог знать, что это случится? Конечно, не стоило совмещать праздник Троицу с массовым гулянием молодежи, тем более — рядом с церквями. Одновременно грохотала музыка и шла служба. Нужно было просто избрать другое место для проведения концерта. А обвинять нужно или всех (власть, милицию, организаторов мероприятия), или никого. Ведь молодежи нечем заниматься в свободное время. По-моему, это просто стечение обстоятельств. Судьба для каждого, кто находился там. Жаннина

подруга Юля, которая была с ней в тот роковой день, и сейчас звонит, приходит к нам, ездит с нами на кладбище. В тот день Жанна с Юлей держались за руки, потом какой-то толчок и... Помнит только, что у них расцепились руки — и все... Затем она помнит, как лежала на траве, как кто-то подошел к ней и спросил ее имя. Она назвала. Поняв, что она жива, побежали дальше, оказывать помощь пострадавшим. Несколько раз она пыталась подняться, но голова шла кругом, подняться не могла, снова падала на землю. В очередной раз ей все же удалось подняться, и она приехала домой. Но как добиралась домой, совершенно не помнит. Как поднималась в квартиру, как приехала скорая медицинская помощь — ничего этого она не помнит. Провал памяти. Она была в шоковом состоянии. После случившегося она месяц провела в больнице. И теперь у нее проблемы со здоровьем, какие-то осложнения. Перед Новым годом она опять лежала в больнице.

После смерти Жанна приснилась мне всего раза четыре, да и то в последнее время, а первые полгода не снилась. Ее часто видела во сне наша двоюродная сестра Ольга. И что интересно? Жанна во сне хотела йогурта, сырка глазированного — сладкого и вкусного. Мы потом относили ей на кладбище йогурт... Говорила моей сестре, что там, на том свете, не плохо, даже хорошо. Говорила: «У вас одно представление об этом, а здесь все совершенно по-другому». Жанна была очень эмоциональной. Когда ей что-то нравилось или она чем-то восхищалась, то разводила руками. И вот так же эмоционально во сне Жанна рассказывала сестре. Говорила: «Оля, здесь такой сад! Такие большие апельсины! Я никогда таких не видела». Мы удивились: обычно у нас рай ассоциируется с яблоками, а тут — апельсины... Мне Жанна один раз снилась очень тяжело. Я во сне просила, умоляла Жанну прийти домой. Говорила ей, что мама скучает,

все мы очень тоскуем, ждем ее. Жанна отнекивалась, но потом сказала: «Я не могу. Если ты так хочешь, пойдем со мной». Я стала объяснять Жанне, что у меня ребенок, говорила: «Ты же знаешь, мне с дочкой нужно делать уроки, я не могу, а ты говоришь — пойдем...». После этих слов она растворилась. И больше не снилась.

Жанна умела гадать на картах. Ее научила гадать наша бабушка. И Жанна все время раскладывала карты и смотрела, что будет. В мае карты каждый раз ложились так, что для нашей семьи выпадал «гроб». Но никто не воспринимал это всерьез. А на картах все время выпадал этот гроб. Мама говорила: «Жанна, это ерунда какая то. У нас все молодые. Кто у нас может умереть? Ты просто не умеешь гадать и неправильно раскладываешь карты». А Жанна: «Нет, мама, все равно гроб выходит...». После смерти Жанны я написала стихотворение, посвященное сестре. Там есть такие строки:

Июньский полдень чудо как хорош,
А ты в гробу лежишь,
И мы тебя хороним.
Ты по плечам друзей своих плывешь
К своей последней пристани печальной.

Мать:

— Когда мы искали Жанну, подошла ко мне какая то женщина и спрашивает у меня: «А кого вы ищете?». Я ей говорю: «Я разыскиваю свою дочь, она не вернулась домой». Тогда она говорит мне: «Мы с Российского телевидения». То ли с РТР, то ли с ОРТ — точно не помню. И спрашивает: «Можно у вас взять интервью?». А я ей отвечаю: «Знаете, я бы вам с удовольствием что-нибудь рассказала, но я ведь там не была и поэтому ничего не знаю». Тогда она говорит: «Так расскажите, как вы разыскиваете

свою дочь». И я ей стала рассказывать: «Мы всю ночь обзванивали все больницы, а утром поехали разыскивать Жанну по больницам». И я тогда сказала, что среди мертвых мы Жанну не нашли, но и среди живых ее тоже пока нет, будем искать дальше. И все. Это интервью весь день 31 мая показывали по телевизору...

В морге подошла я к дежурному, спрашиваю: «А где у вас списки уже опознанных? Дайте мне, пожалуйста, посмотреть». Он подумал и говорит: «У нас там есть три неопознанных девочки. Но вы, женщина, обождите...». А Коле, моему второму мужу, говорит: «А вы, мужчина, идите со мной». И повел Колю в морг. Привел и показал... Потом Коля мне рассказывал, что это было что-то страшное. Говорил, что уму непостижимо видеть, как они там все лежат. Их всех там положили ровненько возле стенок, у одной и другой. И лежали в основном совсем юные девочки...

Дежурный подвел Колю к Жанне. Коля, конечно, сразу узнал Жанну... Как он говорил: «Все защемило внутри».

Они сразу вышли из морга и пошли, ничего мне не сказав. Я постояла-постояла. И тут до меня стало доходить, в чем дело. И я тогда тоже побежала в морг. И раскричалась...

Наверное, у человека все-таки есть так называемое шестое чувство. Я все-таки побежала туда, как-будто почувствовала, что Жанна там...

Жанночка моя как раз была в самом нормальном состоянии, особенно по сравнению с другими. Я не знаю, что бы я сказала, если бы увидела ее раздетой. Я не видела. Мы забирали Жанну одетой. А лицо у нее было нормальным, не было никаких повреждений. Она не была изуродованной.

В морге ее одели и привезли уже, как положено, одетую.

Когда мы забирали Жанну из морга, нам отдали одежду, в которой Жанна была 30 мая. Лариска по сегодняшний день белую кофточку, в которой Жанна была там, не стирала. На ней лежит волосок Жанны. На Жанкиных вещах крови не было вообще. Все вещи были чистые, нигде ни пятнышка. А ведь там же прошел дождь, все вокруг было мокрым, а одежда Жанны почему-то была сухой и чистой. Я так думаю, что Жанна умерла от удушья. У нее не было повреждений. Я не хочу сказать, что Жанна умерла стоя, но хватило того, что они лежали друг на друге, и лежало их много.

Сестра:

— Коля говорил мне, что чувствовал, что Жанна его не дождется из армии. Но это чувство было связано не с тем, что она найдет другого. Нет, это предчувствие страшного, чувство, что Жанна просто не встретит его из армии.

Мать:

— В переходе на «Немиге» на дверях, где раньше был цветочный магазин, написаны такие слова: «Ее звали Жанка, ей было всего семнадцать лет. Она умерла у меня на руках, и я не знаю, как мне дальше жить...». И ни подписи, ничего, только эти слова.

Нам рассказала об этой надписи двоюродная сестра — Оля. Вначале мы не пришли ни к какому решению, но потом надумали подъехать туда и приколоть записку с таким текстом: «Того, кто сделал эту надпись, просим откликнуться». Мы хотели расспросить его о последних минутах ее жизни. А когда пришли на Немигу, на двери надписи этой уже не было. Мы не знали, что делать. Потом нам посоветовали обратиться в газету с просьбой разыскать человека, который сделал эту надпись на дверях.

Хотелось бы все-таки связаться с человеком, который сделал ту надпись. Может, он нам расскажет о последних минутах ее жизни. Сейчас это все очень дорого для нас. Даже свято. Буквально каждая минуточка, когда я сейчас вспоминаю о Жанне. И порой я себя корю: может быть, в свое время я где-то не так сделала, не то подумала, и Бог меня за это наказал...

Передумала я уже обо всем. Все до капельки вспомнила про Жанну: где и в чем была совершена ошибка, что вот так все получилось в этой жизни? И никак не могу понять, за что Бог наказал меня. А может, это вовсе и не наказание? Может, Богу нужны были эти души, эти совсем юные девочки...

Многие утверждают, что это все случилось из-за того, что начался дождь с градом, и все люди стали искать укрытие.

Сестра:

— Да, но эти лестницы и пролеты находятся под открытым небом. То есть там должно было быть мокро, и наша Жанка должна была промокнуть, но она ведь была сухая. Мы разговаривали с двумя девочками, которые тоже туда попали, и они сказали, что эта трагедия началась еще до дождя.

Это было до сорока дней. Мы садились с мамой на лавочку возле высокой лестницы, которая спускается с улицы Ленина на Немигу, и сидели, настраивали себя, и только после этого спускались в переход — возложить цветы, прикрепить фотографии. И на этой лавочке мы разговорились с этими девочками. Одна из них тоже попала в самую толпу, а вторая оказалась с краю, ей повезло больше, и она после случившегося сразу ушла домой. Девочка, которая попала в самую толпу, рассказывала

нам, что дождя сразу не было. А все понеслись, когда на улице стало темно, как ночью, и все это происходило до начала дождя.

Судьба избирательна. Когда мне было семь лет, я чудом не попала в ту электричку, которая потерпела крушение в Крыжовке. Я была с бабушкой и дедушкой. Помню, мы посмотрели в расписание и стали очень спешить, потому что опаздывали.

Нас спасло то, что дедушка у нас без билетов не ездит. И пока мы стояли у дверей, он побежал в кассу брать билеты. Но пока он брал билеты, двери закрылись у нас перед носом, и электричка ушла. И мы в ней не поехали.

Мать:

— Это была чистая случайность, что они не попали на ту электричку. Когда я пришла на работу и услышала про электричку, именно про Крыжовку, первое, о чем подумала, — о Лариске. И я тут же стала звонить домой. Но дома меня успокоили, что с ними все в порядке и ничего плохого не случилось. Судьба была благосклонна. Видите, как распорядилась судьба. Лариса тогда не попала, а Жанна попала на Немигу...

Значит, судьба такая. Ларисе суждено жить, а у Жанки жизнь оказалась очень короткой.

Жанна с Колей, парнем, за которого она собиралась замуж, очень увлекались хиромантией, покупали много литературы на эту тему. Я их называла «малышами». Когда они гадали по рукам, получалось, что у Жанки линия жизни короткая. А Коля говорил: «А мне суждено прожить дольше». Коля после похорон говорил, что ляжет возле Жанки. Говорил: «Это моя жена. Без нее моя жизнь кончена. Мне больше ничего не надо, я больше никому не нужен, я потерял смысл жизни». Просто ужасно...

Шилова Анна

Рассказывает мать Ирина Михайловна Шилова

— Появление на свет Анечки сразу же было связано с большими сложностями. Ей в роддоме занесли в кровь стафилококковую инфекцию. Она была на грани выживания. Врачи отчаянно боролись за ее жизнь. Моей задачей было сохранить любой ценой молоко, так как врачи сказали, что, если не будет грудного молока, мы ее не спасем. И Анечка выжила. Но большое количество антибиотиков, которое ей кололи, спасая жизнь, сыграло отрицательную роль: она поздно начала разговаривать, у нее была плохая память.

Но с другой стороны, ей приходилось много трудиться в школе, чтобы добиться результатов, и это выработало в ней трудолюбие и характер.

Мой муж был военнослужащим, мы много ездили. Родилась Аня в Чите, а в четыре месяца от роду мы увезли ее в Монголию, в город Улан-Батор, где прожили пять лет.

Аней мы решили ее назвать потому, что у моей мамы была двойня — Валерик и Анечка, умершие во время войны. Мне почему-то захотелось продолжения той Анечки. Я назвала дочь в честь своей умершей сестрички. Наверное, этого делать было нельзя.

Анечка в младенчестве была очень улыбчивым ребенком. Она почти не плакала. Упадет, набьет шишку, но стоит ее поцеловать, как вытирает маленькими ладошками слезки и улыбается.

В ее памяти запечатлелись некоторые эпизоды раннего детства, которые она потом вспоминала.

Как-то я ей надела новое синее платьице, завязала большие новые бантики и отпустила гулять во двор, приглядывая за ней с балкона. Муж за чем-то вернулся домой со службы, проходя по двору, он не узнал ее: он не видел раньше дочку в этом платьице с такими бантами. Анюта в то время еще не разговаривала, но эпизод этот тронул ее маленькую душу, и потом она рассказывала, что очень удивилась, что папа ее не узнал.

Когда Анюта училась говорить, она часто переставляла местами слоги. Я подшучивала над ней. Пела ей песенку: «Анечка, Анечка, дорогая Анечка, Анечка, Анечка, я тебя люблю.» Она отвечала: «Мамочка, я тоже тебя ублю».

Она говорила, ей было очень обидно, что она не может правильно выговорить слова.

Она была с детства смелая девочка. В четыре года я как-то отправила ее вечером к соседке за луком в другой подъезд. Она пришла домой возбужденная. Оказалось, что в подъезде не было света, и она четыре этажа шла в темноте. Ей было страшно, но она смогла преодолеть страх.

У Анечки была любимая игрушка — плюшевый козлик. Она с ним не расставалась. Мы ехали в отпуск поездом. Она держала в руках козлика и прогуливалась по вагону. Проходит мимо пассажир и говорит: «Какой хороший у тебя козлик. Как его зовут?» — «Козел Шилов!»

Помню ее первоклассницей. Такой очаровательный ангелочек с копной вьющихся белых волос, с белым бантом, в белом фартуке — она такая трогательная. Ее первая учительница Анна Дмитриевна взяла ее за руку и говорит: «Ты моя полная тезка».

Анечка всегда была трудолюбивой, целеустремленной и трудоспособной. Ее не нужно было заставлять учить. Она знала, что поступить в университет

будет нелегко, она поставила перед собой цель, занималась день и ночь и поступила.

Анечка пользовалась авторитетом у детей во дворе, потом в школе, в университете. Ее уважали за открытость, искренность, веселый нрав и готовность в любую минуту прийти на помощь. Она с гордостью говорила мне, что девочки прислушиваются к ее мнению. И в то же время она была скромна и выдержанна.

Я всегда боялась за детей. Всегда хотелось, чтобы они были под присмотром. И вместе с тем, так как я сама рано потеряла маму, знала, что в жизни может всякое случиться, нужно научить их самостоятельности.

По окончании восьмого класса летом у нас появилась возможность отправить Анечку по детской путевке на отдых в Чехию. Поездка была на автобусе. Аня всегда плохо переносила автобус, я волновалась за нее. Ей эта поездка, кроме больших впечатлений, принесла много пользы в плане самоорганизации. Ей приходилось самостоятельно распределять небольшие деньги, которые мы ей выдали. Она говорила, что ей хотелось многое купить, но она привезла две оригинальные фарфоровые вещицы, подтверждающие ее хороший вкус.

В нашей семье все делалось для детей. С раннего детства мы водили их в театры, филармонию, возили на экскурсии в Ленинград, Горький. Ходили в музеи, на выставки. Когда Анюта закончила четыре класса, мы ездили в Одессу. Старшая дочь Катя поехала по санаторной путевке, а мы с Анютой сопровождали ее и жили «дикарями» на даче у моря. У Ани осталось много впечатлений от этой поездки. Ветхий домик на берегу моря, который не закрывался и в котором нам было страшновато спать: по ночам по двору кто-то ходил. Потом оказалось, что это бездомная собака со своим выводком

выбиралась на ночную прогулку. Сад на этой даче располагался террасами, и на самом верху — туалет. Забираться туда нужно было по вертикальной лестнице метров пять. Анюта заберется туда и долго не возвращается. А потом говорит: «Мама, там в дырочку видно море, кораблики». Мы все, не привыкшие к солнцу, обгорели до пузырей. Я еще и заболела, и Анюта меня лечила. Она очень радовалась, когда по Потемкинской лестнице раньше всех поднималась наверх.

У нас в доме всегда жили животные: коты, попугаи, вороненки. Уже десять лет немецкой овчарке. Дети всегда приносили домой неоперившихся или больных птиц. Я считаю, что детям необходимо общение с животными, — это делает их добрее, воспитывает ответственность.

Однажды по весне кот ушел гулять, его не было семь дней. Аня все время ходила его искать, но не находила, попросила меня пойти с ней. Оказалось, кот зашел в подвал, а дверь после этого заколотили. С большим трудом мы разыскали кота, он отозвался на наш голос. Аня сбегала за инструментами, мы взломали дверь, и выполз кот — кожа да кости. Сейчас у нас живет кошка, которую Катя с Аней спасли, вытащив из дымохода.

Год назад Аня спасла нашего пса. Мальчишки натравили на него бойцовую собаку — мастино-неополитано. Аня не побоялась, разняла собак. Мы потом два месяца лечили пса, делали две операции — укусы оказались серьезными.

Когда Аня училась в пятом классе, они гуляли с подругой. Дело было в начале зимы. Рядом с домом у нас небольшое озеро. Девочки решили проверить, крепкий ли лед. И провалились по пояс. Они сильно перепугались. Выбрались на берег и бегом домой. Забежав в подъезд, сбросили обувь и босиком побежали на пятый этаж. Я их быстро

раздела, засунула в горячую ванну, потом уложила в постель, дала чаю с медом, высушила утюгом одежду подружки. Потом все смеялись, вспоминая эту историю. Анечка мне очень доверяла. Знала, что я ее всегда пойму и помогу. У нас дома очень доброжелательные отношения. Мы жили дружно, весело. Подружки девочек говорили: «У вас такая веселая семья». Теперь все это ушло. Но Аня всегда рядом с нами.

Ане хотелось, чтобы и в университете все ребята были дружные, сплоченные. Она на встречу Нового 1999 года пригласила домой всю группу. Сами все готовили, украшали квартиру, придумывали розыгрыши.

У Ани всегда был творческий подход к жизни, по-настоящему не реализованные творческие способности. Она занималась в изостудии, училась играть на фортепиано, с раннего детства обшивала и обвязывала своих кукол, шила плюшевые игрушки, занималась керамикой. В доме много сделанных ее руками керамических поделок. В каждой вещи ощущается не только прекрасное чувство цвета, формы, но и тонкое чувство юмора.

Наши дети сильно загружены учебой, и не всегда есть время на свободное чтение книг. Но в каникулы она читала. Стоят на полке с закладками книги, которые она читала в последнее время: «Джен Эйр» Шарлотты Бронте и «Три товарища» Ремарка. Когда они в школе проходили Маяковского, она мне говорит: «Мама, мне не нравится Маяковский». Я ей предложила поближе познакомиться с его творчеством, почитать то, чего в школе не проходят. Мы с ней вместе сели читать Маяковского, и она увидела другого поэта. Она очень сетовала на то, что в школе проходят произведения «галопом по Европам». Я ей старалась почитать и показать то, что сама любила в школе. Мы с ней вместе слушали музыку при

свечах и вспоминали дедушку с бабушкой, которых уже нет с нами.

Мы жили не как мать и дочь, а как подруги. Аня прислушивалась к моим советам, а я многому училась у нее. Я всегда доверяла и уважала ее — как личность. Любая мать была бы рада иметь такую дочь. Мы с ней мыслили одинаково. Порой даже поражались. Я ей начинаю что-нибудь говорить, а она отмечает: те же мысли и у нее в голове. Общаться с ней было очень легко — мы прекрасно понимали друг друга. Она очень близка мне по духу.

Последнее время мы часто говорили с ней о смысле жизни, о добре и справедливости. Катюша, старшая дочь, ждала ребенка, поэтому говорили о рождении и почему-то о смерти. Говорили о том, что человечество всегда особенно привораживало таинство рождения и смерти. Я ей говорила, что не важно, сколько проживешь, важно — как проживешь. Она была очень серьезным человеком, глубоким, вдумчивым.

Она ощущала себя очень сильной, способной защитить себя или преодолеть серьезные препятствия. Но меня не покидает ощущение, что она предчувствовала свою смерть. В ее записной книжке записано несколько высказываний: «Надежда, сопровождающая нас всю жизнь, не покидает нас даже в час смерти» и другие.

Анечка у всех осталась в памяти улыбающейся, доброжелательной девочкой. Стройная, худенькая, высокая, с шикарными вьющимися волосами, стремительной походкой. На поминках ее сокурсник вспоминал, как открывалась дверь и входила улыбающаяся девочка, которую всегда было приятно видеть, которая несла свет и душевное тепло. И когда ему сказали: «Как ты хорошо сказал», — он ответил: «А я сказал правду».

Она успешно занималась в университете. Я надеялась на ее счастливую судьбу.

В начале мая мы с Анечкой гуляли в лесу с собакой. Было такое ощущение счастья, спокойствия. Разговорились о том, как хорошо у нас все складывается. Она уже учится, у Катюши скоро будет малыш, хорошо, если бы это была девочка. Анютка говорит: «Мы бы ей платьица красивые шили, бантики завязывали». Мы с Анютой вместе ходили покупать пеленки и ползунки для малыша. На УЗИ, записанном на видеопленку, Анечка видела малышку внутриутробно, видела, как бьется сердечко, как открывается ротик. Она очень ждала племянницу. Она придумала ей имя — Марина. Маринка родилась ровно через месяц после Аниной смерти — 30 июня.

Анечка любила своих близких, свою семью, очень дорожила теплыми отношениями в семье. Любила своих друзей, подруг. Любила путешествовать.

Любила, когда ее понимали, оценивали по достоинству, считались с ее мнением.

Любила одеваться со вкусом, с изюминкой, неординарно.

Любила слушать и рассказывать анекдоты. Любила танцевать, смеяться.

Анюта была сластеной: мороженое, варенье, тортики, хорошие конфетки...

Она просто любила жизнь в хорошем ее проявлении.

Ане не нравилось, когда ей что-либо навязывали, заставляли. Не любила перекладывать бремя своих забот, проблем на чужие плечи. Не любила вульгарности, не выносила предательства. Очень тонко чувствовала, когда человек неискренен. Лучше меня могла распознать человека. Не любила примитивного, стандартного отношения к жизни, к окружающим.

Роковой день 30 мая — мой день рождения. Утром мне родные подарили часы. Анюта весело прыга-

ла, смеялась. Весь день была в приподнятом настроении. Они с девочками вечером собирались на концерт группы «Манго-Манго».

Гостей мы не приглашали, собрались в четыре часа своей семьей пообедать, попить чаю, я испекла торт. Папа отговаривал Аню идти на концерт. Катя приглашала ее поехать с ней на Минское море. Аня сказала, что она обещала девочкам пойти.

Мы все вместе обсуждали, что ей надеть. Выбрала наряд, привела себя в порядок. Пришла ее подруга Женя, которая живет с нами на одной площадке. Мы весело распрощались.

Катюша с друзьями уехала на Минское море. Мы с мужем убрали со стола и сели к телевизору. У меня не было никаких дурных предчувствий.

Около десяти вечера позвонили в дверь. Муж открыл и пришел за мной. На пороге стояли две Анины подруги. Они были какими-то тихими. Рассказали, что в переходе была давка, они потерялись, искали Аню, но не нашли, решили, что она сама приехала домой, не дожидаясь их. Но раз ее нет дома — может быть, она попала в больницу?

Главной мыслью было не паниковать. Приехала Катя. Муж отправился разыскивать Аню по больницам на машине, а я вместе с Катей и Аниной подругой Женей стали обзванивать больницы, звонили в милицию. Долго не давали никакой конкретной информации. Но когда в четыре утра дозвонились до больницы скорой помощи и нам сказали, что произошла страшная трагедия, много трупов, — сразу все опустилось внутри. Я поняла, что случилось самое страшное. Вскоре зашел муж с врачом и соседями. Такого прихода я боялась всю жизнь.

Горе всегда приходит неожиданно. Нет большего горя, чем хоронить своего ребенка. Я всегда сострадала тем родителям, которые потеряли детей. Всегда думала, как же они будут жить? Это же не-

возможно пережить! И вот я живу, а любимой дочери нет.

В этот мир мы приходим для того, чтобы проходить испытания, чтобы духовно вырасти. Может быть, Анечка достигла такого духовного уровня, когда человек уже не может дальше совершенствоваться, и тогда Господь забирает его? Он может дальше расти уже там. Возможно, этот путь она уже прошла, путь духовного становления.

Анечка потом снилась подружке, с которой была там, у которой на руке лежала. Она говорила: «Здесь очень хорошо, очень весело. Здесь каждый день равен двум годам жизни на Земле. Только те люди, которые уходят из земного мира самостоятельно, — с нами здесь не встречаются». Это было как бы предупреждение, чтобы мы не наделали глупостей в этом мире, чтобы проживали жизнь достойно, и Господь воздаст по заслугам.

30 июня у нас родилась внучка. Как и мечтала Анечка, назвали ее Мариночкой. Это наш светлый лучик, который дает надежду на продолжение жизни.

А светлая память об Анечке всегда живет и будет жить в наших сердцах...

Пишут подруги-одноклассницы

Женя Петухова:

«Прошло время, но я не могу привыкнуть к мысли, что больше не увижу ее на пороге моей квартиры, не услышу ее два звонка в дверь, что она больше не придет ко мне. Мы жили напротив друг друга, мы были всегда вместе, а теперь все изменилось, все по-другому — ее нет...

У нее было много планов, она собиралась летом поехать вместе со мной в Болгарию, хотела отпраздновать

свое восемнадцатилетие... Этот переход перечеркнул все, о чем она мечтала и что планировала. Время идет, а мне все кажется, что она уехала в долгое путешествие и мы скоро встретимся. Я никогда не забуду мою кучерявую Аньку.

Страшно было в этом переходе. Мы держались за руки, все начали падать, кричать. Анюта отпустила мою руку и посмотрела на меня, как бы спрашивая: «Все нормально?». Я только покачала головой. Боже, знала бы я... Тот вечер, та ночь изменили все...

Часто я вижу ее во сне, и такое впечатление, что она рядом, как всегда. Мы с ней смеемся и рассказываем, кого и где видели, вспоминаем все, что с нами случалось. И так хорошо, спокойно становится на душе, будто нас там не было, не хочется просыпаться и возвращаться к этой ужасной реальности. Ведь ее здесь нет...

Тяжело осознавать, что ее нет, и эта песня, которая мне нравилась и которую я просила ее сыграть на пианино — «Опустела без тебя земля...». Я даже не предполагала, что она о ней.

Анька, ведь ты была всегда такая веселая, все спрашивали, почему ты такая кучерявая и все время улыбаешься, ты не умела грустить, когда тебе хорошо и весело с друзьями. Мне было так легко с тобой общаться, мы понимали друг друга с полуслова, а часто и по выражению глаз. Помнишь, как это было?

Я не могу поверить, что ты ушла от нас. Я по-прежнему чувствую тебя рядом. Ведь Ты Моя Анька.»

Настя Попова:

«Многие о нас говорили, что мы просто хохотушки, но люди, хоть раз общавшиеся с Анютой, знают, что сдержать улыбку в компании с ней или при виде ее невозможно. Ведь на улыбку трудно было не ответить улыбкой.

Аня — это комок смеха, радости со щелочками глаз, с постоянно сияющей улыбкой, с кудрями русых волос, которых больше не встретишь на Земле. Но кроме этого, в ней присутствовал большой ум и рассудительность, несмотря на то что она была самой юной в нашей компании. Мне кажется, что ее ума, усидчивости и трудолюбия хватило бы на всех.

Я не могу сказать, что в наших отношениях все было безукоризненно. Как и другие девчонки, мы ссорились, потом мирились, потом опять ссорились и снова мирились. Но об одном я могу сказать точно: в ссоре ты с Анютой или нет, ты можешь прийти к ней, рассказать обо всех своих проблемах, она выслушает, утешит, чем сможет, тем поможет.

У меня немало друзей и знакомых, и все хоть раз в жизни думали о смерти. Все, но не Аня. Во всяком случае, никто из нашей компании из ее уст об этом не слышал. Бывало, соберемся мы все вместе за чашкой чая, рассказываем о своих самых ужасных проблемах, от которых жить не хочется. Она одна успокаивает: «Все еще наладится! Все будет хорошо, ведь жизнь только начинается!».

Я никогда не думала, что смерть ходит так близко и приносит столько боли!

Анюта — это первая в моей жизни утрата, шрам на моей маленькой душонке.

Анюта останется в моей памяти навечно. Анечка, мы когда-нибудь обязательно встретимся!!!

Если бы Бог дал одну (только одну) возможность исправить что-нибудь в прошлом, то это было бы 30 мая 1999 года.»

Наталья Мизина:

«За те десять лет, что я ее знала, Аня прошла долгий путь преображения от совсем маленькой девочки до красивой сформировавшейся девушки, но в этой девушке оставалось так много детского. Она

всегда была очень чистой; она просто не могла быть другой.

Вокруг меня много подруг, но равных той, которую я потеряла навсегда, у меня не будет. Вновь и вновь проносятся передо мной годы, которые мы провели вместе, наши мечты, наши игры, наши шутки. Аня была очень верной подругой. Если нам обеим было плохо, она забывала о своих неприятностях и утешала меня; чтобы помочь мне, она с радостью отказывалась от своего. Мы с ней очень много мечтали о счастье, наши мечты были так похожи. Долгое время мы с ней жили в блестящем придуманном мире, украшенном нашими иллюзиями и надеждами...

Милая Аня, как мне тебя не хватает!!!

Мне так хочется поговорить с тобой, ведь, к сожалению, ты единственный человек, которому я могла бы рассказать все, что так меня беспокоит. Никто не поймет меня лучше, чем ты, ни в ком я не уверена так, как в тебе.

Вдруг тебя не стало. Через некоторое время наступает трудный момент в моей жизни, я ищу рядом с собой надежного человека, который смог бы меня поддержать, и не нахожу, с горечью осознавая, что моя единственная подруга была растоптана и раздавлена 30 мая в девять часов вечера в переходе метро "Немига".»

Лена Гущо:

«Всегда трудно терять близких людей. Нам кажется, что люди рядом с нами всегда будут, и перенести потерю очень сложно.

Первый раз я увидела Аню на школьной линейке в 8 «А» классе, там мы с ней и познакомились. Шли годы, и мы все больше узнавали друг друга. Я и Аня сидели за одной партой — первой от окна, мы вместе писали контрольные работы, вместе прогуливали уроки, ссорились и мирились. В тот день мы собрались вместе на праздник.

Смерть так незаметна, тихо подкрадывается, обрывает жизнь, когда никто ее не ждет. Смерть приходит к тем людям, которые прожили эту жизнь. Молодые не должны умирать, они рождены продолжить жизнь родителей, у них все впереди.

Я знаю, мы еще встретимся, но надо пройти жизненный путь правильно, чтобы в мире ином обрести тех, кого потеряли.»

Марина Аносова:

ДОРОГОЙ АНЕЧКЕ

Я закурю сигарету несмело,
Пепел стряхну, снова слезы из глаз:
Ты нас покинула — что тут поделать?
Так ведь бывает не только у нас.

Где-то мотив замирает прощальный,
Жизнь — это фильм, ты сыграла в нем роль.
Горько и грустно, обидно, печально.
Это сольется в единую боль.

Словно ребенок, спала безмятежно.
Вот ты проснулась — и что же теперь?
Где-то внутри умирает надежда,
А за тобой закрывается дверь.

Я не сказала тебе: «До свиданья!»
Нет даже сил, чтоб проститься с тобой.
Нет ничего хуже, чем расставанье,
Истина кажется очень простой.

Вот и прошло долгожданное лето.
Хочется крикнуть: «Аня, вернись!»
Но ты догорела, как та сигарета.
А нам досталась нелепая жизнь.

Сокурсницы Наташа Ярмолик и Люда Яновая:

«С Аней мы познакомились и подружились в университете и, несмотря на недолгую дружбу, очень сильно привязались к ней. Но по-другому не могло и быть, ведь это самый веселый, самый общительный, добродушный человек в нашей группе. У нее никогда не было плохого настроения, и оно распространялось на других.

Вот сидим мы в кабинете за партами. И кажется, что она вот-вот зайдет, часто опаздывающая на первую пару, и скажет: «Девчонки, привет. Я опять долго ждала автобус».

У Анюты были замечательные вьющиеся волосы, и мы, девчонки, доброй завистью завидовали ей. Ее даже называли «Кучеряшкой».

Аня всегда понимала шутки и никогда не обижалась. У нас в группе все всегда подшучивали друг над другом, и однажды подшутили над ней: в обед мы сидели в столовой, Аня купила коржик, и, когда она отвернулась, мы ей его посолили. Аня повернулась, укусила коржик и говорит: «Какие-то коржики сегодня соленые», а мы тихонечко молчали, сдерживая смех, но потом она все поняла.

Вспоминается еще один случай. Как-то Аня пришла на занятия и говорит: «Девочки, мне сказали, что у меня детское лицо. Что мне с ним сделать, чтобы выглядеть старше?».

Аня совершенно не умела злиться, а если и злилась, то ее злости хватало всего лишь на несколько минут, а потом вновь на лице появлялась улыбка.

Она всегда хотела, чтобы наша группа была дружной, собирала всех у себя дома, предлагала всем вместе куда-нибудь сходить. Мы вместе встречали Новый год. Были в основном одни девчонки и лишь пара парней. Аня сделала нам настоящий праздник — так украсила квартиру, что мы просто рты раскрыли от

удивления. Когда мы зашли в квартиру, поняли, что уже в самом деле наступает Новый год. И кто бы мог подумать, что именно этот роковой 1999 год станет последним Новым годом в Аниной еще только начавшейся взрослой жизни?!

Возвращаясь к той встрече Нового года, вспоминаем каждую мелочь, каждый жест или слово, сделанные или сказанные Аней. Она так боялась, что будет скучно, что будет что-нибудь не так. Она очень хотела сделать этот праздник незабываемым, по-настоящему веселым и прикольным. И у нее получилось. Конечно, немалую роль в этом сыграли Анины родители, особенно Анина мама. Спасибо им за это. Спасибо за то, что Аня была с нами, — пусть всего лишь год, да и тот не полный».

Однокурсница Лена Боровская:

Как страшно, и кругом ни звука,
Все замерло в ужасной тишине.
И не спасла рука родного друга,
Никто не смог тогда помочь тебе.

Тебя уж нет, и в этом грозном мире
Еще одной мечты не стало вдруг,
И в опустевшей и большой квартире
Застыл какой-то бешеный испуг.

Тебя уж нет. И больше нет надежды,
Что ты войдешь, слегка лишь скрипнет дверь.
Тебя не слышно, почему молчишь ты?
Молчит весь мир, молчит твоя постель.

Была ты как ребенок — так наивна.
Уже никто не сможет жить, мечтать.
Тебя нам не вернуть, нам непосильно
Тебя у той безгрешности забрать.

Осталась память да кусок бумаги,
Где улыбаешься беспечно ты.
Ты не уйдешь, ты будешь жить.
Растают в твоих друзьях твои слова, мечты.

Пишет Анна Дмитриевна, первая учительница Ани

«Смерть! Какое страшное слово! Не обошла она и прекрасную семью Шиловых.

Жила чудесная, нежная, со светлыми кудрявыми волосами девочка по имени Анечка.

«Анютка, Аннушка!» — так нежно называли ее родители, близкие и знакомые. Скромная, отзывчивая, доброжелательная, приветливая девочка. Все годы ее учебы в школе можно назвать трудолюбием. Окончила школу, поступила в университет. Радость и гордость для родителей. Но слишком рано ушла из жизни, трагически погибла, ей не было еще и восемнадцати лет.

Образ девочки с нежной улыбкой на лице навсегда останется в моем сердце».

МОРОЗ Татьяна

Рассказывает мама Зинаида Васильевна Мороз

— Татьяна по своему характеру была больше похожа на мальчишку — боевая, шустрая, быстрая, упрямая, хулиганистая, могла с мальчишками подраться.

Я ей говорила: «Татьяна, тебе надо было родиться мальчиком». Всегда была заводилой, ничто не обходилось без ее участия. В школе все ее знали. Когда в лагерь на лето едет — то же самое.

Делилась она со мной очень редко, наверное, когда уже был тупик и сама из него не могла найти выхода. Больше делилась с отчимом, и если я что-то узнавала, так от него. Больше она почему-то предпочитала мужской пол для откровения. Как-то Таня потеряла мою цепочку, но мне не сказала, подготовила Мишу, потом вместе они мне об этом рассказали. Она говорила: «Ты меня понять не можешь, а он понимает». Друзья у нее в основном тоже были мальчишки. Упрямая, иногда даже могла сделать что-то наперекор, но по-своему. Когда я говорила ей, чтобы она старалась учиться, она отвечала: «Мама, это не твоя проблема».

Я всегда говорила, что мои дети родились с профессией. Старший сын у меня плотник-краснодеревщик, Татьяна с самого раннего детства, класса с четвертого, все сама себе шила, я покупала ей только верхнюю одежду. У нее было очень много журналов, в основном Burda, из которых она брала выкройки. И я всегда удивлялась ее способностям в этом деле. На последний Новый год она сшила себе за два дня три наряда. Смешно сказать, но вечернее платье на экзамен после курсов, а ей единственной поставили за него пятерку, она сшила из бабушкиной шторы. Что-то старое перекроит, вечер посидит — и обновка готова. Ничем другим заниматься не хотела, говорила: «Мать, я буду только художником-модельером. Ты еще обо мне услышишь!».

Хорошо рисовала. Остались две большие тетради с ее рисунками. Любила мягкие игрушки, шила их сама. С куклами, как другие девчонки, не играла и не любила для них шить наряды.

После девяти классов Татьяна пошла учиться в вечернюю школу и на курсы швеи от биржи труда,

потому что, чтобы стать художником-модельером, нужно освоить две профессии — закройщика и швеи. Она закончила десятый класс и одновременно эти курсы. В течение одиннадцатого класса у нее была практика — работала в частном предприятии «Компонент». Мастер была довольна работой Тани и ставила ее на самые ответственные операции. Таня говорила: «Мама, я должна этот год усиленно поработать, чтобы идти в технологический техникум учиться на художника-модельера. Я уже записалась туда на подготовительные курсы». Тяжелый был у нее год — три дня учебы в школе и три дня работы.

Татьяне очень нравилось ее имя, и особенно фамилия — Мороз. Она говорила, что у нее никогда не было побочных кличек, только связанные с фамилией — Мороз, Морозиха. Всегда говорила: «У меня даже есть свой день — Татьянин».

Мечтала, чтобы я ей купила собаку. Но она любила подольше поспать, значит, по утрам выгуливать ее пришлось бы мне. Я работала на тракторном заводе, вставала в полшестого, а тут бы пришлось в пять. Сказала: «Никаких собак». Тогда она завела котенка. Принесла махонького и спрятала к себе в тумбочку, боялась, что я буду ругаться. Спрашиваю: «А кто это у тебя в тумбочке мяукает?» — «Ну посмотри, какая прелесть!» — «Но если ты эту «прелесть» не научишь ходить на горшок, то ее в доме не будет.» Научила. Любил котенок только ее. Татьяна еще идет по лестнице — он уже стоит у дверей. Если открыт балкон, кошечка ходит по парапету и обязательно среди всех людей узнает Татьяну, тогда уже бежит к дверям. Когда Таня погибла, и кошки не стало — ушла из дома.

Любила ходить на дискотеки, но в последнее время не так часто у нее это получалось, потому что очень уставала. Любимое место — кинотеатр «Центральный».

Я работаю в Раубичах в лагере от тракторного завода. В тот день, 30 мая, завод отмечал свое 50-летие, и я осталась на работе, потому что должны были приехать гости. В час дня я позвонила Татьяне. Она говорит: «Что ты меня будишь? Когда ты приедешь?» — «В понедельник.» — «Хорошо. Не звони мне — я буду спать.»

Назавтра, в понедельник, все приехали на работу и говорят: «У нас в Минске такое горе! А твоя такая шустрая — везде первая». — «Моя соня в час дня еще спала — не пойдет она на этот праздник.» Не было ни предчувствия, ни даже мысли о том, что могло такое случиться с Татьяной. Целый день я спокойно отработала и вечером приехала домой. Соседка говорит: «Зина, твоей Татьяны сутки дома нет». Я смотрю, пропуск на работу лежит дома, говорю: «Миша, она не на работе, хотя должна быть там». Мы начали звонить в милицию, по тем телефонам, которые передавались по телевизору. Там нам сказали: «Для успокоения души съездите в 9-ую — там тяжелобольные, и в 10-ую — в морг». Сын поехал в 9-ую, а мы в 10-ую. Там сказали: «У нас все опознанные, неопознанных нет». Мы, счастливые, отправились домой. Думаю: «Ну, беглянка, хоть тебе и восемнадцать лет на носу — выпорю. Хоть бы позвонила домой».

Начала ужин готовить. Позвонила сестра и говорит: «Твоя Татьяна на работе. Что ты всех на ноги подняла? Я дозвонилась до «Компонента», и там сказали, что она на работе». Звоню на работу, мне говорят: «Мороз отпросилась и ушла». Миша говорит: «Мать, давай скорее ужин готовь. Сейчас прибежит, не успеет дверь открыть, как скажет: "Давай скорее поесть"».

Я стала готовить, и тут вбегает младший сын и кричит: «Мама, мама, нашу Таньку по телевизору показывают! Ее убили». — «Не может быть такого», —

все, что я смогла сказать. После этого показа стали все звонить и спрашивать: «Таня дома?» — видно, узнали ее.

Вскоре приехали из милиции и сказали, что надо ехать в 10-ую. «Но мы же полчаса как оттуда. Нам сказали, что все опознанные.» — «Да, все опознанные, но за одной девочкой никто не обращается.» Мы поехали, там уже был старший сын. Он сказал: «Мама, ты не заходи туда, в морг». — «Там наша Таня?» — «Да.»

Татьяна собиралась замуж в сентябре, и у нее при себе была визитка жениха, поэтому ей поставили фамилию этого парня. На бирке была его фамилия, поэтому она и считалась опознанной, но, поскольку за ней никто не обращался, показали по телевизору.

Девчата потом рассказывали, что днем она ездила в Стайки загорать. Все, кто был с ней, остались, а она сказала: «А я поеду на праздник на Немигу». С кем она туда пошла — я до сих пор не знаю. Не могу объяснить, как и почему могло такое произойти. Мой отец говорит: «Лошадь и то никогда не убьет человека намеренно, а такое...».

Перед похоронами приснилась мне огромная площадь, на которой стоял такой стол, как в ателье для глажения одежды, и будто бы моя Татьяна дедерон гладит. Я спрашиваю: «Зачем он тебе, что ты с ним будешь делать?». Она говорит: «Я себе шляпу сошью». Я тут же проснулась. Соседка сказала: «Шляпа — это покрытие. Ей надо покрывало». Сын утречком поехал и купил именно дедероновое покрытие, и мы с ним ее похоронили.

Когда прошло сорок дней, на второй день видела сон, что я будто бы собираюсь на какую-то примерку и тут узнаю, что Татьяна заболела. Я думаю: «Нет, я столько эту примерку ждала, пойду». Приезжаю, а там женщина, которая мне и сказала о трагедии на

Немиге. Она мне уступила очередь. После примерки я будто бы приезжаю в больницу, а там большая, очень высокая лестница с ковром. Я думаю: «Как она взобралась на эту лестницу?». Тут идет пожилой мужчина с тростью, легко подтянулся на нее и пошел, сказав мне: «Вот видишь, дочка, я уже научился по ней ходить, а тебе еще рано». Потом я как-то попала в коридор больницы, спрашиваю: «А где здесь Таня Мороз?». Какие-то мужчины говорят: «Мы сейчас ее позовем». Таня подошла ко мне, и я спрашиваю: «Таня, что у тебя с лицом? Пятна, столько грима». — «У меня все нормально, я только пить хочу, принеси попить.» Я думаю, что на праздник этот она попала из-за пива, потому что любила его, говорила всегда: «Мама, пиво — это напиток богов».

БИБИЛО МАРИНА

Рассказывают мать Ирина Георгиевна, отец Петр Николаевич Бибило, дедушка Георгий Васильевич Филончик, однокурсники и одноклассники, учительница Анна Аркадьевна

Мать:

— Мы, кроме своей жизни, проживаем еще и жизнь своих близких, особенно детей. Именно дети воплощают в действительность те наши мечты, которые мы сами не смогли осуществить, достигают успехов, которыми мы гордимся как своими.

Счастье наших детей — это и наше счастье, а их горе — наше горе. Но и счастье, и радость, и горе

детей — это все жизнь, которая входила в нашу жизнь, делала ее более насыщенной, более полной. Мы мечтали вместе с детьми, строили планы, любили и ненавидели вместе с ними, и порою эти чувства были сильнее наших собственных.

Когда родилась Марина, мне в роддом передали записку с поздравлениями от друзей. Там были и такие слова: «Вот теперь ты взрослая женщина. Ты стала мамой, а значит, ты состоялась как полноценная личность». Я ответила, что смогу считать себя состоявшейся женщиной, настоящей матерью, когда выращу свою дочь здоровой и счастливой и воспитаю ее так, что и она с радостью родит своих детей, и что эта живая цепочка не прервется. Я этого не сделала. И я теперь не смогу рассказать своему внуку (ее сыну) про «очень серьезную девочку “Мавыну”», про девочку с волосами цвета старинного золота и глазами как фиолетовые цветы «Маринины (Анютины) глазки», про то, что хоть и родилась она слабой и много болела, говорить начала в шесть месяцев, а первые сказки и стихи сочинила в один год, в два — знала буквы и цифры; про то, как серьезно и ответственно относилась ко всему, что бы ни делала — качала сестричку, мастерила своими ручонками подарки родным, укладывала кроликов спать или помогала бабушке ходить, когда у той болели ноги, как постигала этот мир, как радовалась хорошему и училась преодолевать трудности, как, впервые столкнувшись с людской несправедливостью, спросила у меня: «Мама, почему люди так могут поступать?», — а я ей отвечала: «Люди, бывает, не только обижают, они еще могут и убивать».

Как я гордилась моей девочкой! Ведь у нее получалось все: и разряд по большому теннису, и первое место по бегу в г. Минске, и борьба. Она в 18 лет считала, что еще ничего не умеет, что не готова к взрослой жизни, а я в душе радовалась, что к ней ни одна свекровь не сможет придраться: и чистюля, и готовит

прекрасно, и шьет, и вяжет, а характер — лучше не бывает. Незадолго до смерти Маринка спросила: «Мама, почему ты никогда меня не ругаешь и всегда все мне разрешаешь?». А я растерялась: «А за что же мне тебя ругать, ты ведь ничего плохого не делаешь, никогда не подводишь меня, не обманываешь». Марину никогда не надо было заставлять учиться, чего-то не сделав, она не могла идти в школу. На выпускном вечере учителя отмечали, что впервые вручают золотую медаль ученице, которая за все время учебы в школе не имела ни одной годовой и даже четвертной оценки «четыре».

Что было самым замечательным в Марине — ее характер. Она была бесконечно добра, дружелюбна, всегда сопереживала людям и старалась помочь всем. Както я была в очень подавленном состоянии, и на Маринин вопрос: «Что случилось?» — ответила: «Ничего, просто очень устала». — «Чем тебе помочь, мам?» — «Помочь ты не сможешь, просто жизнь очень тяжелая, и нет ни одного человека, который бы просто пожалел, просто погладил по голове.» И с того дня Маринка каждое утро подходила ко мне, гладила по голове и, улыбнувшись своей светлой улыбкой, говорила: «Все в порядке мамусеньш, все будет хорошо!».

И я, расстроившись из-за чего-либо, сдерживала себя: «Не греши, ведь дети живы, здоровы и, самое главное, такие хорошие, что лучше и быть не может».

Когда-то я думала, что дети ласковы к родителям только пока маленькие, а с возрастом неизбежно отдаляются. А оказалось, что это не так. Было так приятно наблюдать, как Марина взрослеет, делается более самостоятельной и независимой, но п то же время становится ближе. Это уже не только бесконечно родной и любимый человечек, это уже близкий по духу тебе человек, это твоя самая верная подруга, с которой можно разговаривать как с равной,

у которой уже можно научиться многому, которая тебя никогда не предаст, всегда будет любить и всегда будет рядом.

С детства у Марины были склонности к точным наукам, логике, но при этом она оставалась очень эмоциональной девочкой. Училась на механико-математическом факультете БГУ, хотя, наверное, выбор этот был в некоторой степени случайным. Она готовилась поступать на юридический, но я, чувствуя, что это не совсем ей подходит из-за ее обостренного чувства справедливости, посоветовала ей подумать. Марина поступала по тестированию — семь часов она провела в университете и вышла оттуда студенткой. В школе у нее был спецкласс по информатике, и много помогал отец, поэтому она была очень хорошо подготовлена. Первую свою сессию Марина сдала на все пятерки и стала одной из лучших студенток. Об этом сказал и ректор на поминках, хотя Марина проучилась всего год и у нее было мало возможности себя проявить.

Мне очень нравились ее друзья-студенты. Я даже была приятно удивлена, что вместе собралось столько умных, интеллектуальных, добрых, порядочных детей. В марте Марине исполнилось восемнадцать лет. Я словно чувствовала, что это последний ее праздник. Пришло много гостей — ребят, девчонок. Подарили море цветов, мальчики спели серенаду. О Марине говорили, что она «очень хорошая девчонка, одновременно и друг, и прекрасная, красивая девушка». Нам было приятно слышать такие слова. Ребята очень тепло относились к нам, родителям, говорили: «Не уходите, нам с вами хорошо». Когда они расходились, я всех поцеловала. Было очень приятно, что у Марины такие хорошие друзья. Они много работали, но умели и отдыхать.

Удивительно, но у Марины не было планов на будущее. Она всегда говорила: «Мама, я ничего не

загадываю. Пусть будет как будет». Это касалось и профессии. Ей нравился компьютер (незадолго до гибели отец купил ей компьютер), нравилось решать задачи и находить решения, нравилось программирование, но чего-то определенного на будущее она ничего не загадывала.

Рассказывала, что встретила свою учительницу и сказала ей, что мама уже в ее годы замуж выходила, а она все еще себя считает маленькой. Однако Марина думала о семье, читала книги о семейной жизни, полезные советы, записывала рецепты. Последние пару лет она нас постоянно баловала салатами, полностью взяла на себя уборку. Советовалась со мной по домашним, женским вопросам, а деловые проблемы больше обсуждала с отцом.

Перед тем роковым днем я хотела попросить Марину поехать поработать на даче, но потом пожалела — пусть отдохнет. Она готовилась к зачету по английскому, тетради остались разложенными на столе. О концерте, наверное, услышала по радио. Сказала мне: «Мама, я устала, хочу передохнуть, пройтись, а чтобы не просто болтаться — схожу на концерт». Позвонила своей лучшей подруге Оленьке, но у нее был завтра экзамен и она не смогла пойти. Кому-то еще позвонила. Я оторвалась от своей работы, когда она была одета, причесана. Я засмеялась. Она спросила: «Мама, чего ты смеешься? Неужто я так выгляжу смешно?». — «Нет, доченька. Ты стала удивительно на меня похожа.» У нее потекли слезы: «Мама, я так всегда хотела на тебя быть похожей! Так ждала, что ты мне это скажешь!». Я подошла и обняла ее. «Мамка, ты меня как-то мало обнимаешь.» Я говорю: «Доченька, мне кажется, что ты уже такая взрослая и тебе не очень это нравится». Мы с ней так тепло простились. Я подошла к окну, как обычно, посмотреть ей вслед. Меня поразило, что она ушла без сумки, с пустыми

руками, ничего не взяв. Остановилась, но не обернулась. Показалось, что ушла она как-то нехотя, и у меня защемило сердце в тот момент.

Когда началась гроза, я подумала: «Ничего страшного. Только бы не простудилась». Ждем-ждем — нет Марины. Раньше такого не было, чтобы она задерживалась, в крайнем случае — обязательно перезванивала, а тут — ничего. Всю ночь не спали. Я минут на пять прилегла, и мне приснилось, что Марина пришла и говорит: «Мама, я уже дома». Я встала и начала искать ее по квартире, боясь посмотреть на кровать. Это было около двух часов. Удивительно, но потом это время было помечено как время смерти — 1 час 48 минут. Я поняла, что случилось что-то плохое. Но все еще надеялась, думала, что она вот-вот вернется, что самого страшного не произошло. Потом в шесть утра зазвонил телефон — отец услышал по радио о трагедии и позвонил. Мы все поняли.

Поехали сразу в 10-ую больницу. Меня в морг сначала не пустили, но потом я зашла и сразу ее увидела — ее торчащий нос и характерную улыбку: когда она что-то понимала не очень приятное в жизни, улыбалась одним уголочком губ. И я все думаю: что же она поняла, когда умирала?

Марина родилась с тем же диагнозом, что и умерла — асфиксия. Я молила Бога, чтобы она осталась жить. Потом она болела много, две недели лежала в реанимации с сердцем, и каждый раз я ее отмаливала. Я постоянно боялась за нее, и перед моими глазами сразу же возникала картина: Марина лежит растерзанная на асфальте с разбросанными волосами. Я только слышала, что где-то какая-то трагедия, как Марина у меня перед глазами. Я гнала от себя эти мысли. У нее тоже было какое-то предчувствие близкой смерти. Девочки рассказывали, что она говорила: «Ай, зачем мне учиться? Я все равно сессию сдавать не буду».

Месяца за два до случившегося начала она искать смысл жизни. Ей было интересно понять, познать, как устроен мир. Подруга предложила пойти с ней в церковь. Мы с Мариной спорили по этому поводу, я говорила: «Доча, нельзя отходить от православия. Ты некрещеная». Но с ней я была согласна в том, что неважно «как», — важно верить. Последняя запись в ее дневнике, сделанная накануне: «Бог сказал, что надо помогать людям. Я иду помогать людям», — осталась открытой на столе.

Марина очень часто мне снится. Будто бы пришла она ко мне, я прошу ее: «Доченька, никто не видит — останься. Поиграй с девочками, со мной. Ведь никто не знает, что ты погибла». — «Нет, мама, я не могу.» Она казалась мне такой легкой, воздушной. Я прошу ее: «Доча, вернись!» — «Нет, мама, я не могу, я мертвая.»

Однажды был такой интересный сон: я иду со своими родными, и тут они меня все бросают, я остаюсь одна. Я думаю: «Вот если бы была Маринка, она бы меня не оставила». И сразу же она появляется. Внешность у нее совершенно другая. Начинает щебетать, как она живет теперь: «Мы теперь, как ласточки, в норках по берегам реки живем».

Я хотела знать, как же она все-таки погибла, очень часто об этом думала. И вот мне приснилось лицо пожилого человека на все небо. Я поняла, что это Бог-отец. И слышится такой необычный голос: «Ты хотела узнать, как Марина себя чувствовала? Я тебе дам это почувствовать!». Я испытала страшное давление и невыносимую боль. Я не могла дышать, чувствую, что теряю сознание, и говорю тогда: «Ой, Боже, не надо! У меня же еще Юля. Надо же ей помочь». Он отвечает: «Вот видишь, ты несколько секунд не смогла выдержать, а Марине пришлось терпеть дольше». После этой боли я не могла дышать, пошевельнуться, крикнуть, и вдруг почувствовала, как меня

гладит осязаемая детская ладошка. Я начала просыпаться — думаю, Юля меня гладит. Проснулась — нет, Юля спит.

Спасибо, Боже, что ты дал мне такую радость в жизни. Спасибо, доченька, что была рядом 18 лет, два месяца и 18 дней, спасибо, что согревала все это время своей улыбкой, своей любовью, всем своим существованием. Ты и теперь всегда рядом, поддерживаешь меня, заставляешь верить во что-то доброе и светлое. Только как дальше жить без тебя, без света твоей улыбки и тепла твоего нежного сердечка?

Отец:

— С самого начала Маринкиной жизни я вел дневник. В нем — мои записи, Маринкины детские стихи, отпечатки ее ручки.

По вечерам жена училась в БГУ, а я оставался с маленькой дочуркой. Гулял с нею, кормил, пеленал. Мне приносило неописуемое удовольствие просто наблюдать, как растут дети. Когда привезли из роддома вторую дочь, Юльку, Маринка (ей тогда было два с половиной годика) спросила: «Это наш ребенок?». Она считала, что сестричкой или братиком можно называть только человека в штанишках или платьице, а не в пеленках.

С детства Марина удивляла логикой мышления. На ее вопрос: в чем смысл жизни? — я отвечал, что в творчестве. И Марина действительно была творцом во всех своих начинаниях. Математика давалась ей легко, и даже в сочинениях чувствовалась математическая натура: писала коротко и логично. Задаю однажды вопрос: «Зачем столько времени сидеть над книгами?». А она хотела честно заслужить золотую медаль. И заслужила!

С Маринкой никогда не возникало проблем. За все ее восемнадцать лет мы ни одного разу не поругались.

И только однажды она повысила голос, когда я случайно прошел по вымытому полу. Только однажды. Идеальный ребенок! Что задумает, обязательно сделает, и так аккуратно, последовательно. Посмотришь на выполотую грядку — сразу поймешь, чьи руки работали. Безусловно, Маринины! Если дочь шила платье, то со вкусом, красиво. А какие вкусные салаты для всей семьи готовила!

Дочь была товарищеской и доброжелательной. Не знаю даже, сколько подруг она имела. И одна никуда особенно не ходила. В тот день, 30 мая, я был на даче. И именно тогда Марина впервые пошла на такое мероприятие и впервые за свои восемнадцать лет не вернулась...

Дедушка:

— Маринка все больше вспоминается маленькой. Видимо, потому, что мы с маленькой больше общались. Что мне запомнилось за последнее время — это разговор с нею 1 января этого года. Всегда Новый год мы встречали вместе, всегда накануне они приезжали к нам — Марина, ее сестричка и их родители. В этом году впервые мы встречали Новый год без Марины: она встречала его с друзьями. Там собрались ее новые друзья, и каждый из них пригласил своих старых товарищей. Она приехала к нам 1 января, сели за стол. Я говорю: «Маринка, а что вы там пили?». Она так посмотрела: «Дед, да ты что!». Я говорю: «Неужели вы до утра сидели и вам интересно было? Там же были и мальчишки?!». Она говорит: «Собрались все непьющие. Это же Новогодняя ночь! Мы разыграли капустник, беседовали, рассказывали интересные истории, говорили о будущем».

Это были способные дети. Очень трудно быть способным ребенком... Почему? Потому что они беззащитные...

Однокурсники:

— Я называл Марину рыжим Ангелом. Называл так не только за цвет волос и привлекательную внешность. Она близко к сердцу принимала чужую боль. Беспокоилась за родителей, друзей и просто знакомых. У нее постоянно чувствовалась неудовлетворенность собой, хоть Марина, на мой взгляд, была идеальной во многих отношениях...

— Маринка обладала редким единением ума с добротой. Часто пользовался ее конспектами — никогда не отказывала и никогда не задавала вопросов: зачем? когда вернешь? Ее друг Сергей называл Марину нежно — рыжий Ангел. И это на самом деле так. Вспоминаю, как 12 марта мы отмечали Маринин день рождения. Было так весело и интересно! Хотя Марина и не была старостой группы, однако она объединяла нас в коллектив...

— Она, безусловно, талантливый человек во всех отношениях. Она одна из тех немногих девушек, с кем можно было поговорить на самые серьезные темы, а не просто посплетничать. Она читала книги, какие сейчас не так часто встретишь на нашем факультете, увлекалась компьютерами. Марина — это неординарная личность и добропорядочный человек...

— Она была одной из близких моих подруг. Характер у Марины чудесный, притягивала к себе жизнерадостностью и добротой. Она умела все: и учиться, и дружить, и заниматься спортом. И на все находила время. А в последние полтора месяца Марина посещала церковь и хотела жить по закону Божьему. Я узнала о смерти Марины только в понедельник утром. Не знаю, почему она пошла на эти гулянья и с кем она была там...

— В пятницу, как раз накануне этого трагического воскресенья, мы с Маринкой отдыхали на Свислочи. Помню, что обсуждали планы на лето. Марина хотела поехать со стройотрядом в Крым. Затем вспомнили молодежный праздник, который должен был состояться в воскресенье. Однако точно не знали, пойдем ли туда...

Одноклассники:

— Нас в классе было шестеро девочек и восемнадцать мальчишек. Марина была самая лучшая, самая умная.

— Самая старательная и самая любимая. В учебе всегда помогала, разбиралась хорошо в точных науках — математике, физике. Очень любила общение.

— Она не забывала всех девочек из класса, всегда нам звонила, поздравляла, если у кого-то день рождения. Часто приглашала в гости, вытягивала на улицу погулять, особенно если праздник какой-то.

— Теперь нас осталось пятеро, и у нас уже никогда не будет такой компании. Ее лучшая подруга — это Оля. Они всегда старались быть вместе.

— Она любила танцевать, любила, когда много людей, любила веселиться. Она вообще была очень веселой девчонкой и никогда не показывала, если ей плохо.

— Была всегда отзывчивой. Занималась бальными танцами. Старалась больше успеть и везде побывать.

— Если сделала что-то не так, всегда рассказывала и каялась. Старалась видеть в людях только хорошее.

Нам было очень весело и хорошо, когда мы собирались вместе.

— Очень любила своих бабушку, дедушку, сестру и кошку. И очень расстраивалась, когда у родителей были какие то неполадки в семье, ссоры. Очень любила мечтать.

— Любила сладкое: тортики всякие, боялась пополнеть, но всегда занималась спортом и поэтому была худощавой. Старалась хорошо выглядеть, следила за модой. И в жизни хотела многого достичь, успеть все сделать.

— Она училась в БГУ на мехмате. Училась на «отлично». Часто уставала от учебы и всегда мечтала поспать. Но при этом никогда не сдавалась.

— Мне даже в голову не приходило, что среди этих 53-х человек окажется Марина. Утром позвонила просто так — узнать, как у нее дела, а мне говорят: она погибла.

— Никогда не думала, что буду читать некролог о своей подруге! Для того чтобы ощутить, что она чувствовала в тот момент, нужно представить себя в той ситуации. Ей было очень больно, я уверена. Она была одна — это, наверное, самое страшное.

— Теперь каждый раз, когда будем праздновать день выпускников, нам станет недоставать частички класса, которая значила очень много.

— Нелепо, глупо и очень страшно. Недавно она вошла в какую-то новую церковь и сказала, что будет жить по законам Библии.

— Говорят, что идет конец света, поэтому Бог забирает к себе самых лучших, остальным суждено погибнуть.

— Я слышала, что на Троицу умирают только святые. Бог забирает святых.

Учительница:

— За мои шестнадцать лет работы в школе не было у меня лучшей ученицы. Она всегда все знала на пять, ни одной четверки, ни в одной четверти, ни по одному предмету. Добрая, спокойная, уравновешенная, очень отзывчивая, веселая...

БЕЛЬСКАЯ АНАСТАСИЯ

Рассказывают мать
Елена Владимировна Бельская,
тетя Алла Владимировна
и двоюродный брат Виктор

Мать:

— Настя была веселой, умной девушкой, целеустремленной. Ее любили, к ней тянулись однокурсники, друзья, душа ее всегда излучала тепло. Она везде была лидером, всегда достигала задуманной цели. Она умела жить. Всегда была такая уверенная, добивалась всего, чего хотела, везде успевала. Любила ходить в походы. В девятом классе с одноклассниками ходила в поход на «Голубые озера». Классный руководитель говорила, что она очень удивилась, какие взрослые дети у нее в классе, как они все умеют.

Настя готовила уху, мальчишки кололи дрова. Все говорили, что уха удалась на славу. Рядом была деревня, и мальчишки помогали женщинам косить сено, а они их молоком угощали. Все остались довольные походом и долго вспоминали.

Настя у меня вообще умела все: и кушать вкусно приготовит, и тортик или печенье испечет, пельмени сделает, умела шить и вязать. Стирала сама свои вещи давно. Я говорила: «Настюша, если со мной что-нибудь случится, вы с папой уже не пропадете, с голоду не умрете, ты все умеешь». А вышло все наоборот.

С пятого класса Настя делала уроки самостоятельно. Когда я хотела проверить, все ли уроки она сделала, она отвечала: «Мама, я же не маленькая, что ты будешь проверять мои тетрадки, как в первом классе. Я никогда не иду в школу неподготовленной». И мне за нее никогда не было стыдно, о ней говорили всегда только хорошее. Она была не по годам взрослая, умная, часто давала мне полезные советы. Была решительной, хотела все знать, все уметь, очень торопилась жить. Может быть, она чувствовала, что у нее такой короткий век? И я все время почему-то за нее очень беспокоилась. Может, потому, что она у нас одна, а может, моя душа что-то предчувствовала? Не знаю. Но куда бы она ни пошла, пока не придет домой — я не лягу спать. А она говорит: «Мама, ну чего ты переживаешь? Газет начитаешься и переживаешь. Со мной ничего не случится!» — «Дочка, — говорю ей, — когда будешь иметь своих детей, будешь знать, что это такое и почему я так переживаю. Ведь теперь такое время неспокойное.»

Однажды она с Алесей, подружкой своей, пошла на фестиваль «Молодечно-96». Мы им разрешили до двух часов ночи побыть там. А тут и два и три, а их все нет. Отец начал ругаться, а я и сама уже переживаю.

Думаю, не дай бог что случится! Пришли они в половине четвертого живы и здоровы.

После окончания девятого класса Настя поступила в Молодечненский политехникум. Она хотела поступать в медучилище, но в Молодечно только на базе одиннадцати классов принимают, а в Минск я побоялась отпускать, думаю, здесь будет у меня на глазах. Она везде со мной с двухмесячного возраста: я в деревню к родителям еду — и она со мной, я в Минск к сестре — и Настенька со мной. Я вообще не представляла, как я буду жить без нее, если она, к примеру, замуж выйдет. Думаю, пусть закончит техникум, а потом может в институт поступать. Учиться никогда не поздно.

Была она доброй, отлично рисовала — ей всегда поручали выпускать настенную газету. Ее выбрали старостой группы. Настю любили не только в школе и техникуме. Родственники тоже души в ней не чаяли. Она была у нас любимицей, одна девочка среди мальчишек. У сестры моей два сына, у брата тоже сын, а у нас с мужем — дочь. Двоюродный Настин брат Витя всегда говорил, что его одна Настя понимает. Он с четырех лет без матери рос. Когда я ее ругала или заставляла что-нибудь делать, бабушка Насти, моя мама, говорила: «Лена, не ругай, повзрослеет и будет все делать, вас тоже надо было заставлять. Думаешь, вы не такие были? Пусть погуляет, она же еще ребенок». И действительно, Настенька повзрослела, и мне с ней никаких хлопот не было.

А вообще она обожала Минск, хотела жить только в Минске, в квартире со всеми удобствами (мы живем в частном секторе). Мечтала поступить в мединститут. Ее подружка Таня училась на подготовительном, у нее уже и друзья были из мединститута, Настя с ними общалась. Она говорила: «Я обязательно поступлю!». Когда я заболела, она сама мне делала

уколы. Я шутила: «Ты же прирожденный медик, так хорошо и совсем не больно делаешь уколы».

С 9 марта Настя проходила практику на Минском комбинате хлебопродуктов № 5. Она так радовалась, что ее направили проходить практику именно в Минск, а не в Лиду или Сморгонь. Она уехала на практику, а я думала: зачем отпустила, зачем согласилась, чтоб она в общежитии жила? Потом думаю: а кто бы меня спрашивал? Это же практика, она должна ее отработать. А Настя на седьмом небе от радости, что именно в Минск попала. Поселились они в одной комнате с Юлей Косяк. У меня сестра в Минске живет, они часто к ней ездили. Домой каждые выходные приезжала. Я Насте в прошлые выходные сказала, чтобы на следующие она приехала домой пораньше и настраивалась, что поедем в деревню к бабушке с дедушкой, надо помочь им на огороде. Она безотказно ответила: «Хорошо». Она приехала домой в пятницу, 28 мая. Как и обещала, приехала раньше. Но зашла ко мне на работу и говорит: «Мама, завтра уезжаю обратно в Минск, надо в воскресенье и понедельник выйти на работу». Говорю: «Если надо, значит, надо, езжай!». Мне надо было срочную бумагу напечатать на понедельник и пришлось остаться после работы. Она осталась со мной. Я набирала текст на одном компьютере, а она села за другой. Я ей дала не срочную бумагу и говорю: «Поучись, может когда-нибудь в жизни пригодится». Заходили к нам в кабинет сотрудники, даже начальник. Все они словно попрощаться с ней заходили.

В субботу мы сходили на рынок, купили ей бриджи, о которых она так мечтала (в которых и погибла потом), еще кое-какую мелочь. Ходим по рынку, а она все торопит: «Быстрей, быстрей. Мне надо в Минск ехать». Пришли домой, она такая счастливая, поцеловала меня, поблагодарила за покупки.

Быстренько рыбу стушили — она лук, морковку почистила, я — рыбу. Настя позвала отца кушать. И все торопится. Я ей и говорю: «Настя, к тебе Таничка (подружка ее, одноклассница) уже вторые выходные заходит и не может тебя застать дома, ты ей позвони». Она говорит: «Мама, я уже не успею». Я сама набрала номер, но там никто не ответил. «Который час?» — спрашивает. «Без десяти час.» Прошло время, она опять спрашивает. Я говорю: «Без десяти час». — «Как без десяти час? Ведь давно уже было без десяти.» Смотрю, а часы остановились, уже 13.20 было. Опоздала она на эту электричку, поехала на 14.34.

Теперь, после всего случившегося, я думаю, что даже часы предупреждали нас об этой страшной трагедии...

Я ее всегда провожала на электричку — мне до станции близко, через мост переходной. Провожу, поднесу сумку, еще в электричке посидим, поговорим. В Минск их десять человек ездило на практику. А в тот день даже не пошла провожать, мне надо было довязать кофточки детям — у моих родственников двойняшки-мальчики, 31 мая им по два годика исполнялось. Я говорю: «Дочка, ты не обидишься, если я тебя сегодня не провожу? Донесешь сумку сама?». Она согласилась. Я ей еще кофе в баночку отсыпала, отец всегда с получки покупал ее любимый «Nescafe classic». Она поблагодарила, сама забыла бы взять кофе, подняла сумку: «Тяжеловата, но ничего, донесу». Поцеловала меня на прощание, с отцом и соседкой (она у нас была) попрощалась и ушла. Еще сказала: «В среду я тебе позвоню, скажу, поставили меня на рабочее место или нет». С 1 июня освобождалось рабочее место, и ее обещали взять. Она уехала, а я и говорю соседке: «Что-то еще я забыла, не сказала Насте». И начинаю перечислять, что именно. Соседка говорит: «Да вы же ей все это

сказали». А у меня такое чувство, что должна была еще раз сказать, предупредить, чтобы по городу поздно не ходила.

В воскресенье ночью, в пятнадцать минут двенадцатого — звонок. Подхожу к телефону и думаю: кто же так поздно звонит? «Это Дроздов из Минска.» Я его тогда еще не видела, только из Настиных рассказов знала, что он работает вместе с ней и что они дружат. Я сразу: «Андрей, что с Настей?!» — «Крепитесь, Насти с нами больше нет.» — «Как, — говорю, — нет. Андрюша, миленький, что с ней случилось?» — «В метро задавили.» Она же на работе должна была быть. «Что она там делала?» — спрашиваю. «С Юлей на концерт поехала.» — «А ты там был?» — «Нет.»

Об этом концерте она ничего не знала, не собиралась. Уехала из дома — о концерте ни слова. Потом уже девочки, которые вместе практику проходили, рассказывали, что в воскресенье они с Юлей пошли загорать, и там им кто-то сказал: «Что вы здесь сидите, на Немиге концерт сегодня, сходили бы». Юля говорит: «Давай сходим». Собрались и пошли. Еще перед тем как уйти, Настя навела у себя в шкафу порядок. Юля говорит, сегодня праздник такой большой; в другой раз все сложишь. А Настя ответила: «Нет, у меня все там разбросано, я быстренько все уберу». Вышли они из общежития, а Настя говорит: «Юля, меня Андрей зовет». — «Не зовет он тебя — тебе показалось.» Настя оглянулась, он только помахал ей рукой.

Что было дальше, узнала я из рассказа Юли. Вышли они из метро, поднялись на две ступеньки — а на них толпа. Они не сразу поняли, насколько это серьезно и опасно. А когда сообразили и начали убегать, было уже поздно. Если бы они раньше сообразили, все было бы иначе. Настя упала лицом вниз, связанная по рукам и ногам. Только и успела сказать: «Юля,

помоги, мне больно...». Юля была на расстоянии вытянутой руки от нее. Она не упала, и ее кто-то за волосы вытащил. Когда Настю выносили, она только посмотрела Юле в глаза, но уже ничего не сказала. Когда ей искусственное дыхание сделали, сказала только: «Мне жарко». Врачи посмотрели зрачки и сказали, что уже ничего нельзя сделать. Говорят, она жила еще полчаса. В больницу привезли, врачи пытались прямой укол в сердце сделать, но в больнице не нашлось иглы такой длины.

Тетя:

— Ко мне Настя приехала накануне в четверг — она раз в неделю ко мне приезжала. Обычно с Юлей приезжали, всегда такие веселые. Я их провожу, а сама в окно посмотрю и порадуюсь за них: «Как им хорошо, такие молодые, такие веселые, счастливые». Рассказывала, как им хорошо в общежитии. А в этот день приехала одна. Провожаю ее, а она мне говорит: «Я так Минск обожаю!». Зашли в магазин, я ей пирожное купила. И не думала, что это последняя наша встреча, что последний раз ее угощаю.

На выходные я не планировала в деревню ехать, много дел было дома. Детей отправила — бабушке с дедушкой помогут. Однако вышло так, что за мной заехали на машине и взяли меня на один день в деревню. Там как предчувствие какое-то: долго не спалось. Проснулась в таком страхе, будто что-то горит. Посмотрела в окошко — во дворе чужая черная собака стоит. Господи, что она тут делает? Я постучала в окно, и она убежала.

Еду в Минск — мне опять почему-то страшно. Думаю: хоть бы доехать. Так беспокойно на душе! Приехала домой, приняла душ, пошла на работу. А на душе по-прежнему неспокойно. Вечером молния ударила прямо перед окном. Я в 3-й детской больнице работаю. Ко мне поступил больной на прием, а я

выбежала в общую приемную и говорю: «Девочки, мне страшно. Грозы боюсь». И тут к нам два парня прибежали, мама их работала дежурной, и говорят: «На Немиге грозой побило столько молодежи! Все синие лежат. Мы проходили мимо и видели». Звоню домой и говорю мужу: «Звони быстрее в деревню, как там дети». Он позвонил и — мне: «Что ты паникуешь? Там даже дождя не было». Я успокоилась. Потом к нам начали звонки поступать. Один звонок, второй, третий. Пришел врач из реанимации, мы с ним дежурили по приемному. Просим: «Василий Николаевич, позвоните, узнайте, что на Немиге». Он позвонил и ему ответили: «Молодежь, молодежь, молодежь...».

Я сижу, а у меня такой страх: только бы не Настя. По прямой не могу выйти на Молодечно, чтобы узнать, где Настя. Я знала, что на выходные она уезжала домой. Говорю себе: «Только бы там Насти не было, только бы не было». Ведь она могла и вернуться — всегда так рвалась в Минск. Я думала только о ней. Мне даже сотрудники сказали: «Ну ты зациклилась на девчонке». Тут меня к телефону зовут. Подхожу. Ваня, муж, говорит: «Не знаю, как тебе и сказать...». А мне уже и говорить ничего не надо, я сразу поняла, что случилось то, чего я так боялась. У меня началась истерика.

Трудно объяснить, нет объяснений тому, что произошло на Немиге. Просто какое-то безумие. И было это, мне кажется, не случайно. Произошло то, что должно было произойти.

Где толпа — там всегда страшно. Я однажды оказалась в такой ситуации в магазине «Беларусь». Там меня чуть не задавили. Я пришла до открытия и оказалась в первых рядах. Потом, когда с криком начала давить толпа, я попыталась выйти, но сделать это уже было невозможно. Главное — устоять на ногах. Когда все побежали в магазин, я смогла устоять на

ногах, а вот мужчина упал, и все бежали по нему, и никто уже не мог остановиться — сзади давила толпа. Его задавили. Это было ужасно. Я всегда боялась толпы. Когда был праздник города — 830 лет Минску, движение было перекрыто, и метро, естественно, закрыто, никого туда не пропускали.

Поэтому у меня постоянно возникает вопрос: почему не было перекрыто метро? Ведь это гулянье, собирается много молодежи. Они ехали туда повеселиться. Толпа — это страшно. Возможно, это и случайность — испугались грозы. Но чтоб такое количество жертв... Я думаю, что прежде чем проводить такие массовые мероприятия, надо все предусмотреть и организовать надлежащую охрану. Всем нам надо извлечь урок из этого, чтобы такое никогда не повторилось!

Брат:

— Я помню Настеньку еще маленькой девочкой. Мы с ней были очень дружны и любили друг друга. Она младше меня на два года. Мне не исполнилось и четырех лет, когда умерла мама. Настя была не только моей сестрой, но и самым лучшим и верным другом. С самого детства она росла бойкой, веселой девочкой, очень похожей по характеру на мальчишку-сорванца. Настюше очень нравилось смотреть на пламя костра и в темноте ночи наблюдать за звездами. Она знала очень много песен и любила петь, танцевать, слушать музыку. Нравилось ей также побегать под теплым дождиком, полазать по горам, оврагам и старым окопам в поиске чего-нибудь интересного, таинственного. Настя обожала животных: кошек, собак, лошадей, но особенно ей были симпатичны ежики. Она часами рассказывала всякие истории, поучительные и занимательные.

Настенька очень любила цветы. На ее взгляд, самый красивый из полевых цветков — василек.

Вспоминается смешная история из ее детства. До четырех лет Настя с родителями жила в деревне у бабушки с дедушкой. За ней нужен был глаз да глаз, настолько она была шустрой и любопытной. И вот утром бабушка, как обычно, печет блины, а маленькая «помощница» вертится рядом. Пока бабушка отлучилась на минутку, Настюша подтащила к краю стола миску с тестом и опрокинула его себе на голову. С той поры мы все над Настенькой часто подшучивали и называли лисичкой, которая сунула голову в кувшин.

Настенька всегда могла понять другого человека, выслушать, дать дельный совет, посочувствовать. Она была очень доброй, приветливой, с очень ранимой душой. Она могла заплакать при виде больного котенка или щенка. А как она плакала, когда у нее на глазах умирал ее любимый кот Кеша! Его кто-то побил сильно, или он в капкан попал...

Я не знал, кроме нее, никого, кто мог бы так легко знакомиться, иметь столько друзей, завоевывать уважение и любовь окружающих ее людей.

За что пришла такая кара, немилость Господня?! Что такое страшное совершили в своей жизни эти невинные молодые люди, чтобы погибнуть такой лютой, ужасной смертью? Может, это была плата за наши общие грехи? Правду говорят — из жизни уходят лучшие. Происшедшее на Немиге всколыхнуло множество людей, но особой болью и неизгладимой мукой отдалось и осталось в сердцах родителей погибших детей, родственников, друзей и подруг.

Мы не смогли и не сможем смириться с такой тяжелой, невосполнимой для всех нас утратой. Мы не поверили и не поверим до конца дней своих в этот ужас. В наших сердцах, в нашей памяти они будут жить вечно! Дня нас они все равно живы и всегда с нами. Это был просто страшный сон...

ЖОЛОБОВА Юлия

Родители Юлии — **Владимир Евгеньевич и Надежда Григорьевна Жолобовы,** *не решаясь лишний раз бередить незаживающую рану, предложили вместо своего рассказа об их дочери, подготовленную для местной газеты «Дняпровец» журналистом С. Матлаш. Вот эта статья.*

Кажется, первым, кто почувствовал беду, был дог. Владимир Евгеньевич Жолобов, отец Юлии, привез его вечером на работу жене, вахтеру «Термопласта»: все же не одной ночь коротать. И пес всю ночь не давал ей глаз сомкнуть: то хватал за руку и тянул на улицу, то беспокойно лаял. В шесть утра Надежда Григорьевна услышала о трагедии. Когда за ней приехал муж, она, слегка встревоженная, поделилась услышанным.

— Юли на концерте не будет, — отец не сомневался.

Говорят, Юля и вправду не присутствовала на шумном мероприятии, но по роковому стечению обстоятельств ей суждено было оказаться в ненужном месте в ненужный час: воскресным днем в 20 часов 40 минут, в подземном переходе станции метро «Немига»...

Бог забирает лучших. И здесь, увы, он не ошибся. У четы Жолобовых было две дочери. Старшая живет в Гомеле. Утехой родителей стала Юля. Безотказная помощница, этакая палочка-выручалочка, она всегда остро чувствовала настроение матери и жалела ее. Жалостливость, впечатлительность присутствовали сполна в Юлиной натуре.

— Бывало, она найдет букашку какую, — вспоминает Надежда Григорьевна, — полчаса ее изучает, затем бережно отпустит и бежит нам рассказывать, как интересно жучок устроен. Как-то принесла Юля в дом кота, а кот неспокойный. Я сказала, чтобы она отнесла его хозяйке. Юля не перечила, но заявила, что, когда вырастет, у нее будет полный дом кошек и много детей.

В подъезде, где живут Жолобовы, любили эту открытую, с распахнутой душой девчушку, и не одна соседка, у которой росли сыновья, лелеяла надежду, что Юля будет именно ее невесткой.

Училась она усердно, с пониманием того, что в жизни ничего просто так не дается. «Наша Юля» — так называли ее за большие способности и чуткий характер учителя средней школы № 6, где она училась.

— На первом месте у Юли было слово «надо», — рассказывает ее классный руководитель Н. В. Янкович. — Мы организовали ремонт школы и, естественно, рассчитывали на помощь старшеклассников. Откликнулись не все, но среди первых была Юля. Иначе быть не могло. Одно время она была вожатой, охотно, сама помогала слабым ученикам наверстать упущенное. Естественно, что списывали тоже преимущественно у нее. А еще у Юли были задатки педагога. Мы давали ей опережающее задание, и она выходила к доске не как ученица, а как учитель. Справлялась успешно. По натуре она инициативная, отзывчивая. К тому же очень эрудированная. Школу Юля закончила с серебряной медалью.

Ее первая учительница Л. Ф. Халыщевич до сих пор хранит стаканчик и салфетку, которую связала и подарила ей Юля в пятом классе. Она была рукодельницей и обновки вязала из того, что распускала. Как-никак супруги Жолобовы знали цену копейке и особо дочку не баловали, а желали ей одного — реализовать мечту.

Юля хотела стать врачом. Избавлять людей от боли и видеть их счастливыми. С этой целью в школе она посещала факультативные занятия по химии и биологии. Когда поступала в мединститут, Юля недобрала баллов и перевелась на подготовительное отделение. Правда, платное. Жолобовы жили скромно, но готовы были ради дочери залезть в «долговую яму», и залазили. После четырех месяцев учебы, когда плата за курсы достигла шокирующей цифры, она позвонила домой и сказала, что бросит учебу... Но родители, затянув пояса, все-таки наскребли нужную сумму. Юля была бы замечательным врачом, наверное, каждый из нас имел шанс когда-нибудь стать ее пациентом. Шанса — не стало. Немеет человеческий разум.

А Надежда Григорьевна то и дело поглядвает на дверь: сейчас она откроется, а на пороге — Юля...

КОСТРИЦКИЙ Александр

КОВАЛЕНОК Александр

Рассказывают мать Саши Кострицкого
Диана Васильевна Станкевич
и бабушка Елизавета Александровна,
мать Саши Коваленка
Валентина Ивановна Коваленок
и друзья обоих Александров Денис Рыбаков,
Дима Прись, Денис Мандрик, Максим Ажгирей

Мать А. Коваленка:

— Они познакомились 1 сентября 1993 года, на линейке, посвященной началу учебного года, в новой

211-й школе в минском микрорайоне Сухарево. Многие ребята пришли в эту школы впервые, поэтому были не знакомы друг с другом.

Я пришла на линейку с сыном. Подойдя к группе рябят, стоявших под табличкой 8 «В» класс, я показала сыну приглянувшегося мне мальчика и сказала: «Саша, вот твой новый друг». Так познакомились оба Саньки, и началась их крепкая дружба. Они были настоящими друзьями. Не было такой причины, которая могла бы их поссорить. Они просто не могли поссориться. Любую неприятность они обращали в шутку. Ребята были всегда вместе. В школе они сидели за одной партой, вместе шутили, смеялись. Саньки были «душой» класса. Они доставляли много хлопот учителям своими шутками, но на выпускном вечере на вопрос: «Кто из ребят вам больше всех запомнится?», — учителя отвечали, что им запомнятся все, но больше всех — Саша Коваленок и Саша Кострицкий.

Д. Рыбаков:

— Мы были очень дружны в школе. Но и после ее окончания не потеряли контакт друг с другом. Почти каждый день собирались своей компанией: играли на гитаре, шутили, гуляли по городу. Все праздники проводили вместе.

Так было и в этот раз. Собралась наша компания, и мы поехали в центр. Погуляли по проспекту Скорины, свернули на проспект Машерова. Настроение у нас было отличное. Был теплый, солнечный день. Мы шли по улицам и заигрывали с девушками, шутили, веселились. Потом пошли на концерт, но дойти не успели — над нашими головами нависла огромная, черная туча, и начался дождь...

Мать А. Коваленка:

— Мечты, как и судьбы, у Сашек были очень похожи. Они вместе закончили школу, вместе отучились

в училище, вместе защитили дипломы. По окончании учебы с поиском работы не спешили, понимали, что это их последнее лето. Саня Кострицкий пытался поступить в институт культуры, но провалил экзамен по английскому языку. Пробовали работать в разных местах, а ближе к Новому году устроились на завод шестерен, операторами станков с числовым программным управлением. Месяц работали учениками, а затем получили третий разряд и в конце января приступили к работе.

Если у Сани Кострицкого в планах на ближайшее время была учеба, то у моего Сани — работа. Были случаи, когда он оставался работать сверх нормы, чтобы помочь мне и сестре с годовалым ребенком. В нашей семье из мужчин только он. Саня был хозяйственным парнем...

Д. Прись:

— О Саше Кострицком и Саше Коваленке вспоминается только хорошее. Можно говорить сразу про обоих, потому что всегда их помню вместе. Я даже не знаю случая, когда бы они были порознь. Помню, первый раз зашел в класс, а они уже сидят вместе.

Учились мы весело, класс был на редкость дружный. Мы окончили школу в 1997 году, а общаемся и дружим до сих пор.

Саша Коваленок и Саша Кострицкий были душой класса. Все происходило всегда по их инициативе. Мы переписывались на уроках литературы стихами, писали стихи о каждом в классе.

Оба они обожали спорт, играли в баскетбол...

Д. Рыбаков:

— Вспоминается много смешных случаев. Например, когда мы ходили в Кунцевщину к другу Леше. Это было летом, и мы возвращались домой

в полдвенадцатого ночи. А в Минске тогда была криминогенная обстановка, и несовершеннолетним не рекомендовалось находиться в такое время без родителей. И мы, одетые в шорты и майки, подумали: если будет патруль, может забрать нас. И тогда мы поснимали майки и сделали вид, что у нас вечерняя пробежка. И это в 12 часов ночи! И так мы побежали в Сухарево...

М. Ажгирей:

— Я всегда по-доброму завидовал феноменальной памяти Коваленка и Кострицкого. Они могли просто на переменке почитать стихотворение и сразу сдать его на четыре или даже на пять. И не важно, большое это стихотворение или маленькое. Саша Кострицкий был в любой компании «своим» человеком. Он обладал хорошим чувством юмора. У него отсутствовали комплексы. Он пригласил нас к себе домой встречать Новый 1999 год. Нам нужно было организовать стол. Саня накрывал, а мы все помогали. Санина собака стащила со стола кусок копченой колбасы. Саша Коваленок носился за ней по квартире с воплем: «Отдай колбасу!». А собака уже успела пожевать эту колбасу и выплюнуть. Это был их последний Новый год. Мы отмечали его всей компанией, человек пятнадцать, вместе с девочками. Веселились всю ночь: пели, танцевали, смеялись, ходили на елку...

Бабушка А. Кострицкого:

— Наш Сашка с самого детства был юмористом. Очень активный, любил всегда что-то организовывать. Уже в пять лет полностью прочитывал газету — совсем как взрослый. Помню, поехали за Негорелое. Я тогда еще не знала, что он умеет читать. И в электричке Сашка начал называть все станции, которые мы проезжали. Я удивилась, а дочка мне говорит:

«Саша у нас уже сам газеты читает, не то что названия станций».

Сашка был очень серьезным мальчиком. Он с родителями и сестрой Танечкой жил в Веснянке. Саша ходил во второй класс, а Танечка — в детский сад, и я часто навещала их. Если мы собирались куда-нибудь идти, он сам закрывал квартиру, смотрел, выключена ли плита, свет. Очень ответственный.

Мать А. Кострицкого:

— Саша научился читать сам. Постоянно прибегал ко мне и спрашивал: «Мама, а какая это буква, а это какая?». Память, как сказал Максим, у Сашки была феноменальная. Запоминал все быстро. Однажды в автобусе начал рассказывать о прочитанной книге про космос. И такие термины употреблял, что мужчина, который сидел впереди нас, оглянулся и сказал: «Ну и детки пошли. Гении с пеленок».

М. Ажгирей:

— В одиннадцатом классе на последнем звонке учительница по математике сказала: «Я запомню всех детей, но вот этих двух Сашек — особенно». Просто таких, как они, больше не было. Лично я таких больше не знаю. Нам с ними было очень весело.

Мать А. Кострицкого:

— Саша очень любил и опекал свою младшую сестру Танечку. Он был ей нянькой. Я не боялась оставлять Таню с Сашей. Я знала, что Саша и накормит Таню, и все будет в порядке.

Бабушка А. Кострицкого:

— Сашка все время забирал Таню из детского сада. А однажды Таня не послушалась брата и

убежала с девочками гулять. Он ее не пускал, а она все равно убежала. И тогда Саша очень обиделся на Таню и целую неделю не ходил ее забирать из детсада.

Мать А. Кострицкого:

— У Саши была ослепительная улыбка, хорошие, красивые зубы. Как улыбался, так сразу менялось лицо.

Саша сам посадил лимонное дерево из косточек и оно выросло. Оно у нас до сих пор. Все, что сажал Саша, с его легкой руки росло очень хорошо и быстро.

Д. Присъ:

— Если у кого-то из нас случались неприятности, оба Сашки всегда приходили на помощь. Они были настоящие друзья.

Мать А. Кострицкого:

— Мой сын был немного вспыльчив, но очень быстро отходил. Я говорю: «Саша, сходи в магазин», — а он в ответ: «А почему я? Почему не Таня? Пусть Таня идет». Посидит в своей комнате, затем приходил ко мне и говорил: «Мама, что нужно купить? Я пойду в магазин». После школы пытался поступить в институт культуры, но не поступил и пошел с Коваленком Сашей в училище № 12. Закончили училище и получили специальность. Затем пошли работать менеджерами по рекламе, разносили каталоги. А потом устроились на завод операторами станков с ЧПУ. Стали получать свои первые деньги. Саша все равно мечтал учиться. Ему очень нравилась работа с людьми. И перед гибелью он снова подал документы в тот же институт, на заводе ему предоставили отпуск для поступления, но сдать вступительные экзамены Саша не успел...

Д. Рыбаков:

— Саша Кострицкий и Саша Коваленок приходили уставшими с завода. Работа у них была посменная. Я знал, что если Кострицкий на первой смене, значит вечером он свободный, и я заходил к нему в гости. А на следующей неделе смены менялись. А в последнее время Саша был в отпуске, и мы много времени проводили вместе. О празднике на Немиге мы услышали по радио «Би-эй». Мы узнали, что будет проводиться интересный массовый праздник и выступление группы «Манго-Манго». Я не знаю, что нас привлекло. Мы часто ходили на такие мероприятия. И решили, что там будет действительно интересно. Ребята поехали немного раньше меня.

М. Ажгирей:

— Мы собрались компанией человек шесть. Сначала мы пошли и погуляли по городу, отдохнули возле речки. А потом я посмотрел на часы: мне надо было ехать домой, готовиться к экзамену. А потом подъехал Денис.

Мать А. Кострицкого:

— Мы с мужем были на даче, дома оставалась только Танечка. Саша не хотел идти на праздник. Да и денег у него не было, чтобы идти туда. Но ребята зашли и сказали: «Саша, ну как мы пойдем без тебя?». За ним зашли мой племянник Игорь и друг Саши. Он собрался, и ребята пошли к Коваленку. Из дому они вышли довольно поздно, где-то в 18.00.

Д. Рыбаков:

— Мы, как и договаривались, встретились возле станции метро «Октябрьская» — Денис, Саня Коваленок и Саня Кострицкий, Леша и Игорек. Я был пятым. Мы пошли посидеть в скверике напротив кафе «Пингвин».

Мы сидели там, а потом все вместе поднялись и пошли по направлению к проспекту Машерова. На небе не было никакой тучи, ничего не предвещало дождя, светило яркое солнце. Шли по улице, смеялись, шутили. Встретили ребят, которые работали с Сашами в одном цехе. И дальше пошли уже вместе. Шли не спеша. Издалека уже была слышна музыка, концерт уже начался. Спустились по ступенькам, повернули направо, перешли дорогу и оказались возле здания клуба «Трудовые резервы». Начался ветер, стало понятно, что пойдет дождь. Мы стояли и не знали, идти нам на концерт или нет. Там еще слышна была музыка, но оттуда уже шла большая толпа людей. На небе была огромная, черная туча. До дождя мы успели дойти до площадки, а когда начался дождь, думали спрятаться под деревья. Мы увидели, что толпа медленно двигалась в переход. Говорили, что в толпе не было пьяных. А ведь они были. Милиции там лично я не видел. Ее там просто не было. Толпа веселая, ведь проводился праздник пива. Люди шли под дождем веселые, пели песни, шутили. Мы тоже влились в эту толпу. Ближе к переходу толпа стала плотнее. Люди пошли медленней. Денис Мандрик, Леша и Коваленок шли чуть впереди нас, а мы с Саней Кострицким в нескольких шагах от них, но видеть их уже не могли, потому что толпа была очень плотной. Люди шли так плотно, что нельзя было свободно ступить шаг. То ты наступал кому-то на пятки, то тебя самого толкали. Мы успели пройти почти всю лестницу, оставалось семь-восемь ступенек, как впереди кто-то упал. Саня Кострицкий схватил меня за руку, чтобы мы не потеряли друг друга. Саня успел крикнуть: «Денис, осторожно, не упади!». Только он успел это сказать, как люди, шедшие впереди, стали падать. Я видел, как упала какая-то девушка. Инстинктивно мы остановились, всего на доли секунды, как сзади ощутили толчок

в спину. Я не успел ничего понять, как уже упал. Я лежу, а на мне лежат уже люди — две девчонки и парень. До падения я не чувствовал никакого страха за свою жизнь, а когда упал... Боль такая, что я был не способен что-либо чувствовать... А больше я не видел никого. Ни Саши Кострицкого, ни кого-то еще из наших.

Мать А. Кострицкого:

— А ведь сказали, что Саша Коваленок лежал на нижних ступеньках. Там, где на стене висят фотографии ребят, кто-то написал: «Саша, ты спас девушку, хотя мог спастись сам». Там еще что-то написано, но я не помню. Я не знаю, кто это написал, а хотелось бы знать...

Д. Рыбаков:

— Я не знаю, кто это написал. Скорее всего кто-то из девчонок. Кстати, в тот вечер у нас была встреча «без галстуков», мы не приглашали девчонок. Решили погулять чисто мужской компанией.

Дождь уже шел, когда мы стали спускаться в переход. Мы остановились, а толпа продолжала напирать. Нас сзади толкнули. В переходе тогда уже не хватало воздуха, дышать было нечем, но, к счастью, я сознание не потерял. Вокруг стоял такой крик, что описать невозможно. Обезумевшая толпа продолжала идти и после того, как некоторые люди уже упали. Лежавшие кричали от боли. У кого была сломана нога, у кого еще что-то. Я упал на спину, на меня упали какие-то девчата, а поперек — довольно здоровый парень. Они все тоже сильно кричали. Одна из девушек периодически теряла сознание. У нее были длинные волосы, которые падали мне на лицо. Единственное, что осталось свободным, это рука. И этой свободной рукой я убирал со своего лица ее волосы, чтобы можно было дышать. Все это ужасно. Страшно такое пережить...

На крик людей вышли милиционеры, которые охраняют порядок на станции метро «Немига». Нам оставалось пройти всего пару ступенек. Мы находились возле решеток. После говорили, что люди проваливались под эти решетки. Это неправда. Решетки были на месте. Со станции вышли два милиционера. Они попытались сдержать толпу. Один из них подбадривал тех, кто подавал признаки жизни. Я вытянул руку, и милиционер протянул мне свою руку и крепко сжал. Он крепко держал мою руку, но мое тело уже ничего не чувствовало. Милиционер успокаивал нас, говорил: «Все будет нормально, сейчас придет помощь».

Мать А. Кострицкого:

— Мы ничего не знали, ведь возвращались домой где-то в восемь вечера. Когда подъезжали к Новинкам, увидели огромную черную тучу. У меня возникло какое-то неприятное чувство, подумала, что к нам снова идет циклон. Дома я спросила у дочери: «Танечка, а где Саша?». Таня ответила: «Пошел с ребятами гулять».

А потом, где-то в часов одиннадцать, нам уже из больницы позвонил Денис...

Д. Рыбаков:

— Я точно не помню, но в справке указано время, когда меня доставили в больницу. Где-то в половине десятого, точнее сказать не могу. Милиционер держал меня за руку и успокаивал, как мог. А ребята стали кричать: «Назад, назад!». Это чтобы толпа остановилась. Из завала человеческих тел выбрались те, кто сам смог выбраться. Они поснимали с себя куртки и стали махать и кричать людям наверху, чтобы те остановились и отступили назад. К тому времени подоспел ОМОН, и толпу удалось остановить. И милиционер говорил мне,

что помощь уже близка. Там, сверху, уже подымают людей. Я приподнял голову и увидел, что ребята из ОМОНа уже работают. А потом все поплыло перед глазами как в тумане. Дальше я ничего не помню. Помню лишь, что сотрудники ОМОНа вынесли меня из перехода и посадили на то место, где сейчас написаны слова памяти о погибших. Я ничего не соображал, только видел, что вокруг бегают люди, стоят кареты скорой помощи. Меня доставили в 3-ью клиническую больницу. У меня был разрыв связок ноги.

Мать А. Кострицкого:

— Денис позвонил нам и сказал: «На Немиге была давка. Ищите Сашу по больницам». Он еще сказал, что они шли вместе, а затем их разбила толпа. Я позвонила в милицию. Там мне дали какой-то номер телефона. Я позвонила по нему и спросила: «Что случилось на Немиге?». Мне там ответили: «На Немиге произошло чрезвычайное происшествие, была давка». Я спросила: «А погибшие есть?». Они ответили: «Да, к сожалению, погибшие есть». И мы с мужем часов в одиннадцать поехали по больницам искать Сашу. И только в больнице мы поняли, что случилось ужасное. В больницах никто ничего не знал, там не могли дать информации, кто и где, в каком состоянии находится. Не было никаких списков, никто ничего не мог сказать вразумительного. Еще никто не знал, сколько погибших. И конечно, никто из родственников не разыскивал своих близких в числе погибших. Ездили по всем больницам и разыскивали пострадавших. Думали, что они находятся без сознания. Те, кто был в сознании, назвали свои фамилии, и были составлены и вывешены списки. Саши в этих списках не оказалось. Я тогда еще не знала, что домой не пришел и Саша Коваленок.

В 10-й клинической больнице нам сказали, что погибших много. Пропустили на опознание, но наших Сашек ночью еще не было в 10-й больнице, их потом доставили туда. Эта была самая страшная ночь в нашей жизни. Ни в одном фильме ужасов такого не увидишь...

Мать А. Коваленка:

— Сашки шли по центру ступенек и попали в самую середину толпы. Они шли одними из самых первых. Кто-то упал, идущие споткнулись об упавшего и начали падать...

Д. Мандрик:

— Мы шли рядом с Лешей. Затем я упал. По правой стороне я видел Лешу, он тоже упал. Потом я вообще никого не видел. Мне зажали обе ноги, я не мог шевелиться. Как-то удалось освободить правую ногу, а левой нельзя было даже пошевелить... А потом со стороны метро начали постепенно разбирать завал из упавших людей. Вытащили и меня — ко входу в метро. Вытащили какие-то ребята, которые сумели освободиться раньше. Я не мог помогать поднимать людей — очень сильно болела нога. Я видел, что вдоль стен перехода сидели пострадавшие, видел, как милиционеры отсекли хвост толпе, которая все еще пыталась идти вниз. Я сидел возле стены, а потом зашел в метро. Хотел позвонить домой, но мне не разрешили. А назад меня не пропустили милиционеры, чтобы не создавать толпу. Я подождал, пока всех разнесли. Там больше никого не было, только осталась куча обуви и сумки. Я поднялся вверх по тем же ступенькам. Встретил Лешу, со сломаной ногой. Мы нашли свою обувь и опять поднялись наверх. Обувь была в таком состоянии, будто она попала под поезд. Наверху мы немного пришли в себя. Никого из наших ребят мы не видели.

Из людей, которые выносили пострадавших наверх, было всего человека два-три в штатском, а остальные были омоновцы...

Д. Рыбаков:

— По-моему, эта трагедия не произошла бы, если бы было достойно организовано такое массовое мероприятие. В первую очередь, должны были обеспечить безопасность участников, и прежде всего милиция.

Мать А. Кострицкого:

— Сашенька Коваленок часто заходил к нам, и всегда с улыбкой на лице. Он был высокий, худенький. Постоянно воспитывал мою Таню...

Мать А. Коваленка:

— Имя «Саша» дал сыну муж. Мужу очень нравилось это имя. Маленьким Саша был очень болезненным. С детства худенький, рос слабеньким. Врач предупреждала, чтобы Саша не заболел воспалением легких, наказывала очень беречь его. Но Саша все равно всегда простужался, всегда ходил с насморком. Несмотря на это, Саша участвовал в походах, очень любил путешествовать. Конечно же, с ребятами из своего класса...

Я совершенно не представляю, почему Саша погиб в этом переходе. Мне почему-то кажется, что Саша мог спастись...

После смерти мужа Саша был мой первый помощник. Когда он пошел работать, мне стало полегче. Он работал и по субботам, чтобы помочь семье. Сашка был самоучкой, сам научился играть на гитаре. Если что-то ломалось в доме, Саша обязательно чинил. У него это получалось само собой. Что он мог успеть за такую короткую жизнь? Почти ничего не успел... Он только-только возмужал, только начал

расти. Сашка сильно переживал, что маленького роста. А потом как-то незаметно вырос — и стал высоким. Когда Саша пошел работать, нам сразу стало легче. Я воспитывала его одна, муж умер, когда Саша учился в девятом классе...

У меня не было никаких предчувствий, что может случиться что-то страшное. А вот у самого Саши — были. В тот день, 30 мая, он очень поздно встал. Обычно между ним и сестрой возникали ссоры, кому в комнате прибирать. А в этот день Саша прибрал в комнате, застелил постель. Я сказала: «Саша, сегодня Троица, а ты пол подметаешь». Саша мне в ответ: «Ай, мама, я хочу, чтобы в комнате было чисто». Он убрал, потом поел, поблагодарил: «Мама, большое спасибо, все было очень вкусно». Я посмотрела на него, сказала: «Ты у меня сегодня какой-то чудной, что-то с тобою сегодня не то». А он: «Ничего, мама, все хорошо». Потом сказал: «Все, я пошел». Я стала ждать его. Саши все нет и нет. Я сначала не волновалась, решила, что он с ребятами куда-то пошел. Ведь не было такого случая, чтобы он не ночевал дома, всегда приходил домой вовремя. Самое позднее — в одиннадцать — начале двенадцатого. Я ждала и думала: может, он у Саши, может, с кем-то из ребят поехал на дачу? Легли спать. Наутро увидели, что Сашка не приходил. Сказала Тане сходить к Кострицкому домой — у нас же не было телефона, чтобы позвонить и узнать...

Мне кажется, что моего сына придавили сразу, а иначе он бы обязательно спасся. Мне кажется, Саша сумел бы вылезть из этого завала...

Мать А. Кострицкого:

— Мне тоже так кажется. Кроме того, мой сын был физически очень крепкий. Саша занимался спортом, «качался». У него были сильные накаченные ноги, широкие, крепкие плечи, очень мускулистый парень.

Я до сих пор не могу понять, как Саша мог погибнуть. Думаю, что, может, Саша наклонился кого-то поднять и... Он никогда не болел. С самого детства он никогда не доставлял нам хлопот...

Бабушка А. Кострицкого:

— Меня удивляет только одно. Саши были очень дружны, и почему же так случилось, что и погибли они вместе? Может, это судьба? Почему, почему погибли именно эти два закадычных друга? Они были все время вместе, рядом. И даже в морге их нашли тоже рядом...

Мать А. Кострицкого:

— Я поехала в морг забирать Сашины вещи... В одном пакете нашла Сашину записную книжку, блокнот и бумажник и блокнотик Саши Коваленка. Как он там оказался? Ведь они же шли не вместе. Пусть на несколько ступенек выше, но не рядом же?

Бабушка А. Кострицкого:

— У меня было такое чувство, что кто-то погибнет, но я даже не могла предположить... Я виню себя за то, что никого не предупредила о своих предчувствиях. Я долгое время видела сны, которые предупреждали меня о беде. Однажды мне приснилось, будто я захожу к себе в квартиру и вижу, что мухи облепили все стенки. Если человек видит мух в таком количестве — где-то кто-то умрет. А еще такой сон. Я иду и вижу очень крепкое дерево. И на моих глазах это дерево взяло и упало. Это тоже снится к чей-то смерти. Я чувствовала, что кто-то умрет. Но с детьми я об этом не говорила. А в последнюю ночь, когда уже разыскивали Сашу, мне приснился еще один сон. Никто же мне не позвонил и не сказал, что Саша не вернулся домой и что они его разыскивают. И вот снится мне большое поле, оно разделено

на большие участки. Напротив каждого участка — яма, и возле каждой ямы — песок. Я хожу по этому полю и вижу, что на нем выделили участок и нам. Дальше вижу забор. Я зашла за этот забор, посмотрела и вернулась обратно к ямам. Потом я вижу, что люди насыпают в ведра землю и разносят. А я пришла к своему месту, нагнулась и посмотрела вниз. Яма была очень глубокая. Я набрала ведро песка и уже хотела нести, но почему то не понесла, из-за чего — не помню... А потом, когда нам дали место на Чижовском кладбище (там уже похоронены наши родственники, и Сашу мы тоже решили похоронить там), приехали туда и видим, что могилки выкопаны под самым забором. Семь могил. И то, что я видела во сне, я увидела наяву. Я заплакала и говорю: «Подушили наших детей, да еще и под забор выбрасываете. Неужели не нашлось другого места, как под этим забором?». Милиционер какой-то посоветовал мне поискать директора кладбища и поговорить с ним. А тут директор сам подошел к нам. Я опять заплакала: «Это же надо, под забором детей хоронить». И тут он сказал: «У нас на пригорке есть очень хорошее место». Место, которое они нам выделили, и правда очень красивое. Две березки там, хороший песочек. Попросила, чтобы здесь вырыли не одну, а две могилки: «У нас погибли два закадычных друга, они всегда были вместе, пусть и здесь они тоже будут вместе».

Эти сны — предупреждение. Я уверена, что сны нас предупреждают об опасности, и их надо брать во внимание. Хотя избежать того, что должно случиться, наверное, нельзя...

Мать А. Коваленка:

— Таня тоже хотела пойти 30 мая на праздник. А ее подруга уснула. Таня обиделась на нее и осталась дома. Потом подруга проснулась, и они собрались

идти. Пошли, но долго не могли уехать, не было транспорта. Ждали-ждали, а потом увидели, что погода стала портиться, и решили никуда не ехать, остались дома. Таня так рвалась на праздник, так ей хотелось там быть...

Мать А. Кострицкого:

— Я ходила в августе на суд, который отложили. Конечно, сейчас сложно судить о том, что там случилось, но этого, конечно же, могло и не быть, если бы к празднику подготовились. А никакой организации его не было вообще.

Мать А. Коваленка:

— Если бы организация была, то никто бы не пропустил такую огромную толпу в этот переход. Может быть, закрыли бы вход в метро. Ведь скопление людей даже на ровном месте и то небезопасно, а тем более — на ступеньках.

Д. Рыбаков:

— Ведь случаи массовой гибели в толпе уже известны в истории. Психология толпы страшна. В толпе человек пытается в первую очередь спастись сам. Я лично не знаю, как нужно вести себя в такой ситуации. Единственное, что я знаю, так это то, что из толпы необходимо обязательно выбраться. Если бы там были хоть поручни! В этом переходе с левой стороны поручня нет. Возможно, если бы были поручни, кто-то смог бы держаться за них и тем самым спасся бы. Я считаю, что если бы была организация, если бы милиция перекрыла переход, ничего бы не произошло. Им просто нужно думать, они должны предвидеть, что транспорт ходит редко и что все люди побегут именно в метро. Ведь там же негде даже укрыться. Голое место, и только через дорогу остановка...

Бабушка А. Кострицкого:

— Не может быть, чтобы там не было милиции. Для чего тогда вообще нужна милиция? Ведь когда начался дождь, милиционеры попрятались в автобус. Чего они прятались? Они же находились там для того, чтобы люди соблюдали порядок на этом празднике.

Мать А. Кострицкого:

— Димочка Прись заказывал службу. Я никогда не сталкивалась с этим и поэтому даже не знала, что делать. Они все это делали сами. Ребята не остались равнодушными к нашему горю, откликнулся весь класс. И мальчики, и девочки, и Максим, хотя у него самого горе — недавно погиб его отец. Я помню, что Саша пришел тогда ко мне и сказал: «Мама, еще недавно отец Максима возил нас к себе на дачу. И вот, пожалуйста, человека не стало. Его сбила машина...». Саша был в сильнейшем шоке от происшедшего.

У них замечательный класс, они не забывают один одного. И после окончания школы они все время были вместе. У них возле школы есть площадка, на которой они постоянно собирались.

Мой сын очень любил петь. Помню, Саша пел дома в своей комнате под гитару. Все мальчики очень увлекались техникой, автомобилями, компьютерами. Помню, когда мы купили машину, то ребята много времени проводили около нее. И Саша Коваленок, и Денис Рыбаков... А сын очень хотел научиться водить машину и получить права. Не успел...

Он ничего не успел. У Саши было очень много планов. Он дружил с девочкой Ингой, которая писала ему стихи. С ней он познакомился буквально за две недели до гибели. Саша очень увлекся этой девочкой, постоянно «висел» на телефоне. Я даже злилась на него: «Саша, ну сколько можно? Ведь никто к нам не дозвонится».

Саша был очень хозяйственный, домашний. С отцом ремонт в квартире сделали. За что бы он ни брался, все у него получалось. Ему было всего девятнадцать, а все умел делать. В бытовой технике разбирался лучше меня. Когда я пользовалась соковыжималкой или шинковкой, спрашивала у Саши, как надевать ту или иную насадку и для чего она предназначена. Саша мне все делал. Даже пылесос починил. Чувствовалось, что в доме был настоящий мужчина...

Бабушка А. Кострицкого:

— Того, что случилось у нас, не случалось нигде. Хоть это и грех, но я говорю: как будто какая-то нечистая сила налетела тогда на них. Эти бедные дети так измучились в этом переходе и погибли. На то, что произошло в этом переходе, была не Божья воля, — там орудовал сатана. Я до сих пор не понимаю, как это люди могли давить друг друга до смерти...

БОБРИКОВА Ольга

Рассказывают мать Лариса Болеславовна и отец Валерий Дмитриевич Бобриковы, друг Оли, студент БГПА Александр Измашкин и учительница школы № 46 г. Минска Ольга Петровна Киселева

Мать:

— Когда я сама была маленькой, мне очень нравилось имя Оля. Я думала, если у меня будет дочка, то назову ее обязательно Олей.

Отец:

— А я хотел назвать дочку Леной. Тогда модным было имя Лена. Даже среди девочек, которые погибли, много Лен. Я Ларисе в записке в роддом написал, что назовем Леной, а Лариса говорит: «Я уже зову ее Олей!».

Оля так Оля. Оле самой нравилось ее имя. Оно ей подходило. Когда дочь подросла, она была очень довольна, что мы ее именно Олей назвали.

Маленькой она очень боялась оставаться одна. Не знаю, с чем это было связано, но боялась. А так получилось, что школа оказалась переполненная, с продленкой было трудно. Приучить дочку оставаться одной? Вот уже уговорили ее. Она говорит: «Все, остаюсь одна!».

Первый раз мама оставила ее, вышла на улицу. Оля выскакивает на балкон и что есть мочи кричит: «Мама, я боюсь!». Мама прибежала, расплакалась, посидела с ней — и поговорила, и поругала, оставила и опять пошла. А сама с работы звонит мне и плачет: «Что она там делает?». Я отпрашиваюсь с работы, приезжаю, открываю тихонечко дверь в квартиру, вижу — сидит на диване.

Успокоилась уже, но глаза зареванные. А потом постепенно привыкла. А когда уже была в старших классах, стала говорить: «Вот когда вы уедете в деревню, мне еще лучше, я сама себе хозяйка. За меня не волнуйтесь, я себе картошки сварю, и будет порядок».

У меня техническая специальность, и мама у Оли радиоинженер. Вот Оля сказала: «И я буду инженером». У нее были способности к математике. На первом курсе они уже на металлорежущих станках работали, ей понравилось — прибежала домой, показала, какой болтик выточила. Она говорила: «Вы не волнуйтесь, вот мы окончим с Сашей (Саша — друг, с которым Оля вместе училась в лицее и БГПА)

академию, пойдем работать на завод “Форд”». Она много занималась, не пускала учебу на самотек. Но если к ней обращался кто-либо из друзей со своими проблемами, то откладывала все свои дела, чтобы помочь. Конечно, она говорила нам, куда идет. Такого не было, чтобы мы не знали, где она. Сейчас время такое сложное... А потом, когда она с Сашей подружилась, то мы стали уже спокойны. Где бы они ни были, он всегда ее приведет домой или посадит на автобус и позвонит нам, а мы уже ее встретим. С Сашей они познакомились в лицее. Однажды, в мае этого года, Оля приходит домой веселая, настроение такое хорошее, просто на крыльях прилетела. Я говорю: «Оля, что случилось?». Она говорит: «Папа, я такая счастливая, самая счастливая в мире. Сашка мне в любви признался!». И только после этого мы поняли, что Оля со школьных лет любила Сашу.

Когда Оли уже не было, одна из лучших ее подруг, Оля Власова, пришла и сказала: «Я очень завидовала Оле, потому что она всегда говорила, что для нее мама — не просто мама, а мама-подруга». Они с мамой вели самые доверительные разговоры. Иногда Оля не соглашалась с мамой, говорила: «Сейчас так, как вы с папой живете, жить нельзя, я так жить не буду». Доход у нас небольшой, поэтому приходится рассчитывать, чтобы хватило до конца месяца. А вдруг заболеешь? Оля говорила: «Ты, мама, во всем себе отказываешь, говоришь: давай лучше завтра. Надо жить по-другому. Надо жить сегодняшним днем, жить и радоваться. А завтра ты проснешься, и будет видно, что будет завтра».

Мать:

— Я приду когда-нибудь расстроенная, а Оля мне говорит: «Мама, ну что ты такая расстроенная, ну я же у тебя есть, не расстраивайся. Я же у тебя есть».

Отец:

— Она всегда могла успокоить, особенно маму. Не все в жизни гладко бывает. Но Оля всегда могла найти нужное слово, чтобы погасить ссору, чтобы все довольны остались. Оля была связующим звеном. Сама недовольства никогда не выражала.

Оля любила животных, хотела завести собаку, но мы ее отговорили: собаке надо уделять много времени. У нас живет кошка. Олина кошка. Я выхожу утром на работу — котенок сидит на площадке возле нашей двери. Я котенка в лифт вместе с собой, отправил на первый этаж. А потом, оказывается, котенок поднялся и опять сел возле нашей двери. А потом Лариса звонит мне на работу и говорит: «Тут котенок к нам пришел, мы его взяли». Оля сказала: «Давайте заберем, он сам к нам пришел. Это же счастье и богатство в дом!». Сама придумала ей имя — Тина. Ласковая кошечка, аккуратная, все ее полюбили. А когда Оли не стало, мы сказали: «Сколько Тина будет жить, она будет жить у нас». А через три недели после того, как Оли не стало, кошка на окне сидела и нечаянно свалилась с шестого этажа. Правда, дня три полежала — и все нормально.

А на день рождения Оля так ни разу и не смогла собрать подружек, друзей. В августе обычно все разъезжаются. В этом году она думала, что получится: она не поедет в деревню, будет в Минске.

В воскресенье 30 мая Оля была утомленная физически: весь май она занималась курсовой работой по вычислительной технике.

В тот день я уже собирался ложиться спать. Было около десяти часов. Вдруг звонит сестра Саши, Олиного друга, с которым они вместе были на празднике. Она дрожащим голосом сообщила нам эту страшную новость. Я сразу не мог осознать. Подумал: может, ошибка? Не знаю, как мы перенесли эту ночь. Там же, во 2-й больнице, лежало 28 человек

в коридоре, закрытые простынями, — трупы. Те, которые подавали признаки жизни, были в реанимации. Многие люди приезжали — искали своих детей. Фамилии погибших были еще неизвестны. Но мы уже знали. Саша нам показал: «Вон там она лежит». Но нас туда не пустили, сказали, что всех повезут в больницу на Кижеватова. Где-то в одиннадцать мы поехали туда. Приехали сестра с мужем на машине, они нас возили. Приехали на Кижеватова. Там нам говорят: «Нет, их в 10-ую больницу повезут». Мы поехали в 10-ую.

Около часа ночи приехали, а там как раз «скорые» разгружают. Наверно, три или четыре машины прямо при нас выгружали. Но Оли не было там. Я подхожу к милиционерам и говорю: «Пропустите меня туда, мне надо опознать свою дочь, я вам протокол подпишу и все...». Они в ответ: «Мы ничего не знаем, завтра вам всем позвонят». Я говорю: «Как вы завтра звонить будете? Вы что, спросите у них, кто они?». У них там свои порядки. Я не знаю, почему они не пускали. Потом вышел работник судмедэкспертизы, и меня пропустили. Я считаю так: если человек ищет и хочет опознать, они обязаны его пустить. Пусть он посмотрит: нет — он уйдет. Когда я увидел свою дочь мертвой на каталке, надежды уже не оставалось. Невозможно описать то состояние, в котором я находился в тот момент: слезы катились из глаз, комок сжимал горло, было так тяжело, что я еле устоял на ногах. После опознания они бирочку к руке привязали. Часы на руке и сережки золотые — их не сняли. Подписал я протокол. Это было с часу до двух ночи. Все правильно им назвал, они при мне записали: Бобрикова Ольга Валерьевна.

Появляются списки первого числа в газетах, а там — «Бобрякова».

И по всем газетам так. Я звоню в редакцию и говорю: «Вы исказили фамилию моей дочери». Мне от-

ветили: «Нам списки горисполком предоставил». Позвонил в горисполком... Потом все-таки «Советская Белоруссия» напечатала, что позвонил в редакцию отец... Они сослались на меня, как будто не уверены были, что я правду говорю. А наши знакомые из других городов списки читали, но там была указана не наша фамилия...

На следующий день мы поехали забирать Олю. Было уже десять часов утра, а нам не могли четко сказать, что надо делать.

Пришлось обратиться в мингорисполком. Попали к Чикину. Он сказал: «Ничего не надо покупать, все привезут, все будет куплено».

Без всяких вопросов выделили место на Восточном кладбище. Нам очень помогли сотрудницы жены: полгорода объездили, но выбрали самый лучший наряд для Оли.

К 15 часам привез Олю домой. Она как куколка лежала — красивая, в свадебном наряде, лицо не поврежденное, как живая... И только теперь начинаешь осознавать, что это уже все — мы никогда ее не увидим, никогда не поговорим. Это никогда не забудется, не знаю, сколько надо времени, чтобы это как-то сгладилось...

Мне руководитель следственной группы Комаровский сказал, что ему лично были ясны все причины случившегося еще в конце июня. А первого августа он ушел в отпуск. Если бы ему было не ясно, то он, видимо, не пошел бы в отпуск. Я попытался спросить, что за причины? Он говорит: «Я не могу докладывать теперь, следствие еще не закончено». Но стал рассказывать физику процесса: вот люди шли по ровной поверхности — скорость была одна, стали по ступенькам спускаться — скорость движения стала другая, и произошло столкновение потоков на разных скоростях. Тут получаются и падения. И еще в это время ударила молния, и на

перекрестке погас светофор, перебило провод. И после этого народ еще сильнее хлынул. И тогда я сказал ему: «Если после окончания следствия будет доложено, что это только физика процесса и виноваты погодные условия, мы, родители, с этим не согласимся и будем всяческим образом проявлять свое неудовольствие, потому что следствие проведено недосконально. Ведь если выделены определенные силы, которые должны охранять, они должны были все это предусмотреть. Тем более если физика процесса ясна. Значит, они могли предусмотреть. Там было два автобуса милицейских работников. Следователь мне говорит: «Да, там сидели, но это на всякий случай, чтобы предотвратить хулиганство, но хулиганства не было...». А я считаю: если бы молния сразила по дороге к переходу, можно было бы сказать — стихия. Но они погибли в переходе, значит, допустили их туда. Значит, как минимум, неправильно распределены силы, значит — не было квалифицированного руководства.

Ошибки, допущенные работниками МВД, стоили жизни 53-х человек. И не согласиться с этим невозможно.

Конечно, нельзя обвинять рядовых милиционеров, которые где-то сидели или стояли. Но у них были руководители, которые должны были отдать распоряжение до того, как пошел дождь. Все же знали, что будет дождь. А в утешение следователь мне сказал: «Я же не говорю, что это была причина, я сказал, что это способствовало». Просто так сказать, что нет виновных, — это несправедливо. Это же город. И молодежь будет продолжать собираться. Некоторые говорят: не надо было ходить. Но ведь праздник организовали. Те, кто должен был охранять порядок, сильно промахнулись. Если бы все организовали как следует, не было бы таких массовых жертв. Ведь как в мясорубке получилось.

И мы до сих пор не уверены, что там не находились специальные силы, которые способствовали случившемуся.

Мать:

— В тот день, когда Оля погибла, у нас с утра был такой разговор о сестре моей матери. Она сказала: «Мне никто не верит, что у меня есть бабушка Мальвина. Все смеются, что это как в сказке про Буратино». А я говорю: «Оля, а ты знаешь, какое у нее несчастье было? У нее муж погиб, а потом девочка сгорела — семи лет». Она говорит: «Это так страшно, ребенка хоронить!». В этот же день ее не стало. А еще за месяц до этого был разговор. Оля сказала: «Я стариться не хочу, быть старенькой не хочу». Я ей говорю: «Ну, так же нельзя, надо жить!». Она говорит: «Ну, я не то чтобы прямо сейчас, но быть дряхлой я не хочу!». А еще мы говорили о том, чего она боится. Она как-то раньше всего боялась. А тогда она сказала: «Самое страшное для меня — умереть на улице».

Друг:

— 30 мая мы вместе с Олей были на Немиге... Мне друг по телефону сказал, что будет праздник, дискотека, концерт. Я Олю пригласил. Она любила такие мероприятия, любила живой звук. Мы приехали туда вечером — после 18 часов только из дома вышли. На празднике побыли недолго — минут сорок.

Оля успела взять автограф у солиста группы «Манго-Манго», когда она готовилась к выступлению. Прошла к сцене, ее милиционер пропустил. Там оцепление стояло, но она уговорила милиционера пропустить ее. Оля такая довольная вышла...

Пьяные на празднике присутствовали, но их было гораздо меньше, чем обычно бывает на празднике города, хотя 30 мая на Машерова собралась одна молодежь.

Когда мы только приехали, патруль забирал пьяного, лет двадцати. По человеку было видно, что уж очень много принял. То есть, если кто-то был очень пьян или агрессивно себя вел, тех забирали. Милицейское оцепление было по периметру площадки, это те милиционеры, которые защищали выступающих. Кроме того, ходили патрули. Были ли машины «скорой помощи» до того, как все случилось? Я не припоминаю, чтобы там дежурила машина.

Мы собирались уезжать с праздника, еще до дождя. Нам не очень понравилось там, на этом концерте. Мы собирались поехать в парк Янки Купалы или парк Горького. Просто поехать в парк. Ведь если бы даже дождь и не пошел, там бы все продолжалось минимум час, да еще подарки должны были раздавать. А мы уже хотели уехать. Нам бы хватило двух минут, чтобы уехать... Если бы мы дошли до дверей в метро, мы бы уехали...

Сначала появились тучки, потом гром, молния... Дождя еще не было, только ветер очень сильный поднялся. Песок прямо глаза засыпал, невозможно было идти. Когда мы пошли к метро, молния уже сверкнула, но дождя еще не было, и очень сильный ветер. Мы шли быстрым шагом, но не бегом. И в переход мы не бежали. Ливня мы не застали. Входили — не было ливня, и, когда я выходил, ливень уже прошел. Нам оставалось спуститься метра два-три. Мы были на пятой-шестой ступеньке. Первую часть лестницы мы прошли спокойно — там народу было примерно столько, как на любой станции метро в час пик. Не разгонишься, конечно, но никто тебя не толкает. Так мы прошли первый пролет, а потом хлоп — и подхватило. Уже дальше не управляешь движением. Сзади был какой-то толчок. Я до этого Олю под руку держал, а потом взял за руку, чтобы она не упала — она же легкая. Думал: сейчас пройдем, и все. Просто держал ее. И тут как понесло — нас из центра откинуло прямо к стенке.

Мы, когда спускались, шли посредине. Последний момент, который я помню, это когда мы были прижаты к стенке.

Я не знаю, почему не проходили вперед... Но наш друг Сергей, который был с нами, и следователь говорили, что там попадали люди. Получилась гора людей, как стенка, — они запутались, так что потом не достать было. В них как будто бы и уперлась толпа. Но толчок я почувствовал. Мы подходили к другому пролету, тут как дoff — и все. Когда мы шли, то видели, как люди спускаются. Казалось, вот-вот и мы будем ■ метро. Там многих раздавили. Но мы не видели упавших, не наступили ни разу ни на кого. Кричать мы начали, когда остановились, а сзади все давили ■ давили. Девушки начали сознание терять. Сначала не осознавали, что происходит.

Каждый, наверное, думал, что как-то пройдет. А когда поняли, что ни туда ни сюда, стали кричать. Я крикнул раза два, а потом уже никаких сил не было кричать. Там, внизу, где совсем нечем дышать, чувствовалась какая-то сплоченность спонтанная. Все стали кричать — в один голос. Там не было такого, чтобы кто-то кому-то что-то плохое делал или за счет кого-то хотел выжить. Сергей, вместе с которым мы пошли на праздник, находился ■ метре от нас. Он пару раз спросил, как Оля. А потом я его уже не видел. Когда выходил, я его тоже не видел. Только потом ему домой позвонил.

Так получилось, что мы были совсем рядом, но потерялись...

Что меня еще вначале поразило, когда были еще силы возмущаться и удивляться, — что в переходе ходили люди.

Сейчас говорят, что там навал был... А тогда я не понимал.

Вижу, что люди в четырех метрах от нас ходят, а тут пройти никто не может. Там кто стоял, кто

сидел, кто ходил. Они могли свободно перемещаться, они не были сдавлены. Там было много людей. А тут люди стоят, их давят, а они идти дальше не могут.

Мешало то, во что уперлась толпа. А потом уже такое состояние, что все как в тумане, ничего не воспринимаешь...

Возле нас упавших не было. Некуда упасть. Я даже не стоял — меня прижали и держали. Я вытягивался вдохнуть воздуха, настолько мышцы ног устали, что я уже не на своих ногах стоял, а меня держала толпа. Все это длилось не менее 15—20 минут. Хотя, конечно, это относительно... Всегда такие минуты кажутся долгими. Поэтому я не могу быть точным. Оля потеряла сознание, я ударил ее по щекам, чтобы пришла в сознание. Она просто говорила: «Саша, Саша...». Я говорю: «Оля, потерпи, сейчас выйдем». Я действительно так думал. Я не осознавал, что возможно что-то другое. Я потом кричал: «Оля, Оля!». Не было никакого результата. Она была сбоку от меня, как я ее за руку держал, так и получилось. Передо мной девушка стояла, за мною две девушки, а сзади — парень. Передо мною девушка была к стенке прижата. Не знаю, что с ней. Она, как и Оля, не говорила, глаза закрыты, но толпа не давала ей упасть. Когда людей уже растаскивали, место освободилось, Оля медленно-медленно стала сползать по стенке. Когда все выходили, я стал, уперся, чтобы на нее никто не встал. Она вроде бы как просто села.

Когда люди уже более или менее вышли, к нам подошли парни. Я говорю: «Ребята, заберите ее, девушка сознание потеряла». И парень, здоровый такой, взял ее на руки и понес. Когда я выходил, видимо, уже всех вынесли. Я в переходе не видел ни одного человека, на котором бы стояли. Видимо, это было в самом низу. Когда вышел, то увидел раненых.

Я не сразу вышел. Сначала до первых ступеней мне милиционер помог подняться. Потом я говорю: «Все, хватит. Идите, там еще люди, помогайте спасать». Сел прямо там на ступеньках. Олина сумка у меня еще была, а в сумке бутылка минералки. Я ее достал, говорю парню: «На, открой!». Я сам не мог даже бутылку минералки открыть. Он открыл и говорит: «Дай мне тоже, пожалуйста!».

Мне помощь оказал милиционер. Но обычных ребят среди тех, кто оказывал помощь, было на порядок больше. Первыми ко мне подошли два парня, которые забрали Олю, а потом уже милиционер подошел. Эти парни сверху спускались. Все, кто спасал, были сверху.

Я вышел наверх, не мог стоять — сел на землю, посидел.

Потом пошел туда, откуда «скорые» увозили людей, сел на бортик. Думал: если Олю будет забирать «скорая», я сразу увижу. Но видимо, ее уже забрали. У милиционера я спросил: «Если девушка сознание потеряла, куда ее могли отвезти?». Он говорит: «Скорее всего во 2-ую больницу». Я тогда еще думал, что она живая. В больнице я тоже спросил: «Если без сознания, то где можно у вас найти?». Мне ответили: «Смотри вон там!». Она оказалась среди трупов.

Можно ли было предотвратить эту трагедию? Если знать, что такая трагедия возможна, то, естественно, можно принять меры.

Но предположить, что такое может произойти, сложно. Именно поэтому, я думаю, так произошло.

Сейчас мне очень не хватает Оли. Чувствуется пустота, вакуум...

Учительница:

— Память — удивительное свойство человека, которое вновь обращает нас в прошлое. Мне казалось,

что я легко могу рассказать об Ольге, но в действительности это очень трудно. Помню ее энергичной, юной девушкой, излучающей удивительный свет добра и нежности. В нашу 46-ую среднюю школу г. Минска она пришла после окончания девяти классов и успешной сдачи вступительных экзаменов по физике и математике в лицейские классы при Белорусской государственной политехнической академии. Вспоминаю первую встречу. Стою на крыльце и жду своих учеников перед линейкой. Мне очень интересно, какими будут ученики-новички лицейского класса. Ребят и девушек своей школы я знаю, а вот новеньких — нет. Вижу довольно высоких и широкоплечих юношей, а среди них двух очень хрупких девчушек: одна из них — беленькая, с короткой стрижкой. Это и была Оля Бобрикова. Как-то сразу обратила на нее внимание. Возможно, потому, что у нее были такие широко раскрытые глаза и удивительная улыбка. Потом я много раз наблюдала, как могло меняться выражение ее глаз — от грустно-задумчивого до шаловливо-игривого. Первое коллективное мероприятие — поездка класса на концерт ансамбля «Верасы» на стадионе «Динамо». Этот вечер запомнился надолго. Ребята после концерта задержались. Около часа ночи раздался телефонный звонок. Это звонила взволнованная Олина мама. Оля не пришла еще. Ночь была бессонной. Оказывается, Оля и Саша Измашкин опоздали на последний транспорт и шли домой пешком к Саше (его дом находился ближе), а оттуда родители Саши на такси отвезли Олю домой. Потом было много еще поездок в город, но подобных ошибок ребята больше не совершали. Прекрасные последний звонок и выпускной бал. Уже на выпускном мы знали, что все лицеисты стали студентами Политехнической академии. Ребята ушли встречать рассвет.

Вот такими юными и прекрасными они останутся в нашей памяти...

ПОДЖАРАЯ Мария

Рассказывает мать
Галина Яковлевна Поджарая

— Маша училась по специальности инженер-строитель на факультете энергетического строительства нашей Политехнической академии. Я настраивала свою старшую дочь учиться, пробивать себе дорогу в жизни. Говорила: «Ты уже в десятом классе должна выбрать себе специальность, подумать, какие предметы надо особенно готовить». Маша была очень усидчивая, никуда не ходила. На дискотеки — только на школьные. Спокойная была, послушная, работоспособная, много читала. В детстве ходила в танцевальный коллектив. Но обладала таким качеством — не любила, когда ею командовали. А учительница танцев как-то раз грубо с ней обошлась. После этого Маша сказала: «Я не могу туда больше ходить». Занималась волейболом, ездила на соревнования. Хорошо вязала и шила. В десятом классе окончила курсы машинописи на отлично. Если я запрещала ей идти куда-нибудь, она оставалась дома, не спорила. Маша не смотрела на людей свысока, в школе всегда давала списывать...

У нее было много друзей. Недавно прихожу на кладбище — букеты цветов на могиле. Это побывал тут ее одноклассник Дима. Он женился. И сказал жене и друзьям: «Сейчас поедем к Маше на могилку, завезем ей цветы».

Из Минска домой в Новолукомль Маша приезжала раз в месяц.

Мне хотелось дать детям такое воспитание, чтобы они больше знали. Мне казалось, что, если они

будут больше ездить, смотреть, жизнь их будет интереснее. Когда Маше было восемнадцать лет, я ей и младшей дочери купила билеты в Москву. Там живет мой двоюродный брат. Они четыре дня в Москве были. Впервые поехали так далеко самостоятельно. Когда я их встречала, Маша сказала с восхищением: «Мама, ты многое в жизни видела, но такого не видела!».

Когда у Маши был день рождения, мы у нее спросили: «Что тебе подарить?». Она ответила: «Машину!». Мы купили коротенькую золотую цепочку и игрушечную машинку. Сказали: «Вот тебе машина!». Маша была очень рада. Она не думала, что мы ей цепочку подарим. Эта цепочка была на ней в день смерти...

Она очень хотела поступить в Политехническую академию, но математику сдала на тройку, боялась, что не поступит. Я ей сказала: «Не волнуйся, учи физику, а я к тебе приеду!». Я приехала в Минск, пошли вместе с ней на экзамен по физике. Перед этим зашли в приемную комиссию. Там узнали: если по физике будет четверка, Маша станет студенткой. Она отправилась на экзамен, а я ждала ее в скверике. Она выходит счастливая: «Четыре! Я поступила!». У нас были очень близкие отношения, она всем со мною делилась...

Были знаки, которые предвещали беду. Со мной вместе (я медсестра) работала девушка. У нее парень, «афганец», с которым они собирались пожениться. Он внезапно умер. Она очень переживала. Прошло сорок дней, и он ей приснился. Идет навстречу. Она ему говорит: «Забери меня, я не хочу быть здесь». А он ей отвечает: «Ты мне не нужна. Я с Машей пойду!». Она приехала на работу и спрашивает: «Как у Галины Яковлевны дела? Как Маша?». Отвечают: «Нормально! Маша к зачетам готовится». Она не стала рассказывать мне свой сон,

но другим рассказала. Тут ассоциация такая: рядом с Немигой — памятник «афганцам». Если бы я знала, я бы сказала: «На проспект Машерова не ходи». Этой же девушке Маша приснилась и тогда, когда мы ее уже домой привезли — 1 июня (похороны были 2-го). Во сне Маша ей сказала: «Не плачьте, нас сразу удавили! Нам не трудно было умирать...».

Маша была очень спокойная, уравновешенная. Она всегда ходила медленно, никогда никуда не спешила. Она, наверное, упала на ступеньки — на шее был рубец — и так прижали, что она потеряла сознание.

Цепочка коротенькая была — осталась цела. Часы в сумке не пострадали, очки прогнулись.

У нас из Новолукомля много детей в Минске учится. Мне мама одной девочки позвонила: «Галя, ты слышала, что в Минске случилось? Там очень много девочек погибло. Маша звонила?». Я говорю: «Нет!». Может быть, она уже знала, когда звонила? Включили телевизор, увидели Лукашенко. У меня начался нервный озноб. Я начала звонить по телефонам, которые давали по телевизору, — всюду было занято. Потом начала звонить в общежитие. Они уже знали, но говорили: «Перезвоните попозже!». Там утром обход был, проверяли, кто на местах, кого нет...

Последнее время Маша была задумчивая. Я не знаю, куда она ходила и кто ей сказал, что у нее короткая линия жизни. Она все смотрела на ладонь и говорила: «Вот тут у меня линии не сходятся!». Я посчитала это глупостью девичьей. Может быть, я смогла бы что-то сделать? Минула бы она этот случай и — жила бы. Она Лев по гороскопу, а Львы — долгожители. В этом году было затмение 11 августа, а Маша родилась 11 августа и именно в 13.50. Я бы хотела знать, что это значит?

Маша на праздник пошла со своей подругой Таней Макаревич, был с ними и парень, зовут его Петя.

Таня ушла раньше, она видела, что дождь начинается, звала с собой Машу: «Дождь начинается, а мы без зонтиков, пошли домой». А Маша ответила: «А что в общежитии делать? Не пойду. Я останусь тут». Она осталась. А потом и Маша сказала, что уходит. Петя просил ее: «Подожди, сейчас группа «Манго-Манго» приедет, посмотрим и пойдем». Она сказала: «Нет, я ухожу!». Она одна ушла. Я просила: «Петя, ну расскажи мне про ее последние пять минут». Петя говорит: «Я не видел!». Я не знаю, на какой ступеньке она погибла... На похоронах Маши был весь город. Снимало Белорусское телевидение...

Рассказывает однокурсница Татьяна Макаревич

— Этой весной Машу что-то тревожило. Может быть, предстоящая тяжелая сессия. Она стала чаще замыкаться в себе, любила гулять одна. Несколько раз посещала церковь — она мне об этом говорила. Все старались ей помочь, как-то развеселить. 30 мая утром мы пошли загорать. Настроение, как и погода, с утра было хорошее. Когда пришли с пляжа в общежитие с загорелыми лицами, Маша посмотрела в зеркало, засмеялась и сказала: «Ну вот, буду теперь ходить с красными тенями!». Потом мы стали собираться на концерт. Шли на Немигу с хорошим настроением, шутили, смеялись. Маша, как никогда, была очень веселой. Погода стояла хорошая, мы и предположить не могли, что будет дождь, — зонты с собой и не думали брать. На Немиге уже увидели, что небо потемнело. Начался концерт. Мы встретили двух знакомых девчонок из параллельной группы. Все стали танцевать. Подняли такую пыль, что вся одежда и ноги были в пыли. Я уехала с Немиги раньше. Мне там сразу не понравилось. Звала с собой

Машу, но она отказалась. Все ждали приезда группы «Манго-Манго». Так и получилось, что Маша попала в этот жуткий переход...

БУРЕЦ Андрей

Рассказывает мать Ядвига Иосифовна Бурец

— Андрей у нас второй ребенок. Старшему было около трех лет, когда он родился. Имея сына, мы рассчитывали, что будет девочка, даже имя придумали — Анжела. Андрей, как чувствовал это, был как девочка — мягкий, ласковый.

К нему я была очень сильно привязана, жалела и пестила его больше, чем старшего. Одна женщина на работе мне говорила: «Что ты детей разделяешь — больше Андрею, чем Олегу?». Теперь я ей говорю: «Вот если бы я Андрею внимания не уделяла, как я бы себя сегодня карала!». Почему так получилось — сама не знаю. Может, еще и потому, что старший был очень самостоятельным — почти с восьми лет пошел в школу, а этот — с шести лет, все его маленьким считали.

Молочником был — очень любил молоко. Очень трудно отучался от бутылочки — с ней и в садик ходил. Когда в саду дети стали дразнить, бутылку начал оставлять дома. Но придет домой, ляжет, возьмет бутылочку и молоко пьет.

Андрей по своей натуре был добрым мальчиком, в детстве — спокойным, но, когда подрос, стал очень быстрым, шустрым, веселым, всегда с улыбочкой. Если что-то не по нраву — может и вспыхнуть. Он

приезжает домой, ругаешь его — никуда не влезь, будь осторожен. Ему это не нравилось. Старший тихий, стеснительный, а этот более смелый, общительный.

В нашей семье получилось так: муж православный, а я католик. Дети крестились в церкви, а католической религии их учила моя мама. Ребята прислуживали в костеле, и Андрей в детстве даже говорил: «Вырасту — буду ксендзом». Изучал польский язык, читал Евангелие, но как пошел учиться — к этому пропал интерес, тем более что вскоре польский класс распался. Дети были научены всему, знали Катехизм, Ружанец — я сама столько не знала, у Андрея спрашивала. Хоронили мы Андрея также по католическим правилам, отпевали в костеле в Дятлово.

Он очень боялся смерти. Заболеет, даже в детстве, и все спрашивает: «Мама, я не умру?». Принимал любые лекарства, уколы, лечился, только бы не умереть. Может, какое-то предчувствие ранней смерти у него было? Всегда стремился опередить время, сделать все скорее, все успеть.

Учился Андрей хорошо — в аттестате три или четыре четверки. Увлекался техникой — мог отремонтировать любой телевизор, магнитофон, ходил заниматься в технический кружок в Доме детей и юношества. С тех пор осталось много запчастей, которыми он пользовался.

Его мечта была — учиться в Университете радиоэлектроники. Но я его отговорила — еще может не поступить, да и учиться тяжело, а в БАТУ будет легче (он поступал по контракту на механический факультет). Сразу был недоволен: «Куда ты меня заставила поступать?», но потом привык, и ему стало нравиться. Решили: пусть выучится, а там время покажет — кем и где будет. Сам хотел он ехать за границу работать.

Отпуская учиться, я очень волновалась за Андрея: думаю, он такой неприученный, сам себе ничего не приготовит, но с течением времени он всему научился. Каждые выходные я ему и молочка, и сметаны, масла, яиц передам. Сначала через две недели передавала, но потом Андрей попросил передавать чаще — каждую неделю.

Все время я за ним очень ухаживала. Когда еще ходил в школу, я его бужу в семь, приготовлю покушать, он позавтракает и снова ложится спать, перед самыми занятиями вскакивает, одевается и бежит в школу. И так я его к этому приучила, что он, когда уже и в БАТУ учился, приедет домой, утром проснется, покушает и снова спит.

Что касалось работы по хозяйству, то и тут я его оберегала, старалась, чтобы он больше отдыхал. Андрей сильно уставал — у него было плоскостопие, и когда он долго на ногах, то очень уставал. Я его и не заставляла, жалела. Весной дети приехали на Радуницу, копали огород. Олег копал, а Андрей навоз в лунки бросал. Я говорю: «Дети, вот поработаем, а после обеда пойдем на кладбище. Надо деду с бабушкой на могиле ограду подкрасить». Андрей сразу: «Я на кладбище не пойду. Я устал. У меня болят ноги, и я буду спать». И если раньше я могла настоять на своем, то в тот раз я его почему-то и не уговаривала, не ругала: не пойдешь — не иди. Сам он любил говорить: «Инженер не должен работать».

Когда он поступил в БАТУ, то стал практически гостем дома. Все спешил куда-то: приедет, покушает и побежал, никогда его дома не застанешь, то у ребят, то на дискотеке, хотя раньше, пока не закончил школу, никуда не ходил.

Уже поступив в университет, Андрей познакомился с девочкой — она приезжала к нам в Дятлово на каникулы к бабушке. Они дружили год и десять месяцев, это была у него одна-единственная девочка.

Я наблюдала за ними, и мне было очень приятно видеть — такая искренняя любовь. Помню, однажды они у нас дома были, смотрю — она обняла его за плечи и спрашивает: «Андрей, ты меня любишь?». Мама Оли рассказывала, что Андрей не был любителем куда-то ходить, был домоседом — они его взрослого даже больше знали, чем я. Говорит: пришла с работы, смотрит: Андрей сидит на коленках, Оля на стуле — он любуется ею. Если Оля занята, учит — он пойдет в другую комнату, потом снова вместе сидят. На 8 Марта Андрей подарил Оле мягкую игрушку — большую, на весь стол собаку, они даже сфотографировались с ней. Как жестоко судьба поступила с ними... После смерти Андрея я подарила Оле цепочку и кольцо, сказала: «Олечка, у него невест больше не будет. Ты у него одна. Пусть тебе будет память о нем на всю жизнь. До года ты наша, а там как бог даст».

Предчувствий плохих у меня не было, только помню, что, когда умер мой отец (11 мая), кто-то сказал, что у покойника тело мягкое, и это значит, что в семье снова скоро кто-то умрет. Тогда я не придала значения этим словам, сейчас думаю — правду ведь сказали.

30 мая утром Андрей мне позвонил часов в десять утра. Чувство у меня было такое — говорила бы с ним и говорила, но он сказал: «Все, мама, хватит, а то деньги бегут». В этот день я пересылала передачу, и мы договаривались, чтобы он забрал ее.

После звонка Андрей поехал к Олечке домой, приглашал ее на Немигу. Она сказала, что не пойдет: надо учить. Он сказал: «Ну ладно, тогда и я поеду учить». Поехал за передачей, забрал и — в общежитие. Кто его пригласил на Немигу, с кем он пошел — не знаю. Что там произошло, я тоже не знаю, только назавтра утром в шесть часов по радио мы услышали с мужем траурную музыку. Я спрашиваю мужа: «Что

случилось?», а сама думаю — кто-то из правительства умер. Он говорит: «Метро провалилось в Минске». Потом передали, что очень много молодежи, студентов погибло. У меня еще не возникло тревоги. Но когда я села чай пить — не смогла, подумала: «Это же мои дети там могли быть!». Пошла на работу, там все обсуждают происшедшее, а у меня не идет из головы: «Это же мой Андрей там мог быть».

Пришла с работы, слушаю радио. Говорят — сорок человек уже опознаны. Думаю, уже мало осталось, тем более большинство — девочки. Сама себя утешаю — наверное, нас минула беда. Поскольку мы с Андреем договорились, что в полдесятого вечера он будет звонить, то не стали ничего узнавать, ждали. В семь часов десять минут зазвонил телефон. Это звонил дежурный милиции. Он назвал свою фамилию, и я сразу поняла, что с Андреем что-то случилось. Мне не сказали сразу, что он погиб, а начали уточнять паспортные данные, но я сразу поняла, что это Андрей. Спрашиваю: «Погиб?». Говорят: «Погиб». — «Что нам делать?» — «Приходите в милицию, и мы расскажем, что вам делать.»

На похороны приезжали заместитель декана и куратор группы. Рассказали, как нашли Андрея. Всем сказали — смотреть, кого нет на занятиях, и узнавать, где находятся отсутствующие. Андрей жил один в комнате, но, когда и к вечеру он не появился, начали искать. Вскоре его имя появилось в списках. Подруга Оли прочитала список и, увидев там фамилию Андрея, позвонила ей. А вечером позвонила мать Оли и говорит: «Этого не может быть. Он там не должен был быть. Мы поедем уточнить в морг». Первого, кого Оля в морге увидела, как рассказывает ее мать, был Андрей. Так все стало точно известно. Позвонили нам в час ночи...

Сразу после похорон я не спала две ночи и не ела, а потом три ночи подряд слышу — мужские рыдания

под окном, страшные, навзрыд. Проснусь — ничего нигде нет. Одна ночь, вторая. Спрашиваю соседку, слышала ли она что-нибудь. Она говорит: «Знаешь, Ядя, тебе просто кажется». Так было три ночи...

Прошло две или три недели после похорон, мы с мужем решили съездить посмотреть, как, при каких обстоятельствах Андрей погиб. Посмотрели — переход как переход. Что там произошло — не знаем. Не понимаем, почему Андрей, такой крепкий парень, не смог выбраться...

ХИТРУН Лилиана

Рассказывают учительница
Алина Евгеньевна Оковицкая
и одноклассницы Лилианы
Надя Гульник и Надя Кулеш

А. Оковицкая:

— Хитрун Лиляну я знаю с детства. Была классным руководителем у ее старшей сестры Ирины, первой учительницей у ее второй сестры Светланы.

Однажды заболела учительница начальных классов, и директор школы попросила меня поработать в две смены. Начальные классы занимались во вторую смену с 13.00 часов. Было это в старой школе в д. Кенти. Лиляна тогда была ученицей второго класса. Я знала уже ее сестер. Ирина и Светлана были девочками аккуратными и уважительными. Учились на четыре и пять.

Когда я вела уроки во втором классе (в котором было 20 учеников), среди всех меня привлекла

толстенькая девочка — это была Лиляна. Сидела она на второй парте, потому что была маленького роста. С двумя большими бантами. Волосы светло-русые, собраны в два хвостика. Каждый день причесанная. С белым воротничком и белыми манжетами.

В тетрадке всегда были ровно выведенные буковки, цифры и ни одной помарочки, ни одного исправления. Все всегда, подчеркнуто простым карандашом под линейку. Выполнив задание, она всегда сидела, ровненько сложив руки. Все похвалы на уроках доставались ей. Она ни с кем не дружила. Всегда на переменке лепила что-то из пластилина, читала или рисовала. Но с одноклассниками делилась всем: красками, карандашами, цветной бумагой.

Однажды на уроке труда делали аппликацию. Сюжет брали из прочитанных сказок. Она дома покрасила древесные опилки, сложила в коробки, принесла в класс и за 45 минут урока сделала такую аппликацию, что глаз не отвести.

С детства отличалась от других детей собранностью, аккуратностью, большим прилежанием в учебе и умением сделать все так, что никто не придерется, никто не подкопается.

Но были у нее и трудности — на уроках физкультуры. Тяжело было бегать, метать далеко мяч, лазить по канату, нагибаться и разгибаться. Она понимала, что все у нее получается неуклюже и некрасиво.

Так прошел месяц. Лиляна всем говорила, что ее учит учительница ее Ирины, а я в классе, где училась старшая сестра Лиляны, говорила, что Лиляна отличница.

Так мы расстались. Встречались по дороге в школу, во дворе жилых домов, в школе на переменках. Всегда здоровались и улыбались друг другу.

В Кентивской базовой школе было только девять классов. Я выпустила свой девятый класс и взяла классное руководство в пятом. В этом классе был 21 человек. Среди них была и Лиляна Хитрун. Училась она на одни пятерки. В тетрадях у нее были тоже одни пятерки. Самый образцовый дневник. Все учителя ставили ее в пример другим ученикам. Ей гордились сестры, мать и отец. В деревне говорили так: «Какие умные девчата у Любы». Любови Аркадьевне (маме Лиляны) мог позавидовать каждый. Однажды на урок белорусской литературы к нам пришла завуч школы. Это было в шестом классе. Она удивлялась тому, как хорошо Лиляна умела рассуждать, красиво говорить, могла за 5—7 минут сделать устное сообщение на любую тему, заданную учителем на уроке. Анализируя урок литературы, она сказала мне: «Вы Хитрун не вызывайте сразу, дайте порассуждать другим. После ее ответа нечего говорить другим».

В классе ее называли «толстушкой», «пампулей», но она не обижалась. Хорошо пела, танцевала, принимала активное участие в классных и общественных мероприятиях. Часто вела программы концертов, потому что выразительно читала, легко держалась на сцене. Ей можно было все поручить. Но по-прежнему проблемы на уроках физкультуры. Переживала за четверки по физкультуре, наедине забивалась в уголок и плакала. Успокоить ее было трудно, она не любила откровенничать. Но, когда начала взрослеть, похудела, сформировалась, стала стройной, и никто не мог поверить, что это прежняя толстушка Лиляна. На нее начали заглядываться мальчики. Но им она долго не уделяла внимания. Танцевала на дискотеках в кругу девчонок.

Когда училась в десятом классе, я заметила, что на переменках она часто разговаривала с бывшим учеником Леонидом Яновичем. Была с ним веселой,

жизнерадостной. Мне он не нравился. В школе он был плохим учеником, тихим, замкнутым, круглым троечником. Говорить с ней на эту тему не решалась. Но однажды все же сделала замечание Леониду, хотя учебе Лиляны он не мешал. Леня все рассказал ей и не стал ходить в школу. Они начали встречаться после школы во дворе. Однажды в классе мы проводили литературный вечер «Галасы закаханых у беларускай паэзіі». Лиляна, как всегда, была ведущей, написала сама сценарий вечера, и везде она подчеркивала, кто может стать для нее любимым человеком. А после вечера она мне сказала: «Не бойтесь, я замуж за Леонида не пойду. Он мой друг и такой же одинокий, как и я».

В девятом и десятом классах Лиляна занимала вторые-третьи места на районных олимпиадах. В одиннадцатом классе она заняла первое место на олимпиаде по белорусскому языку, и мы с ней поехали на областную олимпиаду в Гродно. Там она заняла пятое место.

В моей памяти она осталась палочкой-выручалочкой на открытых уроках по всем предметам в своем классе, ее приглашали и другие учителя прочитать стихотворение, спеть, что-нибудь проинсценировать. Она могла все.

Однажды в школе был семинар завучей района по воспитательной работе. Лиляна пела под гитару. Все были восхищены этой девочкой.

А какие сочинения писала она! Я их читала всегда детям других классов, их брали за образец многие ученики нашей школы при поступления в высшие учебные заведения.

Помню экзамены в июне 1997 года за курс средней школы. Эту девочку было приятно слушать: ответы на всех экзаменах полные, логически построены, сугубо по вопросу в билете. Лиляна все годы в школе училась на одни пятерки, всегда и каждый

раз была готова к уроку и окончила школу с золотой медалью.

Потом были вступительные экзамены. Лиляна сдавала первой и вышла за полчаса до конца экзамена. В работе у нее не хватало где-то в решении одного минуса, и получила 4,5 балла. Я ее успокоила, и мы начали готовиться к экзамену по белорусской литературе и языку (сочинение). Писала она вольную тему и написала на пять. Была мне очень благодарна.

И русское сочинение она написала на пять. Вначале думала сдавать немецкий язык, но потом передумала: абитуриентам из сельской школы можно было выбирать экзамены по желанию.

Так она стала студенткой экономического университета, бывшего нархоза.

Девочки моего класса вели дневник. Он хранился у Лиляны. В день моего рождения они всегда съезжались и приходили ко мне домой. Встречались мы и в школе на дискотеках. Договорились встретиться через пять лет где-нибудь в ресторане. Однажды Лиляна мне сказала, кажется на новогоднем вечере 1998 года в школе, что, когда она поступала в университет, на вокзале к ней пристала цыганка и нагадала, что она умрет в девятнадцать лет. Сама она вроде бы не верила. Но эти ее слова мне не дают покоя и сейчас. Об этом мне потом рассказывали и другие девочки из моего класса.

Утром я услышала о трагедии в Минске на станции метро «Немига», но никогда не подумала бы о том, что трагедия случится с Лиляной. Она была очень собранной, серьезной девочкой. Собрались одноклассники Лиляны в школе. Начали готовиться к похоронам. Долго на дороге ждали машину. Привезли ее из Минска в 7 часов вечера. Мальчики взяли гроб из машины, внесли его в дом. Было море слез. В деревне люди говорили так: «Ого,

Лиляна — голова. Такую дочь хоронить тяжело». Она никогда никого не огорчала. О том, что была умницей, знали все. Всем соседским детям она решала задачи, проверяла сочинения, делала задания по немецкому языку.

Школа, вся деревня прощалась с этой талантливой девочкой...

Лиляна любила белый цвет. На выпускном вечере она была в белом костюмчике, в белых босоножках. Классом гордилась школа. В нем было 14 человек: 11 девочек и 3 мальчика. Двое мальчишек были влюблены в нее, но она не отвечала взаимностью. В памяти класса она осталась умницей, палочкой-выручалочкой на контрольных, хорошим советчиком, активисткой. Ее имя у меня всегда ассоциировалось с цветком «Лилия». И она для меня бутон нераскрывшейся лилии, который не успел до конца расцвести и принести пользу своей родной семье и земле.

Надя Гульник:

— До сих пор не могу поверить, что ее нет, до сих пор не могу забыть эти большие и добрые глаза, выразительный и веселый взгляд...

Впервые мы познакомились и стали подругами в десятом классе. Именно тогда я пришла в этот класс. До этого мне никогда не доводилось встречать таких интеллектуальных и эрудированных девочек, поэтому встреча с Лиляной стала для меня большой радостью. О такой подруге можно только мечтать.

Лиляна жила со мной на одной улице, наши дома находятся рядом, поэтому мы часто ходили друг к другу.

Мы разговаривали о своих жизненных проблемах, помогая друг другу советами. Когда мне приходилось обращаться к Лиляне за помощью, я всегда находила

поддержку и понимание. Все, что мне было непонятно, она всегда могла разъяснить доступно. Я знала, что всегда могу на нее положиться. Добрая, никогда не унывающая, улыбающаяся, готовая в любую минуту прийти на помощь любому, — такой и осталась она на долгие-долгие годы в моей памяти. Ляна в классе могла быть лидером, но из-за своей скромности никогда не выставляла себя перед нами лучшей, наоборот, она была со всеми очень простая. Своими мыслями и впечатлениями она делилась со всеми, всегда старалась каждому уделить внимание, никому ни в чем не отказывала. Мы вместе принимали участие в школьных мероприятиях, вместе проводили все праздники. Всегда я с ней находила общий язык. Нам было о чем поговорить. Наши встречи проходили интересно и весело.

На выпускном вечере нам было очень грустно из-за того, что больше мы не будем так часто видеться, у нас не будет такой возможности. Мы думали о наших планах, делились между собой своими секретами, мечтали о том, кем мы будем. Мы всем классом решили написать письма в будущее — о том, каким мы представляем свое будущее через пять лет. По прошествии этих лет мы хотели встретиться и прочитать наши детские размышления и мечты. Мы все еще можем изменить что-либо в своей жизни. Только для одной Лиляны мечты оборвались. Я не знаю, кем бы была Ляна, но уверена, что лучшего человека и подруги нет и не будет...

Надя Кулеш:

— С Лиляной я проучилась пять лет. Она была общительным человеком, со многими достоинствами. Но главное, что я хотела бы в ней подчеркнуть, — это умение дружить. Ляна умела ценить друзей. Иногда мне кажется, что выше всего на свете она ставила именно человеческую дружбу. Лиляна была

жизнерадостным человеком, всегда готова прийти на помощь; даже в ущерб себе Ляна отдавала друзьям все. Она многому меня научила. Лиляна была для меня тем спасительным островком, на который можно было вступить в трудную минуту.

САЛАДКЕВИЧ Сергей

Рассказывает мать
Анна Марьяновна Саладкевич

— Мы люди верующие, католики. Детей крестить возила в Красное — это Молодеченский район. Сережа наш в костел ходил — и в святого Роха на Золотой Горке, и в Чырвоны костел. Там имша на белорусском языке. Теперь я хожу и ■ Катедру, потому что там Сережу отпевали. Сын умирал в больнице. Умер 11 июня. Мучился.

Вы же знает, что тот, кто верит в Бога, сразу не может умереть. Потому что все мы люди грешные и должны искупить свои грехи на Земле.

Мы все в Бога верим. И мама моя дочку девяти лет (сестру мою) Данусю похоронила. И вот теперь судьба такая и мне — сына похоронить... Говорят: «Кто хоронит детей, будет счастлив там — у Бога!». В день смерти человек рождается для новой жизни, для Неба...

С детства не было Сереженьке счастья. Часто болел. Перенес девять операций. В 3-ей больнице я Сереженьку родила 19 апреля 1980 года. Роды были трудные. Сергей чуть не задохнулся уже тогда, мог умереть при родах. И после Немиги привезли

его сначала в 3-ью больницу, а потом перевезли в 5-ую...

Я, тогда дети были еще маленькие, была однажды в гостях. И один из присутствующих там сказал, что может предсказывать будущее по руке. Мы с ним сидели напротив за столом. Он мне говорит: «Дай руку!». Тогда он мне и сказал: «Твой младший сын умрет рано и не своей смертью!». Господи, разве я думала, что так рано!.. Думала, молодой — это, может быть, и сорок, и пятьдесят лет. Но не девятнадцать же!

Сережа был такой добрый! Никогда не уходил никуда, меня не поцеловав! Я уж и отбивалась: «Сережа, ты уже должен девчат целовать!». А он мне: «Мама, ты у меня самая красивая девушка!». Помощник мне был! Говорил: «Я буду заочно учиться, буду работать, денег много тебе приносить буду. Посмотришь: мы с тобой заживем!». Он в 23-м училище учился, был бы электрогазосварщиком. В деревне у нас так старался садить перцы, помидоры и капусту... И все выросло... Всего было много. Только Сереженька не съел ничего, отнесла ему на могилку, хоть и говорят, что ничего не надо на могилу носить...

Мы всей семьей ходили часто в лес по ягоды и грибы. Это было счастье. Сереженька с отцом очень любили ловить рыбу. А в это лето все наши походы замерли на мертвой точке...

Когда Сереженька подрос, то начал заниматься спортом — футболом, поэтому и окреп. Когда порвал связки, хирург сказал ему: «Все, футбол твой закончился!». На костылях долго ходил, почти год не учился, потом экстерном сдавал экзамены. Но у него была очень сильная воля, стал разрабатывать ногу и — пошел в футбол играть. И после трагедии на Немиге врач сказал: «У него сильное сердце, поэтому он не умирает!». Это благодаря занятиям спортом.

Занимался Сережа на «Динамо», потом на стадионе «Трактор». Всех футболистов изо всех стран знал, все их биографии. Всегда ходил с друзьями на стадион, смотрел все матчи. Когда по одной программе шел фильм, а по другой футбол, просил: «Мама, давай переключим, там футбол идет!».

Очень любил читать. У него было много книг. Всякие книги читал, и духовные тоже — «Новый завет». Писал стихи — про друзей, про подружек. Сереженька большой приколист — любил шутить. Общительный был — друзья для него много значили. И ■ тот вечер 30 мая пошел к друзьям. Мы не знали, что они пойдут на праздник. Он и сам не знал, наверное, что на проспекте Машерова будет праздник.

30 мая сын пошел в парк Челюскинцев. Там у него друг на аттракционах работает. Поцеловал меня, новые туфли обул и — пошел...

А на 31 мая пришла повестка ■ военкомат — его должны были в армию забрать. Он говорил своей племяннице Вике (она в марте родилась только, совсем малое дитя): «Я пойду ■ армию, приду, ты меня не узнаешь». Сереженька очень любил маленьких детей...

Ушел 30 мая вечером и не пришел ночевать. Я ночь не спала, переживала. Мне было плохо, я лежала, смотрела на часы и думала: «Может, я не слышала, как он пришел? Может, ключ забыл взять и спит на чердаке, там диван стоит (у нас свой дом)?». Жду, жду... Раньше, когда он поздно приходил, всегда предупреждал меня по телефону. А тут ни звонка, ничего. Дочка моя Люда встала в шесть утра своей малышке есть готовить, услышала — по радио передали о случившемся на Немиге. Я сразу сказала: «Он туда попал. Надо, дочка, звонить, искать. Там наш Сережа». И тут же к дому подъехала «скорая помощь», врач спросила: «Сергей Саладкевич здесь живет?».

Так мы узнали, что Сережа находится в больнице в тяжелом состоянии, в реанимации. Собрались, поехали к нему. Я спросила: «Почему его сюда привезли, а не во 2-ую? Там же ближе». Мне ответили: «Может, ему еще повезло, что к нам попал. Его первого взяли сюда и сразу на искусственное дыхание... А во 2-й больнице очень много людей!». Потом его перевезли в 5-ую больницу. Уже было указание из Министерства здравоохранения — в отдельную палату, с отдельной медсестрой. А медсестра Аня сама была на Немиге. Они первыми с подругой забежали в переход, встали возле стенки. Она не пострадала, ее вытащили. Аня — добросовестная медсестра. Но она сама дрожала и плакала, когда делала уколы или ставила капельницы. Пришел психолог, поговорил со мной, потом поговорил с медсестрой. Я говорю: «А что у вас случилось?». Она отвечает: «Я тоже была на Немиге!». Она сама была в шоке. Потом Сереженьку перевели в другую палату и дали другую медсестру.

Мне говорили: «Если ваш сын останется жить, то Вам будет очень тяжело. Он никогда не будет таким, как раньше. Будет лежать, Вы будете кормить его с ложки... Мучиться». Сколько Сережа лежал в больнице, я сидела возле него. Отец тоже рядом. Я сама бульоны ему варила — кормили его через зонд. Иногда дочка меня заменяла и сестра. Из училища к нему приходили, друзья его навещали. Друг Андрей принес ему иконку святого Сергия, стояла на тумбочке.

Сереженька в сознание не приходил. Но была пара дней, когда он открыл глаза. Я думала: а может, улучшение? Я все время с ним говорила, только ответа не дождалась...

У меня 9 июня день рождения. Еще до трагедии Сережа все спрашивал: «Мама, что тебе подарить?». И я, сидя около него, говорила: «Сынок, ну сделай

маме подарок — посмотри на меня. Хоть слово скажи...». А десятого Вике, моей внучке, три месяца. Так Сереженька и мой день рождения перебыл, и Викин перебыл, а одиннадцатого умер. 10 июня Сереже стало плохо. Ему уже ничего не помогало, была высокая температура, рвота. Но я все равно надеялась, что он будет жить. Я приехала из больницы, а дочка туда поехала. Уже из дому позвонила в Министерство здравоохранения, сказала: «Дайте что-нибудь от температуры». Женщина на другом конце провода сказала: «Я сейчас выезжаю на место, потом вам позвоню». Ждала звонка. Аж тут к дому подъехала машина. А там и эта женщина из министерства, и Виктор Болеславович Буко — начальник отдела социальной защиты Партизанского райисполкома. Представительница министерства говорит: «Не хотела вам звонить, приехала поговорить. Надежды нет... Будьте готовы, настраивайте себя на худшее». А как настроишь! Приехала дочка: «Мама, его на искусственное дыхание переводят». Мне в самом начале предлагали в Партизанском райисполкоме транспорт, чтобы я, инвалид II группы, могла ездить к сыну в больницу, дали телефон, по которому можно звонить, но я думала: «Зачем людей беспокоить и тревожить!». Поехала в больницу самостоятельно. И в мыслях не было, что он в этот день умрет. Посмотрела на табло: пульс 99. Я обтерла его и стала говорить с ним, как обычно: «Сынок, надо за жизнь бороться, ты ж футболист, держись, может, Бог даст, поправишься». Стою и говорю с ним. Так и не заметила, что он умер. А я все стою и говорю... Медсестра ушла, сказала завотделением, что Сережа умер. А я все стою и разговариваю с ним. Приходит завотделением и говорит: «Выйдите на пару минут!». Вышла я в коридор. Вернулась, а сынок мой лежит уже без аппарата. Я как увидела это, все поняла. Стала голосить, целовать его... Уж не помню, что там было.

Вот так я потеряла своего сына — свою надежду и любовь. Теперь только надеюсь, что встречу его там, на Небе.

А за день перед этим в палату залетали бабочки и пчелы. Я говорила: «Откуда вы тут беретесь? Это же не первый этаж!». Не иначе, это были души наших умерших родственников. Это я только потом поняла.

Сережа умер. Не успела я из больницы приехать, уже звонят из райисполкома: надо обговорить похороны. Председатель Партизанского райисполкома Станислав Иосифович Буко очень помог нашей семье. Это человек с большой буквы. Побольше бы таких людей — не было бы никаких бед. Я говорю: «Хочу, чтобы с ксендзом хоронить». Станислав Иосифович сам позвонил ксендзу Игорю Лашуку. Вся наша семья благодарна ксендзу. Он мне сказал: «В Минске я побелорусски имшу отправлю, а в деревне по-польски». Мы отвезли Сереженьку в Кафедральный костел, отправили имшу. Потом повезли в деревню. В деревне всем очень понравился ксендз, то, как он отпевал Сережу по дороге на кладбище и на самом кладбище. Похоронили мы Сереженьку в Воложинском районе, в деревне Лютино.

Снился мне сон: иду я по дороге в свою деревню, вижу — гроб стоит закрытый. Думаю: «Это же Сереженька там». Но боюсь крышку подымать. А поднять хочется. Поднимаю, а Сереженька раз — и встает. Тут как будто бы появляется начальник из Партизанского райисполкома Минска и говорит: «Вот видите, у вас все хорошо, сын у вас живой». Сын возле меня и в самом деле живой, и я рада, что он жив. А Сереженька такой, как при жизни: он смуглый у меня был, волосы черные...

Он поднялся из гроба. Это говорит о том, что он жив. Просто его нет рядом. Мы все там будем... Мы еще будем завидовать мертвым. Написано

в Евангелии, что живые будут завидовать мертвым. Так оно и будет!

Если будет на Немиге маленькая капличка, хотелось бы, чтобы были там православный и католический кресты. Такое делают в каплицах при больницах.

Никто и ничто не заменит нам с отцом потерю такого умного, доброго и честного сына...

КОРЗУН Дмитрий

Рассказывает мать
Лидия Михайловна Корзун
и друг детства и однокурсник
Вася Марушенко

Мать:

— Дима был очень хорошим ребенком, это золотое дитя. Он все понимал, ему всегда можно было все объяснить. С ним у меня никаких проблем, кроме болезней: в детстве он часто болел. Потом он начал заниматься спортом — легкой атлетикой, греблей, тэквандо — почти всю школьную жизнь. Он очень любил игры, бегал, плавал — в общем, был очень живым подростком. Участвовал в школьных соревнованиях, со мной ездил в санатории, часто отправляла его в пионерские лагеря. Он окреп, стал здоровым рослым парнем.

Дима любил музыку, был веселым, общительным, душой компании. Его друзья выросли у меня на глазах. Все они хорошие ребята, и к этой кучке прибивалась вся хорошая молодежь нашего околотка.

Я их никогда не выпроваживала, они постоянно были у нас в квартире. Дома Дима или нет его — они все равно приходят: кто включает музыку, кто телевизор, видеомагнитофон, позднее — компьютер. Потом, когда выросли, вместе собираются то на дискотеку, то просто гулять. Не было у них драк, разборок.

С детства Дима отличался аккуратностью. Помню, поехали они классом в санаторий. После приезда учительница критиковала всех детей, чистюля был один — Дима Корзун. Конечно, я его этому учила, но он впитывал только хорошее. Есть же дети, которым толкуешь-толкуешь что-то, а до них ничего не доходит, ничего не понимают, а он все схватывал. Было однажды, в классе десятом-одиннадцатом, что он начал покрикивать. Я ему говорю: «Сын, что же это с тобой будет, если ты с таких лет будешь кричать?». Он моментально умолк, и больше никогда не позволял себе такого. Я учила его держать себя в руках, владеть собой. После у меня с внуком была такая же картина, что он начал повышать голос. Тут уже Дима моими словами ему начал то же самое втолковывать: «Что это ты кричишь, что это у тебя за манеры? Ты должен научиться спокойно разговаривать». Дима все моментально схватывал и учил этому других.

У меня есть дочка, внук, а Дима у меня второй, поздний ребенок. Когда в детстве на него находили капризы, я его не ругала, а брала за руку и говорила: «Пошли в другую комнату. Посиди. Успокойся. Потом приходи к нам». Он посидит-посидит, заглядывает к нам. Я говорю: «Ну что, успокоился? Заходи».

Когда были какие-то недоразумения, ему прямо говорила: «Это — наглость. Это — хамство. Вот это то... Это то...». Всегда называла вещи своими именами. Объясняла, как он поступил и как надо поступать. Учила: «Ты должен это убирать. Ты не должен

так поступать». И это все шло ему на пользу. Он шлифовался.

Я учила его просеивать и отметать все мелкое и неважное, вкладывала в него доброту и снисходительность. Конечно, я занималась его воспитанием, но он от природы был добрым. И, впитав в себя самое лучшее, он стал таким человеком.

Дима, наверное, понимал, что он выше по уровню своего развития, по сознанию, но в то же время он был очень снисходителен к людям. Старался войти в положение любого человека, помочь. Это что-то невероятное — он никогда никому не нагрубил, всегда был снисходительным.

В школе он учился, как все мальчишки, но когда поступил в институт, то сразу повзрослел, многое понял. Он очень вырос духовно, возмужал. Изучал экономику, философию. Очень любознательный. Он всегда говорил: «Мама, я хочу учиться, хочу быть хорошим специалистом, хочу иметь хорошую работу». У него были планы окончить этот факультет, потом — экономический. Он строил большие планы на будущее. Хотел иметь хорошую семью, и чтобы у семьи было все. Я его спрашивала: «А сколько ты детей хочешь?». Он говорил: «Если буду обеспеченным, у меня будет три или четыре ребенка, не меньше». Говорил, что жениться будет только тогда, когда сможет обеспечить семью. К этому он относился очень ответственно.

Очень любил покушать: мясные, овощные блюда, салаты. При этом он сам это все готовил. Когда отмечали его двадцатилетие, он вместе с моим внуком сделал буквально все, только горячие блюда я готовила ему. Двадцать лет ему исполнилось совсем недавно — 18 февраля.

Дима был очень хорошим и все понимал, может быть, поэтому и погиб. В двадцать лет он так рассуждал, что я иногда просто удивлялась. Я даже

говорила ему: «Дима, как ты думаешь это? Как это?..». Ребята тоже удивлялись.

Когда в институте он начал изучать философию, то и к жизни стал относится по-философски, с пониманием того, что все относительно в этом мире. Он меня всегда учил: «Мама, не бери в голову все это. Просто живи и прикалывайся». На праздники, если сам не мог приехать, он мне присылал открытки, очень хорошо подписывал и все уговаривал: «Мама, не бери в голову. Живи по приколу. Время пройдет, все образуется. Мы с тобой еще заживем. Будет еще и на нашей улице праздник». Вот и дождались праздника...

В то воскресенье мне стало очень плохо. Был праздник, но я даже не могла в церковь идти. В субботу он просил кое-что на рынке купить — я купила, а в воскресенье мне стало очень плохо. Металась туда-сюда. Думала, что, может, погода будет меняться, что дождь пойдет. Сходила в магазин, прошлась. Как-то расходилась, и немного легче стало. Утром мне позвонила знакомая и спросила, знаю ли я, что в Минске произошло? Почему-то все — соседи, знакомые — сразу подумали: а как там Дима. Я говорила, что, может, он туда не пошел, я даже не могла предположить такого исхода. Я начала звонить в общежитие, чтобы он перезвонил. Жду, жду — нет звонка. А ведь он такой внимательный был — раз в неделю всегда звонил: «Мама, ну как ты там?». Он всегда говорил, что у него все хорошо. Перед этим, за два дня, звонил тоже. Тоже все хорошо. Говорила ему: береги себя. Такие ребята, как он, никогда никуда не влазили, не имели дела ни с каким алкоголем. За него у меня была душа спокойна. И в тот день я все надеялась. Одно беспокоило: почему же он не звонит? Потом позвонил Андрей и сказал: «С Димой плохо». Я спросила: «Как плохо?» — «Плохо.» Я говорю: «Но он же живой?» — «Нет, тетя Лида, он не

живой.» Я говорю: «Может, вы ошиблись?» — «Нет, не ошиблись.» Ну и все...

Каталась по полу... Кричала... Плохо стало... Внуку сказала: «Вызывай "скорую". Сообщи на работу». И начались мои ужасы, которые очень трудно пережить. Мне 28 ноября будет шестьдесят — он у меня поздний ребенок, а уже полгода, как его нет. Какие уж тут дни рождения? Единственное, я хочу отметить полгода, но немного раньше, так как начинается пост. Надо в церковь сходить, как положено. Дима тоже был верующий...

Когда забирала его вещи — все чистенькое. Все документы — в обложечках, обложечки новые. Зачеточка — одни пятерочки. Он всегда говорил: «Мне не нужны тройки. Я стараюсь. Я хочу выучиться». Последнюю, зимнюю, сессию сдавал — одна четверка, остальные пятерки. Зачеты сдавал — позвонил, а я ему говорила, чтобы приехал. Он ответил, что только воскресенье остается свободным, потому что 29-го, в субботу, сдает зачет. Душа кровью обливается... 29-го сдал зачет, а 30-го его не стало. Сессию он уже не начал. На похороны приезжали его ребята из института и замдекана — все очень тепло о нем отзывались.

Я хочу сказать насчет Минска. Я теперь привязана к этому городу, теперь — хочешь не хочешь — надо ездить Но этот порог нужно преодолеть. Одна мысль — увидеть это место. Я сама не из Беларуси, приехала в Светлогорск из России, а жила, училась на Украине, приехала по направлению и все время думала, что уеду жить поближе к своим родным. А теперь я оказалась заложником, теперь не могу отсюда тронуться. Не могу из Светлогорска никуда уехать, потому что здесь мой дорогой мальчик похоронен. И Минск, какой бы он ни был, но я к нему тоже привязана. Как бы мне ни было тяжело, я все равно должна буду сюда ездить. Очень тяжело, но в то же

время никуда не денешься от этой трагедии. Мало-помалу надо себя вытягивать из этого горя. Жить-то надо. Надо что-то делать — и для него, и для себя, дочки, внука. Конечно, потеря огромная, нелепая, несопоставимая. Приходят ребята, спасибо, не забывают друзья, но мне так не хватает моего мальчика. Такой высокий, веселый, красивый парень был, добрый. Такие ясные-ясные глаза. В его красивых глазах нисколько не было ни фальши, ни лжи, он никого не мог предать и не предал бы за всю свою жизнь. Такой цельный человек.

Он мне приснился — еще до сорока дней, дней двадцать прошло после гибели. Я сделала все, что нужно было по-церковному, молилась за него. А приснился он: ко мне с такими горячими объятиями бросился — бегом, веселый, радостный. И я к нему. После того, и думаю, может быть, что-то решилось у него. А перед сорока днями он уже поцеловал в щеку. Я задремала и почувствовала, проснулась — никого нет. А потом мне не снился. Я все время хотела, чтобы он мне приснился. Я женщина верующая, в возрасте, все хочу как-то ему помочь, его душе. Поэтому я часто молюсь, поминаю его. Молюсь и говорю: «Господи, ну покажи мне, где он, что с ним». И в ту ночь снится мне сон. Будто бы прихожу я в какую-то квартиру, вправо дверь открывается. Квартира двухкомнатная, обычная, как у нас обставленная. Лежит женщина одетая на кровати. Я спрашиваю: «А где здесь мама моя живет?». Она отвечает: «Да вот же, прямо дверь». Захожу в ту комнату, открываю дверь: слева шкаф стоит темного дерева, стол... И посередине стоит мальчик лет трех — чистенький, светленький, в беленькой рубашечке с рукавчиками, колготочках. Я присматриваюсь, присматриваюсь к нему и говорю: «Ой, да у тебя колготочки мокрые». Только хотела идти переодевать — и все, сон прошел... Я же просила Бога, чтобы он показал, где Дима, и он показал

мне, что он у мамы моей. А душа у него, как у ребенка, — чиста... Я уже потом связалась с женщинами, которые часто в церковь ходят, верующие, и они мне объяснили, что он под покровительством находится — или у мамы, или у высших каких-то сил. А то, что колготочки мокрые, — плачу, очень много слез, поэтому колготки мокрые. Мы же так многого не знаем...

Я потеряла такого ребенка... Не могу даже передать... Это была радость и гордость моей жизни. Я гордилась, что у меня такой сын. Я думаю, что он, наверное, на небесах понадобился: такие души там тоже нужны, но на Земле он был нужнее, потому что таких мало. Не потому, что он мой сын, а потому, что он действительно был таким редким человеком, которого любили, к которому тянулись все. Как я сейчас понимаю, он для меня был подарком Бога, подарком судьбы. Бог мне дал его, пусть на двадцать лет, все равно я ему благодарна. Несмотря на то что и такое горе пережила.

Я бы все отдала, только бы он жив был. Он так нужен здесь. Я думаю, что это не только моя потеря, но и для общества. Такие люди нужны.

Друг детства:

— Дима спешил учиться, спешил достичь всего, чего только возможно достичь в эти годы. Преодолевал все преграды, трудности. Для него, наверное, ничего не существовало невозможного. Спешил все узнать, везде побывать, был всесторонне развитым человеком, все ему было интересно.

Душа компании. Я его друг. Мы из одного города. Вместе когда-то сидели за одной партой — в одной школе проучились одиннадцать лет, потом сидели за одним столом в институте и жили в одной комнате. Когда все это произошло, я уехал домой. Дима мне звонил домой где-то за час до этого события, поздра-

вил мою девушку с днем рождения. Я ему сказал: «Встречай меня. Я приеду в понедельник, мама все передаст». Он сказал, что здесь так нормально, классно, хорошо, мы гуляем на проспекте Машерова. Но мне кажется, что он заранее что-то предчувствовал, когда звонил... Его знакомая, с которой он был вместе, не хотела идти, но Дима был такой любитель музыки, он очень любил концерты с живой музыкой — ему всегда этого хотелось. Он очень хотел попасть на этот концерт.

В общежитии мы жили вдвоем. Парней там живет мало — общежитие почти женское. С Димой за все время мы ни разу не поругались. Мы жили в Светлогорске в разных домах, разных квартирах, но когда мы стали жить вместе, то я не помню такого момента, чтобы мы ссорились. Споры, конечно, случались. Это естественно, у каждого свое мнение. У нас были настолько близкие отношения, что даже когда как-то обзывали друг друга, то это воспринималось шуткой — улыбка, смех, никаких обид. Сейчас я живу один — и я ощущаю большую потерю. Такого друга, как Дима, у меня нет и, наверное, не будет. Я не вижу таких людей, с которыми можно так искренне и душевно поделиться. Как друга его больше никто не заменит...

Когда я приехал в Минск, мне сообщили о гибели Димы в общежитии. Наш друг Андрей (учится в Академии МВД на четвертом курсе) и его девушка находились тоже в метро, но уцелели, слава Богу. Дима в тот вечер был с ними и со своей девушкой. Андрей пошел в метро и сел в поезд — уехал, и, как он говорит, не мог подумать, что Дима пойдет в эту толпу, — видно, затащили. Наутро я приехал, и мне в шесть утра сообщили, что Дима или в больнице, или в морге. Я созвонился с Андреем, и мы поехали искать. Мы направились в 10-ую больницу и там опознали по фотографии. Там было много людей, но поч-

ти все девушки. Теплилась надежда на то, что из десяти ребят не окажется Димы. Я думал, что если он даже пострадал, то приду к нему в больницу, наберу апельсинов... Но предчувствие какое-то все же было. Когда мы ехали в поезде в Минск в ночь на воскресенье, моя девушка почему-то расплакалась — непонятно почему. Какое-то необъяснимое состояние. Она говорила, что у нее нехорошее предчувствие. Я ее успокаивал, говорил, чтобы не плакала. О трагедии на Немиге мы еще не знали.

Говорили, что делали Диме искусственное дыхание, когда достали, потом положили в машину «скорой помощи». Подошел врач, пощупал пульс и сказал, что нужно спасать живых. Его вынесли из машины, положили на траву, какие-то ребята ему стали делать искусственное дыхание, но видели, что у него лицо синее...

Утром мы позвонили ему домой, сообщили его маме. Потом ездили забирать.

Трудно представить, что этого человека больше нет. Раньше я шел домой и знал, что меня там ждет Дима и даже что там будет приготовлено покушать. Я шел с радостью домой — у меня там есть друг. Потом, когда были его вещи собраны, сразу все опустело, и я не смог остаться в этой комнате, уехал домой. Когда снова приехал на учебу, то очень тяжело воспринимался Минск: я здесь потерял друга. Для меня этот город навсегда останется местом, где я учился и где потерял друга. Это перечеркнуло все хорошие воспоминания, связанные с этим городом. Все здесь у меня было связано только с ним. Я пришел в институт, сел за парту, а его — нет. Это очень тяжело. Его недостает.

Мы думали раньше, что, когда закончим учебу, возможно, разъедемся. У Димы была возможность уехать в Санкт-Петербург, но все равно мы собирались обязательно встретиться, хоть через десять лет,

с семьями, с нашей компанией. Эти проклятые события поставили крест на наших мечтах.

Мне приснилось, что мы встретились в метро — он радостный, веселый. Когда я увидел его, то расплакался, потому что понимал: его нет, хотя я его и вижу. Я проснулся от слез...

Дима перед концертом был в церкви, поставил свечку. Перед этим мы ходили в церковь на Вербное воскресенье. Там нам дали вербные веточки. Мы в общежитии поставили их, и они разрослись чуть ли ни в дерево. Мы потом посадили их на могиле Димы.

ОРЕЛ Ольга

Рассказывает мать
Людмила Михайловна Орел

— Ольга очень хорошо рисовала. У нас дома на стенах висели ее рисунки. Ольга была домашняя, и рисунки ее — такие же. Она очень любила зиму, когда на улице мороз, а в квартире тепло.

Она любила готовить, печь печенье, торты. Ее любимым тортом был «Графские развалины». Когда мне исполнилось сорок лет, я целый день была на работе, ездила в командировку в Осиповичский район. Приехала поздно, а тут — праздник. На столе печенье, торт и шоколадные колбаски. Было так приятно, мы с ней пировали.

Олечка школу окончила с золотой медалью. Она прекрасно училась, была исключительно способная девочка. Учеба ей давалась легко. Больше нравились математические науки. Не любила физкультуру.

Свои способности, увлечения не афишировала. Была исключительно скромной, даже незаметной. Душу свою никому не раскрывала. Добивалась всего, чего хотела. Главное ей было захотеть, потом упорно добивалась своей цели. Если что-то не получалось, она нервничала. Я говорила: все у нее получится. Ей важно было от меня это услышать.

Я ей говорила: «Олечка, ты же знаешь, что все будет хорошо, что ты сумеешь». И она справлялась — и с музыкой, и с черчением, и с компьютером, и с физкультурой, и с курсовыми, и с органической химией... На втором курсе старшекурсники их настроили, что справиться с органической химией очень трудно. Ольга сразу взялась за этот предмет, и вскоре органическая химия перестала ей казаться страшной. Экзамены сдала на отлично.

В первом классе музыкальной школы ей очень понравился «Менуэт» Гайдна. Она стала его учить. А это произведение было из программы третьего класса. Учительница говорила ей: «Тебе сложно и трудно будет». Придя домой в тот день, Оля убежденно сказала мне: «Я знаю, что его выучу». И она выучила. Была довольна учительница, радовалась я. Но больше всех довольна сама Оля.

Так было всегда. Постепенно, не спеша, но уверенно она решала любые вопросы. И у нее все выходило. Если бы она осталась жива, она бы достигла больших высот в жизни.

Когда на уроке я позволила себе какое-то слово, которое Ольге не понравилось, дома она «провела» со мной урок этики. Она говорила: «Мамочка, ты же учительница, ты не имеешь права так говорить. Что тогда ждать от нас?». Я прислушивалась к ее словам и больше так никогда не говорила.

В душе Ольга была взрослее своих сверстников. С ними иногда ей становилось неинтересно. Мои друзья стали ее друзьями. Она никогда не была лишней

в нашей взрослой компании. У нас с дочкой одинаковый подход к жизни, сходные мировоззрения.

Оля была очень строгих правил, предъявляла к себе очень высокие требования, но никого никогда не осуждала. Уважала мнение других, но сама всегда поступала по-своему. Если она чего-то не хотела, убедить ее было невозможно. Она не спорила, но делала все по-своему. Заставить ее что-то делать против ее воли было нельзя. В конечном итоге оказывалось, что права Ольга. У нее была очень развита интуиция.

Она не любила дискотек, их атмосфера ей не нравилась, хотя она очень понимала музыку. Сквернословие и хамство она физически не переносила. Оля была очень интеллигентной и благородной девушкой.

В доме Ольга поддерживала исключительный порядок. У самой порядок был везде: в шкафу, в сумочке, в кошельке. Она всегда знала, что она хочет и что надо делать. Очень умная и самостоятельная девочка. Мне иногда казалось, что Ольга старше меня. Я романтик по натуре, она — реалист. Она иногда издевалась над моими романтическими грезами и говорила: «Мама, опустись на землю». Мы очень любили наблюдать с ней звездное небо. Часто долго стояли, подняв кверху головы, и смотрели на звезды. И еще любили радугу. Любимая пора года у нее — зима. Оля очень любила меня и жалела. У нас болела бабушка. Мы с Олькой жили у нее, потому что ей нужна была наша помощь. Оля любила бабушку, а бабушка больше всего на свете любила Ольгу. И Сергей, Олин дядя, тоже очень любил свою племянницу.

Сергей умер 14 марта 1998 года скоропостижно, за пять минут, от несчастного случая — кусочек мяса попал в дыхательное горло. Мы очень переживали его смерть. Бабушка умерла через восемь месяцев — 20 ноября, а Ольга погибла через полгода — 30 мая 1999 года. Страшная вереница смертей. Бабушка не пережила бы Олечкину гибель, а я вот — живу...

Ольга снится своим сверстникам и подружкам, а мне — редко. Мы с Олькой очень любили смотреть вдвоем телевизор и комментировать. Было весело. Она любила хорошую музыку и смотрела все музыкальные программы. Любила Инну Афанасьеву, прекрасные песни «Песняров» и особенно Мулявина. А последний любимый хит был Киркорова...

Любила смотреть и заниматься аэробикой с Новожиловой. Любила картошку в любом виде.

Яркие цвета не любила, ее тонами были спокойные.

Любила играть на пианино, но никогда не играла, если собиралось много людей, как бы ее ни просили. Но, когда гости уходили и мы оставались вдвоем, она играла с удовольствием, исполняла все мои заказы.

У нас было редкое единомыслие. Проблемы «отцов и детей» у нас не возникало никогда. Мы были не столько мать и дочь, сколько большие друзья. Навсегда.

Она с самого раннего детства очень тонко чувствовала мое настроение, была психологом от природы. Даже когда я ее наказывала, а она плакала и бабушка спрашивала, кто обидел девочку, Олечка никогда не говорила, что это я ее обидела. Она меня поддерживала всегда и во всем. Даже когда я была не права, она все равно была за меня. Я сейчас очень хорошо понимаю, как надо вести себя с близкими. Надо любить так, как любила Олечка, — просто, всепрощающе. Я в отчаянии.

В пятницу, 28 мая, Олька позвонила мне и сказала, что в эту субботу она не приедет, пойдет с компанией своего троюродного брата Игоря на пикник. И спросила: «Мама, мне идти или не идти?». Я ответила, что конечно же идти. Но вдруг почувствовала сильную тревогу и сказала: «Олечка, смотри, чтобы все было хорошо». А она мне отвечает: «Ну что ты, мама, я же с Игорем».

Позже я позвонила в общежитие, но там постоянно были короткие гудки. Больше мы с ней не разговаривали.

Как мне рассказывал потом Игорь и его мама, Олечка с друзьями Игоря провела замечательный вечер, была оживленна и весела. Ночевала у тетки, утром проснулась поздно и стала рассказывать сны (она любила рассказывать сны, она им верила). Снова ей снилась бабушка. Она Ольге снилась очень часто. Ольга говорила мне: «Мама, мне часто снится один и тот же сон, что бабушка встает из гроба». И в ту, последнюю, ночь ей снова снилась бабушка.

Таня, соседка Оли по комнате в общежитии, рассказывала, что Оля вернулась в общежитие где-то около часу дня. Немного полежала, приготовила себе поесть. Наконец дозвонилась своей подруге Тане Кашицкой, с которой они собирались идти на проспект Машерова. Несколько раз спускалась вниз, звонила Тане. Договорились встретиться. Ольга несколько раз заходила к соседке в комнату и рассказывала, что ей вчера очень понравилось, было весело, была красивая природа. Говорила: «А сейчас мы пойдем на концерт». Сначала она встретилась с Таней Кашицкой, потом, часов в семь, они встретились с Игорем и его друзьями и пошли на концерт. Пробыли там около часа и собирались уже уходить, а Оля с Таней говорят: «Игорь, вы постойте здесь, а мы сейчас придем. Только вы никуда не уходите, чтобы мы вас потом не искали». И побежали в сторону Дворца спорта. Минуты через четыре все и началось. Больше живыми их не видели. А ребята отошли чуть в сторонку и все ждали девчонок. Простояли весь дождь под зонтиком... Говорят, что Олечку подмяли сразу же, она не добежала до метро. Она упала и ударилась головой, у нее вся кофточка была в крови. Олечка погибла сразу. А Таня еще около часа была в реанимации.

Ольга была очень счастлива, что поступила в Технологический университет. Счастлива и я. Ее считали

хорошей студенткой, в деканате поговаривали, чтобы после окончания оставить при кафедре. Она бы пошла в науку. Но видно, не судьба.

Ольга не любила шумных компаний, она от этого уставала.

Оля была талантливой от природы. Еще в десятом классе, на празднике, посвященном 8 Марта, на конкурсе «А ну-ка, девушки!» она представляла модельера со своей коллекцией мод «от Юдашкина». Весь текст и всю рекламу придумала сама. Было очень интересно, современно, злободневно, весело.

Когда Оля приезжала на выходные домой, а она приезжала почти каждую неделю, мы обязательно готовили что-то вкусненькое. Она мне рассказывала о своей учебе, о ребятах и девчатах. Я их всех знала. Я была в курсе всех ее дел. И я ей рассказывала о своем. Это все было наше.

Пишут студенты Олиной группы

«Ольга Орел. В последнее время имя этой девушки ассоциируется у нас с такими страшными словами, как «боль», «страх», «смерть»... Бурный поток разъяренной человеческой толпы унес хрупкие юные жизни. Одной из них была жизнь Оли.

Прошло уже немало времени, но мы все еще боремся с горьким чувством потери и бессмысленной, а от этого еще более страшной утраты. Все еще не понимают наши сердца, что она, такая молодая и жизнерадостная, уже никогда не переступит порог университетской аудитории, не улыбнется нам и не скажет: «Здравствуйте!».

Сегодня оглядываемся назад и невольно думаем: «А что мы, ее друзья, знали о ней? Что сейчас, когда ее нет с нами, мы можем рассказать о ней?».

Мы познакомились с ней теплым сентябрьским днем 1996 года на первом собрании первокурсников Белорусского государственного технологического университета. «Четвертая группа факультета технологии органических веществ, познакомьтесь, пожалуйста, со своей старостой — Ольгой Орел!» По аудитории прошел любопытный шепот: уж больно волевой и даже пугающе грозной была фамилия нашего будущего «вожака». А потом все невольно улыбнулись — тогда казалось, что уж очень не соответствовала грозная фамилия этой хрупкой, худенькой фигурке и робким карим глазам с длинными пушистыми ресницами.

Потекли обычные студенческие будни: семинары, лекции, экзамены. Поначалу нам, недавним школьникам, было очень тяжело адаптироваться, привыкнуть к новому укладу жизни, к требованиям преподавателей, к лекциям, напичканным химическими формулами и уравнениями. Но казалось, Оля даже не чувствовала этой тяжести. Мы уже давно привыкли, что староста — всегда первая: на коллоквиуме, на контрольной, на экзамене. Если вдруг и у нее возникали какие-то трудности с пониманием того или иного предмета, мы вздыхали: «Если уж староста не понимает, то мы тем более!».

Многие из нас жили с ней на одном этаже общежития. Мы, ребята из провинции, отличались от своих однокашников-минчан манерой говорить, одеваться, вести себя. Но она отличалась и от нас. Ее внутренний мир, в котором жили ее мечты, стремления, желания и надежды, так и остался для нас загадкой. Она не пустила нас в него, оберегая его от нашего юношеского безрассудства, от безмерного веселья и шумных вечеринок. «Олька, пойдем. Группа собралась», — тянули мы ее на нехитрую общежитскую вечеринку в какой-нибудь праздник. «Нет, ребята, я не пойду...» — и скромно опускала глаза. А каждую субботу она бежала на электричку, ехала

домой в маленький поселок под Бобруйском, в дом, где живет ее мама. Только в день ее похорон мы поняли правду: единственным человеком, допущенным в ее мир, была ее мама... А мы не смогли, не сумели, вовремя не поняли, не догадались заглянуть в большие чистые глаза, полные одиночества. А ее мама в день ее похорон встретила нас как своих детей. Она, ни разу не видев никого до этого, знала каждого из нас по именам...

Мы до сих пор не можем ответить на многие вопросы. Зачем? Каким образом Олька оказалась на этом празднике смерти? Почему не уехала на выходные к маме? Но больше всего не понимаем одного: как смерть может быть сильнее молодости? Почему от нас ушли те, кто еще в жизни ничего не успел? Не успел по-настоящему полюбить, насладиться каждой минутой жизни, не успел даже надышаться? Почему судьба так жестока?

Наверно, мы до конца так и не сможем этого понять. И в наших сердцах не перестанут кровоточить выжженные горем имена Ольги Орел, Таньки Кашицкой и многих других молодых и красивых людей, которых забрала от нас смерть, забрала безжалостно, жестоко и бесчеловечно...»

КАШИЦКАЯ Татьяна

Рассказывает мать
Александра Григорьевна Кашицкая

— Танюша родилась 12 ноября, в воскресенье, в 20 часов 30 минут. Еще во время беременности она

давала мне силу и здоровье. Я старалась не расстраиваться, была уравновешенна, спокойна. Она не шевелилась вообще, пошевелилась только перед родами. Мне стало плохо около восьми часов, вызвали «скорую», сказали — вторые роды. Привезли в роддом, начали что-то спрашивать. «Потом, — говорю. — Рожу и приходите, спрашивайте.» Роды прошли очень быстро, почти без боли. Врач спросила: «Вы кого ждали — мальчика или девочку?» Я ответила: «Мальчика, девочка уже есть». — «А у вас родилась прекрасная толстушка, весом 3900, ну просто прекрасная», — сказала врач.

Она в этот же день распеленалась, как только положили. Говорю врачам: «Посмотрите, у вас вон ребенок распеленался». — «Так это же ваша вылезла из пеленок. Такого ни разу не видели.» Она всегда улыбалась, когда ее приносили кормить. В пять месяцев она уже ползала. На первом году своей жизни много ела и спала, была сильной, подвижной. И сразу видно, этот ребенок будет иметь свой твердый характер, присущий только Скорпиону. Она всегда делала то, что хочет, и нельзя было заставить ее делать то, чего не хочет.

Говорить она начала поздно, почти в пять лет, это стало большим событием для нее и для нас. В августе она начала говорить все слова правильно, а на утреннике 7 ноября уже рассказывала стихотворение. Музыку любила со дня рождения. Танюша музыку слышала, но передать то, что слышала, — не могла. С большим усердием готовилась к утренникам в детском саду: рассказывала стихотворения, пела, танцевала. Уже с детства было видно, что она любит веселое и многолюдное общество.

Танюша идет в школу уже почти в восемь лет хорошо подготовленной. Хорошо читает, пишет и считает. И с первого по одиннадцатый класс учится почти с одинаковыми оценками. У нее не было любимых и нелюбимых предметов — она учила все. Она не

делила учителей на плохих и хороших, ко всем относилась с уважением. Предметы одни давались легче, другие труднее. Она не обладала таким умом, когда все дается легко. Все, что она познала за двадцать лет, было достигнуто ее трудом и упорством. Она умела работать над собой. Все старалась делать вовремя. Никогда не заменяла ночь днем, а день ночью. Но всегда считала, что знаний у нее недостаточно.

Танюша мало читала из-за плохого зрения. С таким зрением получать дополнительные знания трудно.

Всегда добивалась того, чего хотела. Если поставила цель получить по какому-либо предмету пять, то так и будет. Одиннадцатый класс заканчивает с тремя четверками, — это ее не огорчает. Видя, что мне не очень нравятся ее оценки, она сказала: «Мама, в аттестате мои оценки не завышены и не занижены. Не расстраивайся. Человек не может знать все. Хирург может сделать уникальную операцию человеку и никогда не подкует коня». И вот выпускной 1996 года. Выпускаются два класса. Класс математиков и общий. Прекрасные молодые люди, все счастливые. Им вручают аттестаты и каждому из учеников читают стихотворение. В этих коротких стихах было отражено все, что о тебе думают твои одноклассники. А мне всегда хотелось, чтобы Танюшу любили, и я переживала, каким будет «ее» стихотворение. И вот строки, подаренные Танюше от класса математиков:

Все пленяет в нашей Тане:
Упоительная речь,
Поступь плавная,
Кудри русые до плеч,
Шепот нежный на уроке —
Она всегда подскажет вам,
Потому оценку Таня
С классом делит пополам.

В этот момент она была самой счастливой, ее зеленые глаза превратились в два лучика, она подошла ко мне, обняла и сказала: «Мама, это твое стихотворение, без тебя я этого, наверное, не сделала бы».

В школе и после у нее не было очень близких друзей, она дружила со всеми. С людьми, которые ее обижали, она уже не общалась. Никогда не жаловалась. На вопрос, из-за чего поссорились, отвечала коротко: «Ты не поймешь». С родными, друзьями, знакомыми всегда поступала честно и справедливо, но обиду не прощала и не забывала.

В этот же год поступает в БГТУ. Она поступала по собеседованию, и в этот же день было объявлено, кто поступил. Когда прозвучала ее фамилия, ее голова упала на руки и она произнесла: «Я поступила. Мама, ты слышала хорошо мою фамилию?».

Она как-то сразу повзрослела. Уроки, с которыми она раньше легко справлялась, стали другими, другие требования. И начался новый этап познания. Танюша была очень вынослива, ее не останавливали никакие трудности. Если что не получалось, она начинала снова, не стеснялась спрашивать, а если знала сама — объясняла. Объяснять любила и умела, это ей доставляло удовольствие. Всегда хотела быть умной. Любила людей умных, веселых и сильных, у которых можно чему-то поучиться. В университете она тоже не имела близких друзей, дружила со всеми и каждого любила за его качества в отдельности.

Танюша в свои девятнадцать лет стала более уравновешенной, прошел переходный возраст. Стала красивой, с хорошей фигурой, умела одеваться, много занималась собой. Бог дал ей все, и прожила она жизнь как на ладони. У нас одна женщина говорила: «Шура, твоим девкам нет ребят в нашем дворе».

Она любила зрелища: концерты, театры, спортивные состязания, все, где весело, интересно и много людей. Любимый вид спорта — плавание, но в связи с плохим зрением она им заниматься не могла. Неплохо играла в шахматы, но играла, чтобы доставить удовольствие мне. Шахматы она считала скучным занятием.

Как я уже говорила, ей нравилось там, где интересно. Всегда ходила на праздники города, возвращалась веселой, много рассказывала и радовалась жизни. На 50-летие Победы она с другими учениками школы была отобрана для участия в спортивном празднике. Но при выходе со стадиона Таня упала, и ее из-под ног выхватил милиционер, оказавшийся рядом. «Мама, я не поняла — взял, поднял, посмотрел на коленки, спросил, не болит ли что у меня, посадил в автобус.» Она не испугалась. А ведь могли бы ее затоптать и там.

Танюша любила все большое. Цветы обязательно должны были быть большими. Пусть одна, но большая роза или белая лилия. Овощи и фрукты тоже большие. Парень тоже должен был быть сильным, добрым, в меру высок и не обязательно красивым. Любила природу, но не деревню с тихой рекой или прудом, а только реку, озеро. Часто мечтала о море, но на море она так никогда и не побывала. Ей улыбнулся счастливый случай побывать на озере Нарочь целый месяц благодаря подружке по университету Татьяне Глушень — она была оттуда родом. Когда Таня приехала, про озеро рассказывала целый день. Больше всего она любила воду, особенно смотреть закат у воды.

Музыку любила разную и песни, в стихах которых был смысл. Из классики любила Чайковского («Танец маленьких лебедей»), «Лунную сонату», «К Элизе», «Вальс цветов», «Песнь одинокого пастуха». Когда она слушала классику, я видела в ней

уже взрослого человека, который вступает в жизнь и не знает, что она ему принесет.

Она стала больше заботиться о родных. Уходя из дома, всегда оставляла записку, которая начиналась со слов: «Мама, я пошла к подружке...» — с точным адресом и телефоном, и обязательно — когда придет. Она хотела жить хорошо, чтобы у нее были достойные дети. Очень верила в приметы. «Мама, — говорила она, — есть такое поверье, что если человек сядет есть в потемках, то у него будут дети воры. А я не хочу, чтобы мои дети были ворами. Я хочу, чтобы мои дети были лучше и умнее меня». Никогда не сядет есть в потемках. Она старалась делать все для счастливого будущего, готовилась к самому лучшему, и вот что получилось...

Танюша мечтала оставить свой след на земле, чтобы о ней помнили люди. Я ей говорила, что не всем дано такое счастье. Но она говорила: «Мама, а может, я выучусь и смогу что-то изобрести такое, чтобы меня помнили: например, лекарство, которое вылечит людей. Или раствор для завивки, который не портит волосы. Ведь я все же химик. Как бы мне хотелось, чтобы мне повезло, — как Пушкину, Менделееву и другим».

Таня была верующей. Любовь к Богу я у нее воспитывала с детства. Но в церковь она не любили ходить, она не могла там сосредоточиться. Говорила: «Я там не могу, я лучше так поговорю». Веровала она как-то по-своему. Исповедовалась и причащалась. Меня радовало ее отношение к Богу, ведь верующий человек всегда добрее. В церковь она одна не ходила: или со мной вдвоем, или втроем — с сестрой. Запомнился один случай. Это было после летней сессии 1998 года. Мы пошли в будний день, людей было мало. По дороге я спросила: «Что ты будешь говорить на исповеди? Ты подумала?» — «Мама, я уже взрослая», — ответила. Она взяла свечки, поставила перед

иконами и пошла на исповедь. Ее исповедовал священник преклонных лет, умный, мудрый, и лицо у него светилось. Перед ним стояла Таня с копной прекрасных русых волос, покрытых розовым легким шарфом. Они, тихо беседуя между собой, улыбались. Затем было причастие. Причастие ей давал другой священник, молодой, но тоже мудрый, красивый. Я стояла в сторонке и думала: пусть бы моей дочери Бог послал такого мужа. Когда мы вышли из церкви, я у нее спросила: «А чему ты улыбалась на исповеди?» — «Мама, я в жизни ничего не совершила плохого, а то, о чем мы говорили, — это тайна исповеди, ты у меня не спрашивай», — ответила она. Так я и не знаю, о чем шла речь. Еще спросила: «А ты видела, какой красивый священник тебя причащал?» — «Нет.» — «Как? Ты же стояла рядом и не видела?» — «Мама, я на него не смотрела.» И я поняла, что она искренне верит, как дано не каждому.

У нее в сумочке всегда лежала икона святой Татьяны, на шее тоже носила иконку, не для украшения поверх одежды, а на теле. Молитву «Отче наш» она выучила, как только начала хорошо говорить. Святое писание прочитала, однако на все у нее не хватало времени — больше останавливалась на Откровении Иоанна и говорила: «Мама, так все страшно там написано».

В тот роковой день 30 мая я утром приехала с дачи, чтобы успеть сходить в церковь на 10 часов, а Танюша с Олей пошли на базар и в ГУМ. В этот день было сорок дней по сестре мужа. За три месяца у нас получилось трое похорон. 21 февраля умер сербродной племянник мужа, 21 апреля умирает его сестра, и ровно на сороковой день, на Троицу, умирает Таня.

Когда девочки вернулись, звонит подруга Тани по университету Оля Орел. Таня просит сказать, что ее нет. Пошла помылась. Оля звонила раз шесть, и Таня

все время просила, чтобы я отвечала, что ее нет дома. В шестом часу — опять звонок. Таня подумала, что это не Оля, и сняла трубку. Это была Оля. Спрашивает: «Ну что, пойдем?». Таня сдалась: «Ладно, пойдем». Стала перед зеркалом, накручивает волосы, но получилось не очень хорошо. Я спрашиваю: «Как же ты пойдешь? Волосы плохо накручены». — «Ай, я скоро приду. Мы там долго не будем, скоро придем.» — «А где концерт?» — «Возле Дворца спорта.» У меня промелькнула мысль не пустить ее. Потом думаю: сегодня Троица, такой праздник, ребенку 20 лет — когда она еще пойдет? Замуж выйдет — потом вообще никуда не пойдет. «А с кем ты идешь?» — «С Олей.» — «Возьмите старшую сестру.» — «Она старая, там все будут молодые. Пусть с кем-нибудь еще пойдет.» — «А во сколько придешь?» — «Не знаю.»

Я ее всегда встречала. В десять часов пошла встречать на остановку. В десять нет, в одиннадцать нет, в час ночи нет. Такого никогда не было. Поехали в общежитие к Оле. Когда мы ехали в такси, таксист спрашивает: «Что, в гости едете?» — «Нет, у нас девочка пошла на концерт и не пришла.» — «Куда, на Немигу пошла?» — «Да я не знаю.» — «Там на концерте много людей погибло.» В общежитие сначала нас не пустили: говорят, гуляют где-то девчонки. Но потом из общежития стали звонить по больницам. Олю нашли сразу в больнице скорой помощи — при ней были документы. Тани не было нигде — ни среди живых, ни среди мертвых. И мы пошли по больницам.

На такси заехали в 10-ую. Там сказали, что из ее класса ходили ребята на опознание, но не нашли. Поехали в 9-ую — нету. Снова приехали в 10-ую и нашли ее там. Я ее опознала. Она лежала на подставке, как будто спала: закрытые глаза, раскинутые волосы не раскрутились, хотя был дождь, ножки ровно сложены,

ручка откинута, не было ни ушибов, ни синяков. Единственное — кофточка мокрая. Потом я уже не знаю, как домой пришла.

Она родилась в воскресенье в 20.30 и умерла в воскресенье, тоже где-то около 20.30. Она всю жизнь давала мне энергию, помогала жить. Ради детей я жила. А теперь нет такой силы, какую давала мне Таня.

Она не любила украшений. Носила только сережки и часы. На Немиге их кто-то снял с нее. С часами, которые были на ней, существует история: ее крестный умер в 29 лет, и остались после него часы. Таня носила их и говорила, что они счастливые, придают силы. Она с ними не расставалась. Хотя у нее было несколько часов, она носила именно те старые часы марки «Восток» на ремешке. Она их не могла потерять, кто-то снял. Сняли и золотое колечко, которое подарил мне муж в день, когда она родилась. Может, здесь и что-то магическое есть.

Было и предзнаменование этой смерти. Когда мы ехали с похорон сестры мужа, другая его сестра сказала, что если в этом году было двое похорон, то будут и третьи — есть такое поверье. Я сразу подумала: неужели Таня? Ведь эта тетя ее очень любила. Подумала: неужели она ее заберет? Потом думаю: Аня, не надо, она же тебя так любит. Когда готовили поминальный стол, кто-то из мужчин тоже говорит: будут еще одни похороны. И мне будто какой-то голос говорит: «У тебя». Это все время у меня в голове было.

Я уже говорила, что на Троицу ходила в церковь. Там я заказала молебен о здравии, но в этот день к нам пришла смерть. Я так расстроилась, что до сих пор не приду к мысли, во что же мне верить. Когда мы с Олей заказывали памятник, художник спросил, что мы хотим написать на нем. Мы выбрали надпись: «Твой светлый ум и красота будут нам звездой всегда». Может

быть, для кого-то Таня была не умной, а для нашей семьи она была самой хорошей и умной. Художник спрашивает: «Вам на памятнике крестик делать?». А я даже не знаю. Что-то мне в этот крестик уже не верится. Это было во вторник, а в среду Оля просыпается и говорит: «Знаешь, мне снилось, что сижу я на кровати и Таня со мной. Я ей говорю: хорошо, что ты пришла, мы вчера тебе памятник заказывали. Крестик тебе делать или нет? Она покивала головой — и все. Я не поняла — делать или нет?». Оля сказала, что она покивала головой, будто бы не надо. Но мы сделали...

Танюшкина могилка оказалась ниже, а дорога выше, и я переживала, что вода будет течь туда. Однажды был сильный дождь, и мне уже казалось, что могилки обвалились. Дождь, осень, и я не спала всю ночь, плакала. Под утро я то ли уснула, то ли нет — не знаю, но мне казалось, что я вроде давала Оле колготки померить. «На, примеряй», — говорю. Она говорит: «Мамка, я уже одета». Я опять говорю: «Ну примерь колготки». — «Мамка, я уже одета.» И в третий раз она говорит: «Мама, ты разве не видишь — я уже одета». Смотрю, а это сидит Таня на стуле, очень красивая, и зашнуровывает свои ботинки. Я говорю: «Танюшка, зайчик, прости меня, я же тебя не узнала. Когда ты пришла?». Она говорит: «Мама, я уже одета, и я не могу померить». И она как в облаке растворилась и ушла. Я после работы побежала на кладбище. Прибегаю — могилка стоит аккуратненькая, там уже сняли забор, и вода пошла мимо могилок. Думаю, она приснилась, чтобы я не беспокоилась.

Еще был один сон накануне 25 декабря. Оле снилось, что Танюша приходит, ночует дома, заправляет кровать. Оля ее просит: «Таня, не ходи больше туда, останься дома». Она говорит: «Я не могу. Ты знаешь, где я нахожусь. Я ведь уже на 29 небе нахожусь». —

«Ну и что, оставайся дома.» — «Ты знаешь, Оля, я, наверное, в рай попаду. Сегодня будет решаться этот вопрос. Я уже опаздываю. Я пойду. Я больше никогда не приду к вам.» — «А сниться будешь?» — «Буду.» — «А ты Олю видишь, с которой погибла?» — «Нет, Олю я не видела.» На этом сон закончился.

Снится она Оле и теперь.

Таня была верующей, почему же ее Бог не спас? Почему получилось, что хороший ребенок умер? Господи, прости меня, прости, может быть, я что-то не то говорю в своем великом горе. Может быть, Бог не заинтересован, чтобы остались на Земле хорошие люди, которые бы родили хороших детей и жили бы хорошо?

С детства она искренне верила. Из лагеря однажды приехала и рассказала, что там вызвали духов. Вся такая перепуганная: «Мама, знаешь, там такое было — они духов вызывали». Я объяснила ей, что этого делать нельзя, что этим они нарушили душу покойника: ему была прочитана панихида, его отпел священник, а они нарушили его покой. Смотрю, она утром собралась куда-то. «Куда ты идешь?» — «В церковь, мама.» Она пошла к священнику, сама все объяснила, все рассказала. Пришла оттуда спокойная: «Мамочка, он меня наставил, все сказал, что сделать». Она была необыкновенная в вере.

Мне нравился ее сильный характер, но мне хотелось, чтобы она была добрее. Иногда скажешь: «Ты делаешь неправильно, тебя Бог накажет». Она сразу как бы становилась тише. Однажды после такого увещевания назавтра просыпается и говорит: «Мама, мне снился Иисус Христос. Как будто это была икона, но он был живой и мне улыбался. Значит, он не такой злой, как ты говоришь». Значит, ее сразу же Бог пожалел, чтобы она не переживала, ее душу держал в спокойствии.

Она всегда давала мне конкретный ответ. «Таня, — говорила я, — в Библии написано: кто почитает своих родителей, тому Бог дает и благосостояние, и длинную жизнь.» — «Мама, но ты забыла о своих обязанностях. Там написано и то, что детей нельзя обижать, чтобы они переживали и нервничали.» Бог ей помогал дать мне достойный ответ.

Она думала о будущем, и главное ее желание — остаться в истории. Если есть Бог и в этот день была Троица, эти погибшие дети — святые. Их забрал Бог. Они умерли не там, где танцевали, как сказали священники, — на блевотине. Они пришли умереть перед дверями церкви. Ведь если стать на эти ступеньки, то церковь была у них спереди и церковь была у них сзади. И была разрушенная церковь сбоку. Они умерли на площади вот этих церквей. Танюшу крестили в этой же церкви, перед дверями которой она погибла. В день святой Троицы не каждому дано умереть.

Она не хотела идти туда, но почему-то пошла. На Троицу дети погибли по Божьей воле. Бог так сделал и послал! От грозы, есть такое поверье, умирают только святые, а тут была виновата гроза. Дети все боятся грозы — и верующие, и неверующие. И Бог послал именно на это место грозу, дождь и град.

Я ходила к священнику с этим вопросом, он тоже сказал: танцевали на блевотине, поэтому и погибли. Никто не захотел вникнуть в душу матери, похоронившей хорошего ребенка. Так почему же священники не выступили по телевидению, как выступают перед Рождеством, Пасхой? Почему не посоветовали нашему руководству не делать праздник там, на костях погибших?

В первом сне, в котором Танюша приснилась мне сразу после похорон, она стояла в этом же переходе, на этих же ступеньках, серьезная, умная, в монашеском белом одеянии. Она приснилась мне в таком виде, чтобы я никого не винила. Все это было дано сверху,

Всевышним. Я не хочу никого судить, считаю, что это природная стихия, которая унесла много безвинных детей, и никто не знает, за что Бог взял их. Может, для того, чтобы те, кто остался в живых, восстановили разрушенные храмы на этой площади и не делали там больше таких праздников.

Когда прошло сорок дней после гибели, мы были в храме Петра и Павла. Священник, когда уже было отслужена панихида, сказал, что он не хочет ошибиться, но ему кажется, эти дети были святые, которые погибли у дверей церкви. Я с ним полностью согласна, и, если бы я знала, что там есть жизнь, была бы самой счастливой. Я знала бы, что она у Бога, я перенесла бы все, лишь бы она была счастливой. Видно, так суждено Богом.

8 января родители погибших детей были в Жировичском монастыре. Там прошла уникальная панихида. Панихиду служил молодой священник. У него не спрашивали, почему погибли наши дети, но он сам сказал: «Никто не знает, почему были убиты 14 000 младенцев мужского пола после рождения Иисуса Христа. Ведь они еще не танцевали. На все воля Божья». После этих слов я почувствовала себя матерью хорошего ребенка. Ведь действительно никто не знает, почему Бог не спас этих младенцев, так же как никто не знает, почему погибли наши дети. Человек не спрашивает, когда ему родиться или умереть. Только у меня остался один вопрос:

Зачем, Танюша, ты от нас ушла,
А нас оставила на свете этом?
Иль лучше жизнь ты для себя нашла,
Где больше счастья, больше света?
Тебя же здесь любили всей душой
Родители, сестра, друзья, соседи.
Для всех была ты словно ангел небольшой,
Хотя порой была капризной ты и вредной.

А может, ты на нас обиду затаила,
Решила отомстить нам всем за все?
Отец в тебе души не чаял, мать любила,
А Оля для тебя была единственной подругой и сестрой.
Ведь ты была еще так молода,
И личико твое сияло чистотой.
Такой ты и останешься навеки, навсегда —
Красивой, милой, доброй, молодой.
Ты с нами не могла проститься,
Но спи спокойно. Земля тебе пухом.
Мы будем за тебя всегда молиться
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Так Танюша вошла в историю своего родного города, который она так любила...

Друзья по университету пишут

«Спутницей студенческой жизни всегда была взаимовыручка и взаимопомощь. В нашей группе Таня Кашицкая была из тех, кто всегда стремился помочь, посоветовать, подсказать в нужное время, в трудный момент.

До сих пор помнится 12 ноября 1998 года и двадцатилетие Танюши. Первый раз вместе собралась вся группа, чтобы поздравить ее с днем рождения... И был подарок, и много-много теплых слов. А на следующий день был другой подарок, подарок от Тани — торт и искренняя благодарность. Ведь не каждый человек умеет оставаться благодарным всегда, везде и за все, а она умела, умела не только сказать, но и «сделать спасибо».

И пусть иногда прямая, но справедливая, добрая и строгая, рассудительная и требовательная, она смогла заслужить уважение и симпатию, доверие и внимание, любовь и понимание своих одно-

группников, и потому храним добрую, светлую, вечную память...»

БРЕЧКО Анна

Рассказывают мать Надежда Михайловна Бречко и сестра Ксения

Мать:

— Аня прожила неполных 22 года — погибла наша доченька за месяц до своего дня рождения.

Аня училась в коммерческом Университете управления по специальности психология. В этот мир Аня пришла задыхаясь. Всю жизнь она задыхалась (была астматиком), да так и ушла — задохнувшись. Это очень странно. Если не считать ее болезни, то можно сказать, что Аня была счастливой. Бог дал Анне очень хороший характер. Она была веселой, энергичной, в меру эмоциональной. Бог наделил Аню и умом. С самого детства она была очень сообразительной. Все удивлялись тому, какая она смышленая девочка. И красоту, и ладный вид дал ей Бог. Единственно — не было хорошего здоровья. С двух лет врачи поставили ей диагноз — бронхиальная астма. И Аня училась в основном дома или в больнице.

Муж мой, Николай Андреевич, Анин папа — военный, сейчас офицер запаса. В Минске мы живем уже 14 лет, с того времени, как приехали из Германии (муж там служил). Аня тогда пошла здесь в третий класс. Вот с тех пор Аня и лежала с астмой, то в 4-й больнице, то, когда стала постарше, — в 10-й. Больше всего

друзей у нее было из тех, с кем она знакомилась в больнице. С ними Аня находила больше взаимопонимания, к сожалению, чем со своими одноклассниками, с которыми она виделась редко. Аня мечтала быть отличницей, но из-за болезни не дотягивала до этой планки, была хорошисткой. Мечта Ани осуществилась в университете. Первую сессию Анечка сдала на отлично. Верим, что и летнюю сдала бы так же... Но продолжения не оказалось. А учиться она любила...

Когда она окончила восьмой класс, мы взяли два ее альбома с рисунками моделей одежды (у Ани была богатая фантазия) и пошли в технологический техникум. Думали: может, после девятого класса Аня поступит туда учиться. В техникуме очень высоко оценили ее работы, сказали, что по этим рисункам можно шить одежду, но посоветовали Ане заканчивать школу и поступать в институт в Витебске. Но из-за своей болезни Аня не смогла бы работать с тканями.

Аня окончила девять классов. Два года работала в подростковом предприятии «Саил» по пошиву мягкой игрушки. Девочка своими руками шила очень качественные большие, красивые игрушки из импортного меха, их отправляли на экспорт — в Голландию, Германию, Польшу.

Аня работала, но не переставала мечтать об институте. Она была очень целеустремленной, никогда не распылялась по мелочам.

Анечка не только хорошо шила игрушки. Она научилась вязать, шить одежду, и получалось совсем неплохо. Аня очень любила делать из мелких бусинок брошки, из деревянных бус делала кулоны, обвивала их кожей — была талантливой рукодельницей...

Она проучилась в университете неполный год. Аня погибла 30 мая, а 31 мая у нее должен был быть очередной экзамен. Оценку Аня получила автоматом за участие в межвузовской конференции. Аня вышла победительницей в первом туре (среди студентов своего

университета), мечтала принять участие в межреспубликанской конференции, которая должна была проходить в Витебске в ноябре, но Ане не пришлось там участвовать. Все ее работы мы будем бережно хранить всегда, пока живы...

Господи, погибли такие хорошие дети! И погибли не потому, что их кто-то наказал, как говорят некоторые. Если наказывать, то наказывать надо было других. Скажем, которые во 2-й больнице, после случившегося, становились перед нами на колени и говорили: «Поверь, я же не знал, что такое произойдет. Я даже разгонялся и прыгал на них. Я думал, что это просто куча-мала.

Это рассказывали пьяные мальчики в тот вечер, 30 мая, когда я, соседка и моя младшая дочь Ксюша взяли такси и поехали искать Аню. Мы ему — Максиму, другу Ани, который был с нею на празднике, — не поверили, когда он сказал, что Аня мертва. Я не могла этого представить и тем более поверить в это.

И только потом я стала понимать, что Ани нет. А первое время мне все время казалось, что она придет, она вернется...

Когда 30 мая в больнице появились люди с телевидения, не понимала, кто они и зачем. Я говорила: «Ну зачем же организовали праздник пьянства, зачем собрали так много детей, если заранее было известно, что будет большая гроза?».

У меня была лишь одна мысль: если Ани нет на полу среди лежащих там тел — значит, ее нет среди мертвых. Значит, Аня жива. Я постоянно говорила себе, что Аня живая. Господи, помоги, без конца читала я тогда молитву «Отче наш». Но какой-то внутренний голос мне говорил: «Ее нет, поздно». Но я не верила. До того момента, пока не увидела Аню мертвой. Это было примерно в час ночи.

После посещения 2-й больницы мы поехали искать по всем больницам своих детей. И последнее место, куда

мы приехали, была 9-я клиническая больница. Но раньше нас туда приехал муж. Он был на даче, а приехал домой, когда мы уже уехали. Максим в тот момент позвонил уже во второй раз и сказал, что он знает, куда повезли погибших на Немиге. Муж сразу поехал в 9-ую клиническую больницу. Когда мы приехали туда, муж уже встретил нас во дворе больницы.

Аню и других погибших в тот момент грузили в большую крытую машину, чтобы перевести в 10-ую больницу. Когда я подбежала, то их в машине лежало трое. Аня лежала посредине, между мужчиной полного телосложения и молодым парнем. Я сразу узнала головку моей доченьки. Я стала сильно кричать, а затем потеряла сознание. Муж мне рассказал, что он сразу нашел Аню на полу. Все ее тело было помятым, ребра сломаны и вдавлены в грудь, все тело фиолетового цвета. Но я все равно ему не поверила, подскочила к машине, а в ней они уже лежали аж до верха, штабелями. И все подносили и подносили тела...

Хоронили Аню в белом костюмчике, который она надевала один раз, когда было посвящение в студенты, Аня была ведущей на этом празднике. Второй раз она хотела надеть этот костюм на экзамен, который должен был состояться 31 мая...

Аня с Максимом (по его словам) шли в первых рядах. Дождь только чуть-чуть накрапывал. Они были любителями массовых гуляний, хотя Аня не любила толпы. Сейчас, когда я думаю о том, что случилось, прихожу к выводу, что Аня не случайно пошла в этот переход.

Почему-то очень долго Аня в тот день наряжалась. Что только она на себя не надевала — комбинировала разные вещи, но ей все не нравилось. В конце концов надела все темное.

В тот роковой день она очень много времени провела в ванной комнате, все мылась. Говорят, в больнице,

когда их клали в гробы, их не мыли. Вот наша доченька сама вымылась перед смертью...

Аня прожила полноценную жизнь, она все умела делать. Рассуждала как взрослая женщина. Анечка была для меня подругой. Я всегда советовалась с ней. Аня могла дать дельный и полезный совет.

Как надо жить, Аня понимала. Она говорила, что у каждого человека своя судьба: кто-то выскакивает замуж в восемнадцать лет, а кто-то создает семью к тридцати годам. Но в первую очередь Аня считала, что нужно повзрослеть, чтобы потом можно было что-то дать своим детям.

В последнее время Аня мне часто стала говорить: «Знаешь, мама, мне кажется, что я замуж никогда не выйду. И от меня внуков ты не жди». Аня вообще себя странно вела. Стала более замкнутой, менее разговорчивой. Заявляла, что никогда не выйдет замуж, а раньше говорила, что любит Максима. Раньше она вообще отрицала существование любви, говорила, что есть просто влюбленность. Аня вела себя не так, как всегда.

У меня самой не было никакого предчувствия. В пятницу мне стало плохо — как легла в постель, так пролежала всю субботу и воскресенье. Ксюша и Аня сами убирали в квартире. Аня приготовила большую кастрюлю овощного рагу с курицей. Мы никогда не готовили так много еды, а в тот день Аня приготовила полную кастрюлю — доверху. И на следующий день, 31 мая, мужчины, которые организовывали похороны, ели это рагу, приготовленное Аней. Разве это не странно? Почему это было так? Когда Аня ушла в тот вечер из дома, я, помню, поднялась с кровати. Мне вдруг стало хорошо. На улице началась гроза, и я пошла на кухню закрыть форточку. Решила покушать. Когда открыла эту кастрюлю, сказала себе: «О боже, Аня сошла с ума. Наготовила полную кастрюлю, неделю будем есть». Как

оказалось, Аня в тот момент была уже мертва. Ани уже не было...

Вот Анин будильник... Будильник остановился сам, его никто не останавливал. Через несколько дней после похорон мы заметили, что будильник сам стал в то время, когда Аня погибла, — в 21 час 5 минут. Нам потом Максим сказал, что это и произошло примерно в это время. Муж подумал, что батарейка села. Вынул ее из будильника, проверил — батарейка работала...

Как хорошо, что хоть последний год Аниной жизни был счастливым для нее. Как-то внезапно отступила астма, почти не стало приступов. И полюбила Аня, поверила в то, что есть любовь. И наконец, Ане удалось осуществить свою заветную мечту — стала отличницей, училась в вузе. Видимо, сам Бог дал Ане пожить последний годик такой прекрасной и счастливой жизнью...

Мы хоронили Анечку лишь на четвертый день после ее гибели (ждали родственников из Астраханской области). На столике стоял портрет Ани, стояли иконы и горела свечка. На третий день утром мы ожидали, когда привезут Аню. У соседки готовили еду. Ксюша оставалась в квартире. Вдруг она прибежала за мной и говорит: «Мама, пойдем быстрее». Мы пришла и увидели, что на свечке образовался наплыв воска. Когда мы присмотрелись, то увидели — это самый настоящий ангелочек. Сидел этот ангелочек спиной к свечке, а ручки были сложены, ножками этот ангелочек упирался в свечку. Это ли не чудо было? Первого ангелочка мы видели втроем: муж, я и Ксюша, а когда увидели второго ангелочка, позвали посмотреть соседок. Только потом я узнала, что именно на третий день после смерти прилетают два ангела и забирают душу для представления...

В первых двух снах Аня снилась мне маленькой девочкой, но лица не было — рамка и овал, а фотография

еще не вставлена. Аня мне приснилась в каком-то старом здании, а мы с моей сестрой как будто студентки и вселяемся в это старое одноэтажное здание. И вдруг я вижу белую дверцу в стене: интересно, что там? Открываю и вижу, что там все белое и отделано так, как сейчас в современных офисах, в глубине комнаты на противоположной стене — маленькая дверца, обитая вишневой тканью. Такой тканью был обтянут Анин гроб. И ступеньки винтовой лестницы, одна ступенька отделана красным ободком, а другая черным. Потом вижу, что из той дверцы вышла маленькая девочка в коротеньком платьице со скакалкой в руках и начинает скакать. Лица ее не видно. Девочка подходит, пытается открыть эту дверцу и говорит: «А что там? А я хочу туда!». А я говорю: «Нет, девочка, тебе нельзя туда. Там страшно». Схватила девочку за ручки и как бы отодвинула от этой старой двери и захлопнула ее...

Второй раз она мне опять приснилась маленькой. Мы с сестрой спим, и она говорит мне: «Надя, забери Аню к себе, а то она совсем замерзла, такая холодная и все время капризничает и плачет. Я никак не могу ее успокоить». Я беру ее на руки и вижу, что ей где-то годик. Я кладу ее возле себя, а она холодная-холодная. Такая, какой она лежала в гробу. Она же была в холодильнике. Я положила Аню рядом с собою и спрашиваю: «Чего ты плачешь?». А она мне: «Мама, мне так холодно, так холодно...». Мне сказали, когда снится такой сон, нужно теплую Анину вещь кому-то отдать. И я потом одной женщине отдала Анину теплую кофточку. Еще Аня говорила мне во сне: «У меня так ножка болит». Согнулась в постели и тянется к ноге. Я приподнимаюсь и вижу, что у нее стопа одной ножки синяя. Я не знаю, как можно расшифровывать эти сны и стоит ли это делать вообще. Но говорят, что в больницах у них всех брали что-то с ноги. Говорили те родители, которые осматривали своих детей. Мы не

делали этого. Мужа даже не пустили туда, взяли у него вещи, и все. Мы не знаем, кто ее там переодевал и как. Нам не предложили даже забрать вещи, которые были тогда на Ане. Мы и не ходили потом за ними. Куда подевали эти вещи, целые они были или нет — мы не знаем, да и не важно это.

А последнее время Аня мне снится мертвой. И ничего не говорит. Я ни разу не разговаривала с нею во сне. А с 28 на 29 декабря 1999 года она приснилась мне снова. Вижу: из яркого света Аня вышла живая, веселая и впервые со мной заговорила: «Мама, я живая!». А я говорю ей: «Анечка, тебе, наверное, очень трудно было. Может, не надо было приходить сюда?». И вижу, какая-то белая постель вдруг появилась посередине комнаты. Я говорю ей: «Ну ложись, отдохни». И Аня с улыбкой легла...

Аня болела сильно, часто «скорая помощь» приезжала. Врачи мечутся, пытаясь снять сильнейший приступ, а она их подбадривает: «Сейчас все пройдет!» — и улыбается. А было и такое, что она теряла сознание и у нее останавливалось сердце. Когда Максим сказал, что Аня умерла, мы подумали: может, у Ани снова приступ и Максим решил, что она умерла...

Этот переход на Немиге — проклятое место. Меня там мутит, в голове начинается какой-то хаос, я перестаю соображать, мне там вообще становится дурно. Место, где я успокаиваюсь, поговорив с Анечкой, — это ее могилка. Я езжу на работу мимо кладбища, делаю там пересадку. Бывают дни, когда я спокойна, но бывают и такие дни, когда кажется, что она стоит за оградой и зовет меня: «Мама, приди, пожалуйста».

Мы поставили Ане памятник — черная гранитная плита, с краю печальный лебедь, на фоне крыла — портрет Ани, фамилия, имя, отчество, даты и четверостишие, которое сочинила Ксюша:

Рассвет встречаем с мыслью о потере,
Нам пусто стало извне и внутри
С тех пор, как дней твоих крылатые качели,
Взлетев, вспорхнув, не долетели до земли.

Время идет, а наше непомерное горе остается с нами. Хочется сказать спасибо всем нашим друзьям, знакомым и незнакомым людям за то, что разделили наше горе, нашу боль. Мы чувствовали их поддержку. Но нашей яркой, веселой, неунывающей Анечки нет уже с нами. Наша звездочка далеко. Когда-то, милая наша Анечка, мы все равно встретимся. Я верю в это. Когда Анечка уходила в последний раз, она мне весело сказала: «Ну пока, мама!». Значит, встретимся! Обязательно!

Сестра:

— Каждый раз, глядя на темный свет окон, я думаю: там — люди, и они ничего не знают о Ней. Не думают, что такое может произойти с каждым. Всем известно, что жизнь человеческая когда-то обрывается, но никогда мы не бываем готовы принять это. Особенно если это случается с одним из самых нам близких людей. Я помню свои первые ощущения, когда по телефону услышала: «Аня умерла». Мне казалось, что я оглохла, — не хотелось верить. Я крикнула в трубку: «Максим, это плохая шутка!». Хотя и чувствовала по его голосу, что на самом деле произошло что-то ужасное. А потом я сразу поверила. До сих пор укоряю себя, что я так легко это приняла. Мне стало пусто. Мама, почувствовав что-то неладное, выхватила у меня телефонную трубку: «Максим! Что случилось?».

Надежда на ошибку стала спасительной соломинкой. Мы искали ее по всем больницам города. Сколько было прочитано чужих фамилий в списках потерпевших! Нам подсказали: «Езжайте в 9-ую. Там —

все... остальные». Да, туда свозили тех, кому уже не требовалась медицинская помощь. Там мы ее и нашли. Ни о чем не думалось. Только воспоминания, как кадры на киноленте, сменялись перед глазами — один за другим. Вот Аня собирается на концерт: она не может решить, как одеться, а я наблюдаю и комментирую. Вот мы сидим на берегу Свислочи (напротив Немиги) — это было 29 мая. Вот Аня рассказывает мне что-то, смеется...

Нет! Не верится, что кто-то так легко отнял ее у нас. Аня всегда была центром нашей семьи: все приходили советоваться или изливать душу именно к ней. Аня была очень требовательна к себе. Это заставляло и окружающих задуматься над своим поведением. Скорее именно она, моя старшая сестра, воспитала во мне многие качества характера.

Не знаю человека, который бы мог сказать что-то плохое о ней. Хотя, наверное, найдутся и сейчас завистники. Да и было чему завидовать: Аня всегда все успевала, в руках у нее все горело, прекрасно училась, имела много друзей. Все потом пришли ее проводить. Я уверена, теперь незаполненная пустота образовалась не только в нашей семье, но и в университетской группе...

У Ани было плохое здоровье. Наверное, поэтому она стремилась, превозмогая неудачи и препятствия, добиваться наибольшего. И все получалось так, как она хотела. Сейчас, пересматривая все, перебирая каждую мелочь, я думаю, что она спешила жить, боясь не успеть сделать что-то...

Хлопья снега опускаются на гранит. Я люблю приходить на кладбище одна. Мысленно разговариваю с Аней и каждый раз жду: вдруг ответит? Хотя бы в моем подсознании? Но мне трудно убедить себя, поверить, что тут, под плитами, лежит моя сестренка. В тот день не ее похоронили. Это была она и не она. Словно спала, даже ротик приоткрыт, как

всегда. Я почему-то боялась, что вот сейчас она откроет глаза и очень удивится, увидев столько людей и столько цветов...

Памятник мы поставили осенью. На черном граните — Анин портрет, лебедь как бы обнимает ее крылом. Думаю, Ане понравилось бы. Я теперь всегда, когда трудно, пытаюсь представить: а как бы сделала Аня, а что бы она сказала? Я привыкла прислушиваться к ее мнению...

Я стараюсь неслышно ступать
Мимо рядов спящих.
Я иду над тобою шептать —
Несу букеты горящих,
В сердце теперь болящих,
Не сказанных раньше слов.
Тысячи снов —
Очных встреч —
Не хватает теперь,
Чтобы с плеч
Сбросить тяжесть
Не прозвучавших при нас
Фраз.

ШАЙКО Александр

Рассказывает отец Василий Иванович Шайко

— Саша родился в июне 1977 года в поселке Миха́новичи под Минском. Он наш младший. Когда Саша родился, мы все жили в Михановичах (хотя

работали в Минске). Он рос здоровым ребенком. Помогала нам воспитывать его бабушка Ольга. Вспоминается один случай из детства Саши. Однажды летом с женой и соседкой мы пошли в малину. От нашего дома до леса было километра полтора. Саша оставался дома на попечении бабушки. А в это время пришла почтальон и принесла журнал «Радио» (я увлекаюсь радиоэлектроникой). Почтальон говорит: «Отдай журнал папе». А дорога в лес — прямо от дома. Выходим мы из лесу, видим — вроде наш Саша шлепает по дороге. Подходим ближе — точно, Саша! Трехлетний малыш взял журнал и понес его папе в лес.

Когда Саше было четыре годика, мы с ним в Киев ездили. Стоял сентябрь. Жаркий сентябрь. Пот глаза заливал. Но мы весь Киев обошли с ним. Саша на руки не просился, ходили только пешком.

В первый класс Саша пошел в 1984 году там же, в Михановичах. Потом мы получили квартиру в Минске, и во второй класс Саша пошел учиться в 77-ую минскую школу. Окончил ее в 1994 году, имея удостоверения токаря и слесаря механосборочных работ.

Сразу после школы пошел работать на Минский автозавод. Ему не было еще восемнадцати лет. Работал с удовольствием на разных операциях по сборке кабин.

4 июля 1995 года был призван в армию. Службой Саша остался доволен, много друзей у него там появилось. В конфликты во время службы не вступал ни с кем, «дедовщины» там не было. Один раз только случилась стычка. Сослуживец в форме приказа сказал Саше что-то сделать. Саша спокойно ответил: «Ты что, командир, что ли? Иди и сделай сам!».

3 января 1997 года Саша вернулся из армии домой. В том же январе 1997 года умирает Сашина ба-

бушка Ольга Иосифовна — моя мать. После армии он полмесяца прожил с бабушкой в Михановичах, она умерла у него на руках. Так уж получилось: бабушка воспитывала Сашу, а Саша был с ней, когда она умирала.

После смерти бабушки Саша опять пришел на автозавод — в тот же цех, на тот же участок, где работал и до армии. Работал хорошо, награждался Почетной грамотой, был отмечен в заводской газете «Автозаводец». Специальность имел электрика. Монтировал с друзьями электрооборудование на машинах.

Всегда был веселым, общительным. Его любили и уважали на работе все, с кем ему приходилось вступать в контакт.

Познакомился с Аллой (она тоже работала на заводе — контролером), собирались создать семью. Свадьба должна была состояться в сентябре, в начале июня собирались подавать заявление в загс.

Они задолго собирались пойти на этот «праздник». «Манго-Манго» — одна из любимых групп Саши. Он долго собирал крышечки от сигарет «Магна». Утром 30 мая Саша с Аллой съездили на базар в Ждановичи. Саша купил себе черную майку и штаны, Алла — кофточку и юбку. Заехали к нам, показали обновки, пообедали. Это было в начале шестого. Потом они поехали к Алле, а от нее — на Немигу. Старший сын Сергей с женой и ее братом тоже отправились туда. Они приехали на станцию метро «Немига» одной электричкой. Впереди шли Саша с Аллой, а сзади Сергей со Светой и Димой. Света говорит: «Вот Саша идет!». Сергей отвечает: «Не может быть!». Он еще не видел Сашу в новых брюках и черной маечке. Они догнали Сашу с Аллой, вместе пошли на концерт. Саша с Аллой были возле самой сцены, танцевали там...

Все остальное я знаю из рассказов Сережи. Началась гроза. Все начали убегать. Сережа со Светой

и Димой шли вниз по правой стороне, где были перила. Когда началась давка, Сережа обхватил перила с двух сторон, а Света была между его рук, у перил. Он спиной стоял к толпе. Они остались живы. А Саша пошел вместе с толпой... Алла говорит, что видела, как он повернулся, махнул рукой — и все...

Когда начали выносить тела, Сашу вынесли сначала на первую площадку. Потом Сергей на своих руках вынес его наверх. Пытались оживить его, делали искусственное дыхание — все было без толку. Милиционер помогал им... В больницу Сашу привезли уже мертвого, его не смогли откачать.

А я дома смотрел в окно. Вижу, что в районе Немиги — гроза, туча висит... И молния ударила прямо в землю. Я говорю жене: «Там без жертв не обойдется!». И вот — наговорил...

А перед этим Саша еще окончил школу водителей, получил права. Оставалось жениться и заводить детей...

Вы знаете, что я думаю. Стихия, конечно стихия, но к ней надо быть готовым. Я считаю, что здесь милиция промашку дала. Она не предусмотрела экстремальной ситуации. Переход надо было просто перекрыть, чтобы туда толпа не бежала. Толпу можно было разбить на части. Говорят, что милиция попряталась в автобусы, и все произвольно пошло...

Льготы сейчас дают. Видимо, власти осознают свою вину, но не признают ее открыто. Даже митрополит Филарет, когда была служба на сороковой день, сказал, что на Троицу нельзя устраивать там танцы, а они пошли на святое место... Но ведь праздник устраивали не дети, а отцы города. Если это место святое, то они должны были организовать праздник в другом месте...

ПАЛЬВИНСКАЯ Ольга

Рассказывает мать
Валентина Викторовна Пальвинская

— До 30 мая 1999 года я была самой счастливой матерью на земле!

Оля — не случайный ребенок, мы хотели второго ребенка. В то время мы жили в Мозыре. Я работала в аптеке ЛТП-2, в общежитии этого учреждения нам была выделена комната — семь квадратных метров.

30 июня 1977 года старшей дочери Светлане исполнилось четыре годика, а 15 июня у нас родилась Оленька. Врачи мне сказали: «Ваша девочка оценена на десять баллов. Это высший балл. Ребенок родился безупречным, у вас особенная девочка». У нее были черненькие длинные волосики с завитушками, круглое личико с маленьким носиком и большими голубыми глазами. Старшая дочь Светлана была очень крикливым ребенком, такое впечатление, что два года рот не закрывался ни днем ни ночью. И вот Олю мы решили растить по книжке для молодой мамы, где все было расписано с момента рождения ребенка. На руки мы ее не брали. Я ей пела песни, играла с ней, делали разные упражнения, кормили строго по часам, укладывали спать в одно и то же время. Всем знакомым, которые приходили в гости, я говорила: «Разговаривайте с ней, но на руки брать нельзя».

Росла она крепким, здоровым ребенком, и я, когда ей было два месяца, вышла на работу. Помогали растить Олю муж и четырехлетняя Светлана.

Оля никогда не плакала, сама научилась садиться. Мы разговариваем, смотрим — она уже сидит.

Мы решили понаблюдать, как она это делает. Я положила ее, и мы стали наблюдать. Она приподнимается, потом на бочок, потом на локоток опирается, потом садится. К шести месяцам она стала на ножки становиться. С шести месяцев говорила свое имя, только ударение делала на букву «я». Получалось: «Оля-я».

Ее никто никогда не укачивал, она всегда ложилась спать в девять часов. Мы ее накрывали, закрывали комнату и уходили: «Все, Оленька, спать». Она и спит. В три года дедушка Витя научил ее читать. В детском саду воспитательница давала ей книги сказок с большими буквами, и Оля читала их детям. На Новый год она всегда была Снегурочкой.

В семь лет пошла в школу. Первых классов было больше десяти, она училась в классе «И». Много детей было в Мозыре, занимались в три смены. У моих дочерей были косы. Для меня это принципиально: обе мои дочери должны окончить школу с длинными волосами. Я говорила: «Вы, когда вырастете, делайте себе какие хотите прически, но школа вам будет вспоминаться только с косами и бантами». Где бы Оля ни выступала на сцене, ее все помнят с огромным бантом. Только в консерватории Оля подрезала волосы. Хорошие волосы были, пышные. Когда она приехала в Америку, американки восхищались ее волосами — ведь там практически все со стрижками...

Пошла Оля в первый класс. Учится сентябрь, октябрь. Вдруг как-то в понедельник телефонный звонок. Спрашивают: «Квартира Пальвинских? Вас беспокоят из музыкальной студии. Почему ваша дочь не пришла сегодня на занятия?». Я отвечаю: «У нас никто не занимается в музыкальной студии». Мне говорят: «Как не занимается? Уже два месяца ваша дочь ходит на занятия. Класс фортепиано».

Я удивилась: «Мы же ничего не знаем! У нас нет музыкального инструмента». А учительница говорит: «Девочка уже давно ходит в студию, а сегодня почему-то не пришла». Я говорю: «Даже не знаю, что делать. Музыкальный инструмент мы купить не в состоянии. Вы проверьте ее досконально, если у нее есть способности, то пусть ходит». Олечку прослушали, и потом мне передал педагог: «Пусть ваша девочка занимается, ей это нужно!».

А как это все получилось? Она сама решила. Оля пришла в студию, написала записку, указав свое имя и адрес. На ее записку не обратили внимания, ведь она пришла без родителей. Оля опять пришла и опять написала записку. Педагог начала с нею заниматься. А как она ходила? Утром шла в школу, по пути домой — в студию. Приходит домой, делает все уроки. Я возвращаюсь после шести с работы — у нее все готово, она уже и музыкой позанималась, и уроки приготовила, и ничего нам не говорит. А тут учительница из общеобразовательной школы провела после занятий классный час, поэтому она опоздала в студию. Вот педагог и позвонила нам...

В студию брали без экзаменов. За сентябрь и октябрь не требовали сначала денег. А если ребенок продолжает ходить, то уже надо было платить за эти два месяца. В студии надо было платить 12 рублей в месяц, а в музыкальной школе — 6 рублей, а зарплата у нас — 60 рублей. После первого класса мы услышали ее первое выступление — она играла на пианино небольшое произведение Моцарта. Маленькая, худенькая, она сидела на вертящемся стульчике, который пришлось подкрутить.

Мы подали заявление в первый класс музыкальной школы. Ее спросили: «В студии ты играла на фортепиано, а сейчас почему идешь на аккордеон?». А Оля говорит: «Фортепиано с собой не унесешь,

а аккордеон везде носить можно». Она отвечала так, как думала.

Через год Оля участвовала в показательном концерте в Гомеле. Я никогда не забуду, как волновалась и переживала за Олю на ее первом концерте педагог Татьяна Ивановна Караваева. А Оля в свои восемь лет не испытывала чувства страха на сцене. Оля должна была выступать предпоследней, все участники и жюри к этому времени устали, председатель жюри ворчал: «Ну, кого вы привезли? Что может показать ребенок, который отучился один год?». А Оля уже играла по программе третьего класса. После того как она выступила, председатель жюри спросил: «А куда эта девочка будет поступать?». Преподаватели сказали: «Конечно, в городе на букву “М”». Может, Минск, может, Мозырь, может, Москва, но не Гомель. А в зале сидели представители школы при консерватории. В ней не было класса аккордеона, только баяна. После концерта нам пришло письмо, Олю приглашали поступать в эту школу. Мы поехали в Минск. Я так считаю: если представляется возможность, ее надо использовать. Мы приехали в Минск. Заходим в класс, там стоят одни баяны. Преподаватель говорит: «Бери баян!». Оля никогда не играла на этом инструменте, но взяла баян и тут же подобрала мелодию модной тогда песни «Старая мельница». Преподаватель говорит: «Она будет прекрасная баянистка!». А Оля в ответ: «Я не люблю кнопки, я не хочу играть на баяне!». Что делать? Я говорю: «Продолжим учебу в Мозыре!».

Оля была приветливой, доброжелательной «девочкой-улыбкой», «девочкой-светлячком». Она очень любила деревню, сад, огород, поле, лес, животных. Вы не представляете, сколько слез Оля пролила, когда возле дома срезали огромные тополя.

Уже в первом классе музыкальной школы Оля поставила перед собой задачу: поступить в консер-

ваторию. И она упорно стремилась к цели. В школьном сочинении Оля писала: «Без музыки я просто не могу жить. Ей я отдала много сил, терпения, энергии, может быть, даже какую-то частичку своего сердца. Только с музыкой моя жизнь имеет какой-то смысл».

Оле ее имя не нравилось, она хотела быть кем угодно, только не Олей, — до тринадцати лет, пока не поехала в Америку. Там ее звали Олга, там мягкое «л» не говорят. Американцы были в восторге от нее и ее имени. И когда она вернулась, то сказала наконец: «Хорошо, что вы назвали меня Ольгой!».

В Америку она, наверное, тоже попала волею судьбы. Это было в 1990 году. Были выделены путевки для детей-чернобыльцев, в основном из Гомельской и Могилевской областей. В школу пришла одна путевка. Это было еще во времена Советского Союза, требовали, чтобы ребенок был всесторонне развитым. Мол, вот какие дети в Советском Союзе. Оля лучше всех знала английский язык (если бы не музыка, она отдала бы предпочтение иностранным языкам). Еще много тестов надо было пройти, и Оля их прошла. Ей было тогда тринадцать лет. Я ей сказала: «Олечка, описывай каждый свой день». Дала ей такой крепенький блокнотик, мы и сейчас его храним.

Из Америки Оля приехала повзрослевшая. Она сказала: «Мама, там у людей лица светятся, они радостные, там люди все вещи называют своими именами». Две недели Оля провела в религиозном лагере и две недели — в интернациональном лагере для детей стран всего мира. Были встречи и с белорусскими эмигрантами. В каждой семье, где гостила Оля, имелись музыкальные инструменты, а Оля хорошо играла. Музыка сближает, ей не надо слов...

Потом, в связи с Чернобыльской аварией, мы переехали в поселок Оболь Шумилинского района,

на родину наших с мужем родителей. Оля после окончания школы поступила в музыкальное училище в Новополоцке. И я снова благодарила судьбу за тех людей, которые повстречались Оле в Новополоцком музучилище. Особая благодарность — Любови Ивановне Остроуховой и ныне покойному Олегу Игоревичу Гуисову...

В Новополоцке Оля окончила три курса, а на четвертый мы перевели ее в Мозырь. Она настолько была влюблена в педагогов, которые учили ее в Мозыре, что мы пошли на такой шаг. Мечта педагога Ирины Ивановны Шевровой, которая первая заметила талант Оли, была в том, чтобы Оля окончила консерваторию. Шеврова хотела работать с Олей, и Оля хотела у нее учиться. Оля работала по 20 часов в сутки. Она шла в училище к шести утра, играла день и ночь. За год она добилась того, что стала участницей Республиканского конкурса и поступила в Академию музыки, а приняли в тот год на некоммерческое отделение только двоих — ее и девочку из Пинска. Какая счастливая была моя Оленька! Ведь она жила в столице нашей Родины, занималась любимым делом!

В одной из минских школ, где она преподавала, будучи студенткой третьего курса, у нее было шесть учеников. Они все очень ее любили.

Талант у нее был от Бога.

И вот ее первый самостоятельный концерт в Минске. Он прошел 24 апреля 1999 года. Сколько было восторга! Но первый концерт оказался последним. Оля готовилась к поездке в Польшу. Так и остался не полученным ее заграничный паспорт, а вызов пришел к сороковинам ее трагической гибели...

Оля очень любила два праздника в году — день рождения и Новый год. Только в эти дни ей дарили самые желанные подарки. У Оли день рождения

был 15 июня, и в этом году она хотела сдать до этого дня все экзамены. Два экзамена она сдала досрочно...

Я всегда все предчувствую. Я и детей своих учила доверять своему внутреннему голосу. Я говорила: «Олечка, если тебе очень хочется домой, приезжай!». В тот день была Троица, [redacted] мы ходили на кладбище, на могилы родителей. Целый день я чувствовала какую-то непонятную тяжесть. Это был первый год, когда мы [redacted] такой день не собрались вместе. 30 мая день рождения у старшей, Светланы, а у нас было правило — все дни рождения отмечать вместе. Младшая дочь погибла [redacted] день рождения старшей.

30 мая, когда мы вернулись с кладбища, [redacted] себя совсем плохо чувствовала. Сон был тревожный, все болело в груди, я проснулась от боли. Казалось, мне раскололи грудину, оторвали левую руку. Адская боль. Я проснулась, села на кровати. А [redacted] это время была гроза, где-то гремело. Я посмотрела на часы — было около трех часов ночи...

Под утро я заснула и увидела сон. Сидим мы с Олей на экзамене, в билете четыре вопроса. Первый вопрос: в отпечатанном тексте надо подсчитать количество букв. Я считаю первую строчку, а там получается цифра 53. Я потом поняла, что это значило — количество погибших. Следующая строка — 24, потом — 48. Сосчитаю вторую строчку и сбиваюсь, никак не могу сосчитать. И у Оли такое же задание. И тут появляется экзаменатор — человек, которого я никогда в жизни не видела, но, если бы я встретила его, непременно узнала бы. Он говорит: «Оля, как всегда, первая, уже на все вопросы ответила». Я спрашиваю: «А сколько времени вы даете мне на ответ?». Экзаменатор говорит: «Не волнуйтесь, время хватит, вы еще все успеете, все сосчитаете». И отошел. А Оля говорит: «Мама, у меня

скоро день рожденья, ты мне обещала джинсы». Я говорю: «Конечно, доченька, обязательно куплю — голубенькие!».

И на этом я проснулась. А в шесть часов по радио зазвучала скорбная музыка...

Моя дочь была удивительная девочка. У нее была доброжелательная мягкая улыбка на приветливом лице с лучистыми глазами. Ее все запоминали. В ней было что-то притягивающее. Очень откровенная и доверчивая. Она хорошо знала литературу, танец, увлекалась психологией общения людей. Физически крепкая, высокая девушка. Она любила весь мир и хотела жить. Но сегодня вместо своей дочери я вижу в Минске надломленную бронзовую розочку...

РОМАНОВСКАЯ Татьяна

Рассказывает мать
Зинаида Михайловна Цыбина

— Семнадцатого марта 1999 года Тане исполнилось двадцать четыре года. Шесть лет назад она вышла замуж. Жила с мужем в квартире бабушки, которая выехала из Минска в Радошковичи. И сын мой, Танин братик, жил вместе с ними. Таня смотрела, чтобы все были одеты, накормлены. У них жили еще три породистые кошки. Есть фотография — Таня с кошками на диванчике.

Дочь после девяти классов поступила в технологический техникум, три года отучилась на модельера мужской одежды, а шитье освоила она еще в школе.

Шила джинсы, блузки, платья. Вязала крючком, спицами, хорошо рисовала. Дочь была очень спокойной, не употребляла спиртного, не курила. Очень любила музыку, праздники.

А жили они в квартире с общей кухней. У соседки муж — инвалид. И постоянное «тише, тише, тише» сказывалось на Тане, доводило ее до того, что она иногда уходила из дома. Скажет, конечно, мужу. Как молодежь сейчас живет? «Буду там-то и там-то, приду тогда-то» — и все.

30 мая Таня поставила телефон на определитель и ушла. Таню позвала подруга. Она буквально вытащила дочь из кровати: «Пойдем, там концерт бесплатный, пошли!». Муж и мой сын в воскресенье уехали на рыбалку — с ночлегом. Я была уверена в своей дочери. Жили они материально хорошо, собрали с мужем деньги на машину и копили на квартиру.

Сама я с воскресенья на понедельник (с 30 на 31 мая) должна была идти на работу. Я работаю в Минске, в общежитии вахтером, а живу в Радошковичах. В субботу и в воскресенье у меня был племянник. В воскресенье я его отвезла в Минск. Сестра говорит: «Переночуешь у меня?». Я ей ответила: сын после рыбалки обещал ночевать у меня, поэтому должна вернуться в Радошковичи, приготовить ему поесть. Поехала на электричке назад. И уже когда подъезжала к Радошковичам, было двадцать пять минут девятого, началась гроза. Не очень большая, только молния сильно ударила. Меня она просто пронзила! Я даже сказала: «О господи!». На секунду остановилась электричка — обесточилась. Потом поехали дальше.

Приехали в Радошковичи. Я, прикрываясь целлофановым мешочком, побежала домой. Дома — сразу к телефону. Нажимаю на кнопки — свет отключен. Все — от Минска отрезана. В одиннадцать

загорелся свет, и я начала опять звонить Тане, но никто не поднимал трубку. Звонила где-то до двух часов ночи. Дальше уже не могла звонить, в пять двадцать три у меня электричка — надо успеть на работу.

Приехала в общежитие, а мне вахтерша и говорит: «Зина, молчи!». Оказывается, передают о трагедии на Немиге и выражают соболезнования. Я сначала и внимания особенно не обратила на это. Беспокоилась о сыне. Думала, где он, почему не вернулся с рыбалки? Он всегда, если где-то задерживался, обязательно звонил. Позвонила из общежития им на квартиру, но трубку снова никто не поднял. Звонила им до двенадцати дня...

А сына, оказывается, уже повезли на опознание. Сына и зятя.

Я потом спрашивала, почему они не выключили автоответчик, не переключились на обычный режим. Сын сказал, что они не обращали на телефон внимания. А почему не думали о том, где Таня. Они мне в ответ: «Мама, ты же знаешь, что Танюша в хорошей компании. Что за нее волноваться?».

Сын приехал ко мне на работу в 12.30 и сказал мне о нашем горе. Я не поверила. Я сказала: «Сынок, это неправда, этого не может быть, ты ошибся». Он говорит: «Да мама, я ошибся». Он бегал несколько раз домой, надеясь увидеть Таню там, хотя он уже видел ее неживой. У него было шоковое состояние.

А потом приехал зять на машине, и мы все вместе поехали в 10-ую больницу. И — все. Не знаю, до которого часу там я пробыла. У меня был шок. А может, и не шок, не могу осознать, что это было. Я не могла представить свою дочь мертвой, в гробу. Я и теперь не могу вспомнить, что там происходило...

До сорока дней я ждала, надеялась, что откроется дверь и — Таня войдет. Она и сейчас стоит у меня перед глазами.

Я лежала во 2-й больнице, и мне слышалось, что Таня мне говорит: «Мама, иди. Мама, иди». И я шла в переход на Немиге...

В свидетельстве о смерти написали: «Асфиксия грудной клетки».

О девушке, подружке ее, с которой Таня ходила на праздник, я ничего не знаю. Говорят, что ее вытащили...

У меня бывают такие стрессы, что мои боятся за меня. В больнице после трагедии я лежала уже не раз. Первый раз попала в кардиологию шестого июня, сразу после трагедии. После сорока дней я опять попала в больницу. Сорок дней было 8 июля. И сразу после этого дня — в больницу...

Я везла гроб. Хоронили Таню. Я не осознавала, что это все со мной происходит. Такое чувство было, как будто смотрю со стороны, как будто это не мое...

Мне много случаев рассказывали о погибших. Говорят, мужчина остался один — схоронил двух дочерей... Я не могу этого представить. Может, я какая-то неправильная? Это настолько больно, что не знаю, к какому магу можно обратиться? Как Богу это все можно высказать?

Таня была талантливая девочка. Она такой и осталась. Она — вечная. А как мне это пережить? Муж поседел за одну ночь...

Знаете, когда я родила ее, она была копией мужа. У нее, как и у него, были карие глаза. Потом я ей сказала: «Доченька, ты папина». А когда родила сына, то сказала, что это мой сын. И вот я так и жила. Дочь была мужнина, а сын — мой. И переживала я больше за сына. Он у меня такой, немножко нежный, что ли, вроде недостает ему самостоятельности или целеустремленности. А дочь у нас была все время впереди. Понимаете, она была такая устремленная девочка, такая сильная!..

Когда сын пришел ко мне на работу в час дня, я аж подпрыгнула. Говорю: «Боже, сынок, в чем дело? Я звоню, звоню, а никто не отвечает. Почему вы не можете позвонить сами, сказать, что все в порядке?». А про Танюшу я даже и не спросила. А сын уже знал. Он пришел ко мне на работу с такими вот глазами, широкими. Я говорю: «Сынок, что с тобой?». А он молчит. Может, полчаса молчал. Потом взял меня сильно-сильно за руки и сказал: «Мне нужна Марина». Это моя сестра, она живет в общежитии. Я ему: «Сынок, зачем тебе Марина? Я тут, твоя мама, и если у тебя какое-нибудь горе, расскажи мне, а не Марине. Если тебе деньги нужны — скажи, я помогу». Он иногда обращался ко мне за деньгами. А он одно: «Мне нужна Марина». Я говорю: «Ну хорошо, пошли к ней». Она на девятом этаже живет. Зашли в лифт. Я вижу, он плачет. Я снова говорю: «Сынок, что случилось, почему ты плачешь? Кто тебя обидел? Тебя били?». Вышли на площадку, он мне сказал: «Мама, у нас нет Танюши». Я говорю: «Как это — нет? Она же дома». Он снова: «Мама, Танюши нет, она погибла»...

Вот когда он сказал «погибла», до меня дошло: что-то там на вахте говорили про Немигу! Закричала: «Нет, не может этого быть!..». Конечно же, меня сразу напичкали таблетками, одурманили. Я сидела и только шептала: «Нет, нет, нет». И сейчас вот так вот. Как мне быть, ну как? Что мне делать, куда мне обратиться?

И наша милиция не обучена. А ведь могли бы что-нибудь сделать. Хотя бы один выстрел в воздух сделать. Ведь выстрел действует отрезвляюще. Могли бы спасти. Всех. Были бы детки немного пришиблены, но живы! Вот за что я обижена на милицию. Мне кажется, что они просто не сумели отреагировать на этот случай. Они ждали, пока перестанет идти дождь. Вы знаете, каждый там, наверное, был со своими мыслями:

«Льет дождь, так чего я полезу туда, под ливень? Я что, глупее всех? Пройдет дождь — и будет солнце»...

Когда я готовила ужин в воскресенье, ждала сына с рыбалки, у меня все падала корочка хлеба. Я ее на стол, а она все равно падает. Я ее раза четыре поднимала и сама себе говорила: «Боже, ну какая я же безрукая». Получается, есть какая-то сила, которая предупреждает?

Моя дочь не курила, образ жизни вела нормальный. Больше того, она была, как говорят, не от мира сего. Такой она и осталась, такой она и будет. Как это все мне пережить? Таня никогда не проходила мимо старушки, которая просила милостыню, отдавала ей последние пять тысяч. Она меня все время успокаивала: «Мама, ну что, ты так хочешь, чтобы я вышла замуж?». А я ей отвечаю: «Доченька, ну мало ли что может случиться? У меня недомоганий так много». А она мне: «Мамочка, в двухтысячном году я тебе точно рожу ребеночка». И всегда вот так ко мне: «Мама, мамочка». Доченька, как мне быть? Мне очень тяжело. Ты всегда в моем сердце. Я превратилась в тебя, ты со мной навеки...

ШКУРДЗЕ Людмила

ЛОБАН Светлана

Рассказывает мама Тамара Иосифовна Лобан

— Сижу вспоминаю, как мы с мужем были молодыми, как было трудно. С трудом получили квартиру в Минске, с трудом становились на ноги. Росли

дочери. Потом выдавали замуж дочек, появились внуки.

У нас три дочки. Света — старшая, а Люда — младшая. Еще есть Алена — средняя. Когда маленькими они были — тяжело жилось. В садик сначала мы их не отдавали, а растили дома. Потом, когда они немного подросли, отдали в сад, и стало немного легче. Я сама на строительстве работаю штукатуром, знаете, как это тяжело. Домой приходишь — отдохнуть хочется, посидеть. Но они у меня маленькие понятливые были, все понимали. Конечно, как и все дети, они иногда капризничали.

Вот так и росли. В школу ходили, к бабушке ездили, в продленку ходили. Спокойные девочки были, и уже оттого как-то немного легче. Хорошие девочки. Маленькими очень тихими были, никогда никаких плохих слов от них не услышишь. И позже тоже никогда не слышала, чтобы они что-то плохое говорили или делали. Послушные, разве что за учебу их надо было немного ругать. Каждому свое. Как кому что дается. Нам было некогда им помогать — сами как-то старались учиться. У Светы математика хорошо шла, у Люды — письмо.

Выросли, никуда не ходили. Если куда пойдут, то мы ругали их, у нас очень строгий отец. Могли в кино с девочками сходить, а с мальчиками особенно не гуляли.

Старшая закончила училище, работала в типографии, и там тоже все говорили, что очень спокойная, очень старательная. Училище закончила хорошо, сдала все на отлично. Дали ей пятый разряд. Потом Света ушла оттуда — зарплата небольшая.

Хотя я и старалась помочь дочкам, но они и сами хотели что-то иметь. Каждая из них по-своему была привлекательной. Заглядывались на них парни. Были у них и друзья. Но появились дети, и надо было смотреть за детьми.

Фамилии у Светы и Люды разные потому, что младшая дочка уже вышла замуж, но у них с мужем как-то не получилось. Вот так девочки — Света с Людой — и жили вместе, вместе работали посменно, детей растили. Работали они в частной фирме. Одна идет на работу — другая детей смотрит, она уходит — та приходит. И я им помогала как могла, хотя от меня они ничего не требовали. Сначала мы все жили вместе в большой квартире, но появились маленькие дети — трудно стало: придешь с работы, хочется и отдохнуть, а тут надо за ребенком смотреть. Разменяли квартиру, и дочери переехали жить вместе.

Был у средней муж, сначала хороший, а потом пошли друзья, друзья, друзья. И мать его ругала, очень добрая женщина, но не слушал он ее. Так они и расстались, он переехал к матери жить. А где-то перед сороковинами по моим дочкам он зарплату получил, пошел купаться со своими друзьями и утонул. А друзья не признались. Просто — нет человека, пропал, и все. Начали искать. Тут друзья признались, что видели, как он тонул. Вот тебе и друзья. Вот так и получилось. Пришла сватья к нам на сорок дней, а потом мы к ней на сорок дней ходили...

Туда, на Немигу, они попали, как и все: пришли посмотреть на праздник. Света и Люда были там с детьми и друзьями. И не успели еще погулять, как дождь начался, град. Они в метро решили спрятаться. Я потом у Дениса, старшего внука, спрашиваю: «Ну как там это все случилось?». Раньше он был в большом стрессе, ничего не мог рассказать, только теперь немного отошел. Говорит, шли они, держались за перила. Были они там с другом Людочки. Так этот друг, когда все началось, кричал им: «Держитесь за перила!». У Дениса был рюкзак, так у него там оторвали шлейки. Я у него спросила: «Это ты там

порвал?». Но внук сказал, что нет: «Когда дядя меня вытаскивал, то рюкзак был уже порван. Потом меня передали в “скорую помощь”».

Еще больше психически пострадал младший внук — Владик. Он долго не мог прийти в нормальное состояние, только уже потом рассказал, как там, в переходе, ползал по мертвой маме и просил: «Вставай! Пойдем!», — но мама молчала.

Говорят, кричали там люди, кричали, чтобы не толкались, что падают. Но знаете, кто там был? Это же понятно — молодежь. Там же больше молодежи было, мальчуганов. Больше ничего не рассказали, сами ничего не поняли. Началась эта толкотня, и потом уже ничего не понять. Знаете, как там все это было... Некоторые думали — что будет дальше? Или я выживу, или меня затопчут...

Друг моей дочери тоже толком ничего не может рассказать. Когда, говорит, начали толкать, уже и не разберешь, что и как там было. Но ребенка он удержал, потом в «скорую помощь» понес. Увидел младшую — начал откачивать, но было поздно. А ребенка он передал какому-то мужчине. Так их там затоптали бы... Потом, говорит, и «скорая» начала откачивать, но все уже бесполезно. Я и сама на похоронах видела — грудки все затоптанные. Лицо еще более или менее загримировали, а грудь... На второй день начали отходить, так начало все чернеть. Знаете, упали они где-то почти на последних ступеньках, и придавили их сильно, затоптали. Сильно топтались по ним, потому что очень черные были грудки.

Предчувствия у меня в тот день никакого не было — никто мне не звонил, никто не говорил, что они пойдут туда. Только где-то в полночь звонит Людин друг и говорит: «Я сейчас приеду за вами на машине и вас заберу». Я спрашиваю: «Куда?». Он ответил, что потом скажет. Привез меня он к средней дочери

и начал рассказывать, что случилось. Меня откачивали. Я съела, наверное, две упаковки валидола. Не дали мне умереть.

Наутро мы начали их искать, милиция нам помогала. Нам сказали, что повезли их во 2-ую клиническую. Там сказали, что их уже увезли. Не знаю, наверное, потому, что спасать их не надо было — уже мертвые. Но не знаю, почему их развезли по разным больницам. Мы поехали потом в 4-ую больницу. Там их не оказалось, и мы поехали в 10-ую. Старшую там нашли по фотографии, а младшую — нет. Мы снова поехали во 2-ую, там нам показали видеосъемку, и мы увидели, что кто-то похожий на нашу младшенькую есть. Потом нам сказали, чтобы ехали в морг. В морг меня не пустили, туда поехал Людин друг со своим другом. Но не нашли. Тогда нам сказали ехать в больницу скорой помощи, в их морг. Там мы младшую и нашли.

Нам начали звонить из исполкома, из милиции и говорить, что нашли наших дочек. Но мы им сказали, что сами уже нашли.

Начали готовиться к похоронам, надо же было их забирать, одежду покупать. Правда, Московский райисполком очень нам помог. Помогал и продукты закупать, и столовую дали на поминки. На похороны очень много народу собралось. Не знаю, как бы мы сами эти все вопросы решили. Спасибо им большое.

Похоронены они на Кальварийском кладбище. Место там хорошее, сухое. Уже памятники заказали. На детей я пенсию оформила. Дети очень по мамам скучают. Один ребенок у меня, а второй — у сватьи. Вожу в садик, вечером забираю. Трудно. Работаю я далеко, а еще в магазин надо зайти. Вот так и получается, что прихожу вечером в сад, а мой там почти один уже, последний сидит. Трудно, но справляюсь.

Часто дети вспоминают матерей. Говорят: «Мама мне то купила, то купила». Хотя уже начинают

забывать. А Денис стал очень бояться всего. Что-то у него с нервами стало. Боится в электричках ездить и лифтах. Говорит: лучше пойдем пешком, боюсь, говорит. А в троллейбусе один раз ехали и затормозил водитель резко, люди начали наклоняться. А он как закричит: «Люди падают, люди падают!». Я его еле успокоила, и тогда только, когда вышли из троллейбуса.

Снились доченьки мне. Как-то сню младшую, Люду: будто лежу я на диване с внуком, а она рядом проходит. Я лежу и думаю: а почему она такая теплая? Меня просто такой теплотой сразу обдало. Ведь она же умерла. А старшая просто пробежала куда-то, и все. После этого они мне не снились. Сейчас какие-то странные сны вижу. Будто лазаю я все по каким-то горам. И конца и края нет им.

Сейчас часто в церковь хожу, на кладбище. Что уже сейчас поделаешь, была бы воля поднять их — все бы отдала, но нельзя этого сделать. А так, придешь на кладбище, поголосишь, поплачешь... Вот так и живем.

КОЛКОВСКАЯ Анна

Рассказывает мать Лидия Карловна и брат Анатолий Иванович Колковские

Мать:

— День рождения Ани — 6 мая. Закончила она среднюю школу в нашей деревне Шашки. Училась хорошо, была веселой, доброжелательной девочкой. После десяти классов поступила в минское ПТУ-31.

Работала на Минском автозаводе крановщицей. Жила в общежитии МАЗа. Была всегда доброй, веселой, честной. Друзья о ней отзывались только с хорошей стороны. Очень любила свою деревню и всегда приезжала помогать родителям, которых очень любила.

И вот 30 мая не поехала в деревню, а пошла с друзьями погулять по городу. Уходя из общежития, она даже не подумала, что никогда больше не увидится с друзьями и не встретится с родными и что этот день будет последним днем в ее жизни.

Брат:

— Аня на пять лет меня младше. Она пошла в маму — с самого детства была высокой, плотной девушкой. Училась хорошо, на четверки и пятерки, и после восьми классов собиралась поступать в Барановичское медучилище. Я был в это время в армии и написал ей, чтобы она лучше заканчивала десять классов и шла дальше учиться. Закончив школу, Аня в техникум или институт идти не захотела — решила зарабатывать свои деньги и жить самостоятельно. Пошла учиться в то же училище в Минске, которое закончил и я, а потом сразу распределилась на автозавод крановщицей.

Аня никогда не отказывалась помочь. Постоянно ездила к маме — летом каждые выходные, каждый отпуск. Помогала в огороде, по хозяйству — в деревне всегда работы много. Любила гулять с моей дочкой, нам с женой говорила: «А вы идите погуляйте, отдохните». Для меня она была настоящим другом, ей всегда можно довериться. Была настойчивая, пробивная. Если поставит перед собой цель — обязательно добьется.

В конце мая как раз начались каникулы в школах. Я собирался на выходные отвезти дочь к маме, но позвонила Аня и сказала: «У меня целую неделю

вторые смены — я ее отвезу». Она позвонила в деревню маме, чтобы та приехала в Столбцы и встретила внучку. В Столбцах они встретились, бабушка забрала мою дочку, а Аня сказала: «Мама, я уже не поеду на выходные в деревню». Это было во вторник, а в воскресенье она погибла.

В понедельник я пришел на работу, Анины подруги спрашивают: «Аня у тебя ночевала?» — «Нет.» — «И не звонила?» — «Нет.» Они сказали, что она была там, на Немиге, и в общежитие не пришла ночевать. Тут я вспомнил слова жены, и мне как-то не по себе стало. Сразу начали звонить по тем телефонам, которые постоянно передавались по телевизору, а там то никто трубку не поднимает, то занято. Поехали по больницам. Нашли в 10-й в Чижовке.

Конечно, Аня и раньше ходила на дискотеки. На тот концерт она пошла в компании из четырех человек — два парня и две девушки. Туда они приехали из парка 50-летия Октября, где провели целый день. Жена разговаривала с парнем, который в тот вечер был с Аней, спрашивала, как там все получилось, но он сказал, что ничего не понял: начался дождь, и они пошли в переход. Шли вместе, потом этот парень остановился прикурить, а остальные пошли дальше. Только прикурил, как неожиданно его отбросили к стенке, и потом он уже никого не видел. Второй парень рассказывал, что, когда все упали, Аня лежала на нем, но ему удалось выбраться, а она не смогла.

У мамы, наверное, было предчувствие, что с Аней что-то случилось. Еще не зная о трагедии на Немиге, она начала в понедельник утром звонить в общежитие, и там ей сказали, что Ани всю ночь не было. Когда по радио она услышала о Немиге, поняла, что Аня находилась там. Когда мы приехали к ней, она уже все знала.

Когда было сорок дней после смерти, на поминки из общежития приезжали подруги. Одна из них рассказывала, что ей приснилась Аня: будто бы она пришла, смеется. Ее спрашивают: «Анка, так ты там?». Она говорит: «Мне там так хорошо. Не хочу даже возвращаться».

Я считаю, что девяносто процентов вины за случившееся лежит на милиции. Я служил в армии во внутренних войсках и знаю, как нужно проводить такие мероприятия. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы такое количество людей шло в переход. Ясно, что, если пойдет дождь, люди побегут прятаться, поэтому переход нужно было закрыть и впускать туда людей постепенно. Это просто халатное отношение милиции к своим обязанностям.

ГОВЕН Владимир

Старшина милиции, милиционер отряда милиции особого назначения ГУВД Мингорисполкома.

Рассказывают родители — мать Говен Ольга Аврамовна и отец Иван Александрович

— Первой у нас родилась девочка. А спустя одиннадцать лет появился Володя. Володя у нас очень желанный и долгожданный ребенок. Как мы все радовались этому событию! Дочка очень любила нянчиться с малышом. Уложит его в кроватку, а сама рядышком усаживается делать уроки. Сын был

спокойным, ласковым и послушным. Особых проблем никогда не создавал.

В 1982 году Володя пошел в первый класс средней школы № 99. Учился хорошо. Проявлял склонность к математике. Еще в школе начал заниматься спортом: сначала ходил в секцию карате, потом в спортзал «качаться». Любил играть в футбол, рыбачить, а еще разгадывать кроссворды. Володю всегда отличали заботливость и внимательность. Если, допустим, играя с друзьями во дворе, вдруг замечал, что я иду из магазина с тяжелыми сумками, то тут же подбегал и относил их домой. Володя сам старался помогать мне во всем. Он был для нас незаменимым помощником. Сынок нас всегда слушался.

После окончания школы Володя поступил в 94-е училище. Успешно закончив училище, Володя приобрел специальность электромонтера по ремонту электрооборудования. Но ни одного дня проработать не успел. Пришла повестка из военкомата, и 13 июля 1993 года Володя, как настоящий мужчина, пошел в армию. Вначале проходил службу в учебном подразделении в г. Борисове, а затем его перевели в Марьину Горку. Мы ездили к Володе почти каждые выходные. Сначала ему приходилось тяжеловато, но затем, свыкнувшись со всеми тяготами службы, он с достоинством прошел их.

За время службы получал одни только поощрения: «За отличие и усердие при выполнении служебных обязанностей», «За отличное несение службы».

Будучи командиром взвода, Володя не утратил качеств, которые многие теряют, став командирами: терпение, понимание, чувство справедливости, и ребята ценили Володю за это.

Весной 1995 года, демобилизовавшись, Володя сказал, что пойдет работать в ОМОН. На что я ему

ответила: «Сынок, это очень опасная работа, а впрочем, — смотри сам». Затем к нам приходили из ОМОНа: посмотреть какая атмосфера в семье, познакомиться с нами поближе. Они спрашивали нас, не возражаем ли мы, чтобы Володя работал в ОМОНе. Мы ответили: «Володя сам выбрал себе дорогу». Так Володя с 3 мая 1995 года — милиционер 1-й оперативной роты ОМОНа.

Многим его планам, к большому сожалению, не суждено было сбыться. В период учебы в училище Володя получил водительское удостоверение категории «А». Мечтал ездить за рулем, но мотоцикл мы ему решили не покупать. Слишком уж опасен этот вид транспорта. Мы пообещали подарить Володе машину, когда он получит права автомобилиста. За полтора месяца до случившегося Володя с первой попытки сдал экзамен в ГАИ. Да вот мы свое слово сдержать не успели... Володя был целеустремленным и умел добиваться поставленной цели.

Володя мечтал стать офицером и в 1998 году пробовал поступить в среднюю школу милиции, но, к сожалению, не прошел по конкурсу. Хотел поступать еще, но...

Однажды, в начале лета 1997 года, сын вечером пришел домой и сказал, что встретил очень хорошую девушку и хочет жениться. Так в нашем доме появился еще один член семьи — Оксана.

Мы до мельчайших деталей перебираем в памяти все, что было связано с Володей, постоянно ищем и не можем найти ответы на вопросы: «Почему? Почему именно Володя?».

Вспоминает жена — Говен Оксана Викторовна

— Мы познакомились в Новый 1996 год в компании общих знакомых. Я стояла на кухне и что-то готовила.

Он вошел, представился и предложил помочь мне накрывать на стол. И потом в течение всей новогодней ночи Володя был рядом со мной. Он был очень галантен и обходителен. Мы стали встречаться.

С ним было весело и интересно: мы с Володей гуляли в парках, посещали выставки, музеи, концерты. Кстати, очередной культпоход должен был состояться 3 июня в театр «Христофор», уже и билеты приобрели...

Володя любил и умел как-то необычайно трогательно и со вкусом делать сюрпризы, дарить подарки и подбирать к ним смешные открытки. Как-то в день рождения прихожу на работу, а у меня на столе — огромный букет роз. Я сразу поняла — это от Володи. Так было неожиданно и приятно! Зная, что я неравнодушна к сладостям, Володя всегда приносил на свидания шоколадки и конфеты. Володя был таким открытым, искренним и очень пунктуальным. Если сказал, что придет в шесть часов, то именно в это время и раздавался звонок в дверь. Моя мама по нему даже часы сверяла. Он вообще был «юморной», хотя и немногословный, но развеселить мог запросто.

Каким он был? Тактичным, доброжелательным, честным, уравновешенным... В принципе, он всегда все делал правильно. С ним можно было обсудить любую проблему и при этом я всегда уверена, что все останется между нами и не будет никаких упреков, обид, непонимания. Очень внимательный, Володя умел слушать. Он был «дипломатом» в наших отношениях. На него всегда можно было положиться. Уж если он что-то пообещает, то обязательно сделает. Был человеком слова.

Володя умел дружить, любить по-настоящему. Его тяжело было вывести из себя, выбить из колеи. Если у меня что-то не получалось, то Володя всегда поддерживал меня, старался подбодрить, и ему всегда удавалось находить нужные слова.

Володя ко всему относился с пониманием, никогда ни на что не жаловался. Старался спокойно во всем разобраться. Оптимист, такой жизнерадостный, улыбчивый. Володя всегда знал, чего он хочет от жизни, и шел к этому.

В июне 1997 года Володя предложил мне стать его женой. Зарегистрировать брак мы решили в загсе Центрального района в Троицком предместье. Нам предложили две даты росписи — 13 и 27 сентября. Володя был не против 13-го числа, но я, как суеверный человек, решила остановиться на 27-ом числе. Володя всегда прислушивался к моему мнению. И мы выбрали дату — 27 сентября. Сообщили о нашем решении родителям, и они нас поддержали.

Вспоминаю, как мы готовились к свадьбе. Мы с Володей все делали вместе и были безмерно счастливы.

Обычно говорят, что свадьбу готовят для гостей, а мы делали это не только для гостей, но и для себя. Свадьба была веселой и шумной. Мы так много танцевали, что ноги были в мозолях.

На следующий день — 28 сентября — мы обвенчались в церкви. Мы вместе пришли к этому решению, ведь это очень серьезный шаг. И мы осознанно пошли в церковь, потому что были уверены в себе, в своей верности и преданности друг к другу. Родители Володи тогда сказали: «Ну, теперь вы точно 100 лет вместе жить будете». Так бы все и было, если бы...

Володя очень выносливый, не боялся никакой работы. Он серьезно относился к службе. Раньше на работе у Володи было поспокойнее. И у нас имелось больше возможностей проводить время вместе. А в последнее время график работы стал настолько напряженным, что порой Володя даже оставался ночевать на базе в ОМОНе. Случалось, что и плановые выходные начальство экстренно отменяло. Приходилось

подстраиваться под график его работы. Но я понимала, что просто у Володи такая работа — охранять нашу жизнь и покой.

Много времени Володя отдавал физической подготовке. Ребята говорили, что он мог сдать все нормативы за четверых-пятерых, и казалось, что ему все это давалось легко, хотя за всем этим стояли ежедневные тренировки. Володя ходил в спортзал каждый день, даже во время отпуска. У него не было такого, чтобы прилечь, отдохнуть.

В работе, как и в жизни, все должно основываться на доверии и уважении. У Володи был очень хороший взвод, таких ребят еще поискать нужно. Володя пользовался уважением в коллективе.

Жили дружно, заботясь и помогая друг другу. У нас в доме был заведен такой порядок: у кого из нас свободное время, тот и делал работу по дому. А если не успевали — тогда делали вместе в выходные дни. Володя был очень «домовитым», умел в доме создать тепло и уют. В еде неприхотлив. Мог сам приготовить покушать. Если у него было свободное время, то обязательно к моему приходу готовил ужин. Володя часто встречал меня с работы. Зимой, бывало, пока доберусь до дома — замерзну. Приду — а там уже ждет горячая ванна.

С Володей по жизни было легко. Воспитанный, от него никогда не услышишь грубого слова. С глубоким уважением и почтением относился к женщинам.

Нам никогда нескучно было вместе, мы сами себя развлекали. Друзья, то ли в шутку, то ли всерьез, называли нас «сладкой парочкой». Говорили, удивляясь: «Неужели вам не надоело все время быть вместе? О чем можно только говорить?».

Мы с Володей все старались делать сообща. У меня с ним не было никаких проблем. Я чувствовала себя с ним как за каменной стеной. Володя отличался

аккуратностью, следил за своим внешним видом: был всегда чисто выбрит, опрятно одет.

С родителями Володи у нас хорошие отношения. Они старались не вмешиваться в наши дела. Если было нужно, то помогали и советом, и делом...

В воскресенье, 30 мая, по радио мы узнали о празднике на Немиге. У меня тогда заканчивалась сессия в университете, и накануне я сдала последний экзамен, а муж был в отпуске. Мы долго никуда не выходили гулять и решили сходить на праздник.

В то воскресное утро я долго спала, а Володя проснулся рано и пошел, чтобы меня не будить, в комнату к родителям — посмотреть телевизор. Потом сходил на тренировку в ОМОН. В тот день, 30 мая, стояла жара. Володя надел светлые брюки и белую маечку. Где-то около трех часов мы вышли из дома.

Когда мы пришли на место проведения праздника, то там еще ничего не началось. Володя предложил сходить в парк, но у нас с собой было мало денег, и к тому же мы забыли дома фотоаппарат. И мы решили, что сходим в парк в следующий раз. Долго гуляли по набережной. Потом, около Троицкого предместья, смотрели выступление какого-то приезжего театрального коллектива. Смеялись до упаду. Затем мы зашли в магазин, подкрепились чипсами, сырками, минералкой. На улице встретили Володиных сослуживцев — ребята были при исполнении служебных обязанностей.

Праздник уже шумел. Мы то подходили к месту его проведения, то отходили, долго не стояли в этой толпе. Невозможно было близко подойти — вокруг валялось много грязной посуды. На самом празднике мы долго не находились: скорее ходили кругами, а туда забредали лишь на время...

Когда загремел гром, Володя сказал: «Зонтика у нас нет, а сейчас пойдет дождь. Давай возвращаться,

а то промокнешь и заболеешь». Мы направились к переходу...

Если бы я сама не видела того, что Володя ринулся вперед, я бы не поверила, что он там остался...

В память врезалось, что люди неслись туда как угорелые... Не знаю, что могло бы там сдержать людей... Стихия... Скорее всего это была стихия.

И я в двадцать два года осталась вдовой. Ведь люди должны понимать, что это, в принципе, могло случиться с каждым.

У меня не было никаких предчувствий по поводу того, что случится что-то ужасное... Правда, за несколько дней до этого я почувствовала недомогание. На улице стояла жара, а у меня из глаз начали капать слезы, начался насморк, температуры нет, но состояние ужасное. А к воскресенью мне стало лучше.

Володя в тот день не чувствовал ничего плохого. А где-то за две-три недели до случившегося Володе приснился сон, что будто он идет на войну и его убивают. Наутро Володя сказал: «Мне приснился какой-то дурацкий сон. Давай сходим в церковь и поставим свечки». И мы сходили в церковь, особо не заостряя внимание на этом сне. Больше ничего такого Володе не снилось...

Но если мы с Володей выходили в город гулять, то часто заходили в церковь и ставили свечки — он своему дедушке, я своей бабушке и одну ставили за нас.

И мама Володи тоже ничего не предчувствовала. Когда мы собирались идти гулять, то она пошла в магазин. Вова сказал: «Сейчас мама принесет творог, нужно подкрепиться...». Мы долго ждали ее, а мамы все не было и не было. Потом посмотрели в окно и увидели, что она сидит на лавочке и разговаривает с соседкой. Володя сказал, что это надолго, и мы пошли. Мы вышли из подъезда, а соседка матери говорит: «Вот твои нарядились и гулять пошли, а мои дома сидят». А мама Володи

ответила: «Пусть идут, они молодые». Потом она говорила, что у нее не было никаких плохих мыслей, она не могла даже подумать, что мы пойдем и...

То, что объединились родители и близкие погибших, — это хорошо. Всех нас объединяет общее горе. После больницы я даже не могла говорить про это.

Теперь, 30-го числа каждого месяца, мы собираемся в переходе метро на станции «Немига». Когда поговоришь с людьми, у которых те же проблемы, что и у тебя, на душе становится немножко легче. Может, со стороны это смотрится странно, что мы собираемся там, но ведь именно в этом переходе оборвались жизни любимых людей... Эти встречи на самом деле помогают. Ты понимаешь, что кому-то так же плохо, как и тебе. Ты видишь, что люди, несмотря ни на что, продолжают жить и даже стремятся чего-то достичь — построить ту же капличку, увековечить память погибших. И появляется какая-то надежда, что все не совсем зря и живешь ради памяти о дорогих и любимых людях. Ведь кто-то остался совсем один: нет ни мужа, а единственный сын или дочь погибли — куда им идти? К сожалению, не все это понимают, но есть люди, которые восприняли наше горе, как свое. Мы все, родственники погибших, сейчас и еще долго будет очень ранимы.

26 ноября был праздник в честь 11-летия ОМОНа. Нас туда пригласили: меня, маму и отца Володи. Тяжело было туда идти, но мы все же туда пошли. Прошло слишком мало времени, рана кровоточит. На концерте люди поют песни, а мы сидим и рыдаем. У нас возникло ощущение, что Володя сидел рядом с нами...

Володю похоронили около деревни Ярцево, за Кунцевщиной. Родителям понравилось это место — солнечная сторона и недалеко. Там хорошо, тихо и спокойно. Предлагали похоронить Володю на Кальварийском кладбище — это очень близко от нашего дома. Но наша семья — православная, а Кальварийское

кладбище изначально — католическое. Это и повлияло на наше решение.

Мне снятся сны, и в этих снах Володя — как живой, он приходит домой, а ему говорю: «Где же ты так долго был? Мы тебя все ждем, переживаем». А он, как в последний день, стоит в белой маечке и улыбается… И во сне я говорю ему: «Сейчас пойду и расскажу всем, что ты пришел». Просыпаюсь и думаю: «Господи, ну снова все сначала»…

Ему бы жить да жить… Ведь он так молод, но…

Володя строил планы, рисовал счастливое будущее, которому так и не суждено было сбыться.

Да, Бог забирает лучших, а Володя — лучший из мужчин.

Но остается вопрос без ответа: «Почему так рано?». У него был такой потенциал, он мог сделать столько хорошего, осчастливить столько людей вокруг себя. Почему судьбе было угодно другое?..

Я верю в бессмертие его души. Даже оттуда он пытается помочь нам преодолеть все невзгоды.

Мельникова Алла

Рассказывают мать
Зинаида Антоновна Губская,
муж Иван Васильевич Мельников,
подруга Наталья Ляхова
и свекор Василий Георгиевич Мельников

Мать:

— Аллочка родилась 12 июля 1975 года. С первых дней своей жизни она никогда не доставляла нам

огорчений, росла жизнерадостной и доброй девочкой. Любила животных, подкармливала бездомных котов и собак, как-то упросила папу взять с улицы котенка. В доме у нас постоянно кто-то жил, о ком надо было заботиться.

В нашей семье много медработников — я, две мои сестры и муж старшей сестры. Естественно, когда мы собирались вместе, разговоры были в основном на медицинские темы. Доченька всегда слушала нас с большим интересом. И наверное, поэтому с детских лет мечтала стать врачом.

Я работала в детском саду медсестрой, и Аллочка, заходя ко мне, видела, как я оказываю помощь детям. Ей все это очень нравилось. Был такой случай. На прогулке один мальчик поранил руку. И кто-то из детей сказал: «У Аллы мама медсестра, пусть Алла поможет». Аллочке тогда было шесть лет, но она не растерялась, успокоила мальчика и оказала помощь. Это был первый шаг к осуществлению мечты.

Дома Аллочка любила играть в «больницу»: она — врач, а все игрушки были пациентами. Всех она лечила: кого перевязывала, у кого измеряла температуру, кому — делала уколы...

В четыре года Аллочка знала все буквы, а в пять умела читать. С первого класса — отличница, школу окончила с серебряной медалью. На протяжении всех школьных лет целенаправленно шла к своей цели — стать врачом. Она успешно сдала экзамены в мединститут. В институте первые три курса — самые сложные, поэтому готовилась даже по ночам. Когда я, жалея ее, просила отдохнуть, она говорила: «Мама, это же мединститут! Я должна все знать. Ко мне будут приходить люди, которые будут доверять мне свои жизни!». Она никогда не опаздывала на лекции, всегда шла в хорошем настроении, с удовольствием. Когда начались практические занятия в клиниках,

Аллочка, приходя домой, с упоением рассказывала все до мельчайших подробностей.

На последнем курсе института доченька вышла замуж. По любви. Жили они прекрасно. Муж ее просто боготворил. Аллочкины свекор со свекровью при встрече с нами обязательно скажут мне и мужу: «Спасибо за невестку!». Это были самые приятные минуты для нас...

После окончания мединститута Аллочка проходила интернатуру в госпитале МВД. Она очень гордилась своей работой. Как рассказывает Аллочкин свекор Василий Георгиевич, на любимую работу она не шла, а летела, как бабочка. Для Аллочки не было «понедельника» и «пятницы» в неделе, потому что она любила свою работу. И после трудового дня всегда откликалась на любые просьбы соседей, близких и родных, оказывая профессиональную помощь.

Аллочка была и дочерью, и сестрой, и подругой. У нас не имелось друг от друга секретов и тайн. Она улавливала любую интонацию в моем голосе и всегда пыталась выяснить причины моих переживаний, когда я их старалась скрыть, чтобы ее не расстраивать. Доченька была необыкновенно ласковой, заботливой, внимательной. Алла на даче всем, кто просил, уколы делала. И всегда спрашивала: «Не больно?». Боялась боль причинить.

Она всегда повторяла: не суди, да не судим будешь. И еще говорила: надо уметь ценить то, что есть, чтобы потом не жалеть о том, что уже было.

Аллочка играла на аккордеоне и на пианино. Ее любимая песня: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь».

Дочка прожила очень короткую, но очень красивую жизнь. Она умела радоваться жизни.

Как мы узнали о том, что случилось? С Аллочкой мы встретились ■ четверг. Она приехала ко мне на работу — я готовилась сдавать экзамен на категорию.

И вот мы объединились — Аллочкина теория и моя практика. Целый вечер и дома дискуссировали. В пятницу утром мы с ней расстались, и она ждала моего звонка. Я сообщила ей, что у меня все хорошо. И в субботу мы еще раз созвонились. Узнав, что я уезжаю на дачу, Аллочка попросила меня не перетруждаться. В то воскресенье была Троица, и мы, православные, ничего не делали: смотрели телевизор, я немного поспала. Но еще до объявления по радио я почувствовала, что случилось несчастье. И ночь я провела очень беспокойно, снились кошмары. Очень странно вел себя наш кот Дымок. В этот вечер, когда все случилось, в промежутке между восьмью и десятью, кот — обыкновенный кот — места себе не находил. Мы не понимали, в чем дело, что с животным. Он то мне в глаза смотрит и мяукает, то к мужу подходит. Муж говорит: «Ты покорми его». Я говорю: «Он поел хорошо, не голодный». Я кота взяла на руки. Он любит, когда ему чешут шейку, может часами лежать. А тут полежит две секунды и просится на улицу. Выходим на улицу, он пройдет до следующего дома и возвращается. Животное чувствовало...

Ночь прошла ужасно, практически не спали. Утром, в понедельник, собираясь на работу, включили радио. И когда в шесть часов сказали, что в Минске произошла трагедия, нас охватило беспокойство. Мы быстро засобирались в город...

Муж узнал первым и сразу поехал ко мне на работу. Я же, не дождавшись от него звонка, стала звонить сама...

Муж:

— Об Алюше впервые я услышал еще до нашего с ней знакомства от ее подруги Наташи, с которой вместе учился. В разговоре Наташа как-то вскользь упомянула об Алле, поступившей в мединститут. После этих слов у меня возникло странное ощущение...

А познакомился я с этой необыкновенной девушкой на свадьбе у Наташи и Гены Рябоконя, где мы оба были свидетелями. В то время я еще служил в армии и вскоре стал получать теплые, нежные письма от своей новой знакомой. Когда я получал увольнительную, первым делом бежал на почту позвонить Алюше, чтобы услышать ее нежный и ласковый голос. И каждый раз мне не хватало заказанного времени, и я просил продлить наш разговор.

Алюша действительно была необыкновенным человеком. Она обладала самыми прекрасными человеческими качествами — чуткостью, добротой, отзывчивостью, состраданием. Она умела сопереживать чужой боли, могла найти нужные слова для утешения, приободрить, вселить радость и надежду. Ее безграничное внимание проявлялось по отношению ко всем — родным и близким, ко мне, подругам, к своим пациентам. Аллочка была очень веселой, ее лицо всегда освещала улыбка. Несмотря на сложность и ответственность своей работы, она любила и гордилась выбранной профессией. Алюша думала о своих больных даже дома, переживала за них, беспокоилась.

Алюша называла меня ласково — Ванечкин. Родители за нас радовались. У нас не было бытовых проблем, споров, кому готовить, кому убирать, — все делали сообща. Алюша лечила меня, когда я болел, требовала, чтобы строго соблюдал все ее рекомендации. Я был рад, что у меня свой врач и называл ее Доктором моего тела и души.

Были у нас семейные приколы. В комнате у нас была игрушечная сборная пирамидка, и мы никак не могли решить, куда ее поставить. Я считал, что она должна стоять на этажерке, Алюша — на подоконнике. Мы не спорили. Но если я видел пирамидку на подоконнике, ставил ее на этажерку. Алюша же, без слов, переставляла ее обратно. 30 мая я поставил пирамидку на этажерку, а после трагедии

увидел, что игрушка стоит на подоконнике. Когда Алюша успела...

Подруга:

— Как, оказывается, все же тяжело рассказывать о человеке, который на протяжении нескольких лет был (только одно это слово несет в себе невыразимую боль!) самым близким другом.

С Аллочкой мы познакомились в первые дни учебы в институте. В нашей группе училось много девчонок, но судьбе было угодно, чтобы я подружилась именно с ней. С первых же минут нашего общения можно было понять, что эта красивая, обаятельная девушка — человек с кристально чистой душой, умный и умеющий слушать собеседник, и, как впоследствии оказалось, добрый и верный друг.

Каждое утро начиналось с того, что, приходя в огромную аудиторию на лекцию, я искала ее белокурую головку. Аллочка, будучи очень пунктуальной, почти всегда приходила на занятия раньше меня. При виде ее мне сразу становилось спокойнее — она будет рядом.

Конечно, случалось всякое: и разногласия, и споры. Это была жизнь, простая и сложная, со своими радостями и горестями, уроками и сюрпризами, разочарованиями и победами, — студенческая жизнь. А быть студентом-медиком — задача не из легких. Но одно оставалось неизменным — она была рядом! Мы вместе писали лекции (Аллочка успевала записать все очень аккуратно и подробно своим красивым убористым почерком, что не раз выручало многих студентов не только нашего, но и других курсов), вместе сдавали коллоквиумы и экзамены, которым зачастую предшествовали ночи без сна, вместе ходили в буфет, где денег порой хватало на одну на двоих булочку и стакан сока, вместе отдыхали, отмечая студенческие и семейные праздники. Кстати, Аллочка всегда предпочитала узкий семей-

ный круг шумным и многолюдным дискотекам. Она любила ходить в театры, музеи, любила и умела ценить музыку. А как она играла и пела сама! Первым делом, приходя ко мне в гости, она мчалась к пианино и тут же начинала играть знакомые мелодии. Я всегда восхищалась ее красивым, сильным голосом. Дома у Аллочки был аккордеон, а за плечами — музыкальная школа, и не помню ни одного праздника, на котором мы не наслаждались бы чудесной музыкой!

Аллочка — человек с большим чувством юмора. Как она любила разыгрывать наших сокурсников! А сколько мы вместе сочинили шуточных стишков и эпиграмм на наших друзей и преподавателей!

Алла стремглав мчалась домой, если вдруг мама плохо себя чувствовала. Мама Аллы была большим ее другом, от которого она ничего не скрывала. Не допускала упустить из виду даже какую-нибудь мелочь, которая могла бы взволновать или расстроить маму.

В один прекрасный день Аллочка была почетной свидетельницей на моей свадьбе, и мне одной из первых посчастливилось услышать столько слов восхищения, адресованных бывшему на той свадьбе свидетелем Ване Мельникову. С первой же минуты стало ясно — это он, ее избранник, ее Любовь. Какими томительными для нее были дни, недели, проходившие в ожидании писем от него (Ваня в это время служил в армии). Какой бурной была радость, когда она их получала! А через несколько месяцев состоялась их свадьба. Такую красивую пару встретишь не часто!

В то утро меня разбудил телефонный звонок. Как-то особенно тревожно раздался он в еще сонной квартире. Звонил Ваня. Голос было трудно узнать. Чтобы осознать сказанное, понадобилось время. Я хорошо запомнила предыдущий вечер. За окном бушевала гроза, один за другим раздавались раскаты грома, сверкали молнии. Было что-то зловещее в этих тучах и порывах ветра, почему-то они нагоняли тревогу и беспокойство.

Бессмысленно... Страшно... Больно...

Чувство невосполнимой потери гложет душу. Внутри что-то оборвалось. Навсегда. Многие слова больше не имеют смысла...

Свекор (посвятил памяти невестки стихи):

Ход времени раздавленных часов
Встал на колени в узком переходе.
Немига болью сотен голосов
Проклятье посылала непогоде.
Что городу готовила гроза,
О, если б знал хотя один бы житель!
Закрыли в страхе ангелы глаза,
Открыв для душ небесную обитель.
Ах, Алла, Алла! Что теперь слова!
Земную скорбь не выплакать слезами.
Такое тело смяли жернова.
Так пусть душа блаженствует над нами...

РЯБОКОНЬ Геннадий

Старший сержант милиции, младший оперуполномоченный управления уголовного розыска ГУВД Мингорисполкома

Рассказывают родители —
мама Светлана Михайловна
и отец Виталий Филимонович Рябоконь

— Гена был первенцем, старшим из пятерых наших детей. Рождения каждого из последующих братьев и сестер воспринимал с большой радостью

и ответственностью. Серьезный и самостоятельный не по годам, он был первым помощником в домашних делах. Мог и за малышами присмотреть, и кушать приготовить, и в магазин сбегать.

И в школе № 44, где он учился, особых проблем не возникало. Хорошо учился, активно участвовал в общественных делах. Вообще был очень энергичным и жизнелюбивым. С той поры сохранились у нас грамоты за его победы в соревнованиях по настольному теннису, играх «Что, где, когда?» и КВН. Как примерного ученика, Гену дважды награждали путевками в знаменитый белорусский пионерлагерь «Артек». А еще ему доверили быть школьным знаменосцем и стоять в Почетном карауле у Вечного огня на площади Победы.

Мы всю жизнь работали в органах внутренних дел. Может быть, поэтому Гена с детства мечтал стать милиционером. В том детсадовском возрасте частенько надевал отцовскую фуражку и, перекинув через плечо планшет, гордо вышагивал по двору: «Я — милиционер!».

Вспоминаем, как перед поступлением в школу мы решили показать ему мир и взяли в поездку в Москву. Красная площадь и смена Почетного караула у Мавзолея произвели на семилетнего мальчишку очень сильное впечатление. Стараясь подражать солдатам, он целыми днями маршировал под изумленные взгляды прохожих и ободряющие возгласы отца: «Молодец! Носочек оттяни, ножку повыше!».

Старший сын наш отличался необыкновенной целеустремленностью. Казалось, он четко знает, как ему жить и чем заниматься. После окончания школы поступил в профтехучилище. Отучился там год и с радостью пошел в армию. В это, наверное, трудно поверить, но он неоднократно сам, без вызовов наведывался в военкомат. Так боялся, что его ка-

ким-то образом случайно забудут включить в списки призывников.

Служить Гене довелось в вертолетной части, что под Бобруйском. Когда мы навещали его, то всегда слышали от командиров и ребят-сослуживцев только хорошие отзывы. Как это было приятно!

Вернулся он сержантом и, не отдохнув и недели, тут же поспешил устраиваться на работу. Конечно в милицию! Другие варианты даже не рассматривались. Его с радостью взяли на службу в конвойную роту. Но, прослужив четыре года, сын стал просить о переводе на передний край борьбы с преступностью — в уголовный розыск.

Честно говоря, вначале мы пытались отговорить Гену от столь опасной работы. Но он был непреклонен и настойчив в своем стремлении! А к тому же это его обостренное чувство справедливости... В конце концов мы вынуждены были смириться с его решением.

Вы бы видели его сияющие глаза, когда ему выдали служебное удостоверение младшего оперуполномоченного уголовного розыска! Это было в январе 1999, а в предпоследний день весны Геночки не стало...

Мы часто до мельчайших подробностей вспоминаем тот майский, роковой для нашей семьи день и все пытаемся понять, все ли мы сделали, чтобы отвести ту страшную беду.

30 мая у Гены был выходной. Через день, 1 июня, ему предстоял первый экзамен в средней школе милиции. Он серьезно готовился к поступлению, мечтал стать офицером. Но все-таки решил с женой Наташей и друзьями отдохнуть. Около трех часов дружной компанией они зашли к нам. Попили чай, послушали музыку. Обещали вечерком еще заглянуть...

Но где-то около восьми прибежала невестка. Разутая, растрепанная, кричит: «Гена, у вас? Не могу его нигде найти! Там в метро людей подавило!».

Дальше — как в тяжелом сне.

Поиски... Надежда... Объяснение врачей: «Его слишком поздно привезли»... И ужасная реальность — похороны...

Каждый месяц 30-го числа ходим к месту трагедии. Однажды к нам подошла молодая женщина. По фотографии сына она узнала того, кто спас ее в тот страшный день. А еще сотрудники ОМОНа рассказали, что Гена помогал им выносить из перехода пострадавших людей. Потом потянулся к какой-то громко кричащей девушке, и... толпа накрыла их обоих.

Старший сын всегда был нашей гордостью и верной опорой. Честный, отзывчивый, целеустремленный. А как радовались мы его счастливой семейной жизни, где царили полное взаимопонимание, мир и любовь!

Сердца наши не могут смириться с тем, что все это уже в прошедшем времени. Скорбь безгранична. И все, что осталось, так это только память и пронзительная грусть.

Вспоминает жена — Наталья Рябоконь

— Познакомились мы с Геной осенью, в колхозе, на уборке картофеля. Я сразу была очарована. Меня поразило необычное сочетание: сила, мужество и в то же время невероятная доброта. Его глаза излучали добро. Мы подружились. Я увидела сильного, целеустремленного человека. У него была цель в жизни, и к ее достижению он шел с завидным упорством.

Гена много рассказывал о своих родителях. Он очень гордился отцом — статным, сильным подполковником милиции. Гена мечтал пойти по стопам отца. А еще Гена считал, что каждый настоящий мужчина должен пройти службу в армии.

Прошли полтора года разлуки. Гена вернулся из армии, наши чувства выдержали проверку временем и расстоянием. Летом 1995 года мы поженились. Гена работал в милиции. С гордостью носил форму и с честью выполнял свой долг. А я, конечно, за него беспокоилась. Он был таким «горячим», с обостренным чувством справедливости. Дорога с работы до дома нередко затягивалась на несколько часов. Постоянно кто-то нуждался в его помощи.

Гена не мог пройти мимо. Уже в начале службы в милиции он успел отличиться — задержал опасного преступника. Фотография Гены попала на страницы газеты «На страже». Гена отдавал себя работе, не жалея ни сил, ни времени. Он осуществил свою мечту. С гордостью говорил: «Да, я милиционер! И своей жизнью, своей работой я докажу, что есть люди, которые с честью выполняют свой долг». Я боялась за него, но и чувство гордости не покидало меня. Я встретила настоящего мужчину. Работа занимала Гену целиком, но это не мешало ему быть хорошим мужем. Каждый букет цветов, каждый подарок преподносились с большой любовью, и для этого не нужен был особый повод. Мы были женаты, а он по-прежнему ухаживал за мной. Каждый день встречал меня с работы, он берег меня и заботился обо мне. С Геной я ничего не боялась. Была уверенность в завтрашнем дне, надежда на его ум и силу. Все невзгоды и тяготы своей работы он оставлял за дверями. В наш дом Гена приносил только радость и тепло своей улыбки. Он всегда улыбался. Мы старались дарить друг другу тепло и любовь. Мы были счастливы. Но все... Это счастье оборвалось...

Так редко выходной совпадал в воскресеньем, и Гена решил, несмотря на экзамен, отдохнуть. При любой возможности мы старались провести время с нашими друзьями — супружеской парой Мельниковых, Аллой и Иваном. Они были свидетелями на нашей свадьбе, тогда и познакомились. На протяжении нескольких лет мы были неразлучны. В свободное время мы старались встречаться, нам вместе было интересно. Тот день не стал исключением, мы решили провести его вместе. Зашли к родителям Гены, потом решили сходить на концерт.

Только музыканты стали настраивать инструменты, как начали собираться тучи, засверкала молния, посыпались крупные капли дождя. Мы с Аллой раскрыли один зонтик на двоих. Мужья шли рядом. Решили ехать по домам и направились к метро. Впереди и позади нас тоже двигались люди. Не было давки, толкотни, криков. Все спокойно шли к подземному переходу.

Когда стали спускаться, толпа вдруг резко сомкнулась. Вначале мы ничего не поняли. Меня больше всего беспокоило, что Гена как-то резко ушел вперед и исчез из виду. Некоторое время я еще ощущала под ногами ступеньки, а потом вдруг в какую-то долю секунды сзади так резко надавили, что меня как вихрем раскрутило и перевернуло в какое-то совершенно непонятное положение. Точно помню за спиной возгласы: «Что вы там застряли? Давай быстрее!». А впереди — то ли крик, то ли громкий выдох — «А-а-а-а!!!».

Давление все нарастало. Причем даже на голову, хотя она у меня не была прижата. Это какое-то непонятное, ни с чем не сравнимое давление. Выдержать его просто невозможно. Был шок, был страх, временами отключалось сознание, кто-то хлопал меня по щекам. Внезапно возникла молитва «Отче наш». И я принялась мысленно ее повторять.

Все это время Алла с Ваней находились передо мной. Потом он закричал: «Люди, не давите, моя жена задыхается!».

Не могу точно сказать, сколько длился этот кошмар. В какой-то момент мужчины закричали: «Назад! Назад!», — появилась надежда, что люди наверху услышат и перестанут давить. Но реакции не последовало. Давление нарастало, а сил кричать уже не было. Казалось, прошла целая вечность.

...Когда я открыла глаза, на ступеньках лежали люди. Милиционеры их поднимали. Те, кто мог, пытались идти сами. Увидела, что Ваня выносит Аллу на руках. В голове стучало только одно: «Где Гена?». Оглянулась назад — там от стенки до стенки люди лежали друг на друге. Страх одолевал: «Что же с Геной?». В истерике металась по ступенькам и шептала «Гена!». Подходили люди, предлагали помощь. А глазами я искала мужа.

Затем выбежала наверх. Там лежали люди — кого-то откачивали, у кого-то лица уже были накрыты одеждой. Я в истерике бегала вдоль этого газона, на котором лежали люди. У меня просто с губ не сходило: «Гена! Гена!». Дыхание прерывалось и я шептала: «Гена! Гена! Гена!». Приподнимала одежду, вглядывалась в лица уже не живых людей. Вдруг подумалось: «Что за мысли? Конечно же он живой! Он помогает людям. Это же Гена. Он иначе не может». Я взобралась на парапет, пытаясь отыскать его в толпе: «Он, наверное, ищет меня! Где-то мечется...». В слезах, растрепанная, я побежала к Гениным родителям: «Только здесь мы можем встретиться, если потерялись!». Светлана Михайловна взяла Генину фотографию и отправилась к переходу. Вскоре приехали мои родители, стали звонить по всем больницам. В 9-й ответили: «Да, Рябоконь есть, но он умер». Мы не поверили. На опознание пошел брат Гены — Дима. Он

подвердил, что это не ошибка. В душе все оборвалось...

Спасая людей, Гена погиб. Он не мог поступить иначе. Он не мог, переступая через людей, спасать свою жизнь. Самым главным для него были жизни других людей и долг, который он с честью выполнил ценой своей жизни.

Этой же ночью наше горе удвоилось. Пришло известие, что в той адской толчее не выдержала и Алла. В одночасье я потеряла и мужа, и близкую подругу.

Последующие дни — как в тумане. Сплошная душевная боль и... пустота. Пропасть вокруг...

Сложно говорить о конкретных виновниках той трагедии. Сама там была, видела весь этот ужас, все прочувствовала, а однозначного ответа на вопрос о ее причинах у меня нет.

Скорбным росчерком Судьбы
Ушел от нас ты не прощаясь.
Недожил, недолюбил и недобыл,
Другие жизни защищая.

Скорбным росчерком Судьбы
В свой дом ты больше не вернулся.
В лавину страха вставших на дыбы
Ты боль других гасить рванулся.

Скорбным росчерком Судьбы
Проверка Совести твоей и Чести
Состоялась в схватке той борьбы,
О той, что пишут песни.

Скорбным росчерком Судьбы
К небытию хватило мига.
И в стенах слышен зов мольбы,
Как вечный звон твоей Немиги.

ЗЕЛЕНКЕВИЧ Игорь

Рассказывает мать
Анна Петровна Зеленкевич

— Игоря похоронили в деревне Петровичи Смолевичского района Минской области. Там красивое место. Это родина его отца. Сама же я из Турова Гомельской области. Муж спросил: «Где будем хоронить?». Я говорю: «Конечно, у тебя на родине. Возле отца, возле матери». Может, кто-то к нам и приходил, предлагал кладбище в Минске, но мне было не до этого, я только сидела возле Игоря...

Накануне сороковин пошли мы с сыном Вадимом на кладбище, к Игорю. Смотрим — с венков сняты все цветы. Поплакала, поголосила я на все кладбище. Ну что я могу сделать? Ничего я не сделаю. А 6 ноября была поминальная Родительская суббота. Мы все поехали на кладбище. И жена Игоря поехала, и братья — все. Привезли корзинки с цветами. Потом приезжаем — ничего нет, кто-то забрал. Опять покричала, поплакала. Разве же так можно? Они же, наши дети, и так бедные, несчастные. Я и так не знаю, за что Бог наказал их, почему они попали в эту ужасную дыру? Погибли так страшно... У меня сын полностью был раздавлен — и грудная клетка, и живот, и все. Разве можно издеваться над ним еще и после смерти — воровать цветы?

Мне сказали, это приезжие из Минска воруют цветы и венки, потом их перекрашивают и снова продают. Разве эти люди не должны быть наказуемы? Грешно же воровать на кладбище, опустошать могилки.

Когда Игорь погиб, я теряла сознание, мне было очень плохо, врачи дежурили возле меня. Наша участковая терапевт даже на кладбище поехала. Она видела, что у меня состояние очень плохое. 3 июня у меня уже язык не ворочался, сама я не могла шевелиться. Я не знала, что у меня инсульт. Я не могла разговаривать, не могла поднять руку, ногой пошевелить, температура была под сорок. Сын вызвал врача. Врач говорит: «У матери инсульт, ей надо ■ больницу». Ко мне все врачи и медсестры из нашей 31-й поликлиники по-человечески отнеслись, приходили каждый день. Все женщины, которые работают со мной, пришли, они закрыли ателье, и два дня у меня были со мной, пока родственники приехали. Мать моя давно умерла, когда мне одиннадцать лет исполнилось, а отец умер, когда по Игорю сорок дней было. Не выдержало сердце, положили в реанимацию, но не спасли.

Игорю было двадцать восемь лет, когда он погиб. Я его в двадцать лет родила. Я хотела назвать его Дмитрием. Змитроком. Дать ему такое красивое, наше, белорусское имя... Тогда, в семидесятые годы, мать с ребенком не выписывали из роддома, пока не принесешь метрику. Муж пошел в загс, а там ему посоветовали: «Сейчас модно Игорем называть или Олегом...». Приносит мне муж метрику, а там написано: Игорь. Так Игорем и остался. Родился он весом 3 килограмма 800 граммов. Он у меня красивый мальчик был, кучерявый, беленький. Рос умным мальчиком. И аккуратным. Всегда по две рубашки носил в садик: если какое-нибудь пятно на одной появлялось, он тут же надевал чистую. И мне говорил: «Мама, я всегда хочу быть чистым».

В школе нормально учился. Хотел быть военным. Но так уж получилось. Когда он был в восьмом

классе, я легла в госпиталь. А им учительница русского языка задала тогда как раз сочинение на тему: «Кем ты хочешь стать?». Он написал: «Я хочу быть военным летчиком». Учительница то ли не поняла его, то ли еще что, но начала издеваться, говорить: «Ну что, летчик-космонавт, иди отвечать!». До этого он был открытый мальчик, а после этого ушел в себя. А я в госпитале целый месяц лежала. Вышла, говорю: «Игорь, сынок, что случилось?». Он говорит: «Все теперь меня космонавтом дразнят, летчиком!». Окончил он восемь классов и больше не пошел в эту школу. Пошел в училище. Потом взяли в армию. Нормально служил, и его послали в Москву учиться. В двадцать два года женился, родился у него сын Алексей. Потом работал в банке...

Всякое бывает в жизни. Бывают, конечно, и огорчения. Игорь всегда это чувствовал. Придет, бывало, домой и сразу с порога: «Что так приуныли?». В тот день он пошел на праздник с сыном. Так получилось, что с женой он не жил, не сложилась у них жизнь. Он вернулся жить к нам, но жена его, Лена, приходила к нам и сына приводила. Вот и в ту пятницу она привела Алексея. Я взяла его на дачу. Как раз сад цвел, там было очень красиво. Мы поехали на дачу, а у Игоря была рабочая суббота. В субботу мы поехали, и в тот же день вернулись домой: в воскресенье Троица, а на Троицу нельзя работать. Игорь говорит: «Ну, Алексей, завтра мы с тобою гульнем, я видел по телевизору рекламу — завтра концерт». Я по сегодняшний день не знаю, что там за группа выступала, всех хочу спросить и забываю...

Я, помню, сказала: «Не ходите вы на этот концерт!». А Игорь подошел ко мне и говорит: «Мамулька, я же папа воскресный, я должен сводить сына куда-нибудь, чтобы ребенок посмотрел. Тем

более что погода такая хорошая! Пару часиков побудем — придем». Как ушел на пару часиков — так и все, навечно...

Не знаю, как ему удалось выбросить оттуда ребенка! Многие рассказывали, и в газетах об этом писали, о том, что мужчина кричал: «Вы люди или звери, я же ребенка держу! Что же вы так давите!». Это сын мой кричал. Он Алешу на плечи взял, а потом передал наверх, на улицу. Давить стали его, и он не мог уже держать Алешу. Он кричал: «Спасите ребенка, спасите!..».

Самая первая «скорая» забрала Алешу в 9-ую больницу. Он потерял сознание, был очень испуган. Его кидали по рукам, он весь был в черных пятнышках от пальцев. Конечно же, и придавили его...

Я до двенадцати ждала их. А к часу стало колотить меня. В половине второго ночи стала обзванивать всех друзей. Позвонила в «скорую». Мне говорят: «Женщина, там же носят людей мертвых с этого концерта». Я заплакала: «У меня сын с внуком там!». Спросили: «А сколько лет мальчику?». А потом сказали: «Он в 9-й больнице!». Позвонила в 9-ую больницу. Врач сказал: «Мальчик жить будет. Ссадины, царапины у него, ребенок очень испуган». Я стал сына искать. С трех часов ночи до восьми утра искала и не находила. Муж был сутки на работе. Приходит домой, я ему говорю: «У нас такое горе, наверное, Игорь погиб». Сыновья поехали в 10-ую больницу и сразу увидели Игоря среди погибших.

Внук Алеша помнил, что я просила их не ходить на концерт. И когда он очнулся в реанимации, спросил: «А где мой папа?». Врач отвечает: «Папа твой дома!». Алеша спрашивает: «А бабушка Аня где? Задаст она папе! Она не пускала нас на концерт». А невестка не знала, что Игорь погиб. Ей сказали ехать

к десяти часам в реанимацию, к сыну. Он ее тоже спросил, где папа. Она сказала: «Папа был тут и ушел, пока ты спал». В тот же день Лена узнала, что Игорь погиб. Его в этот день привезли домой, и она пришла к нам...

Сейчас Алеша часто бывает у нас, я спрашиваю его: «Алеша, что ты там видел?». Он говорит: «Концерт видел. Я так танцевал там! А папа потом сказал мне: «Алексей, пошли домой, потому что бабушка будет волноваться. Посмотри, какая туча идет, а у нас зонтика нет». Мы пошли. А потом люди так страшно стали кричать, стали друг друга давить. И папа тогда взял меня на плечи». А больше ничего не помнит — как из памяти стерлось. Как-то я говорю: «Давай к папе на кладбище сходим». Алеша говорит: «Не пойду! И ты, бабушка, не иди, потому что ты умрешь. И я умру. Я не выживу, если ты умрешь». Каждый день он мне звонит, и я ему звоню. Теща Игоря стихотворение про него написала, там есть такие слова: «Не все твое погибло тело, свою кровиночку ты спас...». Мы перепечатали, прикрепили листок в переходе на Немиге...

У меня было предчувствие, что случится что-то страшное. Я сон видела. А перед этим у нашей заведующей мать умерла. В понедельник она умерла. А в среду снится мне сон, что мы вместе с заведующей копаем огород. И у меня свежая, красивая гряда. Это очень плохо, когда во сне копаешь землю. Сырую землю... Я очень не хотела, чтобы он шел на Немигу. Он пошел, а у меня слезы катились. Я его просила: «Сынок, не ходи!». А он взял меня за руку и вдруг песню запел. У него был очень хороший голос. Игорь любил жить, ценил жизнь. Он говорил: «Мамочка, надо прожить день красиво, а следующий — еще более красиво...».

ЗУЕВСКАЯ Марина Станиславовна

РУСАКОВИЧ Инесса Станиславовна

Рассказывает отец Станислав Степанович Зуевский

— Мне 73 года, я минчанин, католик. Жили мы на улице Лесной в Минске, свой дом у нас был. Жену мою звали Галя, мы с ней еще маленькими детьми дружили.

Потом вся наша семья жила в этой квартире. Я работал на велозаводе, сорок три года отработал — токарем ремонтно-механического цеха.

Родились дочери.

Имена дочерям придумала мать. Она умерла уже двадцать шесть лет назад.

Когда умерла жена, младшей дочери, Мариночке, было десять лет, я вырастил ее, дал образование.

Было ли трудно? Вот теперь трудно... Теперь...

Старшая дочь Инесса в двадцать лет вышла замуж, жила на улице Байкальской. Жили они неплохо, уважали друг друга, но муж умер в сорок семь лет. У Инессы две дочери — Таня и Наташа. Внучки приходят ко мне, навещают.

Марина окончила техникум, курсы машинисток. Девочка училась неплохо, любила, чтобы в доме был порядок. Книжек у нас много. Мариночка любила читать. Училась, выучилась, стала бухгалтером. Она не была замужем, жила вместе со мной. К сестре ходила в гости, у них были очень хорошие отношения. Марина работала в Министерстве земледелия, потом в Министерстве финансов в Доме правительства.

Позже устроилась на работу главным бухгалтером... И погибла...

30 мая дочери пошли вместе. Пошли на праздник, посмотреть, что там делается. Никуда никогда не ходили, а в этот раз пошли и не возвратились. Инесса в тот день заехала к нам. Марина мне сказала: «Мы пойдем, батька, на праздник, там пиво бесплатно дают!». Как там это пиво давали, я не знаю... Пошли за этим пивом и не вернулись. Сели у «Бульбяной» на такси, и оттуда не пришли обе...

Марина была со своим парнем Володей. Володя приходит ко мне и говорит: «Марины нет! Погибла!». Я ему: «Как погибла?! Ты же с ними был?». А он: «Погибла». Пошел дождь, все хлынули в этот переход и затоптали там 53 человека. Толкались все, даже те, кто не хотел никого давить. Такая судьба.

Теперь живу один, и ожидаю только одного — могилы.

И в хате все есть, а жизни нет. Дочери — как живые для меня.

КИСЛОВ Василий Филиппович

Рассказывает сестра
Светлана Филипповна Кислова

— Многие мои знакомые ездят через станцию «Немига», и они говорят, что не могут ходить по этим ступенькам — обходят их, выходят в другую сторону. Я думаю, что, если бы власти после трагедии закрыли этот выход, правильно бы сделали, все жители Минска это одобрили бы. Нам объясняли, что там,

мол, сложные технические сооружения. Может быть. Но я думаю, что из любого положения можно найти выход. А сейчас вот приходится ходить по этим ступенькам... Мы собираемся там 30-го числа. Все мамы стоят, отцы, другие родственники. Представляете, в каком они настроении? И вдруг — люди идут по этим ступенькам и смеются... Просто сердце кровью обливается. Как можно вот так идти по этим ступенькам!..

Мой брат вместе со своим другом оказался там случайно. Был праздник, и они шли на троллейбусную остановку через этот подземный переход. Его друг, может, на секунду раньше в переход зашел, и его только помяло. Он сказал, что у него отнялись ноги, он их просто не чувствовал. Я потом у него спрашивала, что там было. Он мне говорил: «Еще дождя не было, спокойно шли». А потом как-то все сумбурно получается — он ничего не помнит. У кого я ни спрашиваю, все тоже дальше ничего не помнят. Васин друг говорит, что их толпа затянула, а потом он почему-то оказался без пиджака, без обуви. Он не мог поехать домой без пиджака и без обуви. Он подождал, пока все разберут, и нашел свои ботинки и пиджак. А Васи не было. Он подумал, что Вася уехал домой, поэтому мне даже не позвонил. Пришел на остановку и думает: «Вот Васе завтра расскажу, в какой я попал переплет». И почему-то он не видел умерших. Наверное, посчитал, что эти люди просто потеряли сознание. Почему-то на следующий день, когда я ему позвонила, он не мог ничего рассказать. «Я до сих пор не могу прийти в себя, — говорил он мне. — Я не думал, что это уже неживые люди.» Сколько я ни расспрашивала, он в ответ одно: «Я дальше не помню. Помню только, как стоял около перехода без ботинок и пиджака». Пришел в себя, когда этот страшный завал уже разобрали. И ничего он не может мне объяснить.

О том, что случилось на Немиге, я узнала чисто случайно. Брат у меня, знаете, уже не маленький, хотя я и старшая сестра. Ему было уже все-таки сорок один, и другу его примерно столько же. Жил он то у друга, то у меня. Друг был разведенным. Я ему всегда говорила: «Вася, ты хоть предупреждай, когда задержишься». А он мне в ответ: «Не переживай, если что случится, то тебе сообщат». А тут произошло, а друг даже не позвонил. Он решил, что Вася вернулся домой. Я сама была на больничном и в поликлинике увидела женщину, с которой брат встречался. Я у нее спрашиваю: «Вася у тебя ночевал?». Она говорит: «Нет». И знаете, когда она сказала это «нет», у меня внутри все оборвалось. Я пришла домой и начала звонить его другу. Звоню целый день — он не отвечает. Ответил где-то часов в шесть вечера. Я спрашиваю: «Вася у тебя?». Он мне отвечает: «Нет». — «А вы были на празднике?» — «Да, были.» Я ему: «Ну а Вася где?». Он отвечает: «Наверное, уехал домой». Но ни у меня, нигде его нет. Я еще подумала: у Васи друзей по Минску много, он может и еще где-то переночевать. Позвонила еще одному другу, но тот тоже ничего о Васе не знал.

Целый день слушала передачи о трагедии на Немиге — по радио, телевизору. Позвонила на работу — узнать, все ли там живы. Что Вася там может оказаться, я даже сначала и не подумала. Села есть и почему-то не могу. Дай, думаю, позвоню по телефонам, которые по телевизору и радио объявляли. Я их записала. Не знаю почему. Наверное, какое-то предчувствие было. Позвонила. Они посмотрели и говорят: «Среди погибших не значится». Но сказали, что в 10-й больнице еще пять человек не опознано. А среди них — один парень лет двадцати пяти и второй лет тридцати пяти. Я думаю: «Тридцать пять и двадцать пять — оба они по возрасту не подходят». Васе все-таки сорок один был, хотя он

и выглядел моложе. Все же звоню в морг. А мне и говорят: «Есть один, у него вставные зубы из желтого металла». А я от волнения не могу вспомнить, из какого металла брат ставил коронки. Побежала к соседке, спрашиваю: «Какие у Васи зубы были: желтые, с напылением, или еще какие?». Она мне отвечает: «Вроде желтые». Как мне плохо стало! У меня в доме подруга живет, так я пошла к ней и прошу: «Позвони ты еще раз». А они опять повторили то же самое. У Васи на руке наколка была — еще с армии. Я подруге и говорю: «Скажи, пусть наколку посмотрят». Не стали смотреть, сказали самим приезжать и смотреть, мотивировав это тем, что, мол, по ним столько людей пробежало, что не видно ничего. Я попросила еще раз позвонить мужа подруги. Позвонил он, сказал: «Знаете, нам ехать далеко, из Масюковщины, вы посмотрите, пожалуйста, наколку». По телефону начали говорить подробные приметы, описывать одежду, и я поняла, что это Вася. Взяли мы машину и поехали туда. Там нас встретили, сказали: «Наколка у него — роза». А я говорю: «Ой, тогда это не Вася». Мне все время казалось, что у него наколка — какая-то змея. Мы зашли, и оказалось, что это он...

Родители наши умерли давно. Васю я с пеленок помню. Это был наш любимый младший брат. Он родился летом, когда цветут васильки, поэтому мама его и называла его Васильком. Я и сама его часто так называла. Все-таки шесть лет разницы между нами. Кроме нас, в семье есть еще две сестры, но одна живет в Новополоцке, а другая — в Краснодаре. Еще был старший брат, он умер, а Вася был самый младший. До восьмого класса он жил в Гомельской области, в Брагинском районе, а потом приехал ко мне в Минск, в училище. Я техникум связи заканчивала, потом институт связи, так что здесь я уже давно. Он приехал, окончил училище, пошел в армию, после

армии он работал в Гомеле. Я ему предложила: «Приезжай в Минск». Прописался он в общежитии, а жил у меня. Насчет женитьбы он мне говорил: «Только после тебя». У Васи была врожденная порядочность и какая-то детская ранимость. Добрый был очень. На даче его все соседи очень любили. У него руки золотые. Знаете, бывают такие мужчины, которые умеют все делать. Вот и он такой. У него была какая-то одаренность ко всему. Плитку никогда не клал, а надо было — сделал не хуже мастера. Каждый дачник знает, как сложно сложить печку, а Вася взял чертежи в книге и сделал то, что хотели. И так во всем. Если уже работал, то вкладывал в работу всю душу. И в компании с ним было не скучно, он со всеми находил общий язык, умел поддержать и серьезный разговор, и пошутить. Соседу по даче было шестьдесят три года, а он приходил к Васе советоваться, как и что построить, что-то сделать. Говорил: «Вася все знает».

И случилось, что где-то 18 мая этого года тот мужчина неожиданно умирает — жена была на работе, а у него инсульт. Вася очень сильно переживал. Так получилось, что через две недели и Вася... Поэтому, когда у меня спросили, где хоронить будем, я сказала: «К Сергею Мефодьевичу поедем...». Там вот, недалеко друг от друга, они и похоронены, на одной аллейке. Его жена, когда ходит к своему Сергею, всегда и к Васе заглянет. То цветочек принесет, то еще что-нибудь. Я тоже — и к брату, и к соседу. Раньше кладбища боялась, а теперь, знаете, оно — как дом родной. На встречи с родителями погибших детей тоже хожу. Практически всегда. Я считаю, очень правильно, что они все так организовались. Вы знаете, так легче. Надо душу излить, пообщаться...

Я думаю, что эту трагедию можно было бы предотвратить. Ну, скажем, если бы переход закрыли, то этого не случилось бы. Когда из Краснодара приезжала

сестра, мы с ней туда ходили. Так она говорит: «Тут такое чувство, что здесь все равно что-то должно было бы произойти». Вы же знаете, как устроен переход: сначала перед ним идет расширение, а потом — сужение. Обязательно что-то должно было произойти. Если его не закрыть, то когда-нибудь что-то ужасное там может повториться. Ну как специально сделано! Страшно сейчас там ходить. Он какой-то темный и кажется меньше других подземных переходов. Может, это просто кажется, но какой-то он очень страшный...

Я не могу привыкнуть, что Васи нет. Ложишься спать и думаешь: «Где он сейчас? У кого из друзей остался ночевать?». Первое время вообще забывала, что произошло. Едем, например, другой дорогой с дачи, а я и говорю: «Надо Васе сказать про этот кратчайший путь». Тяжело, конечно, поверить, что это случилось.

Предчувствия, наверное, у меня были. Почему же я пошла на больничный? У меня никогда сердце не болело, а тут вдруг на работе плохо стало. Я отпросилась с работы, меня отвезли в поликлинику. Это было в пятницу. На следующий день мне вроде стало легче. Последний раз перед смертью я брата видела в субботу вечером. Мы поехали на дачу, а он остался в Минске. Может быть, если бы поехал с нами, остался бы жив. А так он поехал к другу. И больше я его живым не видела.

Еще... Когда позвонила в морг, меня спросили про одежду, то я сказала, что он был в рубашке. Там спросили: «С коротким рукавом, в тенниске?». Я ответила: «Нет, в рубашке». И только потом вспомнила, что он пришел, переоделся, и сразу мне плохо стало.

Он был среднего роста, нормальный, не худенький, не как эти мальчики и девочки пятнадцати-шестнадцати лет. Думаю, что его сбили с ног. И если бы даже

у него были силы выбраться из толпы, он никогда не стал бы идти по головам упавших. Наверное, на нем лежали. Я сначала боялась и в морг не пошла, туда пошли моя подруга с мужем. Когда мне сказали по телефону, что по нему много людей прошло, я боялась, что лицо будет помято или что... Но потом оказалось, что лицо у него не помятое, вот только на шее синяк какой-то. Наверное, кто-то все-таки наступил. А так все чистенько, нигде ничего, никакой травмы. Но когда забирали вещи из морга, куртка была вся в крови. Значит, на нем лежали люди. Так и получилось, что детей у него не было, а на кладбище по обе стороны от него — девочки, погибшие с ним вместе.

ВОДОПЬЯНОВА Матрена Арефьевна

Рассказывают сестры
Анна Арефьевна Петрович
и Зинаида Арефьевна Лупехо,
а также две подруги,
просившие не называть их имена

Сестры:

— В тот вечер Маше (мы ее звали Машей) надо было только перейти через переход. Она хотела выйти на проспект Машерова, чтобы сесть на 77-й автобус и поехать домой. Так Маша ездила домой из церкви. Она иногда ходила в церковь.

В то роковое воскресенье 30 мая она поехала в центр города покупать молоко (в нашем районе купить молока тогда было проблемой). Ехать можно на метро. Но она решила поехать автобусом.

То, что она оказалась в этом переходе в тот момент, было предначертано судьбой...

С утра 30 мая у Маши было хорошее настроение. Утром она побывала в церкви. Потом, в пять часов вечера, из Киева звонила наша сестра Надя (нас в семье шесть сестер, Маша была четвертой). Маша осталась очень довольна, что поговорила с сестрой. Все было хорошо. Потом она еще разговаривала с племянницей. Говорила племяннице, что ходила утром в церковь, а племянница ей сказала, что была в церкви вчера, 29 мая (день накануне Троицы считается днем поминовения умерших предков). Поговорив и с племянницей, Маша оставалась все такой же счастливой и довольной. Она рассказывала о том, что вместе со своей подругой взяла за городом небольшой участок земли, уже что-то посеяли там. Маша радовалась этому. Она ведь добрая, любила цветы, все живое.

У нее были плохие предчувствия. Я иногда рассказывала ей плохой сон, который мне приснился, а Маша говорила мне в ответ: «А мне вообще кошмары снятся». Но ничего не хотела рассказывать. Единственное, она рассказала, что ей снятся родственники, которые умерли молодыми, когда еще учились в школе. Маша видела во сне этих родственников, парня и девушку, и постоянно говорила, что они зовут и зовут ее к себе. Они в ее снах находились как будто в землянке. Они говорили ей: «Ваши дедушка с бабушкой жили в землянке». И этот парень (она, по-моему, называла его Васей) говорил: «Она не хочет идти к нам», а девушка звала: «Давай иди к нам!». И потом — раз! — и Маша оказалась там с ними.

Маша говорила, рассказывая этот сон: «Мы с ними шли такие довольные, шутили, улыбались, смеялись». Еще она никак не могла вспомнить, как именно оказалась там, с ними в землянке. Я тогда сказала ей:

«Маша, это очень плохо, когда тебя во сне зовут с собой покойники и ты даешь им руку», а она ответила: «Я руки им не дала, но все равно оказалась там, с ними». Маша не испугалась этого сна, она тогда просто не поняла его значения. Она только запомнила, что им там было хорошо, весело, они смеялись, а еще — что этот сон ей обычно снился на перемену погоды. Я ей не раз говорила, что этот сон очень плохой, но она оставалась при своем мнении.

Мне самой ровно за неделю до трагедии приснился странный сон. Мне во сне был нанесен удар с левой стороны. То ли молотком, то ли топором. Я чувствовала, что у меня образовалась огромная дыра в голове и стало всю заливать кровью. Я видела себя всю в крови и даже чувствовала запах крови (до сих пор чувствую этот запах крови на себе). Я схватила одно полотенце и начала вытираться им. Вытираюсь, вытираюсь, а потом взяла и другое полотенце. Проснулась в шоковом состоянии от этого кошмарного сна. Я тогда подумала: может, что-то случится с сыном. Он часто бывает в дороге, в том числе и за границей. Может, какая-то авария, а может, еще что-то... А сын в тот момент был в поездке и задержался больше чем на неделю. Я переживала всю неделю. Но сын вернулся в субботу, и я успокоилась. А в воскресенье 30 мая случилась эта трагедия.

В понедельник, 31 мая, я услышала, что передают об этой трагедии, и у меня на душе стало неспокойно. Затем мне вообще стало плохо, но тогда я подумала, что это я переживаю за тех людей, что там погибли, за этих несчастных, невинных детей. По телевизору показали списки и сказали, что погибло 54 человека.

По телевизору показывали, как плакали родители погибших детей, и я переживала за них. Я тогда не могла даже подумать, что эта беда не обошла и нас самих. А вечером приехал сын и сказал, что

тети нашей нет, она не ночевала дома. И все равно: не верилось, что с ней могло случиться такое. Мы ехали ее искать, и я думала, что, возможно, Маша где-то в больнице лежит без сознания, не может назвать своего имени, поэтому мы ее и не находим. Мы приехали домой, в Чижовку, и из дома стали обзванивать больницы. Потом нам позвонили и сказали, что она находится в 10-й клинической больнице. Но нам по телефону не сказали, в каком она состоянии и жива ли вообще.

Мы поехали с сыном в больницу. По дороге я постоянно думала: наверно, она жива, жива... В больнице нас встретил муж моей племянницы — как потом оказалось, ее тогда уже опознали...

Маша была в детстве очень бойкой, но, правда, много болела. После войны мы с сестрами остались без отца. Маша была очень слабенькой и худенькой. Мы жили в деревне, и нам приходилось работать: заготавливали траву для корма скота, пололи огород, и это несмотря на то, что мы были еще детьми (мы работали где-то лет с семи). Мы жили с 1947 года на Украине, старшие сестры переехали в Минск и все, что они зарабатывали, пересылали нам на Украину. А вслед за ними уехала и младшая сестра, Зинаида.

Маша всю свою жизнь трудилась. У нас в воспитании было заложено помогать близким родственникам. И так получилось, что Зинаида осталась на Украине последней, и как раз тогда «взорвался» Чернобыль. Эта трагедия коснулась и нас: мы жили в Иваньковском районе Киевской области, что всего в 32-х километрах от Чернобыля. После Чернобыля там стало жить опасно (дети были еще маленькими: Таня, дочь Зинаиды, ходила в четвертый класс), и мы постарались сделать все для того, чтобы Зина переехала жить в Минск. Но здесь жить ей было негде, и в Пуховичском районе мы купили сестре дом.

Маша, поскольку жила одна, после приезда младшей сестры старалась во всем помогать ей. Эту квартиру Маша оставила своей племяннице.

Маша старалась всем нести только добро. О себе она не думала вообще, а заботилась только о племяннице, сестре.

Подруги:

— Маша прожила тяжелую жизнь. Ей нужно было помогать матери и вообще — помогать тому, кому труднее. Когда она приехала в Минск, то устроилась работать на детскую обувную фабрику имени Тельмана, и на этой фабрике она проработала лет шестнадцать-семнадцать. (Потом фабрику переименовали, и она стала объединением «Луч».)

Мы с Машей вместе жили в одном общежитии на улице Короля. Познакомились в этом общежитии. В один из вечеров у нас решили организовать танцы, а я собралась идти на каток — я не любила сидеть дома. Чтобы на катке не стоять в очереди и не сдавать обувь, мы еще дома надевали коньки и шли на каток прямо так. Маша в тот вечер встретила меня на лестнице и сказала: «Останься, пожалуйста, в общежитии, ведь сегодня будут танцы». И я вернулась назад, и мы с Машей пошли на танцы. Вот так мы с ней и подружились. Ходили вместе гулять, делились секретами. У Маши в молодости было много друзей.

Мы часто ходили гулять в парк, ездили в тарасовский лес вблизи деревни Тарасово, собирали грибы и ягоды или просто отдыхали. Вместе работали, а в выходной день вместе ехали отдыхать в лес. В лесу проводили весь день (все, что нужно, брали с собой). Я однажды постелила фуфайку и только потом заметила, что под нею был боровик, а я ходила по лесу и искала грибы... Мы всегда были в компании, никто никогда не уединялся. Еще мы компанией выезжали отдыхать на озеро.

Однажды к нам приехала Ленинградская оперетта, и мы сразу решили, что надо сходить и посмотреть, достали билеты. А ходили мы также на концерт Эдиты Пьехи. У нас не было времени, чтобы ссориться, да и не было причин для ссор...

Сестры:

— Из нашей деревни, что на Украине, служил в Мачулищах парень, которого Маша очень сильно любила. В то время девушки были очень стеснительными. Маша подписала ему свою фотографию, но не отправила ее. Постеснялась. Была очень скромной. Только все у меня спрашивала, когда он приедет в отпуск, через год или через два. Родителей у него не было. Да и что вообще я могла о нем знать? У родственников его я ничего не спрашивала. Он тоже очень стеснительный (заикался), круглый сирота. Он уходил в армию, когда ему еще не было и восемнадцати. В армию шел его старший брат, и он попросился пойти с ним. И его взяли в армию. Когда он демобилизовался, то заезжал домой. Он как приехал — так и уехал, и они больше не встречались. Маша говорила мне: «Что же ты ты не попросила его остаться? Пусть бы остался на день-другой». А я ответила ей: «Я глядела на тебя, а ты ничего не говорила и делала вид, что тебе как будто безразлично». А теперь, с «колокольни» своих лет, я, конечно, сказала бы ему остаться. Они ведь были самостоятельные, и, конечно же, им нужно было решать все самим...

Подруги:

— Тогда были маленькие заработки, где-то рублей шестьдесят—семьдесят. Мы понимали: если создать семью, нужно будет платить за квартиру и жить на эти деньги. У нас сложилось неправильное отношение к жизни, теперь молодежь мыслит совсем не так, как мы. Мы думали так: живем в общежитии,

у нас такие маленькие заработки... Что-то купить из одежды было вообще проблемой. Зимой нужно надевать сапоги, а денег не хватало, чтобы купить сапоги, и нам даже зимой приходилось ходить в туфлях. А как выходить замуж? Ведь пришлось бы пойти на квартиру, а потом бы появился ребенок. И что делать потом? Вот так мы думали, думали — и не вышли замуж. И красивые, и хорошие, а остались одни.

Маша тоже не вышла замуж. Парень из деревни долгое время нравился ей. Были у нее, конечно, и другие ребята, но среди них не было человека, который пришелся бы ей по душе, за которого Маша хотела бы выйти замуж. А когда она стала постарше, то ей попадались недостойные. То, бывало, парень приходил выпивший — а Маша этого не терпела. Раз он пришел выпивший, то она больше не шла на свидание с ним.

Маша уехала из дому после окончания седьмого класса и уже в Минске заканчивала вечернюю школу. Мы жили тогда тяжело. В первую смену ходили в вечернюю школу, а потом на работу и работали до часа ночи, а пока закрывали цех, то было и два часа ночи. И естественно, что в выходные дни не хотелось никуда идти, хотелось просто отдохнуть. А потом где-то в 1968 году сделали семичасовой рабочий день, потом дали и два выходных, и уже стало полегче. У нас стало побольше свободного времени. Но когда мы приходили на танцы, то видели, что там — одна молодежь. Наше время было упущено...

Маша работала, но также и отдыхать любила. Брала путевки и ездила отдыхать. Это сейчас за все надо платить. Мы жили в «золотое время», но сами мы этого не поняли, а нам никто не сказал. Это было в последние годы перед началом перестройки, в 70—80-е годы. Тогда уже можно было купить и одежду, и обувь, поехать отдохнуть. В каждый отпуск мы

обязательно ездили куда-нибудь отдыхать. Мы ездили в дома отдыха, на Минское море, в Ждановичи, в Прибалтику.

В наше время функционировали клубы, молодежи было куда пойти, а теперь молодежь собирается в подвалах, подъездах домов или вообще бродит по улицам. Раньше молодежи было интересно жить. А теперь ведь везде очень дорогие билеты. Сходить в оперный театр, на концерт какого-нибудь артиста стоит очень дорого...

Никто не виноват в том, что случилась эта трагедия...

Виновников трагедии теперь не найдешь. Если кто-то и виноват, то у этого человека должна почернеть душа. Душа должна быть такой же черной, какой была Маша после трагедии.

Я считаю, трагедия произошла из-за того, что это веселье было организовано в таком месте. Праздник организован в центре города, с доступными даже молодежи спиртными напитками. Пиво ведь там раздавали бесплатно. Да к тому же праздник проводился в тот момент, когда в церкви шла служба.

У нас раньше все праздники, гулянья проводились за городом: на Комсомольском озере. Раньше ведь не было такого, чтобы устраивались массовые праздники с выпивкой. Я считаю, что кто-то из молодежи мог находиться и под воздействием наркотиков.

Такая дикость! Одни люди падали на ступеньки, а другие не могли остановить это падение. Как так могло случиться? Люди превратились в толпу. Как они не понимали, что те, кто лежит внизу, уже задавлены? Что, нельзя было все это остановить?! Я не понимаю, как там погибли не только женщины, но и мужчины. Я не могу понять, как люди не остановились, когда кто-то упал, ведь там стоял страшный стон, который был слышен не только в переходе.

Ведь когда люди умирали, там стоял душераздирающий крик. Люди говорили, что этот ужасный крик был слышен даже у «Макдональдса».

Сестры:

— Как же люди не остановились? Я раньше держала корову. Когда ее только купили, я с ведром картошки к ней захожу, а она меня сбивает, резко так разворачивается в обратную сторону. Я падаю, подо мной ведро картошки, и корова мне ногой — на позвоночник... Но она не наступила! Она дотронулась ногой — и назад! Но это же животное! И то не стало человека топтать. Если бы она стала на меня, мне был бы конец. Это же сила какая! И она назад отступила. А это же были люди...

Моей дочке дня за три, как погибла Маша, снился сон. В этом сне она видела переход в метро. Она хотела туда идти, но там стояла милиция и не пропускала. А она все равно хотела пройти в переход. И тут один милиционер схватил ее и сказал: «Ты куда? Ты разве не видишь, что там вода?». И они вернули ее из перехода наверх. Еще они сказали: «Тебе сюда нельзя».

Если бы никто не упал... Из-за дождя в переходе были очень скользкие ступеньки. Кто-то один упал, и все началось...

Когда я искала Машу, то обратилась в горисполком, и там мне сказали, что Водопьяновой у них, в списках людей, что лежат в больнице, — нет. И сказали ехать искать Машу в 10-й больнице. Предупредили меня о том, что, может быть, надо будет ехать на опознание. И что в списках погибших значится 54 человека.

Наша семья благодарна властям, что в беде нас не бросили, помогли похоронить сестру. Нам в те дни часто звонили из горисполкома и спрашивали, не нужно ли чем-нибудь помочь.

Подруги:

— Станция «Немига» — очень мрачное место, а особенно после произошедшей трагедии. Оно мрачное даже по своей истории. На Немиге погибло очень много людей.

Люди предлагали построить там капличку — в память о трагедии. Это нужно сделать, и не только в память о трагедии: ведь на этом месте должна была быть церковь. Там же заложен камень. И возле этого камня и стояла сцена...

Я считаю, что на месте трагедии нужно построить хотя бы какую-то часовенку. Чтобы можно было прийти туда и поставить свечку.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ ЭТОЙ КНИГИ 5
ВЕЧНЫЕ ТЕНИ НЕМИГИ 9
ХРОНИКА 31
«ЭТО БЫЛО НЕЧТО УЖАСНОЕ...» 62
«МЫ ВЫПОЛНЯЛИ СВОЙ ДОЛГ...» 160
53 ЖИЗНИ. ОДНА СМЕРТЬ... 184
Плакса Ольга 184
Филиппова Елена 194
Гаганова Ольга 200
Конашенок Марина .212
Шевелёва Ирина 214
Инькова Мария 224
Янцова Лена 239
Кулак Андрей 256
Новаковская Алевтина 263
Никитенко Ольга
Белицкая Ксения 275
Рак Елена 292
Насонова Елена 293
Ткачева Елена 307
Тимошкова Ольга 320
Мядель Павел 331

Корнеенкова Анастасия 337
Чикунов Сергей 347
Арех Виктория 353
Жевжик Ольга 356
Вишневская Алена 363
Савко Анастасия 378
Карпеко Жанна 388
Шилова Анна 398
Мороз Татьяна 413
Бибило Марина 418
Бельская Анастасия .430
Жолобова Юлия 440
Кострицкий Александр
Коваленок Александр 442
Бобрикова Ольга 460
Поджарая Мария 472
Бурец Андрей 477
Хитрун Лилиана 482
Саладкевич Сергей 489
Корзун Дмитрий 495
Орел Ольга 504
Кашицкая Татьяна 511
Бречко Анна 525
Шайко Александр 535
Пальвинская Ольга 539
Романовская Татьяна 546
Шкурдзе Людмила
Лобан Светлана 551
Колковская Анна 556
Говен Владимир 559

Мельникова Алла 568
Рябоконь Геннадий 575
Зеленкевич Игорь 583
Зуевская Марина Станиславовна
Русакович Инесса Станиславовна 588
Кислов Василий Филиппович 589
Водопьянова Матрена Арефьевна 595

Научно-популярное издание

ТРАГЕДИЯ НА НЕМИГЕ

Авторы литературного проекта:
П. В. Степаненко,
Т. И. Ревяко

Ответственный за выпуск *П. В. Степаненко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.04.2000
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 32,2.
Тираж 1000 экз. Заказ 584

Издатель GUDU RAŠTIJOS DRAUGIJA
Литва, Вильнюс
Отпечатано в ООО «Типография ПОЛИМАГ»
127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, 107

Белицкая Ксения
Бельская Анастасия
Бибило Марина
Бобрикова Ольга
Бречко Анна
Бурец Андрей
Вишневская Алена
Водопьянова Матрена
Гаганова Ольга
Говен Владимир
Жевжик Ольга
Жолобова Юлия
Зеленкевич Игорь
Зуевская Марина
Инькова Мария
Карпеко Жанна
Кашицкая Татьяна
Кислов Василий
Коваленок Александр
Колковская Анна
Конашенок Марина
Корзун Дмитрий
Корнеенкова Анастасия
Кострицкий Александр
Кулак Андрей
Лобан Светлана
Мельникова Алла
Мороз Татьяна
Мядель Павел
Насонова Елена
Никитенко Ольга
Новаковская Алевтина
Орел Ольга
Пальвинская Ольга
Плакса Ольга
Поджарая Марина
Рак Елена
Романовская Татьяна
Русакович Инесса
Рябоконь Геннадий
Савко Анастасия
Саладкевич Сергей
Тимошкова Ольга
Ткачева Елена
Филиппова Елена
Хитрун Лилиана
Чикунов Сергей
Шайко Александр
Шевелева Ирина
Шилова Анна
Шкурдзе Людмила
Янпова Елена

